

**ТОМ
IX**

**В. А. ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

**ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФЛОРИАНОВА
ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

ДОНЪ КИШОТЬ ЛА МАНХСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ СЕРВАН-
ТЕРА ПЕДРА КОРТЕСА
ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
ФЛОРІАНОМЪ ПЕРЕВОДЧИКОМЪ
В. ЖУКОВСКИМЪ

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Издание второе.

МОСКВА
Синтетической Типографии
1815.

В А XVII.
подвиговъ рыцаря
на постолюмъ
воръ.
отъ, пришедши
себя, началъ го-
лымъ голосомъ :
нко, спишь ли
ы, дн

... всего свѣша
... шипъ челоуѣка! —
... мнѣвайся, мой сынъ;
... кошорой мы заѣхали,
... шочно очарованъ! я
... но послушай, хочу св
... бѣ важную шайну; с
... клянись, что не оп
... до самой смерти моей
... Серлацу моему
... что ты в
... клянву! могу
... житься, другъ
... чего вы боише
... усь, что ни ко
... ерши вашей не о
... мнѣ скажете!
... инѣ дождапсь
... нь, за что я
... ерши? чл
... Ошибаете
... смерти!
... пайнъ х
... ось, чл
... Не с

... немъ,
... преспуни-
... в, возвращаясь въ
... ринду, нарочно зашушилъ
... почникъ у ворошь. Блюспишель
... общественаго устройства при-
... нужденъ былъ вынуть изъ печки
... уголь, раздувалъ его болѣе часа,
... и кое-какъ засвѣшилъ наконецъ
... лампаду.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

**ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФЛОРИАНОВА
ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

**ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФЛОРИАНОВА
ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2012

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 120416046

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилиякова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 9. Дон Кишот Ламанхский. Сочинение Серванта. Переведено с Флорианова французского перевода В. Жуковским / Ред. И. А. Айзикова. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 536 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0613-7

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Том 9 содержит перевод романа М. де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», сделанный В. А. Жуковским в 1803—1806 гг. с французского перевода Ж. К. П. Флориана.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

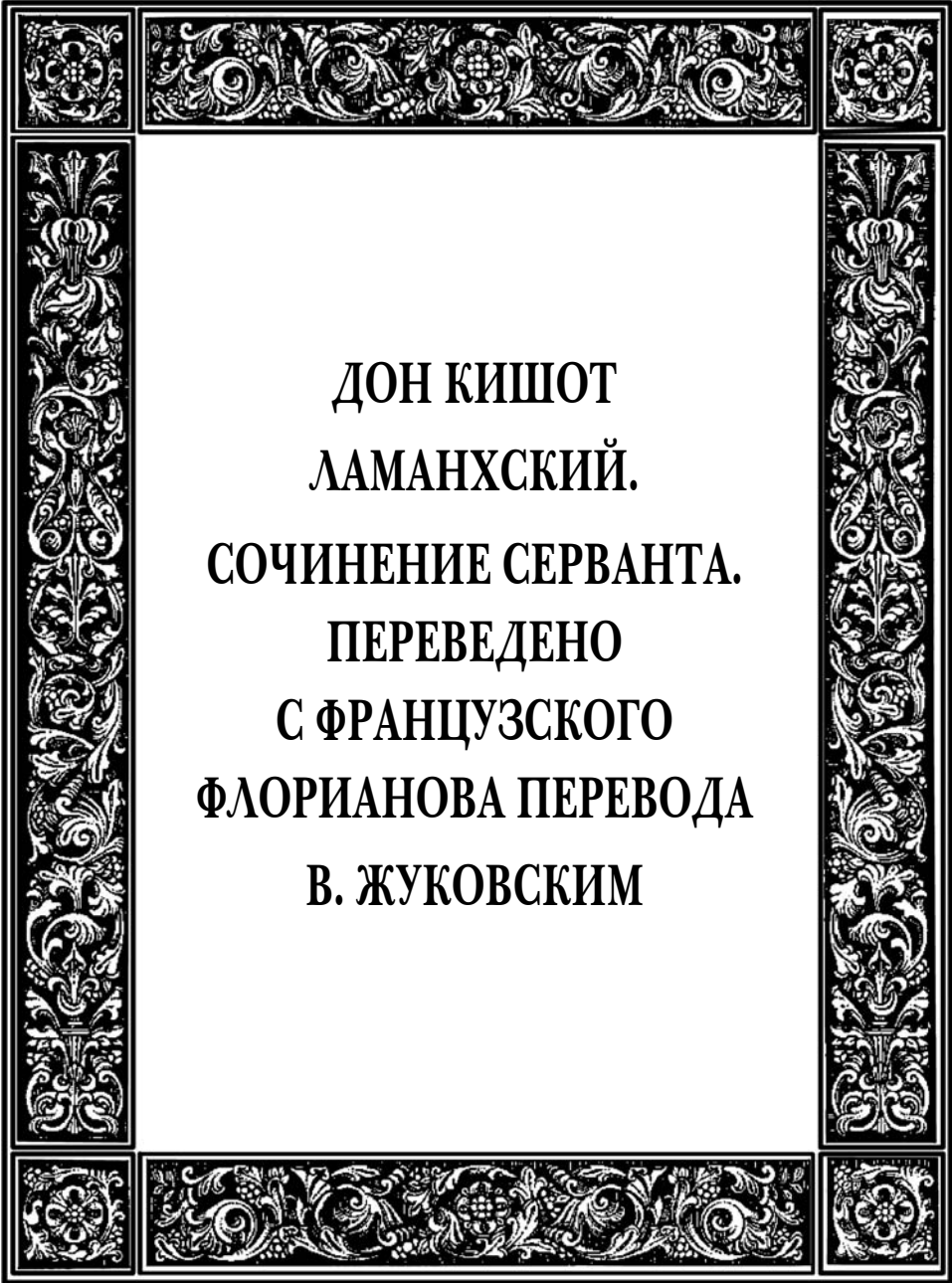
На фронтиспise:
В. А. Жуковский. Копия А. А. Воейковой
с миниатюры работы К. Зенфа (?). 1820 г. Орел

ISBN 978-5-9551-0613-7

© И. А. Айзикова. Редакция тома 9, 2012
© В. Е. Багно. Статья, 2012
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО
С ФРАНЦУЗСКОГО
ФЛОРИАНОВА ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ

ДОНЪ КИШОТЬ
Д.А. МАНХСКІЙ.

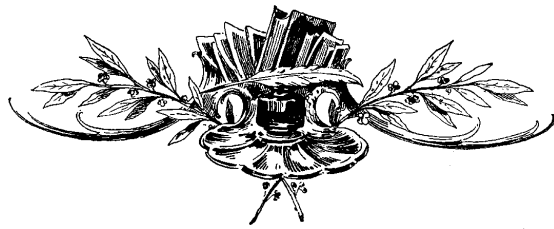
Сочиненіе Серванша...

Переведено съ Флоріанова Французскаго Перевода

В. Жуковскій в.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи.
1815.

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Я строго судил французский перевод «Дон Кихота» в «Сервантовой жизни», напечатанный при начале «Галатеи»²; тогда я не думал переводить его, теперь перевел и больше не имею права говорить о старом переводе. Он существует, и что бы ни сказала публика о моем, «Дон Кихот», на нашем и на всяком языке, стоит не одного переводчика.*

*Труд мой имеет свою особенную цель: раскрытие истины, редким известной. Все читают «Дон Кихота» как роман забавный и приятный; не все находят в нем сию натуральную философию, которая смеется над предрассудками, свято храня чистоту морали. Все, что герой говорит не о рыцарстве, как будто внушено мудростию и дышит любовью к добродетели; самое безумство его есть, в испорченном смысле, сия же любовь к добродетели. Дон Кихот — сумасшедший делами, мудрец мыслями. Он добр; его любят; смеются ему и всюду охотно за ним следуют. Знают, что он сумасшедший, и с удовольствием слушают его размышления. Сервант, может быть, единственный человек³, который умел согласить такие противности, который нашел средство, в продолжении нескольких томов, занимать читателя бреднями сумасшедшего, смешного и любезного, жалкого безумством и удивительного умом**.*

Знаю, что некоторые люди со вкусом не любят «Дон Кихота». Я не хочу с ними спорить, скажу, однако ж, что книга, столько раз переведенная на все языки Европы, и всегда с одинаким успехом, должна иметь в себе особенное достоинство. Напомню сим строгим судьям, что Сервант писал в шестом-на-десять веке, в то время, когда схоластический дух еще царствовал, когда самые просвещенные нации не читали ничего, кроме нелепых рыцарских романов, когда французы еще не имели своей «Астреи»⁴. Сообразя все это, мы должны удивиться человеку, нашедшему в своем воображении оригинальный характер Санхи, с интересными эпизодами Доротеи, пленника и трогательного Карденио, с которого Ричардсон списал свою Клемантину⁵. Мы должны удивиться писателю, который, наполнив книгу свою разнообразными характерами, никогда не отступает от природы, тро-

* Мы переведем ее для удовольствия читателя. П. (прим. В. А. Жуковского, букву «П.», по-видимому, следует читать как сокращение слова «Переводчик». — Ред.).

** «Из книг, читанных мною в жизни, больше всякой желал бы сочинить “Дон Кихота”». С. Евремон, письмо к Марешалю де Креки.

гает нас, когда хочет, умеет говорить о добродетели языком, ее достойным, и смешит нас, не оскорбляя робкой стыдливостью.

Перестану хвалить: хвала переводчика подозрительна; прибавлю, есть недостатки в Серванте: некоторые шутки часто повторяются, иные слишком растянуты; есть неприятные картины. Сервант не везде имел очищенный вкус, он платил дань своему веку! Сверх того всякая нация имеет свой особенный вкус. Я точно уверен, что Сервант написал первую часть «Дон Кишота» одним приемом и даже не трудился перечитывать черных листов⁶; многие несообразности служат нам доказательством. Я осмелился переменить иное; ослабил некоторые слишком сильные выражения; переделал многие стихи; выбросил повторения; наконец быстротою слога заменил красоты, которых не мог найти в своем языке. Так переведены «Грандиссон»⁷ и «Клафрисса», их слава от того не уменьшилась. Люди, не слишком строгие, которые не лишают переводчиков смысла и вкуса, могут поверить моей любви к Серванту, что я выбросил из него только то, что не могло быть его достойно в переводе.*

Знатки в испанском языке не будут винить меня за то, что я осмелился сократить эту книгу, превосходную, несравненно приятную, в своем роде единственную. Они столько же знают, как и я, что мне иначе поступить было не можно. Красота одного языка нередко исчезает в другом. Что ж делать в таком случае переводчику? Пропускать или писать свое.

Не надеюсь однако получить совершенного разрешения от читателя. Признаюсь ему откровенно, что в переводе моем и самое лучшее несравненно хуже, нежели в оригинале. Одну из главных красот сего оригинала составляет приятность, разнообразие слога. Сервант, заставляя говорить Дон Кишота, нередко возвышает свой тон, становится ритором. В разговорах Санхи — всегда комическая простота и колкость. Совсем другой язык для пастухов, натуральный, веселый и всегда приятный. Слог историка чист, легок, в иных местах несколько пышен, но везде гладок и непринужден. Остается желать мне, чтобы все это нашли в моем переводе.

Флорин

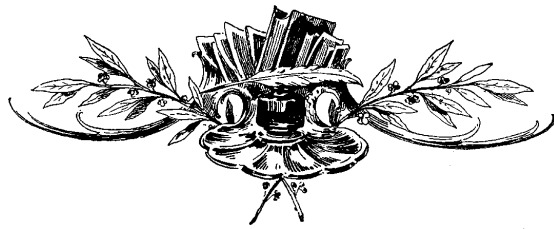
И мне то же.

Переводчик Флоринянов

* В V главе управительница говорит священнику, что господин ее пять дней в отлучке, а он уехал накануне. Санхо сначала совсем не говорит пословиц. В XIII главе Гинес Пассамон крадет Санхина осла, через страницу Санхо едет на осла за своим господином. Время, эпохи почти нигде не соблюдены. Я мог бы еще многое заметить, но все сии ошибки уже замечены испанским критиком «Дон Кишота». Я некоторые поправил в своем переводе (прим. Флоринана, переведенное Жуковским. — *Ред.*).

**ЖИЗНЬ
И
СОЧИНЕНИЯ
СЕРВАНТА**

ЖИЗНЬ СЕРВАНТА

*Михайла Сервант Сааведра*⁸, которого сочинения прославили Испанию, исправили его современников и смешат Европу, жил в бедности, был несчастлив и умер, забытый всеми. Недавно узнали настоящее место его рождения: Севилла, Мадрит, Люцена, Алкала спорили о сей чести. Сервант, подобно Гомеру, Камюенсу и другим великим людям, нашел отечество после смерти, а в жизни лишен был необходимого.

Испанская академия, под руководством своего монарха, воздвигла Серванту памятник, которого давно благодарность ожидала от Испании, напечатала превосходно *«Дон Кишота»*. Кажется, хотела она сею типографическою пышностию заплатить автору за несправедливость нации. В этом новом издании *«Дон Кишота»* помещена *«Жизнь Сервантова»*, сочиненная одним из первых академиков и почерпнутая в верных источниках. Буду следовать сему сочинителю в том, что принадлежит до происшествий; но позволю себе говорить о сочинениях Серванта согласно с своими чувствами⁹.

Сервант — природный дворянин; отец его назывался Родригом Сервантом, а мать Леонорою де Кортинас. Он родился в Алкале де Генарес, что в новой Кастилии, октября 9-го 1547 года¹⁰, при Карле Пятом.

Он любил книги с ребячества¹¹, учился в Мадрите у одного славного профессора¹² и превзошел всех учеников его, своих товарищей. Любимейшими науками тогдашнего времени были теология и латинский язык. Родители Сервантовы хотели сделать его духовным или медиком — два состояния, выгодные в Испании; но он также, как и многие славные поэты, писал стихи вопреки своим родителям.

«Элегия на смерть королевы Изабеллы Валуа»¹³, несколько сонетов, небольшая поэма *«Филен»*: вот первые опыты Серванта — они были неудачны. Молодой автор обиделся, оставил Испанию и переехал в Рим, где крайность принудила его служить камердинером кардиналу Аквавиве¹⁴.

Скоро сия низкая должность опротивела Серванту; он записался в военную службу и отличился на славной Лепантской баталии, выигранной в 1571 году Жуаном Австрийским; рана, им полученная, лишила

его левой руки; Мессинский гошпиталь был награждением неустрашимому Серванту.

Вышед из госпиталя, он предпочел звание безрукого солдата званию презренного поэта, записался в Неаполитанский гарнизон и пробыл три года в Неаполе. При переезде своем в Испанию попался он арнауту Мами¹⁵, ужаснейшему из корсаров, и был отведен в Алжир.

Фортуна, которая так страшно гнала несчастного Серванта, не утомила его мужества. Будучи невольником неумолимого человека и зная, что умрет в мучениях, если покусится возвратить свободу, Сервант думал о бегстве и склонил на свою сторону четырнадцать испанцев, своих товарищей. Согласились выкупить одного из числа их, который бы возвратился в свое отечество, приехал опять назад и ночью, тайно приблизясь к берегу, увез остальных — выдумка смелая и сопряженная с величайшими опасностями. Сперва надобно было скопить сумму для выкупа одного пленника, после того всем уйти в одно время от своих господ и пробывать вместе скрытно до возвращения барки.

Столько трудностей казались неодолимыми: любовь к свободе преодолела их. Испанский невольник, родом из Наварры, который работал в приморском саду одного алжирца, взялся вырыть в самом глухом месте подземелье, в котором бы могли поместиться пятнадцать испанцев. Два года продолжалась сия работа. Между тем кое-как собрали деньги для выкупа одного невольника, уроженца Майорки, Виана, в котором были уверены и который хорошо знал берега Варварии¹⁶. Приготовивши подземелье, целые шесть месяцев перебирались в него; потом отдали деньги Виану; он себя выкупил и уехал, поклявшись возвратиться как можно скорее.

Сервант был душою сего предприятия; он всякую ночь ходил в город за припасами для своих товарищей. С утром являлся он в подземелье и приносил провизию на целый день. Садовник, которому не было нужды скрываться, не спускал глаз с моря и дожидался галеры.

Виан сдержал слово. Приехавши в Майорку, является он к вице-рою¹⁷, рассказывает ему все и требует помощи. Вицерой дает Виану бригантин: Виан, с надеждою в сердце, летит избавить друзей своих.

Он приезжает к берегам Алжира 28-го сентября того же 1571 года, через месяц после своего отъезда. Хорошо заметив место, он узнает его в темноте ночи и плывет прямо к саду, в котором ждали его с таким нетерпением. Садовник, стоявший на часах, видит Виана и бежит обрадовать своих товарищей; при сем известии все их несчастья забыты, они обнимаются, спешат выйти из подземелья, бросаются на берег, плачут от радости, увидя барку своего избавителя; но, ах! В ту самую минуту, как она приставала к берегу, проходят несколько мавров, узнают хри-

стиан, кричат: «*К ружью!*» Виан спешит отчалить, удаляется, исчезает, и несчастные невольники, с отчаянием в сердце, опять скрываются в подземелье.

Сервант их ободрил, обнадежил возвращением Виана — Виан уже не возвращался. Горесть, сырость их тесного и нездорового жилища причинили многим ужасные болезни. Сервант был не в силах кормить одних, лечить других и утешать всех.

Он выбрал себе помощника и посылал его вместо себя за припасами. Сей человек был предатель. Он сделался мусульманином, явился алжирскому дейо¹⁸, открыл ему все и сам привел к подземелью отряд мавров, которые наложили цепи на бедных испанцев.

Их привели к дейо. «Кто был зачинщиком заговора? — спросил он у испанцев. — Откройте истину и получите прощение!» — «Прости их, — закричал Сервант, — я виновный, меня умертви!» Дейо удивился такой смелости, простил Серванта вместе с другими и возвратил его арнауту Мами, который не захотел умертвить сего неустрашимого человека. Несчастный садовник, уроженец наваррский, вырванный из подземелья, был повешен за одну ногу и удушен кровию.

Сервант, обманутый счастьем, другом, опять заключенный в оковы, думал об одной свободе, четыре раза покушался спастись, был пойман и едва не посажен на кол. В последний раз хотел он возмутить всех пленных, напасть на Алжир и овладеть им. Заговор открылся, но Сервант опять избежал казни. Настоящее мужество трогает самых варваров.

Вероятно, что Сервант понимает самого себя, когда в истории *пленника*, одном из интереснейших эпизодов «*Дон Кишота*», говорит: «*Свирепый Азан*, алжирский дей, был милостив к одному только испанскому солдату Сааведре, который нередко подвергал себя жесточайшим наказаниям и ужасал неверных своею смелостию».

Между тем алжирский дей захотел иметь своим невольником сего страшного человека; он купил Серванта у арнаута Мами и велел смотреть за ним неусыпно. Через несколько времени, будучи принужден ехать в Константинополь, он потребовал из Испании выкупа своему пленнику. Сервантова мать, бедная вдова, продала все, что имела, собрала триста червонцев и поехала в Мадрит, чтобы отдать их троичким монахам¹⁹, которые выкупали пленников.

Но этой суммы, в которой заключалось все имение бедной вдовы, было не довольно: дей Азан²⁰ требовал пяти сот золотых ефимков²¹. Монахи, сжалясь, дали свои деньги, и Сервант получил свободу 19-го сентября 1580 года²², после пятилетнего заточения.

Возвратясь в Испанию²³, разлюбивши военную службу, Сервант решил посвятить себя литературе и перешел в дом своей матери, с при-

ятною надеждою кормить ее своими трудами. Ему было тогда тридцать три года; он явился на сцену с первыми шестью книгами «Галатеи», которой, однако, не кончил²⁴. Этот роман приняли хорошо. В тот же год Сервант женился на Катерине де Паласиос²⁵, бедной дворянке: сей брак не обогатил его. Чтобы себя поддержать, Сервант начал писать комедии²⁶, которые, уверяет он, были играны с успехом. Но скоро, покинувши театр, уехал он в Севиллу, где определился в должность; там сочинил он те из своих новостей²⁷, в которых так хорошо изображаются пороки сего многолюдного города.

Сервант имел пятьдесят лет тогда, когда понадобилось ему съездить в Ламанху²⁸. Жители деревеньки Аргимазиллы²⁹ с ним поссорились, посадили его в тюрьму и долго в ней продержали. Так-то начал он «*Дон Кишота*» и, в отмщение своим оскорбителям, назвал Ламанху отечеством героя: однако во всем романе своем ни разу не упомянул об имени деревни, в которой так худо с ним поступили³⁰.

Сперва он выдал одну первую часть «*Дон Кишота*»³¹; ее приняли худо. Сервант знал людей: он сочинил книжку, под названием «*Змейка*»³². Это небольшое сочинение, которого не найдешь теперь и в Испании, думать надобно, заключало в себе критику на «*Дон Кишота*» и насмешку над теми, которые старались обругать его. Эта безделка разошлась по рукам, и «*Дон Кишот*» приобрел чрез нее славу, которой сам по себе достоин.

Тогда все неприятели вкуса вооружились против Серванта: критики, сатиры, пасквилы посыпались градом. Сервант, более несчастный успехом своим, нежели неудачею, не смел несколько лет показаться на сцену. Его молчание увеличило его бедность, не успокоив завистников. Но к счастью, граф Лемос³³ и кардинал Толедский³⁴ помогли ему. Сие покровительство продолжалось до самой смерти Сервантовой, хотя не отвечало ни достоинству покровительствуемого, ни богатству покровителей.

Сервант, желая доказать свою благодарность графу Лемосу, посвятил ему свои *новости*, которые показались в публику через восемь лет, по напечатании первой части «*Дон Кишота*». На другой год явилось его «*Путешествие на Парнасс*»³⁵. Все сии сочинения не принесли ему почти никакой прибыли, а вспоможения графа Лемоса были так слабы, что Сервант принужден был продать восемь комедий, которых актеры принять не хотели³⁶.

Казалось, ему определено было вытерпеть все несчастья и оскорбления. В тот же самый год один арагонец, который назвался Авелланедою, написал продолжение «*Дон Кишота*», несносную, прескучную бессмыслицу, в которой беспрестанно бранил Серванта, тем самым заста-

вил читать себя. Сервант ему отвечал так, как надобно отвечать на все сатиры: сочинил вторую часть *«Дон Квишота»* лучше первой. Все отдавали ему справедливость, и все, однако, радовались, что недостойный, презрительный соперник оскорблял человека достойного и почтенного; пока Сервант был жив, читали Авелланеду; он умер, и враг его исчез.

Последняя часть *«Дон Квишота»* была последним сочинением Серванта, напечатанным при его жизни³⁷. Он еще трудился над романом *«Персил и Сижисмонда»*³⁸, как вдруг занемог водяною болезнью³⁹, от которой и умер. Чувствуя близкий конец свой и боясь умереть, не кончив своей книги, он удвоил болезнь свою излишним напряжением сил⁴⁰. На одре смерти, подле открытого гроба, он был спокоен и весел; мужество и философия ни на минуту его не оставляли — ни в горести, ни в болезни. За четыре дни до смерти он велел подать себе свой роман *«Персил»* и ослабевшею рукою написал посвянительное письмо к графу Лемосу, который только что возвратился из Италии. Это письмо достойно быть помещено в *«Жизни Сервантовой»*.

Вот оно:

Дон Педру Фернандесу де Кастро, графу Лемосу.

Есть старинный испанский романс, которой здесь очень кстати; он начинается так:

*Уже за мною смерть пришла,
Но я к вам напишу два слова!*

Я точно в таком положении. Мне вчера дали отпускную. Смерть меня дожидается. Весьма сожалею, что не могу сказать вам, как ваше возвращение в Испанию меня радует. Сия радость могла бы меня спасти, но воля Вышнего да будет! По крайней мере, вы будете знать, что до гроба чувствовал ваши милости. Жалею только о том, что не успел кончить некоторых моих сочинений, которые хотел посвятить вам, например: *«Великого Бернара»*, *«Прогулок в саду»* и последних книг *«Галатеи»*, которую, знаю, что вы любите; но для сего нужно чудо Всемогущего; прошу Его, да сохранит вас, а мне умирать время.

Мадрит, 19 апреля 1616.

Михайла Сервант.

Он умер 23-го того ж месяца, шестидесяти осьми лет с половиною. В тот же день Шекспир умер в Стратфорде, что в Варвикском графстве.

Человек, который в Алжире поступал, как видели, который сочинил «*Дон Кихота*» и, умирая, написал такое письмо, был человек необыкновенный.

СОЧИНЕНИЯ СЕРВАНТА

То, что Сервант писал прежде в стихах, не многим известно и не стоит внимания. В сонетах его и элегиях слишком чувствителен вкус тогдашнего времени. «*Дон Кишот*» почитается лучшим его произведением.

Ум, острота и веселость, которые находим в «*Дон Кишоте*», верность портретов, чистый и натуральный слог сделали сей роман бессмертным. Знаю, что не все французы читают его с одинаким удовольствием — причина тому один весьма посредственный перевод на языке нашем⁴¹, в котором потеряна вся красота подлинника. Мне кажется, переводчик почитал «*Дон Кишота*» обыкновенным романом, который только что *забавен*. Он переводил каждое испанское слово французским, первым попадавшимся ему в лексиконе, без выбора и сравнения: конечно, забыл он, что в роде *комическом* никакое слово не имеет синонима, что только *одно* хорошо, а все *другие* негодны.

Читая стихи в переводе, подумаешь, что они в оригинале смешны и дурны: вместо того почти все приятны, хотя немного натянуты; но Сервант писал для своей нации, которой вкус не сходен с нашим. Переводчик, писавший для нас, должен был, сохраняя мысли автора, ослаблять некоторые выражения, иное смягчать, и пуще всего, писать плавным и чистым языком. Он, кажется, думал больше о верности; но рабская верность есть порок. В «*Дон Кишоте*» встречаются излишки, черты худого вкуса — для чего их не выбросить? Кто это назовет неверностию? Когда переводишь роман и тому подобное, то самый приятный перевод, есть, конечно, и самый верный.

Несмотря на сии легкие недостатки, эта книга так хороша сама по себе, приложения в ней так забавны, эпизоды так интересны, что редкий не знает ее и по несколько раз не перечитывает! На картинах, обоях, эстампах, сервизах видим *Дон Кишота*; всякий ребенок смеется, узнавши *Санхо Пансу*.

Сервантовы новости гораздо хуже «*Дон Кишота*»; их числом двенадцать, и четыре только достойны Серванта: «*Безумное любопытство*», повесть, помещенная в «*Дон Кишоте*»⁴²; «*Ренконет и Кортадилла*»⁴³,

смешная, но справедливая картина севильских плутов; *«Сила крови»*, лучшая из всех новостей, и *«Разговор двух собак»*, острая и прекрасная критика, наполненная философией и тонкими шутками: в ней изображены нравы испанцев, со всею приятностию и умом Серванта. Есть французский перевод двенадцати *новостей*⁴⁴, но их должно читать в оригинале.

«Путешествие на Парнасс» писано стихами и разделено на главы. Сервант воображает, что Аполлон, боясь нападения глупых поэтов, которых собрались легионы, велит Меркурию лететь в Испанию, скликать своих любимцев и просить их вступить за Парнасс. Меркурий приходит к Серванту и показывает ему роспись друзей и противников Аполлоновых. Нетрудно вообразить, как удачно может воспользоваться такою выдумкою человек умный и рассерженный глупцами. Впрочем, это сочинение для нас не может быть интересно; я не слышал, чтобы оно и комедии Сервантовы переведены были на французский язык⁴⁵.

Он выдал восемь комедий, хотя в прологе своем говорит, что сочинил их двадцать или тридцать: это покажется странным для тех, которые знают, как трудно писать комедии. Как бы то ни было, прочитавши все, которые нам остались, нельзя пожалеть о пропавших. Для меня все несносны; ни завязки, ни интересу, ни действия: кое-где остроумие, везде невероятности — таковы все! Приведем в пример одну, которая называется *«Счастливым Рюфьен»*⁴⁶. Ее герой, великий севильский плут в первом акте, является во втором якобинцем в Мексике. Он чудо святости, пример своих братий, часто дерется на сцене с чертом и всегда побеждает его. Отец Крукс (имя героя), приведенный к смертному одру одной женщины, которой жизнь была крайне беспорядочна, уговаривает ее исповедаться; больная не соглашается, не надеясь прощения. Отец Крукс, который хочет спасти гибнущую душу, советует ей променять грехи свои на его добродетели; соглашаются, подписывают условие, больная кается, ангелы прилетают принять ее душу, черти сбегаются тормозить якобинца, которого тело покрывается страшными струпами. В третьем акте он умирает и творит чудеса — вот лучшая комедия Сервантова.

Сервант написал еще восемь маленьких театральных пьес, которые в Испании называются *Entremeses*⁴⁷; они лучше его больших комедий, натуральны, смешны, иные слишком вольны, две прекрасны: первая, *«Саламанский погреб»*⁴⁸, из которой взята наша комическая опера *«Солдат-волшебник»*⁴⁹; другая, *«Чудная картина»*⁵⁰, подавшая мысль Пиррону сочинить оперу в водевилях *«Ложное чудо»*⁵¹, которая не стоит Сервантовой пьески.

«*Персил и Сижисмонда*», роман, два раза неудачно переведенный на французский язык⁵², есть сплетение невероятных приключений, загроможденных эпизодами. Кажется, что Сервант хотел подражать старинным греческим романам, которым удивлялись прежде, которые читают и нынче; но, при всей пылкости своего воображения, которое, может быть, нигде так не блистало, как в «*Персиле*», Сервант не мог сделать героев своих интересными; их путешествия без цели, опасности невероятные, вечная смесь набожности с любовью мешают сей книге иметь славу «*Дон Кихота*». Со всем тем приятность слога, многие картины, списанные с природы, и прекрасный эпизод *Руперта* делают ее бесценною.

Остается мне говорить о «*Галатее*», первом сочинении Серванта.

Он написал ее в то время, когда любовь и героизм были главною страстию испанцев и содержанием их книг. Монтемайор, славный поэт, выдал роман «*Диану*»⁵³, который переведен и на французский язык⁵⁴. Чистота слога, остроумие, нежность, чувствительность, поэзия, часто пленительная и милая простота, которою больше всего отличается эпизод *мавра Абиндаффеса*, заменяют в глазах знатоков невероятность приключений, волшебства и недостаток действия в «*Диане*».

Сервант, который заметил все сии недостатки (что можно видеть из его разбора *Дон Кихотовых* книг⁵⁵), избежал многих, но не всех в своей «*Галатее*». Приключения в ней натуральнее, действующие лица интереснее; но слог и особливо стихи уступают Монтемайоровым. Сервант, испорченный грубым схоластическим вкусом, заставляет пастухов своих говорить языком педантов. Они читают длинные трактаты о любви; приводят в пример *Иксиона*⁵⁶, *Марк-Антония*⁵⁷, *Родрига*⁵⁸ и всех героев истории и мифологии. Хотите ли знать, как Тирсис утешает своего друга, приведенного в отчаяние холодною его пастушки? Вы услышите: «Говорят, что красота Галатеи превосходит ее жестокость, что Галатее остроумна — если это правда, как я и надеюсь, то Галатее, по уму своему, должна себя знать совершенно; если знает, то и почитает, почитая, не хочет погубить себя, следственно, уступить твоим желаниям!»

В другом месте любовник, разлученный с любовницею, говорит стихами: «Все думают, что я вижу, слышу и чувствую — нимало! Я тень, произведенная любовью, оживляемая надеждою!»

Во всем сочинении солнце светит лучами, которые получает из глаз *Галатеи*.

Довольно: читатель имеет понятие об испорченном вкусе, который царствовал во время Серванта. Но, при всех недостатках, в «*Галатее*»

находим прекрасные мысли, непритворные, хорошо выраженные чувства, движения сердца и его страдания.

Осталось сказать два слова о смелости моей судить Серванта. Несмотря на знание испанского языка, в котором упражнялся я довольно долго, я бы никогда одному себе не поверил; но имел наставником просвещенного испанца*, патриота, который любит литературу, и, подобно Серванту, славится больше дарованиями, нежели несчастьями.

* *Графа Пилоса.*

**ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФРАНЦУЗСКОГО
ФЛОРИАНОВА ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

Часть первая

ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ОТ СОЧИНТЕЛЯ⁵⁹

Праздник читатель! Желая, чтобы моя книга показалась тебе лучше, приятнее и совершеннее всех книг на свете; но не все то делается, чего желаем! К несчастью, ты сам не хуже меня знаешь, что в творениях виден творец. Чего ожидать от непросвещенного ума моего? Чего, кроме странного, несвязного и наполненного бреднями, не приходившими до сих пор никому в голову? Притом же я пишу в тюрьме*; а это место не воспламеняет воображения⁶⁰. Картина природы, светлое небо, шумящие ручьи, спокойная душа могут разгорячить самую холодную Музу — как счастлив тот, кто не лишен сих наслаждений!

Часто родительская любовь так ослепляет родителя, что он и самые недостатки детей своих почитает совершенствами. «Дон Кишот» не мое дитя, он только мой приемыш, и я, любезный читатель, не требую твоей благосклонности; суди его, как хочешь, хвали, брани: за правду наказан не будешь!

Я бы только желал избавить тебя от прологов, от предисловий, от введений, сего ненужного вранья, без которого ни один автор обойтись не может; и лень моя была со мною согласна — признаюсь откровенно, для меня труднее написать предисловие к книге, чем самую книгу; я не знал, с чего начать, что говорить — бумага лежала предо мною; опершись на левую руку, сидел я за письменным столиком и грыз перо с досады, как вдруг пришел ко мне один мой приятель, человек умный, любезный, и спросил, о чем я задумался?

— О проклятом предисловии! — отвечал я. — Неужели «Дон Кишоту» без него в свет показаться? Что скажет публика, этот старый критик, если я, молчавши так долго⁶¹, на старости лет подам ей скучную книгу без предисловия, без ученых примечаний, без выносок на полях? Загляни в новейшие сочинения — все наполнены преважными выписками!⁶² Их авторы перечитали столько древних философов, что

* *Сервант начал писать «Дон Кишота» в тюрьме.*

принуждены сделать им азбучную роспись⁶³, которая простирается от Аристотеля до Ксенофонта и Зенона⁶⁴. Вот чему дивится читатель! Вот в чем видна ученость и начитанность писателей наших! Вдобавок, следуя примеру их, надлежало бы мне, после заглавия книги, напечатать несколько сонетов, сочиненных в мою честь какими-нибудь маркизами, прелатами, знатными дамами, славными стихотворцами. Но, по несчастии, ничего этого не имею и почти решился, мой любезный друг, скорее зарыть господина «Дон Кишота» в ламанхские архивы, нежели выдать его в свет без сих необходимых украшений, которых я, невежа⁶⁵, никак не могу найти для него! Вот об чем я задумался!

Знакомец мой, выслушав меня, засмеялся.

— Признаюсь, — сказал он, — я почитал тебя рассудительным человеком. Возможно ли, с твоим умом, останавливаться за такую безделкою? Послушай меня, я постараюсь уничтожить все затруднения!

Ты хочешь поместить в начале своей книги несколько сонетов, сочиненных известными людьми в похвалу твою — напиши их сам⁶⁶ и поставь, какие хочешь, имена под ними, например: имя императора Требизондского⁶⁷, имя короля Артуса!⁶⁸ Они — знатные господа; а я готов уверять всех, что они и стихотворцы славные. Если ж какой-нибудь педант вздумает уличать нас — не беспокойся! Правосудие в такие дела не вступается! Ты хочешь удивить читателя, украсив белые поля своей книги выписками, замечаниями, ссылками на новейших писателей? Это не так трудно, как воображаешь, стоит выучить наизусть несколько латинских стихов, несколько сентенций, разбросать их в предисловии, куда ни попало, и все кончено! Таким образом, найдешь случай упомянуть и о Гомере и Горации, и о Виргилии и о Святых Отцах и даже о новейших авторах. Также мало стоит доказать начитанность и глубокие сведения! Спиши, как можно вернее, имена всех древних, вели напечатать их крупными литерами в конце книги своей, и уверяю тебя, много людей найдется, которые станут думать, что ты перечитал их раз по десяти и всех наизусть знаешь. Таким способом за ничто купишь имя ученого человека!

Впрочем, не скажу, чтобы все это было необходимо: ты пишешь сатиру на рыцарские романы, а я не помню, чтобы Платон или Святой Василий⁶⁹ когда-нибудь говорили об них. Философам, риторам, геометрам, теологам нет нужды до ваших бредней. Может быть, для тебя было бы довольно подражать в точности тому, что ты осмеять хочешь⁷⁰; описывать чистым, гармоническим, непринужденным слогом новые и забавные происшествия; изображать для глаз то, что ты говоришь, и выражать ясно, что мыслишь. Сие достоинство маловажно — соглашайся! Но дело твое — занимать своею повестью: веселить меланхолика,

нравиться веселому, не скучать невежде, привлекать внимание просвещенного, а больше всего не терять из виду намерения осмеять рыцарские романы; когда ты в нем успеешь, то время твое не пропало.

Я слушал с величайшим вниманием своего друга; слова его просветили меня, и я решился пересказать их читателю. Радуйся, любезный читатель! Я не буду мучить терпения твоего ни предисловием, ни прологом, ни вступлением. Читай историю славного Дон Кишота Ламанхского, и если можешь, не зевай за нею! Не хочу хвалиться тем, что знакомлю тебя с сим героем, достойным всех почестей, но думаю, что ты поблагодаришь меня за его знаменитого оруженосца Санхо Пансу, которого по справедливости можно назвать самым любезным, верным и простодушным из оруженосцев, описанных в рыцарских романах наших.

Прости, читатель, Бог с тобою! Не забывай Серванта!

ГЛАВА I

Характер и упражнения славного Дон Кишота

В какой-то Ламанхской деревне⁷¹, которой имя ни для меня, ни для читателя не важно*, жил недавно один дворянин⁷². Все его богатство заключалось в старом копье, покрытом ржавчиною, щите, тощей кляче и борзой собаке. Похлебка (чаще с коровьим мясом, нежели с бараниною⁷³), окрошка за ужином, яичница по субботам, чечевица по пятницам и жареные голубята по воскресеньям⁷⁴ уносили три четверти годового дохода его. Остатком платил он за свой казакин⁷⁵ из тонкого сукна, за бархатные исподницы⁷⁶ и туфли для праздничных дней и байковый кафтан для будних. В доме его жили с ним управительница сорока лет, племянница двадцати и слуга, который отправлял три должности: смотрел за домом, был конюхом и садовником. Герой наш имел уже около пятидесяти лет от роду⁷⁷, был силен, здоров, сух телом, худощав лицом, вставал рано и любил охоту страстно. Думают, что его настоящее имя было Киксада или Кезада⁷⁸, авторы в этом не согласны; всего вероятнее, что он назывался Киксаною. Впрочем, какое дело до имени? Важны происшествия!

Праздное время свое, то есть три четверти дня, дворянин наш посвящал чтению рыцарских романов, которые так его занимали, что он, с книгою в руках, забывал и охоту, и домашние дела свои. Сия страсть, наконец, усилилась до такой степени, что он, продавши большую часть своего поместья, составил огромную библиотеку из любимых книг своих, между которыми отлично нравились ему творения славного Фелициана де Сильвы⁷⁹. Сия чистая и легкая проза, в которой почти никогда не было толку, приводила в изумление и восхищала нашего героя. Правда, он часто досадовал на себя за то, что не все понимал в ней, и ломал свою бедную голову, стараясь найти смысл там, где и сам Аристотель не нашел бы никакого. Он не мог не удивляться ранам, которые давал и получал Дон Белианис⁸⁰, и думал, что, несмотря на все искусство лекарей, надлежало страшным рубцам оставаться на теле; но все прощал автору для сего неокончимого происшествия⁸¹, которое

* В этой деревне Сервант был посажен в тюрьму.

обещает он рассказать, кончив свою книгу. Часто наш дворянин хотел взять в руки перо и довершить сие превосходное творение, но, по несчастию, не достало ему на то времени.

Он нередко ссорился с деревенским священником — знающим человеком, произведенным в Сигиюнсе⁸², — за Пальмереня⁸³ и Амадиса⁸⁴. Николас, цирюльник того места, открыто стоял за Рыцаря Солнца⁸⁵ и Галатора, брата Амадисова, который был довольно сговорчив и не так слезлив, как плакса его братец⁸⁶. Одним словом, рыцарство ни на минуту не выходило из мыслей героя нашего. Наконец беспрестанное чтение и бессонница иссушили его мозг — он потерял рассудок; его расстроенное воображение было наполнено поединками, волшебствами, любовными

Его расстроенное воображение было наполнено поединками, волшебствами и проч.

нежностями и муками, словом, всеми бреднями, какие находил он в своих книгах. Он нимало не сомневался в истине описываемых происшествий и с величайшею важностию говорил, что Сид Рюи Диас, хотя, впрочем, хороший воин, ничего не значил перед Рыцарем Пламенного меча, который одним махом перерубал по два исполина вдруг⁸⁷. Он еще выше ставил Бернара де Карпио, который одолел очарованного Роланда, как Геркулес Антея⁸⁸. И великий Моргант⁸⁹ не был ему противен. Он находил в нем довольно образованности для великана. Но его любимец, его сердечный друг был Ренод Монтобанский⁹⁰; он восхищался, видя, как он храбровал на больших дорогах и пугал путешественников! Он так любил сего героя, что с величайшею радостью уступил бы управительницу и с племянницею, лишь бы только обрубить уши изменнику Ганелону⁹¹.

Вдруг пришла ему в голову странная, сумасбродная мысль: вздумал, что ничто не будет так прекрасно, не принесет ему такой чести, отечеству его такой пользы, как возобновление странствующего рыцарства, и решился, вооружась наподобие древних паладинов, сесть на коня,

искать приключений и, на дороге, наказывать преступников, устрашать несправедливых. Бедняк почитал себя уже обладателем Требизондской Империи! — Что вздумано, то и сделано! Выкопал старые свои оружия, покрытые ржавчиною и брошенные в угол его прадедом; вычистил их, как надобно, исправил, сколько мог; но к своей горести, увидел, что не доставало ему половины шлема. Прибегнул к искусству, заклеил сию половину картоном и кое-как смастерил нечто, подобное шлему; желая, однако ж, испытать его прочность, обнажил палаш и одним ударом разрушил свою работу, стойвшую ему целой недели. Такая ломкость в шишаке⁹² ему не понравилась. Он снова начал трудиться и в этот раз прикрепил картон снизу железными полосками, от чего стал он держаться крепче. Радуясь выдумке, не желая больше делать опытов, он поздравил себя с хорошим оружием. Потом пошел в конюшню посмотреть на коня своего, и хотя бедная кляча была не иное что, как живой скелет, но показалась герою нашему лучше Александра Буцефала и Сидова Бабиесы⁹³. Четыре дни думали, как бы назвать ее получше, и, правду сказать, не шутка выдумать имя, которому надлежало некогда греметь в мире и прославляться потомством! Наконец, думав, думав, наш рыцарь окрестил коня *Рыжаком* — имя, по его мнению, приятное, звонкое и многозначашее. Оставалось переменить свое! Еще неделя размышлений! И дворянин Киксана сделался Дон Кишотом⁹⁴ Ламанхским, в подражание Амадису, который, по месту рождения своего, назывался Гальским.

Итак, оружия готовы, полшлема из картона, конь и рыцарь с именем — не доставало главного — красавицы, пленившей геройское сердце. Рыцарь без любви то же, что дерево без плодов и без листьев, что тело без души!

— Если по грехам моим, — думал наш витязь, — или лучше сказать, по моему счастью, попадетя мне навстречу великан (что почти всякий день случается), и если я, с первого удара, сшибу его с ног, обрежу ему нос, уши, распорю брюхо и принужу сдаться, то как не послать его к красавице, владеющей моим сердцем! Он явился бы перед лицо ее и, став на одно колено, сказал униженным голосом: «Государыня! Исполин Каракулиамбро⁹⁵, царь острова Малиндрании, пред тобою! Знаменитый рыцарь, которого слава оглушает мир, Дон Кишот Ламанхский, победив меня на поединке необычайном, повелел повергнуться ко стопам твоего величия и быть слепым исполнителем воли твоей!»

Герой наш задумался, приставил палец ко лбу и начал искать в голове любовницы! Утверждают, что он когда-то был влюблен в одну милостивую крестьянку, из соседней деревни, по имени Альдонца Лоренцо⁹⁶, которая совсем не знала, или лучше сказать, не думала

о любви его; ее-то выбрал он своею богинею; оставалась безделица: дать ей имя, приличное принцессе; герой провел еще неделю в размышлениях и наконец окрестил ее *Дульцинею Тобозскою*⁹⁷.

ГЛАВА II

Первый выезд Дон Кишота

Наш дворянин, снабдив себя необходимым, не хотел откладывать исполнения великого своего предприятия. Всякую минуту без действия почитал он похищением у славы и горел желанием вступить в свое поприще. В одно утро, до рассвету, в самую жаркую пору июля, не показавшись никому, не сказав ни слова домашним, он надевает на себя латы, садится на Рыжака, и с копьем в руке, с щитом на плече, опустив картонный наличник, выезжает в задние ворота на чистое поле. Дивясь и радуясь, что при начале такого важного дела не встретилось ему никаких препятствий, он вдруг приходит в замешательство, вспомнив, что еще не посвящен в рыцари, что законами запрещалось ему сражаться по тех пор, покуда не получит ордена и не будет носить, по обычаю, белого панциря и щита⁹⁸ без девиза. Эта ужасная мысль не давала ему покоя; но скоро нашел он утешение: решился, по примеру многих романических знакомцев своих, выбрать первого, кто попадется навстречу, своим посвятителем; а латы, в короткое время, надеялся полировкой сделать из ржавых белыми. Нет больше препятствий! Рыцарь дал волю коню идти, куда ему хотелось, надеясь, что приключения сами встретаться будут.

Между тем новый наш паладин дорогою беседовал сам с собою:

— В будущих веках, — говорил он, — когда выйдет в свет история моих подвигов, то, без сомнения, начнется так: едва бог света рассыпал по земле золотые кудри сияющих власов своих; едва певцы воздуха, в пестрой пернатой одежде, начали торжествовать согласными гимнами явления прелестной Авроры, которая, покинув ложе дряхлого Титона⁹⁹, летела, бросая розы на горизонт Ламанхский, как мужественный Дон Кишот, враг неги и сна, воссел на Рыжака, славного коня своего, и явился на древней Монтиелской равнине¹⁰⁰. Век счастливый, — продолжал он, — блаженное потомство! Вы будете восхищаться, читая повесть о подвигах, достойных сиять на бронзе, в пример грядущим поколениям! А ты — кто бы ни был — мудрый очарователь, который удостоишься быть певцом моих деяний¹⁰¹, не забудь, не забудь Рыжака, верного коня моего, неутомимого в трудах, мужественного в опасностях и достойного славы и гимнов! А ты, прелестная

*Век счастливый, блаженное потомство!
Вы будете восхищаться, читая повесть
о подвигах, достойных сиять на бронзе.*

Дульцинея, великая принцесса, богиня любви моей! Ты растерзала бедное сердце мое неправосудным гневом своим, страшным запрещением являться на глаза твои! Ах! По крайней мере, не забудь несчастного, который гоним тобою, который страдает в разлуке и любит тебя, жестокая красавица!

Так, декламируя пышным языком романов, тащился он медленно по дороге на тощем Рыжаке. Солнце пылало над головой его и, конечно, растопило бы в ней мозг, когда бы хотя немного мозга в ней осталось! Рыцарь ехал целый день. Никто с ним не встречался. Некоторые писатели к сему времени относят приключение с ветряными мельницами, но они ошибаются; по многим старательным розыскам, я полагаю наверно, что в этот день с ним ничего не слу-

чилось и что ввечеру он и его лошадь, умирая с голоду, остановились, никого не встретив. Осматриваясь во все стороны, ища глазами какого-нибудь замка или хотя пастушей хижины для ночлега, он увидел постоянный двор, и благодаря небо за такое счастье, поспешил к нему подъехать.

Случилось, что две молодые девушки были тогда у ворот постоянного двора, в котором остановились с севильскими погонщиками мулов. Дон Кишот, который везде находил одно то, что читал, увидя гостиницу, не преминул почесть ее великолепным замком с глубокими рвами, подъемными мостами, башнями и серебряными зубцами на ограде, словом, со всеми украшениями романов. Он приблизился к мнимому замку, и остановясь в недалеком от него расстоянии, ожидал, чтобы карло¹⁰² явился на башне и в рог дал знать о прибытии рыцаря. Но так как карло не являлся, а Рыжак с нетерпением просился в конюшню, то герой наш без церемонии подъехал к воротам, у которых стояли две девушки. Он принял их за девиц знатного рода, гулявших на чистом воздухе перед своим замком. В ту минуту зазвучал рожок пастуха, сбиравшего свое

стадо; наш рыцарь не сомневался, чтобы то не был карло, и с учтивостию поклонился обеим принцессам.

— Не беспокойтесь, — сказал он им, выставя из-под картонного наличника сухое и пылью покрытое лицо свое, — не беспокойтесь, сударыни; я знаю законы рыцарства и повинуюсь им; мой долг быть учтивым перед всеми, особливо перед вами, почтенные красавицы!

Девушки в удивлении тарасили на него глаза; слово *почтенные красавицы* показалось им странным — они засмеялись.

— Государыни мои, — прибавил герой с досадою, — вы прекрасны, соглашаюсь, но сего не довольно. Красота любит скромность и не терпит насмешливости! Простите, что подаю вам советы: доказательство, что сердечно желаю быть вам полезным!

Такой тон и чудный вид рыцаря пуще рассмешили девушек; Дон Кишот терял терпение, но, к счастью, пришел трактирщик. Этот человек — толстый андалузец, из местечка Сан-Люкар¹⁰³ — был ужасный весельчак и великий искусник на выдумки. Он сам едва не засмеялся, увидя вооруженного гостя, но, подумав, что, может быть, он шуток не любит, решился обойтись с ним учтиво.

— Благородный рыцарь, — сказал он, — если вам угодно провести ночь в моем доме, то вы найдете в нем все, кроме постели — этой безделки никогда не заводил!

Дон Кишот, которому нравилась учтивость алькада¹⁰⁴ крепости (трактирщик показался ему алькадом), поспешил отвечать ему:

— Почтенный повелитель сего замка, благодарю вас за гостеприимство; но лишнего не требую! Панцирь и меч — мое украшение, победы — мой покой!

— А! Если так, — перервал трактирщик, удивленный, что его называли почтенным повелителем замка, — и если угодно вам не спать целую ночь, то уверяю смело, что в замке моем желание ваше, как нельзя лучше, исполнится.

С сими словами побежал он к Дон Кишоту и почтительно принял его стремя; рыцарь с трудом слез с коня: постившись целый день, он ослабел от голода.

Первое старание Дон Кишота было успокоить Рыжака; он просил хозяина взять его под свое покровительство, уверяя, что в целом свете нет ему подобного. Взгляд на Рыжака разуверил трактирщика; он отвел его в конюшню и, возвратясь к Дон Кишоту, увидел, что принцессы, с которыми он уже помирился, его раздевали. Панцирь был уже снят, но шлем и нагрудник, плотно зашнурованные зелеными ленточками, не снимались: надлежало разрезывать узлы; рыцарь на то не соглашался и лучше хотел провести всю ночь в своем шлеме, что представляло самое

чудное и смешное зрелище. Но между тем как его раздевали, он, тронутый услугами красавиц, сказал им нежным голосом:

*Кто счастливее в подсолнечной
Дон Кишота и коня его! —
Позавидуйте мне, рыцари!
Здесь прелестным я красавицам
Отдаю свои оружия!
Здесь прелестные красавицы
О коне моем заботятся!¹⁰⁵ —*

Зовут его Рыжаком, принцессы — сказать ли вам правду? Я сперва не хотел вам открыть своего имени; ожидал, что вы по слуху узнаете во мне Дон Кишота Ламанхского; но признаюсь, не утерпел, чтобы не напомнить вам при сем случае старинного романа о Ланцелоте¹⁰⁶. Извините только, что переменял имя, и верьте, что моя благодарность и рука в ваших услугах.

Девушки ничего не отвечали на такие приветствия. Наконец спросили, не хотел ли рыцарь кушать. Рыцарь признался, что еще не обедал; но, по несчастию, тогда была пятница, и в трактире нельзя было достать ничего, кроме протухлой трески, годной разве для одних погонщиков. Хозяин важно спросил у Дон Кишота, охотник ли он до морской рыбы?

— Великий охотник! — отвечал рыцарь, и накрытый стол явился у ворот трактира. Скоро явилась на нем и треска с черным хлебом, который был старее и тверже лат нашего героя.

Когда Дон Кишот хотел отведать хваленой морской рыбы, то нагрудник помешал ему поднести руку ко рту — одна из девушек принуждена была кормить его. Когда ж черед пришел пить, то картонный наличник так его запутал, что он никогда бы не напился, если б трактирщик не вздумал продолбить тростниковой трости и таким образом не впустил вина в рот его. Рыцарь все переносил с удивительным терпением, жалея зеленых лент своих; одна только мысль, что он еще не прямой рыцарь, беспокоила его душу.

ГЛАВА III

Герой наш посвящен в рыцари

Мучимый сею мыслию, Дон Кишот сокращает свой ужин, встает, кличет трактирщика, запирается с ним в конюшню и, бросаясь на колена, говорит ему:

— Знаменитый рыцарь! Ожидаю от вас благодеяния и надеюсь, что не получу отказа.

Трактирщик изумился, увидя его на коленях перед собою, и слыша сию чудную просьбу, он старался поднять рыцаря. Но видя, что усилия тщетны, обещал удовлетворить его желанию.

— Я сего и надеялся от великодушия вашего! — вскричал Дон Кишот. — Исполнив просьбу мою, прославите самого себя и принесете пользу миру.

— В чем же состоит ваша просьба, рыцарь?

— Позвольте мне провести ночь на страже оружий в церкви вашего замка, а на рассвете дня поздравьте меня рыцарем. Я хочу объездить все четыре части света и быть защитою слабых и угнетенных, по примеру странствующих рыцарей, в число которых горю быть принят.

Трактирщик, сказали мы, был весельчак и выдумщик. При первом взгляде на Дон Кишота почел его безумным; последние слова рыцаря уничтожили все сомнения. Желая повеселиться¹⁰⁷, отвечал он важно:

— Рыцарь, такое благородное желание достойно великой души вашей! Никто лучше меня удовлетворить ему не может. Я сам был рыцарем в молодых своих летах; я сам обошел весь мир, ища славы на рынках Севиллы, Валенции, Сеговии, в предместьях Малаги¹⁰⁸, в публичных садах, на биржах, одним словом, везде, где только имел какое-нибудь дело; молодые девушки и вдовы были главным предметом моих подвигов, и скажу не хвалясь, почти все испанские суды наградили меня за это по достоинству. На старости лет переехал я в свой замок, живу в нем спокойно своими и чужими деньгами; люблю принимать к себе странствующих рыцарей, какого бы они звания ни были, и еще больше люблю избавлять их кошельки от лишних тягостей, которые бы могли без нужды обременять их. Скажу вам, что в моем замке теперь церкви нет: я сломал ее и хочу построить новую, нынешнего вкуса; но легко можно и без нее обойтись! Мой двор велик, просторен; вы найдете в нем все, что нужно для стражи оружий, а завтра поутру исполним другие церемонии; завтра вы будете рыцарем по форме; рыцарем, какого, надеюсь, никогда не бывало в мире до сего времени. Осталось вам объяснить одно обстоятельство, для меня весьма интересное: есть ли у вас деньги?

— Можно ли об этом спрашивать? Конечно, нет! Ни в одной книге не сказано, чтобы рыцари возили с собою этот низкий металл!

— Ошибаетесь, рыцарь. Историкам не для чего было говорить об этом; и без них мы знаем, что рыцарям нельзя не иметь такой нужной вещи, каковы деньги. Могу вас уверить, что кошелек их набивался туго, что с ними всегда было чистое белье и коробочка с мазью для

исцеления ран, получаемых на поединках. Признайтесь сами, не всегда могли они надеяться, чтобы после всякого жестокого сражения прилетала к ним красавица или карло на золотом облаке с волшебною водою, которой бы одна капля исцеляла их в минуту. Итак, для осторожности имели они при себе оруженосцев, у которых хранились мази, перевязка и деньги. В противном же случае, то есть, когда с ними оруженосцев не случалось, чему, однако ж, мало примеров, пожитки свои укладывали они в маленький чехол, под седлом неприметный, и который только в таких случаях им иметь позволялось. Итак, повелеваю вам, как своему рыцарскому сыну, не ездить никогда без денег; сами увидите, что при них и вам, и другим будет гораздо лучше.

Дон Кишот обещал его послушаться. Спеша начать свое бдение, он пошел взять оружия, отнес их на средину двора и положил на корыто подле колодца, вооружился одним щитом, копьем и начал расхаживать взад и вперед у корыта. Луна во всей полноте сияла на чистом небе. Жители трактира, которым хозяин описал нашего рыцаря, собрались и смотрели на него издали. Дон Кишот, не обращая на них внимания, продолжал гулять, иногда опирался на копьё и с видом гордым и спокойным поглядывал на оружие.

В трактире — сказывали мы — остановились севильские погонщики. Одному из них понадобилось напоить своих мулов, и он подошел к корыту, чтобы снять оружия. Дон Кишот, увидя его подходящего, закричал страшным голосом:

— Дерзкий рыцарь, кто бы ты ни был, не смей коснуться к сим оружием! Они принадлежат храбрейшему из носящих меч. Ты смертию заплатишь за свое дерзновение!

Погонщик, пренебрегая угрозы паладина, бросил его латы на землю. Дон Кишот рассердился, поднял глаза к небу и закричал:

— О Дульцинея, владычица души моей, не оставь, при сей первой опасности, рыцаря, твоего невольника! Удвой силу наказующей руки его!

С сими словами бросает он щит, хватает копьё в обе руки и так сильно устремляет его в голову погонщика, что он без памяти падает на землю; потом подымает оружия, хладнокровно кладет их опять на корыто и снова начинает расхаживать.

Чрез минуту другой погонщик, не зная, не ведая о приключении товарища, который лежал без всякого чувства, приходит к корыту с своими мулами и сбрасывает оружия. В этот раз Дон Кишот, не говоря ни слова и не обращаясь к Дульцинее, поднимает копьё, и обломив его об голову погонщика, во многих местах ее ранит. Трактирщик с людьми сбегаются к рыцарю, который, закрывшись щитом, кричит во все горло:

— Богиня красоты, подпора и сила души моей, оживи меня одним взором в гибельном подвиге!

Сказав это, почувствовал он в себе такое мужество, с которым бы все погонщики в мире не принудили его на шаг отступить. Товарищи раненых начали подбирать камни и пускать их в нашего паладина. Трактирщик, надрываясь, кричал им, что он безумный, что он их всех перебьет. Дон Кишот кричал еще громче, что они трусы, изменники, что сам владеец замка — худой рыцарь, потому что терпит в доме своем такие нахальства, что он накажет его, как скоро получит орден рыцарский.

— Но вы, недостойные, — продолжал он, обращаясь к погонщикам, — придите, приблизьтесь; вы получите награду за свое бесчинство!

Он произнес последние слова таким грозным голосом, что погонщики решились послушаться хозяина. Они перестали бросать камни; подняли раненых, и Дон Кишот опять начал свою прогулку с прежним хладнокровием; трактирщик, который перестал смеяться его рыцарским шуткам, вздумал их кончить, давши ему, как можно скорее, бедственный орден. Он подошел к рыцарю, просил его успокоиться, извинить грубиянов, которых он наказал; уверял, что все произошло без его ведома, и прибавил, что, кончив свое бдение, которому не должно более двух часов продолжаться, он может, за неимением церкви, во всяком другом месте получить удар меча по спине — единственный обряд, употребляемый при посвящении.

Дон Кишот поверил без труда и просил его скорее кончить.

— Как скоро получу, — продолжал он, — орден рыцарства, то горе обитателям замка, если они опять осмелятся оскорбить меня.

Сие подтверждение было не нужно. Трактирщик сыскал свою расходную книгу, в которой записывал сено и овес, и сопровождаемый престелницами, о которых сказано выше, и мальчиком, несшим перед ним зажженный огарок, пришел к Дон Кишоту и поставил его на колена перед собою. Смотря в книгу и бормоча невнятные слова сквозь зубы, поднял он руку, ударил крепко по шее Дон Кишота и, не останавливаясь, повторил удар мечом по спине его. Одна из девиц, которым, чтобы не смеяться, стоило только вспомнить подвиги рыцаря, опоясала его мечом, а другая надела на него шпоры. Благодарный Дон Кишот хотел знать имена красавиц, чтобы прославить их вместе с собою. Скромные красавицы признались рыцарю, что одна из них была дочь простой чулочницы в Толеде и называлась *Толозой*¹⁰⁹, что другая, дочь мельника, не имела иного прозвания, кроме *Мельничихи*¹¹⁰, и что, наконец, они везде и всегда готовы служить рыцарю. Дон Кишот сказал им несколько учтивых комплиментов и просил, из любви к нему, вперед называться *доннами*¹¹¹: *донною Толозой, донною Мельничихой*.

Обряды кончились, и новый рыцарь, который нетерпеливо желал приключений, кинулся наряжать Рыжака, сел на него, и обняв с седла трактирщика, наговорил ему столько странных и отборных приветствий, что мы не в состоянии переговорить всего читателю. Хозяин, которому крайне хотелось сбить с рук неугомонного гостя, отвечал короче, но также пышно и отпустил его с радостью, не требуя ничего за постой и угощение.

ГЛАВА IV

Приключения нашего рыцаря по выезде его из трактира

Заря занималась, герой наш был так рад получению рыцарства, что едва на седле не прыгал. Следуя советам трактирщика, решился он воротиться домой, запастись деньгами, рубашками и взять с собой оруженосца. Он уже в мыслях выбрал одного знакомого земледельца, бедняка с детьми, который казался ему весьма способным для сей важной должности. С таким намерением поехал он по ламанхской дороге. Рыжак, будто угадав мысли своего господина, побежал так скоро, что едва копытами к земле прикасался.

Вдруг, в густоте леса, покинутого рыцарем вправо, послышались жалобные стоны.

— Какое счастье! — вскричал Дон Кишот. — Небо ныне же посылает мне случай исполнить святейший долг моего звания. Какой-нибудь угнетенный стоном своим требует помощи. Поспешим подать ее несчастному!

Он повертывает в лес и почти при самом въезде в него находит кобылу, привязанную к дереву, а немного дальше мальчика пятнадцати или шестнадцати лет, который по рукам и по ногам прикручен был ко пню дуба. Он-то кричал так громко, и не без причины. Земледелец, высокий и здоровый, сёк его ремнем и прибавлял ко всякому удару выговор или нравоучение.

— Не кричи, — приговаривал он, — слушайся моих советов и не будь оплошен!

Мученик отвечал:

— Вперед не буду, хозяин, право, не буду! Прости меня в последний раз; я стану лучше смотреть за стадом!

Увидев это, герой наш страшным голосом закричал на земледельца:

— Рыцарь низкий и жестокосердый, и ты не стыдишься поражать слабого, не имеющего защиты! Садись на коня, бери свое копьё (он ука-

зал на длинную палку, лежавшую подле кобылы), ты узнаешь, сколь не достоин поступок твой благородного рыцаря.

Мужик, увидя сию длинную, вооруженную фигуру, струсил и отвечал с унижением:

— Почтенный рыцарь! Этот мальчик — слуга мой; а бью его за то, что худо смотрит за стадом и почти каждый день теряет по несколько овец. К тому ж, когда хочу наказать его за плутовство и несмотрение, он смеет говорить, что делаю это только для того, чтобы не заплатить ему денег. Но верьте Богу и моей совести! Бездельник лжет!

— Как, — вскричал Дон Кишот, — при мне смеешь говорить грубости и обличать его! При мне, великий Боже! Удивляюсь, как еще не умертвил тебя в гневе своем! Скорей отвяжи мальчика и заплати ему все — в минуту, или духу твоего не станет!

Земледелец потупил голову и, не говоря ни слова, отвязал мальчика, у которого Дон Кишот спросил, сколько должен ему хозяин?

— За девять месяцев, по семи реалов на каждый.

Рыцарь счел, что это составляло шестьдесят три реала¹¹², и приказал земледельцу отсчитывать их в ту ж минуту, если он умереть не хотел. Бедняк, дрожа от страха, уверял, что был должен меньше, ибо надлежало вычесть две пары башмаков, сшитых им мальчику, и три раза кровопускания во время его болезни.

— Нет, — перехватил Дон Кишот, — это зачти ему за побои! Он изорвал башмаки твои — ты изорвал его кожу, цирюльник пустил ему кровь, чтобы его вылечить, а ты, чтобы его уморить! Одно другого стоит!

— Согласен! — отвечал с покорностию земледелец, — но здесь у меня денег нет; пускай Андрей¹¹³ зайдет на минуту ко мне, я оточту ему все реалы.

— Как бы не так! — закричал мальчик, — обманывай других! Поди с тобою! Ты не так еще меня изувечишь!

— Не бойся, мальчик! — перервал с важностию герой. — Он этого не сделает, я за него ручаюсь, если только поклянется рыцарским орденом, который на себе имеет, то сей час отпущу его, и ты верно получишь плату.

— Ах, сударь! — вскричал Андрей. — О ком вы говорите? Хозяин мой никогда не получал рыцарского ордена! Это Жуан Альдудо¹¹⁴, по прозванию богач; он живет близ Кинтанары.

— Что ж нужды? — сказал Дон Кишот. — Могут быть и Альдуды рыцарями! Всякое дело мастера боится!

— Ах! Боже мой, — прибавил Андрей печальным голосом, — не знаю, какое дело боится его, но знаю, что денег моих не заплатит! А я, кажется, их заслужил!

— Готов их заплатить, мой друг, — сказал тогда земледелец, — только, пожалуй, потрудись сходить ко мне на дом; я клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни есть на свете, что заплачу тебе с лихвою!

— Довольно! — перехватил Дон Кишот. — Верю твоим клятвам! И советую быть исправным; иначе не укроешься от меня и в самом аде! Узнай же теперь, кто говорит с тобою. Я — храбрый Дон Кишот Ламанхский, защитник слабых, гонитель злобных! Ты, я думаю, слышал обо мне! Прости, не забудь своей клятвы.

Он кольнул коня шпорами; конь встрепенулся и потащил рыцаря.

Земледелец долго смотрел за ним вслед — наконец, он скрылся.

— Ну, мой друг, — сказал он мальчику, — время с тобою расплатиться и выполнить приказание господина защитника угнетенных!

— Хорошо сделаешь! — отвечал Андрей. — В противном случае почтенный и добрый рыцарь, который нас оставил и которого награди Бог, принудит тебя сдержать слово.

— Кто ж в этом сомневается? — перехватил земледелец. — Но чтобы сделать тебе прибавку, не худо увеличить и долг.

С сими словами схватил он пастуха, привязал опять к дубу и высек гораздо больше прежнего.

— Ну, Андрей, — сказал он ему с насмешкою, — зови же своего защитника угнетенных! Мы посмотрим, как он теперь защитит тебя.

Отвязав Андрея, который сквозь слезы клялся найти Дон Кишота и рассказать ему все, земледелец позволил ему идти куда угодно, и они — один плача, другой смеясь — расстались.

Между тем герой наш, гордясь удачным вспоможением несчастному, продолжал путь свой и поздравлял себя с таким славным вступлением в рыцарское поприще.

— Благодарю судьбу свою, — говорил он вполголоса, — о прекраснейшая из красавиц, Дульцинея Тобозская! Радуйся, что пленила сего непобедимого рыцаря, который вчера только надел меч, как то вселенная знает, и уже ныне дал миру урок и спас робкого и невинного младенца от гонений жестокосердого.

Паладин, может быть, сказал бы весьма плодовитый панегирик своей храбрости, когда бы дорога не разделилась начетверо. Он остановился, но, вспомнив, что все рыцари в таких случаях оставляли выбор на волю коней своих, опустил поводя, и Рыжак, не колеблясь, выбрал дорогу к своей конюшне. Не успел он пройти двух миль, как Дон Кишот увидел толпу верховых, к нему приближавшихся. Летописи говорят, что это были купцы из Толедо, ехавшие покупать шелк в Мурцию¹¹⁵.

Их было шесть, и каждый держал над головою зонтик от солнца; за ними следовали четверо слуг верхами и два конюха пешие.

Дон Кишот, вообразив, что ему предстояло великое приключение, вооружился мужеством, и богатая память его помогла ему выдумать, как поступить в таком случае.

Он выехал на средину дороги, принял вид гордый и важный, укрепился в стременах, приготовил копье, поднял щит, и как скоро приблизилась толпа странствующих рыцарей — что же иное могли быть сии путешественники, — то закричал он гремящим голосом:

— Остановитесь все и признайтесь, что ни одна красавица в мире не может уподобиться императрице Ламанхской, несравненной Дульцинее Тобозской!

При сих словах, произнесенных чудною, смешною фигурою, купцы в изумлении остановились, и один из них, остроумный весельчак, подумав, что герой наш был немного помешан, захотел над ним позабыться.

— Благородный рыцарь, — сказал он ему, — ни один из нас не знает принцессы, о которой вы говорите. Дайте нам ее видеть, и когда в самом деле она так хороша, как вы сказывали, то мы от чистого сердца с вами согласимся.

— Изрядно! — перехватил Дон Кишот. — Увидевши ее, натурально назовете прекрасною; но где же будет достоинство признания вашего? Важно то, чтобы, не выдав красавицы, вы говорили, утверждали, клялись и стояли в том, что она из всех прелестнейшая! Скорей соглашайтесь со мною или готовьтесь в бой, безумно гордые рыцари! Выходите или один на один, по законам благородного рыцарства, или все вдруг, по обычаю вам подобных; одной руки моей довольно для наказания вашего.

— Рыцарь! Удостойте меня выслушать, — продолжал купец, — именем всех принцев, моих сопутников, прошу вас не обременять лишним грехом нашей совести, принуждая клясться в том, чего совсем не знаем, и что еще может оскорбить императриц Эстрамадуры и Алькарри!¹¹⁶ Согласитесь, почтенный рыцарь, показать нам хотя портрет вашей красавицы! Как бы он мал ни был, мы будем довольны! Мы уже столько предупреждены в ее пользу, что хотя бы она была крива, коса, хрома, горбата, готовы назвать ее прелестною!

— Бездельники! Бродяги! — закричал Дон Кишот вне себя от бешенства. — Она ни коса, ни крива, ни горбата! Ее глаза яснее светила небесного, стан прямее веретена Гвадаррамского!¹¹⁷ Ты жизнью заплатишь за твою дерзость и ругательства!

При сих словах, опустя копье, скачет он прямо на оскорбителя, и когда б Рыжак не спотыкнулся, то насмешнику досталось бы за его насмешки. Но Рыжак лежал, растянувшись: рыцарь лежал подле его, запутанный своим щитом, панцирем, копьем, шпорами, и никак не мог подняться, валяясь на одном месте и сисясь освободиться, кричал он своим неприятелям:

— Труссы, не бегите! Не моя вина, что конь мой спотыкнулся, я бы наказал вас, дерзновенных.

Одному из конюхов, который не любил шуток, сии ругательства наскучили! Он подошел к лежащему рыцарю, отнял у него копье, изломал его в куски и отвечал ударами на угрозы. Напрасно купцы кричали ему, чтобы не бил так сильно; молодой человек их не слушал, продолжал и не прежде кончил игру свою, пока не искрошил всех обломков копья поодиночке. После того догнал своих товарищей, а рыцарь, оставшись один, тщетно силился подняться; после побой это не сделалось легче, и он лежал на месте, радуясь, что сему несчастью, которому столько рыцарей подвергались, не он, а конь его был причиною.

ГЛАВА V

Что последовало с героем после его несчастья

Бедный Дон Кишот, видя, что нельзя ему ничем двинуться, прибегнул к обыкновенному своему лекарству; начал искать в своей памяти какого-нибудь рыцарского анекдота¹¹⁸, отвечающего его положению. Он не нашел ничего сходнее приключения Бодуэня с маркизом Мантуанским, его дядею, когда последний находит первого в горах, покрытого ранами, обгаренного своею кровью — история, известная и старым, и малым, и столь же достоверная, как и чудеса Магомедовы. Мудрено ли, что наш рыцарь ее вспомнил? Он начал кататься по земле со всеми знаками отчаяния и повторять жалостным голосом:

*Красавица, я умираю!
Ах! Сжался над моей судьбой!
Тебя в час смерти призываю!
Блажен, когда любим тобой!
Почтенный рыцарь Мантуанский,
Родня и благодетель мой...¹¹⁹*

В то время, как он произносил последние стихи, один земледелец из его деревни, отвозивший хлеб на мельницу, ехал по дороге и, приближась к сему человеку, который казался в отчаянии, спросил, какое

несчастье приключилось ему? Дон Кишот не сомневался, чтобы то не был маркиз Мантуанский, дядя его, и отвечал ему продолжением романса, в котором описывал и свое несчастье, и любовь императора сына к жене своей¹²⁰. Земледелец, которому слова сии казались загадкой, приподнял изломанный налечник его шлема, обтер лицо его, покрытое пылью, и всмотрясь в него хорошенько, узнал без труда своего знакольца.

— Как! — сказал он. — Это вы господин Киксана? (доказательство, что Киксана было его настоящее имя). Кто изуродовал так вашу милость?

Ему отвечают продолжением романса. Добрый земледелец снимает с него панцирь, хочет осмотреть его раны — но ни ран, ни крови нигде не было! Он поднял рыцаря и не без труда посадил на осла своего, чтобы ему не так тряско было дорогою. Потом подобрал его оружия вместе с отломками копья, положил их на Рыжака, взял его за узду одной рукою, осла за повод другою и пошел в свою деревню, стараясь в мыслях понять смысл речей Дон Кишотовых.

Паладин, который от побоев сидел на осле немного избоченясь, подымал глаза к небу и вздыхал так тяжко, что земледелец опять начал задавать ему вопросы. Но казалось, сам черт приводил рыцарю на память все, что он ни перечитал в жизни. Он забыл своего дядю маркиза Мантуанского, вспомнил мавра Абиндарреса (которого антекерский губернатор, взявши в плен, засадил в свою крепость)¹²¹ и отвечал земледельцу то, что пленный Абенцераг отвечает Родригу в Монтемиоровой «Диане»¹²². В конце продолжительной речи своей прибавил он:

— Почтенный Дон Родриг¹²³! Вам необходимо знать надобно, что прелестная Ксарифа¹²⁴, богиня моего сердца, есть ныне божественная Дульцинея Тобозская, для которой я делал, делаю и делать буду много таких подвигов, каких не бывало, нет и не будет!

Земледелец, удивленный пуще прежнего, смотрел на него большими глазами, не зная, как понимать то, что слышал.

— Помилуйте, сударь, — говорил он, — какой я маркиз Мантуанский и Дон Родриг Нарваес? Посмотрите на меня хорошенько! Я Петро Алонзо¹²⁵, ваш сосед и покорный слуга. Вы сами ни Бодуэнь, ни мавр Абиндаррес, а господин Киксана, добрый и честный помещик наш.

— Я знаю, кто я! — отвечал Дон Кишот. — И могу быть, чем ни захочу. Не только мавром Абиндарресом и Бодуэнем, но даже двенадцатью французскими пэрами и девятью храбрецами, славными в мире¹²⁶, могу быть потому, что их подвиги с моими ни в чем не сравняются.

Между тем наступил вечер, и наши путники приехали в деревню. Земледелец отвез Дон Кишота в его дом, где страшно беспокоились

об отсутствии хозяина: все друзья рыцаря, священник и Николас-цирюльник, были у него в то время. Управительница кричала во все горло:

— Ну! Что скажете вы, отец Перо Перес? (имя священника). Уж пятый день, как не видать господина Киксаны! Лошадь его пропала из конюшни; копье, щит и панцирь — где? Не знаем! Ах, я бедная! Куда денусь от горя! Кладу голову на плаху, если проклятые рыцарские сказки не свели его с ума; я помню, как он часто, рассуждая сам собою, говаривал, что хочет сделаться странствующим рыцарем, поедет искать приключений, резать колдунов и великанов. Проклятые романы! Проклятые бредни! Вскружили лучшую голову в ламанхской деревне!

— Ах! Николас, — продолжала племянница, обратясь к цирюльнику, — вообрази! Дядюшка мой иногда просиживал по несколько дней и ночей сряду за своими книгами, нередко вскакивал, как бешеный, выдергивал свой палаш и рубил им стены; когда ж приходил в усталость, то уверял всех, что зарезал четырех великанов, ростом с нашу колокольню; выпивал большой стакан воды, которую называл целительным питьем, данным ему волшебником Эскифом¹²⁷, его другом. Теперь жалею, Николас, что не сказала тебе заранее об этом; ты спас бы своего друга и сжег негодные книги его, достойные проклятия!

— Согласен с вами, сударыня, — сказал священник, — мы совсем не подумали о вредном действии книг вашего дядюшки: завтра накажем их за зло, ими причиненное. Они погубили моего лучшего друга, пускай же сами погибнут и других губить перестанут.

В сем месте разговора послышался у дверей стук. Это был земледелец с рыцарем!

— Отворите, — кричал он, — отворите маркизу Мантуанскому, израненному рыцарю Бодуэню и мавру Абиндарресу, которого антекерский губернатор взял в плен и везет в крепость.

Бросаются к дверям и узнают — одни своего дядю и господина, другие — своего друга; все обнимают Дон Кишота, который сидел на осле неподвижно.

— Тише! — сказал им паладин. — Я ранен, тяжело ранен виною коня моего. Положите меня в постель, и если можно, призовите мудрую Урганду¹²⁸ излечить раны мои!

— Слышите ли! — закричала управительница. — Я отгадала, чисто отгадала! Он помешан! Пойдем, сударь, пойдем! Вас и без Урганды вылечить можно! Проклятые книги! Проклятые книги!

Дон Кишота сняли с осла, положили в постелю, стали искать на теле его ран, но, к удивлению, не нашли ни одной.

— Я только что измят, — отвечал рыцарь, — я упал, вместе с конем, отбиваясь от двадцати престрашных великанов!

— А! А! — сказал священник. — И великаны в деле! Завтра без пощады книги сожжены будут.

Дон Кишоту сделали еще несколько вопросов, на которые отвечал он только тем, что хотел есть и спать. Ему повиновались. Земледелец рассказал, как нашел Дон Кишота и какие глупости от него слышал. Его слова утвердили священника в намерении сжечь библиотеку, и на другой день рано поутру, взяв с собою цирюльника Николаса, отправился он в Дон Кишотов дом.

ГЛАВА VI

Священник и цирюльник в библиотеке нашего дворянина

Рыцарь еще спал. Священник просил племянницу как можно скорей отпереть библиотеку. Племянница и управительница не замешкались. Они вошли вместе с Николасом и священником в комнату, в которой увидели около ста огромных книг в хорошем переплете и много других мелких. Все были расставлены в порядке на полках. Управительница вышла на минуту и скоро возвратилась с чашею святой воды.

— Господин священник! — сказала она. — Советую вам прежде опрыскать горницу; книги наполнены колдунами, как бы они с нами не повздорили!

Священник, смеясь от всего сердца, просил Николаса подавать ему книги одну за другою, желая узнать, нельзя ли которой спасти от всеожжения.

— Нет! Нет! — закричал племянница. — Жгите их без разбора! Они все злодеи моего бедного дядюшки, всех за окно и в огонь!

Управительница была с ней одних мыслей; но священник спорил и хотел, по крайней мере, пересмотреть заглавия.

Первая книга, поданная ему Николасом, был плодовитый *«Амадис Гальский»*¹²⁹.

— Как нарочно, — вскричал священник, — *«Амадис»* первый! Всегда говорили мне, что он зачинщик рыцарских романов в Испании!¹³⁰ Советую сжечь его без всякого суда, как основателя пренегодной секты!

— Нет! — перехватил цирюльник. — Он забавнее всех своих товарищей и потомков; прошу вас для меня пощадить его!

— Согласен! — отвечал священник. — Излишняя строгость — порок! Прощение *«Амадису»*! Кто за ним следует?

— *«Эспландиан сын Амадисов»*¹³¹.

— Негодяй! Не стоит отца! Откройте окно, госпожа управительница! «*Эспландиан*» прогуляется на двор и будет основанием костра. За ним кто?

— «*Амадис Греческий*»! Вся эта полка, мне кажется, принадлежит к фамилии Амадисов!

— За окно ее! Не жалейте ни «*Королевы Пенъткикинъестры*», ни «*Пастуха Дафанелля*» с его несносными эклогами!¹³²

Управительница и племянница, которые ничего так не желали, как погибели сих невинных, с великою радостью отправили их за окно на двор.

— Что это за толстяки? — спросил священник.

— «*Оливантес де Лаура*», «*Сад Флоры*»¹³³, «*Флоризмарт Иркинский*»¹³⁴, «*Рыцарь Креста*»¹³⁵, «*Рыцарь Платиф*»¹³⁶!

— На двор! За окно!

— Вот «*Зеркало рыцарства*»¹³⁷!

— Знаю! Знаю! — сказал священник. — Здесь найдете Ренода Монтобанского с товарищи; они все молодцы изрядные! Здесь найдете и «*Двенадцать французских пэров*», и правдивые «*Записки архиепископа Тюрпеня*»¹³⁸. Мой совет осудить их на одно вечное изгнание, по той причине, что Ариост и Боярдо¹³⁹ в них почерпнули содержание поэм своих. Что ж принадлежит до милого Ариоста, то не пощажу его, если найду здесь не в своем, а в чужом виде. Горе его переводчикам! Их усилия останутся бесполезны, дарования недостаточны! Всегда будут они карикатурами своего оригинала. Что у вас в руках, господин цирюльник?

— «*Пальмерен Оливский*»¹⁴⁰ и «*Пальмерен Британский*»¹⁴¹.

— Оливского за окно! Британскому прощение! Первое за то, что он сам по себе хорош, второе за то, что сочинителем его почитают одного ученого португальского короля!¹⁴²

— Какое решение «*Дон Белианису*»?

— Рассмотреть его получше. Пускай содержится у вас по тех пор, покуда не выкинем из него двух третей. Остаток сих толстых томов отдайте госпоже управительнице! Пускай поступит с ними по законам.

Управительница не стала дожидаться повторения приказа; взяла книги в охапку и бросила их на двор. Одна вырвалась из рук ее и упала к ногам цирюльника; он ее поднял и прочел: «*Повесть о славном Тиране белом*»¹⁴³.

— Как! — закричал священник. — «*Тиран белый*» здесь? Дайте его мне, любезный друг, презабавная книга! В ней-то есть *Рыцарь Кирье элейсон* и легкие правила девицы *Утехи жизни*¹⁴⁴. В этой книге, по крайней мере, то хорошо, что рыцари едят, спят, живут и умирают, как

все люди. Однако я бы рад был сослать автора на галеры за то, что он все смешное в романе своем рассказывает, как дело, и самым важным тоном; впрочем, сию книгу оставить можно: читайте ее, когда вам захочется посмеяться.

— Я вижу много маленьких форматов¹⁴⁵, — продолжал он, — верно, стихотворения? Так и есть! Вот «*Диана*» Монтемиорова. Думаю, что их пощадить можно; любовные нежности пастухов не так опасны голове нашего друга.

— Извините! — перехватила племянница. — Советую вам сжечь их. Если дядюшка вылечится от своей рыцарской болезни и возьмется за эти книги, то, может быть, вздумает превратиться в пастуха, бегать по лугам с флейтой или свирелью и обожать какую-нибудь Амариллу, тогда будет гораздо хуже! Кто сойдет с ума на стихах, тот — говорят честные люди — никогда не образумится!

— Хорошо сказано! — отвечал священник. — Мы избавим нашего друга от сего камня преткновения. Однако никак не решусь кинуть в огонь «*Диану*», и когда бы автор выбросил из нее все волшебства и большие стихи¹⁴⁶, то я назвал бы ее первую книгою в своем роде. Все продолжения «*Дианы*»¹⁴⁷ за окно! Оставьте одного *Гиль-Поло*¹⁴⁸.

— Вот, — сказал цирюльник, — еще роман: «*Десять книг счастья и любви*» *Антоня де Лофраса, поэта сардского*¹⁴⁹.

— Ах! По чести! — закричал священник. — Не знаю книги забавнее этой! Отдайте ее мне, любезный кум: боюсь, что с охотою продал бы свое последнее полукафтанье¹⁵⁰, чтоб купить ее!

— Вот «*Пастух Иберийский*», «*Нимфы Генареса*», «*Лекарство от ревности*»¹⁵¹!

— К госпоже управительнице! Окончим, потому что поздно.

— Вот «*Песенник*» *Мальдонадов*¹⁵² и «*Сокровище различных стихотворений*»¹⁵³!

— Обыкновенно чем больше сокровища сии бывают, тем меньше они стоят. Оставьте, если хотите, это сокровище у себя, но советую вам гораздо убавить его.

— А «*Галатея*» *Сервантова*? Что скажете?

— Потихе, любезный кум! Не шутите над нею! Автор — мой сердечный друг, он же несчастлив! Его книга имеет свое достоинство; правда, он начинает много повестей и ни одной не кончит, но подождем второй части, обещанной Сервантом¹⁵⁴, и потом станем судить «*Галатею*». Надеюсь, что он удостоится милости нашей. Спрячьте книгу его, любезный друг; я имею на то свои причины.

— Что это? — «*Араукана*» *Алонза д'Эрсиллы*, «*Австриада*» *Жуана де Руфо*, «*Монсеррат*» *Кристофа де Вирусеса*¹⁵⁵!

— Сии три сочинения, — сказал священник, — лучшие из всех написанных героическими стихами¹⁵⁶ в Испании, единственные, которыми нам похвалиться можно пред итальянцами. Не отдавайте их госпоже управительнице! Остаток в ее власти; пускай делает с ним, что хочет, а меня прошу теперь уволить, я утомился!

ГЛАВА VII

Второй выезд Дон Кишота

В эту минуту услышали, что Дон Кишот, проснувшись, кричал во все горло:

— Ко мне! Ко мне! Вот случай оказать вам свою храбрость. Лыстецы придворные получают награду на турнире!

Все сбежались, и поспешность, с какою оставили рассматривание книг, была причиною, что многие, которых бы, верно, пощадил священник, остались приговоренными на сожжение. Дон Кишот бегал по горнице, шумел, стучал и махал палашом во все стороны. Однако нашли способ его схватить и уложить в постелю. Тогда наш герой, обратясь к священнику, сказал важным голосом:

— Святой архиепископ Тюрпень! Стыдно нам, пэрам Франции, уступать рыцарям двора награду на таком турнире, который столько времени славится мужеством нашим!

— Что делать! Любезный сосед, — отвечал священник, — покоримся! Бог даст, и мы некогда будем счастливы! Пословица говорит: кто теряет нынче, тот берет вдвое завтра! Теперь думаем о здоровье вашем; вы, конечно, устали, а может быть, и ранены!

— Ранен! Нет, я не ранен. Правда, немного измят, потому что негодяй Роланд¹⁵⁷, взбесясь на меня за то, что я один оспаривал у него победу, бил меня долго дубом, оторванным от корня. Но соглашаюсь лишиться имени Ренода Монтобанского¹⁵⁸, если не отплачу ему с лихвой, как скоро немного поправлюсь! Очарования не спасут его! Теперь дайте мне чего-нибудь съесть, я очень голоден.

Ему принесли обедать, и герой заснул, утолив свой голод.

Управительница во время его сна сожгла все книги, брошенные на двор. Священник и Николас, желая вырвать и самые корни зла, приказали тут же заделать дверь библиотеки, научив племянницу сказать, что какой-то волшебник похитил книги. И в самом деле, спустя два дни, Дон Кишот, оправясь совершенно, захотел посетить свою библиотеку. Не находя дверей, осматривался он во все стороны, ходил из угла в угол; ощупывал, ошаривал стены и всегда останавливался у того места,

на котором прежде была дверь. Наконец, по долгом молчании, стал просить управительницу показать ему кабинет чтения.

— Какой кабинет! — отвечала она. — Теперь нет ни кабинета, ни книг! Черт все утащил!

— Не черт! — перервала племянница. — А чародей, который без вас прилетел к нам на страшном драконе: вскочил в библиотеку; делал там Бог знает что и через минуту выехал в слуховое окно, оставя дом, полный дымом. Мы побежали узнать, что он начудесил, и не нашли кабинета. Помнится мне, я думаю, и управительница помнит, что этот злой старик, оставляя дом, сказал нам, что отмстил хозяину, которого ненавидит смертельно, и что назывался Мугнатоном¹⁵⁹.

— Не Мугнатоном! — перервал Дон Кишот. — А Фрестонном!¹⁶⁰ Я очень его знаю: величайший мне злодей! Он по наукам своим узнал, что один рыцарь, его любимец, будет некогда побежден мною, и с тех пор делает мне всякие пакости; но ему ничто не поможет! Веления рока неотвратимы!

— Дядюшка, ваша правда! — сказала племянница. — Но зачем заводить вам ссоры? Не лучше ли остаться дома на покое, а не искать по свету опасностей и бед! Вы знаете пословицу: кто ходит за чужой шерстью, сам острижен бывает.

— Вижу, моя милая, — перехватил Дон Кишот, — что ты умеешь кстати говорить пословицы. Но знаешь ли, что нет человека на свете, который бы мог остричь меня. Пожалуй, не забывай этого!

Важный тон, с каким он произнес последние слова, кончил разговор.

Дон Кишот казался спокойным в продолжении следующих двух недель; никто не мог подозревать, чтобы он думал о новом походе. Только в частых разговорах своих с Николасом и отцом Пересом утверждал он, что нет ничего полезнее странствующего рыцарства и что он намерен возобновить его. Священник спорил и часто согла-

*Однако нашли способ его схватить
и уложить в постелю.*

шался, боясь поссориться. Он не знал, что в это самое время наш витязь тайно уговаривал одного земледельца, добродушного человека, недалких понятий, следовать за собою в чине оруженосца. Он обещал ему золотые горы и, между прочим, уверял, что в звании оруженосца ничего не может быть легче, как получить во владение какой-нибудь остров или империю. Легковерный земледелец, по имени Санко Панса, был оболещен надеждою царствовать и решился, оставя жену и детей, скакать за получением острова.

Дон Кишот, сыскав оруженосца, начал искать денег, продал одну часть земли своей, заложил другую, остался при всем внакладе и таким удачным средством достал порядочный капитал. Он выпросил у одного приятеля новый крепкий щит в замену своему старому и худому, починил опять шишак, запасся бельем, по совету трактирщика, и назначил Санке день и час выезда, подтвердив заранее чтобы он не забыл дорожной котомки. Санко дал слово быть исправным и прибавил, что, не привыкши ходить далеко пешком, возьмет с собою осла, добрую, неоцененную скотину. Имя осла не понравилось ушам рыцаря. Он знал, что ни один оруженосец в романах не ездил таким образом; но мысль, что первый побежденный рыцарь должен будет уступить Санке коня своего, решила все сомнения.

Изготовясь к походу, наши странники отправились в одну лунную, прекрасную ночь и ехали так скоро, что на рассвете не могли уже бояться погони. Добрый Санко на осле, с котомкою наперед, с большою бутылкою назади, ехал, как патриарх, и с нетерпением смотрел по сторонам, ища глазами острова, на котором надлежало ему быть губернатором. Дон Кишот, с надеждою в сердце, с гордым видом и высоко поднятою головою, отличался на худом Рыжаке среди той же самой равнины Монтиельской, на которой и прежде застало его солнце и чуть не сожгло палящим огнем своим. Теперь лучи его, сиявшие с стороны, уже не так беспокоили рыцаря. Санко, не любя молчать, начал разговор.

— Любезный мой господин, — сказал он, — прошу ваше странствующее рыцарство не забыть острова, который мне обещали. Поверьте, что я лицом в грязь не ударю, и управлюсь с ним, как с ослом своим.

— Друг Санко, — отвечал Дон Кишот, — нужно ли напоминать об этом? Наша братья, рыцари, во всякое время награждали своих оруженосцев островами или королевствами; не хочу уверять тебя, что и я последую примеру их! Я сделаю лучше: большая часть рыцарей одних старых оруженосцев награждали, и то каким-нибудь графством, герцогством и тому подобным. Но, подумай сам, того ли достоин верный оруженосец? Я буду благодарнее! В неделю, если Бог продлит веку, надеюсь завладеть таким пространном государством, что и одной из провин-

ций, к нему принадлежащих, будет тебе очень, очень довольно! Только, пожалуй, не почти сего подвига трудным или необычайным! Напротив, нет ничего легче и обыкновеннее для людей ремесла нашего.

— Итак, — сказал Санко, — если я буду королем, то и жена моя Тереза будет королевою, а мои малютки принцами?

— Кто в этом сомневается?

— Я сомневаюсь, господин рыцарь! Наперед вам сказываю, что жена моя в королевы не годится; что в целом свете нет такой короны, которая бы вошла на ее голову: другое дело, в графини! Против этого спорить не буду, хотя и тут есть о чем подумать!

— Не беспокойся, друг мой, даст Бог, и она поправится. Только ты, пожалуй, не скромничай и не соглашайся быть простым губернатором! Желай королевства, империи!

— О! Господин рыцарь, обо мне вы не заботьтесь! Я рад все делать, что только прикажете. Такой добрый и сильный богатырь, как вы, знает, что мне пристойно и что нет.

ГЛАВА VIII

Страшное приключение с ветряными мельницами

В сию минуту наш паладин увидел тридцать или сорок ветряных мельниц и, бросив значащий взгляд на оруженосца, сказал:

— Друг Санко, мы — любимцы счастья! Посмотри, какое множество великанов: их более тридцати! Но будь их тысяча, я один нападу на сих надменных врагов Бога и человека! Не должно терять этой добычи!

— Где ж великаны? — спросил Санко.

— Разве ты слеп? Они перед тобою! Посмотри, какие длинные руки; думаю, всякая из них будет с милю!

Санко смотрел, смотрел, наконец, покачав головою, сказал:

— Остерегитесь, рыцарь; это — ветряные мельницы, а то, что кажется вам руками, длиною в милю, не иное что, как их крылья.

— Ах! Бедный мой Санко, по всему видно, что ты еще новичок в приключениях; это великаны, точно, великаны! Поверь мне, я в них знаток! Удались, когда тебе страшно, стой в отдалении, читай молитвы, а я между тем начну сие неравное и опасное сражение.

С сими словами дает он Рыжаку шпоры и скачет прямо на великанов. Санко, надрываясь, кричит ему, что это мельницы; но что, скажите, могло удержать и разуверить рыцаря?

— Погодите, — говорил он, — погодите, злодеи, безбожники! Рыцарь вызывает вас на сражение!

В сию минуту повеял ветер, и крылья начали вертеться.

— О! — закричал Дон Кишот. — Делайте, что хотите, вы не избегнете наказания, хотя бы каждый из вас имел руки Бриарсевы!¹⁶¹

Он накрывается щитом, зовет на помощь Дульцинею и, рассказавшись, поражает копьём в крыло первой мельницы, которое, подняв его вместе с конем, бросает их на двадцать шагов друг от друга. Санко во всю ослиную рысь пустился к ним на помощь. Он долго не мог поднять рыцаря: так падение было сильно!

— Помилуй Бог! — сказал он. — Я во все горло кричу вам, что это не великаны, что это ветряные мельницы; а вы скачете, заткнув уши, как будто кто вас гонит! Скажите, пожалуйста, какую дрянью набили вы свою голову!

— Молчи, Санко! — перервал герой. — На войне обыкновенно бываешь подвержен прихотям фортуны; особливо когда повздоришь с проклятым Фрестоном, который и так унес мою библиотеку. Он и теперь сыграл со мною шутку: превратил в мельницы великанов, чтобы лишить меня славной победы. Но погоди; я с ним управлюсь, ему не долго бесить меня осталось!

— Дай-то Бог! — отвечал Санко, поставя на ноги рыцаря и спеша поднять Рыжака, у которого плечо было почти выбито.

Наш герой, севши опять на бедную скотину свою, поехал по большой дороге к порту Лапису¹⁶², надеясь найти много приключений в таком проезжем месте. По несчастию, лишился он копья, рука исполина, то есть крыло мельницы, изломало его в куски, он крайне жалел об том и говорил Санке:

— Мой друг, я без копья, как без руки; нельзя ли помочь этому горю! Помнится мне, что один испанский рыцарь, по имени Перес де Варгас, потеряв на сражении меч, вырвал дуб из корня¹⁶³ и побил им столько мавров, что его прозвали за то *сокрушителем*! Стану подражать Пересу де Варгасу! Первый дуб, который нам попадется, будет моею дубиною; тогда-то посмотри на меня! Клянусь небом, что помрачу рыцарей, удивлявших мир делами своими!

— Аминь! — отвечал Санко. — Но держитесь попрямее; вы совсем на один бок согнулись.

— Признаюсь тебе, я ушибен, изломан! Жаловаться не хочу для того, что рыцарям и тогда не позволено жаловаться, когда они до полусмерти прибиты будут.

— Вот хорошо! Если это запрещено и оруженосцам, то я за себя не ручаюсь; я сказываю наперед, что при малейшей боли закричу так, как будто бы с меня кожу драли; но позвольте спросить вас, господин рыцарь, конечно, хотите вы не обедать? Кажется, давно полдень!

— Обедай, когда ты голоден! — сказал Дон Кишот.

Не нужно было повторять сего позволения! Санко уместился на осле, вынул провизию из котомки и, признаваясь в душе своей на ту минуту, что искать приключений всего лучше на свете, и не думая о пышных обещаниях господина своего, ехал за ним потихоньку, вздваивал свои порции и с таким аппетитом, с таким удовольствием тянул из своей бутылки, что самый неутомимый герой питейного дома позавидовал бы ему в то время.

Наступила ночь; странники провели ее под деревьями. Дон Кишот выбрал крепкий сук и утвердил на нем железо копья своего. Он не смыкал глаз ни на минуту, подражая древним рыцарям, которые по ночам не спали, а думали о своих красавицах. Санко, напротив, храпел и не просыпался ни разу; ни лучи восходящего солнца, ударявшие прямо в лицо его, ни утренние песни птиц, которыми рыцарь восхищался, ничто не могло пресечь его сна богатырского; наконец, Дон Кишот его растолкал. Он отворил глаза, хватился, прежде всего, бутылки и вздохнул тяжело, увидя, что она против вчерашнего стала несравненно легче. Наш герой, питаясь одним воздухом и нежными чувствами, отказался от завтрака. Санко ел за двоих; наконец, они пустились в путь и через три часа увидели порт Лапис.

— Теперь-то, — закричал Дон Кишот, — приключения посыплют градом! Поздравь меня, Санко, но пуще всего не забудь моего совета: в какой бы опасности я ни был, не обнажай меча своего и не дерзай подавать мне помощи. Только в таких случаях позволено тебе сражаться, когда противники мои будут низкого рода. На рыцарей ни под каким видом не должен ты подымать рук своих.

— Не беспокойтесь! — отвечал Санко. — Ни одно приказание ваше не будет с такою точностию исполнено, как это. Я тих от природы, не люблю шума и ссоры, но прошу не погневаться! Когда нападут на меня, то, несмотря ни на какие законы, буду, сколько сил есть, обороняться.

— Хорошо сделаешь! Я только предостерег тебя, опасаясь кипящего твоего мужества!

— О, сударь! Я не дам ему воли; я буду хранить ваше правило так же свято, как и заповедь: помни день субботный, святи его!

Во время сего разговора Дон Кишот увидел двух бенедиктинских монахов на мулах, показавшихся ему верблюдами. Каждый из них имел в руках дорожный зонтик и очки на носу¹⁶⁴; за ними шли пешие слуги, а немного подалее стучала карета, окруженная пятью или шестью верховыми. В карете сидела бискайская дама, ехавшая в Севиллу¹⁶⁵ к мужу, который собирался в Индию. Монахи не были товарищами

бискайки, а только ехали по одной дороге с нею. Дон Кишот, увидя их, сказал Санке:

— Я готов божиться, что это такое приключение, какого еще не видано и не слыхано. Черные фигуры на верблюдах, конечно, волшебники, похитившие какую-нибудь принцессу, которую везут в этой карете. согласишься, друг мой, что этого никак пропускать не должно.

— Рыцарь! — сказал Санко. — Всмотритесь хорошенько! Чтобы черт вас опять не попутал! Это уж не ветряные мельницы; не наделайте бед! Я, кажется, не слеп, а ничего не вижу, кроме двух монахов на мулах и дам, которые путешествуют.

— Я уже тебе сказал, — перехватил Дон Кишот, — что ты не знаешь толку в приключениях. Я докажу в минуту, что мысли мои справедливы!

Сказав это, погоняет он Рыжака и скачет к монахам.

— Послушники дьявола! — кричит он. — Сей час возвратите свободу принцессам, которых похитили вы дерзновенно, или готовьтесь принять воздаяние от руки моей!

Монахи, удивясь, остановили мулов.

— Господин рыцарь! — отвечал один из них. — Вы ошибаетесь; мы — бенедиктинцы, путешествуем по делам своим и не знаем, какие похищенные принцессы едут за нами в карете.

— Пустое! — перервал Дон Кишот. — Я ласковым словам не верю! Я коротко знаю вас, нечестивцы, безбожники!

Он подымает копьё и устремляется на одного из бедных монахов, который только что успел прыгнуть с мула. Товарищ его в страхе принялся погонять своего и ускакал в поле. Санко, увидя лежащего, проворно скочил с осла, ухватил бенедиктинца и начал обирать его. Но слуги подоспели к ним и спросили Санко, для чего раздевал он их господина.

— Как для чего! — закричал оруженосец. — Я беру то, что мое. Рыцарь Дон Кишот победил волшебников, чего ж яснее? Вся добыча принадлежит мне, оруженосцу!

Слуги, по несчастию, не знали законов рыцарских, бросились на Санку, повалили его и всю бороду ему выщипали. Потом подняли, посадили на мула бенедиктинца, и он, дрожа от страха, поспешил догнать своего товарища, который, остановясь среди поля, смотрел на происшедшее. Оба, не дожидаясь конца приключения, поехали во всю рысь, крестились и читали молитвы.

Между тем наш рыцарь, приблизясь к дверцам кареты, сказал:

— Великая принцесса, вы свободны! Рука моя наказала врагов и похитителей ваших! Узнайте своего избавителя: я — Дон Кишот, странствующий рыцарь и невольник прелестной Дульцинеи Тобозской; прошу

вас в награду за услугу мою взять на себя труд заехать в Тобозо, явиться к моей красавице и рассказать ей, как получили от меня свободу.

Один бискайский дворянин, ехавший подле кареты, внимательно слушал то прекрасное приветствие. Он худо понимал его; но видя, что наш герой останавливал карету и хотел непременно повернуть ее в Тобозо, рассердился, подъехал к Дон Кишоту и, дернув его довольно грубо за копьё, сказал худым испанским языком:

— Отойди прочь, сударь, или не будь я бискаец — если тебе рук и ног не изломаю!

— Несчастный! — отвечал герой с холодным презрением. — Давно бы я наказал тебя за дерзость, когда бы не считал низким с тобою драться!

— Низким! Низким! — закричал вспльщивый бискаец. — Я дворянин, я бискаец, и ты считаешь низким драться со мною! Выходи, господин избавитель принцесс, выходи!

Рыцарь наш рассердился, бросил копьё, ухватил меч и, накрыв щитом голову, ударил на своего соперника. Бискаец, не весьма полагаясь на проворство наемного мула, хотел, было, спрыгнуть на землю, однако не успел и только мог обнажить шпагу и выхватить из кареты подушку, чтобы ею, как щитом, накрыться. Люди, окружившие карету, напрасно хотели разнять поединщиков. Бискаец клялся изувечить всякого, кто ему помешать осмелится; дама, сидевшая в карете, испугалась и, отъехав на несколько шагов, с трепетом смотрела на сражение.

Бискаец ударил первый и попал рыцаря в плечо так сильно, что, конечно, рассек бы его до пояса, когда бы щит не отвел удара. Дон Кишот пришел в ярость, вскричал страшным голосом:

— Дульцинея, царица души моей, помоги своему рыцарю в предстоящей опасности!

И быстрее молнии кинулся на врага своего. Бискаец накрылся подушкою; проклятый мул, не приученный к рыцарским ухваткам, стоял, как вкопанный, и мешал седоку защищаться от ужасного удара. Неподвижные зрители, устремя глаза на бьющихся, хладели от ужаса; незнакомая госпожа среди женщин своих умирала от страху и звала святых на помощь к своему спутнику.

Жаль, что автор сей истории остановился в этом месте и не досказал нам конца ужасного поединка. Он в заключение говорит, что в манускриптах своих не нашел ничего более о Дон Кишоте. Правда, что другой автор, почитая невозможным, чтобы ламанхские летописцы не сохранили всех деяний героя нашего, перерыл опять архивы, и успех увенчал великие труды его!

ГЛАВА IX

Конец страшного поединка между бискайцем и Дон Кишотом

Мы теперь знаем, что принудило автора сей истории покинуть ламанхского героя в споре с бискайским. Он не имел достаточных записок. Такое препятствие, при самом начале интересной повести, меня печалило. Я был неутешен, видя, что Дон Кишот, витязь беспримерный, был забыт всеми, тогда как множество рыцарей, недостойных внимания, имели по три, по четыре историка и прославлялись безумным потомством. Библиотека Дон Кишота по большей части была составлена из новейших романов; я заключил из того, что время жизни рыцаря не весьма отдалено от нашего, и надеялся найти в Ламанхе если не записки, то, по крайней мере, предания о таком герое, который во всю жизнь был защитником чести красавиц — красавиц, которые больше глаза берегли свою невинность, разъезжали по полям на убранных конях и в девяносто лет были так же чисты и непорочны, как их бабушки. Из благодарности — рассуждал я — должна сохраниться память героя Дон Кишота; и конечно, потомки поблагодарят меня за то, что я — правда, нечаянным случаем — отыскал продолжение сей любопытной истории.

Вот как это случилось: я шел, не помню, по какой улице в Толеде, как вдруг увидел мальчика с кипкою исписанной бумаги, которую нес он продавать колбаснику. Я — великий охотник до всего, что писано; взглянул на бумаги и узнал арабские буквы, которых никак разобрать не мог. К счастью, подошел к нам один мавр: я попросил его растолковать содержание старых бумаг. Он посмотрел на них и засмеялся. Я пожелал узнать причину его смеха. Он отвечал:

— Смеюсь тому, что автор почел за нужное в примечании сказать читателю о превосходном искусстве Дульцинеи Тобозской печь пироги и булки.

Я затрепетал, услышав имя, столько мне знакомое, начал кланяться и просить мавра, чтобы перевел титул манускрипта, и он прочел. «*История Дон Кишота Ламанхского, сочиненная с достоверных записок арабом Сид Гамем-Бененжели*»¹⁶⁶. Читатель вообразит мое восхищение! В минуту скупил бумаги, увел мавра с собою, и он за несколько мер пшеницы перевел для меня слово в слово драгоценные манускрипты.

На одной из первых страниц были нарисованы ламанхский герой и бискаец в жарком сражении, с поднятыми мечами, один покрытый щитом, другой подушкою. Мул бискайца изображен был так верно,

что всякий, смотря на него, угадывал, что он наемный. Рыжак только что не дышал, его нетрудно было узнать по длинной и сухой шее, по крутой шерсти, пустому брюху и голым ребрам. И Санко забыт не был, он стоял в стороне и держал осла за узду. Пресмешная фигура! Большое брюхо, низенький рост, кривые ноги, словом, Санко!¹⁶⁷ Я смеялся, и моя недоверчивость к арабскому манускрипту несколько поуменьшилась. Известно, что арабские писатели никогда не оставляют своих предрассудков и ненависти, не знают, что история, соперница времени, должна быть строгим свидетелем протекшего, толкователем настоящего и светильником будущего. Как бы то ни было, мы уверены, что всякий мавр скорее ослабит, нежели увеличит подвиги испанца. И для того прошу читателя винить мавра Бененжели за все недостатки моей книги. Я на себя их не беру. Мое дело за ним следовать по пятам и слепо верить сему неверному писателю, который так продолжает свою повесть.

Оба ратоборца, сверкая мечами, казалось, грозили небу и земле. Разъяренный бискаец нанес первый удар; по счастью, меч его повернулся и ударился плашмя. Без того сей удар бы кончил и поединок, и подвиги нашего рыцаря; но фортуна, храня его для великих предприятий, отвела руку бискайца; его меч, скользнув по плечу, рассек латы, отрубил часть шлема и половину уха. Небо! Кто изобразит ярость Дон Кишота? Он подымается на стременах, берет палаш в обе руки и опускает его, как гору, на голову бискайца. Подушка ему не помогла, удар был так силен, так ужасен, что кровь полила ручьями изо рта и ноздрей его. Он бы слетел на землю, когда б не ухватил за шею мула; но и то напрасно, мул испугался, поскакал, начал прыгать, брыкаться и сбил с себя несчастного всадника. Дон Кишот, скочив с Рыжака, подбежал к нему, приставил меч ко груди его, и закричал:

— Покорись, когда умереть не хочешь!

Бискаец, оглушенный ударом, не мог ни слышать, ни отвечать. Герой, в кипении гнева, готовился довершить мщение, как дамы робкие и безмолвные, свидетельницы поединка, выскочив из кареты, бросились к победителю просить помилования бедному своему товарищу. Дон Кишот с гордою важностию отвечал им:

— Красавицы! Исполняю желание ваше; но с уговором, чтобы сей рыцарь немедленно шел в Тобозо; явился к императрице Дульцинее и возвестил ей о подвиге рыцаря Дон Кишота!

Путешественницы, не спрашивая, кто такова Дульцинея, согласились на все вместо бискайца, и Дон Кишот пощадил побежденного.

ГЛАВА X

*Разговор Дон Кишота с оруженосцем*¹⁶⁸

Санко, испытав, каковы слуги у бенедиктинцев, не смел приступить к поединщикам. Он смотрел на них издали, усердно молясь о спасении Дон Кишота. Увидя, что он победил и сажился на Рыжака, подбежал к нему проворно, стал на колена, поцеловал его руку и сказал почтительным голосом:

— Любезный господин! Если рассудите подарить мне остров, который теперь взяли, то уверяю вас, что буду с ним управляться как должно.

— Добрый Санко! — сказал Дон Кишот. — В таких приключениях не берут островов! Это простая встреча, поединок, в которых нередко наша братья рыцари теряют уши и головы; потерпи немного, в другом случае получишь губернаторство!

Санко поблагодарил рыцаря, поцеловал у него руку и, посадя его на Рыжака, поехал за ним рысью.

Наш герой, отдалясь немного, своротил с большой дороги в лес.

— Послушайте! — сказал оруженосец. — Не худо, если мы спрячемся в церковь¹⁶⁹. Тот — больно изувечен. Узнает об этом святая Германдад¹⁷⁰ — беда! Засадят нас в тюрьму, и, Бог знает, выпустят ли когда-нибудь!

— Что ты говоришь! — отвечал Дон Кишот. — Когда странствующих рыцарей в тюрьму сажают? Разве грех послать неприятеля своего в тартар!

— Не знаю, что такое тартар, с которым все подрались, но знаю, что святая Германдад посылает в тюрьму всех драчунов без разбору!

— Не бойся ничего, друг мой! Не бойся! Я посмотрю, как осмелится Германдад меня тронуть! Я сам возьму её в плен! Теперь скажи мне Санко, без лести, видал ли когда-нибудь на земле рыцаря храбрее меня? Читал ли в истории, чтобы кто лучше отражал нападения, нападал быстрее, проворнее отводил удары и сильнее поражал неприятеля? Скажи! Признайся!

— Признаюсь, рыцарь, что мало читал историков, потому что ни читать, ни писать не умею. Но готов биться об заклад, что не знаю господина храбрее вас. Помолим Господа, чтобы храбрость не привела нас туда, куда я сказывал! Но советую вам, сударь, подумать о своем ухе, кровь течет из него ручьями. Я взял на случай мази, корпии; приложите их к ране!

— Ах, мой друг! Для чего я не вспомнил об этом прежде! Составить бы скляночку *бальзама храбрых*¹⁷¹, и все лекарства были бы не нужны!

— Какой это эликсир?

— О! Ничего на свете не может быть лучше! У меня есть рецепт! Скажу только, что с этим бальзамом не боюсь ни ран, ни смерти. Послушай, Санко, единожды навсегда говорю тебе: если составлю это божественное лекарство и меня в сражении разрубят пополам (что с нами, рыцарями, почти всякий день случается), то смотри, не забудь! Немедленно подыми ту половину, которая упадет на землю, и прежде, нежели кровь запечется, приставь ее к той, которая на седле останется! Смотри, чтобы они как можно плотнее сошлись; потом дай мне выпить несколько капель моего *бальзама*; увидишь, что я встану жив и здоров по-прежнему!

— Если так, то я уступаю вам острова и королевства и прошу только сказать мне, как составлять этот бальзам. Я стану продавать его по три реала унцию; в короткое время накоплю множество денег и проживу ими век свой лучше всякого губернатора. Скажите мне, как дорого станет приготовление вашего лекарства?

— За три реала можно получить более шести кружек!

— Эх! Боже мой! Давно бы дать рецепт, и все кончено!

— Потерпи, Санко, тот секрет не так важен; у меня и других довольно! Теперь полечи мое ухо. Признаться, оно меня беспокоит.

Санко вынул из котомки мазь и корпию; но Дон Кишот, увидя, что шишак изломан, едва не обезумел!

— Вечный создатель, — закричал он, обнажив меч и подняв глаза к небу, — клянусь не прикасаться к пище, не подходить к жене и соблюдать много такого, чего теперь не могу вспомнить, но что маркиз Мантуанский соблюдал в подобном случае, до тех пор, покуда не отмщу дерзновенному, оскорбившему честь мою¹⁷².

— Что вы говорите? — перехватил Санко. — Рыцарь, который вас обидел, и так наказан — вы послали его к госпоже Дульцинее. Довольно с вас! Более не за что на него сердиться!

— Ты судишь справедливо, — сказал Дон Кишот, — я должен простить его, и мой обет уничтожен, но пока не найду шлема, столь же крепкого, несокрушимого, как Мамбринов, дорого стоивший Сакрипанту¹⁷³, по тех пор клятва моя остается в своей силе.

— Не клянитесь, рыцарь! Вы за ничто погубите свою душу! Если мы долго не встретим человека в шлеме, что немудрено в таком месте, в котором одни погонщики мулов и ямщики попадают, то неужели по тех пор станете поститься и не возьмете в рот куска хлеба, как маркиз Мантуанский?

— Что ты говоришь, Санко! Я уверен, что мы через минуту встретим такое множество рыцарей, какого и на осаде Альбраки не видано!¹⁷⁴

— Верю! И дай Бог, чтобы в этот раз попался нам остров, которого я жду не дождусь.

— Не сомневайся, друг мой, будешь с островом! А не то на всякий случай есть у нас в запасе на твердой земле королевства: Дания, Собрандиза!¹⁷⁵ С ними внакладе не останешься; они десяти островов стоят!

— Но, — прибавил он, — оставим эту материю, вынь мне чего-нибудь из сумки; я голоден и не вижу в окружности ни одного замка, в котором бы можно было провести ночь и составить бальзам; ухо мое разболелось не на шутку!

— В моей сумке нет ничего, кроме хлеба, луку и сыру; я боюсь потчевать такую дрянью знатного рыцаря!

— Ты худо меня знаешь, Санко! Ты не читал «Истории об рыцарях» и не можешь судить об них! Мои храбрые товарищи никогда за стол не садились, разве только на праздниках королевских. В другое время питались они воздухом; но, будучи такими ж людьми, как и все, иногда принимали в себя немного пищи. Должно думать, что, езда по лесам и пустыням и не имея с собою повара, они ели то же, что ты мне теперь предлагаешь. последуем примеру их и не станем вводить новых обыкновений!

— Когда так, господин рыцарь, то я набью сумку свою, по законам рыцарства, сухими плодами для вас и чем-нибудь посытнее — для себя!

— Я не говорю, Санко, чтобы мы, рыцари, непременно должны были питаться одними сухими плодами; мне известно травы.

— Тем лучше, когда известны! Тем лучше! Мы со временем и до трав доберемся!

Разговаривая таким образом, наши путники обедали каждый на своей скотине. Желание найти ночлег до наступления ночи понудило их сократить свою трапезу. Но как ни спешили они, солнце село и оставило их на широком поле. Вдали сверкал огонь в пастушьих шалашах. Они поспешали к ним: Санко едва не плакал, видя, что принужден ночевать не в деревне; а Дон Кишот напротив рад был провести ночь под чистым небом, при свете луны, как прилично рыцарю и верному любовнику.

ГЛАВА XI

Дон Кишот у пастухов

Герой был ласково принят пастухами. Санко, поставя на место коня и осла и пронюхав приятный запах козьего мяса, которое на огне в кастрюле варилось, посматривал на него с удовольствием и ждал нетерпеливо, когда его с очага снимут и поставят на кожу, на полу разослан-

ную. Скоро исполнилось его желание; пастухи, которых числом было шесть, дружелюбно пригласили гостей отужинать с собою. С рыцарем обходились они учтиво, но просто и непринужденно, и, желая дать ему отличное место в своем круге, оборотили верх дном большое корыто, на котором герой и уселся. Оруженосец стал позади корыта, приготовясь поить рыцаря из большой роговой чаши. Дон Кишот, увидя его в таком положении, сказал:

— Санко, узнай великую цену рыцарства! Узнай, как все, что ни принадлежит к нему, скоро восходит на высоту чести: я позволяю тебе сесть подле меня, позволяю быть равным своему господину, есть и пить с ним за одним столом. Рыцарство, как и любовь, равняет состояния, сближает людей между собою.

— Милостивый государь! — отвечал Санко. — Благодарен вам за такую милость. Я готов есть и стоя, лишь бы во рту не пустело; признаю вам, что предпочту кусок хлеба с луком в маленьком уголке, на свободе, всем жареным каплунам и индейкам за богатым столом, где бойся громко жевать, много пить, утирать губы, кашлять и чихать, когда захочется. Прямо скажу: не люблю принуждения! Итак, не лучше ли вам, господин рыцарь, вместо чести, наградить меня кое-чем другим, приятнейшим для желудка!

— Садись, садись, — перехватил Дон Кишот, — Господь смиренных возвышает!

С сими словами берет он Санку за руку и сажает возле себя на корыто.

Пастухи, не понимая ничего, слушали в молчании, набивали рот и посматривали на ораторов, которые также не забывали своих желудков. Козье мясо изошло скоро; его место заняли половинка сыру твердого, как известный раствор, и желуды, которые в тех местах лучше орехов. Между тем большая чаша наполнялась, не переставала ходить кругом, так что к концу ужина от двух кувшинов вина остался один.

Дон Кишот, успокоив свой голод, взял горсть желудей и, смотря на них со вниманием, сказал:

— Блаженный век! Отцы наши называли тебя златым¹⁷⁶ не для того, чтобы золото, божество нашего железного века, изобильнее для них рождалось; но для того, что бедственные слова: *твой* и *мой* не были никому известны. В сие время невинности и мира люди рождались с одинаким правом на блага земные. Сочный плод сенистого дуба доставлял им пищу приятную, простую, чистые потоки, шумящие ручьи катили к ногам их светлые волны, утоляли жажду их благотворными струями; прилежные пчелы в пустоте скал и древ дуплистых копили для них золотой мед, из соку цветов составленный. Кора могущих деревьев покрывала их мирные кущи, для бурь и непогод сооруженные. Тишина и согласие царство-

вали в мире. Жадный, неблагодарный земледелец не смел острым железом раздирать земли, приносящей обильно ему плоды свои. Тогда нежные, милые пастушки, в одежде невинности, гуляли по полям и рощам, пленяли сердца красотою, не знали других украшений, кроме природы, простой венок из роз и волны распущенных волос, небрежно по плечам рассыпанных, украшали их больше, нежели тирский пурпур¹⁷⁷ и сокровища, праздностью изобретенные. Тогда любовь нежная, святая была чистым изливанием души чувствительной; уста согласовались с сердцем — обман и ложь были неизвестны. Правосудие, гонимое в наше время, не знало меча, и весы его никогда равновесия не теряли. Робкая дева не боялась хищника. Любовник, избранный сердцем ее, получал все, не зная соперника. Но теперь куда сокрыться невинности! Хитрость и злоба роют пропасти под ногами ее. Преступление, подняв чело, протекает мир и давит его железным скипетром! Кто удержит стремление грозного чудовища? Кто подаст руку милости вдове и сиротам оставленным? Рыцари, одни рыцари! Так, друзья мои, наконец, смягчилось небо, и рыцари, пылая огнем добродетели, обнажили мечи против злобы и порока. Я сам из числа сих защитников человечества! Сердце мое благодарит вас за гостеприимство и ласку вашу!

Поверишь ли, читатель! Горсть желудей напомнила доброму рыцарю золотой век и побудила его сказать пастухам сию длинную, красноречивую проповедь. Они слушали его с некоторым благоговением. Санко также слушал, не переставая жевать и заглядывать в последний кувшин вина, который поставили на полку. Один из пастухов сказал Дон Кишоту:

— Высокородный рыцарь! Мы хотим вас потчевать всем, что есть у нас лучшего, и просим послушать, каково поет наш товарищ, молоденький мальчик, умница, мастер играть на скрипке и вдобавок влюбленный по уши в одну крестьянку. Он скоро будет, потерпите немного!

Пастух еще говорил, как услышали скрипку, и в хижину вошел молодой человек, миловидный лицом, около двадцати двух лет от роду.

— Антон!¹⁷⁸ — сказал ему пастух. — Я хвалил гостю твое мастерство; докажи ему, что и у нас на горах музыку знают. Садись-ка и спой тот романс, который сочинил твой дядя, священник, о любовных твоих похождениях!

— С охотою! — отвечал Антон; сел на дубовую колоду, и настроив скрипку, заиграл и запел приятным голосом:

*Что пользы, Ниса, притворяться!
Твое презрение — любовь!
Кто любит, как тому скрываются!
Он скажет все, не тратя слов!*

*Встречаюсь ли когда с тобою,
Не смотришь на меня, молчишь!
Иду ли прочь, ты вслед за мною
Украдкой, милая, глядишь!*

*Мою ли песенку читаешь,
Не скажешь ничего об ней!
Себе лишь только изменяешь:
О чем молчим, то нам милей!*

*Всегда находишь извиненье,
Чтоб не плясать нигде со мной!
Не верю, Ниса — принужденье!
В душе я предпочтен тобой!*

*Какая ж польза притворяться,
И сердце без любви морить,
Заране с жизнью расставаться?
Нам дважды, милый друг, не жить!¹⁷⁹*

Пастух кончил романс. Рыцарь, охотник до музыки, просил его спеть другой; но Санко, желая спать, а не песни слушать, формально тому воспротивился.

— Господин рыцарь! — сказал он. — Подумайте, что наши хозяева целый день работали! Пора им успокоиться!

— Понимаю, — перехватил Дон Кишот, — частые посещения в кувшин отняли у тебя охоту к музыке!

— Слава Богу! — сказал Санко. — Всем на свою часть достало!

— Правда! — прибавил герой. — Поди спать, когда хочешь; люди моего звания сон презирают. Но прежде осмотри мое ухо. Боль меня еще беспокоит!

Один пастух пожелал увидеть рану и уверил Дон Кишота, что вылечит ее в минуту. В самом деле, сыскав немного розмарину и смешав его с солью, составил из того припарку, приложил ее к ране, и боль унялась очень скоро!

ГЛАВА XII

*История Марселлы*¹⁸⁰

В сию минуту пришел молодой пастух из деревни.

— Знаете ли новость? — сказал он, входя в хижину.

— Какую?

— Бедный Хризостом¹⁸¹ приказал долго жить! Он умер, рассказывают, от любви к ужасной Марселле, дочери богача Гильома!

— К Марселле?

— Да; и что всего мудренее, Хризостом в духовной просит, чтобы его схоронили в поле, как мавра¹⁸², и назначает место у *чистого ключа*, близ которого в первый раз увидел Марселлу. Наши священники и слышать не хотят об этом, говоря, что так погребают одних язычников; но Амброзий¹⁸³, первый друг Хризостомов, намерен все по воле покойника сделать. В деревне только и говорят, что об этом. Надеются, что Амброзий с попами сладит и что завтра с великою пышностью отправлено будет погребение. Желал бы его посмотреть, но Бог знает, как удастся!

— Пойдем туда все и бросим жеребий, кому оставаться дома смотреть за козами.

— Я останусь, Петр¹⁸⁴, — подхватил один пастух, — я занозил ногу и ступить не могу на нее!

— Послушайте, господин Петр, — сказал Дон Кишот, — растолкуйте, пожалуйста, кто таков этот Хризостом и эта Марселла?

— Охотно, сударь! — отвечал Петр. — Покойник был достаточный дворянин здешнего места; учился он в Саламанке¹⁸⁵, а кончив науки, переехал жить в нашу деревню. Люди почитали его знатоком, особливо в таких вещах, которые бывают на небе с луною и солнцем, которых затей он из минуты в минуту нам предсказывал!

— Говори затмения! — перехватил Дон Кишот.

— Слышу, сударь, затмения! Он также угадывал, когда год будет сух или плодороден, и мало ли что еще знал, всего пересказать не умею; коротко, да ясно! Все любили и почитали его в деревне за то, что он был умен, учтив, писал канты для Рождества Христова и разговоры мальчишкам для Светлого Воскресения¹⁸⁶ такие прекрасные, что им не могли надивиться довольно. Вдруг, спустя несколько времени по приезде его к нам, явился он в пастушьем платье, одетый в козью кожу, с прекрасным стадом. Один саламанкский товарищ его, великий ему друг, по имени Амброзий, в угодность Хризостому кинул студентское платье, надел пастушье и начал также пасти овец. Сперва мы тому дивились: отец Хризостомов умер, оставя сыну богатое наследство, и он стоил этого, потому что был тих, добросердечен и любил подавать бедным — все это, как пером, написано было на лице его. Напоследок узнали, что пастухом сделался он из любви к прекрасной Марселле, за которою хотел по горам следовать. Не худо, если я опишу вам эту Марселлу; вы подобной во сто лет не найдете.

Надобно вам знать, сударь, что у нас в деревне жил земледелец, по имени Гильом¹⁸⁷, у которого денег было больше, нежели у отца Хри-

зостомова. Жена этого земледельца — редкая женщина, Царство ей Небесное — родила ему дочь Марселлу и умерла родами. Все добрые люди жалели о ней, и, правду сказать, есть о чем пожалеть. Я как теперь смотрю на нее: круглое лицо, как месяц; глаза огненные, как два солнца, при всем том была такая добрая, никогда не оставляла бедных, сама ходила искать их, когда они к ней не приходили; давала им все, что могла. Если она не в раю, то уж не знаю, куда мы попадем! Ее муж Гильом тосковал по ней, тосковал и умер, оставя дочь Марселлу осьми месяцев на руках своего брата, нашего приходского священника. Маленькая Марселла росла понемногу, цвела, как роза, и стала так хороша, так хороша, что все говорили, будто она со временем превзойдет мать пригожеством. Так и случилось, когда ей минуло пятнадцать лет! Никто не мог смотреть на нее без удивления; почти все наши молодые поселяне сходили с ума от любви к Марселле. Дядя воспитывал ее с величайшим рачением и держал взаперти. Но красота ее столько шуму наделала, что лучшие женихи с ближних деревень собрались к дяде, приступали, кланялись, чтобы он отдал за них Марселлу. Старик у того и хотелось, но принуждать ее было ему больно; человек он честный, берег ее больше глаза и до наследства ее пальцем не дотрогивался, в этом вся деревня за него поручится, а у нас, когда прихожане хвалят священника, то это знак добрый; он, верно, стоит того, что говорят об нем.

— Ты судишь справедливо! — перехватил Дон Кишот. — Продолжай свою повесть; она прекрасна, и ты рассказывать мастер!

— Много милости, господин рыцарь!

И так дядя приводил к Марселле женихов по десятку, прося ее выбрать любого. Она и слышать об них не хотела; всегдашний ответ ее был, что замуж идти не думает, что еще молода, что — что — всего вам пересказать не умею. Старик не мучил ее напрасным принуждением, а терпеливо ждал, покуда ей самой захочется выбрать мужа по сердцу; он часто говорил, и говорил правду, что в женитьбе неволя плакать заставит. Таким образом, господин рыцарь, время уходило, а свадьба не приходила! Вдруг, ни дай, ни вынеси, наша Марселла сделалась пастушкой и, несмотря на увещания дяди, который хотел образумить ее, принялась пасти коров и овец с деревенскими девками. Лишь только эта красавица показалась на чистый воздух, как все любовники: бедные, богачи, откупщики, дворяне — кучею погнались за нею. Армия новых пастухов явилась в нашей деревне. Бедный Хризостом был тут же, он страстно любил Марселлу, крушился, не мог ни есть, ни пить, словом, умирал по красавице. Не подумайте, однако, чтобы Марселла с таким свободным образом жизни подала малейший

повод злоязычникам говорить о себе худо; напротив! Ни один из воздыхателей (которые все бегали за нею с честным намерением, то есть хотели жениться) не мог похвастать малейшею надеждою. Не подумайте также, чтобы она от них пряталась! Ничуть! Говорит с ними, как со всеми, а при случае наскажет им пропасть учтивостей; притом же не смей и намекнуть о любви. Она скажет *прости*, прынет, как коза, а ты ищи да свищи!

Таким-то манером, господин рыцарь, эта девка у нас не лучше язвы! Кто на нее ни взглянет, помешается, начнет тосковать, охать и под конец совсем дураком станет! Поживите у нас подольше! Вы не услышите на горах ничего, кроме жалоб и упреков бедных любовников! Все наши деревья измараны стихами Марселле. Везде встречаются несчастные мученики! Что шаг, то любовник! Тот плачет, другой поет, третий сидит ночью под утесом и рассказывает луне, что Марселла его не любит; иной, жарясь на солнце, бранит ее целый день, а Марселла между тем смеется над ними. Ждем не дождемся конца этой комедии! Кто-то будет счастливым мужем страшной красавицы! Один умер покуда, и кажется, был из всех лучший. Советую вам, господин рыцарь, посмотреть Хризостомова погребения! Народу сберется много; у покойника друзей было довольно!

Дон Кишот уверил пастуха, что не пропустит погребенья, и поблагодарил за прекрасную повесть. Санко давно посылал к черту и пастуха, и Марселлу, и Хризостома, кивал головою и крайне обрадовался, когда начали расходиться. Наш герой провел ночь в шалаше Петра и, по примеру любовников Марселлы, не смыкал ни на минуту глаз, а тосковал по Дульцинее. Оруженосец растянулся между ослом и Рыжаком на соломе и спал не как любовник, а как весьма усталый оруженосец.

ГЛАВА XIII

Дон Кишот едет на погребение Хризостомово

Восток едва озарился, как наши пастухи, совсем одевшись, пришли сказать Дон Кишоту, что время им отправляться. Рыцарь вскочил, приказал Санке седлать Рыжака и вместе с пастухами поехал в деревню.

Они еще не отъехали четверти мили, как попались им навстречу шесть пастухов, покрытых черными епанчами¹⁸⁸, в венках из лавров и кипарисов и с пальмами из дикого терновника¹⁸⁹. С ними ехали двое молодых дворян на прекрасных лошадях с тремя лакеями пешком. Обе компании, встретясь, поклонились и, узнав, что им одна дорога, положили не разлучаться.

Один из молодых дворян, вступая в разговор с Дон Кишотом о смерти Хризостомовой и о странном характере пастушки Марселлы, осмелился спросить рыцаря, для чего он в мирное время носил на себе латы?

— Мое звание, — сказал Дон Кишот, — меня к тому принуждает! Покой и нега приличны придворным! Труды, заботы, оружия — вот собственность героев, известных под именем странствующих рыцарей! Я имею честь принадлежать к ним, хотя не могу еще назваться героем!

Дворянин, который назывался Вивальдом и был человек умный, удивился немного такому ответу и, желая короче узнать сего необыкновенного человека, спросил, что разумеет он под странствующим рыцарством?

— Дивлюсь, — перехватил Дон Кишот, — что вы не знаете истории великобританской! Но, может быть, хотя по слуху известно вам, что славный король Артус¹⁹⁰ еще жив, превращенный в ворона: предание, столь почтенное в Англии, что ни один англичанин с того времени сей птицы стрелять не смеет! При сем-то государе основался орден *Рыцарей Круглого Стола*. В его время жила и Жениевра, супруга Артусова, и рыцарь Ланцелот, тайный друг ее сердца¹⁹¹, и добрая дама Кантаньона, почтенная посредница нежных любовников¹⁹². С того времени подвиги Амадисов, Тиранов Белых, Флоризмартов и других славных воинов распространили сей орден повсюду. И в нашу пору, как вы сами знаете, мы почти своими глазами видели непобедимого Дон Белианиса¹⁹³, героя, каких мало. Вот вам начальное понятие о странствующем рыцарстве! Я сам рыцарь, и хотя не могу ни в чем уподобиться героям, о которых вам сказывал, но, по крайней мере, хочу следовать их великим примерам и езжу по степям, ища приключений.

Вивальд из слов Дон Кишотовых отгадал, с кем имел дело; надеясь повеселиться, он продолжал важным голосом:

— Благородный рыцарь, кажется мне, что ремесло ваше самое трудное! Строгая жизнь картезианцев¹⁹⁴ ничто перед вашею!

— Вы говорите правду! — отвечал герой. — Она не так строга и не так полезна! Монахи, покоясь в недре изобилия, имеют одно дело: молят Создателя о счастии людей. Но кто же дает людям сие счастье? Кто исполняет просьбы затворников? — Рыцари! Не в келье, закрытой от бурь и вихрей, но в чистом поле, под зноем и хладом, при громе сражений, они — посланники неба, исполнители его правосудия. Пускай в их должности нет столько святого, зато в ней гораздо больше трудного, тяжкого, нежели в тихой, беспечной жизни созерцателей! Они творят все не иначе, как силой, трудами, потом и кровию! Многие получали во власть свою королевства, это правда! Но какого ж труда стоило им сие получение! Без помощи мудрых очарователей, которые в бедах

спешили помогать им, они, может быть, никогда бы не успели в своих предприятиях.

— Соглашаюсь, — перехватил Вивальд, — но, кажется мне, слышал я, будто рыцари, не из любви к добродетели, не из ревности угодить Богу, служа человечеству, наложили на себя трудные сии должности, а для того, чтобы понравиться каким-то красавицам, которые никогда из головы их не выходят, которых при каждом сражении призывают на помощь, как Бога. Признаюсь, в моих глазах такая христианская цель убавляет их цену!

— Государь мой! — подхватил Дон Кишот. — Сей обычай столь древен и свят между нами, что никак перемениться не может. Принято за правило, утверждено бесчисленными примерами, что каждый рыцарь, при начале великого предприятия, должен обращать нежные взоры к царице своих мыслей и произносить тихим голосом несколько страстных, почтительных слов, которых она, конечно, не услышит. Это не мешает, однако ж, рыцарям любить добродетель и за нее обнажать мечи свои. Как не покориться обыкновению! Скажу вам, что небо скорее без луны будет, нежели рыцарь без дамы, что любовь есть вторая природа наша, что без нее рыцарь — не рыцарь и что (если найдется хотя один не любивший) я признаю его незаконным похитителем ордена, плутом, который коварно вкрался в среду благородных рыцарей.

— Не сердитесь! — перехватил Вивальд. — И вспомните, что Галаор, брат Амадисов, не имел любовницы, а, кажется, не менее других был славен.

— Одна ласточка весны не делает! — сказал наш герой. — Впрочем, если уже все говорить надобно, я знаю наверно, государь мой, что Галаор, который за всеми красавицами гонялся, любил исподтишка одну и ее призывал во всех сражениях и опасностях! Но это не многим известно.

— Если так, то могу ли подумать, чтобы сердце такого рыцаря, как вы, не было любви подвластно. Смею просить вас, если не хотите быть столь же скромным, как Галаор, открыть нам имя и описать прелести счастливой красавицы, которая должна желать, чтобы вселенная знала о вашей любви к ней.

Дон Кишот вздохнул от глубины сердца.

— Увы! — отвечал он. — Не знаю, приятно ли будет моей тиранке, если открою миру свою безнадежную страсть. Скажу только: имя красавицы — Дульцинея; Тобозо — та счастливая страна, в которой увидела она первый луч света. Ее звание, государь мой? — Она, по крайней мере, должна быть принцессою, потому что управляет моим жребием! Никакое перо поэта не изобразит ее прелестей! Золотые кудри вьются на высоком челе красавицы; лицо ее подобно полям Елисейским¹⁹⁵;

брови — двум радугам; глаза — двум солнцам; ланиты — розам; уста — кораллу; зубы — драгоценным перлам; алебастр стыдится ее шеи; мрамор — ее груди; слоновая кость — ее рук; чистейший снег — белизны ее тела, одним словом, в ней все прелестно, совершенно, восхитительно.

— Желал бы знать, — спросил Вивальд, — к какому знатному дому принадлежит сия красавица?

— Государь мой! Она не происходит ни от Курциев, Сципионов древнего Рима¹⁹⁶; ни от Калоннов, Урзинов — нового, ни от Монкадов, ла Серда, Манриков, Мендоцев, Гусманов нашей Испании; ниже от Менезсов, де Кастров Португалии¹⁹⁷: она принадлежит к дому Тобозо Ламанха, дому не столь древнему, но, может быть, более всех славы достойному; со временем дом сей будет знатен и знаменит! Прошу только не противоречить! Мысли мои в этом так тверды, что всякий, желающий опровергать их, наперед должен исполнить условия, начертанные Зербином на доспехах славного Роланда¹⁹⁸: «*Чтобы коснуться к ним, должно сразиться!*»!

Пастухи слушали рыцаря с великим вниманием и начали думать, что он нездоров головою. Один Санко, веря слепо словам Дон Кишота и давно привыкши почитать его честнейшим человеком в свете, не мог понять, как, живучи близ самого Тобозо, не видал он прелестной принцессы Дульцинеи и даже не слышал об ней от соседей. Он ехал позади всех, размышляя о такой странности, как вдруг двадцать или тридцать пастухов, увенчанных кипарисами, в черных спанчах, показались между горами. Шестеро несли гроб.

— Вот, — сказал один из товарищей нашего рыцаря, — тело бедного Хризостома!

Путешественники поспешили приблизиться вместе с процессиею к могиле, которую четыре пастуха рыли у подошвы одного утеса.

ГЛАВА XIV

Конец истории Марселлы

Процессия остановилась; Дон Кишот и его товарищи увидели во гробе юношу двадцати пяти лет, в пастушьем платье, заброшенного цветами. Смерть его не обезобразила, красота не увяла на лице его. Во гробе лежали с ним бумаги и книги. Зрители хранили глубокое молчание. Наконец один пастух сказал:

— Амброзий, ты желаешь точного исполнения воли Хризостомовой! Смотри, то ли место назначено в его завещании?

— То, — отвечал печальный Амброзий, — здесь, на самом этом месте, мой бедный друг поверял мне тоску своего сердца, здесь увидел

он в первый раз жестокую Марселлу, открылся ей, и нечувствительная своим презрением и холодностию довела его до отчаяния, до гроба! Несчастный желал, чтобы холодный прах его здесь покоился. Государи мои! — прибавил он, обратясь к Дон Кишоту и другим. — В этом теле, которого не можете видеть без сострадания, обитала душа нежная, прелестная. Вот все, что осталось от сего Хризостома, славного своим умом, любезного добрым сердцем, единственного из друзей, примерного благотворительностию, пышного без гордости, мудреца скромного, веселого и приятного. Он любил — ненавистью платили за любовь его; несчастный горел страстию к нечувствительной, и каменное сердце ее не смягчилось. Ужасная смерть сразила его в цвете жизни; Хризостома нет! Он — жертва неумолимой, жестокой Марселлы, прославленной его стихами, в которых жила бы она вечно, когда бы друг мой на одре смерти не просил меня истребить и самую память его страсти.

— Конечно, вы не исполните сей просьбы! — сказал Вивальд. — Из сожаления к вашему другу, сохраните его сочинения; кто не знал его в жизни, узнает по смерти — узнает, полюбит. История любви этого пастуха нам известна; его судьба нас тронула; мы своротили с дороги своей, желая воздать последний долг его печальным остаткам. Наша горесть дает нам право читать сочинения Хризостома; позвольте мне спасти хотя одно из них.

Вивальд, не ожидая ответа, протягивает руку и берет первую попавшуюся ему бумагу.

— Оставьте это у себя, — сказал Амброзий, — с другими поступлю по желанию моего друга.

Все нетерпеливо хотели знать содержание бумаги, взятой Вивальдом. Он не заставил себя дожидаться и прочел вслух:

*Как счастлив тот, кто в бурном свете,
Найдя спокойный уголок,
Имеет тишину в предмете;
Кому не страшен грозный рок!*

*Он солнце радостно встречает;
Не видит ночью страшных снов,
Забот и горя не выпускает
Под свой уединенный кров!*

*Он весел; он не знает скуки:
Науками питает дух;
Мирских Сирен волшебны звуки
Его не обольщают слух;*

*Его владычество — природа!
Безмолвный лес — его чертог,
Его сокровище — свобода!
Беседа — тишина и Бог!*

*И я сим раем наслаждался,
Беспечно век свой провождал.
Природой, тишиной пленялся
И друга к сердцу прижимал.*

*Но ах! Я с счастьем протислся!
Узнал любовь с её тоской, —
И с миром сердца разлучился!
Люблю — и гроб передо мной¹⁹⁹.*

Вивальд плакал, читая стихи, все были тронуты; вдруг взоры обратились на вершину утеса — пастушка явилась на оной; узнали Марселлу. Те, которые никогда не видали ее, были поражены ее прелестями; те же, которые видели, не меньше ею пленились.

Амброзий, удивленный, внимая гласу одной дружбы, посмотрел на нее глазами, сверкающими от гнева.

— Жестокая! — закричал он. — Или пришла насладиться зрелищем, приятным для твоего сердца? Или хочешь увидеть, не потечет ли кровь моего друга в твоём присутствии?²⁰⁰ Чего требуешь? Говори, открой желания жестокой души своей! Готов повиноваться тебе, как сей несчастный, жертва гибельной страсти, всегда повиновался!

— Амброзий! — отвечала пастушка. — Справедливая горесть твоя извинительна. Я не хочу ругаться над твоими страданиями; они трогают, раздирают мое сердце: хочу оправдать себя! Думают, что я причина многих несчастий; но я невинна! Судите беспристрастно.

Вы почитаете меня красавицею; думаете, что нельзя меня видеть и не плениться мною; хотите, чтобы я любила, как будто человек свободен любить и не любить — ах, нет! Сердце его тиран, оно законов не знает! Любовь есть исступление, влюбленный безумец, достойный жалости! Как же хочешь, Амброзий, чтобы я последовала примеру жалкого безумца, променяла свободу на цепи невольника? Обвиняете меня в том, что я красавица и нечувствительна. Скажите! Когда бы натура не дала мне сих прелестей, могла ли бы я упрекать вас за вашу холодность? Какое ж имеете право наказывать меня за красоту ничтожную, которой не могла я ни дать себе, ни отнять у себя? Она мало трогает мое сердце! И может быть, скоро забудется мною, когда вы согласитесь забыть ее! Сердечный мир и невинность! Вот блага,

драгоценные для души моей. Чтобы найти и сохранить их, удалилась я в горы, сокрылась от света, который презираю; веду беспечную жизнь пастушки; пускай течет она тихо, как ясный ручей под светлым небом — не возмущайте ее! Повторяю вам — мое счастье в мирном лесе, в лугах, на берегу источников, с милыми подругами детских лет моих и чистых, безмятежных радостей моего сердца. Заботы о стаде веселят и занимают меня; птичка, под облаками летящая, меня радует; красоты природы пленяют мои взоры и сердце. Ужели счастье, которое никому не вредно, может быть для вас оскорбительно? Кого я оболестила надеждою? Не прямо ли сказала Хризостому, когда открыл он мне сердце на этом месте, где вижу теперь бездушное тело несчастного, что не могу и не хочу любить его? И не любя, отдавала я справедливость его талантам, его редкому сердцу, предлагала ему дружбу, которой довольно для сердец невинных. Он отвергнул мирное чувство дружбы, желал любви, почитал все прочее ненавистью, и отчаяние привело его ко гробу. Меня ли обвинять в этом? Виновна ли я, что была искренна? Пастухи! Говорю вам пред лицом неба, при гробе сего несчастного — свобода моя для меня бесценна; я никогда, никогда не захочу ее лишиться. С жизнью получила на нее право и унесу ее во гроб. Оставьте ваши надежды; перестаньте обвинять меня без причины. Когда моя красота гибельна, удалитесь и не лишайте меня единственного блага — спокойствия!

С сими словами пастушка исчезает. Зрители, удивленные умом её, молчали; некоторые из них, не смотря на запрещение Марселлы, влекомые волшебною силою, готовились бежать за нею вслед; но Дон Кишот, вспомнив, что безопасность и честь красавиц находились под его покровом, ухватил палаш и закричал:

— Не трогайтесь с места, когда не хотите подпасть моему гневу! Марселла красноречиво доказала, что невинна в Хризостомовой смерти: честь и слава красоте! Почтение невинности!

Угрозы рыцаря и просьбы Амброзия довершить погребение подействовали: никто не последовал за пастушкой. Тело несчастного пастуха, орошенное слезами друзей его, опустили в могилу, которая в минуту покрылась зелеными ветками, цветами; на гробовом камне Амброзий вырезал следующую надпись:

*Сия холодная могила
Здесь прах любовника сокрыла;
Прохожий, плачь; но — удались;
Марселла близко! — Берегись²⁰¹.*

Пастухи разлучились. Дон Кишот простился с своими добродушными хозяевами. Вивальд и его товарищ звали рыцаря с собою в Севиллу, говоря, что нигде столько приключений не встречается, как в этом городе²⁰². Дон Кишот поблагодарил их; но извинился тем, что имеет нужду заглянуть в горы, которые нужно было очистить от разбойников²⁰³, беспокоивших проезжих. Молодые дворяне оставили его в сем расположении.

ГЛАВА XV

Печальное знакомство

Сид Гамед Беленжели уверяет, что наш герой с намерением отказался от предложения Вивальдова: он хотел найти Марселлу и предложить ей свои услуги и защиту. В самом деле, он долго искал ее с своим оруженосцем, и наконец, отчаясь найти, остановился посреди прекрасного луга, орошенного чистым ручьем. Оба сошли на землю, пустили коня и осла на свежую траву, вынули обед из котомки и начали без церемоний кушать за одним столом под чистым небом. Санко не связал Рыжаку ног, зная тихий нрав его и целомудрие; но фортуна или, лучше сказать, дух-соблазнитель привел в сие место несколько галлицийских кобыл, которых стерегли погонщики мулов, расположившиеся на лугу обедать.

Целомудренный Рыжак, видя кобыл, вздумал к ним приласкаться. В минуту, не спрося позволения у своего господина, вытягивает он сухую шею свою, делает несколько прыжков и, с видом учтливго искателя, подбегает к красавицам; но красавицы, которые, может быть, не расположены были к шуткам, встретили его ляганьем, сбили с него седло, всю конскую сбрую и оставили голым любовника. По несчастию, погонщики, увидя издали покушение дерзкого Рыжака, подбежали к нему с коваными палками и так ловко отпотчевали обожателя, что несчастный растянулся без движения. Но герой и оруженосец спешили к нему на помощь.

— Друг Санко! — говорил Дон Кишот задыхаясь, — бездельники сии не рыцари; ты можешь помочь мне! Отмстим за оскорбление Рыжака!

— А как бы вы думали отмстить за него? — перехватил Санко. — Их двадцать, а нас двое, и не стоим полутора.

— Я стою тысячи! — закричал Дон Кишот; обнажил палаш, бросился на одного погонщика, рассек кожаный камзол его и поранил руку.

Санко вздумал подражать рыцарю и обнажил свой меч-кладенец.

Погонщики, стыдясь, что два человека их били, принялись за свои кованные палки; окружили наших героев и начали над ними испытывать силу свою. Санко первый лег; Дон Кишот, несмотря на свою храбрость, скоро за ним последовал и упал к ногам Рыжака; погонщики, боясь, не слишком ли наказали своих неприятелей, поспешно собрали кобыл и отправились в путь, оставя господина, слугу и коня, лежащих друг подле друга. Санко прежде всех пришел в себя и закричал слабым и жалобным голосом:

— Господин Дон Кишот! Ах! Господин Дон Кишот...!

— Что, Санко? — отвечал рыцарь также печально и уныло.

— Нельзя ли дать мне каплю вашего прекрасного бальзама? Он, может быть, для ломаных костей также полезен, как и для ран!

— Твоя правда, мой друг, если бы я хотя немного имел его с собою, то бы ни в чем другом не было нам нужды. Но даю тебе рыцарское слово! Через два дни бальзам поспеет, или у меня рук не будет!

— А когда, вы думаете, будут у нас ноги?

— Не знаю, бедный Санко; надобно признаться, что всей беде я один причиную. Какая нужда была мне драться с такими людьми, которые не рыцари! Я справедливо наказан за преступление законов наших! Вперед, сын мой, следуй прежним моим советам! Когда увидишь, что нападут на нас такие же бродяги, не ожидай моей помощи, напади на них один и накажи, как тебе угодно. Когда же рыцари подспеют к ним на помощь, не беспокойся! Тогда я вступлюсь за тебя, а ты, я думаю, знаешь, какова сила грозной руки моей!

— Ох! Сударь, я вам сказывал, что не люблю шуметь и ссориться. Я человек тихий, имею жену и детей; никто скорее меня не прощает обид прошедших, настоящих и будущих, кто ни будь обидчик, рыцарь, не рыцарь, для меня все равно — я не злопамятен! Итак, прошу не погневаться, в первый и последний раз я взял в руки эту проклятую шпагу; вперед не дотронусь до нее пальцем!

— Помилуй! Что ты говоришь, Санко; когда бы у меня не так бока болели, когда бы я мог свободнее говорить, то, верно, доказал бы тебе несправедливость твоего мнения. Скажи мне, безумный болтун, если ветр счастья (которое, сказать правду, нам неблагоприятно в сию минуту) надует паруса нашей надежды и принесет нас к берегу острова, обещанного тебе мною, скажи, что станешь тогда делать, не будучи рыцарем, не желая быть им и не имея ни мужества, ни твердости, необходимых для владыки?.. Ты знаешь, что во всякой, недавно завоеванной земле есть умы беспокойные, упрямые, готовые к мятежам и бунтам? Чем же удержать и победить их новому обладателю, как не мудростию и мужеством?

— Статное дело! — перехватил Санко. — Но теперь променял бы советы на пластыри. Попробуйте, не можете ли встать? Мы бы общими силами подняли Рыжака, хотя он этого не стоит после хлопот, каких нам наделал. Я не ожидал от него таких проказ; я почитал его тихим и целомудренным! Правду говорят люди: век живи, век учись! А вы, сударь! Кто бы мог подумать, после вашей прекрасной победы над странствующим бискайцем, чтобы вас так изувечили палками?

— Ах, друг мой, Санко! Я бы умер от стыда и горести, когда бы не знал, что такие случаи неразлучны с моим званием!

— Что за черт! Я не слышал от вас, чтобы рыцарей могли бить палками! Прекрасно! А как часто дают им такие праздники? Я сказываю наперед, что если то же будет с нами в другой раз, то мы третьего не дождемся!

— О, друг мой, Санко! Добродетель рыцарей подвержена великим испытаниям. Нередко, за час до получения короны, бывают они удушены, удушены, изувечены! Скажи сам, не попался ли славный Амадис в руки волшебника Аркалая²⁰⁴, который, привязав его к столбу, сек нещадно ременною плетью. Меня уверял один тайный автор, что и сам рыцарь Солнца²⁰⁵, провалясь сквозь пол в одном очарованном замке, очутился в цепях посреди своих неприятелей, и что его принудили выпить такое лекарство, от которого он едва не лопнул. Это меня утешает! Рыцари во всякое время терпели оскорбления, перед которыми наши ничего не значат; к тому же, если рассмотреть дело поближе, то нас били не палками, а коваными кольями. Это великая разница!

— Не знаю, правду ли вы говорите, потому что не видал, чем нас били! Не успел я взять в руки своей шпаги, как почувствовал себя на земле, на этом самом месте!

— Встанем, друг мой, и подадим помощь бедному Рыжаку! Ему досталось не меньше нашего!

— И поделом! Он такой же странствующий рыцарь? А мой осел здоровехонек! Посмотрите, как бодро похаживает! Сердце прыгает от радости!

— Видишь ли, Санко, фортуна в несчастьи всегда оставляет какое-нибудь прибежище. Осел твой послужит нам вместо Рыжака, довезет меня до какого-нибудь замка, в котором вылечат мои раны; ехать на осле рыцарю не стыдно: Силен, добрый воспитатель Бахуса, въезжал в стовратый город на прекраснейшем осле в свете!²⁰⁶

— Этот господин Силен, конечно, держался прямо, а вас, я думаю, надобно будет положить поперек, как кулек с хлебом.

— Поедем, как будет можно, Санко? Великая честь быть раненым на сражении. Подымайся, друг мой, и тащись за ослом; надобно до ночи выехать из этой пустыни!

Бедный оруженосец начал подыматься, кряхтел, вздыхал, кричал, бранил и себя, и рыцаря, и погонщиков; наконец кое-как стал на ноги, и скорчась в дугу, потащился к ослу, который, не заботясь о господах своих, гулял по лугу и кушал траву. Поймав осла, оруженосец подошел к Рыжаку, которому не доставало слов, чтобы жаловаться на судьбу свою; помог ему подняться; потом положил Дон Кишота на осла, привязал Рыжака к хвосту и, взявши в руки поводя, отправился на большую дорогу. Не пройдя мили, увидели они постоялый двор, который наш рыцарь не преминул принять за великолепный замок. Оруженосец со всем красноречием доказывал ему, что это трактир; герой стоял твердо в своих мыслях, и спор еще не кончился, когда Санко вошел в ворота с своею свитою.

ГЛАВА XVI

Приключение на постоялом дворе

Хозяин, увидя рыцаря, лежавшего поперек осла, спросил у Санки, чем он был болен? Оруженосец отвечал, что это безделица; что рыцарь упал с высокой горы и немного поизмял бока. Жена трактирщикова (редкий случай!) была женщина добрая, всегда готовая помогать несчастным. Она пришла осматривать Дон Кишотовы раны с пятнадцатилетнею дочерью, миловидною девушкою. В трактире находилась еще служанка, родом из Астурии, которой фигура достойна примечания. Лицо ее маленькое, широкое, было плоско, нос сплюснут, один глаз кос, другой покрыт струпом; правда, маленькие несовершенства сии заменялись прелестным станом, в котором считалось не менее трех футов, а плечи ее, составив свод позади шеи, принуждали красавицу смотреть в землю. Сия любезная особа помогла хозяйкиной дочери приготовить на чердаке, на котором лежала солома, постелю для Дон Кишота. Правду сказать, она была не весьма покойна: четыре нескобленные доски, положенные на двух неровных скамейках; тюфяк жестче самых досок; парусинная простыня; ситцевое одеяло, в котором все нитки перечесать было можно — вот из чего соорудили сие пышное ложе. Когда он лег, то явились хозяйка с дочерью и Мариторна²⁰⁷ (имя астурийки), со свечою, прикладывая пластыри к ранам рыцаря.

Видя синие пятна, которыми тело героя было покрыто, хозяйка сказала Санке, что это больше походило на побои, чем на падение.

— Нельзя сказать, чтобы то были побои, — отвечал молчаливый Санко, — дело состоит в том, что гора была очень утесиста, и что рыцарь, летя с нее вниз, крепко стучался об утесы. Вы одолжите меня, сударыня, — прибавил он тихим голосом, — когда на мою долю оставите два-три пластыря: у меня спина разболелась!

— Конечно, и вы ушиблись? — спросила хозяйка.

— Нет, не ушибся; но, видя, как полетел мой господин вниз головою, почувствовал такую тревогу во всем теле, что хотя бы самому пересчитать камни, так в ту ж пору.

— Я этому не удивляюсь, — прибавила хозяйкина дочь, — я часто вижу во сне, что падаю с колокольни на мостовую, и просыпаюсь всегда, как избитая, как будто бы сон мой был сущая правда.

— То-то и есть! — подхватил Санко. — Разница, однако ж, между нами та, что я не спал и не дремал, а бока мои не на шутку изломаны!

— А как называется господин твой? — спросила Мариторна.

— Дон Кишот Ламанхский, странствующий рыцарь, какого еще никогда не видано!

— Что это такое, — перервала астурийка, — странствующий рыцарь?

— Как, моя милая, ты еще этого не знаешь? Видно, что недавно живешь на свете! Странствующий рыцарь есть такая вещь, которую или бьют палками, или делают императором; которая нынче сидит без обеда, а завтра управляет тремя королевствами или отдает их своему оруженосцу!

— Как же, — сказала хозяйка, — принадлежа такому сильному господину, ты по сие время не получил ни графства, ни герцогства?

— Дайте срок, сударыня! Не будет месяца, как мы ищем приключений, и еще не нашли ни одного такого, в котором достают королевства;

Хозяйка, увидя рыцаря, лежавшего поперек осла, спросил у Санки, чем он был болен.

но если господин Дон Кишот вылечится от ран своих, или лучше сказать, от убоя, то я божусь вам, что не променяю своей надежды ни на какое герцогство в Испании.

Дон Кишот, который до тех пор слушал в молчании сей интересный разговор, приподнялся и, взяв руку хозяйки, сказал:

— Прекрасная герцогиня! Не почтите маловажным того случая, который привел меня в ваш замок. Скромность не позволяет мне говорить правды о самом себе; оруженосец мой все вам расскажет; хочу только поблагодарить вас за ваши великодушные попечения и уверить, что никогда, никогда не забуду их! Ах! Для чего страшный Амур, правитель судьбы человеческой, давно сделал меня рабом неблагодарной красавицы, которой имя слишком известно моему сердцу? Блестящие глаза принцессы, которым теперь удивляюсь, были бы единственными царями души моей.

Хозяйка, ее дочь и милая Мариторна посматривали друг на друга в недоумении. Слова рыцаря были для них темнее Алькорана. Однако, подумав, что в них заключалось какое-нибудь приветствие, они отвечали Дон Кишоту учтивостями по-своему. Между тем астурийка наряжала Санко в пластыри, в которых имел он такую же нужду, как и рыцарь.

На том же самом чердаке, на котором поселили Дон Кишота, был и один погонщик мулов из Аревалло²⁰⁸, который из хомутов и попон приготовил для себя постель, гораздо покойнее рыцарской. Санко подле своего господина смастерил свою из рогожи и простыни, которая когда-то была полотняною. Постеля Дон Кишотова находилась у самой двери; за нею следовала Санкина, а далее погонщикова. Бененжели не забывает ни одной подробности по примеру некоторых историков, которые боятся все потерять, если пропустят хотя одно обстоятельство. Астурийка Мариторна обещала погонщику прийти поговорить с ним наедине, как скоро все заснут в доме. Уверяют, что эта постоянная девушка во всю жизнь ни разу не обманывала, давши такое обещание, хотя бы то случилось без свидетелей. Погонщик, напоив лошаков, лег на постелю в ожидании Мариторны. Санко, облепленный пластырями, лежал на своей и старался заснуть, хотя бока его сильно болели. Дон Кишот, который страдал еще больше, смотрел во все глаза, как заяц²⁰⁹.

На постоялом дворе все спало; слабый ночник горел в воротах и начинал гаснуть. Сие молчание, сей мрак и привычка нашего рыцаря приводить на память все читанное им в романах, вложили ему в голову самую чудную мысль. Он вообразил, что молодая дочь хозяина, который в глазах его был не меньше, как герцог, пораженная мужественным его видом, его красотою, неустрашимостию, должна была прийти

к нему ночью, открыться в пламенной любви своей. Ужасаясь сетей, поставленных его верности, он ободрял себя мысленно и клялся не изменять Дульцинее, хотя бы сама королева Жениевра с своею Киньтаньоною вздумала испытать его добродетель. В ту самую минуту Мариторна в одной рубашке, в изорванном чепчике из бумази, босая, путешествовала, по обещанию. Она подходит ко дверям, крадется на цыпочках, боится дышать. Дон Кишот слышит шорох, подымается, несмотря на пластыри, на сильную боль в боках, и готовится принять робкую красавицу, которая, протянув руки, ощупью искала в темноте постели милого погонщика. Несчастливая астурийка не успела войти в двери, как очутилась в объятиях рыцаря. Дон Кишот сильно ухватил ее за руку, притащил к себе и посадил на свою кровать. Посконная рубашка Мариторны показалась ему тончайшим полотном; стеклярус, которым были украшены ее руки — восточным жемчугом, а жесткие и всклоченные волосы мягкими, золотыми кудрями, заплетенными рукою Граций.

— Любезная принцесса! — сказал тихим и нежным голосом рыцарь. — Для чего не в моей власти отвечать на великодушную любовь вашу? Фортуна, преследующая и героев, сделала меня недостойным ваших милостей. Сверх того, не могу преступить клятвы, данной сердцем моим несравненной Дульцинее, моей владычице. Ах! Красавица, если бы не сия роковая клятва удерживала меня, то как бы приятно мне было удостоиться вашей благосклонности!

Мариторна молчала и потела, сияясь вырваться из рук красноречивого Дон Кишота.

Между тем добрый погонщик, которому любовь не давала спать, услышал скрип отворившейся двери и беспокоился, что астурийка не приходила так долго; наконец встал потихоньку и подошел к постели Дон Кишота, близ которой невнятный шепот начинал ему не нравиться. Он тотчас узнал, что герой наш удерживал Мариторну. Вне себя от бешенства он дает сильный удар кулаком по зубам рыцаря; недовольный сим мщением, бросается на постель и начинает топтать его ногами. Несчастливая кровать, которая и без того шаталась, не может поддержать двойной тяжести: трещит, ломается и падает на землю. Хозяин, услышав стук, вскакивает с постели, кличет Мариторну, и не получив ответа, бежит засветить ночник, подозревая, не проказит ли проворная астурийка. Мариторна, услышав грозный голос хозяина, бросается на постель Санки, который спал глубоким сном. Хозяин приходит крича: «Где ты, плутовка! Где ты?» Мариторна, пуще испугавшись, свернулась клубком почти на самом желудке оруженосца, который, вполвину проснувшись и чувствуя превеликую тяжесть на брюхе, вообра-

зил, что черт его давит, и начал вправо и влево махать кулаками, которые все доставались Мариторне. Бедная красавица потеряла терпение и начала сама тузить Санку. Оруженосец рассердился, вскочил, схватил Мариторну поперек и начал с нею борьбу, смешную для одних только зрителей. Погонщик, увидя при огне, как поступали с его любезною, оставил Дон Кишота и побежал к ней на помощь; хозяин побежал к ней же, но с другим намерением, так что погонщик бил Санку, Санко Мариторну, Мариторна Санку, хозяин Мариторну, и все это делалось с таким проворством, что удар не дожидался удара. К совершенному несчастью, ночник погасили: стук, шум и драка сделались от того ужаснее. Один служитель святой Германдад, который остановился на постоялом дворе, услыша стукотню, встал, схватил свой значок и бумажник, в котором хранились его патенты, взбежал на чердак и, не видя ничего, начал кричать: «Почтение правосудию! Почтение святой Германдад!» Первый, попавшийся ему в руки, был Дон Кишот, оставленный без памяти под развалинами кровати. Служитель ощупью взял его за бороду и, не чувствуя в нем движения, закричал еще громче: «Затворите двери, здесь убит человек! Отыщите виноватых!» Слова сии возымели свое действие; в минуту все утихло, все ушли, не говоря ни слова: хозяин в свою горницу, погонщик на свои попоны, а Мариторна на свою постелю, один Дон Кишот и Санко не сходили с места. Служитель побежал за огнем, решившись найти преступников; но хозяин, возвращаясь в свою горницу, нарочно затушил ночник у ворот. Блюститель общественного устройства принужден был вынуть из печки уголь, раздувал его более часа и кое-как засветил, наконец, лампаду.

ГЛАВА XVII

Продолжение подвигов рыцаря и оруженосца на постоялом дворе

Дон Кишот, пришедши несколько в себя, начал говорить жалобным голосом:

— Друг мой, Санко, спишь ли ты? Спишь ли ты, друг мой?

— Как можно спать! — закричал разгневанный оруженосец. — Пойдет ли на ум сон, когда черти со всего света сбегутся душить человека!

— Ах! Не сомневайся, мой сын; замок, в который мы захали, очарован, точно, очарован! Я это знаю! Но послушай, хочу сказать тебе важную тайну; сперва поклянись, что не откроешь ее до самой смерти моей.

— Говорите, сударь! Я вам клянусь!

— Сердцу моему необходимо знать, что ты верно сохранишь клятву! Могу ли на тебя положиться, друг мой?

— Конечно! Чего вы боитесь? Я вам божусь, что никому до самой смерти вашей не открою того, что мне скажете! Лишь бы недолго мне дожидаться!

— О! Мой сын, за что желаешь ты мне смерти? Что я тебе сделал?

— Ошибаетесь, я не желаю вам смерти! Я только говорю, что тайн хранить не умею; все боюсь, чтобы они не пропали!

— Не сомневаюсь в твоей дружбе! Знай же, что нынешнюю ночь случилось со мною самое завидное приключение: дочь владельца сего замка меня посетила. Я не в состоянии описать ее прелестей, ума и любезности. Она обладает всеми совершенствами, о которых молчу для того, чтобы не оскорбить своей принцессы Дульцинеи. Скажу только, что в самое то время, как я говорил с красавицею и уверял ее в сердечном почтении, какая-то рука, рука исполина, ударила меня по зубам с удивительною силою. Потом, не знаю кто, не знаю, что меня так измяло, так изломало, что я теперь совсем без рук, без ног и не могу ничем двинуться! Из этого заключаю, Санко, что какой-нибудь очарованный мавр хранит сокровище красоты любезной принцессы, и что это сокровище не для меня!

— И не для меня, за это я отвечаю, потому что более четырех сот мавров забавлялись над моими боками! Это не кованые палки погонщиков! Не понимаю, как можете вы называть такое приключение счастливым и завидным! По крайней мере, ваше странствующее рыцарство изволили держать в объятиях красавицу, а меня в это время душили, коверкали! Черт побери! Я не странствующий рыцарь, а мне одному достаются везде побои!

— Как, мой сын, и тебя побили?

— Эх! Разве вы глухи! Я вам целый час говорю об этом!

— Не беспокойся, не беспокойся; в минуту изготовлю бальзам, и дело кончено.

В эту минуту входит пристав, который наконец зажег свой ночник. Он удивился, найдя, вместо убитого человека, двух живых, которые очень покойно разговаривали. Он подошел к Дон Кишоту и спросил его:

— Каков ты, дружок?

— Неучтивая скотина! — закричал паладин в досаде. — Разве так обходятся с рыцарями?

Служитель святой Германдад, который был немного вспылчив, рассердился за наставление, и в первом жару гнева бросил ночник в лицо несчастного Дон Кишота — потом удалился.

— Послушайте, сударь! — сказал Санко. — Не это ли очарованный мавр? Фигура его доказывает, что он бережет сокровище красоты для других, а кулаки и ночники для нас.

— Я с тобою согласен, — отвечал терпеливый Дон Кишот, — нельзя противиться волшебству? Это вещь бестелесная, которой ни колоть, ни рубить не можно. Только одно средство нам осталось: встань, если можешь, поди к алькаду замка и попроси у него немного вина, соли, масла и розмарину. Мой бальзам поспеет в минуту.

Санко встал, несмотря на боль и лом, пошел ощупью с чердака и встретил пристава, который у дверей подслушивал.

— Государь мой! — сказал он. — Кто бы вы ни были, пожалуйста нам немного розмарину с вином, солью и маслом; надобно вылечить прекрасного рыцаря, который изувечен очарованным мавром здешнего замка!

Пристав, удивленный словами Санки, подумал, что он без ума, и кликнул хозяина, который от доброго сердца дал все нужное оруженосцу. Санко пришел с своими припасами к Дон Кишоту, который, смешавши их вместе, приказал вскипятить, потом выпросил у хозяина стеклянку, влил в нее лекарство, начал крестить его и читать над ним молитвы. По совершении обряда и желая испытать силу своего состава, он выпил все, что не могло войти в стеклянку, то есть около стакана. Действие лекарства оказалось очень скоро. Сильный пот выступил по всему телу, и сон, продолжавшийся целые три часа, так подкрепил рыцаря, что он, проснувшись в самом лучшем состоянии, не сомневался более в доброте своего бальзама и радовался, что вперед ни раны, ни смерть не будут ему страшны.

Удивленный Санко захотел отведать лекарства, которое так скоро помогало. Рыцарь дал ему стеклянку, и оруженосец, взявши ее в обе руки, выпил почти столько же, сколько и сам рыцарь. Но, видно, прием был слишком слаб для Санки; несчастный почувствовал такую страшную колику, такой рез в животе, что вообразил себя при конце жизни. Он кричал, валялся по земле, проклинал и лекарство, и лекаря, который напоил его.

— Друг мой! Друг мой! — повторял Дон Кишот. — Причина этому, конечно, та, что ты не рыцарь. По всему видно, что мое лекарство для одних рыцарей спасительно!

— А кто ж не велел вам этого прежде сказывать? — кричал измученный Санко. — Нашли время остерегать меня!

Наконец боль унялась, и наш оруженосец, хотя не совсем выздоровел, но, по крайней мере, избавился от несносных мучений колики. Дон Кишот, который нетерпеливо хотел опять ехать искать приключений и уже ничего не боялся, имея при себе неоцененное лекарство от смерти, сам оседлал Рыжака, взнуздal осла и посадил на него выздоравливающего оруженосца. Изготоваясь, он кличет хозяина,

который со своею семьею и с двадцатью сторонними смотрел на него в изумлении.

— Почтенный алькад! — сказал рыцарь с величайшею важностию, — примите мою благодарность за ласковый прием странника в ваш замок: я никогда не забуду вашей дружбы.

Тут устремил он нежный взор на милую дочь трактирщика и вдохнул.

— Господин алькад! — продолжал он. — Хочу быть благодарным, скажите, не оскорбил ли вас какой недостойный рыцарь, не помрачил ли кто-нибудь вашей чести клеветами? Я мститель за невинно страждущих. Подумайте, найдите в своей памяти что-нибудь, достойное мести и наказания: рука моя готова обнажить меч за вас и за любезное семейство ваше!

— Господин рыцарь! — отвечал хозяин. — Ваша рука может остаться в покое, потому что мстить никому не желаю; а лучше будет, когда заплатите мне чистыми деньгами за все издержки в моем трактире, за сено и овес, которыми кормили осла и лошадь ваших.

— Как! — воскликнул Дон Кишот. — Разве это трактир?

— Конечно, и славный трактир!

— Удивительно! А я думал, что это красный замок! Но для меня все равно!.. Что ж принадлежит до платежа, которого вы требуете, государь мой, то, не погневайтесь, я не отступлю от правила странствующих рыцарей и не заплачу ни копейки. Справедливость требует, чтобы рыцари, которые ни днем, ни ночью, ни летом, ни зимою не имеют покоя, трудясь для блага общего, были везде принимаемы и угощаемы безденежно. Итак, извините меня, господин трактирщик!

— Я плюю на ваши вздорные правила, государь мой! Расплачивайтесь скорее и не кормите меня пустыми рыцарскими бреднями!

— Ты дурак, неучтивец, не знаешь законов гостеприимства, — воскликнул Дон Кишот, кольнул шпорами Рыжака и выехал из ворот трактира без всякого препятствия, забыв посмотреть, следовал ли за ним верный оруженосец.

Хозяин, получив отказ от рыцаря, обратился к Санке и возобновил свою просьбу; но оруженосец и слышать не хотел о платеже, говоря, что самое то же правило, по которому ни один рыцарь за ночлег не платит, запрещало и ему, как странствующему оруженосцу, удовлетворить хозяина. Трактирщик шумел, кричал, угрожал; упрямый Санко не сдавался и повторял, что скорее умрет на месте, нежели даст полушку; что все странствующие оруженосцы будущих времен станут проклинать его за потерю такой бесценной привилегии! К несчастью Санки, в то время было на постоялом дворе несколько молодых людей из Севиллы и Сеговии, которые любили повеселиться на счет другого. Согласясь, они

подходят к Санке, снимают его с осла, посылают за простынею, берут ее за четыре конца, кладут в средину бедного оруженосца и начинают его взбрасывать. Санко взлетал, опускался и болтал ногами. Жалобный крик его достиг до ушей рыцаря, который, оборотясь, поскакал на избитом коне своем к воротам постоялого двора. Осторожный хозяин запер их изнутри. Дон Кишот, ища другого въезда, галопировал вокруг забора и вдруг увидел оруженосца, который подымался и опускался с такою быстротою и приятностию, что сам рыцарь, когда бы не был так разгорячен, конечно, не удержался бы от смеху. Он несколько раз понуждал Рыжака перескочить через стену, но изувеченный конь его не послушался. Принужденный спокойно смотреть, как дурачили оруженосца, Дон Кишот бранил без милости насмешников, стучал в стену и рубил ее палашом. Насмешники продолжали забавляться, не заботясь о рыцаре; наконец уставши, освободили Санку и посадили на осла. Растроганная Мариторна побежала к колодцу, наполнила кружку свежою водою и поднесла несчастному летателю. Санко собирался пить, как Дон Кишот закричал из-за стены:

— Берегись, мой сын, берегись, не пей этой воды обманчивой: она смертельный яд! Вспомни, что мой бальзам готов; он вылечит тебя в минуту.

Он показал издали склянку с бальзамом. Оруженосец, посмотря на него косо исподлобья, отвечал:

— Разве забыли вы, что я не рыцарь? Убирайтесь прочь с собачьим бальзамом своим и оставьте меня в покое!

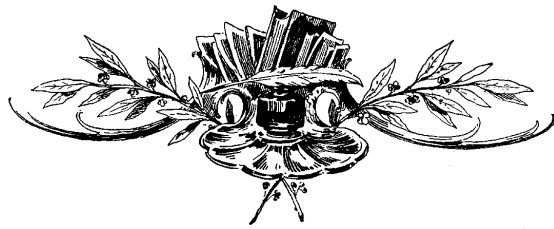
Он поднес кружку к губам; но увидя, что в ней была вода, наморщился и попросил астурийку принести вина. Мариторна охотно исполнила его просьбу и напоила Санку безденежно: эта девушка имела доброе сердце и не любила ни в чем отказывать. Хозяин отворил ворота настежь для оруженосца, который, толкнув осла каблуками, съехал со двора, веселясь в сердце своем, что не заплатил ни копейки. Правда, в замешательстве, он не приметил, что покинул котомку в трактире. Хозяин хотел сперва запереть за ним ворота, но молодые насмешники тому воспротивились: они, конечно, и рыцаря хотели заставить путешествовать по воздуху; но он не рассудил за благо назад возвратиться.

Конец первого тома

ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ГЛАВА XVIII

Разговор наших героев и другие важные происшествия

Санко догнал рыцаря; он был так измучен и слаб, что не мог погонять осла.

— Мой друг Санко, — сказал ему герой, — теперь-то я верю, что этот замок, или этот трактир, очарован. Те, которые так жестоко подшутили над тобою, конечно, привидения, потому что Рыжак мой стоял, как вкопанный, когда я понуждал его перепрыгнуть чрез стену. Что делать! Не удалось наказать этих мошенников!

— Черт меня возьми, — отвечал оруженосец, — когда бы вы так же, как и я, попались к ним в руки, то бы не стали называть их привидениями: по крайней мере, я очень чувствовал, что у них такое же тело и кости, как и у нас, едва ли еще не лучше. Короче сказать, во всем этом не вижу ни чудес, ни волшебства и уверен, что наши бедные головы не уцелеют, если мы будем продолжать искать приключений! Лучше нам воротиться на свою родину! Теперь время жатвы; дела и без приключений будет довольно! Какое удовольствие быть битыми!

— Бедный Санко! Я тебе сказывал, что ты совсем не знаток в рыцарстве. Как можно заниматься безделками, когда имеешь в виду славу и бессмертие? Ужели не понимаешь, как весело побеждать, торжествовать на сражениях?

— Прошу не прогневаться, не понимаю! Сколько времени, как мы — странствующие рыцари, то есть вы, а не я, но, кажется, не победили никого, кроме бискайца, и то не обошлось даром, а стоило вам половины уха; с того дня палки за палками, побои за побоями, а я вдобавок полетал по воздуху! Это нисколько не смешно!

— Утешься, добрый Санко, все переменится; я постараюсь достать себе какой-нибудь меч не хуже Амадисова, который бы ужасал волшебников, — он сделает нас невредимыми!

— Станется, но мне какая от того польза! Конечно, этот прекрасный меч, так же, как и бальзам, годится для одних только рыцарей!

В эту минуту герой увидел черное облако пыли.

— Санко! — закричал он в восторге. — Наступил, наступил великий день, приготовленный для меня фортуною! День славы, побед и награды! Посмотри, какой вихрь пыли! Это грозное воинство, составленное из всех наций в мире!

— Конечно, их два, — сказал оруженосец, — с этой стороны такая же пыль подымается.

Дон Кишот обернулся, увидел пыль и уверился, что два сильных ополчения, готовые к бою, сближались; и в самом деле, два стада баранов бежали с двух противных сторон и подняли такую страшную пыль, что издали никак не можно было распознать их.

Дон Кишот, в восторге, в исступлении, так уверительно говорил, что это армии, что Санко, наконец, поверил и сказал ему:

— Какое ж нам дело до армий?

— Как какое! — воскликнул рыцарь вне себя. — Возьмем сторону правого: слушай! В двух словах растолкую тебе все дело. Посмотри вперед! Ты увидишь воинов, которые повинуются знаменам императора Алифанфарона¹, владыки острова Трапобаны². На этой стороне — воинство его неприятеля, могучего царя гарамантов Пентаполина *Голо-рукого*, прозванного так потому, что всегда сражается, обнажив руку³.

— Хорошо, — сказал Санко, — за что ж эти господа повздорили?

— Важная причина, — отвечал Дон Кишот. — Император Алифанфарон, язычник, влюбился в дочь Пентаполинову, красавицу, христианку, и предложил ей руку. Сам подумай, каково показалось то предложение Пентаполину! Слыханное ли дело отдавать христианку за магометанина! Итак, наш Пентаполин посоветовал жениху прежде креститься, а потом жениться.

— Он прав, Пентаполин, он прав! Я готов защищать его!

— Прекрасно, Санко, прекрасно! И не рыцари могут сражаться в армии!

— Очень хорошо! Держу сторону Пентаполинову! Беспокоит меня мой осел! Куда его девать! А на осле показаться между конными неловко. Желал бы найти покойное местечко, в котором бы он мог подождать меня по тех пор, покуда все кончится.

— Перестань беспокоиться, мой друг; пропадет ли он или нет, какая до этого нужда! После сражения получим такое множество коней на выбор, что едва ли не сменится и верный Рыжак мой. Теперь надобно тебе показать главных рыцарей в обеих армиях⁴; взведем на этот пригорок.

Они поскакали на холм, с которого могли бы тотчас узнать баранов, когда бы густая пыль их не закрывала. Дон Кишот, игралище расстроенного воображения, начал говорить следующее, указывая пальцем на те предметы, которые описывал Санке:

— Этот рыцарь, — сказала он, — который имеет на себе золотые латы, а на щите льва, лежащего у ног пастушки, есть Раулькак неустрашимый, князь и обладатель серебряного моста⁵. Подле него

видишь рыцаря с голубым щитом и тремя белыми венцами, на нем изображенными: это ужасный Микоколембо, герцог великой Киросии. За ним едет грозный, жестокий исполин, славный Брадабарбаран⁶, повелитель трех Аравий. Он всегда покрыт змеиною чешуею, которую меч проникнуть не может; щитом служит ему дверь славного храма филистимлян, разрушенного Сампсоном⁷. Теперь оглянись сюда! Перед вторым воинством едет храбрый Тимонел Каркасонский⁸, принц новой Бискаи; четырехцветный щит его разбит на четыре поля, зеленое, голубое, серебряное, золотое; заметь на его шлеме прекрасную серую кошку, под которою написано *мяу*, первый слог имени любезной Мяулины, его любовницы, дочери князя Альгарвского⁹. Проезжающий на чубарой кобыле, в белом вооружении, есть французский рыцарь, называемый Пиетром Пепином¹⁰. Дальше скачет на дикой упрямой лошади Спаржифилардо, могущий герцог Нервии¹¹; на щите его изображена спаржа с испанскою надписью «*Сама собою возрождается*».

Дон Кишот перечел по порядку всех рыцарей обеих армий, давши каждому особый цвет, вооружение, девиз, эмблему, и не отдыхая, продолжал следующим образом:

— Теперь, мой друг Санко, скажу тебе, какие народы будут сражаться на сей равнине и обагрят ее своею кровию! На этой стороне видишь обитателей горы Атласа и равнин Массилийских¹², утоляющих жажду водами славного Ксанта¹³, собирающих золото в счастливой Аравии, осеняемых рощами быстрого Термодона¹⁴, утучняющих поля свои сокровищами Пактоля¹⁵. Вот нумидийцы, неверные союзники; вот персы, меткие стрелки из лука; парфяне, сражающиеся в бегстве; арабы, кочующие в пустынях; эфиопы с пронзенными устами; вижу множество других народов; узнаю лица их и одежды, но их названий не могу вспомнить. В другой армии, с противной стороны, видишь храбрых воинов, живущих на берегах Бетиса¹⁶, осененного маслинами; обитателей равнин, орошенных Тагом, по золотому песку протекающему¹⁷. Вот обладатели счастливых берегов целебного Ксениля¹⁸; вот пастыри цветущих лугов обильного Ксереса¹⁹; вот славные народы Ламанхи, увенчанные золотыми класами; вот храбрые потомки древних готфов²⁰, по примеру отцов, железом покрытые; вот народы, живущие на брегах мирного Писуерги²¹, пастыри излучистой Гвадианы²²; вот обитатели древних лесов Сиерры Морены, вечных льдов Пиринейских, снегов, лежащих на скалах Аппенинских.

Не могу без помощи Божией припомнить всех наций, народов, провинций, которые наш рыцарь описывал оруженосцу. Бедный Санко, цепляясь, так сказать, за каждое слово его, слушал с величайшим внима-

нием; проворно повертывал во все стороны голову, надеясь что-нибудь увидеть, и, наконец, вышед из терпения, сказал своему господину:

— Черт меня возьми! Если я из всех ваших рыцарей, великанов, лошадей, народов, которых вы мне так прекрасно расписываете, хотя что-нибудь вижу. Не колдуны ли опять забавляются надо мною?

— Как, — прервал Дон Кишот, — разве не слышишь конского ржания, грома литавр, звука труб, восклицания воинов!

— Ничего, сударь, не слышу, кроме блеяния баранов (и в самом деле, оба стада приближались).

— Ты бредишь от страха. Пусти меня; я и один умею сражаться.

При сих словах он колет Рыжака шпорами и скачет, подняв копьё, с пригорка. Санко, разглядевши армию хорошенько, узнал баранов и начал кричать во все горло:

— Воротитесь, господин Дон Кишот, воротитесь! Это бараны, бараны! Черт побери! Вы не найдете ни великанов, ни рыцарей, ни щитов, ни спаржи, ни кошки, ни дьявола! Воротитесь... Что мне с ним делать; куда поскакал этот безумный!

Рыцарь наш, не слушая Санки, галопировал, крича из всей мочи:

— Не робейте, рыцари Пентаполиновы! За мной! За мной! Отмстим язычнику Алифанфарону Трапобанскому!

Он ударил на баранов и принялся колоть их без сожаления. Пастухи прибежали к нему с ужасным криком; и видя, что рыцарь не унимался, вооружились камнями, которые начали свистать вокруг головы его. Паладин презирал нападение сих мирмидонов²³ и продолжал поражать язычников, крича беспрестанно:

— Где ты, надменный Алифанфарон? Покажись! Покажись! Дон Кишот один ожидает тебя!

В эту минуту камень, с кулак величиною, попадает его по боку. Рыцарь, почувствовавши боль, вынимает свою стеклянку с бальзамом и хочет из нее пить, но другой камень, ударив его по руке, разбивает, уносит стеклянку и, задевши рыцаря по щеке, раздирает ее в кровь. Он падает с лошади. Пастухи, струсив, поспешно собирают мертвых и раненых, которых число простиралось от шести до семи баранов, и скорым шагом удаляются.

Оруженосец во все время стоял на пригорке, смотрел на подвиги рыцаря и рвал на себе волосы с досады, что последовал за таким сумасбродом. Когда ж увидел его на земле, а пастухов далеко от побоища, то спустился с пригорка, поставив его на ноги, сказал:

— Ну, сударь, не прав ли я? Ваши рыцари — бараны!

— Я не виноват! — воскликнул Дон Кишот. — Проклятый волшебник, мой неприятель, не дает мне ничего делать: он превратил армию

в стадо баранов, чтобы лишить меня славы победителя! Сделай одолжение, друг мой Санко! Сядь на осла и ступай за ними полегоньку; сам увидишь, что за два шага отсюда примут они свой настоящий образ.

— Лучше вам полечиться, — отвечал Санко, — у вас полон рот крови.

Он хватился котомки своей, но, приметя, что забыл ее в ужасном трактире, едва не обезумел. Он снова начал посылать к черту и рыцаря, и самого себя и твердо решился возвратиться в свою деревню и забыть остров, который так дорого стоит. Дон Кишот утешал его:

— Друг мой, — говорил он, — будь терпелив! Наши несчастья предвещают близкую награду! Зло и добро имеют одинакие пределы! Всякая крайность непродолжительна. Теперь мы без котомки, без хлеба, лишены всякого средства; что ж делать! Положимся на Провидение. Благодать Его не знает меры; насекомое, носимое ветром, червяк, таящийся в пыли, едва рожденная лягушка, сокрытая в болоте, ничто, ничто не гибнет в Его владычестве. Ужели мы, которых сердца не знают порока, будем забыты Правителем мира! Его солнце сияет на добрых и на злодеев; роса Его прохлаждает и невинного, и преступника.

— Что за чудо! — воскликнул растроганный Санко. — Вы сказываєте проповеди еще лучше, нежели сражаетесь! Вы, кажется мне, всему учились!

— Друг мой, кто хочет быть рыцарем, тот должен все знать и все уметь! В старину паладины говаривали такие речи, которые ни в чем не уступали университетским. Храбрость уму не мешает! Но советую тебе сесть на осла; пора нам искать ночлега: на дворе вечер!

— Не найдете опять замка, в котором есть очарованные мавры и привидения, охотники играть в мячик оруженосцами!

— Друг мой! Поезжай, куда тебе угодно; я во всем готов тебя слушать!

Они поехали. Добрый Санко, видя, что рыцарь крайне печален, вздумал развеселить его и начал говорить следующее:

ГЛАВА XIX

Странная встреча

— Послушайте, сударь! Не от того ли мы так несчастны, что вы согрешили против законов рыцарства? Я сам слышал, как вы клялись поститься до тех пор, пока не овладеете шишаком Маландрановым или Мамбрановым²⁴; не припомню имени этого колдуна!

— Ты говоришь правду, — отвечал Дон Кишот, — забыл совершенно! Поверь, и тебе не летать бы по воздуху, если бы ты вовремя

напомнил мне о моей клятве. Но дай срок! Я постараюсь загладить эту ошибку!

— Хорошо сделаете, потому что привидения за все вины ваши мне одному оплачивают!

В таких разговорах застала их ночь среди чистого поля. Пустота в желудке становилась чувствительна; котомки не было, ночлега не бывало, темнота час от часу густела. Они ехали, надеясь, что большая дорога приведет их к какой-нибудь деревне. Вдруг увидели множество огней, к ним приближавшихся. Оруженосец едва не умер от страха. Сам Дон Кишот почувствовал робость. Первый обеими руками обхватил шею осла; другой остановил коня. Оба смотрели со вниманием и старались угадать, что значило сие видение. Огни, приближаясь, становились больше, сильнее и многочисленнее. Санко дрожал и стучал зубами; волосы поднимались дыбом на голове рыцаря. Однако мужество его не оставило.

— Мой друг, — сказал он Санке, — ужасное приключение! Вооружимся неустрашимостию.

— Пропал я, бедный человек, — кричал оруженосец, — если это приключение с привидениями и колдунами! Чему же и быть иному! Ах, Боже мой! Опять бока мои изомнутся!

— Ободришь, приятель, чего бояться! Я не позволю тебя обидеть. Ты теперь не на дворе, не окружен забором, через который перескочить не можно! Ты на открытом поле! Мой меч — твоя защита!

— Но если вас опять околдуют, как в последний раз, то что пользы в открытом поле?

— Ободришь, говорю тебе, ободришь! Следуй примеру своего господина!

— Ах, сударь! Не струсьте и вы.

Они повернули в сторону, чтобы узнать причину такого множества огней. Скоро усмотрели предлинный ряд белых человеческих фигур, при виде которых Санко застучал зубами, как в лихорадке. Страшные фигуры ехали на лошаках, с зажженными факелами, и пели тихим погребательным голосом печальные песни; за ними ехала черная качалка, а за качалкою шесть верховых, покрытых черным крепом, который по земле тащился. Оруженосец трусил и задыхался от страху. Сам господин его не слишком был в себе уверен; однако, по счастью, романы подоспели к нему на помощь²⁵: он вздумал, что в качалке везли какого-нибудь рыцаря, изменой убитого, и за которого ему отомстить надлежало. Без дальних размышлений он подымает копьё, становится посреди дороги против самых белых страшилищ, кричит им ужасным голосом:

— Остановитесь! Отвечайте! Кто вы, куда и откуда едете? Кого везете в этой качалке? Я начинаю думать, что вы преступники либо жертвы преступления — говорите! Я мститель и судья ваш.

Один из белых отвечал:

— Не мешайте нам; уже ночь, а до деревни еще далеко; мы не имеем времени рассуждать с вами.

— Имейте время быть учтивыми, — воскликнул рыцарь в гневе, — или готовьтесь к сражению!

Он сильною рукою хватает за повод лошака, на котором сидел белый. Горячий лошак поднялся на дыбы и сронил с себя седока. Дон Кишот, оставя лежачего, бросился к траурным кавалерам, сшиб одного, другого, и проворство, с каким он управлялся с ними, как будто переселилось в Рыжака, который в ту минуту летал на крыльях. Бедняки, безоружные, не привыкшие сражаться, побежали, рассеялись по полю с своими факелами, что представляло странное, необычайное зрелище. Траурные кавалеры, запутанные в своих плащах, крепках, насилию могли двигаться и не защищались от Дон Кишота, который показался им сатаной. Герой наш без труда бросал их на землю, а Санко, смотря на него, думал: видно, мой рыцарь в самом деле так страшен, как он рассказывает!

Первый упавший лежал еще под лошаком, и факел горел подле него на земле. Дон Кишот, победитель, приставя к его лицу копье, повелевал ему сдаться.

— Я и так сдался, — отвечал несчастный, — вы видите, что не могу двинуться с места; боюсь, не переломил ли ноги? Не убивайте меня, если вы христианин; грешно умертвить монаха!

— Ты монах! — закричал рыцарь. — Каким же случаем зашел сюда? Что ты здесь делаешь?

— Немного доброго, по вашей милости! Называюсь Алонзо Лопес; с одиннадцатью товарищами, которых изволили разогнать, провожал я тело старого дворянина, умершего в Баеце, который желал быть погребен в Сеговии, своей родине²⁶.

— Очень хорошо! Но кто умертвил этого дворянина?

— Умертвил?

— Да, умертвил, сказывай!

— Бог его умертвил гнилою горячкою!

— Итак, я не обязан быть его мстителем?

— Не думаю, сударь!

— Надобно тебе знать, что я называюсь Дон Кишотом Ламанхским; что я, странствующий рыцарь, езжу по свету, наказываю злодеев и помогаю несчастным!

— Желал бы, господин рыцарь, чтобы вы помогли моей ноге!

— Что делать, господин монах, Алонзо Лопес! Несчастье! Но зачем вы ездите по ночам в черных крепах, в белых платьях, с факелами, как мертвецы, пришедшие с того света?

— О, я чувствую, что виноват, но вытащите меня ради Бога из-под лошака! Нога моя запутана в стреме и ужасно ломит.

Дон Кишот велел Санке подойти, но Санко не торопился — он был занят: снимал с одного лошака съестные припасы, наготовленные путешественниками для дороги. Осторожный оруженосец смастерил из шинели своей род чемодана, склал в него лучшие кушанья, привязал чемодан к ослу и, все изготоя, пошел подымать несчастного монаха. С трудом посадили они его на лошака, и рыцарь советовал бедняку догнать своих товарищей, уверяя, что ему нельзя было не сделать того, что он сделал; оруженосец, остановив монаха, сказал ему:

— Если твои приятели полюбопытствуют узнать, кто их так ловко отдела, то скажи им, что славный, непобедимый Дон Кишот, рыцарь *Печального образа*²⁷.

Бедный монах поехал. Наш герой спросил Санку, почему он дал ему такое прозвание?

— Признаться, господин рыцарь! От того ли, что вы устали, от раны ли, полученной вами на сражении с Алифанфароном, при свете факела ваше лицо показалось мне таким печальным, что я изумился!

— Нет, Санко! Это значит, что мудрец, который через несколько веков будет описывать мои подвиги, верно, даст мне приличное прозвание. Ты знаешь, что в старину всякий паладин имел свое: иной прозывался²⁸ рыцарем Единорога, иной Феникса, иной Грифа, Смерти. Под сими прозваниями они делались известными в мире. Твою выдумку почитаю вдохновением и намерен вперед называться так, как ты сказывал; а на щите велю изобразить какую-нибудь странную, печальную фигуру!

— На что это, сударь! Советую лучше поберечь денег и их на такие пустяки не тратить; скажу вам не в обиду, покажитесь, и всякий скажет: вот *рыцарь Печального образа*!

Дон Кишот не обиделся вольностию оруженосца и твердо решился принять сие прекрасное прозвание.

Герой наш прежде отъезда хотел осмотреть гроб и узнать, правду ли сказал монах, что дворянин не убит.

— Господин рыцарь! — воскликнул Санко. — Вот первое приключение, после которого мы целы и здоровы остались — не портьте дела! Этим господам стоит только приметить, что с ними один человек управился, то и заплатят нам с прибавкою: вы знаете, какова эта плата!

Послушайте меня, уберемся отсюда без хлопот! Оставим покойника: мертвый в могилу, живой за стол!

Санко погоняет осла. Дон Кишот, убежденный красноречием оруженосца, следует за ним, не говоря ни слова.

Они достигли глубокой долины; Санко выложил на траву свою провизию, и рыцарь вместе с оруженосцем, проголодавшись, завтракали, обедали, ужинали в одно время. Вкусное холодное мясо, приготовленное для желудков священных, показалось им лучше луку с черствым сухим хлебом. К несчастью Санки, ни вина, ни воды не было; о печальных следствиях сего недостатка читатель узнает в следующей главе.

ГЛАВА XX

Удивительное приключение

Оруженосец, который не мог есть, не запивая, первый сказал своему господину, что, верно, какой-нибудь ручей вблизи находился, потому что трава была густа и свежа. Дон Кишот встал, и оба пошли за водою, ведя Рыжака и осла за повод и остерегаясь, как бы не расшибить лба, потому что ночь была чрезвычайно темна. Не успели пройти двух сот шагов, как отдаленный шум водопада послышался; оживились надеждою; но вдруг совсем другого рода шум удивил их и встревожил Санку, который от природы был не весьма отважен. Страшные потрясающие удары, смешанные с стуком железа, цепей и ревом каскада, спадающего с утесов, производили нечто ужасное. Ночь покрывала природу; густые, черные тучи мрачили небо, и наши герои находились под высокими деревьями, которых ветви шумели.

Сей мрак, сие пустынное место, сей гром железа, цепей и вод, который мешался с трепетом листьев и свистом ветра, все как нарочно соединялось для приведения в ужас; но рыцарь не знал ужаса. Пылая огнем славы, садится он на Рыжака и, накрыв щитом голову, говорит Санке:

— Мой друг! Я создан небом в несчастном железном веке для возвращения золота; мне предоставлены гибельные подвиги, дела беспримерные; лучи славы моей затмят славу рыцарей Круглого Стола, пэров Франции и всех витязей веков протекших. Приметь, верный оруженосец, какой угрюмый ужас нас окружает, какая грозная тьма лежит повсюду; глухой, унылый скрип дубов, нагибаемых аквилоннами²⁹, страшный рев потоков, которые как будто с гор луны³⁰ свергаются; пронзительный звук железа, терзающий устрешенное ухо: все это ужаснуло бы самого Марса! Но поверишь ли? Мое мужество только что возрастает! Желая, хочу и спешу испытать сие приключение. Подтяни

подпруги коня моего; дождайся меня три дни в этом месте, и когда не возвращусь по прошествии трех дней, поезжай в Тобозо, к несравненной принцессе Дульцинее, скажи ей, что рыцарь Дон Кишот погиб, стараясь удостоиться имени ее обожателя.

Санко, слушая рыцаря, плакал.

— Ах, сударь! — сказал он печальным голосом. — Что за охота ломать шею без нужды, на дворе ночь, кто нас увидит и назовет трусами, если мы немного и удалимся? Я вам сказываю, что больше пить не хочу. Не ищите бед! Они сами найдут вас! И тем будьте довольны, что не летали по воздуху, как я; что победили такое множество неприятелей, которые провожали это мертвое тело. Вспомните, что я для вас покинул дом, детей, жену! Я надеялся не остаться в убытке; но видно, как говорят, я выменял кукушку на ястреба; что со мною будет, если в ту самую минуту, когда я надеялся получить этот несчастный остров, вы меня покинете! Ради Бога, сударь, не будьте упрямы; дождитесь, по крайней мере, утра. Неужели вам трудно пробыть здесь три часа для меня, вашего верного оруженосца? Послушайте, я немного учен разбирать звезды; я вижу голову Малой Медведицы подле шеи; на черте левой лапы должна быть теперь полночь³¹.

— Как можешь ты видеть эту голову и черту, когда на небе тучи и ни одна звезда не показывается?

— И! Сударь, у страха глаза велики! Поверьте мне; я имею прекрасные причины говорить, что скоро день наступит.

— День или ночь! Для меня все равно! Никто не скажет, чтобы я для чего-нибудь отложил исполнение священных должностей рыцарства. Простимся, верный Санко! Всемогущий Бог, который требует от меня сего подвига, сохранит мою жизнь или тебя утешит. Подтяни Рыжаку подпруги, ожидай меня в этом месте: я погибну или скоро возвращусь с победою!

Санко, видя, что ни слезы, ни просьбы, ни советы не трогали Дон Кишота, решился употребить хитрость. Нагнувшись подтягивать подпруги, он связал Рыжаку задние ноги поводками осла. Когда герой хотел ехать, то конь его, не двигаясь с места, начал делать небольшие прыжки!

— Видите ли! Небо сжалилось надо мною! Рыжак не хочет вас слушаться. С небом не спорьте! Беда! Счастье осердится, и худо вам будет за упрямство.

Дон Кишот был в отчаянии, колот коня шпорами, но конь не подвигался. Не зная, что его удерживало, герой сказал:

— Я дожидаюсь утра, когда Рыжак идти не хочет; но это мучительное помешательство извлекает слезы из глаз моих!

— Не печальтесь, сударь, — отвечал Санко, — до утра недолго; между тем стану вам рассказывать сказки, если не вздумаете сойти с коня и уснуть на мягкой траве, как прилично доброму рыцарю!

— Мне спать! Что ты говоришь? Можно ли спать, когда надобно сражаться! Покойся ты, рожденный для неги; я хочу бодрствовать и мыслить!

— Не сердитесь, господин рыцарь; я не с тем сказал, чтобы вас прогневить.

Санко между тем час от часу ближе подвигался к своему господину: так боялся он страшного стука железа! Наконец, ухватившись обеими руками за седло, сжал крепко левую ногу рыцаря.

— Ну, — сказал Дон Кишот, — какую сказку ты мне расскажешь?

— О! У меня их множество, но сам не знаю, от чего в эту минуту ни одной не вспомню; однако дайте подумать; постараюсь вам рассказать такую повесть, которая без всяких шуток может почестся самою лучшею, удивительною и забавною повестью на свете — слушайте со вниманием. Было, что было, и доброе для всякого, и худое для охотника! Заметьте, милостивый государь, что древние всегда начинали свои сказки нравоучением: *и худое для охотника*; не правда ли, что это здесь очень кстати! В старину знали, что худого искать не надобно и что безумцы одни ходят без нужды в такое место, где могут сломить себе шею.

— Сказывай сказку, — воскликнул рыцарь, — и перестань умничать!

— Итак, милостивый государь, в одной эстрамадурской деревне был козий пастух, я говорю козий, потому что он стерег коз. Этот козий пастух, который стерег коз, назывался Лопесом Рюи, который Лопес Рюи³² влюбился в пастушку, по имени Торальву³³, которая пастушка, по имени Торальва, была дочь богатого земледельца, который богатый земледелец...

— О! Если будешь повторять каждое слово по три раза, то никогда не кончишь.

— Ах, сударь! У нас в деревне все так рассказывают! Как не следовать обычаям своей родины?

— Хорошо, хорошо, продолжай! Поневоле станешь тебя слушать, когда связаны руки!

— Я вам сказал, что этот козий пастух влюбился в пастушку Торальву! Эта пастушка Торальва была толстая, сильная девка, немного похожая на мужчину своими черными усами: я как будто смотрю на нее!

— Разве ты знал госпожу Торальву?

— Нет, сударь, но тот, кто мне рассказывал эту прекрасную историю, уверял, что слышал ее от такого человека, который своими глазами видел пригожую пастушку, итак, сами судить можете, что сказка

моя не есть выдумка! Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; проклятый сатана, который во всякое дело вмешивается и очень любит шутки, так подшутил, что любовь пастуха Лопеса Рюи к пастушке Торальве сделалась, так оказать, ненавистию! Причиною такой перемены были, как говорят злоязычники, небольшие неверности, которые позволяла себе пастушка Торальва и которые так рассердили пастуха Лопеса Рюи, что он решился убежать подальше, не желая и слышать о изменнице; лишь только пастушка Торальва заметила, что пастух Лопес Рюи разлюбил ее, то сделалась от него без ума: сами знаете, что таков обычай, но мы не скажем об этом ни слова. Таким образом, пастух Лопес Рюи, собравши коз, отправился в дорогу и спешил пройти через Эстрададуру в королевство Португалию. Пастушка Торальва, узнавши об этом, пустилась за ним вслед босиком (каково покажется!), с посохом в руках, с котомкою за плечами, в которой, говорят, был кусок зеркала, гребень и коробочка с румянами — что бы в ней ни было, до того нам дела нет: скажу вам только, что пастух Лопес Рюи пришел с козами на берег реки Гвадианы, в то самое время, когда она из берегов вышла. Не было ни лодки, ни перевозчика для переправы! Это рассердило пастуха Лопеса Рюи, который бежал неоглядкою от пастушки Торальвы и боялся, чтоб она его не поймала. Искать, искать! Нашел рыбака с маленьким челноком, в котором едва мог сам-друг с козою поместиться. Это было не так удобно! Что делать! Пастух Лопес Рюи условился с рыбаком, чтобы он перевез его со всеми козами, которых было триста! Условие сделано — рыбак перевозит в челноке одну козу, возвращается, перевозит другую, опять возвращается, перевозит третью, потом четвертую, потом пятую. Прошу не забывать, сударь, сколько коз рыбак перевозит — это очень важно. Место, на которое высаживали коз, было склизко и грязно. Рыбак мешкал, ездя и возвращаясь; как бы то ни было, но он возвратился опять, перевез козу, другую, третью, четвертую, пятую.

— Кончи скорее! Положим, что козы все переправлены!

— Нельзя, сударь, никак нельзя! Прошу покорно сказать мне, сколько перевезено коз?

— Что за вопрос? Не знаю!

— А! Вот прекрасная сказка! Она кончена!

— Что ты говоришь! Разве нельзя продолжать ее, не зная числа перевезенных коз?

— Нельзя, сударь, я вам сказывал! Вы не знаете, сколько коз, я не знаю конца сказки! А этого жаль, конец прекрасный!

— И так она кончена?

— Без сомнения!

— Признаюсь, Санко, пречудная сказка! Но, правду сказать, я другого и не ожидал от тебя. Стукотня вскружила тебе голову. Посмотрим, не побежит ли Рыжак?

Опять он колет коня шпорами, опять конь начинает прыгать, не двигаясь с места. В эту минуту оруженосец пришел в великое замешательство: необходимость принуждала его удалиться на минуту в сторону; страх удерживал его подле Дон Кишота: долго сражался он сам собою, наконец уступил натуре: тихонько расстегнул левою рукою нижнее платье и, радуясь счастливому началу, которое почитал труднейшим, надеялся все кончить благополучно. Всего важнее было то, чтобы никакой звук не изменил ему, и он, для избежания сего несчастья, сжимал плечи, удерживал дыхание, но, ах! Напрасно! ...

— Что слышу я? — спросил Дон Кишот сердитым голосом.

— Не знаю, сударь! — отвечал Санко. — Верно, какой-нибудь волшебник забавляется! Приключения даром не приходят!

— Санко, — сказал он, зажимая нос рукою, — ты, кажется мне, трусишь без милости!

— Что делать! Виноват ли я, что мне страшно; прошу не прогневаться, если трусость моя наделает бед: не я должен буду отвечать за это, а тот, кто завел меня в полночь в такую страшную пустыню.

Дон Кишот не хотел продолжать изъяснения, кольнул шпорами Рыжака, Рыжак запрыгал и отвез рыцаря на несколько шагов от оруженосца.

Между тем ночь мало-помалу прошла, и Санко, увидя зарю, потихоньку развязал Рыжаку ноги; добрый конь, чувствуя себя на свободе, вздумал поиграть и сделал несколько прыжков. Паладин обрадовался и принял это за счастливое предвещание. Заря начала заниматься, и он решился приступить к делу. При свете наступающего дня увидели, что находились в каштановой роще, которой густота увеличивала мрак ночи: стук продолжался, но что стучало, еще не знали. Рыцарь опять начал прощаться с оруженосцем; учил его, что сказать госпоже Дульцинее, когда через три дни он не возвратится....

— Что ж принадлежит до награды за твои услуги, — сказал он наконец, — то, любезный друг, об этом не беспокойся! Я не забыл тебя в своей духовной, которую найдут в моем доме. Но лучше будем надеяться, что я успешно совершу гибельный подвиг: тогда, без всякого сомнения, получишь обещанный остров.

Санко, повеся голову, слушал рыцаря, плакал и, наконец, сказал, что готов идти за ним на смерть. Сид Гамед Бененжели справедливо заключает из этой геройской решимости оруженосца, что он имел редкое сердце, и называет его *добрым Санкою*. Словом сказать, Дон Кишот

растрогался, но скрыл свои чувства, чтобы не показаться слабым, и, с видом спокойного мужества, поехал к тому месту, где слышен был стук железа.

Санко шел пешком позади рыцаря, ведя за повод осла, своего верного товарища. Долго продолжался путь под каштанами; наконец открылась небольшая долина, окруженная утесами, с которых свергался водопад; у подошвы утесов видны были бедные развалившиеся домики: в них-то слышался гром и стук. Рыжак испугался и едва не бросился в сторону; герой удержал его, приблизился к домикам и посвятил себя Дульцинее. Оруженосец, который шел позади, часто поглядывал между ног Рыжака, желая узнать причину своего страха. Прошли шагов двести, и за одним холмом увидели... Что ты думаешь, читатель?.. Сукновальную мельницу с шестью огромными пестами, которые во всю ночь беспрестанно били.

Дон Кишот при сем виде остолбенел от удивления, выронил узду из рук, повесил голову. Он посмотрел на Санку, который поглядывал на него, раздув щеки, готовый лопнуть от смеху. Герой не мог не улыбнуться, не смотря на сильную свою горечь, и Санко, видя, что господин его засмеялся первый, подпер бока кулаками и начал хохотать без милости, что рассердило печального Дон Кишота; но он вышел из себя, когда оруженосец сказал ему с важным видом:

— *Мой друг! Я создан небом в несчастном железном веке для возвращения златого; мне предоставлены гибельные подвиги, дела беспремерные...* — и повторил от слова до слова то, что сказал рыцарь, услышав стук пестов. Эта насмешка взбесила Дон Кишота, который, поднявши копье, так ловко ударил им оруженосца-насмешника, что если бы удар попал по голове так хорошо, как по плечам, то бедный Санко никогда бы не наследовал по завещанию.

— Что вы, сударь? — закричал он, струсив. — Разве не видите, что я смеюсь?

— Но я не смеюсь, — перехватил Дон Кишот, — прошу сказать, господин враль! Что если бы этот подвиг был в самом деле так опасен и труден, как мне казалось! Разве я не оказал довольно мужества, чтобы с успехом совершить его? Рыцарь, такой, как я, который никогда не видывал сукновальных мельниц, не может их узнавать по стуку! Ты только на это способен, господин деревенщина, родясь и будучи воспитан между мужиками. Сделай из шести пестов шесть великанов, выпусти их против меня одного за одним или всех вместе, тогда смейся, если я не раздавлю им брюха ногами?

— Не гневайтесь, господин рыцарь, — сказал Санко покорным голосом, — я признаюсь, что без пути смеялся; но и вы признаетесь, может

быть, когда не будете сердиты, что всякий другой на моем месте также бы засмеялся, узнавши, как нам было страшно... я говорю мне, а вы, сударь, не знаете страха!

— В этом я, конечно, с тобою согласен; случай немного смешон, но рассказывать об нем, кажется мне, совсем не нужно. На свете много злоязычников, которые на все смотрят с худой стороны и всегда через цель ступают.

— О! Вы, господин рыцарь, попадаете прямо в цель, выключая, когда метите в голову, а бьете по плечам, благодаря моему проворству! Впрочем, пословица говорит: который бог вымочит, тот и высушит! Большие господа обыкновенно побранят людей своих, да и подарят: не знаю, таков ли обычай у странствующих рыцарей, когда они побьют копьем оруженосцев. Мне кажется, за это нельзя и дать меньше острова или королевства на твердой земле!

— Знаешь ли, что ты говоришь совершенную правду; прости меня за мою вспыльчивость, будь только вперед молчаливее! Признаюсь, я не нашел в рыцарских романах ни одного оруженосца, который бы так свободно обходился, как ты, с своим господином. Гандалин, служивший Амадису³⁴, не иначе с ним разговаривал, как снявши шляпу, опустив голову, потупя глаза и согнув тело, как турок. Газабал, оруженосец Галаоров, был так скромн и молчалив, что сам историк не больше двух раз упоминает об нем в огромной книге своей³⁵. Станем следовать сим великим примерам и жить, как надобно: придет время, и награжден будешь! Если ж судьба определила иначе, то я уже сказал тебе, что в убытке не останешься!

— Я всем доволен, милостивый государь! Вперед не дам языку воли; буду говорить только в таких случаях, когда понадобится оказать вам почтение, как своему господину.

— Доброе дело, Санко! Самое лучшее средство никогда со мною не ссориться! Ты знаешь сам, что господин по отце есть первый человек на свете.

ГЛАВА XXI

Мамбринов шлем

Пошел дождь. Оруженосец хотел спрятаться в мельницу, но Дон Кишот, который чувствовал к ней отвращение, на это не согласился, и поворотя вправо, через несколько минут увидел человека верхом, у которого на голове было нечто блестящее.

— Санко! — воскликнул он в восхищении. — Все пословицы справедливы, но эта всех справедливее: *одна дверь на замок, а другая настезь!*

Прошедшим вечером плутовка фортуна изрядно подшутила над нами, но утро вечера мудренее! По всем признакам рыцарь, едущий перед нами, имеет на голове шишак Мамбринов, которого ищу с таким нетерпением!

— Господин рыцарь! — сказал Санко. — Если бы мне позволено было говорить по-прежнему, то бы я сказал: берегитесь, это похоже на сукновальную мельницу!

— Зажми рот с твоею сукновальнею! Какая связь между шлемом и мельницею!

— Великая, сударь; но мне запрещено изъясняться!

— Безмозглый! Разве ты слеп? Разве не видишь рыцаря в золотом шлеме, на сером коне в яблоках?

— Вижу человека, не рыцаря; под ним осел такой же, как и мой; на голове, не знаю, что-то блестит! Больше ничего не вижу!

— Это *не знаю что* есть Мамбринов шлем! Но для чего терять время в пустых разговорах! Посмотри, как я управлюсь с этим плутом и сорву с него шишак! Посторонись!

— Ах! Сударь, посторониться недолго; но дело состоит в том, не сукновальня ли это?

— Сколько раз должно тебе повторять, что размышления твои скучны! Прошу не досаждать мне своими сукновальнями, если не хочешь быть ловко побитым!

Санко струсил и закусил язык.

Должно растолковать читателю, что значили рыцарь, серый конь в яблоках и Мамбринов шишак. В этом месте находились две деревушки, одна подле другой; в обеих был один цирюльник. Он должен был пустить кровь больному и нескольких людей обрить в другой деревне и ехал к ним с ланцетами, с лоханкою из желтой меди и со всеми своими припасами. Пошел дождь; он пожалел своей шляпы, недавно им купленной, и надел на голову мыльный тазик, который за полверсты светился. Под ним был серый осел, как сказывал Санко; но Дон Кишот видел рыцаря на сером коне в яблоках, покрытого золотым шлемом!

Как скоро бедный цирюльник подъехал ближе, то герой наш, подняв копьё, без всяких изъяснений поскакал к нему навстречу. Цирюльник, увидя приближающееся к нему страшилище, спрыгнул с осла и побежал быстрее козленка через поле, оставя на земле медную лоханку!

— Язычник не глуп! — воскликнул Дон Кишот. — Он, конечно, не любит споров. Санко! Подыми сей драгоценный шлем!

— Изрядная находка, — сказал оруженосец, подымая лоханку, — она еще нова и стоит, по крайней мере, пять реалов!

Он подал мнимый шлем Дон Кишоту, который, надев его на головку и не могши никак утвердить на ней, сказал, наконец, с удивлением:

— Сарацин, для которого скован шишак, должен иметь огромную голову. Какая жалость! И наличник совсем отломлен!

Санко, помня урок, полученный поутру, крепился, чтобы не засмеяться.

— Что с тобою сделалось, Санко? — спросил Дон Кишот.

— Ничего, сударь, — отвечал оруженосец, — думаю о страшной голове, для которой сделан этот шишак, похожий, как две капли воды, на цирюльничий тазик!

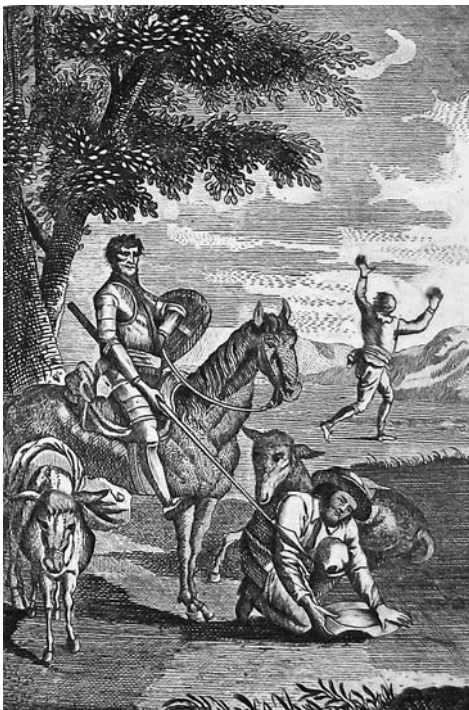
— Очень вероятно, что это сокровище каким-нибудь случаем попало в руки невежды, который, не зная цены ему, растопил половину золота, а из другой вылил эту лоханку. Но как бы то ни было, находка бесценна! Теперь я могу иметь такой шлем, которому нет и не будет подобного. Станем довольствоваться тем, что имеем!

— Ваша воля, сударь! Но что прикажете делать с этим ослом — я хотел сказать, с этим серым конем в яблоках, который также очень похож на осла серого? Думаю, что бедный рыцарь, которому так не понравилось знакомство с нами, нес скоро придет за ним, а конь, признаться, очень изрядный!

— Я не обижаю побежденных; старинные рыцари только тогда ловили чужих коней, когда своих теряли на каком-нибудь поединке. Итак, оставь этого коня или осла, как ты его называешь! Рыцарь придет за ним, если захочет!

— Для чего не сказать правды? Я бы согласился с ним поменяться; мой осел не так хорош, как этот! Законы рыцарства чересчур строги, если не позволяют ослов менять на ослов. По крайней мере, можно ли переменить сбрую?

— Не могу сказать наверно! Справлюсь; между тем возьми ее, когда хочешь; мы не украли ее, а отняли у язычника!

Санко! Подыми сей драгоценный шлем!

Радуюсь позволению, Санко снимает с серого коня в яблоках седло и узду, которые были только что куплены, и украшает ими осла своего, который показался ему в новом платье красавцем. Изготовясь, путешественники позавтракали, напились из водопада, не обращая глаз на мельницу, и подружившись по-прежнему, отправились в путь, дав волю Рыжаку, за которым осел бежал не отставая. Они скоро выехали на большую дорогу; Санко сказал своему господину:

— Прошу позволения, милостивый государь, поговорить с вами немного! С тех пор, как приказали мне молчать, я растерял множество прекрасных мыслей и хотел бы воспользоваться тем, что мне теперь вошло в голову!

— Говори, Санко, — сказал рыцарь, — только не очень распространяйся; и самая умная речь наскучит, если будет продолжительна!

— С некоторого времени, сударь, приходит мне на мысль, что мы по-пустому ищем приключений; и правду сказать, сколько вы ни побеждайте, сколько ни делайте славных дел в этих пустынях, никто не узнает об них и не услышит, и ваша храбрость нимало не прославится. Мой совет: пойти в службу к какому-нибудь императору или принцу, который бы был в ссоре с своим соседом. Тогда, ваша смелость, ваша необычайная сила и чудная мудрость были бы вам и другим в пользу, дивили бы целый свет; а мы бы, между тем, получали какую-нибудь выгоду от трудов своих. Тогда множество историков принялись бы описывать ваши подвиги; не говорю о моих, потому что их не больше, как сколько надобно для оруженосца; однако, если в историях упоминают о нашей братье, то для чего не сказать и обо мне полслова?

— Ты говоришь правду, Санко! Но прежде всего нам должно пошататься по свету и сделаться известными. Важно то, чтобы узнали нашего брата рыцаря, остальное — безделица! Вот как эти дела происходят обыкновенно: рыцарь приезжает ко двору великого монарха; весь народ, и старый, и малый, встречает его за воротами столицы. Окружают его, кричат: да здравствует рыцарь Солнца, Змеи³⁶, Быка и подобного! Да здравствует победитель исполина Брокабруна *стальнофукуго*, избавитель великого Мамелуя Персидского, который девять сот лет томился в темнице проклятого чародея. Сии великие подвиги всех изумляют; похвалы повторяются тысячами, доходят до ушей короля, который бежит к окнам дворца своего, и увидя рыцаря вдали, версты за полторы от дворца, обращается к свите своей и кричит без памяти: «Скорее, чиновники, придворные, бегите навстречу к украшению рыцарства!» Ему повинуются, и он сам выходит к рыцарю, принимает его на половине парадной лестницы, подает ему руку и ведет с собою в покои королевины. Там видит рыцарь инфанту, дочь короля,

которая, конечно, есть одна из первых красавиц в мире. Не успели принцесса и рыцарь взглянуть друг на друга, как неизвестною силою, не зная, как и для чего, сердца их загораются, соединяются и немым языком изъясняются. Ведут рыцаря в богатую спальню, снимают с него латы, покрывают его одеждой пурпуровой: под шлемом и панцирем казался герой прелестным; что же стал он под пурпуром! Ужин готов, рыцаря зовут за стол с королем, королевою и принцессою, на которую бросает он украдкою взоры нежные и страстные; красавица вздыхает и, взглядывая на рыцаря, краснеет и стыдится, потому что чрезвычайно стыдлива. Встают из-за стола; вдруг является в зале безобразный горбатый карла, который ведет за руку прекрасную даму, окруженную великанами. Карла предлагает подвиг, устроенный одним старинным волшебником так, что рыцарь, который удачно совершит его, будет признан первым рыцарем в свете. Король обращается к рыцарям двора своего; желает, чтобы который-нибудь из них исполнил завещание волшебника, но рыцари молчат, не смеют вызваться; гость выходит на средину горницы, обнажает меч и клянется совершить гибельный подвиг; он исполняет клятву, и слава его изумляет вселенную, и принцесса поздравляет себя с счастливым выбором. Но всего лучше то, что король на ту пору, как нарочно, воюет с своим соседом, и что наш рыцарь, пожив несколько дней при дворе, просит позволения за него погибнуть или сразить его неприятелей! Королю то и надобно; соглашается с радостью; рыцарь благодарит его и в тот же вечер в потемках приходит в сад проститься с инфантою сквозь решетку ее окна, из которого принцесса уже не один раз с ним разговаривала в присутствии своей наперсницы. Рыцарь вздыхает, принцесса падает в обморок, наперсница бежит за водою и крайне боится, чтобы заря не явилась, потому что принцессина честь дороже ей жизни. Заря не является, принцесса приходит в себя и подает рыцарю сквозь решетку белоатланскую руку свою; рыцарь покрывает ее пламенными поцелуями, орошает горячими слезами; наконец, выдумывает средство, как уведомлять ее о своем здоровье, и принцесса просит его возвращаться как можно скорее. Рыцарь обещает, клянется, в последний раз целует руку любезной и удаляется в такой ужасной горести, что едва не умирает на дороге. Рыцарь приходит в спальню свою, бросается на постелю, не может заснуть и с утром встает, одевается, спешит откланяться королю, королеве и просить позволения проститься с принцессою. Ему сказывают, что принцесса нездорова, и наш рыцарь, зная причину болезни, едва не лишается чувств. Наперсница, которая была свидетельницею прощания, бежит обо всем рассказать принцессе. Принцесса плачет и говорит наперснице, что всего больше беспокоит ее неизвестность проис-

хождения милого друга ее. Наперсница божится, что рыцарь есть сын или внук великого монарха; иначе мог ли бы он быть столь смелым, любезным и прекрасным. Доказательства сии утешают инфанту, которая, опасаясь возбудить подозрение, чрез два дни выходит из комнаты. Рыцарь уже далеко. Дерется, побеждает, выигрывает множество сражений, берет кучу городов, и все это в самое короткое время. Возвращается ко двору, видится с инфантою сквозь решетку и сказывает ей, что завтра будет просить руки ее в награду за свои услуги. Просит, получает отказ, потому что королю неизвестно его происхождение; но как бы то ни было, рыцарь, наконец, увозит принцессу, на ней женится, и отец без памяти рад этому, тем более что в рыцаре через несколько времени узнает принца близкою роднею великого монарха, не знаю, какой империи, которой нередко и на карте не бывает. Потом, как водится, отец умирает; инфанта — наследница, и наш рыцарь — полный король; вот время наградить оруженосца: ему дают остров, женят его на услужливой наперснице, которая непременно должна быть дочерью или племянницею какого-нибудь князя, герцога или графа.

— Прекрасно, прекрасно! — воскликнул Санко. — Я доволен и готов божится, что все это непременно сделается с рыцарем Печального образа.

— Без сомнения, приятель! Все, что я тебе ни сказывал, точь-в-точь со всяким рыцарем случается. Нам осталось только узнать, какой король, язычник или христианин, ведет войну с своим соседом и имеет прекрасную дочь. Впрочем, время еще не ушло! Одно только меня беспокоит: как докажу свое царское происхождение? Хотя я дворянин и старый дворянин, но король, может быть, заспорит и прежде не выдаст за меня дочери, пока мудрец, мой биограф, не узнает из каких-нибудь старых полусогнивших манускриптов, что я правнук великого государя. Правду сказать, я могу похитить инфанту и дело кончить одним разом, а время или смерть успокоят гнев короля, моего тестя!

— Я с вами согласен, милостивый государь! И советовал бы начать похищением; добрые люди говорят: не проси того, что даром взять можешь; а смелым Бог владеет! Жалею об одном: пока вы будете сражаться, пока не заключится мир, пока не умрет отец, по тех пор несчастный оруженосец должен будет сидеть, да глядеть и дожидаться, Бог знает чего! Хорошо бы сделала наперсница, когда бы позволила увести себя вместе с инфантою! Как вы думаете?

— Вам никто не помешает, Санко, если только она сама согласится и признает тебя достойным руки своей!

— О! Достойным! Это безделка. Разве я не молодец! Разве не старинный христианин! Чего больше для самого лучшего графа. Поверьте,

что герцогская мантия будет мне также в пору, как и всем: я еще думаю, что в золоте и жемчуге покажусь красавцем!

— Никто в этом не сомневается! Только тогда советую почаще брить бороду!

— О! Для этого заведу целого цирюльника, который ни на час от меня не отлучится и всегда позади меня ходить будет. Однажды в Мадрите попался мне навстречу низенький, уродливый господин, за которым другой, высокий и прекрасный, следовал, останавливался, когда он останавливался; шел, когда он шел; повертывался, когда он повертывался, короче сказать: был настоящим хвостом его. Я спросил, что это значило: мне сказали, что низенький и уродливый господин больше высокого и прекрасного, потому что последний — его лакей, и что все лакеи должны ходить позади. Я подивился такому чуду и заметил его на всякий случай.

— Итак, Санко, ты вместо лакея хочешь иметь цирюльника!

— Конечно, господин рыцарь, конечно! Только вы сделайте поскорее королем и подарите меня графством — остальное не ваша забота.

Здесь кончился разговор наших странников. Они увидели читайте далее.

ГЛАВА XXII

Рыцарь возвращает свободу некоторым людям, которых вели насильно в такое место, куда им идти не хотелось

Они увидели на большой дороге десять или двенадцать колодников, которые все прикованы были к одной цепи и на руках имели железа; их провожали двое верховых с ружьями и двое пеших с копьями.

— Посмотрите! — сказал Санко. — Ведут каторжных на галеры.

— Как! — воскликнул Дон Кишот. — Каторжных! На галеры! Какое тиранство! Какое насилие!

— Вам говорят, что это недобрые люди, которых за шалости осудили на греблю и лишили свободы!

— Разумеется! Довольно! Я знаю свою должность.

Дон Кишот приближается к невольникам и учтиво спрашивает у провожатых, за что поступили так жестоко с сими несчастными? Один из верховых отвечал ему также учтиво:

— Государь мой, я бы мог показать вам все приговоры, в которых изображены преступления сих почтенных путешественников, но вам будет скучно читать эти вздорные бумаги. Расспросите их самих и все подробно узнаете; они любят хвастать своим проворством!

С сим позволением, которое наш рыцарь взял бы приступом, когда б не получил добровольно, приблизился он к колодникам и спросил первого, за что вели его на галеры?

— Ах! — отвечал несчастный. — За то, что я был влюблен!

— Быть не может! — воскликнул рыцарь. — Если бы все любовники были достойны наказания, то я давно сидел бы на галере³⁷.

— Статочное дело, сударь, — продолжал колодник, — но я влюбился необыкновенным образом в кошелек одного скряги, который был заперт за шестью замками; похитил предмет любви своей и был вместе с ним пойман; с трудом могли нас разлучить: так привязались мы друг к другу. Правосудие вздумало наградить меня сотнею палочных ударов и трехлетнею ссылкой на галеры.

— А ты, мой друг, за что наказан? — спросил Дон Кишот у другого колодника, который шел, потупив голову, с видом раскаяния.

— За мою откровенность.

— Что ты говоришь! Откровенность почитается одною из первых добродетелей честного человека.

— И я то же думал; но судьбы не постыдились наказать меня за сию добродетель: они хотели знать о некотором пропадшем скоте; принуждали меня отвечать на самые грубые вопросы; я отвечал им с простосердечием, что нашел это стадо без хозяина, без присмотра на поле и, по любви к пастушеской жизни, вздумал прибрать его к рукам, чтобы пасти, как надобно. Что ж бы вы думали? За это признание дали мне две сотни ударов плетью и послали на галеры!

Дон Кишот обратился к третьему, который сказал с веселым видом:

— Государь мой! Я здесь за то, что не имел десяти червонцев.

— Я бы дал охотно двадцать за твое освобождение!

— Теперь поздно! Если бы прежде удалось мне втереть несколько золотых денег в карман докладчика, в черницу писаря, то бы, конечно, теперь не был скован и веселился на ярмарке в Толеде. Но Бог милостив! Оттерплюсь, и кончено дело!

За ним следовал старик с седею бородою, которая доставала до пояса; на вопросы Дон Кишота отвечал он слезами; следующий говорил за него.

— Эта почтенная особа отправляется на галеры за то, что утешала бедных любовников, переносила их нежные записки, доставляя им случай видеться: ее даже обвиняли в составление вредных напитков и колдовстве!

— Если бы не последнее обстоятельство, — сказал Дон Кишот, — то я бы с радостию оправдал доброго старика: он помогал нежным любовникам! Помилуйте, кто назовет это преступлением? Ремесло трудное,

требующее великого проворства, ума и скромности; я имею об этом предмете некоторые новые мысли, которые намерен сообщить правительству. Но старику непростительно быть волшебником! Любовь не требует другого волшебства, кроме искусства нравиться и верности.

— Вы говорите правду, милостивый государь! — сказал старик. — Божусь, что я никогда не думал о колдовстве, иначе как бы не предузнать мне сего путешествия на галеры! Что ж касается до моего маленького пристрастия к любовникам, то, не запираюсь, всегда желал, чтобы люди были веселы, наслаждались и жили дружно между собою: кажется, в том нет ничего дурного! Со всем тем за мое доброжелательство меня посылают на галеры, несмотря на мою старость и запор урины, который не дает мне покоя ни на минуту.

Старик заплакал, и растроганный Санко подал ему небольшую милостыню.

Дон Кишот продолжал расспрашивать. Один колодник сказал, усмехаясь:

— Я здесь за одну безделку, семейственное обстоятельство, я жил в одном доме с двумя двоюродными и двумя внучатными сестрицами молодыми, прелестными; по вечерам от скуки играли мы в разные игры; в доме было нас всего на все пятеро; не знаю, как это случилось, но вдруг в одно прекрасное утро стало нас девять! Поднялся великий шум, заговорили, заспорили; я не имел ни денег, ни добрых людей-заступников и теперь иду на галеры. Но я молод, здоров, и пока есть силы в себе, не отчаюсь.

За ним следовал человек лет в тридцать, из себя видный (хотя косою левым глазом и связанный крепче других). На ногах имел он цепи, которые обвивались вокруг всего тела, на шее два железных ошейника; к одному из них была прикреплена цепь, а к другому две железные полосы, достававшие до пояса, с кольцами, в которые продеты были его руки так, что он не мог сделать ими никакого движения³⁸. Рыцарь спросил, для чего употреблена была такая предосторожность.

— Для того, что этот бездельник, — отвечал один из провожатых, — опаснее всех прочих: он так смел, так проворен и плутоват, что мы даже и теперь боимся, как бы не упустить его!

— Для чего же, — перервал Дон Кишот, — он осужден на галеры, а не на смерть?

— Его сослали на десять лет; все то же, что смертная казнь! Вы, я думаю, слышали об нем: это славный Гинес Пасамон, по прозванию Гинезилла де Парапилла³⁹.

— Г. (осподин) комиссар, — воскликнул колодник, — пожалуйста, не шутите! Какое вам дело до моих прозваний? Когда бы смел, сказал бы вам ваши. А вы, господин рыцарь, если хотите что-нибудь дать нам,

то давайте скорей и не теряйте по-пустому времени в допросах; наша история нимало не любопытна! Если желаете узнать мою, то можете ее прочитать; я сочинил и недавно выдал ее в свет: не хвалясь, скажу, вы найдете в ней больше толку, нежели во всех новых романах наших.

— Она совсем кончена? — спросил Дон Кишот.

— Нет, вы видите, что я еще здесь; но доведена до последнего путешествия моего на галеры!

— Так это не в первый раз!

— Прекрасно! Я отслужил четыре кампании на море его католическому Величеству и, правду сказать, без отвращения принимаюсь за старое. Скажите мне, почему худа жизнь на галерах? Мне кажется, там-то и наслаждается человек самим собою; там-то и можно приводить мысли в порядок и заниматься на свободе литературою!

— Ты, мне кажется, умный малый!

— Того-то и жаль; глупый скорее найдет дорогу к счастью.

— Довольно! — сказал Дон Кишот, возвысив голос. — Вижу из ваших слов, что вы — братья мои, хотя за вину осуждены на галеры, но лишены свободы; вижу цепи на руках ваших! К тому ж часто на свете недостаток в деньгах — малый кредит, пристрастие и глупость судей губят невинность! Я положил на весы рассудка ваш тягостный жребий, вошел в самого себя и заключил, что звание рыцарства повелевает мне подать вам руку помощи. Но мудрый человек только тогда прибегает к силе и мужеству, когда кротость и убеждения не помогут. Господа комиссары и приставы, покорно прошу вас избавить сих несчастных от цепей, их обременяющих! Пускай идут с миром! Бог и натура им дали свободу; никто не может лишить их сей драгоценности. Скажите, чем оскорбили вас бедные люди сии? Вам стыдно быть орудиями злобы и мщения: оставьте, оставьте Всемогущему наказывать слабости, неразлучные с человечеством. Еще раз повторяю с возможным учтивством и с должным почтением: вы обяжете меня лично, когда исполните мою просьбу; когда же нет, то, государи мои, буду принужден употребить силу и научить вас повиноваться.

— Выдумка не дурна! — отвечал комиссар улыбаясь. — Вы мастерски притворяетесь! Но кроме шуток, неужели вправду хотите, чтобы мы сняли цепи с колодников? Перестаньте, сударь! Извольте ехать своею дорогою; поправьте мыльный тазик, который скоро свалится с головы вашей, и не вступайтесь в чужие дела!

— Невежа! Грубиян! — закричал Дон Кишот и ударом копья вышиб его из седла.

Комиссар растянулся, его товарищи бросились на рыцаря; колодники, пользуясь случаем, принялись сбивать с себя железа. Провожа-

тые, принужденные бежать к своим пленникам и вместе защищаться от Дон Кишота, не знали, что делать; Санко помогал Гинесу Пассамону выпутаться из цепей. Пассамон первый освободился, кинулся на лежавшего комиссара, отнял у него ружье и шпагу и начал, не стреляя, прицеливаться в приставов, которые в минуту все разбежались при страшном граде камней, которыми колодники провожали их.

Победа совершилась; но Санко был недоволен. Он сказал рыцарю, что беглецы, верно, донесут о случившемся святой Ермандад, и что, не теряя ни минуты, надлежало им спрятаться в ближние горы. Дон Кишот имел в голове другое намерение: он скликал колодников, обиравших комиссара, который скоро остался в одной рубашке; поставил их в кружок, посмотрел на них с важностию и сказал:

— Государи мои! Благодарность есть первая добродетель благородного сердца; вы видели, что я для вас сделал; не сомневаюсь, чтоб и для меня вы чего-нибудь не сделали. Прошу вас надеть на себя цепи, от которых я вас избавил, и в прежнем виде невольников идти в город Тобозо, явиться пред лицом госпожи Дульцинеи. Вы скажите ей, что пленник ее прелестей, рыцарь Печального образа просит ее об нем вспомнить; вы опишите ей все, как было, как я вас избавил, как победил ваших гонителей, и потом будете свободно идти, куда вам рассудится.

— Господин рыцарь, наш избавитель, — отвечал за всех Гинес Пассамон, — ваша просьба недельная! Мы попадемся в руки полиции, когда пойдем вместе в цепях и еще в город; нам должно разойтись в разные стороны. Покорно прошу вашу милость переменить это посольство к госпоже Дульцинее Тобозской на несколько молитв за ее здоровье; поверьте, что будем усердно молиться, потому что молиться всегда и везде удобно, а надеть на себя цепи ни за что, ни про что, посудите сами, кто на это согласится?

— Черт меня возьми! — закричал Дон Кишот в ярости. — Господин Дон Гинезилла Парапилла, ты пойдешь один! Да, ты один, господин рассказчик, и с этой прекрасною цепью на шее! Желал бы я посмотреть, как ты не согласишься!

Пассамон был горячего нрава. Он мигнул своим товарищам, и в минуту посыпалось на рыцаря такое множество камней, что он и щитом от них не закрылся. Рыжак был точный пень. Санко сидел за ослом. Несчастный рыцарь не устоял и растянулся. Колодники в минуту на него напали, сбросили с головы его мыльный тазик, сорвали с него казаккин, не спаслось бы и нижнее платье, когда бы обиратели не торопились. Санко отделался одним плащом. Разделив добычу между собою, колодники разбежались в разные стороны, думая больше о рассыльщиках, нежели о госпоже Дульцинее. Дон Кишот и Рыжак лежали друг

подле друг; Санко, свернувшись клубком, дрожал промеж ног осла, который печально потряхивал головою и хлопал ушами, как будто все слышал свист летающих камней.

ГЛАВА XXIII

Удивительные приключения в Сиерре Морене

Дон Кишот, видя, как заплатили ему за благодеяния, воскликнул:

— Санко! Правду говорят люди: *злого любить, себя губить!* Мне бы надлежало тебя послушаться! Вперед буду умнее!

— Вы, сударь, — сказал оруженосец, — вы тогда будете умнее, когда я стану кверху ногами ходить! Но если вам жаль, что прежде меня не послушались, то послушайтесь теперь: уберемся отсюда поскорее; все ваши рыцарства не помогут вам, когда попадетесь в лапы святой Германдад. Она мараведиса⁴⁰ не даст за всех странствующих рыцарей в свете; ради Бога! Уедем отсюда.

— Бедный Санко! Натура не создала тебя храбрым! Но чтобы доказать, что я не упрям, соглашаюсь исполнить твое желание; только смотри! Никогда, ниже при самой смерти (помни это условие), не смей говорить, что робость понудила меня удалиться! Если это скажешь, Санко, то солжешь непростительно. Признаюсь, когда бы я мог подумать, что такая мысль придет в твою голову, то ни на что несмотря, остался бы в этом месте. Не боюсь ни святой Германдад, которая для тебя так ужасна, ни всех Ермандад двенадцати колен израильских, ни семи Маккавеев, ни Кастора и Поллукса⁴¹, ниже всего, что называется братьями в свете!

— Господин рыцарь! Сойти с места не значит бежать, а бросаться на нож — быть умным и смелым! По-моему, человек, который имеет хотя каплю рассудка, всего вдруг не делает, а оставляет что-нибудь и на завтра, и на послезавтра. Береги монету про черный день. Хотя я и простой крестьянин, но, Бог милостив, умею два перечесть, и умишка мой, который никогда меня не обманывает, говорит, что вы хорошо сделаете, если сядете на Рыжака и проедете вслед за мною.

Дон Кишот не стал спорить и послушался. Благоразумный оруженосец отправился вперед на осле; Дон Кишот за ним, и скоро очутились они в долинах Сиерры Морены, в которых были намерены спрятаться. По счастью, котомка с припасами каким-то чудом спаслась от колодников. Санко не боялся умереть с голоду, погонял осла и остановился не прежде, как совсем смерклось. Наши странники расположились ночевать у подошвы одного утеса под густыми деревьями. Но судьба, кото-

рая не уставала гнать их, как нарочно, привела в это место Гинеса Пассамона, того славного мошеника, которого Дон Кишот спас от галер и который также имел свои причины бояться святой Германдад. Пассамон нашел героев наших в глубоком сне, а как благодарность была не из главных его добродетелей, то он не посовестился украсть Санкина осла, который показался ему гораздо лучше Рыжака. Заря едва, едва блистала, как оруженосец, проснувшись, увидел, что при нем осла не было, поднял прежалобный крик:

— О, друг мой! Душа моя! — повторял он. — Я тебя не увижу! Тебя, который родился в моем доме, никогда не оставлял меня, рос перед моими глазами, стоил мне таких трудов и попечений! Я тебя не увижу! Я тебя лишился! Как показаться жене, которая тебя так любила! Детям, которых ты утешал, соседям, которые смотрели на тебя завистливыми глазами! О, мой осел! Осел возлюбленный! Без тебя жизнь мне в тягость: ты один сохранял ее потому, что каждый день вырабатывал по двадцати шести мараведисов, почти столько же, сколько выходили на мои расходы. Ах! Теперь мне ничего не надобно, ни расходов, ни приходов; я потерял тебя, я умру с горя!

Дон Кишот, пробужденный жалобами Санки, утешал его, как мог; сказал ему прекрасную проповедь о неприятностях в жизни; однако не успокоил по тех пор, пока не обещал дать ему трех осленков из пяти, оставшихся у него дома.

Оруженосец, всхлипывая, поблагодарил господина своего за милость; потом, повесив голову, пошел за ним пешком, таща на плече котомку, которая опять избавилась от похищения и которую нередко посещал он с глубокими вздохами. Дон Кишот ехал шагом, час от часу больше углублялся в горы, с удовольствием посматривал на утесы и пустыни, его окружавшие, и приводил на память все, что случалось с рыцарями в таких же диких уединениях. Вдруг Санко увидел, что рыцарь его поднимал копьём какой-то полусогнивший чемодан, оставленный посреди дороги. Он подбежал к нему, взял чемодан, который был весь в дырах, осмотрел его и нашел в нем четыре голландские рубашки, несколько тонкого белья и узел с золотыми деньгами.

— Слава Богу! Вот приключение по моему вкусу! — воскликнул он, и не считая денег, начал опять обыскивать чемодан, в котором не нашел более ничего, кроме богатой записной книжки. Дон Кишот взял ее себе, оставя деньги оруженосцу, который, поцеловав у него руку, спрятал их в карман.

— Друг мой! — сказал наш рыцарь. — Все это, конечно, принадлежит какому-нибудь проезжему, ограбленному или умерщвленному разбойниками.

— Нет, сударь, — отвечал Санко, — разбойники не оставили бы этих прекрасных золотых денег, которые у меня в кармане!

— Твоя правда! Не могу придумать, что бы это значило. Посмотрим, не скажет ли нам чего-нибудь эта записная книжка?

Он открыл ее и прочел следующие стихи оруженосцу:

*Надежда, говорят, любовь животворит
И верность подкрепляет:
Час от часу сильней любовь моя горит,
Надежды никакой не знает. —
Но может быть... ах, нет!
Любви твоей желать
Твой пленник, Хлоя, не дерзает;
Любить и слезы проливать.
Жестокая, и то блаженством он считает!⁴²*

— Эти стихи ничего не объяснили, — сказал Дон Кишот, — но признаюсь, они хорошо написаны!

— Вы и в стихах знаток, мне кажется? — спросил Санко.

— Великий! — отвечал рыцарь. — Ты в этом и сомневаться не будешь, когда я тебе дам предлинное письмо стихами к принцессе Дульцинее. Старинные рыцари были все музыканты и стихотворцы: любовь, друг мой, всему научит!

— Посмотрите, сударь, нет ли еще чего-нибудь в записной книжке?

Дон Кишот перевернул листок.

— Вот и проза, — сказал он, — и думаю, любовное письмо!

— А! А! — воскликнул оруженосец, который был в духе. — Прочтите его мне, прочтите; я бывал охотник до любовных писем!

Дон Кишот прочел следующее:

«Последнее слово, Люцинда! Не страшись упреков! Я не буду скучать тебе упреками! Ты нарушила свои клятвы; предпочла низкие сокровища любви пламенного сердца, своей должности, своей невинности! Я находил в тебе все добродетели и совершенства; они исчезли — осталась одна красота ничтожная, минутная! Прости; будь счастлива, когда можешь, когда способна забыть мои страдания! Ах, если б ты никогда не узнала, каков человек, избранный тобою! Если бы никогда позднее раскаяние не посетило твоего сердца!

Ты разрушила мое блаженство, а я молю небо о твоём спокойствии!»

— Из письма и стихов мало узнали, — сказал Дон Кишот, перевертывая листочки, на которых написано было еще несколько стихов и отрывков, заключавших в себе жалобы и упреки.

Между тем Санко в другой раз посетил чемодан, не оставил в нем ни одного уголка, ни одной сумки, не ощупав несколько раз рукою — так прельстили его золотые деньги, которых было порядочное количество! По несчастью, не нашлось более ничего; но один взор на сокровище — и наш оруженосец забыл и палочные удары, и беспокойную ночь в трактире, и чудотворный бальзам, и воздушное путешествие, и даже милого осла. Рыцарь Печального образа думал только о том, кому принадлежал чемодан и, судя по письму, стихам, деньгам и тонкому белью, заключил, что какой-нибудь знатный молодой дворянин, влюбленный в жестокую и от любви пришедший в отчаяние, потерял их на дороге. Он решился в горах искать несчастного любовника.

Герой наш с таким намерением отправился уже в путь, как вдруг увидел на вершине холма человека, который прыгал с утеса на утес с удивительною легкостью. Этот человек был покрыт изорванным рубищем: черная борода его была густа и всклокочена, длинные волосы в беспорядке, нижнее платье все изодрано, ноги обнажены. Дон Кишот, несмотря на скорый бег незнакомца, успел сделать свои замечания, и вообразив, что ему принадлежал чемодан, хотел было за ним последовать; но Рыжак, который и по хорошей дороге не привык ходить скоро, отказался идти по утесам и камням. Герой приказал было своему оруженосцу догнать этого человека, но Санко представил ему, что никак не мог удалиться, потому что всякий раз, когда не было с ним его рыцаря, страх отнимал у него ноги.

— Притом же, сударь, — прибавил он, — какая нужда искать хозяина этого чемодана? Если найдем его, то будет надобно отдавать деньги, а мне кажется, что это совсем лишнее!

В сию минуту приблизились они к одному источнику. На берегу его лежал мертвый лошак, до половины съеденный воронами; седло и узда были еще на нем. Старый пастух, показавшийся на вершине горы, начал свистом сзывать своих коз. Дон Кишот увидел его и кликнул. Пастух сошел вниз.

— Верно, хотите вы, — сказал он, приближась, — узнать, для чего этот лошак здесь: он шесть месяцев лежит на одном месте; вы, может быть, встретились с его господином!

— Нет, — отвечал Дон Кишот, — мы только неподалеку отсюда нашли чемодан на дороге.

— Я и сам давно его видел, — сказал пастух, — но боялся до него дотронуться, чтобы не попасться в беду: нечистый дух гораздо хитрее нас!

— То-то и я говорил, — воскликнул Санко, увидя этот чемодан, — я не хотел к нему за полверсты подойти; пускай он лежит, где хочет!

Ох! Как же я не люблю каменистых дорог; того и гляди, что нос разобьешь.

— Послушай, дружок! — прибавил Дон Кишот. — Не можешь ли ты мне сказать, чей этот лошак и чемодан?

— Я очень немного знаю об этом, — отвечал пастух, — шесть месяцев тому назад приехал сюда молодой человек, статный и прекрасный, на этом лошаке и с чемоданом, до которого вы дотронуться не хотели. Он спросил у нас, где самое уединенное место на горах: мы привели его сюда, и он, кольнув шпорами лошака, скрылся в утесах.

Через несколько дней один из наших товарищей встретился с молодым незнакомцем, который, не говоря ни слова, подбежал к нему, прибил его до полусмерти, отнял у него припасы, которые пастух вез на осле в нашу деревню, и убежал на утесы; мы бросились за ним, искали, нигде не нашли; наконец, увидели в дупле старого дерева. Платье на нем было изорвано, лицо его загорело от солнца, словом, было трудно узнать его. Он подошел к нам с ласковым видом, поклонился, вздохнул и сказал, чтобы мы не дивились, видя его в таком положении, что он великий грешник и желает строгою жизнью себя очистить. Мы хотели узнать его имя, но он потупил голову и не отвечал. Мы просили его назначить нам место, куда приносить ему пищу, либо ходить за нею к нам в хижины, а не брать ее насильно. Молодой человек поблагодарил нас, извинился и обещал вперед не обижать никого, а просить хлеба именем Божиим; прибавил, что не мог указать нам своего жилища потому, что не имел его, а проводил ночи, где случалось. Тут он заплакал, мы также: у него лицо такое доброе; видно, что люди много зла ему сделали! У нас сердце обливалось кровию, когда мы смотрели на бедного молодого человека, убитого горем, бледного и унылого.

Мы утешали его, как могли — меньше словами, нежели сожалением; мы, простые пастухи, красиво говорить не умеем. Вдруг он весь в лице переменялся, опустил голову, сжал губы, нахмурил брови и, кинувшись на одного из наших товарищей, начал бить его так сильно, что, верно, без нас убил бы на месте; за всяким ударом он повторял: «Изменник Фернанд, я разорву твое сердце хитрое, коварное, наполненное пороками!» Не припомню, что еще говорил он об этом Фернанде. Мы не захотели его удерживать, и он с удивительною быстротою скрылся в утесах, в которых нескоро найдешь его. Из сих обстоятельств, милостивый государь, мы заключили, что бедный молодой человек есть сумасшедший, и что какой-то Фернанд причиною его сумасшествия. Мы и не обманулись! Он несколько раз после того приходил к нам просить просьбою накормить его, а иногда, не прося, отнимал наши припасы.

Когда придет на него дурной час, то хотя все отдай ему, он не менее подерется с тобою. В другое время обходится ласково, просит учтиво и хлебной корки, благодарит, плачет и уходит. Третьего дни я и четверо пастухов из моих приятелей согласились найти его, взять насильно, отвезти в Альмодавар (за несколько миль отсюда) вылечить его, если можно, или отыскать его родных, которые бы могли взять на свои руки этого несчастного молодого человека. Вот, сударь, все, что знаю об этом.

Дон Кишот, удивленный и тронутый сею повестью, поблагодарил пастуха и обещал помогать ему в его поисках; но случай избавил от сего труда рыцаря: вдруг увидели молодого человека в изодранном платье, который шел прямо к ним и говорил что-то сам с собою. Он приблизился медленно, поклонился им и сказал тихим, охриплым голосом: «Здравствуйте!» Наш паладин, скочив с Рыжака, обнял его с горячностью. Молодой человек удивился, отступил назад и, положив обе руки на плечи рыцарю, смотрел на него долго и пристально, потом сказал:

ГЛАВА XXIV

Продолжение удивительных приключений в Сиерре Морене

— Я вас не знаю, государь мой! Но ласки ваши меня трогают. Видите, в какую бездну я брошен судьбою! Может быть, никогда не позволит она мне доказать вам своей благодарности, но я могу ее чувствовать!

— Неужели все для вас погибло? — воскликнул Дон Кишот. — Неужели ваше блаженство невозвратно? Ах! Для чего не могу смягчить судьбы вашей? Я бы на все решился! Но слезы чувствительной дружбы оживляют унылое сердце! Разделите со мною ваши страдания; отдайте мне половину вашей горести! Я умею плакать с несчастными!

Молодой человек во все то время, как говорил рыцарь, не спускал с него глаз и осматривал его с головы до ног.

— Ради Бога! — сказал он потом. — Накормите меня, голод меня мучит, терзает! Успокоив его, удовлетворю вашей просьбе.

Санко и старый пастух дали ему часть своего запаса. Молодой человек ел с жадностью, спешил и осматривался во все стороны с беспокойством и суровостью. Насытившись, он подал знак, чтобы за ним последовали: побежал на маленький луг, осененный крутым утесом, сел на траву, назначил каждому место, зажмурил на минуту глаза, чтобы собраться с мыслями, и начал говорить следующее:

— Соглашаюсь открыть вам свои несчастья, но вы дайте мне слово не прерывать меня. Я чувствую, что слабая голова моя придет в беспорядок, и что я все забуду при малейшем помешательстве.

Сие предисловие напомнило Дон Кишоту о той прекрасной сказке, которой Санко никак не мог кончить. Он обещал от имени всех слушать, не прерывая, и молодой человек начал таким образом:

— Я называюсь Карденио, родился в одном из первых городов Андалузии⁴³; знатность и богатство достались мне в наследство; со всем тем я несчастен и жалок. В одном городе со мною жила девушка, милая, прелестная, которой судьба не отказала ни в чем — Люцинда. С одинакою знатностию и одинаким богатством Люцинда была не так постоянна, как пусть будет и не так несчастна! Любить, обожать Люцинду почитал я блаженством с младенческих лет моей жизни. Люцинда, ребенок, любила меня от всего сердца. Наши родители не хотели противиться этой невинной склонности; тайно желали соединить нас, хотя не говорили о том никогда между собою. Люцинде минуло пятнадцать лет; ей не велели принимать меня, мы начали переписываться! Боже мой! Сколько стихов, сколько романсов написал я для моей Люцинды! Разлука усилила нашу любовь; мое сердце, робкое в присутствии Люцинды, сделалось без нее смелее; перо мое выражало то, чего бы язык мой никогда произнести не осмелился — Люцинда в письмах своих обнаруживала предо мною все тайные чувства души своей.

Наконец, жизнь без нее мне сделалась несносна — я решился все кончить, пошел к отцу моей любезной и на коленях просил у него руки Люциндиной. Почтенный старик с ласковым видом сказал мне, что этот союз равно лестен для обоих супругов; но прибавил, что мой отец, а не я должен был об этом говорить ему, и что Люцинда по тех пор не может вступить с ним в родство, пока он сам того не захочет. Он говорил правду; я побежал к батюшке с надеждою в сердце.

Вхожу к нему в кабинет: он держал в руке письмо, и, не давши мне времени говорить, сказал:

— Карденио! Из этого письма ты узнаешь, что хочет для тебя сделать герцог Рихард⁴⁴.

Этот герцог Рихард, как вам известно, есть один из знатнейших испанских грандов, которого поместья находятся в Андалузии; он в письме своем просил батюшку прислать меня к нему, желая, чтобы я был товарищем, другом старшего его сына, и уверял, что всеми силами будет стараться вывести меня в люди и составить мое счастье. Все, что он ни говорил обо мне, было так для меня лестно, так просто выражено и так далеко от гордого тона обыкновенных покровителей, что я сам увидел необходимость ехать благодарить его.

— Карденио, — сказал батюшка, — ты отправишься через два дни! Я уверен, что не обманешь надежды герцога своим поведением.

Я не смел противоречить. В ту же ночь увиделся с Люциндою и рассказал ей обо всем; на другой день просил ее отца не располагать рукою своей дочери до моего возвращения. Он дал мне слово. Люцинда клялась быть моею, и я с нею расстался.

Герцог Рихард принял меня как родного. Старший его сын обошелся со мною ласково, дружески; но младший, Фернанд, любезный и прекрасный, полюбил меня, открыл мне свое сердце и назвался моим истинным другом. Я поверил Фернанду; принимал сильнейшее участие во всех его удовольствиях и неудовольствиях; и скоро узнал, что пламенный молодой человек был страстно и без надежды влюблен в Доротею, дочь одного земледельца (Рихардова подданного), богатейшую наследницу во всей Андалузии, прекрасную, хорошо воспитанную девушку, которую все почитали чудом! Напрасно старался он обольстить ее; добродетель хранила невинность. Наконец он решился на ней жениться. Я представлял ему следствия такого поступка, препятствия и неприятности со стороны его фамилии; горести, какие он приготовлял себе: Фернанд был непреклонен. Я почел за должность сказать об этом старому герцогу. Не знаю, угадал ли Фернанд мое намерение или нет, но вдруг приходит ко мне и говорит, что хочет путешествовать.

— Друг мой! — сказал он. — Мне должно оставить это место, или я погиб! Поедем к твоему отцу; в вашем городе прекрасные конские заводы; скажу батюшке, что имею нужду в лошадях. Он, конечно, меня отпустит! Перемена места, разнообразие предметов, а больше всего дружба твоя будут самым лучшим для меня лекарством.

Я похвалил намерение Фернанда тем охотнее, что оно доставляло мне случай возвратиться к Люцинде, и принуждал его как можно скорее произвести его в действо.

После узнал я, что Фернанд в самое то время, как предлагал мне путешествовать, уже обольстил дочь земледельца, обещавши на ней жениться. Изменник хотел бежать; может быть, он боялся, чтобы отец его не узнал о сем преступлении; может быть, любовь, ангел-хранитель добродетели в сердце невинном, есть не иное что в порочном, как бурное, неукротимое желание, которое усиливается от препятствий и погасает от наслаждения! Как бы то ни было, герцог позволил нам ехать, и мы через два дни отправились. Батюшка принял Фернанда как сына своего благодетеля. Я увидел Люцинду; она была все та же, милая, несравненная! К несчастью, подумал я, что дружба обязывала меня поверить Фернанду все тайны моего сердца.

Я описал ему Люцинду со всем жаром любовника; он удивился и захотел увидеть ее: мог ли я отказать Фернанду? Я привел его под окно, в котором Люцинда обыкновенно со мною разговаривала. Решетка

была отворена, в горнице горел огонь; Фернанд ее увидел, остолбенел, не мог говорить, забыл все, и прежнюю любовь свою, и дружбу! Он скрыл волнение своего сердца; поздравил меня с таким единственным счастьем; желал, по-видимому, нашего брака и просил меня показать ему некоторые записки Люцинды. Я не подозревал, не боялся ничего; дал ему прочесть последнее письмо ее, в котором она убеждала меня просить руки своей с таким умом и приятностию, так нежно и скромно, что изменник Фернанд, прочтя письмо, вышел из себя. И теперь помню, что справедливые похвалы, которыми он в ту минуту осыпал Люцинду, показались мне неприятными; ужасный свет поразил меня. Я был уверен, как в своей жизни, что Люцинда не способна к предательству; но ревность, мучительная ревность, в первый раз отравила мое сердце.

Дни через два после нашего разговора Люцинда, которая любила рыцарские романы, прислала ко мне за «Амадисом»...

При сих словах Дон Кишот затрепетал, и, будучи не в силах удержаться себя, воскликнул:

— Ах! Господин Карденио! Для чего не сказали вы прежде, что госпожа Люцинда читает рыцарские романы и знает их цену. Это одно доказало бы нам, что она прекрасна, умна, любезна, приятна и совершенна! Теперь я в этом не сомневаюсь; уверен, утверждаю и утверждать буду! Осмелюсь, однако ж, представить вам, что с «Амадисом» не худо бы было ей взять у вас и знаменитого Рожера Греческого⁴⁵; госпоже Люцинде, конечно бы, полюбилось прекрасное приключение Дараиды и Гарайды, также и нежные стихи милого пастуха Даринеля⁴⁶. Доставьте ей ради Бога эту единственную книгу; если ж ее не имеете, то милости прошу ко мне! Я покажу вам больше трех сот таких, которые служат мне утешением в жизни, питают мою душу: правда, я не надеюсь отыскать их так скоро: волшебники сыграли со мною изрядную шутку... Но я вам помешал, извините! Я сам не свой, когда заговорят о рыцарстве. Продолжайте, господин Карденио! Я принимаю живейшее участие в вашем жребии.

Между тем Карденио, потупя голову, мрачно, задумчиво смотрел в землю; наш рыцарь дважды просил его продолжать, Карденио не отвечал ни слова. Вдруг, устремив на Дон Кишота смутные взоры, он воскликнул:

— Нет! Никто на свете не разуверит меня! Вопреки всем глупцам и невежам буду говорить, что королева Мадазина имела любовником Лизбета⁴⁷ и спала с ним на одной постели.

— Клевета! — загремел Дон Кишот. — Королева Мадазина — почтенная женщина, которая никогда не спала с лекарями. Тот, кто смеет говорить такую нелепость, есть клеветник, трус и лжец; я докажу ему это на суше, на воде, на коне, с копьём, с мечом, без меча, как ему угодно.

Карденио, в котором припадок сумасшествия начинал действовать, услышав, что его называли лжецом, схватил огромный камень и так ловко попал им в Дон Кишота, что он полетел кверху ногами. Санко, желая отомстить за своего господина, бросается с кулаками на Карденио, который, повалив его под себя, начинает тузить без сожаления. Пастух вздумал было защищать Санку и был опрокинут. Карденио, уставши бить, сокрылся в утесах, Санко принялся за пастуха; спрашивал с гневом, для чего не сказал он им, что этот человек — бешеный. Пастух утверждал противное; Санко спорил, и скоро схватились за бороды. Рыцарь начал их мирить.

— Нет! Нет! — кричал оруженосец. — Дайте мне хорошенько помять ему бока! Он не странствующий рыцарь!

Однако герой наш как-то все успокоил. Несмотря на ссору, хотел он узнать конец истории сумасшедшего: простился с пастухом и, севши на Рыжака, поехал вслед за новым знакомцем своим.

ГЛАВА XXV

Подражание горному красавцу

Герой наш ехал среди гор. Санко шел за ним; вздыхал усердно и умирая от скуки, не смея начать разговор. Наконец молчание стало ему несносно.

— Милостивый государь! — сказал он. — Благословите меня и отпустите домой; дома, по крайней мере, могу я говорить с женою и с детьми! Лучше соглашусь лечь живой в могилу, нежели ездить с вашею милостию молча и не разевая рта, хотя бы звери говорили по-прежнему! Тогда, по крайней мере, имел бы я надежду встретиться с каким-нибудь честным волком, с ним познакомиться и побеседовать о том и о другом; но правду сказать, худо искать приключений, летать против воли по воздуху, быть изувеченным и не сметь языком шевельнуть!

— Хорошо! — сказал Дон Кишот. — Соглашаюсь уничтожить мое запрещение, но только на время, пока мы в горах пробудем!

— Доброе дело, милостивый государь! Иначе я бы скоро задохся! Прежде всего, позвольте мне у вас спросить, за что вы так любите госпожу королеву Маркасину (так ли я выговариваю?), и какая вам нужда до того, был ли этот господин лекарь сердечным ее другом или нет? Если бы ваше странствующее рыцарство пропустили это мимо ушей, то бы сумасшедший досказал свою историю и вас не сбил с ног камнем, а мне не изломал боков и бороды не выщипал!

— Мой друг! Если бы ты знал, как добродетельна Мадазина, если бы имел понятие о красоте ее, то, верно бы, сам признался, что я был

терпелив не к стати, спустя этому безбожнику, оскорбившему честь ее. Правда, и лекарь Лизбет — человек редкий. Мадазина часто советовалась с ним и никому, кроме его, не давала лечить себя; но говорить, что он был ее любовником, есть бесстыдная клевета, которой Карденио, конечно бы, не позволил себе, когда бы не был в припадке безумия!

— Зачем же вы связывались с безумным? Что если б этот большой камень, который так ловко попал вас по брюху, поднялся повыше и ударил вас по лбу, куда б вы годились, прошу не погневаться, с вашею прекрасною королевою, которую черт побери!

— Наш брат, странствующий рыцарь, обязан защищать честь красавиц от умных и безумных, особливо когда идет дело о такой великой принцессе, какова Мадазина! К тому ж, признаться тебе, я всегда был особенно привязан к этой красавице, славной своими прелестями, добродетелью и несчастиями. Бедная Мадазина! Увы! Я всегда готов плакать, когда вспомню о ее горести и страданиях, в которых один добрый Лизбет подкреплял ее благоразумными советами! И вас, нежные друзья, хотят обесславить! Нет! Никогда, никогда не стерплю такой несправедливости! Обличу и буду обличать безумцев, которые осмелятся оскорбить вас словом или мыслию!

— Я, сударь, не говорю ни слова и ничего не думаю; в чужие дела не люблю вмешиваться! Если они спали вместе, для них же лучше! Я пришел с поля, не знаю дела! У кого свербит, тот и чешется! Купил дорого, говорил дешево, а в кошельке пусто! Голым родился, гол и живу: ни прибыли, ни убыли! Какая мне нужда: видел, не видал, слышал, не слышал! На всех не угодишь! Слухом земля полна!

— Помилуй, какое множество пословиц! Тебя, однако ж, извиняю, только удивляюсь, как ты не рассудишь, что я во всем следую правилам рыцарства, которых никто лучше меня не знает. Все мои дела имеют цель! Например, ты не знаешь, зачем я теперь еду в горы! Важное предприятие, которое одно сделает меня славнее всех рыцарей на свете!

— Скажите мне, сударь, в этом прекрасном предприятии можно сломить себе шею или встретиться с привидениями, которые заставляют летать по воздуху!

— Все от тебя зависит! Будь только проворен и кончи как можно скорее славное посольство, которого тебя удостою. Приблизься и все узнаешь. Ты, конечно, слышал, мой друг, что знаменитый Амадис Гальский был, может быть, совершеннейшим из странствующих рыцарей; что я говорю: *может быть!* Он первый, единственный, глава и солнце всех, которые когда-либо существовали! Во всяком искусстве и звании подражают тем, которые наиболее в них прославились: итак, в звании рыцарей Амадис должен быть северным сиянием, полярною звез-

дою всех избранных смертных, сражающихся под знаменами любви и рыцарства. Амадис неоспоримо доказал свое мужество и постоянство, удаляясь *на утес бесплодный* и проведши на нем несколько лет в тоске и унынии под именем *горного красавца*. Мне легче подражать Амадису-пустыннику, нежели Амадису-герою, который душил великанов, умерщвлял чудовищ и разгонял целые воинства: итак, воспользуюсь случаем, который завел меня в такую прекрасную пустыню.

— Я что-то вас не понимаю, — сказал Санко, — растолкуйте мне, что вы хотите делать?

— Подражать Амадису, а может быть, и Роланду, который, узнавши, что Ангелика променяла его на мавра Медора⁴⁸, вырывал с корнями деревья, мучил ручьи, побивал стада, жег хижины и села и совсем потерял ум, что ему сделало много чести!

— Но вы, кажется мне, сказали, что эти господа имели свои причины делать такие прекрасные подвиги; а какие ж вы имеете? Разве думаете, что госпожа Дульцинея изволит без вас утешаться с каким-нибудь мавром или христианином!

— Нимало; но тем для меня лучше. Сойти с ума рыцарю от какой-нибудь основательной причины, безделка! За это никто ему спасибо не скажет; но вдруг, ни за что, ни про что, не спросясь ни с кем, сделаться безумным — ты чувствуешь, друг мой, как это славно и как должно быть приятно его красавице! Впрочем, и отсутствия Дульцинеи для меня довольно! Дело решено, Санко, я схожу с ума! Да, сын мой, хочу быть и буду сумасшедшим по тех пор, пока не получу ответа на письмо, которое отнесешь от меня к госпоже Дульцинее. Когда ответ сей будет благоприятен, то я возвращу свой ум, чтобы сильнее почувствовать свое счастье; когда же нет, когда жестокая пренебрегает меня, то я останусь безумным, чтобы не знать, в какую пропасть меня низвергнули. Видишь ли, что в обоих случаях я в выигрыше.

Между тем подъехали к одной высокой горе, которая, отделившись от прочих, возвышалась одна посреди луга, орошенного источником. Свежесть быстрой воды, красота яркой зелени, диких цветов, группы дерев, рассеянные по лугу, пленили рыцаря: он решился остаться в этом месте с своим унынием.

— Так! Я нашел его, — воскликнул он, осмотрев с восхищением предметы, его окружавшие. — Нашел убежище, в котором буду вздыхать по жестокой! Светлый, журчащий ручеек, ты потечешь моими слезами! О вы, уединенные боги сей мирной пустыни! Простите несчастному, дерзнувшему стопами возмутить безмолвную обитель вашу! О вы, Дриады, Напеи⁴⁹, внимайте моим тщетным жалобам! Разделите мои страдания! Молю небо, да сохранит вашу невинность от фавнов

и сатиров. О Дульцинея Тобозская, солнце ночей моих, магнит моего сердца, звезда-сопутница моих странствий, узнай бедственное состояние, в которое привело меня твое отсутствие! А ты, верный оруженосец мой, ты, участник и наследник моей славы, не забудь — ах! Не забудь того, что видел и увидишь! Расскажи обо всем тиранке души моей.

Дон Кишот при сих словах прыгивает с Рыжака, снимает с него узду и седло, и ударив его по спине рукою, говорит:

— Наслаждайся свободою, которой лишен господин твой! Не хочу более тебя обуздывать, о ты, послушный и вместе грозный, о ты, который превосходишь быстротою и славного Фронтинна, и Гиппогрифа Астольфо!⁵⁰

— Когда бы мой бедный осел был здесь, — воскликнул Санко, — то и я, снявши с него седло, наказывал бы ему много всякой всячины, хотя, в самом деле, и не все было бы справедливо, потому что бывший хозяин его, помнится, не влюблен и не влюблялся. Но, господин рыцарь Печального образа, если вы не шутя безумный и если непременно хотите посылать меня в Тобозо, то не пускайте на волю Рыжака, а лучше уступите его мне; он довезет меня не хуже моего ослапокойника, и я возвращусь к вам гораздо скорее: вы сами знаете, что я не очень легок на ногу.

— Согласен, — отвечал Дон Кишот, — только помедли здесь три дни, чтобы хорошенько на меня наглядеться и описать Дульцинее все глупости, которые могу сделать, когда захочу.

— О, сударь, я уже нагляделся!

— Нет, добрый Санко, ты еще ничего не знаешь: сперва издеру все свое платье, разбросаю оружия и начну стучать головой об утесы, потом...

— Берегитесь! Я вижу здесь такой прекрасный утес, который с одного разу кончит ваш искус. Послушайте: если уж непременно надобно вам кувыряться и не жалеть бедной головы своей, то ныряйте в воду либо катайтесь по мягкому песку; мое дело назвать песок и воду железною горою.

— Нет, Санко, законы рыцарства не позволяют обманывать!

— Разве я рыцарь! Положитесь на меня! И зачем откладывать? Вообразите, что три дни прошли; напишите письмо к госпоже принцессе, не забудьте и векселя на трех осленков, отдайте все это мне, и я пущусь, как из лука стрела, в Тобозо, поклонюсь госпоже Дульцинее, расскажу ей об вас чудеса; сделаю вам ее, как шелковую, и прилечу скорее ветра освободить вас из чистилища.

— У меня теперь нет бумаги, но все равно есть записная книжка. Ты велишь переписать мое письмо в первой деревне школьному

мастеру или пономарю: что нужды, моя ли рука или чужая? Принцесса не умеет читать и не знает моей руки. Во все двенадцать лет пламенной любви моей не видался я с нею больше четырех раз и смею уверить, что в эти четыре раза она не заметила моих нежных и томных взоров; так строго содержит ее отец и мать: Лоран Корчуело⁵¹ и Альдонца Ногалес!

— Что вы говорите? Разве принцессою Дульцинеею называете вы нашу Альдонцу Лоренцу, дочь Ларона Корчуело?

— Разумеется!

— О! Я ее знаю! Очень знаю! Черт побери! То-то девка, она исковеркает тебя лучше всякого медведя! И красавица! Настоящая принцесса: борода с локоть, сильна, дородна и, без сомнения, перебьет на кулачках всех рыцарей, сколько их ни есть на свете. Я помню, как она взлезла однажды на колокольню, чтобы оттуда скликать работников отца своего, которые работали в поле, за полверсты от деревни: так заревела, что, верно, и за полверсты оглушила их. Посмотрели бы вы, какие дает оплеухи, когда вздумаешь поиграть с нею! Отпустите меня, очень хочу видеть Альдонцу Лоренцо. Думать надобно, что она теперь стала немного посмуглее, потому что беспрестанно на солнце. Какой же я был дурак! Я воображал, что эта госпожа Дульцинея, и Бог знает что! Какая-нибудь великая принцесса, у которой и бискайцам, и колодникам, и черту, и дьяволу ноги целовать нестыдно! Вздор! Госпожа Дульцинея не иное что, как наша Альдонца Лоренцо! И если все господа, которых вы послали к этой принцессе, точно у ней были, то, верно, нашли ее с цепом на гумне либо с ухватом перед печью: то-то, я думаю, посмеялись, и, правду сказать, есть чему посмеяться.

— Санко! — сказал герой тихим, но важным голосом. — Я уже открыл тебе великую истину, которую ты всегда забываешь! Открыл, что ты несносно болтливый глупец! Кто вздумает на твоём месте умничать, тот должен наперед узнать, что только две вещи на свете: мудрость и красота — заслуживают любовь нашу! И то, и другое найдешь в совершенстве в моей Дульцинее! Какое мне дело до породы и звания; что значат сии случайные достоинства пред личными! Довольно: я люблю, обожаю ее; и все принцессы мира, все красавицы и богини не существуют для моего сердца. К тому же, возьмем в пример всех Амарилл, Сильвий, Галатей⁵², которых славят наши поэты. Неужели они, в самом деле, таковы, какими их изображают! Нимало! И кто запретит воображению творить для себя существа идеальные, украшать их всеми возможными прелестями, всеми совершенствами! Сверх того, все это имеет свою выгоду: или служит примером изящного, или научит нас любить достойное любви нашей! Вот моя Дульцинея! Вот то, чего некоторые мелкие умы понять не могут! Но можно ли думать о их одобрении?

— Вы говорите правду, и признаюсь от всего сердца, что перед вами я сущий осел. Ах, Боже мой! Говоря об осле, не могу не вздохнуть и не вспомнить своего друга, которого я потерял и за которого вы обещали мне дать трех.

Дон Кишот не отвечал ему, отошел в сторону, и вынув Кардениеву записную книжку, написал на пергамене письмо к Дульцинее. Потом кликнул оруженосца и велел ему учить письмо наизусть.

— Не надейтесь этого, — сказал Санко, — память моя очень упряма! Я в год пяти строк не выучу; но прочтите мне это письмо; я люблю слушать, когда вы читаете, особливо любовные письма.

— Слушай! — сказал Дон Кишот:

Великая и прелестная принцесса!

Тот, кто без тебя страдает, кто, мучимый страстью, проливает слезы и любит свои мучения, тот, несравненная Дульциenea, желает тебе счастья, которого сам лишился! Если отвергнешь любовь мою, красавица, если твое сердце останется непреклонным, то я погибну, паду под бременем горести! Верный оруженосец мой, Санко Панха, опишет тебе, любезная тиранка, ужасное положение твоего рыцаря! От тебя зависит моя участь: одно слово, и я счастливейший человек на свете, одно слово и — я погиб! Произнеси это ужасное роковое слово, прелестная, и ты увидишь, что покорность моя неограниченна!

Твой до гроба

Рыцарь Печального образа.

— Какая пропасть, — воскликнул Санко, — я от роду не слышал подобного! Ну, сударь, нечего сказать! Как же вы пишете! И как искусно умели поместить *твой рыцарь Печального образа*; вы умны, как черт! Кстати, не забудьте написать на другом листке вексель на трех осленков и подпишите его не так красноречиво, а пояснее. Дон Кишот написал:

«Моя племянница обязуется по сему векселю вручить подателю оною, моему оруженосцу Санке Пансе, трех осленков из пяти, оставленных мною под ее смотрением, которых осленков из списка выключить, а мне подать квитанцию вышеупомянутого Санки.

Дано среди гор Сиерры Морены, 22 августа настоящего года».

— Прекрасно! Прекрасно! — повторял Санко. — Теперь оседаю Рыжака.

— Потерпи немного, — сказал Дон Кишот, — хочу, чтоб ты увидел меня голым. В две минуты я сделаю при тебе дюжины две дурачества, о которых можешь рассказывать как очевидец.

— Ах нет, сударь! Избавьте меня от этого! Верно, я заплачу, если увижу вас голым! Я уже столько плакал о своем осле, верно, что бедные глаза мои не выдержат и лопнут. Отпустите меня теперь же, я ворочусь скорее, и верно, привезу вам преласковый ответ; у меня госпожа Дульцинея не заупрямится, дам ей знать о себе пинками в брюхо. Как бы не так! Стерплю я, чтобы господин Дон Кишот, славный странствующий рыцарь, по-пустому сходил с ума для... Довольно, советую принцессе Дульцинее выбрать прямую дорогу, я не люблю ссориться; но худо, если кто меня за живо зацепит, еду не свищу, а наеду, не спущу!.. Однако я и забыл спросить у вас, что вы без меня кушать намерены?

— Об этом не беспокойся, друг мой, Санко; свежая мурава сего луга, сочные плоды сих деревьев — какой царский стол может с моим сравняться? Но я надеюсь и совсем ничего не есть, что было бы славнее и похвальнее. Бог с тобою, приятель! Я бы советовал тебе нарезать веток и рассыпать их по дороге до самого выезда из гор; иначе можешь заблудиться, когда поедешь назад с ответом.

Санко послушался; нарезал веток, попросил благословения у рыцаря, и севши на Рыжака, которого Дон Кишот приказал беречь более глаза, отправился в дорогу; но не успевши отъехать полуверсты, назад воротился:

— Вы говорили правду, — сказал он, — лучше мне посмотреть ваших глупостей, чтобы при случае, не греша против совести, побожиться....

Дон Кишот того и требовал, в минуту разделся; оставил на себе одну рубашку, потом прыгнул два раза вверх, перекувыркнулся и начал стучать об землю головою. Санко, не желая больше ничего видеть, зажмурил глаза, повернулся и уехал.

ГЛАВА XXVI

Дон Кишот-пустынник

Рыцарь Печального образа, оставшись один в рубашке, перестал кувыркаться и взошел на утес. Там начал он размышлять об одном важном затруднительном пункте.

— Рассмотрим, — сказал он самому себе, — что лучше? Неистовое сумасшествие Роланда или печальное — Амадиса? Оба достойны подражания; но этот Роланд, который, сказать правду, мог храбро-

*Оставил на себе одну рубашку, потом прыгнул
два раза вверх, перекувыркнулся.*

вать, сколько хотел, без всякого страха, потому что был невредим, взбесился вдруг от того, что Ангелика, забыв честь и невинность, кинулась в объятия красавца Медора⁵³. Подражать Роланду — бесчестить Дульцинею! Давать повод насмешникам сомневаться в ее невинности; а Богу известно, как она строга и неприступна! Великий Амадис, который стоит великого Роланда, удалился на *утес бесплодный* и плакал на нем столько-то лет единственно о том, что несравненная Ориана прогнала его. В этом поступке все благородно, благопристойно и приносит честь обоим. Да здравствует Амадис! Призываю вас, великие воспоминания несравненных подвигов сего рыцаря, Феникса героев и любовников! Ему желает подражать Дон Кишот Ламанхский.

Он сошел с утеса, оделся до половины, и вспомня, что Амадис часто и очень усердно молился, набрал желудей, нанизал их на нитку, наподобие четок, и начал перебирать с великою набожностью. Иногда прогуливался он по лугу, думал о прошедшем и будущем и сочинял стихи, которые вырезывал на деревьях или писал на песке. Стихи сии почти все потеряны, а одни следующие дошли до нас:

*Долины, мирные луга,
Пещеры, дикие, пустые,
Скалы угрюмые, седые,
Потоков быстрых берега,
Моим стенаниям внимайте!
О нежные друзья мои,
Печальным эхом повторяйте
Упреки страждущей любви
Тиранке Дульцинее!*

*Я мир в оковы заключил!
Гремел великими делами!
Дивил геройства чудесами,
Но, ах, жестокой не смягчил!
Жестокая — любви не знает!
У ног ее лежит герой —
Она героя презирает,
Гнушается его тоской!
Тиранка Дульцинея!⁵⁴*

Так славил наш рыцарь свою красавицу; так жаловался он сильванам и нимфам на ее нечувствительность, питаясь дикими плодами и растениями. Санко между тем ехал путем-дорогою. Когда бы сие путешествие продолжалось три недели, а не три дни, то верный оруженосец едва ли бы нашел господина своего в живых; но Санко чрез двадцать четыре часа после разлуки с рыцарем остановился обедать в оном ужасном трактире, в котором некогда познакомился с привидениями. Увидя его, пилигрим почувствовал дрожь во всем теле, но голод был сильнее страха — он остановился и посматривал косо на ворота, не зная, войти ли в них или нет. Вдруг они отворяются, и два человека выходят. Один говорит другому:

— Отец священник, посмотрите; мне кажется, это Санко Панса, тот крестьянин, который, по словам управительницы, уехал с нашим приятелем!

— Точно он, — отвечает священник, — под ним и лошадь господина Киксины.

Священник Перо Перес и цирюльник Николас (думаю, читатель узнал их) приблизились к нашему страннику.

— Друг Санко, — сказал ему священник, — куда девал ты своего господина?

— О! Мой господин жив и здоров — он теперь в некотором месте, занят некоторыми важными делами, которых я дал присягу не открывать никому, ни священникам, ни цирюльникам.

— О! — перехватил Николас. — Если приятель Санко вздумал быть скромным, то и нам для чего не вздумать, что он обокрал господина Дон Кишота; доказательство — эта лошадь, которая нам очень знакома.

— Потише, сударь, — воскликнул оруженосец, — сперва подумайте, потом говорите: я от роду ничего не крал! Бог милостив! Не всякий это про себя скажет: иной в чужом глазе видит соломинку, а в своем и бревна не замечает. Господин мой в здешних горах под искусом, а я, Санко Панса, его посол, везу письмо к госпоже принцессе Дульцинее Тобозской, дочери Лорана Корчуело, в которую влюбился он до глупости.

Николас и священник, удивленные такою новостью, попросили письма у посланника. Санко сказал им, что оно в записной книжке и что приказано переписать его набело в первой деревне. Священник взял на себя эту комиссию. Посланник спрыгнул с Рыжака, начал искать за пазухой записной книжки, но не нашел, потому что забыл ее на месте. В замешательстве и в страхе, с бледным лицом, оруженосец выворачивает все свои карманы один за другим, ощупывает, ошаривает себя везде, наконец, берет в обе руки свою бороду, вырывает из нее целую половину, дает себе шесть или семь пощечин и царапает свое лицо.

— Что с тобою сделалось! — закричал священник.

— Что со мною сделалось! Ах! Боже мой! Я потерял в одну секунду трех прекрасных осленков! Они, по крайней мере, стоили целой мызы, а может быть, и острова!

— Как, — перехватил цирюльник, — эти осленки были в твоих карманах!

— Конечно, потому что я имел на них прекрасный вексель, подписанный рукою моего господина, в котором именно сказано, чтобы госпожа племянница изволила мне отдать трех осленков из четырех или пяти, оставшихся под ее присмотром; этот вексель был у меня в книжке с письмом к Дульцинее, а книжку я потерял! Теперь понимаете?

Священник утешил бедного Санку и обещал выпросить ему другой вексель у Дон Кишота. Оруженосец, успокоясь немного, сказал, что не жалеет о потере письма к госпоже Дульцинее, потому что выучил его наизусть. Цирюльник, любопытствуя знать эту эпистолу, просил Санку прочесть ее. Посланник почесался, потряс ногою, посмотрел вниз и вверх, отгрыз у себя половину ногтя и, наконец, сказал:

— Что за дьявольщина! Теперь ничто нейдет в голову! Помнится, начиналось так: *великая и прекрасная принцесса!*

— Конечно, *прелестная?* — перехватил цирюльник.

— Так точно, *прелестная!* Помню; после прелестной, кажется, стояло: *тот, кто при тебе страдает, любезная тиранка, желает тебе ужасного положения.* За тем следовала *бедственная жизнь;* потом одно слово, после одного слога на конце: *твой до гроба рыцарь Печального образа!* Вот все письмо от слова до слова...

Цирюльник и священник поздравили Санку с хорошою памятью и просили его повторить письмо несколько раз, чтобы списать его повернее. Санко прочел его раза три с переменами. Потом рассказал подробно все, что случилось с его рыцарем со времени выезда; пропустил, однако ж, свое воздушное путешествие в том трактире, в который он войти боялся. В заключение прибавил, что господин его тотчас, по получении ответа от госпожи Дульцинее, намерен был сделаться где-нибудь императо-

ром, и что он, Санко Панса, также имел в мыслях, как скоро овдовеет (чему надобно быть скоро), жениться на какой-нибудь императрициной любимице, за которую получит в приданое доброе герцогство на твердой земле, а не остров, потому что он разлюбил острова и об них уже не думает. Оруженосец говорил это с таким хладнокровием и таким уверенным тоном (изредка обтирая рубцы, которые на лице сделал), что Николас и священник сочли не нужным разуверять его, и увидели в нем такого ж безумца, каков был и сам рыцарь-император.

— Поздравляю! Поздравляю! — сказал священник. — Я уверен, что господин Дон Кишот очень скоро будет королем или, по крайней мере, архиепископом: тогда-то....

— Архиепископом! — закричал оруженосец. — Он что-то не говорил об архиепископах! Но если это может войти ему в голову, то скажите мне, что странствующие архиепископы дают обыкновенно своим оруженосцам!

— По большей части, назначают им простое жалованье либо дают приход, который приносит им изрядную прибыль, не считая случайных доходов.

— Ну! И то хорошо! Приход — дело доброе; но, кажется мне, будучи попом, должно быть и холостым, и ученым, и, по крайней мере, уметь служить обедню. Куда ж я годен? Я и женат, и глуп! Ох! Господин священник Перо Перес, посоветуйте господину Дон Кишоту не думать об архиепископстве; лучше быть императором.

Цирюльник и священник обещали похлопотать об этом, но, прибавили они, должно выманить его из пустыни; об этом подумаем за столом, поди с нами в трактир!

— Нет, — сказал Санко, зажмурив глаза, — не пойду! Когда-нибудь узнаете причину. Вы можете и сюда прислать мой обед с овсом для Рыжака.

Его не стали принуждать, и Санко изволил обедать за воротами трактира.

Между тем священник думал о том, как бы обмануть Дон Кишота.

— Наряжусь в женское платье, — сказал он цирюльнику, — ты будешь моим конюшим; закутаю лицо в покрывало и, в виде странствующей принцессы, явлюсь к нашему рыцарю, брошусь к нему в ноги и буду просить милости. Верно, согласится на мою просьбу — тогда стану требовать защиты от какого-нибудь рыцаря или великана, похитителя моей короны, с условием не снимать с меня покрывала по тех пор, пока не совершится подвиг. Верное средство заманить его в нашу деревню! А там либо станем стараться его вылечить, либо не дадим ему воли сумасбродствовать.

ГЛАВА XXVII

Важное происшествие

Николас похвалил выдумку священника, и положили немедленно приступить к делу. Взяли у трактирщицы ее платье и головной убор. Николас вздумал подвязать бороду из бычачьего хвоста, густую и рыжую, которую нашел в трактире и взял без позволения хозяина. Хозяйка спросила, с каким намерением так наряжались, и после описания глупостей Дон Кишотовых без труда узнала рыцаря с бальзамом и с оруженосцем — воздушным летателем. Тогда пересказала все происходившее в трактире, не забыв и приключения, которое Санко скрывал с таким тщанием. Между разговоров помогала она священнику одеваться в женское платье: нарядила его в юбку из алой байки, с черными атласными полосами, в зеленый бархатный корсет, обшитый белым атласом и современный королю Вамбе⁵⁵. Священник не захотел надеть чепчика; украсил голову спальным своим колпаком, вместо покрывала завесил лицо куском черной тафты и сверх всего нахлобучил на глаза большую распушенную шляпу свою, которая играла роль зонтика. В таком прекрасном уборе, завернувшись в епанчу, сел он по-женски, боком на лошака; цирюльник, спрятав в карман долгую, рыжую бороду, сел на своего, и оба простились с хозяином, хозяйкой и Мариторною, которая дала слово помолиться о успехе их предприятия.

Санко, покушав, сидел за воротами трактира. Он засмеялся, увидя маскарад; священник сообщил ему свой план и уверил, что не было иного средства извлечь Дон Кишота из пустыни, принудить скорей сделаться императором и скорей наградить оруженосца. Санко все принимал за чистые деньги, благодарил их, просил священника отклонить рыцаря от епископства и, обещав молчать, поехал с ними в Сиерру Морену. В тот же вечер успели они к въезду в горы, где и провели ночь. Там отец Перо Перес сообщил одно сомнение свое цирюльнику. Ему казалось непристойным в сане священника разъезжать по большим дорогам, одевшись по-дурацки в женский корсет и юбку. Они согласились поменяться масками: священнику быть конюшим, цирюльнику — принцессою. Николас простился с длинною, рыжею бородою, снял с отца Переса женское платье, завязал полосатую юбку и прекрасный бархатный корсет в узел, чтобы тогда нарядиться, когда ближе подъедут. С утром они пустились в путь, и Санко, их провожатый, рассказал дорогою приключение с сумасшедшим, не упомянув, однако ж, для некоторых особых причин, о найденном чемодане и деньгах. Наконец приблизились к тому месту, где нарезанные ветки показывали дорогу. Остановились совет советовать, и было решено: послан-

нику отправиться вперед и дать отчет рыцарю в своем посольстве, сказать, что принцесса Дульцинея довольна своим обожателем; не пишет для того, что писать не умеет, и повелевает рыцарю, под опасением гнева своего, явиться к ней в Тобозо. Посланник, вытвердив свою роль, обещал дать знать священнику, на что решится господин Дон Кишот, и оставил своих товарищей на лугу, осененном густыми деревьями и орошенном источником.

Август был уже в половине, а жар был чрезвычайный; священник и цирюльник, сидя под тению на берегу ручья, спокойно дожидались возвращения Санки. Вдруг неподалеку от них послышался голос унылый и приятный, который пел не простую деревенскую песню, а следующий романс:

*Голубок уединенный!
Что так невесел, уныл?
Знать, с подружкой разлученный,
Жизнь печальну полюбил!
Мы равны, мой друг, с тобою!
То же сердце, тот же рок!
В мире я один с тоскою!
Ты грустишь и одинок!*

*Ты покинул лес зеленый,
Ты в пустыне слезы льешь;
На скале уединенной,
Друг унылый, смерти ждешь;
Ах! И я в тоске сердечной
Жду её и не дождусь!
Рок, тиран бесчеловечный,
Скоро ль с жизнью разлучусь?*

*Голубок! Куда ж ты скрылся?
Знать, тебе наскучил я?
Ты сюда уединился.
Я вздохнул — уж нет тебя!
Завтра, как заря настанет,
Друг мой, прилети сюда!
Взор твой друга не застанет:
Я увяну — навсегда!¹⁵⁶*

Час, место и приятность голоса несказанно удивили священника и Николаса; они встали, пошли к холму, на котором слышалась песня, и увидели на утесе молодого человека, сходного с тем, которого Санко

им описал в истории сумасшедшего. Незнакомец посмотрел на них без робости и без досады. Он сидел на вершине утеса, повеся голову, как человек, погруженный в мысли. Священник тотчас узнал Карденио, которого участь так его трогала. Он подошел к нему, поклонился, дал ему почувствовать, что знает его историю, и к выражениям нежного, непритворного участия примешал несколько слов утешительных, которые тронули сердце бедного безумца. Карденио в ту минут был тих и спокоен; припадок сумасшествия в нем не действовал. Удивленный словами, которых не надеялся слышать в дикой и безмолвной пустыне, он отвечал с чувством:

— Вижу, что небо всегда помнит несчастных; оно посылает вас ко мне: вы ангел-утешитель, вы умеете говорить с бедными страдальцами, лишенными всего, и разделять их бедность! Ах! Не судите меня строго, пожалейте безумца: я безумец оставленный, забытый; рассудок мой расстроен и слаб; иногда прихожу в себя, узнаю, к великой горести, что в минуты забвения делаю другим вред: плачу, но слезы не помогают; исступление мое возвращается, и я опять несчастен, опять виновен. Ах! Только одно меня извиняет, моя ужасная судьба! Я всякому спешу рассказать ее, всякий из жалости меня прощает. Согласитесь меня выслушать, у вас сердца не жестокие.

Наши странники того и хотели. Они с благодарностию согласились на предложение Карденио, сели подле него, и молодой человек начал повесть свою почти так же, как и в то время, когда богатырь наш, ревностный защитник прелестей Мадазины, ему помешал и с ним поссорился. В этот раз не было ни помешательства, ни ссоры. Карденио, досказав до того места, на котором остановился, продолжал:

— Люцинда в одном томе «Амадиса» прислала ко мне следующую записку:

Люцинда к Карденио

«Всякий день люблю тебя сильнее, всякий день нахожу в тебе новые достоинства. Без тебя нет для меня радости в будущем. Для чего ж откладывать? Батюшка тебя любит, желает моего счастья: поговори с ним, открой ему свое сердце; он, верно, исполнит желание детей своих. Друг мой! Перестань медлить; ах! Если пропустишь время, если судьба разлучит меня с тобою!»

Фернанд прочел эту записку.

«Батюшка, — сказал я Фернанду, — по тех пор не согласится на этот брак, куда герцог Рихард не скажет ему прямо, что намерен для меня сделать».

Фернанд взялся уговорить батюшку и уничтожить препятствия. Изменник! Вероломный! Человек безжалостный! В ту самую минуту, когда моя душа без всякого страха со всею чистотою дружбы открылась перед тобою, ты рыл у ног моих пропасть! Жестокий! Что я тебе сделал? Я любил тебя нежно и пламенно; сердце мое не знало подозрения; и как было можно подумать, что счастливый, очаровательный Фернанд, которого богатство, знатность и красота пленяли славнейших красавиц, позабудет все, и добродетель, и дружбу? Без пощады разрушит счастье своего друга; единственное, последнее счастье! Беспользные жалобы! Моя судьба влекла Фернанда к сему преступлению.

Изменник, чтобы удачнее сделаться злодеем, вздумал меня удалить, упросил меня съездить к его брату за деньгами, в которых имел нужду, и уверил, что без меня все кончит. Я не сомневался ни в чем, обнимал Фернанда со слезами благодарности. В тот же вечер увиделся с Люциндю, рассказал ей обо всем; Люцинда, как и я, поверила Фернанду: брак наш казался ей несомненным. Она только просила меня возвратиться скорее. Не знаю, от чего был я печален, имел горестные предчувствия! Никогда прежде сего наши разговоры не были так унылы; никогда тень беспокойства и ревности не помрачала души моей, восхищенной присутствием Люцинды. Я мог говорить и думать об одних только прелестях, добродетели и непорочности моей несравненной Люцинды! Она также осыпала меня похвалами. Когда хвалит любовь, то самолюбие молчит. Всякий раз повторяли мы одно и то же, для других не интересное, для нас милое, восхитительное, потому что мы говорили друг с другом. Но сей последний разговор! Ах, какая разница! Мы только что плакали. Люцинда, прощаясь со мною, терзалась; я удалился от нее с ужасным предчувствием.

На другой день поутру я уехал; отдал письмо Фернандово его брату, который принял меня ласково и удержал при себе несколько дней, прося не показываться герцогу, от которого таили сию посылку денег. Я ждал целые четыре дня, страдал и собрался уже ехать назад, как вдруг один человек, покрытый потом и пылью, вбежал в мою горницу задыхаясь; он спешил рассказать мне, что, проходя нечаянно по одной улице около полудня, был кликнут из окна прекрасною, расплаканною девушкою, которая, с видом отчаяния, сказала ему: «Ради Бога, если ты христианин, если есть жалость в твоём сердце, не откажи несчастной, доставь как можно скорее это письмо по адресу!»

— Она бросила мне, — продолжал посланный, — эту бумагу и этот платок с пятьюдесятью реалами и золотым кольцом. Я только что исполню ее просьбу, она захлопнула окно; а я, тронутый больше ее сле-

зами, нежели подарками, поспешил к вам и в шестнадцать часов пробежал осьмнадцать миль.

Я с трепетом развернул письмо, и вот что было написано в нем рукою Люцинды:

«Фернанд — злодей! Он обманул тебя! Он просил руки моей для себя! Судьба моя решена! Батюшка ослепился выгодами такого союза и дал слово Фернанду. Завтра ввечеру соединят нас тайно, в присутствии нужных свидетелей. Ты можешь представить себе, как я мучусь. Но я знаю, что делать! Ты увидишь, умею ли тебя любить и противиться злодеям».

Как описать вам мое состояние по прочтении сего ужасного письма! Я дрожал, не мог держаться на ногах, не мог ничего чувствовать. Но скоро бешенство распалило мою душу. Мужество и силы мои возвратились; я полетел к Люцинде и поспел в город к самой ночи. Прямо с мула я бросился к ее окну; она меня ожидала. «Карденио! — сказала она. — Минуты дороги; послушай: я одета к венцу; изменник Фернанд, батюшка и свидетели ждут меня в ближней зале. Вот что будет последним ответом твоей Люцинды».

Она показала мне кинжал и скрылась. Помертвев от страху, в отчаянии, забыв себя и все, побежал прямо к дверям Люциндина дома: они были отворены — вхожу, никто не замечает меня; все были в ужасном смятении, все бегали и сустились. Я прокрался в залу, в которой ожидали жениха и невесту; стал в окне, закрылся гардиною; всех видел, не будучи видим; в зале, ярко освещенной, было множество слуг. Дон Фернанд вошел первый с одним из двоюродных братьев Люцинды, которого выбрал в свидетели. Я удержал свое бешенство, не имея оружия. Через минуту явилась Люцинда с матерью и двумя из своих женщин: она была вся в бриллиантах, в белом атласном платье. Не скачайте сими подробностями: они для меня дороги; все еще для меня живо! Сии воспоминания меня терзают и вместе служат мне утешением.

Приходской священник не замешкался. Он соединил руки супругов и спросил у Люцинды, как водится: согласна ли она дать руку свою дон Фернанду? Я протянул голову и дожидаясь, не смея дышать, ответа. Люцинда! Люцинда! Кто бы это подумал после того, что она мне сказала? После всех ее клятв! И зная, что мое спокойствие, мое блаженство, моя жизнь зависели от одного слова!.. Несчастный, я смею жаловаться! Я, который не имел духу вскричать: «Люцинда, ты моя! Рука твоя принадлежит мне; кто разорвет наши узы? Тебя принуждают к измене, к вероломству! Ты произнесешь мой смертный приговор. Сохрани жизнь мою, Люцинда, не будь убийцею своего супруга!..» И я промолчал! И я не бросился на Фернанда, не удушил его своими руками... Нет! Я заслужил свои страдания, заслужил гораздо больше.

Священник ждал ответа Люцинды... Люцинда бледная, как полотно, трепетала, едва держалась на ногах и, опустив голову, долго не отвечала. Тогда ее мать к ней наклонилась: я не мог видеть Люцинды, я услышал, казалось, услышал то ужасное слово, которое уничтожило бытие мое. Окаменев от удивления, от горести, я не верил, не хотел верить, чтобы это был голос Люцинды! Сомнение исчезло, когда Фернанд надел обручальное кольцо на палец невесты. Люцинда без чувств упала на руки своих женщин. Ее вынесли; ее мать и Фернанд пошли за нею; а я, забыв себя, не видя никого, не боясь быть узнанным, не зная, куда идти, и даже не чувствуя жажды мщения, которая до тех пор меня мучила, побежал из горницы с горестным воплем. Думаю, что в ту минуту рассудок мой помешался. Помню, как во сне, что, выбежав из дому, вскочил я на своего мула, который все еще стоял у ворот, и скоро очутился вне города. Я ехал целую ночь; одна только мысль занимала меня и теперь занимает; ужасная мысль, что Люцинда — изменница, что Люцинда забыла меня для Фернанда, предателя Фернанда, которого знатность и богатство прельстили Люцинду. Но сердце мое все еще защищало ее. Я представлял себе ее тихость, её застенчивость, ее робкую покорность своим родителям. Привычка находить в ней все совершенства, привычка, драгоценная моему сердцу, побеждала мое негодование. Я обвинял судьбу, а не Люцинду. С такими горестными мыслями я спешил, не зная сам куда; не останавливаясь, доехал до сих гор; лошак мой упал мертвый; я сам, истощенный усталостию, голодом и растерзанный отчаянием, бросился на песок, чтобы умереть на месте. Не знаю, долго ли я лежал, не знаю, что случилось со мною; только, пришедши в память, увидел себя, окруженного пастухами, которые, конечно, мне помогли. Я уже не чувствовал голоду, был спокоен и узнал, с крайнею горестию, что обидел сих добрых людей. Со всем тем они меня не оставляют; кладут хлеб в таких местах, в которых я чаще бываю. Этот хлеб служит мне пищею; когда я сыт, мне лучше; говорю с пастухами; узнаю, что иногда их оскорбляю, и плачу от горести. Я слишком беден, я против воли делаю зло своим благодетелям!

Такова бедственная моя жизнь: провожу ночи в дуплах деревьев; скитаюсь целые дни по утесам, несмотря на зной и усталость; повторяю имя Люцинды, надеясь умереть; произнося это имя, слишком любезное, зову Люцинду — Люцинды нет! Когда эхо, повторив мое горестное восклицание, умолкает, мне кажется, что я еще беднее, еще несчастнее! На свете ничего не осталось для меня, кроме воспоминаний ужасных, терзающих сердце! Но я к ним привязан. Не старайтесь меня утешить! Я никогда не найду утешения, потому что никогда не забуду Люцинды! И не хочу забыть ее! Мои мучения мне дороги. Люцинда, изменив мне,

знала, что я буду несчастнейшим — и не смягчилась. Страдая, исполняю волю моей Люцинды — как же мне разлюбить мои страдания? Может быть, она меня забыла! Может быть, никогда мысль о бедном безумце не возмущает ее сердца — ах! Пускай будет всегда спокойна! Я не всего лишился, если Люцинда счастлива!

Так говорил Карденио. Священник, тронутый до слез, хотел утешать его, но голос, унылый и приятный, который послышался неподалеку от них, отвлек его внимание.

ГЛАВА XXVIII

Нечаянность

Как не любить нам рыцаря Дон Кишота, который, несмотря на все препятствия, не покидал великого намерения воскресить рыцарство! По крайней мере, он доставляет нам в этом прескучном веке несколько минут веселых и приятных: мы улыбаемся, читая его историю; находим в ней занимательные эпизоды, которые нравятся нам не меньше подвигов паладина. Мы дивимся его силе и мужеству; Санко нередко смешит нас, но бедный, чувствительный Карденио нас трогает: что будет вперед, не знаю! А приятный голос, который услышал священник, говорил, что следует:

— Боже! Конечно, услышана молитва моя! В этой пустыне я найду неизвестность и могилу! В ней сокроюсь навеки от людей, жестоких и развратных, губителей непорочности!

Священник, удивленный семи словами, пошел в ту сторону, в которой они слышались. Николас и Карденио последовали за ним: прошли шагов двадцать и увидели под ясеню молодого крестьянина, который сидел, опустив голову, и мыл ноги в источнике. Они приблизились к нему осторожно, спрятались за утес и удивились нежной белизне прекрасных его ног. Он был одет в серый камзол из толстого сукна, в панталоны, подпоясан кушаком и на голове имел шляпу. Обмыв ноги, он вынул из шляпы белый платок, которым обтер их. Сие движение открыло нашим путешественникам лицо незнакомца: красота его поразила их; Карденио вздохнул.

— Что может быть его прекраснее? — сказал он. — Но это не Люцинда.

Молодой человек, думая, что он один, сбросил с себя шляпу, тряхнул головой, и длинные волосы, посыпавшись на плечи его, упали до самого пояса. Путешественники тотчас догадались, что это — переодетая женщина; несколько минут смотрели они, как она расправляла

руками прекрасные волосы; но кто-то из них зашумел: незнакомка приподняла волосы и начала осматриваться с боязливостию. Увидя их, вскочила поспешно, схватила узелок, лежавший подле нее, и босиком, без шляпы побежала, как серна, со всеми знаками величайшего страха. Она скоро спотыкнулась и упала на острые камни. Священник был уже подле нее.

— Чего вы боитесь, сударыня? — сказал он ей. — Мы ваши друзья, один случай завел нас в сии горы. Волосы открыли нам вашу тайну: верьте, что мы сохраним её свято; но мы желали бы, сколько можем, вам быть полезными.

Молодая незнакомка смешалась, покраснела, и не отвечая, смотрела на священника, который старался ласковыми словами ее успокоить. Наконец она ободрилась, опустила вниз прекрасные глаза свои, полные слез, вздохнула и сказала:

— Все мне изменяет! Я искала убежища, неизвестного людям; но куда от них скрыться! Не стану вас обманывать; я не знаю притворства; сердце ваше, мне кажется, привыкло жалеть о несчастных! Так, я хотела остаться в этой пустыне, хотела утаить пол свой! Стыжусь ваших обо мне заключений; но ради Бога, не судите слишком строго: будьте благосклонны; если б вы знали, как я несчастна!

Слова сии были сказаны таким приятным и трогательным невинным голосом, с таким милым добродушием, что наши путешественники почувствовали необыкновенную привязанность к незнакомке. Она отошла на несколько шагов, поправила на себе платье, подобрала свои длинные волосы и, севши с доверенностию подле священника, начала говорить, что следует.

— Есть в Андалузии местечко, по которому дано титло герцога

Несколько минут смотрели они, как она расправляла руками прекрасные волосы.

одному испанскому гранду⁵⁷. В этом местечке живет мой отец, богатый земледелец. Его богатство не сделало меня счастливою: мое низкое происхождение погубило меня. Я не стыжусь быть крестьянкою; ах! Нет, честность вместе с низкою долею досталась нам в наследство от предков наших. Бедные нас любят и благословляют; мы делим с несчастными все, что имеем; какого ж благородства желать более! В доме родительском я была так счастлива! Мои родители мною гордились, называли меня милою дочерью, своею надеждою, своим единственным счастьем, своим утешением в старости; я их любила горячо и непритворно: их счастье было моим счастьем, моим единственным желанием! Доверенность их ко мне была неограниченна; я управляла домом! Слуги повиновались мне; жнецам, работникам платила я; продажа хлеба, хозяйство, милостыни, подавания — все было на моем отчете, и мои добрые родители хвалили все, что ни делала их дочь; я не имела праздного времени; несколько свободных минут посвящала я рукоделию, чтению, музыке, которую любила за то, что она смягчает душу и успокаивает ум наш. Такою невинною жизнью вела я в хижине моих родителей; не гордость, а благодарность к ним побуждает меня говорить об них.

Я никуда не выходила; будучи всегда занята и любя сидеть дома, я не знала никого, кроме своих домашних; по воскресеньям бывала я с матушкою в приходской церкви у обедни и всякий раз укутывала свое лицо покрывалом, так что не могла ни видеть кого-нибудь, ни быть видимою. Несмотря на то, сын герцога, нашего господина, меня заметил; я, по несчастью, полюбилась Фернанду.

При этом имени Карденио задрожал; его лицо так переменилось, что Николас и священник побоялись припадка, но Карденио удержался; холодный пот выступил на лице его: он опустил голову на руку и начал с большим вниманием рассматривать незнакомку, которая продолжала говорить, не заметив его смущения.

— Нужно ли знать, каким средством открыл мне Фернанд свою любовь? Он подкупил моих слуг; познакомился с моими родителями; осыпал их учтивостями; давал мне серенаду за серенадою; писал ко мне записки пламенные, страстные, которые все доставлялись верно — я не ослепилась, я видела в Фернанде опасного неприятеля, который хотел погубить меня, и удвоила свою осторожность. Однако, стыжусь признаться, предпочтение любезного, прекрасного Фернанда льстило моей гордости; но любовь к добродетели и советы моих родителей меня хранили. «Дочь моя! — говорил мне батюшка. — Твоя честь дороже мне жизни; ты знаешь, как сохранить ее, ты знаешь, что Фернанд не может быть твоим супругом — берегись, моя милая; одна неосторожность, одна минута забвения могут погубить тебя навеки — ско-

рое замужество спасло бы тебя от сетей сего человека. Выбор супруга в твоей воле: всякий почтет за счастье принадлежать тебе, а я благословлю тот день, в который дочь моя будет успокоена». Я не боялась опасности, будучи в себе уверена, и надеялась, что Фернанд, наконец, меня забудет; но мое молчание, моя холодность только что раздражали страсть его. Фернанд узнал, что меня хотели выдать замуж; это известие воспламенило его неукротимый характер: он решился не щадить ничего.

В одну ночь (я была одна с девкою; хотела уже лечь в постель, осмотрев наперед, хорошо ли заперты окна и двери) вдруг является предо мною Фернанд, сам Фернанд. Окаменев от страха, я не могла отворить рта и смотрела на него, не говоря ни слова. Предатель бросился к моим ногам и лестными выражениями, слезами, которые казались непритворны, старался извинить свою дерзость. Я была молода, неопытна; слезы его меня тронули: но вспомня свою должность, я отвечала Фернанду: «Государь мой! Вы ошибаетесь, если думаете, что близкая опасность меня испугает и обезоружит; я не боюсь недостойного исступления вашего: смерть будет моим спасением. Я дочь вашего подданного, не ваша невольница. Благородство и знатность не дают вам права на мою честь; душа моя, гордая и свободная, выше вас и ваших низких побуждений; поберегите свои слезы и клятвы, они бесполезны: сердце мое будет принадлежать одному супругу, которого избежит оно...» — «Ах! — перехватил Фернанд. — Вот все, чего смею надеяться; я предлагаю вам руку свою; клянусь именем Бога не иметь другой супруги, кроме любезной, несравненной Доротеи».

При имени Доротеи Карденио сделал еще движение, и не в силах будучи себя удержать, сказал с чувством:

— Ах, сударыня! Вы Доротея? Я слышал об одной Доротее, которая должна быть очень несчастна. Продолжайте, я в свою очередь, могу рассказать вам нечто такое, что, конечно, вас удивит.

Доротея, посмотрев на Карденио и видя его изорванное платье, всклокоченные волосы, несколько смешалась, однако продолжала:

— Сия неожиданная, торжественная клятва меня удивила и тронула; я представила Фернанду, сколько препятствий ожидало его, какие горести приготовлял он себе и герцогу, отцу своему. Со слезами умоляла я его не ослепляться страстию, ничтожною красотою, которая не извинит его ни перед кем. И, наконец, именем самой любви ко мне, просила его оставить меня под мирным кровом родительской хижины, в счастливой неизвестности, которою наслаждаются только с равными себе. Увещания и просьбы мои не подействовали; Фернанд был неумолим: он повторял свои клятвы; сердце мое было тронуто; оно

говорило мне, что меня не первую возводит любовь на степень величия, что Фернанд не первый заключит из любви неравный союз, что, может быть, для меня опасно доводить до крайности молодого человека, пылкого, неукротимого, который, вышед в полночь из моей горницы, мог замарать меня перед людьми и оставить в вечном раскаянии, что не умела пользоваться последнею минутою его добродетели. Обещания, просьбы, слезы Фернандовы, может быть, и его любезность и пламенная страсть, которая пылала в глазах его, — все, все заставило меня поверить моему сердцу. Я кликнула свою девку; Фернанд при ней повторил свою клятву быть моим супругом; изменник призывал небо в свидетели; просим его быть моим мстителем, если он меня обманет, словом, уверил меня совершенно.

Фернанд ушел от меня перед рассветом. Девка, отворившая ему дверь моей горницы, его проводила. Он оставил мне богатый перстень, в залог своей верности, вместо кольца обручального, и выпросил позволение видаться со мною скрытно до тех пор, покуда не объявит нашего брака; на другую ночь он посетил меня опять, и этот раз был последним. Напрасно я его искала на гульбищах, в церквах и других публичных местах. Целый месяц ничего не слыхала я о Фернанде; судите о моем страхе, раскаянии; о моей горести, которую должно было скрывать и удерживать в своем сердце. Здоровье мое расстроилось; я была уже на краю гроба, как вдруг неожиданная весть довершила мое несчастье.

Разнесся слух, будто Фернанд женился в одном городе (неподалеку от нашей деревни) на одной благородной девушке, богатой и прекрасной, которая называлась Люциндою.

В этом месте Карденио наморщил брови, закусил губы, закрыл лицо руками и начал плакать, не говоря ни слова.

— Сказывали еще, — продолжала Доротея, — будто необыкновенное происшествие смутило этот брак. Известия такого рода вместо того, чтобы совсем меня убить, зажгли ярость в моем сердце: я дышала мщением! Я переделась в мужское пастушье платье, взяла с собою женское и пошла ночью одна в город, в котором женился Фернанд. Я хотела только увидеть, осыпать упреками вероломного и наказать его своего смертию. Прихожу в город: первое мое слово о Люцинде; мне описывают обстоятельства ее брака: в городе знали наверное, что Люцинда перед алтарем не хотела сказать решительного слова; что «мать за нее произнесла его, и что Люцинда без памяти...

— Ах! Боже, Боже! — вскричал Карденио, вскочивши с места в восторге, в исступлении. — Повторите! Повторите еще раз «мать Люцинды...»

— Произнесла клятву вместо своей дочери, — перехватила Доротея, — Люцинда упала без чувств. Фернанд, стараясь помочь Люцинде, нашел на груди ее письмо, в котором она признавалась, что Карденио, молодой дворянин того места, был ее супругом и что она предпочитала смерть измене. Вместе с письмом нашли кинжал. Неистовый Фернанд хотел заколоть им Люцинду; безумца удержали. Он в ту же ночь уехал из города; на другой день Люцинда исчезла; ее родители, приведенные в отчаяние, посылали всюду искать ее, плакали горько и обвиняли себя в несчастье бедной своей дочери. Это известие подало мне надежду. Фернанд был еще свободен, еще мог заглазить свое преступление. Место, в которое он скрылся, было мне неизвестно; я решилась, однако ж, всюду за ним следовать, как вдруг услышала публичных крикунов, обещавших награждение тому, кто найдет меня и возвратит в дом родительский. Мои лета, мое лицо, мое платье — все было описано. Смертельный страх овладел мною, как показаться на глаза отца, как выдержать его упрёки! Ах! Он бы меня простил; но я умерла бы у ног его со стыда и раскаяния. Без плана и мыслей в тот же час оставила я город и скоро увидела себя в этой пустыне. Ее дикость и безмолвие пленили мое бедное сердце. Я решилась в ней остаться и скрыть горестное бытие свое в неизвестности. Целый месяц служила я пастуху здешних гор. Он узнал, что я женщина, и скотские желания родились в его сердце. Я скрылась, пришла в это пустынное место, в котором, не имея ни пищи, ни помощи, скоро надеялась найти сию смерть, которую призываю, которой требует мое сердце, которая одна успокоит мои горести, и в одном гробе со мною сокроет мои несчастья, мой стыд и раскаяние.

ГЛАВА XXIX

Конец Дон Кишотова искуса

Доротея замолчала; Карденио, взяв за руку и посмотрев уныло ей в глаза, сказал:

— Итак, вы — эта несчастная! Вы — дочь богатого Кленара!

— Почему известно вам имя отца моего?

— Мне все известно: я тот Карденио, которому Люцинда отдала свое сердце; я — бедная жертва преступника Фернанда! Посмотрите на меня, Доротея! У меня отнято все, как и у вас! Еще больше: я сумасшедший; ...но, кажется, после того, что вы сказали мне, разум мой возвращается, мужество и надежда воскресают в моем сердце. Люцинда не изменница! Люцинда любит Карденио; священные клятвы привязывают к вам Фернанда — не станем разлучаться, пойдем вместе искать

вероломного: клянусь вам — или принужу сдержать свое слово, или умру под его ударами!

Доротеея при сих словах упала пред ним на колени, Карденио поднял ее и подтвердил свое обещание; священник просил их обоих к себе в дом.

— Я буду стараться, — сказал он, — помирить Доротеею с ее родителями; сам пойду искать Фернанда; напомним ему его долг и надеюсь, что мы, не подвергая опасности вашу жизнь, возвратим его на путь добродетели.

Оба несчастные поблагодарили священника и положили не разлучаться. Николас также предложил свои услуги и рассказал о том, что принудило священника и его путешествовать, о дружбе их с Дон Кишотом, о сильном желании вылечить сего доброго человека от странного его сумасшествия. Все это весьма интересовало Карденио и Доротеею. Первый помнил как во сне, что он имел ссору с героем ламанхским. В сию минуту услышали голос Санки, который, кончив свое посольство и не найдя священника в назначенном месте, кричал во все горло. Цирюльник побежал к нему навстречу.

— Вас не докличешься! — сказал ему посол. — Я нашел господина Дон Кишота в прежалком состоянии: он в одной рубашке; бледен и худ, как мертвец! Насилу таскается от голоду, а все еще вздыхает по госпоже Дульцинее. Мало ли увещевал я его воротиться к ней в Тобозо — не хочет и слышать об этом; и до тех пор не покажется на глаза ее, куда не сделает какого-нибудь прекрасного подвига, от которого она ахнет. Подите к нему сами, не послушается ли вас. Если останется под искусом, то не бывать ему императором.

Цирюльник успокоил Санку; между тем священник рассказал Доротее, какое выдумали они средство заманить рыцаря домой. Любезная Доротеея взялась играть роль несчастной принцессы. С нею было женское платье; она хорошо знала язык рыцарских романов, и сверх того ей приятно было что-нибудь сделать в угодность священнику. Последний принял ее предложение. Доротеея отошла в сторону и скоро возвратилась, одевшись в богатый корсет, шитую юбку и зеленую мантию. Драгоценные камни, которыми украшена была ее шея и волосы, пышность одежды придавали такой блеск ее красоте, что сам Карденио вознегодовал на изменника Фернанда; но больше всех удивила и прельстила она Санку. Он вытаращил на нее глаза и спросил на ухо у священника, кто эта госпожа, которая так ему нравилась?

— Друг мой! — отвечал ему важно священник. — Она законная наследница пространной Микомиконской империи⁵⁸ — не больше! Господин твой очень славен в Гвинее и Антильских островах; эта прин-

цесса, услышав об нем, пришла просить у него защиты против одного плута-великана, который отнял у нее престол; только, любезный Санко!

— Я этому рад, — отвечал оруженосец, — она не по-пустому трудилась. Мой господин оциплет ей этого великана, как гуся, когда только он — не привидение, потому что мы ничего не значим против привидений. Как бы то ни было, вы меня обяжете, господин священник Перо Перес, если уговорите господина Дон Кишота жениться на этой принцессе, которую как зовут, не знаю!

— Зовут ее принцесса Микомикона, потому что она из королевства Микомикон.

— А! Понимаю! Видно, у них, как и у нас, всякий прозывается именем своей деревни. Хорошо! Но вы, господин священник, не забудьте женить их; чем скорее, тем лучше! Я тороплюсь не без причины.

Между тем Доротея села на священникова мула; Николас, наряженный в рыжую бороду из бычачьего хвоста, сел на своего; священник, который был совсем не нужен и который желал остаться вместе с Карденио, сказал Санке, чтобы проводил принцессу и пуще всего не проговорился об нем и цирюльнике и тем не испортил всего дела, то есть не помешал бы своему господину сделаться императором. Санко дал слово молчать и поехал вперед.

Скоро увидели посреди утесов Дон Кишота. Он стоял совсем одетый, но без панциря и шлема. Доротея, увидя рыцаря, поехала скорее; приблизясь к нему, остановилась; бородатый цирюльник, скочив с мула, взял на руки принцессу, которая, подбежав к Дон Кишоту, стала пред ним на оба колена. Рыцарь тщетно старался поднять ее:

— Нет, герой великодушный! — сказала она. — Я не оставлю сего положения, приличного моему несчастью, не оставлю до тех пор, пока не обещаете исполнить моей просьбы. Смею вас уверить, что эта милость, за которою пришла я с краев мира, только что возвысит славу знаменитого имени вашего.

— Прелестная незнакомка, встаньте! Я смертный; только пред Богом падают на колена! Встаньте, прошу вас!

— Нет, рыцарь, не встану и не должна встать, не получив от вас рыцарского слова!

— Хорошо: даю сие слово, но с уговором, чтобы не потерпела от сего честь и выгода моего монарха, отечества и той, которая царствует в сем нежном сердце!

Санко, вышед из терпения, подбежал к своему господину и сказал ему на ухо:

— Обещайте ей все; послушайте меня, я это дело знаю: надобно пошколить одного мошеника-великана; это красавица принцесса

Микомикона — законная наследница великой империи Микомикон, которая на Антильских островах в Гвинее.

— Верю, — перехватил рыцарь, — однако не меньше того знаю, что повелевает мне совесть и мое звание. Пожалуйте, встаньте, сударыня, я дал вам слово и не обману вас.

— Знайте же, рыцарь великодушный, — сказала принцесса Микомикона, — я требую от вас, чтобы с этой минуты вы следовали за мною всюду и не начинали никакого подвига, не отмстив за меня злодею, нарушителю всех законов и похитителю моего престола.

— Принцесса! Возобновляю свое обещание, разгоните облака печали, помрачающие горизонт ваших прелестей, призовите на помощь свое мужество и будьте уверены, что рука сия, ужас злодеев, возведет вас на трон благородных и древних предков ваших. Не будем медлить; одна минута, потерянная для славы, не заменится веками.

Принцесса хотела поцеловать руку рыцаря, но рыцарь, слишком учтивый, удержал ее, поцеловал в лоб, приказал Санке подать себе оружие и оседлал Рыжака. Санко побежал отвязывать шлем, панцирь и щит, висевшие на пне дуба. Герой наш вооружился и хотел ехать в ту же минуту. Цирульник все еще стоял на коленях, не смея шевельнуться и открыть рта, чтобы не сронить бороды, которая была очень худо привязана. Увидя рыцаря на коне, он вскочил, помог Доротее сесть на мула и поехал за нею на своем. Один Санко шел пешком, вздыхая про себя о незабвенном осле своем; однако в этот раз утешался надеждою видеть господина своего императором Микомиконским и получить от него небольшое королевство за свою верную службу. Не нравилось ему только то, что принужден будет управлять неграми⁵⁹. Рассудя хорошенько, сказал он про себя: «Вижу, что мне легко и от господ моих подданных получить выгоду; всех в Испанию! Продам с публичного торгу, останусь с чистыми денежками, и конец делу! Вы еще не знаете меня, черные хари! Никому спуску не будет! Старый и малый — все на биржу! Всех с молотка! Я вам прочищу глаза».

Такими утешительными размышлениями Санко разогнал тоску свою по осле. Карденио и священник, сидевшие в кустах, увидя путешественников, не знали, как подойти к ним. Священник, скорый на выдумки, обрезал ножницами Кардению бороду, отдал ему свое верхнее платье, свой черный плащ и так переменял его сим нарядом, что невозможно было его узнать. Оставшись в одном камзоле, пошел он с своим товарищем другою дорогою навстречу к Дон Кишоту, который и попался им при самом выезде из гор. Увидя рыцаря, священник притворился чрезмерно удивленным, остановился, посмотрел на него пристально и вдруг, подбежав к нему с отверстыми объятиями, вскричал:

— Так я не обманулся; это вы, любезный земляк, Дон Кишот Ламанхский, защитник, подпора угнетенных, зеркало рыцарства, цвет и слава странствующих героев.

Дон Кишот, сперва удивленный, узнал его наконец и хотел скочить с Рыжака, чтобы уступить ему свое место.

— Нет, — сказал священник, — пускай ваше странствующее рыцарство на седле останется. Кто может занять место героя ламанхского! Если почтение к моему священническому сану побудит кого-нибудь из ваших спутников отдать мне своего мула, то я почту за счастье позади вас ехать!

При сих словах Николас, не дожидаясь приказа, спрыгивает с лошака и предлагает его священнику, который принимает предложение.

Шествие продолжалось. Дон Кишот захотел узнать, как господин священник очутился на сей дороге один, без человека, пешком и так легко одетый.

— Неприятным случаем! — отвечал священник. — Я ехал в Севиллу с этим молодым человеком, которого видите (он указал на Карденио): мне должно было получить изрядную сумму денег, присланную мне одним сродником из Индии. Вчера, за несколько миль отсюда, напали на нас четыре разбойника и оставили в чем видите. Что всего страннее! Говорят, будто эти разбойники освобождены от галер каким-то ужасным человеком, которого сильная рука разрушила их оковы, несмотря на стражу, их окружавшую. Вы согласитесь со мною, господин Дон Кишот, что этот человек либо сорвался с цепи из дому сумасшедших, либо сам разбойник, потому что дает защиту преступникам, пускает волков к овцам и забывает вместе и закон, и справедливость, и человечество: сему-то герою, полезному плутам и бродягам, обязаны мы удовольствием вас видеть.

*Приказал Санке подать себе оружие
и оседлал Рыжака.*

Дон Кишот, слушая священника, изменялся в лице, кусал губы, кашлял и не смел отвечать. Санко, шедший подле него, закричал во весь голос:

— Господин священник! Я не виноват, что мой рыцарь освободил этих людей; я не один раз ему сказывал, что они все плуты и воры.

— Дурачина! — перехватил Дон Кишот. — Долго ли говорить тебе, что рыцарям нельзя знать в точности, каковы несчастные, которым они подают помощь. Встречаю скованных людей, разрываю их цепи: вот моя должность! Не смотрю на следствия! Пускай судят, как хотят! Но всякий, выключая священника, которого почитаю от всего сердца, почувствует силу руки моей, как скоро вздумает меня упрекать. Пускай придут мои обвинители, ожидаю их!

С сими словами он укрепляется в стременах и трясет копьём.

— Господин рыцарь! — сказала ему Доротея. — Дерзаю напомнить вам ваше обещание. Вы не можете начинать никакого дела, не отмстив за меня врагу моему. Успокойте ваш гнев: когда бы господин священник знал избавителя колодников, тогда бы не произнес обидных слов, которые сорвались у него с языка.

— Скорее отрезал бы этот язык, — перехватил священник.

— Перестанем говорить об этом деле, принцесса, — сказал герой, — ваша воля — закон; моя клятва священна: смею просить вас, откройте, кого должна поразить моя рука, и какие преступления загладить.

— Охотно исполню желание ваше, рыцарь; слушайте.

При сих словах священник, цирюльник, Карденио и Санко, которому принцесса больше и больше начинала нравиться, приблизились, чтобы лучше слышать. Доротея, поправясь на седле, высморкавшись и кашлянув раза два, с величайшею приятностию начала сию трогательную повесть.

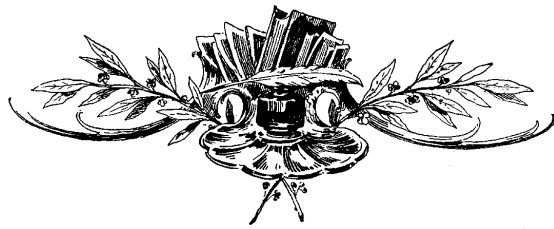
Конец второго тома

**ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ**

ТОМ ТРЕТИЙ

ГЛАВА XXX

История принцессы Микомиконы

— Я называюсь.... — при этом слове красавица остановилась: она забыла свое имя.

Священник, приметя ее замешательство, сказал:

— Принцесса! Воспоминание прошедшего для вас тягостно, я не удивляюсь; слух об ужасной судьбе Микомиконы дошел и до меня: вся империя Микомикон оплакивает свою несчастную государыню!

— Ваша правда, господин священник! — отвечала Доротея. — Взор на прошедшее наполнил горестию мое сердце. Но теперь я успокоилась и, кажется, в состоянии рассказать мою печальную повесть. Отец мой, Тинакрио *премудрый*¹, прозванный так за свои сверхъестественные знания, спокойно управлял обширным государством Микомикон. Имея дар предугадывать будущее, узнал он, что мать моя, супруга его, Карамилла² должна была скоро скончаться, что я сама останусь после него сиротою, и что, наконец — вообразите огорчение моего родителя — ужасный исполин *Дурандардо Косоглазый*³, владеец соседних островов, нападет на империю Микомикон и овладеет моим престолом. Нежное сердце его терзалось. Он предвидел, что один только брак с исполином или бегство спасут меня от гибели, и присоветовал последнее, зная наверно, что я соглашусь лучше умереть, нежели выйти за великана, уroda в пятьдесят аршин, который вдобавок кос на оба глаза. «Микомикона! — сказал мне родитель мой на одре смерти. — Я оставляю тебя без защиты; беги в Испанию: там найдешь покровителя, сильного рыцаря, который должен называться или Дон Шикотом, или Дон Кишотом, который должен быть высок ростом, худощав лицом и на спине подле правого плеча имеет родинку».

— Сын мой! — закричал Дон Кишот, оборотясь к Санхе. — Раздень меня поскорее.

— Для чего это? — спросила Доротея.

— Хочу знать, сударыня, обо мне ли говорил покойный ваш родитель?

— Не трудитесь, — сказал Санко, — я знаю, что у вас под плечом есть родинка.

— Нельзя лучше! — воскликнула принцесса. — Мои сомнения решились, пророчество сбылось — к тому же с друзьями не надобно слишком церемониться! Черты лица, рост, имя, все отвечает описанию. Вам, господин Дон Кишот, назначено судьбою возвратить мне трон; я в этом уверилась и тогда, когда, вышед на берег в Оссоне⁴, услышала, что говорил народ о вашей храбрости, славной не только во всей Испании, но и во всей Ламанхе⁵.

— Принцесса! Извините, — сказал Дон Кишот, — я не понимаю, как вы могли выйти на берег в Оссоне; там никогда не бывало пристани!

— Конечно, — подхватил священник, — принцесса хотела сказать, что в Малаге изволила выйти на берег, а в Оссоне услышать в первый раз о великом Дон Кишоте.

— Ваша правда! Простите иностранке неумение выражаться. Еще скажу вам, что мой родитель, Тинакрио *премудрый*, оставил мне греческую или халдейскую рукопись, которой я не читала и в которой именно сказано, чтобы я тотчас после победы над невежею Дурандардом вышла замуж за своего избавителя и укрепила ему и себя, и свою корону.

— Санко! — закричал Дон Кишот. — Слышишь ли, что мне предлагают! Не пророк ли я? Неужели и теперь боишься, что у нас не будет ни королевств, ни империй, ни жен — дочерей королевских?

— Ничего не боюсь! Во всем уверен, — перехватил Санко в восхищении, — сущий глупец будет тот, кто, свернув шею господину великану Дураканде, тотчас не женится на принцессе. Мы, может быть, скажем: она не красавица? У ней губки не алы, ручки не белы — так и быть; но я променял бы на нее свою Терезу!

Тут верный оруженосец, прыгнув с довольною приятностию вверх, подбежал к принцессе и стал на колена перед нею, прося позволения поцеловать ее руку. Доротея подала ему свою белую, нежную ручку, обещала его сделать *презным* человеком в своем королевстве и в заключение сказала, что из всей многочисленной свиты ее остался один конюший, что все погибли от ужасной бури, и что она вместе с бородатым конюшим кое-как спаслась на доске корабельной. Дон Кишот повторил обещание по тех пор не разлучаться с нею, пока не сорвет головы с безбожника *Дурандардо*.

— Но после победы, — прибавил защитник, — в которой вам и сомневаться не должно, я вас оставляю, принцесса, оставляю с горестию! Вы свободны располагать собою! Пока не спадут оковы моего сердца, пока жестокая, милая тиранка... довольно; я не смею говорить более; но верьте, принцесса, мне запрещено думать о браке и тогда, когда бы сам Феникс за меня посватался.

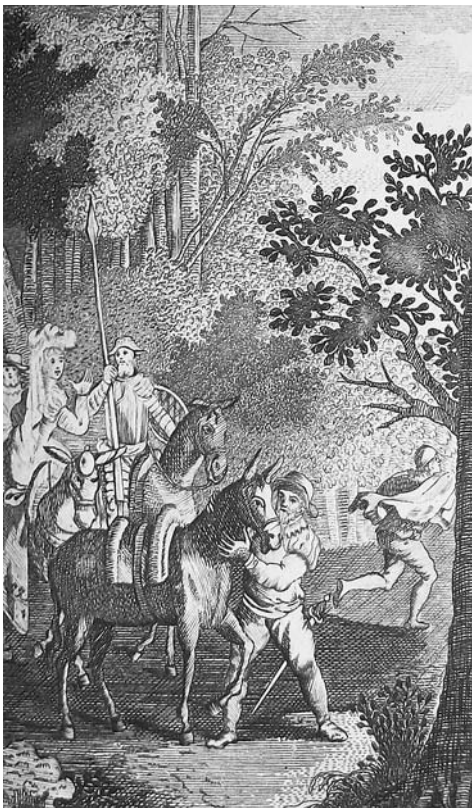
— Вы с ума сошли! — кричал разгневанный Санко. — Что за вздор приходит вам в голову; неужли вы в состоянии отказать этой прекрасной принцессе, которая изволит дарить вас целым королевством? И для чего ж? Для прелестных глаз госпожи Дульцинеи! Правду сказать, прелестные глаза! Стыдитесь, сударь! Спрячьте подальше свою Дульцинею! Она и ногтя госпожи принцессы не стоит. Видно, проститься мне с своим герцогством: вы пошли на воду за грибами. Ах! Сударь, женитесь, женитесь, послушайте меня. Куйте железо, пока оно горячо.

Дон Кишот вышел из терпения, поднял копьё и так ловко ударил им оруженосца-ругателя, что он полетел кверху ногами.

— Проклятый враль! — кричал он грозным голосом. — Ты решился бесить меня своим болтаньем! Разве забыл ты, глупец, мошенник, злоязычник, что я без Дульцинеи прах и паутина! Ею хранится мое мужество! Ею живится моя сила! Ею разит и побеждает рука моя! В ней одной моя жизнь, мое дыхание, мои чувства! Неблагодарный, бесчувственный оруженосец, исторгнутый мною из грязи для возведения на степень графа или герцога, ты уже смеешь оскорблять ту, которой обязан своим величием!

Санко, спрятавшись за коня принцессина, поглядывал из-за него на рыцаря и молча слушал его поучения. Доротея вступилась за оруженосца и имела счастье умиловить Дон Кишота.

— Поди, — сказала она печальному Санке, — поцелуй у господина своего руку, повинись перед ним в своей глупости и вперед не отваживайся оскорблять великой Дульцинеи, которой, не имея счастья знать, почитаю как нельзя больше и желаю служить ей от доброго сердца.

*О мой милый! Ты опять со мною!
Опять со мною!*

Герой, укрощенный сими словами, согласился простить Санку, благословил его и советовал ему быть вперед осторожнее.

В сию минуту странники увидели цыгана, который ехал на сером осле по дороге. Санко выходил из себя всякий раз, когда попадался ему человек на осле; не успел он взглянуть на цыгана, как узнал под ним своего милого друга. Цыган этот был тот самый Пассамон, который обокрал Санку в Сиерре Морене.

— Ах, плут Зинезилла!⁶ — закричал оруженосец. — Отдай мне мое сокровище, мою жизнь, моего друга, мою душу, мою радость! Отдай мне моего осла, мошенник!

Гинес, который также узнал Санку, видя с ним такое множество людей, прыгнул на землю и убежал в лес. Оруженосец был уже подле осла, целовал, обнимал его со слезами нежности и приговаривал: «Друг мой, товарищ мой! Ты опять со мною! Как ты поживал без меня, сын мой! Каково тебе было в чужих руках! О мой милый! Ты опять со мною! Опять со мною!» Осел не шевелился и позволял себя ласкать, не говоря ни слова. Все приняли участие в радости оруженосца. Дон Кишот уверил его, что, несмотря на возвращение осла, он все получит трех осленков, на которых дан ему вексель. Как скоро успокоились первые восторги нежного Санки, рыцарь выехал вперед и велел ему за собою следовать, желая переговорить с ним наедине.

ГЛАВА XXXI

Интересный разговор между рыцарем и оруженосцем

— Забудем свои ссоры, — сказал Дон Кишот Санке, — станем по-прежнему друзьями; расскажи подробно, где, как и когда нашел ты Дульцинею? Что она делала? Что ты ей сказал? Что она тебе отвечала? С каким видом прочла мое письмо? Кто его переписывал? Словом, я требую от тебя верного и нелицемерного отчета во всем том, что происходило, без прибавки и убавления.

— Извольте! Все расскажу вам с начала до конца. Надобно знать, что я, забывшись, не взял вашего письма.

— Знаю! Ты оставил записную книжку; я, увидя ее, признаться, на тебя рассердился и был уверен, что ты за нею назад воротиться.

— Я бы, конечно, и воротился, когда бы не вытвердил наизусть письма: я очень внимательно слушал, когда вы его читали; а что услышал раз, того во всю жизнь не забуду. Итак, я поклонился одному церковнику, прочел ему письмо раза три-четыре. Он переписал его на чистенькую бумажку и сказал мне, что в жизнь свою имел в руках много

исповедных записок, а от роду не попадалась ему ни одна, так плавно и учтиво написанная.

— Не можешь ли вспомнить моего письма?

— Никак не могу, сударь! Я позабыл его в ту самую минуту, как скоро оно было переписано, не имея в нем больше нужды!

— Очень хорошо. Теперь скажи мне, за каким делом нашел ты сию царицу прелестей? Она, думаю, низала перловое ожерелье⁷ или нашивала камни драгоценные мне на перевязь⁸.

— Нет, сударь, она была на гумне и сеяла рожь!

— Понимаю! Семена делались топазами в руках ее, нежных, лилейных!

— Нет, сударь, рожь была рожью!

— Далее! Взявши письмо от тебя, она, конечно, поцеловала его, прижала к сердцу или положила на голову, как водится у восточных народов.

— Нет, сударь! Она был очень занята своим решетом, когда я пришел к ней. «Друг мой! — сказала она мне. — Положи письмо на этот мешок; прежде просею рожь, а потом прочту его».

— Понимаю! Она хотела прочесть письмо наедине, чтобы свободнее предаться движениям своего сердца. Она, без сомнения, расспрашивала тебя обо мне, о моих подвигах, опасностях, о бедственной жизни, которую веду по ее приказанию!

— Нет, сударь, ни о чем не расспрашивала; но я сам не промах, я сам ей наговорил три короба о вашем искусе: описал ей, как вы кувыркаетесь по утесам, спите на острых камнях, кушаете одну траву, не чешете бороды⁹, проклинаете судьбу...

— Не должно было говорить, что я проклинаю судьбу; напротив, я благословляю и вечно буду благословлять ее за то, что имею счастье мучиться для великой Дульцинеи...

— Ваша правда! Она не крошка; она целым аршином выше меня.

— Разве ты с нею мерялся?

— Нет, сударь! Но ведь должно было пособить ей взвалить мешок с хлебом на осла: тут-то я и заметил, что я перед нею, как таракан перед гусем.

Здесь нежный рыцарь вздохнул.

— Ах! Конечно, — сказал он, — ее стан высок, благороден и гибок; но душа ее гораздо выше и благороднее! А ее прелести? Что с ними сравняется? Скажи мне, Санко! Когда ты к ней приблизился, не почувствовал ли ароматного запаха лилей, роз, амбры, благовония, неизъяснимо приятного, эфирного, подобного ароматам аравийским?

— Нет, сударь! Тогда был страшный жар; она целый день работала, и все это...

— Хорошо, что ж она сказала, прочитавши мое письмо?

— Она его не читала, сударь (вы сами знаете, что она ни читать, ни писать не умеет), но изорвала в мелкие клочки, боясь, чтобы в деревне кто-нибудь не узнал о ее проказах. Потом поручила мне сказать вашей милости, что она довольна вашим искусом, что она вам кланяется, и что вы должны непременно, если нет у вас лучшего дела, воротиться в Тобозо и с нею повидаться, чего ей отменно хочется. Она очень смеялась, услышав, что вы прозываетесь *рыцарь Печальной фигуры*. Я хотел знать, был ли у ней бискаец? Она сказала, что был, что он пречестный и преучтивый человек, а колодников она в глаза не видала!

— Она, конечно, подарила тебя какою-нибудь дорогою вещью? У всех рыцарей и принцесс, их любовниц, есть обыкновение жаловать оруженосцам, девушкам или карлам, которых к ним посылают, богатые перстни и кольца.

— Это самое похвальное обыкновение. Но, видно, выходит оно из моды, потому что госпожа Дульцинея вместо кольца и перстня подарила меня куском сыра и ситного хлеба.

— О! Никто не сравняется с нею в щедрости; я уверен, что ты рано или поздно получишь от нее пребогатый подарок.

— Но, — продолжал Дон Кишот, — скажи мне свои мысли, друг мой, Санко! Ты видишь, что Дульцинея повелевает мне к себе возвратиться, и сердце мое горит исполнить ее волю. С другой стороны, удерживает меня клятва, данная мною принцессе, клятва, которую сдержать обязывают меня законы рыцарства. Не знаю, что делать: любовь и должность волнуют мое сердце.

— Ах, сударь! Опять за старое, как можно думать о Дульцинее, когда перед глазами целое королевство с Португалиею и Кастилиею, богатое всякою всячиной, и которое, говорят люди, имеет двадцать тысяч миль в окружности! Ради Бога, сударь, не пропускайте случая: жениться на принцессе в первой деревне, в которой найдете священника; впрочем, у нас и свой в запасе. Женитесь, прошу вас; не забудьте, что синица в руках лучше журавля в небе.

— Вижу, для чего тебе так хочется женить меня; однако, успокойся: я до сражения сделал уговор, чтобы, уволив меня от женитьбы, уступили мне часть королевства, которую тотчас я подарю тебе.

— Это другое дело; не забудьте, однако ж, выбрать местечко подле моря: у меня есть в голове маленький план торговли.

— Хорошо, друг мой! Дело решено, иду сражаться за принцессу и откладывая свое возвращение к моей богине до конца великого сего подвига; прошу только не разглашать того, что мы здесь гово-

рили с тобою. Дульцинея так строга в своих правилах, что малейшую нескромность мою почтет преступлением, и я могу пострадать безвинно.

Здесь цирюльник перервал сей важный разговор, предложив путешественникам отдохнуть на берегу ручья, близ которого они находились. Все согласилось на предложение. Санко, уставши лгать, замолчал. Карденио между тем надел на себя Доротеино пастушье платье. Сели на берегу ручья, кое-как отобедали; Дон Кишот говорил нежности Микомиконе, Санко своему ослу. Вдруг является на дороге мальчик, который, увидевши Дон Кишота, подходит к нему с печальным видом и говорит:

— Здравствуйте, сударь! Неужели вы меня не узнаете? Я тот несчастный Андрей, которого вы отвязали от дуба и вырвали из рук разбойника Альдуды.

Дон Кишот вспомнил сие важное происшествие в своей жизни, взял Андрея за руку и сказал, представляя его компании:

— Принцесса и вы милостивые государи! Сердечно радуюсь, имея случай доказать примером пользу и выгоду странствующего рыцарства. Недавно в лесу нашел я сего бедного ребенка, обнаженного, привязанного к дубу. Жестокий, бесчеловечный тиран сек его нещадно за то, что был ему должен. Я приказал отвязать измученного младенца и принудил бездушного дать мне клятву, что заплатит ему все до последнего обола¹⁰. Скажи теперь, Андрей, правду ли я говорю?

— Конечно, правду; но когда вы уехали....

— То, верно, хозяин твой расплатился с тобою?

— Хорошо расплатился! Он еще крепче привязал меня к тому же дубу и так больно высек, что я, благодаря Бога, с тех пор не выходил из гошпиталя. Вам сударь, вашему рыцарству обязан я такую заплатою: когда б вы не вмешались не в свое дело, то все кончилось бы десятью ударами, и я получил бы свои деньги. Но вы только что рассердили моего хозяина, который отомстил вам на моей спине и плюнул на все ваши угрозы.

— Санко, — закричал герой, трепеща от гнева, — оседлай Рыжака! Сей час еду и накажу преступника.

— Не трудитесь, а лучше дайте мне что-нибудь на дорогу!

Санко подал ему кусок хлеба и сыра.

— На, друг мой, — сказал он ему, — Бог знает, не буду ли сам скоро плакать об этом сыре и хлебе! Мы, все оруженосцы странствующих рыцарей, бываем часто голодны и холодны.

Андрей удалился, потупив голову, и отойдя подале, вдруг побежал, крича во все горло:

— Черт побери всех странствующих рыцарей, которые хотят помогать людям и вместо того вводят их в побои.

Дон Кишот кинулся было за ним вслед, но Доротея удержала его, и никто не смел улыбнуться.

ГЛАВА XXXII

Приезжает в трактир

Отобедав, поехали далее; на другой день прибыли в тот ужасный трактир, которого не любил Санко, но в который не мог он не войти вместе с путешественниками. Трактирщик, его жена, его дочь, любезная Мариторна, вышли встретить Дон Кишота. Рыцарь поклонился им с важностию и приказал приготовить себе постель, не столь жесткую и беспокойную, как в последний раз. Ему отвечали, что будут служить, как принцу, если только будет платить исправнее, и в минуту отвели ту же самую горницу или нору, в которой он ночевал в последний раз. Герой, уставши от дороги, бросился на постель и заснул.

Между тем начался великий спор между Николасом и женою трактирщика, которая тянула его за рыжую бороду и кричала во все горло:

— Это мой бычачий хвост; мы ищем его третий день и все не найдем, отдавай его скорее!

Цирюльник защищал свою рыжую бороду, шумел, бранился, и дело доходило до драки, как рассудительный священник, вступившись, посоветовал Николасу оставить свой наряд, в котором больше не имели нужды, ибо могли сказать Дон Кишоту, что принцесса послала конюшего вперед возвестить микомиконцам о приближении защитника. Все успокоилось, и бороду с прекрасным бархатным корсетом и с юбкою из алой байки возвратили трактирщице.

Начали думать об ужине. Между тем Карденио, Доротея, священник рассказали хозяину и жене его, какую хитростию выманили Дон Кишота из пустыни. Священник говорил с сожалением о бедном своем друге, который помешался на сумасбродных рыцарских романах, имея, впрочем, здравый и неиспорченный рассудок.

— Удивляюсь, господин священник! — сказал хозяин. — Книги, которые у вас под проклятием, делают меня счастливым; во время жатвы жнецы собираются в мой трактир, двадцать или сорок человек теснятся в один кружок: один читает какую-нибудь историю о храбром рыцаре, а мы сидим, как вкопанные, не смея проронить ни одного слова, и слушаем с неописанным удовольствием. И в самом деле, нельзя

наслушаться. Ужасные сражения так нас прельщают, что мы просиживаем ночи, не зная сна и усталости.

— И я также люблю похождения рыцарей, — вскричала Мариторна, — у меня сердце прыгает, когда прекрасные девушки прохаживаются с прекрасными господами сам-друг ночью в оранжевых аллеях¹¹, а старые дуенны¹² караулят и сердятся.

— А вы, сударыня, — сказал священник хозяйкиной дочери, — любите ли рыцарские романы?

— Люблю, — отвечала она с простосердечием, — но, признаться, не понимаю их: драки мне скучны, великаны страшны, а карлы смешны; но жалкие стоны влюбленных рыцарей меня до слез трогают; их принцессы некстати жестоки; я не понимаю, как можно столько времени мучить честных людей, которые так нас любят.

— Замолчи же, простенькая, — закричала хозяйка с сердцем, — в твои лета не надобно знать много и вступаться в чужие речи.

— Итак, у вас есть рыцарские романы, господин трактирщик, — перехватил священник, — покажите их мне!

Хозяин побежал в чулан и тотчас вынес сундук, запертый пребольшим замком. Отперли сундук, и священник увидел в нем несколько толстых томов и рукописных тетрадей. Развернув книги, прочел он на заглавных листах: «*Сифонджилио Фракийский*»¹³, «*Феликс*», «*Марс Иркианский*»¹⁴, «*История Гонзалъва Кодуанского, полководца великого*», «*Жизнь Дон Диега Горсиаса де Паредиса*»¹⁵. О двух первых священник сказал цирюльнику:

— Жаль, что нет с нами госпожи управительницы! Но, любезный друг, — прибавил он, обратясь к хозяину, — сии книги не должны лежать в одном месте: твой «*Сифонджилио*» и твой «*Марс Иркианский*» не иное что, как бредни, сумасбродство; а *истории Горсиаса* и *Гонзалъва* справедливы, наставительны, дают понятие о славных делах героев, из которых один был главною подпорою наших армий, а другой получил от Европы название *великого полководца*.

— Говорите, что вам угодно, — перервал трактирщик. — Я зеваю за «*Гонзалъвом*», а просиживаю целые ночи за «*Феликсом Иркианским*»! Как его не любить, когда он одним махом меча разрубает по пяти великанов вдруг или на сражениях один управляется с шестьюстами тысяча¹⁶ неприятелей! Делал ли это когда-нибудь *великий ваш полководец*? Как не удивляться *Сифонджилио Фракийскому*, на которого в одно прекрасное утро бросился из реки страшный огненный змей? Он не струсил, побежал к огромному змею и так сильно его стиснул руками, что он начал задыхаться и вдруг, нырнув в реку, утащил рыцаря за собою. Что ж бы, вы думали, случилось? Рыцарь в реке нашел богатый стеклянный дво-

рец, сады, беседки; а змей превратился в старика и рассказал рыцарю много прекрасного и чудесного. Вот история! Не вашим чета.

— Но вы, я надеюсь, уверены, что это все выдумка и не может быть справедливо.

— Как бы не так! Обманывайте других. Как этому не быть справедливым, когда она напечатана с позволения королевского совета: сами знаете, что наши господа советники не приложат рук своих к бредням.

— Прекрасно! Любезный друг, ты на одной доске с Дон Кишотом. Я бы растолковал тебе, какая разница между романом и историею и что значит хороший роман; но это займет слишком много времени. Это что за манускрипты?

Трактирщик подал их священнику; на заглавном листе первой тетради было написано: «*Безумное любопытство. Новость*»¹⁷. Пробежав несколько страниц оной, священник сказал:

— Вот маленький роман, который, кажется мне, достоин внимания, потому что имеет моральную цель. Если вы еще не хотите почивать, сударыня, то я вам прочту эту пиэску.

— Прочтите, — отвечала Доротея, — охотно вас буду слушать; я не надеюсь заснуть скоро, потому что сердце мое неспокойно.

Карденио и Николас также хотели быть слушателями. Сели в кружок, замолчали, священник развернул тетрадь и начал читать:

ГЛАВА XXXIII

Безумное любопытство. Новость

Анзельм и Лотер¹⁸ жили в городе Флоренции. Сходство лет, характеров и склонностей соединили их тесною дружбою; в городе Анзельма и Лотера называли *друзьями*. Анзельм, любя свет, любил и женщин и бегал за ними в то самое время, как Лотер, страстный охотник, бегал за зайцами; но Анзельм забывал женщин, а Лотер — зайцев для дружбы.

Камилла, молодая, прекрасная флорентинка, пленила непостоянного Анзельма; он стал искать ее сердца и недолго искал его. Невинная Камилла втайне любила Анзельма; родители Камиллы, по просьбе Лотера, склонились на брак своей дочери. Анзельм и Камилла, счастливые друг другом, благодарили небо и Лотера.

В первые дни после брака Лотер ходил к Анзельму так же часто, как и прежде. Через несколько времени его посещения сделались реже: Лотер, нежный друг, не боялся ревности Анзельмовой; он боялся пересудов света, который не щадит невинности. Анзельм это заметил

и выговаривал ему с чувством. Он сказал своему другу, что ни за что на свете не согласился бы жениться, если бы мог предвидеть, что этот брак ослабит союз их, принуждал и Лотера ходить к себе так же часто, как и прежде, уверяя, что Камилла огорчится чрезмерно, если узнает, что подала повод к такой жестокой перемене. Лотер, не открывая настоящих причин своих Анзельму, искал извинений, выдумывал их, и, наконец, видя неотступность своего друга, решился, сколько можно, согласить дружбу свою с осторожностью.

Прошло несколько времени, Анзельм жаловался на холодность Лотера. Лотер жертвовал дружбою разборчивости. В один вечер они прогуливались вместе. Анзельм сказал Лотеру:

— Мой друг! Иной, смотря на мое богатство, на мою Камиллу, на тебя, подумает, что я счастлив; может быть, и ты то же думаешь, но — выдь из заблуждения! Для меня нет счастья: желание, может быть, безумное терзает мое сердце; рассудок не может его успокоить! Друг мой! Тебе открываю тайну моего сердца; жалься над моим исступлением; умру, если не исполню своего желания.

Лотер, испуганный сими словами, дружески пожал Анзельмову руку и обещал все сделать для его спокойствия.

— Знай же, — сказал Анзельм, — (я постыдился бы открыться другому) я хочу испытать свою жену, хочу увериться в чистоте ее любви, одним словом, хочу знать, уступит ли ее добродетель обещаниям, подаркам и всем усилиям обольстителя. Чем больше опасность, тем славнее победа: кто ж может быть опаснее Лотера для женщин? И ты, друг мой, должен быть испытателем жены моей. Если ты не обольстишь Камиллы, то я уверюсь, что уже никто не обольстит ее; стану наслаждаться таким счастьем, какого не знал прежде, и сим счастьем буду обязан своему другу. Если ж Камилла слаба, если ты увидишь возможность успеха — я тебя знаю и спокоен: испытание кончится. В обоих случаях моя честь в безопасности; а я исполню желание, которое меня мучит и не перестанет мучить до гроба.

Лотер долго не отвечал. Он пристально смотрел на Анзельма; наконец сказал с важностью:

— Анзельм! Если б я думал, что ты меня самого испытать хочешь, то бы, конечно, тебя не дослушал. Неужели сии слова согласны с твоим сердцем? Неужели я должен тебе напомнить, что дружба нежная, чистая, которую все пожертвования возвышают, оскорбляется виновными предложениями. Требуй моей жизни; ты имеешь на нее право, Анзельм, и я с радостью отдам тебе жизнь свою! Но как можешь требовать от меня преступления?

Анзельм побледнел и потупил голову.

— Как, — сказал ему Лотер нежным голосом, — слова твои справедливы! Ты хочешь, чтобы я испытал жену твою; но послушай меня, безумец! Ты считаешь Камиллу добродетельною. В этом мнении хранится все твое счастье! Чего же ты еще желаешь? Чего еще надеешься? Видеть Камиллу непреклонною? Камилла будет непреклонна, я в этом не сомневаюсь; но что будет с тобою? Что тебе останется от твоего преступления? Одно раскаяние, мучительное, бесконечное. Кто будет знать об этом — спросишь ты у меня? Ты, ты один будешь знать, что без причины оскорбил добродетельную супругу, ты сам будешь своим гонителем; счастье супружества для тебя исчезнет, тайный голос будет говорить тебе, что ты его не достоин; раскаяние будет рвать твое сердце; вспомни сии справедливые стихи одного из наших поэтов.

*Вотще бежит злодей, вотще он жизнь скрывает!
Терзаем лютою тоской,
Несчастный страждет, восклицает:
Доколе с сердцем я, мой судия со мной!*¹⁹

Я говорю только о том, чем ты обязан самому себе, Камилле и добродетели. Не говорю о должностях дружбы: ты мог бы спросить о них свое сердце, и тогда я не имел бы несчастья пристыдить своего друга.

Анзельм, который слушал его в мрачном безмолвии, долго не отвечал, наконец сказал томным голосом:

— Лотер! Одно слово, я болен и, конечно, умру от своей болезни, если ты откажешь мне в лекарстве. Ты сделал свое дело, с этой стороны совесть твоя должна быть спокойна; но скажи, будет ли она спокойна тогда, когда я, потеряв надежду согласить тебя на свою просьбу, откроюсь другому, поручу, может быть, предателю честь свою, честь Камиллы, мое блаженство, мое спокойствие? А я решился это сделать, и в твоей воле спасти меня. Обещаю, клянусь тебе не требовать больше одного опыта: Камилла не уступит с первого раза; но я буду спокоен и вечно счастлив.

Лотер, приведенный в ужас намерением Анзельма открыться другому, тотчас взял свои меры.

— Довольно! — сказал он. — Если ни добродетель, ни рассудок, ни стыд не имеют над тобою власти, я готов безумствовать вместе с тобою; не поручай никому сего трудного дела: я все беру на себя.

Анзельм прижал его к сердцу с восторгом благодарности.

— Зачни же с завтрашнего дня играть свою ролю, — сказал он. — Тебе нужны будут музыканты для серенад, может быть, подарки; на все получишь от меня деньги. Если не имеешь времени писать стихов для

Камиллы, я сам готов сочинять их, мой друг, и будь уверен, употреблю все свои старания.

Лотер на все согласился, и крайне жалея о безумце, обещал прийти к нему обедать на другой день.

Камилла приняла его с простотою невинности спокойной и неподозрительной. Ансельм тотчас после стола ушел, сказав, что имеет крайнюю нужду отлучиться и, радуясь случаю, оставить наедине Камиллу с Лотером. Лотер, во все время его отсутствия, говорил Камилле о ее супруге, о их взаимной любви, о наслаждениях чистых и благородных супружеского союза. Камилла с ним соглашалась во всем; время летело неприметно, и Лотер ушел с неизъяснимым приятным чувством в душе своей. Ансельм ждал его среди улицы:

— Скажи мне, Лотер, есть ли начало? Далеко ли ты? Каково принят?

— Чего можно требовать от первого разговора? — отвечал Лотер. — Я не мог говорить ясно, а только все приготовил. И надеюсь через короткое время сказать тебе более.

— Хорошо! Готов терпеть. Между тем не упущу ничего с своей стороны; всякий день буду оставлять тебя наедине с Камиллою!

Свидания продолжались недели две. Лотер ими не пользовался, однако начинал их опасаться: красота, невинность и простосердечие Камиллы его трогали; он увидел опасность, ужасался и твердил безумному Ансельму, что Камилла — сущая непорочность; что все его старания тщетны; что он никогда не успеет.

— Прекрасно! — повторил Ансельм. — Но ты говорил словами; начни говорить подарками: самые жестокие уступают подаркам. Вот четыре тысячи золотых ефимков!²⁰ Купи на них, что хочешь, для Камиллы; увидим следствия.

Лотер досадовал и говорил Ансельму, что он употребляет во зло его снисходительность, что сии низкие средства ему противны. Ансельм просил, умолял, и Лотер, наскучив обманывать своего друга, решился еще в последний раз обмануть его.

Наконец, через несколько дней, после разговора с Камиллою, Лотер рассказывает Ансельму, что подарки отвергнуты с презрением, что назвали его низким обольстителем, и что он решился более не видеть Камиллы. Ансельм слушал его с видом неудовольствия.

— Лотер, — сказал он, — как мало достоин ты моей дружбы. Я все видел и слышал из кабинета, в котором тайно скрывался. Ты не сказал ни одного слова, и к несчастью, по всему видно, что ты никогда не говорил о любви жене моей.

Лотер был тронут сим уличением. Он признался не без стыда, что обманул своего друга, и дал, наконец, клятву исполнить его стран-

ное, непонятное желание. Анзельм сказал Камилле, что имеет крайнюю нужду разлучиться с нею на неделю, и уехал. Он хотел оставить полную свободу Лотеру. При отъезде просил он жену свою принимать Лотера, как при нем, и несмотря на все представления добродетельной Камиллы, требовал, чтобы Лотер всякий день обедал с нею вместе и не оставлял ее на минуту.

Бедный безумец, враг своего счастья! Что ты делаешь? Чего надеешься? Ты сам воздвигаешь здание своих бедствий! Остановись, еще время! Ты любим страстно, любим нежною супругою: добродетель обитает в ее сердце! Редкий друг в твоих объятиях! Он дышит, живет тобою! Фортуна осыпает тебя цветами! Она говорит тебе: «Умей наслаждаться счастьем»; но ты ничего не видишь, ничему не внемлешь! Храм наслаждений перед тобою, а ты бросаешься в пропасть.

На другой день после Анзельмова отъезда Лотер приходит к Камилле, но Камилла была уже не одна. Леонелла, ее служанка, сидела, по приказу госпожи своей, в гостиной. Лотер внутренне хвалил сию осторожность, удивлялся очаровательной Камилле; но это сердце уже пылало. Не время было противиться сильному пламени. Лотер потерял всю свою силу; все забыто: и добродетель, и честь, и дружба! Лотер у ног Камиллы; признание робкое и страстное уже открыло его чувства. Удивленная Камилла встает, бросает гневный взор на Лотера и выходит из горницы.

Она долго думала о том, что ей оставалось делать. Анзельм именно приказал ей принимать без себя Лотера; она не смела ослушаться и в тот же вечер написала к нему и отправила с нарочным следующую записку:

«Твоя доверенность, Анзельм, не столько меня радует, сколько печалит. Я бы не желала оставаться одна в твоём доме. Если не скоро возвратишься, то позволь мне уехать к моим родным; с ними буду иметь свободу говорить о тебе, о своей нежности, о твоём продолжительном отсутствии. Такой разговор, мне кажется, скучен для Лотера, которого ты приказал мне принимать всякий день; ему приятнее говорить о самом себе. Его и мои чувства нимало не сходны!»

ГЛАВА XXXIV

Продолжение новости

Анзельм обрадовался несказанно, прочтя Камиллино письмо. Он заключил из него, что испытание началось, и в коротких словах отвечал Камилле, прося ее не ездить к своим родным, а ждать его в городе, и обещая, как можно поскорее, возвратиться. Такой ответ и невнима-

ние к тому, что написано было в письме, не понравились Камилле; она решила ждать своего супруга с терпением, не жалуясь на его медлительность. Надеясь на себя и веря, что добродетель никогда не гибнет, она продолжала принимать Лотера.

Лотер, которого страсть воспалилась от препятствий, был не в силах ей противиться, ходил чаще к Камилле, не пропускал дня, минуты, пользовался малейшими случаями, употреблял все возможные средства склонить, растрогать любезную. Лотер был прекрасен лицом, приятен в обхождении, мог пленить всякое сердце. Взор его был так красноречив, чувства так пылки и нежны; Анзельм был в отдалении — словом, Камилла уже колебалась. Лотер заметил слабость Камиллы, увидел в ее взорах, прежде холодных и важных, милую томность, удвоил усилия, не терял ни одного случая, ни одной минуты, пользовался ими, побеждал препятствия, скрывая свои победы; сопротивление слабело, слабело, и наконец... Камилла покорилась.

Кто бы это подумал о Камилле, о Лотере! Сердца их были добродетельны, сердца их, чистые, как день, не знали порочных побуждений. Они в тишине души наслаждались блаженством невинности. Безумец Анзельм открыл перед ними пропасть; они упали в нее от того, что не боялись падения, и, погибая, увидели гибель.

Анзельм, возвратясь, полетел к Лотеру.

— Мой друг! — сказал ему Лотер, стараясь скрыть свое замешательство и краску. — Будь доволен, Камилла непобедима; не требуй от меня подробностей: они слишком унижительны для моего сердца; возвращаю тебе твои бриллианты, наслаждайся редким счастьем супружества; супруга твоя несравненна!

Обманутый Анзельм с восторгом обнимал своего друга, сего верного, истинного друга, который, как говорил он, оказал ему *единственную* услугу.

— Но, любезный Лотер! — прибавил Анзельм. — Ты не должен прерывать своих посещений, ходи ко мне так же часто, как и прежде, кажись влюбленным в жену мою, вздыхай, смотри на нее с нежностью и будь для виду несколько скрытным со мною. Я стану, сколько можно, тебе помогать: чувствуешь, как это необходимо для того, чтобы Камилла не узнала обмана.

Лотер, потупив глаза, признался, что Анзельм говорил правду.

Несколько времени счастливые любовники без труда обманывали супруга, не имевшего и тени подозрения. Виновная Камилла принуждена была открыться Леонелле, своей любимой служанке. Леонелла, прежде невинная, после увлеченная примером госпожи своей, начала ей подражать. Скоро нашла любовника и, не опасаясь ничего, с тех пор,

как получила доверенность Камиллы, осмелилась ночью принимать его у себя в горнице. Камилла, узнав это, против воли должна была потакать Леонелле. Преступница Камилла не имела уже права на почтение своих слуг. Она принуждена была играть низкую роль сообщницы своей служанки, помогать ей выдаться с любовником и провожать его: наказание жестокое, но справедливое, неизбежное для женщины, падшей и унижившей себя пороком.

Лотер ничего не знал об интригах Леонеллы. Однажды, ожидая зари близ Ансельмова дома, увидел он молодого человека, спустившегося по веревке из окна Камиллиной комнаты. Бешенство им овладело; мысль, что этот молодой человек есть его соперник, что Камилла — изменница, взволновала его душу; он побежал вслед за незнакомцем; долго за ним гнался и, наконец, потерял его из виду. Несчастный Лотер, вне себя от ревности, спешит к Ансельму, будит его и говорит:

— Мой друг! Давно скрывал я от тебя ужасную тайну: Камилла уже не Камилла; она готова быть преступницею, она обещала со мною видаться при первом случае твоего отсутствия. Притворись, будто едешь, спрячься в спальне жены своей и ты уверишься в ее преступлении, и накажешь изменницу.

Ансельм, бледный, как полотно, отвечал дрожащим и слабым голосом, что последует совету Лотерова. Горькие слезы ручьями лились по щекам его; несчастный не делал упреков своему другу-предателю; он просил удалиться на время.

Итак, Лотер уже раскаивался в своем поступке: любовь начинала побеждать его негодование. Он бы мог сим отмстить неверной, не поручая мщения оскорбленному супругу; не было другого средства исправить свою неосторожность, как все открыть Камилле. Он написал к ней письмо, наполненное укоризнами, в котором предостерег ее.

Леонелла пришла с ответом и растолковала все Лотеру. Лотер проклинал свою поспешность и не знал, что начать.

— Успокойтесь, — сказала служанка, — мы все переделаем; только будьте готовы идти к моей госпоже, как скоро приду за вами.

Между тем печальный Ансельм, сказав жене своей, что намерен ехать, уехал за город и через несколько времени тайно возвратился домой и спрятался в Камиллином кабинете. Камилла, зная, что он близко, ходила скорыми шагами по комнате, казалась беспокойною, останавливалась, вздыхала, разговаривала сама с собою. Вдруг изменившимся голосом она кличет Леонеллу и говорит ей:

— Принеси мне Ансельмов кинжал.

— Кинжал, сударыня? Помилуйте! На что вам кинжал?

— Делай то, что велят, и не умничай!

Леонелла приносит кинжал. Камилла с живостию вырывает его из рук служанки, вынимает из ножен, пробует острие и прячет его под платье. Потом, посмотрев на Леонеллу сверкающими от гнева глазами, говорит:

— Поди к Лотеру, к этому верному другу, который, забыв почтение, дерзко надеется обольстить меня. Скажи Лотеру, что его ждут.

— Ах, сударыня! — перехватила служанка притворно дрожащим голосом. — Подумайте, ради Бога, о том, что хотите вы делать — умертвить Лотера! Но достанет ли у вас на то сил? И как утаите убийство? Что скажет господин Анзельм? Поверит ли он настоящей причине мщения? Что будет с вашею честью, которой вы так дорожите, когда узнают об этом происшествии? Подумайте, какие опасности вас окружают!

— Что мне до опасностей! — воскликнула Камилла с жаром. — Я не знаю опасностей, не вижу гибели, когда идет дело о чести моего супруга. Предатель ругается над его дружбою, ругается над добродетелию. Накажем гнусного предателя! Иди за ним, Леонелла, и не противоречь мне более!

Хитрая Леонелла повиновалась. Анзельм вне себя от восхищения, от благодарности, от любви к *несравненной* супруге своей, чуть не бросился к ее ногам, но удержался, желая насладиться приятнейшим зрелищем; он обтер слезы, которые начинали катиться из глаз его, и остался в кабинете.

Лотер не замешкался. Камилла, увидя его, встала с места, схватила свой кинжал, и приставя его к сердцу, сказала:

— Остановись или увидишь меня мертвою у ног своих! Не смей приблизиться и выслушай меня в молчании.

Лотер! Давно ты осмелился открыть мне свою порочную страсть. Я давала чувствовать моему супругу, что ты предатель; но добрый Анзельм, слишком уверенный в твоём сердце, меня не понял: может быть, из почтения ко мне он не хотел понимать. Я решилась наказать тебя презрением, молчанием, непорочностию своего поведения; но, видно, мое желание было неудачно исполнено, видно, имеешь ты основательную причину презирать меня! Как бы то ни было, ты еще не оставил безумной надежды своей; ты забыл все, чем обязан добродетели, прежде любимой тобою дружбе, которой ты казался достойным, и продолжаешь меня преследовать. Такое постоянство, слишком для меня оскорбительное, вывело меня из терпения; я решилась все кончить, я обещала тебе награду; исполняю обещание, ты не должен бояться упреков: я твердо уверена, что всякая женщина сама виновна, если осмеливаются требовать от нее преступления. Ты надеялся победить меня; я виновна и должна себя наказать.

Она подняла руку, но так тихо, что Леонелла успела удержать ее. Конец кинжала скользнул по левому плечу; слегка оцарапал его, и алая кровь брызнула, и Камилла упала на паркет. Анзельм, увидя ее в крови, лишился чувств. Лотер, изумленный, трепетал и удивлялся гибкому притворству женщин. Он велел положить Камиллу на постель, послал за лекарем, а сам побежал к Анзельму.

Слепой, обманутый Анзельм позабыл самого себя от радости. Он беспрестанно повторял имя Камиллы, несравненной, целомудренной супруги своей. Лотер успокоил его на счет ее раны. Бедный Анзельм восхищался, называл себя счастливейшим человеком в свете, целовал своего друга, который не смел поднять своих глаз на него и внутренне терзался. Анзельм не заметил его унылого, мрачного вида, он побежал к своей Камилле, нашел ее в постели; притворился возвратившимся в город, наговорил ей тьму нежностей, и благодаря сей ужасной комедии, наши любовники продолжали еще несколько времени обманывать несчастного безумца, который, наконец, заплатил честию и жизнью за свое безумство и легковерие.

ГЛАВА XXXV

Ужасное сражение. Победа

Оставалось дочитать не больше пяти страниц в тетради, как вдруг услышали необычайный шум. Санко без памяти сбежал с чердака, на котором покоился Дон Кишот, крича во все горло:

— Сюда, государи мои! Сюда, государи мои! Сюда! Господин Дон Кишот дерется, как зверь. Он так ловко ударил мечом великана госпожи принцессы, что ссек ему голову, как репу.

— Что за вздор, Санко? — сказал священник, положив на стол тетрадь. — Великан, о котором ты говоришь, за две тысячи миль отсюда.

В сию минуту загредел на чердаке Дон Кишотов голос:

— Поймал! Поймал! Не упущу! Ты мой, бездельник! Миландран, твой меч тебе не защита!

Он шумел, топал ногами и рубил стены.

— Теперь поминай, как звали! — закричал Санко. — Этот безбожник отправился на тот свет: будет ему за его проказы! Кровь его разлилась по горнице, как красная река, а голова запрыгала и укатилась в угол: она — с добрый винный мешок!

— Пропал я! — завизжал трактирщик, ударив себя кулаком по лбу. — Конечно, этот сумасшедший Дон Кишот или Дон черт изрезал мои мешки с красным вином, которые остались на чердаке, а тот плут называет кровью бедное вино мое.

Побежали с огнем на чердак и увидели презабавную сцену. Победитель был в одной рубашке, довольно короткой спереди и слишком сзади. Взмогаясь на длинные сухие ноги свои, он имел вид грозный и величавый; голова его была покрыта колпаком, некогда красным; левая рука обвита одеялом, довольно известным Санке, в правой блистал меч-сокрушитель. В таком наряде герой наш, который смотрел во все глаза, как будто не сонный, храбрровал в своей горнице; он видел во сне великанов и рубил изо всей мочи несчастные мешки с красным вином, которое текло ручьями по полу. Трактирщик взбесился и чуть, было, не кинулся на рыцаря; Карденио, с помощью священника, его удержал. Доротея, прибежавшая посмотреть на сражение, тотчас возвратилась, увидя короткость одежды своего защитника. Напрасно трудились разбудить героя: он спал богатырским сном; наконец, цирюльник вздумал принести ведро свежей воды и вылить ее на Дон Кишота.

Между тем бедный Санко бегал туда и сюда по горнице, нагибался, заглядывал под кровати, шарил по углам, ища великановой головы; наконец, вышел из терпения, топнул ногою и сказал:

— В этом проклятом доме нельзя ни на что положиться! Все околдовано! Я видел, как упала и покатилась эта голова, как кровь побежала из нее ручьем, своими глазами видел, и теперь ничего нет, как будто и не бывало!

— Какая кровь? Что ты бредишь, безбожник, — закричал хозяин. — Разве не видишь, урод, что эта кровь и ручей не иное что, как мое красное вино, в котором тонет весь чердак! Чтоб тебе и с господином твоим так же утонуть в смоле на том свете!

— Все это хорошо, — твердил Санко, — но я видел сам, как голова катилась по полу; прощай мое герцогство, если не отыщу ее!

Герой наш рубил изо всей мочи несчастные мешки с красным вином, которое текло ручьями по полу.

Дон Кишот, между тем проснувшись, смотрел во все стороны с удивлением. Вдруг он падает к ногам священника:

— Принцесса, — говорит он, — совершилось! Гонитель ваш погиб; сия рука, с помощью Бога, повергла его в прах!

— Слышите ли, — закричал Санко, — великан в мешке! Завтра свадьба! И я завтра — с маленьким королевством!

— Я тебе дам королевство, проклятый бес! — загремел трактирщик. — Теперь не разделаешься со мною так скоро, как в последний раз: я принужу вас заплатить за каждую каплю вина моего.

— Да, за каждую каплю! — кричала трактирщица осиплым голосом, который отличался от прочих. — Эти разбойники все у нас перепортили: съели даром целый ужин, изорвали нашу рыжую бороду из бычьего хвоста и разлили наше прекрасное вино по полу; но им не уйти отсюда, не заплативши за все чистыми деньгами; как Бог свят, не уйти!

Ее дочь, не говоря ни слова, улыбалась, а милая Мариторна усердно помогала шуметь госпоже своей.

Священник все успокоил, укладши Дон Кишота в постель и дав слово трактирщику заплатить за все исправно. Доротея утешила Санку, что потеря головы исполиновой не лишит его королевства, которое сама обещала для него найти, прибрать и меблировать, как надобно. Восстановя порядок, священник и его слушатели возвратились на свои места, и чтение началось снова.

Легковерный Анзельм, счастливый заблуждением, жил вместе с своим вероломным другом и виновною Камиллою, не имея понятия о их предательстве. Камилла при Анзельме обращалась презрительно с Лотером: Лотер не жаловался на Камиллу; он довольно был ею награждаем; но Анзельм обвинял жену свою несправедливостию, хвалил ей беспрестанно своего друга и беспрестанно за него ссорился.

Леонелла, которой не смели уже отказывать ни в чем, стала безмерно дерзка и бесстыдна. Будучи наперед уже уверена в прощении после сцены с кинжалом, она каждую ночь принимала своего любовника у себя в горнице, отделенной простою перегородкою от Камиллиной спальни. В одну ночь Анзельм, проснувшись, слышит стук в комнате Леонеллы; он встает, вооружается, толкает дверь, и чувствуя сопротивление, выбивает ее, входит в горницу и видит мужчину, который вылезает в окно. Леонелла бросается перед ним на колени и говорит умоляющим голосом:

— Смягчитесь, милостивый государь! Смягчитесь! Это мой муж! Вы видели моего мужа!

Раздраженный Анзельм подымает кинжал на Леонеллу, которая в страхе, на коленях просит пощады, обещаясь открыть ему важную тайну.

— Говори теперь, — закричал Ансельм, — или я заколю тебя своими руками.

Леонелла умоляла его до утра отложить объяснение, клянясь, что все ему откроет; между тем уstraшенная Камилла звала своего супруга. Он запер Леонеллу в ее горнице, унес ключ с собою, и возвратясь, рассказал случившееся Камилле.

Камилла, ни живая, ни мертвая, была уверена, что Леонелла все откроет Ансельму. Нельзя описать ее ужаса! Что делать? Чем спасти себя? — Бегством. Камилла решилась бежать. Лишь только заснул Ансельм, она встала с постели; взяла свои бриллианты, кошелек с деньгами; отперла ворота на улицу, от которых имела у себя ключ, и еще до свету явилась в доме своего любовника. Лотер, разбуженный Камиллою в такое необыкновенное время, узнает опасность и, желая спасти свою любовницу, отвозит ее в ближний монастырь, в котором сестра его была настоятельницею, а сам, не сказавшись никому, не теряя ни минуты, выезжает из города.

Между тем Ансельм, не найдя подле себя Камиллы, удивился, испугался, вскочил и побежал искать ее; бросился в горницу Леонеллы, она была пуста, Леонелла ушла в окно. Ансельм бегал по всему дому, спрашивал о Камилле, никто не мог ему сказать, куда она делась. Он полетел к Лотеру: ему говорят, что Лотер, взяв с собою все свои деньги, уехал неизвестно куда. Больше изумленный, Ансельм возвращается домой; дом его был пуст, все его слуги разбежались, боясь, чтобы не почли их сообщниками Камиллы. Ансельм, оставленный женою, другом, своими людьми, целым миром, чуть не умер от горести. Он бросается на лошадь и едет к одному своему родственнику, имевшему деревню близ города, желая, по крайней мере, с ним разделить тоску свою. Не проехав двух миль, упадает он от слабости под дерево и обливает землю горькими слезами, не имея сил подняться.

Несколько часов он пробыл в таком жалостном состоянии. Вдруг один проезжий из Флоренции с ним поравнялся. Бедный Ансельм поклонился ему и спросил, нет ли какой новости в городе?

— Неожиданная новость, — отвечал путешественник. — Лотер, этот верный друг Ансельмов, увез его жену прошедшею ночью. Обстоятельства их связи узнали от Камиллиной служанки, бежавшей из дому и пойманной губернатором. Все говорят об этом приключении.

— Знают ли, — спросил несчастный, — по какой дороге поехали Камилла и Лотер?

— Никто не знает, сударь! Губернатор об этом разведывал, но без всякого успеха.

С сими словами проезжий удалился.

Анзельм, не сомневаясь больше в измене всего, что было ему дорого, дотащился кое-как до дому своего родственника. Он был бледен, как смерть, не мог держаться на ногах, глаза его были мутны. Вошедши в дом, сказал он хозяину, что нездоров, что хочет лечь в постель и остаться один. Исполнили его желание. На другой день родственник, беспокоясь, что он не шел долго, входит в его комнату и видит несчастного Анзельма, приподнявшегося с постели: голова его лежала на столе, в правой руке его было еще перо, перед ним находилась бумага. Родственник кличет Анзельма, ему не отвечают; испуганный его молчанием, его неподвижностью, он берет Анзельма за руку; рука была холодна, как лед; жизнь несчастного уже пресекалась: он умер с горести, писавши сии слова.

«Любопытство, безумное и виновное, стоило мне жизни и чести. Камилла некогда узнает о моей смерти; но пусть она узнает и то, что я, умирая, простил ее! Не обвиняю никого: я один преступник; я заслужил потерю друга и жены, подвергнув их неизбеж...»

Анзельм не мог написать более. Слух о его смерти скоро дошел до Камиллы. Он поразил ее. Камилла постриглась, мучилась совестью и недолго жила после несчастного супруга своего. Лотер, гонимый раскаянием, искал смерти на войне и скоро нашел ее. Таков был конец сих несчастных, которых одно безумное желание погубило навеки.

ГЛАВА XXXVI

Важные приключения в трактире

Чтение кончилось. Трактирщик, поглядевши в окно, увидел большую толпу проезжих и сказал:

— Нынешний день будет хорош, если эти путешественники у нас остановятся.

— Какие путешественники? — спросил Карденио.

Четыре человека верхом, с копыями, щитами, в черных масках²¹; посреди их женщина в белом платье и покрывале; за ними два человека пеших.

— Сюда, государи мои, пожалуйста сюда!

Путешественники остановились у ворот трактира. Доротeya закуталась в покрывало, а Карденио, не желая никого видеть, ушел на чердак Дон Кишотов. Маскированные незнакомцы казались молоды, имели прекрасную фигуру; они сошли с лошадей; один из них взял за руку женщину в покрывале и посадил ее на стул у самого входа на чердак. Все это делалось молча. Незнакомцы не снимали масок. Женщина

в покрывале, вздохнувши тяжело, упала на стул, с видом величайшей горести. Слуги повели в конюшню лошадей; священник последовал за ними, желая спросить у них, что значили сии оружия, сии маски, и для чего такая таинственность.

— Мы сами, — отвечал один из слуг, — знаем не больше вашего; не будет еще двух дней, как мы служим этим господам, которых ни разу в лицо не видали. По всему видно, что они — люди не простые. Тот, который привел молодую женщину в покрывале и посадил ее на стул, надобно думать, есть начальник, потому что ему одному повинуются. Что ж принадлежит до незнакомки, то лицо ее также нам неизвестно; во всю дорогу она плакала и вздыхала; никто не говорит с нею, не отвечает ей: эти господа без языка. Жаль бедной женщины! По платью можно догадаться, что она монашенка, бежавшая из монастыря, которую поймали и силою тащат назад.

Священник, не узнав ничего, возвратился. Доротея подошла к женщине в покрывале, которая сидела, задумавшись, и спросила у ней, не больна ли она? Не имеет ли в чем нужды? Один из маскированных, тот самый, которого слуги почитали начальником, отвечал Доротее вместо печальной незнакомки:

— Оставьте ее, сударыня! Она не стоит сожаления; не верьте ее словам; она...

— Я никогда, никогда не обманывала! — перехватила женщина в покрывале. — Ты это знаешь; ты сам мучишь меня за то, что не хочу преступить своей клятвы.

Сей голос поразил Карденио. Он затрясся, бросился в дверь и закричал:

— Она здесь! Она здесь!

Незнакомка оборотилась, затрепетала, хотела бежать в ту горницу, в которой послышался крик; ее удержали. Священник, испуганный исступлением Карденио, остановил его. Женщина в покрывале сронила его с головы, стараясь вырваться из рук своего притеснителя; в то же самое время свалилась маска с лица молодого человека; раздались восклицания. Доротея узнает Фернанда, Карденио — Люцинду. Карденио хочет броситься на своего предателя, но священник не выпускает его из рук. Доротея падает без чувств. Цирюльник спешит помочь ей и срывает с нее покрывало. Фернанд, взглянувши на нее, столбенеет от удивления и, не оставляя Люцинды, смотрит смутными глазами то на Карденио, то на Доротею.

Все молчали; страх, любовь, радость, негодование изображались на лицах; Доротея приходила в чувства; священник удерживал Карденио; Люцинда первая начала говорить:

— Еще время, Фернанд, — сказала она, — еще можно загладить прошедшее и возвратиться к добродетели. Ты знаешь, как недействительны твои обещания и угрозы; откажись добровольно от того, что отдано другому: вот мой супруг; ему принадлежит мое сердце и вечно принадлежать будет. Возврати ему меня, Фернанд, или сделай невозможным союз нам: вонзи кинжал твой в это сердце, в котором любовь к нему никогда не умрет; избавь меня от жизни, которая ужасна с тобою: смерть будет моим блаженством; она прекратит твои гонения; она докажет тому человеку, который один может быть мне любезен, что Люцинда не изменила ему до гроба.

Фернанд слушал, не говоря ни слова, потупя глаза, сморщив брови, не выпуская из рук Люцинды. Не успела она замолчать, как Доротея, бледная, изнуренная, с усилием притащилась к Фернанду и упала к ногам его.

— Ах! Милостивый государь, — сказала она, — было время, когда вы называли меня супругою. Не отвращайте глаз от несчастной, которая у ног ваших, узнайте Доротею! Вы нашли меня под неизвестным кровом моей хижины; я была невинна и спокойна, жизнь моя текла безмятежно: я наслаждалась счастьем; но я поверила вашим клятвам, и где мое счастье! Моя душа предалась вам, и с того времени я скитаюсь без защиты, с того времени я оставлена людьми, родными, не имею пристанища на земле, не имею радости в сердце; вы одни для меня во всем мире: последняя моя надежда есть сожаление того человека, который сам некогда умолял меня сжалиться. Фернанд! Что я вам сделала? За что погубили вы несчастную? За что осудили ее на вечный стыд и раскаяние? За что покрыли вы поношением седые волосы отца моего, старика добродетельного, вашего верного служителя, который почитал свою дочь единственным своим счастьем? И вы похитили у него это счастье. На краю гроба не видит он утешения, может быть, проклиная жизнь свою и просит от неба смерти! А я? Ах! Я в тысячу раз достойнее сожаления. Где моя невинность? Где мое внутреннее спокойствие? Где чистота души моей? Оставленная всеми, я скитаюсь по земле с моим несчастьем; взор человека приводит меня в смущение; стыжусь всех, кроме одного Фернанда! О Фернанд! По крайней мере, позвольте мне за вами следовать, я буду вас видеть и беспрестанно оплакивать свое заблуждение гибельное, но единственное во всей моей жизни. Позвольте мне быть вашею служанкою: сей милости прошу на коленях, обливая слезами ваши ноги. Вы мне обещали более: вы клялись перед лицом неба и добродетели быть моим супругом!

Все плакали, сам Фернанд был тронут, смущен и дышал с трудом; его лицо не так было угрюмо, его руки тряслись, глаза его, полные слез,

отвортились от Люцинды. Невольным образом он взглянул на Доротею, затрепетал и бросился подымать ее.

— Доротея! — сказал он с восторгом. — Ты победила! Я был злодей! Но я люблю еще добродетель.

Он прижал ее к сердцу. Люцинда, увидя себя на свободе, подбежала к Карденио, который, вне себя от любви и радости, лежал у ног ее, целовал их и обливал слезами. Он долго не мог поверить своему блаженству; долго почитал его мечтою расстроенного воображения; Люцинда одним взором его успокоила. Ах! Этот взор был так красноречив; этот взор возвратил ему все — и желания, и надежды, и прежнее блаженство его!

Фернанд, увидя Карденио подле Люцинды, покраснел, глаза его заблестали, рука его невольно взялась за шпагу; но Доротея, заметив сие движение, обняла своего супруга.

— Фернанд! — сказала она. — Или не можете возвратить мне счастья, не отняв его у других? Неужели отвратительна для вас картина добра, вами сделанного? Нет, нет, я знаю вас, знаю чувства души вашей, гордой, неукротимой, но благородной и нежной. Фернанд, ваш друг пред вами; от вас ожидает он своего счастья, от вас только может он получить его.

Священник и цирюльник присоединили свои просьбы к Доротеиным. Они описали похвалами Фернанда. Фернанд не мог долее противиться.

— Я побежден, — сказал он, — Карденио! Возвращаю тебе Люцинду, вы достойны друг друга! Я буду неизъяснимо счастлив, если несравненная Доротея простит мне мое заблуждение и позабудет все, кроме клятвы моей быть ее супругом.

Он обнимает колена Доротеи; потом, взглянув с улыбкою нежности на Карденио, подает ему руку. Карденио целует ее с восторгом и обливает слезами. Они обнимаются: все забыто. Ненависть и злоба исчезли, взоры любовников встречаются с удовольствием. Священник и Николас принимают участие в общей радости. Сам добрый Санко улыбается, обтирая слезы, которые, правда, лились не от радости, а от сожаления, что любезная Доротея не есть уже принцесса Микомикона.

Читатель, может быть, спросит, как очутились Фернанд и Люцинда в трактире? Осторожный Бененжели предвидел вопрос и заранее приготовил ответ. Вот его слова: Фернанд, по прочтении записки, найденной на груди у Люцинды, с досадою в сердце оставил город; но скоро потом узнавши, что Люцинда сокрылась из дому своих родителей, поехал ее отыскивать; нашел ее в одном уединенном монастыре и с помощью трех приятелей похитил; случай привел его и Люцинду в тот самый трактир, в котором остановились наши путешественники. Далее!

ГЛАВА XXXVII

Продолжение приключений знаменитой принцессы Микомиконы

Счастливые любовники благодарили небо за такое неожиданное счастье. Священник и Николас поздравляли их от доброго сердца; и сам трактирщик, уверенный, что ему заплатят за вино, принимал участие в общей радости. Один Санко был не доволен и печалился про себя, видя, что все надежды его лопнули, что маленькое королевство улетело, как дым, что принцесса Микомикона превратилась в Доротею, а великан в Фернанда. Добрый оруженосец, в крайней горести усердно вздыхая, пошел на чердак к своему рыцарю, который только что проснулся.

— Почивайте, сударь! — сказал он печальным голосом. — Нечего думать о великанах! Дело кончено.

— Я и надеюсь! — сказал Дон Кишот. — Ничто не может быть ужаснее моего сражения с огромным великаном. Одним махом отсек я ему голову: кровь лилась, как река, из туловища!

— Да, сударь, знаю, что вы отсекли голову мешку с вином, за которое трактирщик возьмет с нас деньги; знаю, что затопили весь чердак красным вином, а не кровью. Что ж касается до великановой головы, то не советую вам искать ее: не тут-то было!

— Что ты говоришь, Санко! С умом ли ты?

— С умом, да с сумой! Одевайтесь, сударь, одевайтесь! Увидите чудеса, начиная с королевы, которая оборотилась в крестьянку Доротею! В два часа много дел переделалось.

— Друг мой! Ничто не может меня удивить в этом гнездилище волшебства.

Санко помог одеться своему господину. Между тем священник рассказал Фернанду и Люцинде о сумасбродстве Дон Кишота, о его подвигах и о хитрости, которою выманили его из Сиерры Морены. Дон Фернанд очень смеялся и просил Доротею доиграть свою ролю, соглашаясь проводить рыцаря до самой Ламанхи, до которой не больше двухдневного пути оставалось. В ту самую минуту явился герой, вооруженный с головы до ног, со щитом на левой руке, в Мамбриновом шлеме, с копьем под мышкою. Дон Фернанд поглядел на него с любопытством и подивился этой странной фигуре, лицу в аршин длиною, худому, черному, иссохшему, цирюльничей лоханке, странным оружием, гордой и благородной важности, с какою подступил герой к Доротее.

— Красавица, прелестная в самой горести, — сказал он, — оруженосец мой возвестил мне, что ваше высочество теперь уже не то, что были

прежде; что ветреная судьба в одну минуту превратила вас из царицы в крестьянку. Родитель ваш царь Негроман²² ошибся, если это сделал в надежде воспрепятствовать мне возвратить вам корону. Хотя он и колдун, но в этом случае, прошу не прогневаться, ему не удастся перехитрить меня. Если б он, так как я, перечитал все книги о рыцарях, то, конечно бы, усумнился в том и не подумал, что нашему брату безделка — сорвать голову с великана. Я не хвастун! Я не хочу вам сказывать, что меч мой недавно пролил...

— Все мое вино, — закричал трактирщик, которому дон Фернанд велел замолчать.

— Довольно, — продолжал Дон Кишот, — не буду ничего разбирать в точности! Еще время; скажите слово, принцесса, и по телам ваших врагов, повергнутых во прах, взойдете на трон прародительский.

— Рыцарь! — отвечала Доротея с приятностию и хладнокровием, — не верьте клевете. Я все та же; какова была вчера, такова и нынче. Правда, сердце мое, прежде растерзанное тоскою, теперь спокойно и весело; но я сама нимало ни переменилась и не меньше надеюсь на силу грозной руки вашей: завтра поедем далее. Всеведение моего родителя несомненно: пославши меня к вам, он доказал его, как нельзя лучше. От вас зависит моя участь, и сии господа скажут вместе со мною, что встрече с вами я буду обязана своим счастьем.

Она замолчала. Дон Кишот поглядел на Санку, сказал ему грозным голосом:

— Плут, Санко, всякий день новое доказательство, что ты глупец и негодяй! Скажи мне, господин враль, от кого ты узнал, что эта прекрасная принцесса превратилась в крестьянку Доротею, что я дрался с винными мешками, что колдунья унесла голову исполина?.. Я не знаю, что мешает мне тебя наказать примерно для устрашения всех оруженосцев, обманщиков.

— Успокойтесь, милостивый государь! — отвечал Санко с покорностию. — Я могу ошибиться! Госпожа принцесса может быть настоящею принцессою, для меня же лучше. О великановой голове и мешках с вином не скажу ни слова; сами увидите, когда начнете лупить яйца, то есть когда придется платить вам по счету.

— Довольно! — перервал дон Фернанд. — Будем думать об одной принцессе, которой завтра надобно выехать; проведем ночь, как можно веселее, в этом замке; встанем с зарею и проводим господина Дон Кишота, чтобы иметь счастье быть свидетелями его подвигов и побед.

— Если не подвигов, — отвечал Дон Кишот, — то, по крайней мере, усердия и благодарности за ваше доброе мнение о моих слабых талантах.

Тут началось прежаркое сражение на комплиментах между Фернандом и Дон Кишотом. Оно было прервано прибытием нового путешественника.

Этот путешественник похож был на пленника, возвратившегося из Алжира. На нем был синий камзол с коротенькими рукавами, без воротника, длинные шаровары и шапка того же цвета, желтые сафьянные сапожки и сабля, привешенная к широкому кушаку. За ним ехала на осле женщина в покрывале, в штофном головном уборе²³ и в длинном платье. Пленник, высокий ростом, как видно, был уже сорока лет от роду; имел смуглое лицо, длинные усы, черную бороду и благородную физиономию. Он просил трактирщика очистить для него и для мавританки особенную горницу. Но трактирщик сказал ему, что все горницы были заняты. Сей ответ огорчил незнакомца. Он взял на руки свою спутницу, внес ее в горницу и посадил на стул. Доротея, Люцинда, хозяйка, ее дочь и Мариторна окружили незнакомку, которой платье возбудило их любопытство. Доротея, всегда услужливая, сказала мавританке, что она и ее подруга (показав на Люцинду) готовы разделить с нею свою тесную горницу. Мавританка встала со стула и, не снимая покрывала, не говоря ни слова, поклонилась Доротее, положив крестом руки на грудь. Пленник отвечал за нее:

— Милостивые государыни! Извините иностранку; она еще не знает по-испански и не может сама благодарить вас за ваши одолжения.

— Позвольте спросить, государь мой! — сказала Доротея. — Госпожа эта — христианка?

— Она христианка в сердце; она оставила свое отечество, Алжир, где ее фамилия почитается одною из первых, в надежде получить крещение.

Сей ответ возбудил желание узнать историю пленника; никто, однако ж, не смел отягощать его вопросами. Доротея села подле незнакомки и взяла ее за руку, прося поднять покрывало, мавританка посмотрела на пленника, желая знать, чего от нее хотели. Пленник сказал ей несколько арабских слов; она сдернула покрывало, и увидели такое милое, прелестное лицо, что сама Доротея предпочла ее Люцинде, а Люцинда в то же время сделала сравнение, не весьма выгодное для Доротее. Все окружили мавританку. Дон Фернанд желал узнать ее имя. «*Алзафанда*²⁴», — отвечал пленник. При этом слове мавританка, угадавши вопрос, воскликнула с живостью: «*Нет Заранда. Мария! Мария!*» Эта милая пылкость пленила и тронула зрителей. Люцинда поцеловала прелестную иностранку, сказавши ей: «*Так, Мария! Мария!*» Мавританка сама приласкалась к Люцинде и повторила: «*Мария! Мария! Заранда маканже*», что значило: не хочу быть Зарандою.

ГЛАВА XXXVIII

*Дон Кишот говорит речь*²⁵

Солнце скрылось. Приготовили прекрасный ужин; сели за длинный стол. Несмотря на отговорки рыцаря, принудили его занять первое место. Он не хотел разлучиться с принцессою, которая была под его покровительством, и посадил ее подле себя. За Доротеею следовала Заранда, Люцинда, священник и Николас, а на другой стороне против них сели дон Фернанд, Карденио, пленник и товарищи Фернандовы. Ужин был приятен: Дон Кишот веселил компанию. Не успел он сесть на стул, как, посмотря вокруг себя с важностию, сказал:

— Государи мои! Подивитесь игре случая, соединившего в одном месте и в одно время столько людей необыкновенных, различных состояниями, но везде равно славных. Не говоря о достоинствах каждого особенно, спрашиваю, кто бы мог подумать, что эта госпожа, сидящая подле меня, есть великая королева, которой судьба нас трогала и удивляла, что я тот самой рыцарь *Печальной фигуры*, который не всегда бывает забыт славою! Кого благодарить, государи мои, за сие необыкновенное соединение чудесностей? Конечно, странствующее рыцарство, сие звание благородное, которое выше всех других званий своею трудностию и опасностями, с ним неразлучными.

Я не дикарь, загрубевший, необработанный; люблю и почитаю словесные науки; но скажите, кто осмелится предпочесть их науке воина или даже сравнить с нею. Правда, ученый человек наставляет, просвещает своих ближних, вливает в сердце нежность, в душу благородство, *учит* нас справедливости: высокое, священное звание! Посмотрим на воина: нас он *не учит*, а *заставляет* быть справедливыми; он сохраняет мир — первейшее благо смертных, мир, столь приятный и необходимый для нашего блаженства, что великий учитель наш заключил все должности, все награды и надежды человека в здешнем свете в одном утешительном слове: *мир с вами!* Сей мир, вожденный и кроткий, дар самого неба, есть главная цель войны. Воин, стремясь к этой цели, должен назваться полезнейшим человеком в свете.

Героя слушали внимательно и с удовольствием: большая часть из сидевших за столом были военные люди; они признавались, что рыцарь совсем не сумасброд по разговорам. Санко, стоявший назади своего господина, напрасно увещевал его кушать, а не проповедовать; рыцарь, видя, что его красноречие производило свое действие, продолжал:

— Теперь рассмотрим, могут ли труды ученого сравниться с трудами воина. Соглашаюсь: ученый человек нередко бывает гоним неве-

жеством, грубою завистию; не говорю о горестной необходимости кланяться богатым подлецам, продавать им свой талант, жертвовать им своею гордостью: душа благородная предпочтет нищету унижению. Со всем тем, однако ж, он имеет время спать, трудиться, философствовать на свободе в своей укромной хижине и презирать гордых миллионщиков за умеренным столом своим.

Случай, правда, необыкновенный, возводил иногда ученого человека на степень чести, которой он достоин; фортуна, сама удивленная своим нечаянным благодеянием, тогда осыпает его лучшими дарами своими, дает ему силу, власть, сокровища; он счастлив, забывает прошедшие труды и наслаждается в тишине плодами своего трудолюбия.

Воин более страждет. Он гораздо беднее, несчастнее. Зимой лед и снег составляют его ложе. Летом не имеет он крова, терпит голод и усталость. Он невольник настоящей минуты; не смеет ничего ожидать от будущей. Он бросается из опасности в опасность, получает рану за раной, и жизнь его нимало не делается сноснее. Не говорю о смерти, которая, как тень, за ним следует. Нет числа ее жертвам! Говорю только о тех, которые, неизвестно каким чудом, спасаются от когтей ее, которые, вчера вышед из сражения, нынче вбегают на подкопы, уверены будучи, что взлетят на воздух через минуту. Говорю о тех, которые с галеры бросаются на галеру неприятельскую с пистолетом в одной руке, с саблею в другой, видят вокруг себя гремящие раскаленные жерла, кипящую пучину и бесстрашно бегут по доскам, на которых дымится еще кровь их товарищей. Какая награда их ожидает? — Забвение. Ученый имеет две тысячи соперников, а воин-победитель — тридцать тысяч. Отечество не может всех наградить; он это знает и служит отечеству, и не ужасаясь, летит погибнуть от смертоносных машин, изверженных адом на то, чтобы разить неустрашимого отдаленными ударами робкого, чтобы угасить мужество, если только мужество угаснуть может! Изобретение страшное, достойное проклятия! Признаюсь, иногда мысль о нем распаляла меня раскаиваться в выборе моего звания. Ужасно погибнуть от горсти пороха такому человеку, который один мог бы разогнать целое войско! Но воля Вышнего да будет, не боюсь рока! Больше опасностей, более славы!

Дон Кишот замолчал и начал есть. Все ему удивлялись, все сожалели, что этот человек, столько умный и умеющей так хорошо изъясняться, терял ум, как скоро начинал говорить о рыцарстве. Священник уверил его, что, несмотря на свое звание ученого человека, был он внутренне с ним согласен. Отужинали. Хозяйка и Мариторна приготовили для Доротеи, Люцинды и Заранды лучшую горницу в трактире. Фернанд, любопытствуя знать покорооче пленника, просил его рассказать

свою историю. Пленник охотно согласился удовлетворить его любопытство и начал таким образом:

ГЛАВА XXXIX

*История пленника*²⁶

Я родился в горах Леонских. Отец мой имел посредственное состояние. Он привел его в беспорядок излишнею расточительностию, к которой приучила его военная служба. Любя услуживать, нередко забывал, что имел трех сыновей взрослых и готовых играть ролю в свете. Несмотря на то, мы были ему любезны; добрый старик, щедрый против своей воли, увидел, что слабость его неизлечима, и решился лишить себя средств удовлетворять ее. Он призвал нас, меня и моих братьев, к себе и сказал нам: «Дети мои! Вы знаете, что я люблю вас, как нельзя больше, но чувствую, что не все то делаю, что обязан делать нежный и добрый отец. Я доволен сердцем своим, а не поступками. Я разоряю вас. Что делать, не умею быть бережливым! Но вот что велит мне мой рассудок и отеческая нежность: я разделю на четыре равные части остаток своего имения; каждому из вас даю по одной части, себе оставляю четвертую. Позвольте прибавить к сему бедному наследству совет родительский. Есть старинная испанская пословица: богатство живет или *на море*, или *в церкви*, или *при дворе*. Сердечно желаю, чтобы один из вас выбрал звание духовного человека, другой записался в купцы, а третий в военную службу. Слабый кредит не позволяет мне поместить вас ко двору. Вы пойдете по трем разным дорогам к счастью; кто-нибудь из вас, верно, найдет его: счастливый брат поможет несчастным братьям и сам будет от того счастливее. Таков, любезные друзья, совет старика, отца вашего. Подумайте об нем».

Я, как старший, должен был говорить первый. Я сказал батюшке, что он напрасно лишает себя своей собственности: что мы, будучи воспитаны как нельзя лучше, можем сами поддержать себя. Я заключил тем, что избираю военную службу. Средний брат сказал, что едет торговать в Индию; а младший, и верно, самый рассудительный, просил позволения кончить курс наук своих в Саламанке, предпочитая духовное звание.

Батюшка нас обнял. В несколько дней он продал все, что имел, и разделил с нами деньги. Всякий из нас получил по три тысячи червонцев золотом; столько ж осталось батюшке на его содержание. Мы были тронуты до слез, видя, что старик отдавал последнее своим детям и оставлял себе такую малость. Не сговариваясь, принесли мы к нему

свои деньги и принудили его взять третью долю из части каждого; добрый старик отговаривался долго, спорил, наконец, принужден был взять. Мне меньше всех были нужны деньги; я отдал ему еще половину из того, что мне осталось. Имея тысячу червонцев, я мог назваться Крезом²⁷. На другой день мы с ним простились, поплакали, обняли друг друга; один поехал в Саламанку, другой в Севиллу, а третий, то есть я, в Аликанто²⁸, где намерен был сесть на корабль и плыть в Геную. Двадцать два года как мы разлучились. В это продолжительное время я несколько раз писал к батюшке и к братьям; но моя жестокая судьба лишила меня средств получать от них известия.

Доехавши благополучно до Генуи, отправился я в Милан, где снабдил себя всем нужным для солдата²⁹. Узнавши, что герцог Альба идет во Фландрию³⁰, последовал я за ним³¹, имел счастье отличиться и был награжден чином поручика. Разнесся слух, что Папа, испанский король и Венеция посылают Жуана Австрийского против турок³²; я полетел в Италию под знамена Жуановы; был в нескольких сражениях против неверных; получил капитанский чин и отличился на той славной Лепантской баталии, на которой оттоманская гордость пала пред мужеством христиан. Но, увы! Один я был несчастен в этот славный день. Смелость меня погубила; кинувшись в неприятельскую галеру с обнаженной саблею, разлучился я с своими, галера удалась, солдаты мои не могли подать мне помощи. Скажите, что мог я сделать один, окруженный множеством неприятелей, покрытый ранами? Я был взят и обременен цепями. Мои победители уже спасались бегством; день славы нашей был днем моей гибели; день, избавивший пятнадцать тысяч христиан от неволи, стоил мне свободы.

Меня отправили в Константинополь, водили с галеры на галеру, тиранили, как колодника, осужденного на греблю. Перебывавши в руках у многих господ и несколько раз пытавшись без всякой удачи сбросить с себя цепи, я достался, наконец, жестокому Азану, алжирскому дею³³. Он отвез меня в Алжир. Не желая отяготить братьев и батюшки моим выкупом, я надеялся хитростию возвратить свою свободу; мои усилия остались тщетны. Я сидел в тюрьме, которую мавры называют *банья*³⁴ и в которой содержатся пленники из христиан и деевы невольники, употребляемые в публичных работах. Дей Азан, узнавши, что я служил капитаном в испанской армии, приказал включить меня в число невольников, назначенных для выкупа. Напрасно твердил я о своей бедности; меня не послушали и посадили в банью; несколько испанцев были заключены вместе со мною. Наши дни проходили в тоске и унынии. Голод, бедность и цепи не столько нас мучили, как тиранство Азана, который часто без всякой причины сажал на кол и

терзал несчастных христиан, своих невольников. Он жаждал их крови; только раз в жизни был он милостив к одному испанцу, солдату Сааведре*, который из любви к свободе подвергал себя жесточайшим наказаниям и ужасал неверных своею смелостию. Я бы мог очень много рассказать об этом солдате, но боюсь вам наскучить.

Наконец Провидение сжалилось над нами; Оно спасло нас. Я никогда не перестану почитать сего спасения чудом Его благости.

ГЛАВА XL

Продолжение истории пленника

Подле нашей тюрьмы находился дом одного знатного и богатого мавра. Окна сего дома, чрезвычайно узкие, с решетками, были обращены к нам на двор. Однажды я оставался в баньи один с тремя товарищами; другие невольники отведены были на работу. Мы бегались взапуски от скуки. Вдруг, поднявши нечаянно глаза, увидел я, что решетка одного из узких окон немного растворилась, и по стене спустился узелок, привязанный к шнуру. Я указал на него одному из моих товарищей; он подбежал к окну: узелок быстро поднялся вверх. Товарищ мой возвратился с печальным видом назад, и узелок спустили на прежнее место; другой и третий подходили к нему без успеха: я подошел в свою очередь, и узелок упал к ногам моим. Я развязал его и нашел в нем десять золотых монет. Можете вообразить, как обрадовался несчастный пленник, забытый миром и лишенный необходимого; можете вообразить, с каким восторгом благодарил он сего невидимого благодетеля, который подавал ему руку помощи, который так ясно доказал, что ему, а не другому, хотел благодетельствовать. Я посмотрел со вниманием на решетку: рука белая, как снег, ее затворила; мы уверились, что неизвестный благодетель была женщина, и низко поклонились ей, положив крестом руки на грудь по обычаю мавров. Через минуту решетка опять растворилась; нам показали крестик, сделанный из тростника, и тотчас опять затворили окно. Мы подумали, что христианка жила в этом доме и пеклась о своих братьях; но белизна руки, но алмазные браслеты, украшавшие прекрасную руку, противоречили нашему мнению.

Теряясь в заключениях, мы не сводили глаз от окна; целые две недели оно не открывалось; в это время мы только успели узнать, что

* Этот Сааведра должен быть сам Сервант. Смотри его «Жизнь». Том I (прим. В. А. Жуковского. — *Ред.*).

этот дом принадлежал богатому алжирцу Ажиморато³⁵, бывшему лапатскому алкаду³⁶ (важное достоинство). Мы уже теряли надежду опять увидеть снурок благодетельный, как вдруг он явился опять с узлом, который казался больше и полнее. Опять те же опыты, опять я один получил преимущество. В узле нашлось сорок золотых ефимков с письмом на арабском языке, внизу которого начертан был крест. Я поцеловал крест и платок, подал знак, что прочту письмо, и та же белая, прекрасная рука затворила опять решетку.

Сие вторичное благодеяние не меньше первого нас обрадовало; но мы не знали по-арабски, а надобно было прочесть письмо. Долго искали мы человека, достойного нашей доверенности; наконец, я решился вверить свою тайну одному ренегату из Мурции³⁷, который отменно был ко мне привязан во все время моего заточения и ждал от меня преважной услуги: свидетельства в том, что я признаю его честным человеком, искренно желающим принять обратно свою религию. Ренегаты нередко употребляют во зло такие свидетельства. Они спасают ими жизнь свою, попадаясь в руки христиан, которых разбивают на море. Но мой ренегат, казалось, был честный человек; я дал ему свидетельство, и сомнения мои кончились. Совершенно завися от меня, он не мог быть моим предателем: он был бы живой брошен в огонь, если бы открылась его тайна. Я отдал ему свое письмо. Ренегат прочел его про себя, потребовал пера и чернил, перевел его слово в слово и отдал мне перевод, сказавши прежде, что *Лела Мариен* значило *Дева Мария*. Вот содержание письма:

«У батюшки была невольница, которая научила меня читать по-арабски молитвы христиан и любить добрую Лелу Мариен. Я была еще ребенок, но умела уже чувствовать. Христианка умерла. Знаю, что Алла взял ее к себе, потому что она дважды мне являлась и сказывала, что Лела Мариен меня любит и мне советует перейти к христианам. Не знаю, как это сделать. Ты, кажется мне, честнее всех пленников. Я очень хороша собою, молода и богата; подумай, не можешь ли увезти меня в свою землю и на мне жениться? Не обмани бедной девушки. Лела Мариен тебя накажет. Боюсь, что ты не разберешь письма; не показывай его маврам; они все изменники, они все откроют батюшке, и он велит меня живую бросить в колодезь. В следующий раз привяжи к моему снурку ответ; если не знаешь по-арабски, изъяснись знаками; Лела Мариен все мне растолкует. Лела Мариен да сохранит тебя, да поможет тебе. Алла и этот крест, который часто я целую, как советовала мне христианка-невольница».

Можете вообразить нашу радость по прочтении письма. Ренегат, которому было все известно, обнадежил нас и поклялся быть нашим помощником. Он написал от меня письмо к благодетельной мавритянке, в котором я благодарил ее за себя и за своих товарищей; уверял, что мы все готовы ей пожертвовать жизнью; что с сей же минуты начнем думать о средствах удовлетворить ее желание; и клялся, именем Бога и чести, жениться на ней по приезде своем в Испанию.

Свернувши письмо, я ждал минуты, в которую покажется из окна снурок. Через два дни его опустили. Я взял узел, в котором уже было пятьдесят золотых ефимков, и привязал к снурку письмо. В ту же ночь и ренегат, увидевшись с нами, сказал, что владетель сего дома точно был Ажиморато, богатый алжирец; что он жил в нем один с невольниками и с дочерью Зарандою, наследницею несметных сокровищ его, и столько славною своими прелестями, что многие африканские вицерои не раз требовали руки ее. Сверх того узнал он, что Заранда воспитана одною невольницею-христианкою, которая умерла очень недавно.

Все было согласно с письмом и с прежними известиями. Мы стали советоваться с ренегатом о средствах бежать и увезти с собою нашу благодетельницу. Он отвечал нам за успех; но мы рассудили, что, не получив от Заранды ответа на письмо наше, не надобно было ничего начинать. Снурок явился через четыре дни с двумястами золотых ефимков и с следующим письмом, которое ренегат тут же и перевел нам.

«Не знаю, как нам уехать из Алжира. Я просила добрую Лелу Мариен научить меня; но Лела Мариен ничего мне не сказала. Вот что я вздумала³⁸: выкупи себя и своих друзей; от меня получишь деньги. Пускай один из вас поедет в Испанию, возвратится с баркою и увезет своих товарищей и меня. Последнее нетрудно сделать: я и батюшка переезжаем на лето в загородный сад, который на самом берегу моря у Бабацонских ворот³⁹. Очень бы хорошо было, если бы ты, а не другой, поехал за баркою, потому что я верю твоему слову; сдержи его; Лела Мариен не любит обманщиков. Прости, христианин; Алла да сохрани тебя».

Всякий из нас вызывался ехать в Испанию за судном; но ренегат нашел это средство неверным.

— Друзья мои, — сказал он, — и самый честнейший человек может иногда не выдержать опыта. Нередко бедные невольники, скопивши с трудом несколько денег, поручали их верным людям, посылали их в свое отечество, ждали, надеялись — и бывали обмануты. Это несчастье

недавно случилось с вашими одноземцами. Подробности его ужасны*. Лучше поедем все вместе. Я куплю на ваши деньги барку, которую вооружу, будто для торговли. Правда, нелегко мне будет получить на это позволение, мавры не верят ренегатам; но я возьму в половину с собою одного алжирца, своего приятеля, и начальствуя судном под его именем, без труда найду способ увезти вас и Заранду.

Мы послушались ренегата. Я написал к Заранде, что наше дело началось, что от нее зависел его успех и окончание; возобновил свои клятвы и получил от нее дни через два три тысячи золотых ефимков, из которых отдали одну часть ренегату. Немного спустя мавритянка дала нам знать, что в будущую пятницу поедет с отцом в приморский сад. В минуту я себя выкупил с помощью одного купца, испанца, который, для виду, ссудил меня осмыюстами червонцев (сумма, которой требовал дей). Мои товарищи выкупили себя с такой же предосторожностью, и благодаря великодушной Заранде, мы получили свободу накануне ее отъезда в сад.

ГЛАВА XLI

Конец истории пленника

Между тем ренегат приготовил прекрасное судно, в котором легко могли поместиться тридцать человек. Чтобы лучше обмануть мавров, он несколько раз объехал берега с своим товарищем. Он часто останавливался в заливе, находившемся под самым садом Заранды, нередко заходил в него за плодами, в которых Ажиморато никому не отказывал. Между тем я склонил на свою сторону двенадцать испанских гребцов, смелых и верных, неустрашимых, которых привязал к себе подарками. Все было готово; я приказал им сойтись в следующую пятницу около вечера у самого сада, один по одному, разными дорогами, и ждать меня в назначенном месте. Оставалось предупредить Заранду, чтобы дать ей время изготавиться к отъезду и не испугать ее своим нечаянным явлением.

Я сам пошел в сад, будто за травами. Первый человек, попавшийся мне навстречу, был старик Ажиморато, который меня спросил на смешанном арабском и кастильском языке, употребляемом в Варварии⁴⁰, зачем я пришел в сад.

— Я невольник арнаута Мами! — отвечал я. — Знаю, что вы друг моему господину, и надеюсь, что позволите мне взять немного салату.

* Сервант говорит здесь о том, что случилось с ним самим в Алжире. Смотри его «Жизнь» (прим. В. А. Жуковского. — *Ред.*).

В эту минуту явилась Заранда. Я никогда ее не видывал; но сердце сказало мне, что это она. Не могу вам описать своего первого, неизъяснимого чувства; скажу только, что не красота ее привела меня в восторг; нет, мое сердце билось от любви, почтения и благодарности к сему ангелу-избавителю. Я дивился ее прелестям; но Заранда, и не будучи прелестною, показалась бы мне божеством в эту минуту. Я скрыл волнение души своей. Заранда шла тихо. Ажиморато кликнул ее.

Мавры, столько ревнивые между собою, охотно показывают жен и дочерей христианам. Я смотрел с некоторым благоговением на милую невинность, которая во всей красоте стояла передо мною: Заранда была очаровательна в своей пышной мавритянской одежде, с обнаженными ногами, белыми, как снег, с видом любезной, натуральной стыдливости, которая разливала румянец по щекам ее и потупляла черные глаза ее в землю! Вытерпев так много, она пленила вас в простой одежде; что ж если б видели ее в ту минуту?

— Этот христианин, — сказал ей Ажиморато по-арабски, — невольник арнаута Мами.

— Для чего ж тебя не выкупят, христианин, — спросила меня Заранда на худом, смешанном языке.

— Я уже выкуплен! — отвечал я. — Но денег за меня не могли заплатить до нынешнего дня; господин мой требовал тысячи пяти сот *сольтамисов*⁴¹.

— Как мало! Когда бы ты был мой, то не отдала бы тебя за тройную цену. Вы все, христиане, притворяетесь бедными, чтобы лучше обмануть нас, мавров.

— Я не способен обманывать; давши слово, не могу не сдержать его. Заранда покраснела, потупила глаза и спросила нежным голосом:

— Когда ты едешь, христианин?

— Может быть, завтра, на французском корабле, который завезет меня в Испанию.

— Для чего ж не на испанском; французы, я слыхала, вас не любят.

— Правда; но я спешу возвратиться в свое отечество, спешу видеть любезных моему сердцу.

— Конечно, ты женат и хочешь скорее увидеться с женою?

— Нет, я не женат еще; но привязан клятвою к одной девушке, милой, несравненной, которую люблю больше своей жизни и на которой женюсь по приезде в Испанию.

— Хороша ли твоя невеста?

— Как ангел! Как вы!

— Поздравляю тебя, христианин, — перехватил Ажиморато, улыбувшись, — дочь моя — первая красавица в Алжире.

В сию минуту прибежал один невольник, крича:

— Берегитесь, четыре турка вскочили в сад и обивают деревья!

Старик и дочь его испугались. Мавры очень боятся турецких солдат, которые чрезвычайно грубы с ними.

— Дочь моя, — сказал Ажиморато, — поди домой, я прогоню этих разбойников; а ты, христианин, нарви сколько хочешь салату. Алла с тобою!

Он побежал к туркам и оставил меня одного с Зарандою. Красавица, поглядев на меня томными глазами, в которых сверкали слезы, сказала таким голосом, который и теперь еще отзывается в моем сердце:

— *Амекси*, христианин, *амекси* (что значило: ты едешь, христианин, едешь?)

— Ни за что в свете не поеду без тебя, моя Заранда! В пятницу ночью приду за тобою с своими товарищами. Не испугайся нас. Мы в ту же минуту поплывем в Испанию; там Заранда получит мою руку, будет счастлива и вечно любима мною.

Слова сии были сказаны по большей части знаками. Заранда поняла меня, залилась слезами, подала мне руку, которую прижал я к сердцу, оперлась на мое плечо и пошла назад к дому. Я шел подле нее, смертельно боясь, чтобы отец ее не встретился с нами. В сию минуту он показался. Заранда затрепетала, побледнела и повисла на руках моих. Добрый старик, видя, что его дочери дурно, подбегает к ней, берет ее на руки, проклинает разбойников, испугавших его милую Заранду, и старается привести ее в чувство. Заранда, открыв глаза, вздыхает, ищет меня глазами и говорит: «*Амекси*, христианин, *амекси!*»

— Успокойся, моя милая, — сказал ей отец, — этот христианин — добрый человек; турок уже выгнали из сада.

Я простился с стариком, который благодарил меня с добросердечием за помощь, поданную Заранде, позволил мне выбрать лучшие травы в саду своем и увел дочь с собою.

Долго ходил я около дому, будто собирая травы; а вместо того замечал входы и выходы, обошел весь сад и возвратился к своим товарищам, которым сообщил свои замечания.

Наконец наступил день счастья и свободы. Ренегат с своим судном уже стоял близ загородного сада. Двенадцать испанских гребцов ждали меня в назначенном месте, не зная своего дела, но ко всему приготовясь. Город был заперт, день скрылся, берег опустел. Мои три товарища не знали, что делать прежде: взять ли Заранду или овладеть баркою ренегата, в которой мавры были гребцами. Ренегат решил наши сомнения:

— Вы теряете драгоценное время, — сказал он, — мои гребцы спят, лишим их свободы, после пойдем к Заранде.

Мы согласились с ренегатом: он вскочил в судно с обнаженной саблей.

— Покорность и молчание! — закричал он по-арабски. — Или в минуту все погибнет!

Гребцы, не слишком смелые, видя своего капитана, грозящего им смертью, и с ним множество христиан, вооруженных и бесстрашных, сдались, не противясь, не говоря ни слова, и приняли оковы. Шестеро из гребцов остались с ними, остальные вместе с ренегатом пошли за мною в сад.

Мы отворили дверь без малейшего шума и очень тихо приблизились к дому. Заранда ждала нас у окна; увидя идущих, она спросила тихим голосом:

— Вы ли, *назеряне*^{42?}

— Мы, — отвечал я.

Она сошла вниз, отворила дверь и явилась перед нами с видом очаровательной невинности, в сиянии красоты, как ангел, слетевший с неба. Я принял ее на коленях, мои товарищи также. Я взял ее за руку и повел из сада; но ренегат остановил нас и спросил по-арабски у Заранды, не здесь ли отец ее.

— Здесь! — отвечала Заранда. — Он почивает в своей горнице.

— Увезем его с собою, — сказал жадный ренегат, — возьмем его сокровища.

— Нет! — вскричала Заранда. — Не трогайте отца моего! За что хотите оскорбить старика? Сокровищ у меня довольно, я могу всех вас обогатить. Подождите меня, я возвращусь в минуту.

Она оставляет мою руку и уходит в дом. Не понимая ни слова из того, что было сказано, я пожелал знать, за чем ушла Заранда, и узнавши, насилу мог скрыть свою досаду на ренегата.

— Почтение, покорность Заранде! — закричал я. — Клянусь умертвить первого, кто осмелится не послушать ее.

В эту минуту она возвратилась, таща через силу ящик, наполненный золотом и дорогими камнями.

По несчастию, шум, ею сделанный, разбудил Ажиморато, который, выглянув в окно и узнавши христиан, закричал: «Помогите! Помогите! Разбойники! Христиане!»

Мы испугались, Заранда упала в обморок; я подхватил ее на руки и побежал с нею из сада, не заботясь о том, что происходило позади меня. Я бросился в барку, товарищи мои в беспорядке теснились вокруг нее, стараясь поместиться скорее. Мы сели, подняли якорь и поплыли. Тут только увидел я, что Зарандин отец, связанный веревкою, был с нами. Ренегат, испуганный его криком, бросился к нему в горницу,

принудил его замолчать и следовать за собою в барку. Такое насилие было мне противно; я приказал освободить старика; но ренегат, поглядев на него с яростию, велел ему сидеть смирно и молчать, если хотел остаться жив.

Заранда, увидев отца, закричала и закрыла свое лицо руками. Ажиморато, который не смел ни говорить, ни тронуться, смотрел на нее глазами, исполненными нежнейшей любви, вздыхал и не мог понять, как дочь его, которую держал я в своих объятиях, могла меня не бояться. Заранда, обливаясь слезами, подозвала ренегата и сказала ему, что бросится в море, если не возвратит свободы отцу ее. Ренегат изъяснил мне ее просьбу. Я хотел, чтобы в ту же минуту ее исполнили; но мы были на открытом море; возвратившись, могли подвергнуться неминуемой гибели. Ренегат и все мои товарищи отказались мне повиноваться, обещав, однако ж, не делать зла Ажиморату и высадить его на берег в первом способном месте. Я принужден был уступить. Заранда поняла, что отца ее удерживали против моей воли, и смотрела на меня со слезами; я сам заплакал. Чувствительная мавритянка, увидя мои слезы, села подле меня, взяла мою руку, приложила ее к глазам своим и начала молиться Леле Мариен.

Мои товарищи не жалели сил своих; барка летела, ренегат утешал Ажиморато и мавров-невольников скорым освобождением.

— Ах, христианин! — сказал Ажиморато. — Могу ли поверить словам твоим! На что ж похищали вы меня и дочь мою, когда хотите возвратить нам свободу. Говори яснее, сколько надобно за мой выкуп: я богат, уступаю тебе все свои сокровища, только возврати мне дочь мою, милую, добрую Заранду; она дороже мне жизни, сокровищ и всего на свете!

Слова сии произнесены были таким нежным и трогательным голосом! Несчастный отец с таким чувством смотрел на свою Заранду, что слезы катились по щекам его, он рыдал, как ребенок. Заранда, вскрикнув, бросается к старику на шею. Он берет милую дочь свою на руки, смотрит ей в лицо с неизъяснимою горестию, целует ее несколько раз, прижимает к сердцу, плачет с нею вместе и обливает ее слезами.

Через минуту, немного успокоясь, Ажиморато, взглянувши на Заранду, заметил, что она в богатом платье.

— Моя милая, — спросил он с удивлением, — что это значит: вчера, накануне сего страшного дня, ты была в простом платье? Как очутилась на тебе эта праздничная, богатая одежда, эти драгоценные камни, которыми отец твой любил тебя дарить в счастливейшее время?

Заранда покраснела, потупила глаза в землю и не отвечала. Старик, пуше удивленный, смотрел на нее в молчании. Вдруг увидел он ларчик,

в котором дочь его хранила свои сокровища и которого никогда не возила в загородный сад, а оставляла в алжирском доме.

— Заранда! — спросил он изменившимся голосом. — Как этот ларчик зашел сюда, скажи?..

Он не мог договорить, Заранда бледная, как смерть, дрожала и готова была упасть в обморок.

Ренегат отвечал вместо Заранды:

— Не приводите вашей дочери в замешательство такими вопросами, я буду говорить за нее: Заранда — христианка, она избавительница наша и едет с нами добровольно.

Ажиморато переменялся в лице, замолчал, поглядел на Заранду и спросил ее:

— Правда ли, что ты христианка, правда ли, что ты сама отдала отца своего в руки его неприятелей.

— Нет! Нет! — закричала Заранда, в слезах. — Никогда не приходило мне в голову огорчить моего доброго, нежного родителя! Я люблю его больше жизни!... Правда, я христианка! Лела Мариен приказала...

При этом слове старик вскочил, растолкал нас и бросился в море. Мы не успели удержать его. Заранда хотела кинуться за ним, но я схватил ее за руку. Между тем мои гребцы вытащили Ажиморато за платье, которое, распахнувшись, держало его на поверхности воды и мешало ему погрузиться; его скоро привели в чувство.

Море было беспокойно, ветер дул с противной стороны и нес барку нашу назад к Африке. Мы решились пристать к берегу, который далеко находился от Алжира, и бросили якорь в маленьком заливе, спокойном и безопасном для нашего судна. Мы не забыли предосторожности: расставили караульных, потом приготовили обед, отобедали; ветер переменялся, я напомнил моим товарищам их обещание возвратить свободу отцу Заранды и прочим маврам. Они согласились его исполнить: мавры, один за одним, были сведены с барки на берег и, к великому удивлению своему, оставлены на свободе. Старик не хотел сойти с судна; он поглядел на дочь свою и сказал нам:

— Христиане! Эта несчастная желает моей свободы; мое присутствие для нее ужасно; желая предаться всем беспорядкам, непозволенным в нашем законе, она приняла вашу религию. Дочь неблагодарная, — продолжал он, — жертва несчастная и ослепленная, ты оставляешь отца и следуешь за врагами своими! Поди, я проклинаю бедственный час твоего рождения! Погибни, моя любовь, моя родительская нежность! Для чего ты не умерла в пеленах, для чего я так заботился о твоём младенчестве, для чего находил такую прелесть в любви твоей!

Трепещи, Алла услышит вопли мои; небо еще не опустело: есть мститель за отцов несчастных; он поразит тебя моим проклятием!

Товарищи мои насильно увели старика. Дочь его заливалась слезами и едва дышала. Мы поплыли. Ажиморато, увидя, что барка тронулась с места, смягчился, начал плакать и закричал трогательным, умоляющим голосом:

— Возвратись! Возвратись! Уничтожаю свое проклятие! Сердце мое не проклидало тебя! Возвратись, моя дочь, моя милая дочь! Все забыто, все прощаю! Оставь им свое золото; возвратись, мое утешение: отец твой, кроме тебя, ничего не имеет, ты одна у него; никто на свете не любит тебя так много, как он! Дочь моя! Дочь моя! Возвратись! Я умру, если ты меня покинешь!

— Родитель мой! — отвечала Заранда в слезах и терзаниях горести. — Я люблю тебя, люблю больше всего на свете, готова жертвовать тебе жизнью; но Лела Мариен, мое спасение, мой закон повелевают мне тебя оставить. Прости, мой добрый родитель, я умру твоею Зарандою, кончаясь, буду благословлять тебя; но я должна ехать! Для чего не в моей воле умереть для твоего счастья!

Судно все удалялось, старик трепетал, бился, рвал на себе волосы. Вдруг упал он на колени, протянул руки к своей дочери, звал ее, умолял возвратиться. Ветер приносил к нам его голос; он скоро умолк. Берег начал теряться в отдалении, мало-помалу равнялся с морем и, наконец, исчез.

С ним исчез и горестный образ отца, приведенного в отчаяние. Заранда была вне себя, я боялся следствий; но утешения религии успокоили печальную. Наше судно летело, ветер был благоприятен, мы надеялись утром увидеть берега Испании; но, может быть, фортуна утомилась помогать нам, может быть, проклятие отца никогда не остается без действия, только мы едва не погибли. В темноте ночи наша барка встретила с кораблем и, конечно бы, разбила об него вдребезги, если б он, к нашему счастью, не своротил в сторону. Раздалось множество голосов с корабля; спрашивали по-французски, кто мы и куда едем? Ренегат, узнавши французов, не велел отвечать. Мы прошли мимо в глубоком молчании, поздравляя себя с благополучным спасением; вдруг загремели два пушечные выстрела, ядро ударило об нашу мачту, сломало ее и в самой барке сделало такую страшную скважину, что вода побежала в нее с удивительною быстротою. Мы начали кричать и требовать помощи; двенадцать французов с ружьями приплыли к нам в шлюпке, взяли нас и увезли к себе на корабль, говоря, что так управляют с нечестивцами.

У нас отняли все: браслеты, камни и все сокровища Зарандины достались во власть корсаров; однако, наша участь их тронула. Капитан, смяг-

ченный молодостию, красотою милой Заранды, подарил ей сорок золотых ефимков, дал нам маленький бот с небольшим количеством припасов и отпустил нас в Испанию. Берега ее были близко, мы скоро к ним пристали. Сия минута наградила нас за все прошедшие страдания. Мы бросились на берег, целовали, орошали слезами милую землю своего отечества и благодарили небо, сохранившее нас своим милосердием.

Не зная, в какое место привел нас случай, мы пошли по первой попавшейся нам дороге. Заранда не могла идти за мною от слабости; я нес ее на плечах. Мы увидели в стороне молодого пастуха, подошли нему; но пастух, бросив глаза на ренегата, испугался, закричал: «Мавры! Мавры!» и привел всю окружность в волнение. Скоро мы увидели множество конных⁴³, скачущих к нам во весь опор; мы остановились, дождались их и сказали им, кто мы таковы, как зашли в эту сторону и как избавились от неволи. Желал бы описать вам радость сих добрых людей; они бросились обнимать нас, плакали, смеялись и уступили нам лошадей. Начальник отдал Заранде свою. Мы с торжеством въехали в Малагу⁴⁴, прямо пошли в церковь, где набожность моей Заранды всех удивила и привела в слезы. Все наперерыв предлагали ей дома свои, ласкали, дарили ее чем ни попало. Мы прожили несколько дней в Малаге, потом, простившись, не без горести, друг с другом, расстались. Я купил осла для Заранды, а сам пошел за нею пешком в провинцию Леон. Теперь моя родина уже недалеко. Бог знает, жив ли батюшка, живы ли мои братья; надеюсь на милость Всемогущего, Он нас не покинет. Будь лишь Заранда спокойна и счастлива, с меня довольно! Ее счастье почитаю я своим: любовь и благодарность сделала его священным для моего сердца. Вы сами подивились бы кротости и терпению, с какими она сносит усталость и бедность. Я — проводник ее, отец, защитник, словом, все мое сердце принадлежит Заранде. Увы! Не знаю, найду ли хижину, в которой мог бы делить с нею и радости, и горести своей жизни; но я ни за что, никогда не покину ее.

Вот, милостивые государи, история моей жизни! Может быть, она показалась вам слишком продолжительною, извините: несчастные любят говорить о своих несчастиях.

ГЛАВА XLII

Еще встреча

Пленник замолчал. Все слушатели благодарили его. Фернанд, как богатейший из всех, предложил ему свой дом, уверяя, что сердечно рад помогать добрым и честным людям. Он сделал сие предложение

с таким непритворным добродушием, что пленник был тронут и принужден искать извинения своему отказу; он сказал, что нетерпеливо хочет видеть отца и братьев, и дал слово Фернанду прибегнуть к его помощи в случае нужды.

Ночь совсем наступила. Вдруг застучали у ворот; карета, окруженная верховыми, остановилась у трактира.

— Нет места, государи мои, — закричала трактирщица, — нет места!

— Как не быть места господину аудитору⁴⁵!

При этом имени трактирщица укротилась и начала говорить самым нежным и приятным голосом:

— Конечно, мы рады господину аудитору. Добро пожаловать! Я и муж охотно уступим свою горницу его милости.

Между тем аудитор в своей длинной одежде, с полосатыми рукавами, вышел из кареты и подал руку молодой пятнадцатилетней девушке. Она была в дорожном платье и пленила всех милою, прелестною физиономиею. Дон Кишот, стоявший у дверей, подступил к господину аудитору и сказал ему:

— Войдите, милостивый государь, в этот замок! он не велик; но в нем теперь собрались славнейшие воины и министры! Какие двери не отворятся перед сею прелестною нимфою! Ледяные горы должны растаять от ее взоров. Войдите, милостивый государь, звезда, сопутница ваша, найдет здесь несколько планет, которые не уступят ей в сиянии.

Аудитор остановился слушать Дон Кишота. Он осматривал его с головы до ног и не знал, что отвечать, как Люцинда и Доротея, улыбаясь, подошли к молодой девушке и увели ее с собою; а Карденио, дон Фернанд, священник и Николас, поклонившись аудитору, отворили ему двери и просили войти в горницу. Аудитор, очутившись в таком многочисленном обществе, в котором видел и знатных людей, терялся в учтивостях, не знал, что говорить, и беспрестанно с новым удивлением обращал глаза на Дон Кишота, на его щит, копьё и латы. Наконец, когда кончились комплименты, начали думать о разделе горниц. Согласились, чтобы молодая дочь господина аудитора ночевала с тремя дамами в Дон Кишотовой спальне, а чтобы мужчины легли спать в горнице хозяина.

Пленник, у которого сердце забилось при первом взгляде на аудитора, смотрел на него пристально и не говорил ни слова. Начиная верить своему предчувствию, он выбежал из горницы и спросил у одного из слуг, как назывался господин его?

— Жуаном Пересом де Виедма⁴⁶, — отвечал слуга; — он родом из Леона и недавно сделан аудитором при мексиканской аудитории. Молодая девушка, приехавшая с ним, есть дочь его, которой мать умерла, оставя мужу величайшее богатство.

Совершенно уверяюсь, что аудитор есть брат его, наш пленник вне себя кличет Фернанда, Карденио и священника, сообщает им свое открытие и требует от них совета.

— Видите, — говорит он, — в каком я состоянии; боюсь пристыдить своего брата.

— Успокойтесь, — отвечал священник, — он, кажется мне, добрый человек; впрочем, я могу его приготовить, если позволите мне взять на себя это дело.

— Вы избавите меня от величайшего затруднения, — сказал пленник, пожавши руку священнику. — Я буду вам неизъяснимо обязан. Подите к моему брату.

Пленник оставил священника и возвратился к Заранде.

Отец Перо Перес вошел в горницу, в которой аудитор ужинал с своею дочерью, и начал с ним разговор:

— Государь мой! — сказал он. — Я коротко знаком был в Константинополе с одним человеком вашего имени, капитаном в Ненанской пехоте⁴⁷, отличным своею храбростию. Мы разделяли с ним время неволи, страдали вместе и вместе утешались.

— Как назывался этот капитан, — спросил аудитор с живостию.

— Лораном Пересом де Виедма⁴⁸. Он уроженец леонский, он часто говаривал мне о своей родне, о своем отце, о своих братьях, которых любил чрезмерно. Мы скоро с ним расстались; его увезли в Алжир, где, слышно, случилось с ним удивительное приключение.

Здесь священник рассказал аудитору вкратце историю Заранды, и доведши ее до встречи с французским кораблем, прибавил:

— Не знаю, что сделалось с моим товарищем и добродушною мавритянкою. Может быть, они скитаются по Испании без всякой помощи, не имея хлеба и пристанища.

Аудитор слушал со вниманием священника, и слезы начинали катиться из глаз его.

— Ах! Сударь, — вскричал он, — если б вы знали, как сердце мое страдает в эту минуту: капитан, ваш знакомец, есть мой родной брат. Все, что он ни говорил вам об отце своем и братьях, совершенная правда: он пошел в военную службу; я выбрал звание ученого человека, и с Божиею помощью получил место аудитора. Мой третий брат записался в купцы, уехал в Индию, нажил великое богатство, выкупил батюшкино имение и содержит его теперь, как нельзя лучше. Добрый старик еще жив; но дни его проходят в горести. Он не может забыть своего старшего сына, о котором нет никакого слуха. Он просит Бога продолжить его жизнь до счастливой минуты, в которую возвратится этот милый сын и принесет утешение сердцу его. Ах! Сударь, что будет

с ним, когда услышит он такие печальные вести! Как узнает о французах, взявших моего брата? Где их найти? Что они с ним сделали! О, мой добрый Лоран! Если б я знал, куда они увезли тебя, сию минуту пошел бы за тобою, заплатил бы жизнью за твою свободу. А эта добрая Заранда! Чем бы я не пожертвовал, чтобы только прижать ее к сердцу, представить батюшке и назвать сестрою.

Пленник, который подслушивал у дверей, не мог удержать своего восторга, закричал, вне себя бросился на шею к своему брату. Аудитор, удивленный, посмотрел ему пристально в глаза, узнал в нем своего брата, затрепетал, закричал:

— Лоран! Брат мой!

И залился слезами. Священник между тем побежал к Заранде. Он возвращается, ведя ее за руку:

— Вот она, — говорит он, — вот избавительница вашего брата.

Восхищенный аудитор хочет упасть к ногам Заранды; африканка бросается к нему на шею, говорит с ним по-арабски, целует его и плачет с ним вместе. Добрый аудитор, не понимая слов ее, предлагает ей все свое имение, подводит к ней дочь свою Клеру⁴⁹, прижимает их обеих к сердцу, снова кидается на шею к своему брату. Все были тронуты сим зрелищем; у всех на глазах сверкали слезы. Дон Кишот, чувствительный, как и другие, дивился про себя великому влиянию рыцарства на все происшествия в мире.

Аудитор, принужденный ехать по должности в Севиллу, в которой готовился флот к отправлению, позвал брата с собою. Лоран согласился на его просьбу. Тотчас отправили нарочного с письмом к отцу, которого просили приезжать как можно скорее.

Было за полночь. Стали расходиться. Дон Кишот вызвался быть хранителем замка во время ночи и защитником спящих красавиц, которых дерзкие волшебники и плуты-великаны могли похитить. Сие предложение приняли с благодарностию и растолковали аудитору, что такое значил этот рыцарь, хранитель замка. Санко, который давно кивал головою и посылал к черту говорунов, растянулся в конюшне подле милого своего осла и заснул крепким сном. Герой, вооруженный с ног до головы, сел на Рыжака и начал разъезжать вокруг трактира.

ГЛАВА XLIII

Молодой погонщик мулов

Заря еще не занялась, наши дамы покоились в объятиях Морфея. Одна Доротея не могла заснуть и с нетерпением ожидала утра. Подле

нее лежала молодая Клера и спала препокойным сном; вдруг послышался голос нежный и приятный. Доротея посмотрела в окно и при свете луны увидела молодого погонщика мулов, который сидел на бревне под самым окном и пел следующую песню:

*Ладьею легкой управляя,
Блуждал я по морю любви,
То страх, то смелость ощущая,
Нигде не открывал земли!
Одно прелестное светило
Сияло на пути моем;
Оно моей надеждой было,
Я видел путь и плыл по нем.
Но ах! С тех пор, как туча скрыла
Его сиянье от меня,
С тех пор на небе нет светила,
С тех пор лишен надежды я!
Взойди опять, звезда золотая,
И путь мой снова озаряй,
Меня от бури сохраняя,
Во век, во век не покидай!⁵⁰*

Доротея, плененная приятностию голоса, хотела разделить свое удовольствие с Клерою. Она тихонько потрясла ее за руку и сказала ей: — Моя милая! Послушайте, какая прекрасная серенада.

Клера проснулась, посмотрела на нее сквозь сон, зевнула, приподнялась и начала протирать глаза. Голос продолжал петь; Клера вслушалась и задрожала.

— Ах, сударыня! — вскричала она, кинувшись на шею к Доротее и прижавшись к ней с видом робости. — На что вы меня разбудили? Ах! Если б никогда не слыхала я песен этого музыканта, если б могла запретить сердцу отвечать ему!

— Что ты говоришь, моя милая, это простой погонщик.

— Ах, сударыня! Я знаю, что он не погонщик, а прекрасный молодой человек, сын богатого дворянина, который меня любит и обещает вечно любить меня, чего бы я очень, очень хотела.

Последние слова, произнесенные со вздохом, удивили Доротею. Она уговаривала простосердечную Клеру открыть ей тайну своего сердца; но молодой певец продолжал петь. Клера, не желая слушать его, заткнула пальцами уши и накрыла голову одеялом. Доротея дождалась конца песни. Она кончилась, Клера выставила голову из-под одеяла, и боясь, чтобы Люцинда ее не услышала, прижалась

к Доротее, обняла ее крепче прежнего и потихоньку на ухо рассказала ей следующее:

— Прекрасный молодой человек, который пел так нежно, есть сын одного пребогатого дворянина из Арагонии. Дом их находится прямо против нашего в Мадрите. Хотя наши окна всегда летом и зимою крепко заперты, но этот молодой человек, который только что в училище выходил из дому, Бог знает, как меня видел. Он тотчас меня полюбил, сударыня, и мне изъяснился из окна, в котором я часто его видала, как он плакал, посматривал на меня с нежностью, потом складывал руки, давая знать, что хотел на мне жениться, и что я очень понимала. И я его тотчас полюбила и тотчас вышла бы за него замуж, если б матушка была на свете. Но мне не с кем было посоветоваться. Я решилась быть очень осторожною и только из милости к своему красавцу отворяла иногда в отсутствие батюшки решетку своих окон. Он мог видеть меня лучше и так за это бывал благодарен, что прыгал от радости по горнице и делал разные дурачества.

Прошло несколько месяцев. Батюшке должно было уехать из Мадрита; Бог знает, кто сказал об этом молодому человеку: конечно, не я, сударыня, потому что мы никогда не говорили друг с другом. Он занемог, и видно, от горя. Я целый день и целую ночь проплакала одна в своей горнице; напрасно отворяла я свою решетку, чтобы с ним, по крайней мере, проститься и показать ему, что я плачу: он уже не подходил к окну. Мы поехали, через два дни остановились ночевать в одном месте, и кого бы, вы думали, я увидела у ворот постоялого двора? Моего красавца, в платье погонщика мулов. Он так хорошо переделся, что мне одной только можно было узнать его. Я не сказала ни слова, но чрезвычайно обрадовалась. Он пристально смотрел на меня, когда батюшка отворачивался, а я только тогда на него смотрела, когда он повертывал голову в другую сторону. Он не отстает от нас. Мы находим его на каждом постоялом дворе. Бедненький идет пешком, не отдыхая, несмотря на жар и дождь, и все это для меня, для меня одной. Ах! Сударыня, вы не поверите, как мне его жаль. Я этого не хочу ему сказывать, но он, верно, сам догадается. Не могу вообразить, как он умел уйти от отца; он один сын и есть, и отец его любит до крайности; правду сказать, и есть за что; вы сами согласитесь со мною, когда увидите его днем, а теперь еще темно. Песню, которую мы слышали, верно, сочинил он сам: он умница и очень учен! Со всем тем, когда он поет, я дрожу, как будто в лихорадке, и стараюсь не слышать его; батюшка может подумать, что я ему потакаю; но боюсь вам, сударыня, я во всю жизнь свою не сказала ему ни слова и хорошо сделала, потому что мое первое слово было бы: я люблю тебя больше жизни! Только всего, сударыня!

— Довольно, моя милая, — сказала Доротея, поцеловав Клера. — Дождемся зари; завтра увидим, что надобно делать. Надеюсь, что ты будешь счастлива; твоя невинность и милая откровенность меня пленяют.

— Ах, сударыня! — вскричала Клера. — Прошу вас ради Бога не говорить никому об этом! Отец милого молодого человека так богат, что, верно, нам откажет. Батюшка огорчится, а я скорее соглашусь умереть, нежели огорчить батюшку. Нет, нет, я предчувствую, что никогда за ним не буду! Всего лучше ему воротиться назад, оставить и забыть меня. Может быть, не видя его, я и сама его забуду, хотя это мне кажется невозможным: как ни старайся думать о другом, все будет он в голове и в сердце. Право, не понимаю, откуда взялась такая страшная любовь. Это редкость в наши лета; он не старше меня, сударыня, а мне минет только пятнадцать лет в Михайлов день⁵¹.

Доротея засмеялась:

— Полно, моя милая! — сказала она. — Отчаиваться не должно, и не такие несчастья проходят. Почивай спокойно, завтра увидим, что делать.

— Нечего делать! Молчать и терпеть! — сказала Клера, вздохнула, поцеловала Доротею и заснула опять.

Все покоились в трактире, кроме дочери трактирщика и Мариторны. Они вздумали позабавиться над Дон Кишотом, хранителем замка. Этот замок не имел другого окна в поле, кроме большой дыры на чердаке, в которую бросали солому. Наши красавицы подошли к этой дыре и увидели рыцаря на коне, с копьем, в безмолвном созерцании. Герой стоял на одном месте; иногда вздыхал и поднимал глаза к небу.

— О, небесная Дульцинея! — восклицал он нежным голосом. — Красавица из красавиц, сокровище приятностей и добродетелей, соединение всего совершенного и любезного! Что делаешь ты в сию минуту? Помнишь ли о своем рыцаре? А ты, богиня трехликая⁵², луна-пустынница, которой блеск стыдится очей несравненной, скажи, где видят ее блестящие взоры твои? Не стоит ли красавица на балконе серебряном, не гуляет ли в садах ароматных, не тоскует ли по рыцаре? А ты, о солнце, которое спешит воссесть на быстрых коней своих⁵³, чтобы скорей увидеть прелестную, отнеси, отнеси ей поклон души страстной; но бойся, поклоняясь ей, озарять ее лучом пламенным: я стану ревновать солнце также, как и ты некогда ревновало, гоняясь за жестокою на равнинах Фессалийских или на брегах Пеней⁵⁴; не помню, где именно...

Дон Кишот продолжал бы еще несколько времени риторствовать, если б трактирщикова дочь его не кликнула тихим голом, с таинствен-

ными знаками. Наш герой, увидя ее при свете месяца на чердаке, тотчас превратил дыру в большое великолепное окно с золотыми решетками, у которого ждала его дочь герцога, томясь безнадежною страстию. Рыцарь, слишком учтивый, чтобы отказаться от простого разговора с дамою, подъехал как можно ближе к великолепному окну с золотыми решетками и сказал:

— Бедственный рок! Несравненная принцесса повелевает мне отвечать одною благодарностию на пламенную любовь вашу! Покоритесь року! Он уже покорила меня сильной владычице. Требуйте всего, кроме любви, от моего сердца. Я сожалею об вас, что ваши добродетели: готов исполнять вашу волю. Не хотите ли иметь локоны волос Медузиных⁵⁵ или стклянку с лучами светила небесного: все в минуту получите.

— Господин рыцарь! — отвечала Мариторна. — Мы не хотим ни волос, ни стклянки; мы просим вас пожаловать нам одну из прекрасных рук ваших, мы хотим поцеловать ее, чтобы несколько успокоить нашу страсть. Вы не знаете, в какой мы опасности: герцог, отец моей принцессы, убьет ее на месте, если теперь застанет с вами.

— Советую господину герцогу остерегаться; он должен знать, что будет ему от меня за малейшее оскорбление своей милой дочери.

Между тем Мариторна приготовила петлю из узды Санкина осла. Дон Кишот, желая достать до решетки, стал ногами на седло Рыжаку и протянул свою руку.

— Вот она, — сказал он, — вот рука сия, гонительница злых, подпора добродетельных; рука, не прикасавшаяся ни к одной женщине в мире, ниже к моей обожаемой красавице. Даю вам ее не для лобзания, но для того, чтобы, увидя ее мускулы, ее напряженные жилы, вы могли посудить о ее могуществе.

— Увидим! Увидим! — сказала плутоватая служанка; накинута петлю на руку, затянула ее, привязала узду к столбу и оставила чердак вместе с дочерью трактирщика.

Дон Кишот, чувствуя, что попался в сеть, и не видя никого в окне с золотыми решетками, начал думать, что волшебники опять над ним подшутили. Он бранил себя за легковёрность, тянул из всей мочи руку и только что стягивал узел. Стоя на цыпочках на седле, он боялся, чтобы Рыжак не вздумал прогуляться и не повесил его на стене. К счастью, добрый конь стоял, как пень, и казалось, решился целый век не трогаться с места. Тут-то герой пожелал меча Амадисова⁵⁶, рушителя очарований; он звал к себе на помощь и мудрого Алгунфа, и приятельницу свою Урганду, и верного Санку; волшебники не являлись, а верный Санко, забыв, что у него есть господин, храпел в конюшне. Дон

Кишот терял терпение, ревел, как бык, и не сомневался, видя совершенную неподвижность коня своего, чтоб и он не был очарован с ним вместе до скончания веков.

Наконец заря занялась; четыре человека на лошадях с ружьями подъехали к трактиру и начали стучать в ворота.

— Рыцари или не рыцари, — воскликнул Дон Кишот с своей кафедры, — вам должно знать, что крепостей не отворяют до солнечного восхода; отойдите от гласисов⁵⁷, дождитесь утра, тогда увидим, можно ли впустить вас в замок!

— Какая крепость, какой замок, — сказал один из приезжих, — что ты говоришь? На что такая церемония перед трактиром? Если ты трактирщик, то отворяй скорее ворота, отсыпь нам меру овса, и Бог с тобою!

— Неучтивец, так ли надобно говорить с нашим братом; похож ли я на трактирщика!

— Похож или непохож! Для меня все равно. Кто там? Отворяйте ворота.

Стук опять начался, несмотря на угрозы нашего рыцаря, и разбудил трактирщика.

Между тем новое приключение: под одним из приезжих была кобыла; она приласкалась к Рыжаку, который стоял печально, задумавшись, повеся уши, вытянув шею и не двигаясь, поддерживал рыцаря, попавшегося в петлю. Рыжак, несмотря на свою тихость, любил, как известно, прекрасный пол. Увидя, что с ним начинают заигрывать, он оживился, растянул шею, тряхнул ушами — словом, сделался прелестен. При первом его движении Дон Кишот сорвался с седла, ударился об стену и повис на ней. Он почувствовал страшную боль: заболтал ногами, чтобы стать на землю, и только что мучил себя; он начал кричать во все горло. Трактирщик, услышавши крик, поспешил отворить ворота.

Стук опять начался, несмотря на угрозы нашего рыцаря, и разбудил трактирщика.

ГЛАВА XLIV

Приключение за приключением

Между тем Мариторна, проснувшись, узнала голос героя, побежала на чердак и распустила петлю. Наш рыцарь упал, как кулек, на землю, перед глазами трактирщика и новых приезжих, вскопчил проворно, сел на Рыжака, отъехал на несколько сажен и прискакал назад во весь опор, крича грозным голосом:

— Кто скажет, что я поделом был очарован, тот совет, как дурак; я проучу его с позволения принцессы Микомиконы.

Путешественники, не говоря ни слова, с удивлением посмотрели на рыцаря. Трактирщик разгадал им сию загадку и на вопрос их, не приходил ли к нему в трактир молодой человек пятнадцати лет в платье погонщика, отвечал, что его не заметил. Тут один из путешественников, увидя карету аудиторovu, воскликнул:

— Он здесь, он здесь, вот и карета! Пойдем его отыскивать: один останься у ворот, двое пускай войдут в трактир, а я между тем стану ходить вокруг дома и стеречь: он еще перелезет через забор!

Так и сделали. Между тем в трактире все проснулись.

Дон Кишот бесился и грыз пальцы с досады, видя, что ни один из новых гостей не хотел на него рассердиться. Если б не клятва, данная им принцессе, то бы он, конечно, их всех перебил; но, повинуясь законам чести и рыцарства, он удержал справедливый гнев свой. Между тем нашли молодого погонщика в конюшне; он спал очень покойно в стойле на войлоке. Его разбудили.

— Прекрасно! — сказал один из приезжих. — Вы одеты, как нельзя лучше, ваша спальня очень покойна; стыдитесь, сударь!

Молодой человек проснулся, поглядел заспанными глазами на того, который говорил с ним таким тоном, и узнал в нем слугу отца своего.

— Оденьтесь скорее, — продолжал слуга, — вы поедете с нами, если еще не решились уморить батюшки с горя!

— Как узнал он, что я пошел в эту сторону?

— Благодаря вашей скромности, не вы ли сами рассказали своим школьным товарищам о таком прекрасном предприятии? Батюшка ваш слезами привел в жалость одного из них, узнал от него вашу тайну, послал нас за вами вслед, и мы благополучно вас догнали. Одевайтесь! Одевайтесь! Мы хотим везти вас с собою.

— Разумеется, если я поеду с вами!

— Есть надежда, что поедете.

— Советую вам оставить эту надежду.

Один слуга, случившийся при этом разговоре, побежал к Фернанду и рассказал ему, что приезжие называют *доном* молодого погонщика, который не хочет ехать с ними к отцу своему. Карденио, который слышал его песни, пошел вместе с Фернандом к нему на помощь. Доротея, встретясь с ними на лестнице, успела им рассказать все, ею слышанное от Клеры. Клера, узнавши, что молодого человека хотят брать, едва не упала в обморок от страха. Весь трактир взволновался. Дон Луи шумел в конюшне, бранил посланных и сказал им наотрез, что ни за что на свете не поедет с ними. Слуги его держали за руки, грозя употребить насилие. Фернанд и Карденио за него вступились. Поднялся страшный шум. Аудитор, священник, цирюльник и сам Дон Кишот прибежали в конюшню. Аудитор, взглянув на молодого человека, узнал в нем сына своего мадритского соседа. Он подошел к нему и спросил:

— Что это значит, сударь? Какое ребячество или важное дело принудило вас так переодеться?

Дон Луи не отвечал ни слова, потупил глаза в землю, и слезы блеснули на его длинных ресницах. Аудитор, растроганный сими слезами, взял за руку молодого человека и отвел его в угол конюшни, прося дружески открыть ему свою горесть.

Между тем поднялся страшный крик у ворот трактира. Два человека, проведенные в нем ночь, хотели воспользоваться беспорядком и уйти без заплаты. Хозяин остановил их и наговорил им столько грубостей, что плуты начали отвечать ему кулаками. Хозяйка с дочерью, видя, что бедный трактирщик не пересилит их, прибежала с криком просить помощи у Дон Кишота.

— Увы! — сказал герой. — Помог бы вам охотно, мои красавицы; но я обещал, я клялся г(оспо)же принцессе не брать меча в руки прежде ее восшествия на трон прародительский. Подите, скажите почтенному коменданту сей крепости, чтоб он сражался, не робея, за честь свою и славу, а я между тем схожу к принцессе Микомиконе и, получив ее позволение, поспешу наказать изменников.

— Ах! Боже мой, — закричала Мариторна, — они до тех пор убьют его.

— Убьют! — сказал рыцарь с стоическим хладнокровием. — Пускай убьют, мститель недалеко! Мщение будет так ужасно, что вы, надеюсь, не станете жалеть об убитом.

Сказав это, герой подходит к Доротее, становится на колени и начинает предлинную, препышную речь, прося у ней позволения подать помощь господину коменданту, которого жизнь находится в опасности. Принцесса отпустила его с Богом. Рыцарь, покрывши голову щитом, обнажив меч, летит к воротам трактира, где измятый трактирщик все

еще боролся с своими постояльцами, которые били его без милости. Герой, подбежав, подымает руку и вдруг останавливается.

— Что с вами случилось? — спросила трактирщица.

— Рассуждаю! — сказал защитник. — Мне запрещено сражаться с людьми, не имеющими на себе знаков рыцарства. Позовите оруженосца Санко Пансу. Это его дело.

Трактирщица и Мариторна чуть не вцепились герою в волосы, но их упреки и грубости не тронули Дон Кишота; он продолжал спокойно смотреть, как били несчастного трактирщика.

Дон Луи между тем в замешательстве, потупив голову, стоял перед аудитором, который задавал ему затруднительные вопросы.

— Ах! Сударь, — сказал он наконец с живостию, прижав руку его к сердцу, — вы все узнаете! Я уверен, что мое чистосердечие не будет для вас оскорбительно. Я люблю вашу милую дочь, люблю с той самой минуты, как увидел ее из окна своей горницы; она тогда шла из церкви, была прекрасна, как ангел. Я не могу жить без нее; верно, умру, если разлучусь с нею надолго. Теперь понимаете, для чего я переоделся и для чего я здесь. Не вините ее; она ничего не знала и никогда ни одного слова не говорила со мною. Мы только молча смотрели друг на друга. Простите меня, сударь, не лишите меня своих милостей. Ах! Если бы я мог надеяться, что вы согласитесь назвать меня своим сыном, я был бы тогда очень счастлив.

Чувствительный Луи бросается на колена перед аудитором, который, пленившись милым чистосердечием молодого человека, целует его, подымает и просит дать ему несколько минут на размышление. Потом, обернувшись к присланным, говорит им, что берет на свои руки их господина и будет за все отвечать отцу его. Дон Луи вне себя запрыгал от радости, начал целовать руки у аудитора, схватил его за полу и сказал, что ни за что от него не отстанет.

Дон Кишот между тем принудил заплатить за постой неучтивых постояльцев; уже начинала царствовать тишина в трактире, как вдруг, откуда ни возьмись тот самый цирюльник, у которого Дон Кишот отнял Мамбринов шлем, а Санко — ослиную сбрую. Не успел он войти в конюшню, как узнал седло свое, которое Санко надевал на осла.

— Ты здесь, господин плут! — закричал он. — Теперь не отвертись! Теперь отдашь мне мою сбрую и медную лоханку.

Оруженосец, оскорбленный такою грубостию, покосился на цирюльника, и видя, что он протянул руку и хочет взять седло, повернулся проворно и так ловко ударил его кулаком в зубы, что бедняк полетел кверху ногами. Цирюльник поднял крик, вскочил и уцепился обеими

руками за седло. Санко закричал громко и схватил его за бороду. Все прибежали на драку.

— Помогите! Вступись! — кричал цирюльник. — Этот вор не доволен тем, что украл мое седло; он хочет еще убить меня до смерти.

— Лжец! Мошенник! — восклицал Санко. — Я не вор; я беру только то, что господин Дон Кишот, рыцарь Печальной фигуры, отнимает у своих неприятелей.

За всяким словом следовал сильный кулачный удар по зубам цирюльника. Дон Кишот, свидетель ссоры, восхищался, видя, как храброе Санко; и с сей минуты начал думать об нем, как о человеке неустрашимом, из которого мог выйти презираемый странствующий рыцарь.

— Государи мои! — кричал цирюльник под ударами. — Седло это мое, точно мое, клянусь всеми святыми! Я его знаю! Свидетель — мой осел! Оседлайте его сами: я позволяю себя высечь, если седло не так точно по нем выбрано, как этот чулок на ноге моей; эти разбойники вместе с ним отняли у меня и медную лоханку, за которую заплатил целый ефимок в городе.

Здесь рыцарь не мог не вмешаться в ссору. Он разводит единоборцев, кладет седло на землю, требует позволения говорить и начинает:

— Милостивые государи! Судите об уме сего бедного человека по его словам. Он называет лоханкою настоящий Мамбринов шлем, который вырвал я из рук его на поединке среди чистого поля. Касательно до этого седла, я могу вам сказать только то, что мой оруженосец Санко Панса после победы с моего позволения снял его с коня побежденного и оставил на нем свое. Не берусь изъяснить, как это конское седло из богатого, украшенного перлами превратилось в простое, ослиное; вы сами знаете, что такие превращения почти всякий день случаются с нашим братом. Но я покажу вам драгоценный Мамбринов шлем. Поди, мой друг, Санко, принеси его.

— Ах! Сударь, — шепнул оруженосец, — ваше доказательство совсем не кстати; боюсь я, чтобы драгоценный шлем не показался им лоханкою, также как и богатое конское седло ослиным.

— Делай, что велят, — сказал Дон Кишот, — нельзя стать, чтобы все было здесь очаровано!

Санко пошел и скоро возвратился с Мамбриновым шлемом.

ГЛАВА XLV

Узнают, что такое Мамбринов шлем и конское седло, превратившееся в ослиное

— Смотрите, государи мои, — сказал Дон Кишот, поднявши вверх свой медный тазик, — вот шлем Мамбринов! Скажите, не глуп ли этот человек, который называет сие славное произведение искусства и чародеев цирюльничьей лоханкой? Клянусь вам честью и рыцарским орденом, что это тот самый шлем, который достался мне от него по праву победы.

— Каково это вам кажется, — перервал цирюльник, — что можно подумать об этих господах, которые вздумали уверять вас, что эта лоханка не лоханка?

Тут Николас выступил с важным видом на середину.

— Господин цирюльник, — сказал он, — об этом судить — мое дело! Я имею честь быть уже двадцать лет вашим собратом; можете вообразить, что несколько знаю цирюльничьи инструменты. Я был и солдатом в молодых летах; могу судить и о воинских оружиях. Итак, положитесь на меня, любезный товарищ; я разберу ваше дело без пристрастия, как должно цирюльнику. Любя справедливость, я, к сожалению, скажу вам, что этот господин имеет в руках своих не цирюльничью лоханку; прибавлю с тем же беспристрастием, что этот шлем не есть совершенный шлем: чего-то недостает ему, как мне кажется.

— Конечно, — сказал Дон Кишот, — недостает наличника; но это безделка, это не мешает ему быть тем, что он есть. Не правда ли, государи мои?

— Правда, правда — этот шлем — настоящий шлем! — закричали в один голос священник, дон Фернанд, Карденио и друзья Фернандовы.

— Ах, Боже мой! — сказал несчастный цирюльник. — Возможно ли! Кажется, это все честные люди, а называют лохань мою шлемом! Видно, и седлу моему оставаться конским.

— Надеюсь, — сказал Дон Кишот, — потому, что оно не ослиное. Однако не хочу говорить решительно, а ссылаюсь на господ присутствующих.

— Напрасно! — сказал священник. — Вы больше всех нас разумеете в этом деле! Решите сами.

— Благодарю за честь, милостивые государи! Но судить не смею. Здесь со мною случилось столько чудесного, что я перестал верить глазам своим. Вы не рыцари; вас не боятся и не преследуют очарователи; вы можете лучше меня разобрать этот важный спор.

— Ваша правда, господин рыцарь, — сказал Фернанд, — я соберу голоса, если позволите. Это всего вернее.

Он обошел круг, спросил у каждого по секрету его мнение, потом приблизился к цирюльнику и сказал:

— Друг мой! Нет ни одного голоса в твою пользу; господа присутствующие дивятся, как можно, не потеряв головы, называть это прекрасное конское седло простым ослиным. Ты и твой осел, если он согласен с тобою, сошли с ума. Это седло есть настоящее рыцарское седло. Присудили отдать его Санке, а тебя прогнать по шее.

— Но, милостивые государи, — закричал цирюльник, — я еще не пьян: как можно мне вздумать...

— Довольно! Замолчи, мой друг, — сказал Дон Кишот, — пускай всякий возьмет свое и пойдет с Богом.

До сей минуты дело шло порядком: те, которые знали, что такое Дон Кишот, смеялись от доброго сердца; но те, которым все еще было загадкою, особливо три служителя святой Германдады, недавно пришедшие в трактир, и четыре человека, присланные за дон Луи, смотрели с величайшим удивлением на то, что происходило у них перед глазами. Один из приставов, невежа и грубиян, не утерпел, вышел на средину, сказал с сердцем:

— Что за черт! Мы еще не слепы? Эта лохань — лохань! Это седло...

— Что ты смеешь говорить, безумец, мошенник? — закричал Дон Кишот, пустивши в него копьем, от которого пристав по счастью увернулся. Его товарищи закричали: «Разбой!» Трактирщик, который был из их партии⁵⁸, соединился с ними. Слуги окружили своего дон Луи, боясь, чтобы он не ушел от них во время драки. Цирюльник, видя, что за него заступаются, хотел было схватить седло, но Санко сел на него верхом и показал ему кулаки. Дон Кишот, обнажив меч, полетел на приставов. Карденио, Фернанд и его друзья взяли сторону рыцаря. Дон Луи начал бить своих слуг, которые не хотели пустить его. Аудитор и священник не жалели своей груди, кричали во все горло, но их не слушали. Трактирщица, дочь ее, Мариторна шумели, плакали, кричали, рвали на себе волосы. Клера упала в обморок, Люцинда и Доротея бросились оттирать ее. Цирюльник бил Санку. Санко отплачивал ему втрое. Дон Фернанд повалил одного пристава и тряс его за бороду. Молодой дон Луи, отбившись от своих слуг, не щадил святой Германдад. Герой Дон Кишот махал мечом направо и налево. Крик, шум, драки, пинки, оплеухи, брань — все это, смешавшись, производило нечто ужасное; ярость воспаляла сражавшихся. Кровь готова была литься.

Вдруг наш рыцарь, вспомнив что-то читанное им в книгах о подобном происшествии, закричал гремящим голосом: «Стойте, рыцари! Удержитесь! Внимай, кто хочет жить!»

Все сделались неподвижны.

— Разве не видите, — продолжал герой, — что злобный раздор машет над нами своим факелом, подобно как в стане сильного Аграманта. И там, и здесь причина ссоры одна: там сражались за коня, здесь сражаются за шлем; но мир лучше брани. Разве нет у нас мудрого Собрина и могущего Аграманта?⁵⁹ Они разберут наше дело. Подойдите, господин священник, господин аудитор! Будьте Аграмантом и Собрином; возвратите мир вашим воинам.

Приставы, ловко побитые, того и хотели. Цирюльник, у которого Санко выщипал всю бороду, готов был отказаться от седла и лоханки. Слуга дон Луи не смел отворить рта. Один трактирщик приступал, чтобы проучили этого шалуна, который не давал ему покою и беспрестанно заводил шум в его доме; но должно было уступить сильнейшим. Ослиное седло осталось конским, лоханка — шлемом, трактир — замком. Аудитор сказал присланным за дон Луи, чтобы они ехали домой; что Фернанд, который объявил свое имя, отвезет молодого господина их в Андалузию. Священник потихоньку заплатил за убыток бедному цирюльнику. Фернандова щедрость опять развеселила трактирщика и приставов. Никто почти не остался внакладе. Так-то могущество Аграманта и мудрость Собрина умертвили сию гидру несогласия и раздоров.

ГЛАВА XLVI

Герой наш очарован

Дон Кишот, видя, что все успокоилось, начал укорять себя в бездействии. Он подошел к Доротее, стал на одно колено и сказал ей:

— Великая принцесса! Вы знаете лучше меня, что везде, особливо на войне, быть деятельным всего нужнее. Чего ж мы медлим в этом замке? Может быть, в сию минуту великан, ваш неприятель, строит неприступную крепость, готовит нам преграды, которых, может быть, и рука моя не одолеет скоро. Предупредим его: поедем, поедем в сию же минуту! На что откладывать победу, которая ждет меня и простирает ко мне объятия?

— Великий рыцарь! — отвечала инфанта, приказавши поднять его. — Такое нетерпение достойно вашего сердца; я предчувствую победу, и благодарность усиливается в душе моей. Ваша воля — закон, повинуюсь и готова ехать.

— Прекрасно, прекрасно! Беги, мой друг, Санко, оседлай Рыжака и коня госпожи принцессы. Мы едем сию минуту.

Но Санко не торопился; он покачал головой и сказал:

— И! Господин рыцарь! Прошу не погневаться, не все знают, что в городе творится.

— А что ж бы такое творилось в городе, — спросил Дон Кишот с сердцем, — чего я не знаю?

— О! Если вы будете сердиться, то я — покорный слуга; вы не добьетесь от меня ни слова.

— Говори, что такое! Видно, ты труслив, воображая себе тьму опасностей, и надеешься испугать меня своими рассказами.

— Нет, сударь, дело не об опасностях, а об одной прекрасной госпоже, которая называет себя королевою микомиконской, а вместо того такая ж королева, как моя покойная бабушка. Королевы не ходят в угол, не прячутся от людей, не целуются украдкой с некоторыми людьми, которых далеко искать не надобно.

Доротея при сих словах покраснела, как алая роза. Почитая Фернанда своим, она позволила ему поцеловать себя. Санко это заметил и с тех пор разлюбил Доротею.

— Господин рыцарь! — прибавил он сердитым голосом. — Я должен был остеречь вас. Вы же для нее будете бросаться в огонь, вам же ничего не достанется: другой завладеет добром нашим. Сами видите, что нет большой нужды седлать Рыжака и коня этой госпожи принцессы. Останемся здесь на покое! Пусть всякий прядет свою пряжу; станем есть да пить, не заботясь о великанах, которых совсем не бывало.

Каким пером, какую кистию изобразить гнев и бешенство Дон Кишота! Поблуднев, нахмутив брови, раздувши щеки, сверкая глазами, он смотрит на Санку, меряет его взором, в ужасном молчании, с грозным величием, и вдруг восклицает разительным голосом:

— Удались, сокройся, чудовище, оскверненное всеми пороками, нечистое скопище клеветы, обмана, хитрости, черноты, виновной дерзости с коронованными особами! Удались, не жди наказания: оно будет ужасно!

Бедный Санко побежал спрятаться. Доротея, которой краска уже прошла, опять взяла сторону оруженосца.

— Господин рыцарь! — сказала она Дон Кишоту. — Простите доброго Санку; он, может быть, не так виновен, как вы думаете. Его простота, его непритворное добросердечие уверяют меня в его невинности: где ему быть клеветником? Я готова божиться, что он больше всех верит тому, что говорит обо мне. Извольте вспомнить, что в этом замке все очаровано. Может быть, какой-нибудь призрак обма-

нул Санку, может быть, злые волшебники хотят лишить меня вашего почтения.

— Клянусь вечным Богом, вы отгадали, — закричал Дон Кишот, — в этом доме колдун на колдуне! Легко станется, что какое-нибудь ужасное видение представило моему оруженосцу то, что должно навек изгладиться из памяти нашей. Он совершенно добр! Сударыня! Гнусная клевета неизвестна его сердцу!

— Простите ж его, — прибавил Фернанд, — я приму на свой счет сия милость!

Герой начал уверять, что он уже перестал сердиться. Священник подвел к нему Санку, который стал на колена, поцеловал у господина своего руку и признался, что в этом доме все было неверно, все было сверхъестественно, кроме воздушных путешествий оруженосцев.

Священник подвел к нему Санку, который стал на колена, поцеловал у господина своего руку.

Прошли два дни. Знаменитая компания думала об отъезде, а больше о том, как бы Доротее не следовать за рыцарем. Это была не шутка; надлежало прибегнуть к очарованию! Велели приготовить большую деревянную клетку, в которой бы наш рыцарь мог свободно поместиться: клетку поставили на длинные дороги; запрягли в них четверню волов. Дон Фернанд и его друзья нарядились чертями, надели страшные черные маски, схватили сонного Дон Кишота, связали ему руки и ноги и заперли его в клетку. Рыцарь проснулся, видя перед собою толпу страшных фигур и чувствуя, что не мог ничем двинуться, он тотчас почел их привидениями, а себя совершенно очарованным. Страшные фигуры между тем начали заколачивать гвоздями клетку.

Вдруг раздался голос, который, казалось, нисходил с неба. Цирюльник Николас кричал с чердака:

— О рыцарь Печальной фигуры! Великий, непобедимый рыцарь! Не унывай в плену оскорбительном; утешь великое сердце свое! Неизбежны определения рока. Ты не мог иначе кончить страшного подвига, на который хотел пуститься. Он совершится только тогда, когда грозный лев Ламанхский и чистая голубица Тобозская наклонят гордые главы свои под венцы Гименея и произведут поколение львов столько же страшных, как и отец их. Сие великое происшествие образует мир прежде, нежели бессмертный любовник жестокой Дафны успеет дважды двенадцать раз совершить свое течение по светозарному зодиаку⁶⁰. А ты, о вернейший и благороднейший из оруженосцев! Не приходи в отчаяние, видя похищение розы рыцарства: скоро, скоро взойдешь ты на степень величия; верь слову Мантириана⁶¹: я сей очарованный герой. Идите с миром! Я возвращаюсь на небо.

При последних словах голос начал слабеть и, наконец, утих, как будто исчез в воздушном пространстве. Дон Кишот, утешенный приятными обещаниями духа, отвечал со вздохом:

— Кто бы ты ни был, о мудрый очарователь, принимающий участие в судьбе моей, жалься, избавь меня от заключения! Готов терпеть гонение рока! Не страшусь бедствий! Но, увы! Не могу не действовать. Что ж касается до верного моего спутника, оруженосца Санки Пансы, я уверен, что он меня не покинет. Если ж судьба лишит меня средств наградить его по достоинству, то моя благодарность и моя духовная будут его наградою.

Санко, который все слышал, видел и начал подозревать, не опять ли их дурачили, наклонением головы поблагодарил рыцаря.

ГЛАВА XLVII

Та же материя

Дон Кишот подозвал к себе унылого Санку и сказал ему тихим голосом:

— Сын мой! Кажется, я перечитал все рыцарские романы, сколько их ни есть, а не помню, чтобы какой рыцарь был так очарован, как я. Обыкновенно, когда хотят похитить нашего брата, то присылают за ним облако, пламенную колесницу какого-нибудь гиппогрифа или велят расступиться земле под ногам его. А я, мне кажется, на простой телеге; животные, на которых хотят везти меня, простые быки⁶². Признаюсь, мой сын, это тяжело. Впрочем, станется и то, что в нашем веке очарования делаются не так, как прежде: нынешние волшебники переменили методу. Как ты думаешь?

— Я, сударь, — отвечал оруженосец, — не много толку знаю в нынешних волшебниках; я читал меньше вашего. Но кажется мне, что эти честные привидения не ревностные католики.

— Мой сын! Как быть им католиками, когда они черти? Они приняли этот вид только для того, чтобы запереть меня в клетку; но эта форма не существует: она не иное что, как бестелесный образ, призрак, пар. Осмелся к ним прикоснуться, увидишь, что рука твоя обнимет воздух.

— Извините! Я одного трогал сзади: тело да кости! Скажу вам больше: черти, как вы знаете, воняют серою. Понюхайте ж, чем от этого пахнет!

Санко указал на Фернанда.

— Прекрасными духами, амброй и розой.

— Берегись, мой друг, — отвечал Дон Кишот, — не верь своему носу! Как бы этот дьявол не обманул тебя!

Дон Фернанд и Карденио, слыша их разговор и опасаясь, чтоб их не узнали, начали спешить отъездом. Карденио привесил к седлу Рыжака с одной стороны щит, с другой — цирюльничий тазик. Санку посадили на осла и велели ему вести коня за повод. Приставы, которым обещали дать денег, согласились проводить рыцаря до Ламанхи вместе с священником. Трактирщица, ее дочь и Мариторна подошли к клетке и простились с Дон Кишотом, притворно проливая слезы. Дон Кишот утешал их, уверяя, что никогда не забудет их ласкового приема, и просил молить Бога о скорейшем освобождении его из плена. Между тем священник и Николас прощались с Фернандом, Карденио, аудитором и с капитаном, которые обнимали их с сердечным прискорбием. Дамы, а особливо Доротейя, весьма об них сожалели. Наконец добрый священник и любезный Николас, надевши маски, чтобы не быть узванными от Дон Кишота, сели на своих мулов.

Вот порядок процессии: погонщик волов с хлыстом впереди; за ним телега с рыцарем; за нею приставы с ружьями; далее Санхо Панса на осле и при нем Рыжак с доспехами рыцарю; за ним Николас и священник в масках на мулах. Шествие было тихое и медленное. Дон Кишот в клетке, положив на брюхо связанные руки, вытянув ноги, сохранял глубокое молчание; сидел прямо, важно, вытянув шею, неподвижно, как статуя.

Проехали две мили, не отдыхая. Недалеко находилась маленькая долина, в которой, как говорил цирюльник, могли найти прохладное и приятное место для отдохновения. Уже подвигались к долине, как встретили на дороге монаха, за которым ехало шесть или семь слуг, чисто одетых. Монах, поклонившись путешественникам, остановился и посматривал с удивлением на чудесный экипаж, на клетку и на затвор-

ника. Он попросил одного из приставов изъяснить ему такую странность. Дон Кишот, услыша вопрос его, выставил половину лица из решетки и отвечал:

— Господин рыцарь! Я очарован. Известно вам, что зависть нередко восстает против людей, которые назло кабалистам персидским⁶³, браминам индейским⁶⁴ и гимнософистам эфиопским⁶⁵ идут по узкому пути славы, горя желанием заступить свое место во храме бессмертия и вырезать на меди свое имя. Вот моя история, вот за что я очарован!

Монах слушал, не говоря ни слова, и осматривал с головы до ног затворника. Священник, приблизясь к нему, сказал:

— Государь мой! Вы не знаете, с кем говорите. В этой клетке сидит знаменитый Дон Кишот, известный в мире под именем рыцаря Печальной фигуры. Его мужество и великие дела возбудили зависть и навлекли на него неслыханные гонения. Он очарован, как видите.

Монах, слыша одинакие слова от сидящего в клетке и от оставленного на воле, пуще удивился и посматривал на обоих в недоумении. Санко, который был не очень в веселом духе, сказал с сердцем:

— Да, очарован, как мой дедушка. Не мне об этом рассказывать. Я вижу здесь некоторых людей, которые, надевши на себя маску, думают, что уж никто не узнает их. Они ошибаются, начиная с вас, господин священник. Правду говорят на свете: где есть зависть, так не спи заслуга. Черт побери тех, которые не хотят видеть императором господина моего, а меня графом или герцогом. Я не успел понадеяться, как все улетело с дымом. Колесо фортуны вертится быстрее мельничного. Нынче царь, а завтра простой Санко. Так и быть, с волками выть! Жаль только жены; бедная думала видеть меня губернатором или, по крайней мере, вицерою и увидит на осле. Все равно. Найдутся люди, которым, несмотря на то, что они пострижены, отвечать на том свете за их проказы в здешнем.

— А! А! Санко, — сказал цирюльник, — видно, и тебе захотелось в клетку. Чад богатства и знати зашел в твою голову.

— Не извольте обо мне беспокоиться, — отвечал оруженосец, — у меня голова так же здорова, как и у некоторых цирюльников, моих знакомых, которые ни за что, ни про что мешаются в чужие дела и вздумали умничать. Но дай срок! Будет и на нашей улице праздник. Я простой крестьянин; но если дойдет до того, обрею и цирюльника.

Священник мигнул монаху и Николасу, чтобы отъехали в сторону, и рассказал путешественнику все, что нужно было знать о Дон Кишоте, не забывши побранить хорошенько рыцарские романы.

— Государь мой! — сказал монах⁶⁶. — Как ни удивительна причина сумасшествия вашего друга, но я еще больше дивлюсь тому, как рыцар-

ские романы столь мало читателей с ума сводят? Они очень опасны для пылкого воображения! По счастью, скучны: я признаюсь, не мог прочесть ни одного от доски до доски; во всех то же и то же, во всех одни приключения, невероятные, несообразные с человеческим смыслом, без связи, без порядка, даже без интересу — последнего достоинства книг сего рода.

Может ли быть интересна и приятна история шестнадцатилетнего ребенка, который одним махом меча разрубает пополам великана⁶⁷, разгоняет миллионы неприятелей, плавает по морям в чугунных башнях⁶⁸, пристаёт нынче к Ломбардии, завтра ко владениям Иоанна Индейского⁶⁹ или к таким королевствам, о которых ни Птоломей⁷⁰, ни Марк Павел⁷¹ никогда не слыхали?

Говорят, что в баснях, принимаемых за басни, воображение может иметь полную свободу и творить, что ему угодно; совершенная ложь! Прельщать есть дело воображения, дело трудное! Главнейшая обязанность его есть изображать неправду в виде истины, согласоваться с рассудком; пленять, приводить его в изумление делами великими, трудными, необыкновенными, но возможными и натуральными.

По моему мнению, поле романов усеяно прелестными цветами. Человеку с талантом остается только срывать их. Он может приятное смешать с полезным. Для чего не изобразить нам в блестящей картине героизма и примерных добродетелей вместо несносных, однообразных сражений, вместо холодной и неестественной любви, которая противна вкусу и чистоте нравов? Я люблю следовать за героем-полководцем, совершенным во всех отношениях, мудрым, бесстрашным, красноречивым, осторожным и вместе смелым, счастливым, нынче несчастливым, завтра и всегда одинаковым; люблю видеть государя, отца подданных, милосердного, любящего справедливость, достойно чтимого и блаженного счастьем своих детей — подданных. Пускай сии предметы, несколько важные, будут смешаны с веселыми, трогательными и приятными. После мудреца и героя с удовольствием взгляну на любовницу несчастную или счастливую, на влюбленного рыцаря; но вид их должен быть скромн и не противен взорам целомудренных. Тогда рыцарские романы займут первое место после эпопеи, трагедии, комедии. Можно быть эпическим поэтом и в прозе. Я уверен, что никто не станет унижать сочинений, написанных языком оратора со всею живостию стихотворца.

ГЛАВА XLVIII

Продолжение разговора между священником и монахом

— Ах! Сударь, — отвечал отец Перо Перес, — наши романы совсем не таковы. И не сама ли публика тому причиною? Кто велит ей без памяти хвалить нелепости? Вы напомнили мне о комедии⁷²: не сама ли публика уронила театр испанский, театр, который со временем мог бы сделаться первым в Европе? Вы, конечно, читали наши театральные пьесы: «*Изабеллу*», «*Филлису*» и «*Алессандру*»⁷³. В них соблюдены все правила; с ними явилась было заря чистого вкуса древних. Сравните ж их с теми, которые представляют нынче на наших театрах, и от которых без ума наши зрители! Не найдете в последних ни единства, ни порядку, ни связи, ни правильности. Наши писатели забыли, что комедия должна быть верным зеркалом человеческой жизни, зеркалом, которое представляет нам людей в настоящем их виде, со всеми странностями и пороками; *увеселяя, исправлять* есть цель комедии! Что ж делают наши драматисты? Запутывают зрителя в приключениях несбыточных и ненатуральных, возбуждают в нем отвращение сценами непристойными; без всякой совести возят его из Европы в Азию, из Азии в Африку и так далее по всему свету. Им нетрудно свести Карла Великого с императором Гераклием и заставить последнего взять Иерусалим⁷⁴. Партер хлопает и кричат: «*Прекрасно! Прекрасно!*» Три или четыре совестных зрителя вступится за Буильона⁷⁵; их не послушают, и пьеса под небесами. Иностранцы, прочтя ее, называют испанцев невеждами, безумцами. Вся беда от того, что наши сочинители вздумали торговать своими произведениями, которые в глазах их не иное что, как товары. Та комедия всех лучше, за которую дают больше. Некоторым из них очень известны правила, ими нарушаемые; они могли бы и сохранить их, получив от природы великие таланты; но легкие успехи для них приятнее продолжительной славы. Не прощу никак одному из первых гениев Испании*, которого имя, достойно славное, почтенно во всей Европе, и который из виновного снисхождения к безумной публике иногда не хочет быть совершенным.

Вот мое заключение: должно очистить вкус нашей нации, согнавши с театра и запретив печатать такие комедии, романы, в которых найдется что-нибудь противное вкусу и здравому смыслу. Рассеяв, сколько

* Лопес де Вега — современник Сервантов. Сия тонкая и справедливая критика вооружила против Серванта всех обожателей Лопеса и теперь находит еще в Испании противников между знатоками (прим. В. А. Жуковского. — *Ред.*).

можно, по рукам сочинения древних и образуя молодых людей по сим великим моделям гения и красноречия.

Так, разговаривая, наши странники, доехали до места, в котором хотели остановиться. Остановились. Монах предложил им свои съестные припасы, и слуги его разослали на траве скатерть.

Санко, видя, что Николас и священник далеко от телеги, воспользовался благоприятным случаем поговорить с Дон Кишотом.

— Я хочу, сударь, — сказал он вполголоса, — открыть вам глаза; вы ничего не видите. Эти два черта в масках не иной кто, как наш приходской священник и Николас-цирюльник. Надобно думать, что есть маленький крючок в вашем очаровании. Отвечайте на мой вопрос, и я берусь доказать вам как дважды два четыре, что нас обманули завистники.

— Мой сын! Позволяю тебе говорить; но бойся верить глазам своим. Немудрено волшебникам принять на себя вид нашего Николаса и священника, чтобы удачнее обмануть нас. Такие превращения для них безделка. Пословица говорит: не все то есть, что видишь!

— Ох, сударь, или я бесчисленный дурак, или есть заноза в лапе: я бы спросил вас, но боюсь; а этот маленький вопрос объяснил бы все дело.

— Смелее, друг мой! Смелее! Что такое?

— Вам ни разу не хотелось выйти из клетки с тех пор, как вы очарованы?

— Хотелось — и очень хочется. Естественно! Я не понимаю тебя!

— Это видно! Послушайте ж: рыцари, сколько ни странствуют по свету, а иногда, напившись чистой воды из ручья, бывают принуждены отойти в сторону и с минуту постоять у дерева. Скажите...

— Понимаю и признаюсь, мой друг, в эту минуту желал бы постоять у дерева!

— Прекрасно, вот развязка! Я, кажется, слышал от вас, что люди, обвороженные, ни пьют, ни едят, ни спят, как другие. Ну как же вам быть обвороженным, если то правда, что вы мне теперь сказали?

Между тем священник, монах и цирюльник сели обедать; быков выпрягли и пустили на траву. Добрый Санко подошел к отцу Пересу и доложил ему, что рыцарю есть нужда выйти на свежий воздух. Священник согласился выпустить рыцаря, но с тем, чтобы он не старался уйти и дал слово быть послушным.

— Даю слово, — закричал Дон Кишот, — и удивляюсь, как можете вы, господа волшебники, требовать от меня слова! Разве не в вашей воле приковать меня к земле на три века?

Рыцаря освободили. Он, вышед из клетки, потянулся и зевнул раза два. Потом подбежал к Рыжаку, погладил его и сказал:

— Не унывай, о цвет коней рыцарских! Надеюсь на милость Божию, что мы скоро опять начнем действовать. Покоримся могущему року.

Рыцарь вздохнул, поднял глаза к небу и пошел постоять у дерева. Через минуту он воротился и сел обедать с своими спутниками.

ГЛАВА XLIX

Ученый разговор между Дон Кишотом и монахом

Герой, спокойный и хладнокровный, говорил за обедом о разных материях умно и приятно. Монах слушал со вниманием, всматривался в его физиономию и не верил, чтобы этот человек, ученый, любезный, красноречивый, был тот самый сумасброд, которого принуждены были запереть в клетку, чтобы довести домой в целости.

— Милостивый государь! — сказал он. — Позвольте поговорить с вами откровенно. Удивляюсь, как можно человеку с умом наполнять свою голову химерами, верить, что он очарован. Вы сами не хуже меня знаете, что истории Амадисов, Еспландианов и подобных им суть бредни, которым и авторы их не дают другого названия. Естественно, что трудные, необычайные подвиги воспламеняют ваше воображение, пробуждают ваше мужество и дают вам сей энтузиазм, который один творит людей великих. Но для чего не искать вам в истории примеров и образцов, которых требует пылкая душа ваша? В истории нашли бы вы героев, достойнейших вашего удивления. Кесари, Аннибалы, Александры, Сиды, Гонзальвы⁷⁶, надеюсь, немного лучше небывалых странствующих рыцарей! Войдите в себя, господин Дон Кишот, дайте волю своему рассудку, займите свое место в людском мнении. Не требую от вас ничего, кроме лучшего выбора книг, и рад божиться, что в короткое время вы будете первым, умнейшим и достойнейшим почтения человеком во всей Ламанхе.

Дон Кишот слушал монаха с величайшим вниманием.

— Государь мой! — отвечал он ему. — Замечаю из ваших слов, что вы отвергаете бытие странствующих рыцарей и существенность пользы рыцарских книг, которые вам кажутся пустыми, опасными, могущими свести с ума читателя и заставить его думать, что он очарован.

— Ваша правда, господин Дон Кишот, вы угадали мои мысли, — отвечал монах, радуясь, что рыцарь порядочно вошел в слова его.

— Поэтому, — продолжал рыцарь, — надобно думать, что вы, а не я очарованы. Иначе как бы вам сомневаться в том, что вселенная повествует о Амадисах, Фиерабрасах, Белиансах, Феликсах и прочих героях, которых подвиги до малейшей подробности всем известны?

Любовные похождения Тристана и королевы Изюлты, Жениевры⁷⁷ и Ланцелота, которым помогала добрая Кинтальона⁷⁸, так несомненны, так верны, что моя покойная бабушка всякий раз, когда попадалась ей старуха в старинном уборе и прическе, имела привычку говорить мне: «Душенька, посмотри, вот идет Кинтальона!»⁷⁹ Итак, моя покойная бабушка сама видала эту почтенную женщину или, по крайней мере, имела ее портрет. Если вас не уверяют и сии доказательства, то вам, кстати, надобно отвергнуть и бытие Ахилла, Артуса, Аглинского короля⁸⁰, Петра Прованского и Магелоны прекрасной⁸¹. Однако в Мадритском арсенале покажут вам тот золотой ключ, которым Петр Прованский-золотые ключи заводил деревянного коня своего. Этот ключ потолще обыкновенного каретного дышла. Он лежит подле седла Бабиесы, коня Сидова. Кажется, это самые верные доказательства! Кто после них подумает, что Сид и Петр Прованский сотворены одним воображением поэтов?

Также легко доказать, свидетельствуюсь монументами древности, что и Роланд, и Ренод, его двоюродный брат, и Гонзальв, и Тристан, и Пелаг, и пэры Франции не выдуманы стихотворцами; а что они точно существовали, как я и вы; что их истории совершенно справедливы; что называть их ложными есть сумасбродство, а не читать их — глупость. На мой вкус, нет ничего приятнее, занимательнее сих историй. Скажите, могли ли бы вы удержаться от радости, если бы вдруг явилось перед нами большое озеро, наполненное жабами, змеями, разными гадами, и из середины его закричал печальный голос: «Рыцарь непобедимый! Дерзни броситься в то озеро, если хочешь видеть чудеса, заключенные в замке семи волшебниц!» Не теряя ни минуты, я призываю на помощь свою красавицу и бросаюсь в страшное озеро! Сцена переменяется: вокруг меня цветут долины, поля благоухают, кристальные ручейки журчат и шепчут, тысяча тысяч птиц порхают и поют песни в зеленых прохладных рощах; иду по цветам в великолепный сад, где бьют шумящие фонтаны, гремят каскады, возвышаются мраморные павильоны, где вижу то, чего никто никогда не видывал. Приближаюсь с священным благоговением к великолепному замку, вылитому из чистого золота с алмазными зубцами, с сапфирными колоннами и крыльцами: натурально! Остановливаясь, прилежно рассматриваю пышный замок. Вдруг являются передо мной двенадцать девиц или нимф прелестных, как день: берут меня под руки, уводят во внутренность золотых чертогов и там, поклонившись в пояс, начинают меня раздевать; я остаюсь, в чем мать родила. Нимфы орошают мое тело благовонными маслами, накидывают на плечи мои легкий, полотняный покров, спанчу, шитую рубинами с золотом, и уводят в

залу, в которой готов обед изобильный и вкусный; раздается невидимая музыка; воздушная гармония восхищает меня: стол и кушанье исчезают. Является красавица, перед которою девушки, мне служившие, как звезды перед солнцем: она рассказывает мне, каким образом очаровал ее горбатый волшебник, и открывает такие тайны, которых не могу вам вверить, и для того перестаю говорить, заключая в двух словах: что, наконец, так или не так, я достаю себе обширное королевство и в доказательство своей щедрости дарю маленькую провинцию верному оруженосцу своему Санке Пансе.

— Так, милостивые государи! — подхватил Санко, приосанясь. — Мы этим кончим назло завистникам. И раз сделавшись королем или герцогом, я отдаю на откуп свои земли, начинаю жить своими доходами и делаю, что хочу; делая, что хочу, живу, как вздумаю; живучи, как вздумаю, доволен, будучи доволен всем; а будучи весел, плюю на всех, и конец делу, до свидания, как говорят слепые! Вот так-то я рассуждаю.

С сим словом Санко выпивает большой стакан вина и бросает страшный взор на священника и Николаса. Вдруг зазвучала труба, увлекла внимание Дон Кишота, который, вскочив, начал озираться во все стороны.

ГЛАВА I

Ужасное происшествие

Давно иссохшая земля просила дождя от неба; жители деревень ходили со крестами на поле молиться о пресечении засухи. Прихожане возвращались в это время из одной часовни, в которую водил их священник их прихода. Большая часть поселян были в одежде белых кающихся и несли на носилках фигуру Богоматери, одетой в траурное платье. Дон Кишот, увидя процессию, тот час вообразил, что это рыцари, похитители какой-нибудь принцессы, которой избавление судьба ему предоставила. Прежде, нежели успели его удержать, он вскакивает на Рыжака, берет в руки щит, копье и меч, и обратясь к своим спутникам, говорит:

— Теперь узнаете, что значит странствующий рыцарь и на что он годится. Вы ее видите, сию несчастную, лишенную свободы, оставленную миром во власти злодеев. Прошу мне сказать, что бы с нею было, когда бы ее добрый дух не привел меня в это место?

Не дожидаясь ответа, он дает шпоры коню и летит прямо к молящимся.

Напрасно священник, монах, цирюльник и сам оруженосец кричали ему:

— Куда вы скачете, господин Дон Кишот! Это процессия, вы оскорбляете веру! Это Богоматерь, это Богоматерь, не шутите, господин Дон Кишот!

Господин Дон Кишот их не слушал. Он подскакал к носилкам и закричал громовым голосом:

— Стойте, нечестивцы, похитители! Я хочу говорить с вами!

Четверо поселян, несших образ, остановились, удивленные таким учтивым приветствием. Один из церковников, певших псалмы, перестал петь и сказал рыцарю:

— Государь мой! Что вам угодно? Мы устали; нам пора домой! Пожалуйста, объяснитесь в двух словах.

— И одного довольно, — возразил Дон Кишот, — сей час возвратите свободу сей принцессе, которой печальная одежда вас обличает! Знайте, что я послан небом спасти ее, и решился по тех пор не сходить с места, пока не увижу ее на свободе.

Все засмеялись. Дон Кишот, пуще рассерженный, обнажил меч и подступил к насмешникам. Один из них подставил ему вилы. Герой перерубил их пополам. Крестьянин ударил его по плечу отрубком и так ловко, что он свалился с лошади. Победитель хотел повторить удар, но Санко закричал ему:

— Стой! Стой! Это бедный, очарованный рыцарь, который никому зла не желает; не убивай его!

Крестьянин, видя, что Дон Кишот лежал без движения, испугался; подумал, что убил его до смерти, и давай Бог ноги! Между тем священник, монах и служители святой Германдад бежали к рыцарю. Молельщики подумали, что хотят отнимать у них Богоматерь, вооружились своими дисциплинами, палками, подсвечниками и приготовились храбро отразить нападение. Дон Кишотов священник был знаком священнику в процессии; они переговорили друг с другом, и обе армии заключили мир до сражения.

Между тем печальный Санко плакал над телом своего рыцаря, который лежал на земле без движения.

— О цвет странствующих рыцарей! — повторял оруженосец, рыдая. — О славный герой, убитый вилами! Честь своего отечества! Слава Ламанхи, украшение мира, который теперь лишен защитника! О добрый господин мой, ты обещал мне дать в награду остров подле моря! Я никогда тебя не забуду, никогда не перестану по тебе плакать! Ты был такой добрый! Защищал невинных, бил плутов: был горд с

униженными, тих, как овечка, с гордыми, словом, всегда поступал, как добрый странствующий рыцарь!

Это последнее слово привело в чувство Дон Кишота; он открыл глаза и сказал слабым голосом:

— О Дульцинея, в разлуке с тобою должно всего бояться! Подыми меня, Санко; помоги мне лечь на очарованную колесницу: страшная боль в плече не позволяет мне сидеть на Рыжаке и держаться прямо.

— Да, да, сударь, — отвечал Санко, — поедем в свою деревню; дадим пройти ненастью и опять начнем с Богом.

Священник и Николас помогли оруженосцу положить героя на дроги; волов запрягли; шествие началось снова. Монах поехал в свою сторону, пожелав счастливого путешествия странникам; Дон Кишот лежал на соломе и думал о бедственной судьбе своей. Санко ехал на осле, надув губы. Терпеливый Рыжак, переступая с ноги на ногу, потряхивал ушами. Священник и Николас разговаривали о погоде. На другой день поутру приехали в деревню. Было воскресенье. Крестьяне и крестьянки сидели на улицах; они окружили волшебную колесницу, узнали рыцаря и проводили его до господского дома, в котором деревенские мальчишки возвестили уже его прибытие. Управительница и племянница выбежали на двор и подняли страшный визг, увидя Дон Кишота бледного, печально простертого на сене. Санкина жена Тереза, увидя своего супруга, прибежала к нему без памяти, крича еще издали:

— Здоров ли осел?

— Здоров и весел! — отвечал Санко.

— Слава Богу! Скажи ж мне теперь, друг мой, каково ты поживал, есть ли барыш от ремесла твоего; привез ли мне чего на платье, а детям на башмаки? Говори, рассказывай; покажи свои гостинцы!

— На что торопиться! Увидишь, успеем полюбоваться!

— О мой милый! Как ты умен! Сколько раз я по тебе плакала, как будто целый век тебя не видала!

— Хорошо! Хорошо! И я по тебе плакал; но счастье еще впереди; еще одна такая поездка, и ты будешь у меня герцогиня или, по крайней мере, губернаторша большого острова.

— Губернаторша! Что это такое? Верно, что-нибудь прекрасное!

— Конечно, прекрасное! Правда, немного дорого стоит: прежде надобно быть раз десяток ловко побитым, а иногда полетать по воздуху; но это безделка, и ремесло оруженосца очень приятно. Я рад целый век ездить по свету искать приключений.

Между тем управительница и племянница отнесли Дон Кишота в его спальню и положили на постель. Священник советовал им не выпускать его из глаз и держать взаперти. Они обещались быть осторож-

ными, но все напрасно: Дон Кишот, не успевши выздороветь, скрылся опять. К несчастью, автор сей истории как ни трудился, сколько ни перерыл старых, полусогнивших манускриптов, но никак не мог отыскать подробностей сего третьего выезда. По старинному преданию, оставшемуся в Ламанхе, известно только то, что рыцарь Дон Кишот был на ристалище в Сарагосе. Конец его жизни, его смерть и место его погребения остались бы совершенно не известными, если б один старый толедский лекарь не нашел в каком-то развалившемся эрмитаже⁸² большого ящика, обитого свинцом и наполненного древними готическими рукописями. На крышке ящика мой лекарь нашел стихи, неизвестным сочиненные в честь Дон Кишота, Дульцинеи, Рыжака и славного Санки Пансы. Читатель вообразит это восхищение: он заперся в свою горницу, начал читать, корпел над пыльными манускриптами, не знал ни дня, ни ночи, редко пил и ел, и наконец успех увенчал неусыпные труды его. Если публика примет благосклонно первую часть, то, вероятно, что лекарь согласится напечатать и другую, которая не меньше приятна и замечательна.

Конец первой части и третьего тома

**ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФРАНЦУЗСКОГО
ФЛОРИАНОВА ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

Часть вторая

**ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ**

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТ СОЧИНТЕЛЯ*

Читатель! Я не буду ссориться с сочинителем «Нового Дон Кишота»¹, хотя уверен, что это было бы для тебя очень приятно**. Я имею полное право быть сердитым; но не сержусь. Человек, который в обиду называет меня *безруким стариком*, не стоит никакого ответа. Не запираюсь, я стар, болезнь очень обыкновенная тем людям, которые живут долго. Но разве всякий старик непременно должен быть худым писателем? Знаю, что я потерял руку на Лепантском сражении²: потеря мало важная в сравнении с тою честью, которую сей знаменитый день мне оставил. Рана моя мне драгоценна. Смотря на нее, воспоминаю о прошедшем и не жалею о руке своей. Впрочем, какая связь между моим сочинением, моими сединами и раною?

Г. Авелланеда называет меня завидливым и берет на себя труд истолковать мне, что такое *зависть*. Он это знает; конечно! Как сомневаться! И я сам очень далек от сомнения.

Он уверяет всех, в том числе и меня, что я неприятель одного знаменитого писателя, человека почтенного, достойно славного. Я, напротив, готов признаться пред целым светом, что уважаю сего добродетельного мужа, умею ценить его сочинения и удивляюсь великим его дарованиям.

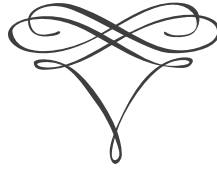
Видишь ли, читатель, как я добр и не мстителен. И в самом деле, мог ли бы я быть спокоен совестью, когда бы не пощадил несчастного человека, который не посмел выйти сам на сцену, скрыл свое имя и отечество³, как преступник или оскорбитель величия. Если тебе удастся с ним встретиться, то, пожалуй, скажи ему, что я совсем не сердит; что знаю, как трудно противиться искушениям лукавого, который нередко

* Известно, что некто арраговец, назвавший себя Авелланедою, выдал в свет продолжение «Дон Кишота», в котором бранил весьма грубо первого издателя. Об нем говорит теперь Сервант (прим. В. А. Жуковского. — Ред.).

** *Лопес де Вега* (прим. В. А. Жуковского. — Ред.).

заставляет думать иных бедняков, что и они также могут писать книги, как и все порядочные люди, могут брать за них деньги и прославляться: две вещи, которых всем отменно хочется.

Теперь слово о моем продолжении «Дон Кишота». Автор все тот же. Он дает обещание читателю описать и конец, и погребение своего героя, надеясь, что вперед уже никому не вздумается воскресить его, вырыть из могилы и наскучить всему свету новым продолжением его истории.

ГЛАВА I

Как священник и цирюльник обходились с Дон Кишотом

В начале сей второй части Сид Гамед Бененжели рассказывает нам, что священник и Николас около месяца не показывались на глаза нашего рыцаря, опасаясь возбудить в нем воспоминание о прошедшем. Они часто видались с племянницею и управительницею, прося их не отходить от больного и давать ему пищу здоровую и питательную, которая бы могла укрепить и желудок его, и голову. Добрые женщины с совершенною точностию исполняли сии советы. Видя спокойствие своего господина, они стали надеяться, что рассудок его скоро совсем оправится. Это замечание побудило Николаса и отца Переса посетить больного. Они пошли к нему, давши наперед друг другу слово никак не говорить о рыцарстве и отдалять от материи все, что может снова открыть рану его, едва, едва залеченную.

Они нашли своего соседа на постели, в зеленом шерстяном камзоле и в красном колпаке. Он был так худ, так сух, что больше походил на мумию, нежели на человека. Гостей приняли совершенно дружески. Спросили хозяйина о его здоровье, он отвечал: «Как нельзя лучше». Заговорили о политике, о состоянии государства; всякий в свою очередь был правителем Испании, уничтожил множество вредных злоупо-

Они нашли своего соседа на постели.

треблений, издал множество необходимых законов, все разрушил и все восстановил снова с удивительным совершенством. Дон Кишот говорил, как книга, и друзья его уверились, что сумасшествие прекратилось. Управительница и племянница, слыша их разговоры, не помнили себя от радости; а священник был так доволен, что даже решился сказать несколько слов о рыцарстве.

Принявши на себя значащий вид, он начал говорить следующее:

— Знаете ли, мой любезный сосед, что ко мне пишут из Мадрита? Турецкий султан вооружается⁴. Его Величество берет великие предосторожности: берега Неаполя и Сицилии укрепляются; войска при первом знаке сядут на корабли.

— Его Величество хорошо делает, — отвечал Дон Кишот с совершенным хладнокровием, — но может быть, он забыл самое верное средство прогнать, рассыпать в прах неверных. Я бы открыл ему это средство, когда бы он захотел посоветоваться со мною.

— А, понимаю! Бедный Дон Кишот! — сказал про себя священник.

— Что ж бы вы присоветовали сделать Его Величеству? — спросил Николас.

— Безделицу, — отвечал герой после минутного молчания. — Ничего не стоит обнаружить Его Величеству повеление, чтоб все рыцари Испании съехались ко двору его; если соберется их и не больше полдюжины, то не советую туркам показываться; я даже знаю такого рыцаря, который один указал бы им дорогу.

— Ну, хороши мы! — закричала управительница. — Господин мой опять хочет сделаться странствующим рыцарем.

— Опять! — перервал Дон Кишот, посмотрев на нее пристально. — Я никогда не переставал быть им, и если Бог милостив, до гроба не перестану!

— Позвольте мне рассказать вам маленькую сказочку, — сказал цирюльник, — которая очень идет к этому случаю. В Севилле, в доме сумасшедших, был один молодой священник, совершенно помешанный и отданный туда родными для заключения. Однажды этот молодой священник пишет к архиепископу письмо, в котором уверяет, что он в полном уме; что родные не хотят его выпустить, надеясь воспользоваться его именем, и что он требует правосудия. Архиепископ, пораженный умом его и слогом его письма, посылает одного из своих капеллянов в дом сумасшедших поговорить с молодым человеком, узнать порядочно о состоянии головы его, и если он здоров, освободить его в ту же минуту. Капеллян, поговорив час или два с заключенным, нашел его совершенно умным, и несмотря на все представления надзирателя, решился его выпустить и отвезти с собою к архиепископу. Свя-

щенник, надев платье, приличное своему званию, с позволения капелляна, пошел проститься с товарищами своего заключения. Капеллян не выпускал его из глаз. Один безумный, совсем голый, лежавши на полу в своей ложе, встает и с большим криком спрашивает молодого священника: кого выпускают из дому сумасшедших?

— Меня, любезный друг! — отвечал освобожденный. — Бог меня помиловал, болезнь моя прошла: я здоров совершенно. Положись на Его милость, Он и тебе пошлет излечение.

— Берегись, — воскликнул безумный, — не выходи из этого дому, или Севилла погибнет! Я — великий Юпитер, ты это знаешь; в сильной руке моей дождь, вихрь и гром: если уйдешь отсюда, то верь моему слову, что не будет дождя ни одной капли.

— Не бойтесь его угроз, — сказал священник капелляну, — он — Юпитер, это правда; в его воле удержать дождь; но я — Нептун, я могу в минуту делать наводнение!

— Не сомневаюсь в этом! — отвечал капеллян. — Но господин Нептун, на что сердить господина Юпитера? Войдите в свою ложу.

— Господин цирюльник! — воскликнул Дон Кишот. — Очень вас понимаю. И сожалея от всего сердца о сем счастливом времени, когда рыцари и паладины защищали красоту и невинность, гнали порок и злобу, не думаю быть Нептуном; я не думаю быть Нептуном, смотря с презрением на нынешних рыцарей, покрытых шелком вместо панциря, изнеженных, праздных, совершенно забывших славу! То ли дело, прежние герои! Это не люди, а полубоги; они все превозмогали для славы. Спать на голых камнях, умирать с голоду, бродить по пустыням, лазить по утесам, переплывать бурные моря в челноке, без весел и парусов, презирать опасность и гибель, все это было для них безделка. Они любили добродетель больше всего на свете, если любить добродетель есть безумство, то признаюсь, я — безумец: обожаю Амадиса, Пальмерена, Тирана Белого, Лизвара Греческого, Белианиса, короля Собрина, Ренода, Рожера⁵, сих великих образцов мужества, мудрости, добродушия, простосердечия и всех благородных качеств человека. Все сии воины были странствующие рыцари; и если желание видеть подобных им в наше время, для чести и безопасности Испании, есть сумасбродство, то соглашаюсь остаться в ложе своей по совету господина Юпитера.

— Сосед! — сказал священник. — Я бы охотно во всем согласился с вами, когда бы маленькое сомнение меня не тревожило: признаюсь, я иногда худо верю тому, чтобы все герои, о которых вы нам столько доброго рассказываете, в самом деле существовали; я даже до того недоверчив, что все сказанное об них почитаю бреднями, которые выду-

мали праздные, не очень умные люди; все эти сомнения крайне меня мучат, а не сомневаться также не в моей воле!

— Ах! Боже мой! — воскликнул Дон Кишот. — Можно ли, чтобы и вы были в таком же заблуждении, в каком я видел многих, очень многих людей? Подумайте хорошенько, и задача решится. Чем с большим вниманием я разбираю эту материю, тем больше уверяюсь, что все рыцари и паладины точно существовали. Я как будто их всех видел. Например, я готов биться об заклад, что Амадис высок ростом, хорош собою, складен; лицо открытое, борода исчерна-русовая, цвет лица отменно белый, глаза нежные и блестящие. Ренод совсем не похож на Амадиса: лицо смуглое, краска в лицо живая, взгляд быстрый и лукавый. В Роланде еще больше несходства: широкие плечи, смуглое лицо, грозный вид не обещали в нем ни этой доброты сердца, ни этого учтивства, которые пленяют нас в Амадисе, герое несчастном своею любовью. Если хотите, опишу вам и других: я бы назвал каждого по имени, если бы они все передо мною теперь явились.

— Велик ли ростом великан Моргант? — спросил Николас.

— Что касается до великанов, — отвечал Дон Кишот, — то надеюсь, что вы не будете сомневаться в их существовании. Мы знаем из Библии, что Голиаф был семи локтей с половиною⁶: порядочный рост. Сверх того известно вам, что в Сицилии нашли человеческие кости, по которым геометрически доказано, что те, которым они принадлежали, должны быть, по крайней мере, с обыкновенную городскую башню вышиною. Несмотря на это, если говорить правду, я никогда не верил, чтобы Моргант был так огромен, как сказывают, и вот мои причины: историки уверяют, что он нередко проводил ночи в замках и даже в простых хижинах, которые попадались ему на дороге; скажите ж, могли ли он быть такого необыкновенного роста, если в них без труда помещался?

Крик у дверей перервал этот разговор, который очень веселил священника.

ГЛАВА II

Посещение Санки Пансы

— Кто кричал?

— Управительница и племянница, которые не хотели впустить Санку в горницу.

Санко шумел и бранился.

— За чем пришел бродяга? — кричали управительница и племянница в один голос. — Не хочешь ли опять смутить нашего доброго господина и увезти его, Бог знает, куда и за чем!

— Чертова управительница! — отвечал Санко. — Не я, он смутил меня, обещав мне прекрасный остров, от которого я не видал ни копейки.

— А! Тебе остров захотелось! Дадут тебе острова, проклятый лакомка! Для тебя острова и сделаны!

— Для меня, как и для другого! Я бы лучше тебя с ними управился, хотя твоя пора и давно пришла.

— Что бредит этот неуч? Пошел, управляйся с домом своим, безмозглый! Паши поле свое, ленивец, а нас и острова оставь в покое!

Дон Кишот, который прибежал на шум вместе с цирюльником и священником, велел впустить Санку. Между тем оба соседа, уверившись, что нет надежды к излечению, простились с хозяином и ушли. Рыцарь и оруженосец остались одни, заперлись на замок, и Дон Кишот сказал Санке:

— Друг мой! Неприятно мне слышать, что ты говоришь, будто я смутил тебя: слово это грубо. К тому ж мы везде были вместе; все равно испытали. Ты полетал по воздуху; я также имел свои неприятности. Нам нельзя друг другу завидовать и пуще всего не должно жаловаться друг на друга. Помни это, Санко, — теперь несколько слов о другой материи.

Что говорят обо мне в деревне? Что думает рыцарство, дворянство и народ о моей храбрости, моем учтивстве, моих подвигах? Отдают ли справедливость моим усилиям воскресить рыцарство? Скажи мне все прямо с откровенностью доброго слуги; обходись со мною не так, как с обыкновенными государями, которым, к несчастью их народов, никогда не открывают истины.

— Господин рыцарь! — отвечал оруженосец. — Если хотите все знать, то я все расскажу вам, не золотя пилюли; но прежде обещайтесь ни за что не сердиться.

— Обещаюсь, говори!

— Начну тем, что все вообще называют вас дураком и думают даже, что и я дурак: дворянство смеется тому, что вы украли прозвание *дон* и пожаловали себя в рыцари, не имея больше двух десятин земли во владении. Что ж касается до вашего мужества и подвигов, то иные говорят: «Он дурак презабавный»; другие: «Он смел, но всеми бит»; а все вообще немного чести вам делают своими рассуждениями.

— Не удивляюсь, Санко; зависть преследовала Кесаря, Александра и даже дон Галаора⁷: я не могу жаловаться, если только и всего.

— То-то и есть, что не только всего!

— Что ж еще говорят?

— Ах, сударь! То, что я ни говорил вам, были одни цветки, теперь пойдут ягодки. Но если хотите узнать дело обстоятельнее, то можете поговорить сами с тем, кто мне самому обо всем рассказывал: это молодой саламанский студент, сын Варфоломея Караско⁸, приехавший сюда вчера поутру. Он божится, что читал вашу историю в печати с вашим именем Дон Кишота Ламанхского, и меня, Санку Пансу, не забыли! Госпожа Дульцинея также напечатана. В этой книге рассказаны такие происшествия, такие разговоры, которых никто, кроме нас, не видал и не слышал; я удивляюсь, как мог сочинитель это все узнать с такою подробностью и точностью.

— Нет ничего удивительного, друг мой; конечно, этот сочинитель есть какой-нибудь мудрый очарователь: ты знаешь, что этим людям все известно.

— Нет, он не очарователь! Бакалавр Самсон Караско думает, что мавр, которого имени я не могу вспомнить. Я схожу за бакалавром.

— Сходи, любезный друг, очень одолжишь меня; я умираю от нетерпения узнать обо всем обстоятельно!

Санко вышел.

ГЛАВА III

Разговор между бакалавром, Дон Кишотом и Санкою

Дон Кишот, в ожидании Самсона Караско, прохаживался один взад и вперед по горнице и говорил про себя: «Возможно ли! Мои подвиги описаны! Жизнь моя напечатана, когда еще меч мой дымится в крови побежденных. Кто этот историк? Друг мой или недруг? Боюсь не того, чтобы слава моя помрачилась; нет, боюсь, чтобы не осталось пятна на чести великой Дульцинеи; может быть, он не довольно говорил о чистоте и нежности любви моей, о королевах и принцессах, принесенных в жертву ее престелям, о моем неограниченном почтении, о моей скромности. Признаюсь — это меня тревожит — я трепещу».

Приход Самсона Караско прервал сии размышления. Этот бакалавр был человек невысокого роста, двадцати четырех или двадцати пяти лет, бледный, худой, с быстрыми глазами, расплюснутым носом, большим ртом, умница, весельчак, выдумщик и большой насмешник. Вошедши в горницу Дон Кишота, он бросился пред ним на колена и сказал:

— Позвольте, рыцарь, поцеловать вашу победоносную руку. Позвольте отдать справедливую честь в вашей особе самому неустрашимому, самому славному из странствующих рыцарей, бывших и буду-

щих. Благодарение Сид Гамед Бененжели, который поспешил сделаться историографом чудных дел ваших, и к чести Испании, нашел переводчика, достойного книги и героя.

— Итак, это правда, — сказал Дон Кишот, подав знак своему оруженосцу, чтобы он поднял Самсона Караско, — правда, что приключения мои напечатаны?

— Как же не правда, господин рыцарь! Спросите об этом Португалию, Валенцию, Барселлону, в которых раскуплено вмиг двенадцать тысяч экземпляров. Уже готовят новое издание в Анвере⁹, и я рад божиться, что эту книгу переведут на все языки Европы¹⁰. Да, я уверен, что в скором времени везде заговорят о великом Дон Кишоте, что неустрашимость его в опасностях, твердость в гонениях рока, терпение в неудачах, бескорыстие и чистота платонической любви его к прекрасной Дульцинее будут приводиться в примеры, к несчастью, неподражаемые.

— Скажите ж мне, г.〈осподин〉 бакалавр, которые из подвигов моих больше славятся?

— В этом мнении не согласны: одни предпочитают приключение с ветряными мельницами, которые вы сочли за великанов; другие приключение с сукновальнями. Некоторым больше всего нравятся сии два ужасные воинства, превращенные в два стада баранов. Многие очень любят колодников, избавленных от галер и цепей.

— А говорят ли о неучтивых погонщиках, — перервал Санко, — когда Рыжак наделал нам столько...?

— Говорят, говорят! Историк даже не забыл ни одного из палочных ударов, которыми вас так часто потчевали. Некоторые называли его безжалостным и опорочивали его щедрость на побои; но почтение к истине, первая добродетель историка, не позволило ему пропустить и безделицы; он описал и то, как некоторые цирюльники заставили вас кувыркаться в простыне.

— О! Я кувыркался на воздухе? Вот уже господин историк и ошибся! Впрочем, не было никакой нужды говорить об этом происшествии.

— Конечно, — прибавил Дон Кишот, — есть такие мелочи, о которых и упоминать, мне кажется, бесполезно. Многое так далеко от материи.

— Я не скажу, чтоб это было очень далеко от меня, — прервал Санко, — однако так и быть! Итак, господин бакалавр Караско, я из первых в этой истории?

— Вы второй, господин Санко, и скажу правду, многим всего приятнее слушать ваши разговоры.

— Я и думаю! Эти люди имеют вкус. Видно, автор не дурак; если бы он заставил меня говорить глупости, то за себя не отвечаю; может быть,

это не прошло бы ему даром. Я старинный христианин, до шуток с маврами не охотник и советую им идти прямою дорогою.

— Из ваших слов заключаю, — сказал Дон Кишот, — что мой историк не много значит. Я бьюсь об заклад, что это какой-нибудь враль без таланта, без вкуса, который набил свою книгу вздором и бреднями!

— Вы говорите, — отвечал бакалавр, — одно с неприятелями почтенного историка. Но успех книги его служит самым лучшим на все опровержением. Дети, молодые и взрослые люди, старики и старухи, словом, все с одинакою жадностью читают историю Дон Кишота¹¹; ищут ее, как золота; отнимают, крадут друг у друга. Вы найдете ее на всех туалетах, во всех гостиных. Нет человека, который, увидя тощую лошадь, не сказал бы: «Вот Рыжак!» Правда, критика не хвалит автора за его эпизоды; например, за то, что он не сказал нам, как украли Санкина осла; что сделал он с золотыми деньгами, найденными в чемодане и тому подобное.

— Только-то! — воскликнул оруженосец. — Если за этим дело стало, то я на все дам изъяснение, но только не прежде обеда. Я умираю с голоду.

Рыцарь пригласил бакалавра к столу своему и велел сверх обыкновенного еще изжарить двух голубенков. Сели за стол, отобедали, встали. Санко начал говорить следующее:

ГЛАВА IV

Продолжение разговора

— Вы хотите знать, как у меня украли моего друга! Слушайте, начну тем, что мы после приключения с колодниками приехали ночью в Сиерру Морену, остановились в маленьком леску, решившись дожидаться утра, не сходя с коня и осла. Мы немного устали после сражения. Господин мой, опершись на копьё, заснул; я тоже на моем бедном осле. Черт принеси к нам плута Пассамонта, которого мы избавили от галер; бездельник, которому пешеходство, конечно, наскучило, вырезав четыре кола, утвердил на них очень осторожно мое седло, служившее мне вместо постели, и вывел из-под меня осла. Я не просыпался до самого утра; проснулся, протянул руки, один кол отвалился, и я упал через голову, ища руками и глазами своего верного и доброго товарища. Увидя, что его нет, я заплакал и плакал долго и неутешно; если ваш историк об этом не написал, то сделал очень глупо. К счастью, дня через четыре проклятый вор нашелся, и я возвратил свое сокровище!

— Хорошо, господин Санко; но что вы сделали с золотыми деньгами?

— Что я сделал? Какой вопрос! Купил материи на юбку жене и на башмаки детям. Без гостинца хорошо бы приняла меня Тереза! Разве думаете, чтобы она простила меня за побег мой, когда бы я воротился к ней с пустыми руками? Будем справедливы, господин бакалавр: если положить и по три мараведиса за каждый палочный удар, доставшийся на мою часть в путешествии с господином Дон Кишотом, то сотнею ефимков не отделаешься. Итак, прошу не придирайтесь к моим деньгам: я их заслужил; в этом нет сомнения. Теперь вы довольны. Если нужны будут еще какие-нибудь объяснения, то милости прошу ко мне; я готов отвечать всем, кто захочет меня спрашивать, самому королю, если понадобится.

— Я доставляю непременно, — сказал Караско, — автору сии объяснения. Он, конечно, поместит их во вторую часть.

— Разве обещают и вторую часть? — спросил Дон Кишот.

— Господин рыцарь, — отвечал бакалавр, — хотя вы сами знаете не хуже меня, что все вторые части почти никогда не стоят первых, но публика требует продолжения: автор им занимается, ищет материалов, но худо надеется найти их.

— Этот глупый мавр, — воскликнул оруженосец, — конечно, вообразил, что мы будем сидеть, поджавши руки! Хорошо же он нас знает! Мы не любим праздности! С Божиею помощью, он скоро об нас услышит. Если бы господин мой меня послушал, то мы давно бы гуляли по свету.

В эту минуту Рыжак заржал в конюшне. Дон Кишот содрогнулся и, не сомневаясь, чтобы ржание коня его не было счастливым предзнаменованием, решил ехать через три дня.

Коварный бакалавр похвалил его за это великое намерение и советовал ехать прямо в Сарагосу, где приготавливались сражения с быками ко дню Св. Георгия¹².

— Там ваше мужество, — прибавил он, — восторжествует над всеми рыцарями Арагонии, которые, как вам известно, теперь почитаются первыми в свете. Одного только от вас требую: не слишком подвергайте жизнь свою опасностям. Подумайте, что она принадлежит не вам, а несчастным и угнетенным: укрощайте ваше кипящее мужество; именем всего человеческого рода умоляю вас, господин Дон Кишот, не будьте там смелы.

— То, что вы говорите, очень благоразумно, — прибавил Санко, — мой господин во всех опасных случаях не весьма воздержен. Он нападает на сто вооруженных человек так точно, как бы я напал за столом

на дюжину жареных цыпленков! Надобно быть осторожным: ходить, да осматриваться. Например, я — я очень искусен в последнем, и мой первый уговор с господином рыцарем перед каждою поездкою всегда состоит в том, чтобы ни одно сражение до меня не касалось. Мое дело иметь неусыпное смотрение за господином рыцарем, одевать его, чесать, иметь на руках провизию и подавать полезные советы; когда ж начинается сражение, то меня хоть не спрашивай, не откликнусь. Вы видите, что у нас всякий знай свое дело, а в чужое не вмешивайся! Со временем, когда Богу угодно, господин Дон Кишот пожалует мне в награду за мое усердие и верную службу если не остров — этот товар слишком дорог — то, по крайней мере, небольшое губернаторство или, если ему заблагорассудится, и совсем ничего; я прожил век свой Санкою, для чего ж и не умереть Санкою! Может бы, еще лучше не видать никакой перемены.

— Вы говорите, как совершенный мудрец, — отвечал бакалавр, — и ваша философия уверяет меня, что вы были бы очень хорошим королем или губернатором.

— О! Что касается до этого, — воскликнул Санко, — то я давно сделал над собою пробу, и сказать вам правду, начинаю думать, что мною были бы довольны. Оставим все на волю Провидения и моего милостивого рыцаря!

Дон Кишот улыбнулся благосклонно. Потом, обратясь к бакалавру, попросил его сочинить маленький акростих на имя Дульцинеи Тобозской¹³, чтобы с большею приличностию сказать ей последнее прости.

Бакалавр представил рыцарю, что имя слишком многословно; что легче сочинить мадригал, нежели акростих, и что первый может быть приятнее для принцессы. Но Дон Кишот требовал акростиха, и бакалавр обещал приготовить его. Отъезд назначили через несколько дней; дали друг другу слово не открывать никому тайны, и три приятеля расстались.

ГЛАВА V

Спор Санки с его женою

Санко, возвратясь домой, был так весел и доволен, что жена его, Тереза, наконец, спросила, что его так обрадовало.

— Ах! — отвечал Санко. — Тереза, я был бы еще довольнее, когда бы не был так весел.

— Я тебя не понимаю.

— А я себя понимаю. Рад я тому, что поеду опять с господином Дон Кишотом и что надеюсь найти старый чемодан с золотыми деньгами.

Но был бы я гораздо веселее, когда бы дал нам Бог столько добра, чтобы мне не думать о поездках и не расставаться с такою милою женою, какова ты, моя Тереза. Не правду ли я сказал, что если бы я не был так весел, то был бы довольнее?

— Что прикажешь делать? Но с тех пор, как ты попал в странствующее рыцарство, язык твой так переменялся, что совсем не можно понять тебя!

— В том-то и достоинство прекрасных речей, простенькая. Без околличностей изволь, сударыня, хорошенько смотреть за ослом нашим, вздваивай его порцию, осмотри и поправь седло, короче сказать, чтобы все было готово через три дни к моему отъезду. Ведь я не на свадьбу собираюсь: на сражение, сударыня, против великанов, крылатых змей, чудовищ, которые кричат, шумят, свищут, ревут страшным образом, и все это было бы одна шутка, если бы иногда не встречались погонщики, очарованные мавры и тому подобное. Теперь понимаешь ли, что я говорю?

— Понимаю, бедный Санко! Понимаю! Но куда и за чем ты едешь? Разве опасности тебе так милы! Мне и теперь за тебя страшно.

— Стыдись, сударыня. Опасности ведут к славе и губернаторству.

— Ах! Если бы они привели тебя к ним поскорее, нам это очень нужно. Твоему сыну Санке¹⁴ минуло пятнадцать лет; пора ему ходить в школу. Ты знаешь, что дядя наш, священник, хочет определить его в духовную службу; маленькую Саншетту¹⁵ время пристроить; она уже умеет прясть, и я думаю, что ей также хочется замуж, как тебе губернаторства.

— Потерпи, сударыня, Саншетта будет замужем; но я хочу найти зятя достойного...

— О! Прошу покорно, чтоб этот зять был ей ровный! Не вздумай сделать своей дочери знатною госпожою, переменить ее башмаки на туфли, а казакин на шитое платье. Увидишь, что она в богатом платье и туфлях будет делать и говорить такие глупости, от которых принужден будешь краснеть и морщиться.

— Ты глупа, сударыня! Ты не знаешь света! Слыханное ли дело, чтобы люди богатые могли делать и говорить глупости? В два или три года легко можно приучить себя к ухваткам знатных людей; впрочем, и в том нет никакой нужды: была бы дочь моя милостивою государынею; на все прочее плюю, понимаешь ли?

— А я не плюю; не соглашусь никак, чтобы какой-нибудь петух, граф или маркиз, которому ты бросишь Саншетту, мог называть ее крестьянкою и смеяться над ее происхождением. Нет, сударь, этому не бывать! Приготовь приданое; выдавать ее замуж не твое дело. Жених есть на

примете: Лопес Тохо, сын соседа Ивана Тохо¹⁶, что-то очень умильно поглядывает на девочку. Он добрый малый, сильный, крепкий: думать нечего! По рукам, и дело кончено. Друг друга они стоят, кажется, не будут ссориться; мы будем жить с ними вместе: отцы, матери, дочь, зять, маленькие внучки, Бог нас благословит; мы станем работать, шутить, смеяться. Все это гораздо лучше твоей славы, твоих чинов и губернаторства.

Тут Санко топнул ногою и поднял глаза к небу.

— О жена Вельзевулова, — воскликнул он, — безмозглая тупица, у которой в голове нет ни крошки благородства! Для чего не хочешь отдать Саншетты за такого человека, которого дети назывались бы вашею милостью? Разве ушам твоим противно, когда будут говорить тебе с поклоном донна Тереза Панса; разве не хочешь сидеть в церкви на добрых бархатных подушках и видеть ниже себя дворянских жен и дочерей? Образумься, сударыня, будь рассудительнее: дочь моя будет графиней!

— Нет, сударь, этому не бывать; я тебе сказываю, этому не бывать! Я, которую окрестили Терезою, которой отец назывался Каскайо¹⁷, которая прожила свой век Терезою Каскайо, которая умрет Терезою Каскайо и не согласится переменить своего имени, я этого не позволю сделать. Полно, любезный друг, я знаю пословицу: бедняка не видят, на богача смотрят по тех пор, пока он не стал несчастлив! Думаешь ли, что мне весело будет слышать у себя за спиною: видите ли эту губернаторшу? Вчера она был в грязи, а нынче на нас грязью брызгает. Нет, поезжай куда вздумаешь; будь принцем, графом, герцогом, чем хочешь, но меня и Саншетты не трогай. Честная женщина должна сидеть на месте; работный день для нее лучше праздничного; она, и гуляя, сучит нитки. Поезжай в добрый час за своим господином Дон Кишотом, который назвался *доном* неизвестно почему. Когда получишь губернаторство, пришли сказать; я отправлю к тебе нашего сына, которого выучи своему ремеслу. Сыновьям надобно во всем подражать отцам. Но больше и не сердь меня; оставь нас с Саншеттою в покое; Бог милостив, он нас никогда не покинет!

— Это другое дело, — сказал Санко, — выдумка твоя очень благоразумная! Ты пришлешь ко мне сына, чтобы я воспитал его, как надобно губернатору, а я пришлю тебе денег на приданое Саншетте. Согласна ли?

— Как же не согласна, — отвечала Тереза, — а сколько денег прислать, это оставляю на твою волю.

Супруги обнялись, и мир в доме опять воцарился.

ГЛАВА VI

Тайный разговор между рыцарем и оруженосцем

Санко посетил опять Дон Кишота и сказал ему, что желает переговорить с ним наедине о некоторых очень важных обстоятельствах. Управительница, увидя, что они двое заперлись в горнице, заключила, что господин ее опять хочет уехать, и в отчаянии побежала к бакалавру Караско просить его, чтобы каким-нибудь средством отвратил Дон Кишота от пагубного предприятия. Бакалавр прохаживался по двору своего дома.

— Все погибло, — закричала управительница, бросившись перед ним на колена и заливаясь слезами, — бедный мой господин!

— Что сделалось! Умирает?

— Ах, сударь! Он едет искать приключений, все равно что смерти; это уже в третий раз: сперва они привезли его к нам избитого палками, лежавшего поперек осла; потом в клетке и такого бледного, худого, слабого, что мне более шести сот яичных желтков стоило одно его поправление! Все мои курицы еще живы; они могут обличить меня, если я лгу. Подумайте сами, господин бакалавр, каким привезут его к нам в третий раз!

— Не плачьте, сударыня, пожалуйста, не плачьте, мы вам поможем! Подите домой и приготовьте завтрак: я в минуту к вам буду; вы увидите, что мы знаем свое дело. Между тем до моего прихода отслужите молебен святой Аполлине¹⁸.

— Ах, сударь! Святая Аполлина лечит одни зубы, а господин мой болен головою.

— Пожалуйста, не спорьте! Разве хотите знать больше саламанкского студента?

Печальная управительница поклонилась и пошла.

Между тем Дон Кишот и Санко беседовали.

— Надобно знать вам, господин рыцарь, — сказал оруженосец, — что я уж объявил жене о своем намерении с вами ехать,

— Что ж говорит Тереза?

— О! Тереза говорит, как книга. Она уверяет, что надобно знать, куда палец кладешь; что писанного пером не вырубить топором; что обещать и слово держать, как небо и земля; что дай синицу в руки, а не сули ястреба в небо. Она болтлива, Тереза, но я утверждаю, что надобно и ее слушать.

— Я с этим согласен! Но, пожалуй, говори яснее и не запутывай речей своих.

— Я? Я не говорю ни слова! Жена моя прожужжала мне уши, крича без умолку, что мы все смертные; что ныне на ногах, а завтра в могиле; что царь и народ, все в землю пойдет; что смерть незваная приходит; что для нее святого нет; что всему есть конец, и Бог ведает, что еще! Я ничего не знаю; Тереза говорит то, что слышала в церкви.

— Тереза умная женщина; только я не вижу, к чему все это клонится.

— И я также, как вы, долго не видал. Теперь, кажется, вижу! Терезе бы хотелось, чтобы ваше странствующее рыцарство, вместо всех наград в обещании, которые будут ли, не будут ли, не знаю, определили мне на все время моей службы то, что она называет жалованьем, так, как бы кто сказал: *по столько на месяц*; по многу ли, по немногу ли, до этого нет нужды, курица носит и по одному яичку; из многих *малых* выходит одно *большое*; к тому же стоит выиграть, чтобы не бояться потерять. Это ж нимало не помешает мне (если найдете случай всунуть мне в руку остров) принять его и, как водится, вычесть за него, сколько надобно из жалованья. Таким образом, дела наши пойдут порядком, а Тереза будет довольна.

— Я начинаю тебя понимать, друг, Санко, и охотно бы согласился исполнить твое требование, когда бы знал, что у прежних рыцарей бывали оруженосцы с жалованьем *по столько в месяц*: ни в одной книге об этом не упомянуто; я все их перечитал с величайшим вниманием; во всех написано, что оруженосцы служили рыцарям из одного удовольствия служить им и без роптания ожидали от них награды; ни за что в свете не отступлю от сего древнего обычая! Когда можешь быть доволен оною надеждою на мои милости, поедем вместе, я буду очень рад; когда же нет, оставайся дома: это не помешает нам быть друзьями; не так ли, приятель Санко? В оруженосцах не буду иметь недостатка: об этом не беспокойся. Будь в голубятне корм, голуби слетятся; хорошая надежда лучше худого исполнения; карась с удочки сорвется, поймашь щуку: видишь ли, что и я в нужде умею говорить пословицы?

Санко, печальный и задумчивый, слушал, повеся голову. Он был уверен, что рыцарь ужаснется при одной мысли о разлуке с своим оруженосцем; хладнокровное спокойствие Дон Кишота привело его в совершенное замешательство. В сию минуту входят в горницу бакалавр Караско и управительница. Караско бросился обнимать Дон Кишота и, возвысив голос, сказал:

— Честь и украшение рыцарства, светило неугасимое сынов Марсовых; слава и счастье испанской нации, да поразит Бог завистников, дерзающих препятствовать третьему выезду твоему! Да обратятся в ничто их козни и коварство! Напрасно, — прибавил он, посмотрев на управительницу, — напрасно вы служили молебен святой Аполлине;

судьба непреодолимая, всемогущая повелевает сему герою еще странствовать и быть защитником утесненных. Осмелюсь ли воспрепятствовать определениям свыше. Слава тебе, неустрашимый и прелестный Дон Кишот! Приступи завтра же, нынче, если можно, к великому своему делу; и если имеешь в чем-нибудь недостаток, если оруженосец твой не может за тобою следовать, то я готов заступить его место.

Дон Кишот поглядел на Санку:

— Теперь думаешь ли, — сказал он, — что у меня не будет оруженосца? Слышал ли! Видишь ли, вот он, сей славный бакалавр Караско, сей любимец Саламанских муз, сей орел наших школ! Он здесь, перед тобою, он хочет подвергнуться всем переменам воздуха, жажде и голоду, опасностям и самой смерти, чтобы только служить простым оруженосцем странствующему рыцарю.

Нет, я не захочу лишить поэзию славы ее и науки, их опоры! Нет, господин Караско, останьтесь в своем отечестве, прославьте его, просветите: я буду доволен первым попавшимся мне оруженосцем, если оставит меня Санко.

— Никогда, никогда вас не оставляю! — воскликнул Санко, заливаясь слезами. — Я рад за вами следовать, куда вам угодно! Я не из тех людей, об которых говорят: хлеба нет, друзей нет. В деревне знают, что Пансы всегда бывали очень благодарны. Я говорил вам о жалованье только для одного удовольствия Терезы, которая не дает мне покою, как скоро чего-нибудь очень захочет; но дело кончено, я нынче и сам с нею поспорю, пора сшибить ей крылья; мы увидим, кто из нас кого перекричит! Нет, госпожа вздорщица, я нынче докажу тебе, что ты моя жена и что я твой муж! Довольно, сударь; я больше ничего не прошу, с меня довольно будет и духовной, о которой вы говорили. Только сделайте все таким образом, чтобы ни к чему нельзя было придраться, и поедем с Богом. Я буду служить вам лучше всех бакалавров на свете.

В сию минуту входят в горницу бакалавр Караско и управительница.

Рыцарь подал Санке руку; он поцеловал ее; мир заключился, и положили ехать чрез три дни. Караско обещал Дон Кишоту новый шлем. Напрасно управительница и племянница бранили проклятого бакалавра, царапали свое лицо, рвали на себе волосы; Дон Кишот и Санко весьма спокойно приготовлялись к отъезду. На третий день сели они: один на Рыжака, другой на осла, верного друга, и поехали к деревне Тобозо. Бакалавр проводил их и при наступлении вечера простился с Дон Кишотом, взяв с него обещание иногда уведомлять о себе друзей своих, и поспешил с великою радостью объявить священнику и цирюльнику, что герой уехал.

ГЛАВА VII

Дон Кишот едет к принцессе Дульцинее

— Благословение Алле! — восклицает наш историк в начале сей главы. — Благословение Алле! Дон Кишот и Санко опять странствуют: мы будем опять удивляться и смеяться. Забудем все, что с ними было, что они говорили: посмотрим и послушаем. Действие начинается на Тобозской дороге, также как некогда началось на равнине Монтиельской.

Не успел отъехать бакалавр от нашего героя, как добрый конь Рыжак заржал и запрыгал, и осел начал отвечать ему на своем языке. Дон Кишот растолковал это ржание и прыжки в хорошую сторону. А Санко, который, не говоря ни слова, заметил, что голос верного осла его несравненно крепче и звонче Рыжакова, заключил, что фортуна будет к нему благосклоннее, нежели к рыцарю; заключение, достойное всякого астролога.

— Друг мой! — сказал Дон Кишот. — Мрачная ночь покрывает землю. Боюсь, чтобы мы в темноте не проглядели Тобозо, где я решился остановиться, чтобы увидеть несравненную Дульцинею, просить ее благословения и у ног ее почувствовать в сердце своем новую силу и новое мужество.

— Конечно, это было бы очень хорошо, — сказал Санко. — Но вам трудно будет получить благословение госпожи принцессы. Ей придется бросить его через забор из курятника, в котором я нашел ее, когда относил письмо ваше.

— Не стыдно ли тебе, Санко, называть *курятником* пышную и великолепную галерею замка моей возлюбленной принцессы?

— Говорят вам, она была в курятнике, а не в галерее. Всякую вещь надобно называть ее именем: это моя привычка!

— Ну, веди меня хоть в курятник! Где бы ни была Дульцинея, для меня все равно, только бы ее увидеть, только бы оживиться, озариться и просветиться лучами сего благотворного солнца.

— Сказать правду! Когда я видел это солнце, то свету в нем было столько, сколько надобно, хотя оно немного и запыхало рожью, которую пересыпать изволило.

— Ты еще не вышел из своего заблуждения. Разве можно Дульцинее заниматься другими работами, кроме тех, которые, как тебе самому известно, занимают прелестных, высоких принцесс в наших поэмах и рыцарских историях? Завистливый чародей мог помрачить глаза твои: ты видел рожь вместо перлов и алмазов, которые низала красавица, и беспрестанно бредишь: Дульцинея пересыпала рожь, Дульцинея ходила в курятник, и может быть, твое глупое упрямство сделает то, что в моей истории поместятся все сии обстоятельства! Подумай же о следствиях! Какое заключение выведут из сего враги моей любезной! О зависть, ужасная зависть! Червь, достойный презрения, точащий добродетель и славу! Другие пороки могут принести хотя минутное удовольствие: одна зависть упивается ядом, для других приготовленным.

— Ваша правда, сударь! Я начинаю бояться, чтобы кому не вздумалось и меня замарать в этой истории. Кажется, я ни с одним колдуном не ссорился и слишком беден для завистников! И чем меня попрекнуть можно? Разве тем, что я охотник смеяться, но это не мешает мне быть добрым человеком, добрым католиком, старинным христианином и смертным врагом жидов: чего ж больше для господ историков? Однако пускай говорят, что им угодно; я голым родился, гол и умру: ни прибыли, ни убыли; смешны они с своими книгами! Очень ошибаются, если думают уморить меня с горя своими перьями!

— Как бы то ни было, но ты об этом беспокоишься, приятель, это видно! Так точно какая-то известная дама крайне рассердилась на одного славного поэта¹⁹, который, обругав в сатире всех придворных дам, а об ней одной ни сказал ни слова. Поэт, услышав об этом, прибавил насчет сердитой госпожи несколько строк, которые лишили ее чести, но удовольствовались ее самолюбие. И мы похожи на эту даму, Санко; мы все больше или меньше любим славу, которая, известно тебе, перевела Кесаря за Рубикон²⁰ и подала Эрострату факел на сожжение Эфесского храма²¹.

Разговаривая таким образом, наши путешественники приблизились к Тобозо. Часы били полночь, когда они въезжали в этот славный город, которого жители все погружены были в глубокий сон. Мрак и мертвое молчание царствовали на пустых улицах; иногда слышался лай собак, ржание ослов, хрюканье свиней в закутах и мяуканье кошек

на чердаках. Мужество Санки начинало колебаться, и сам герой наш думал, что разные крики сии предвещали что-нибудь худое.

— Сын мой! — сказал он оруженосцу. — Скорее покажи мне замок Дульцинеи.

Санко находился в неизъяснимом замешательстве, потому что никогда от роду не бывал в замке этой великой принцессы: не знал, куда идти, какую выбрать дорогу.

— Милостивый государь! — сказал он, запинаясь. — Время ли теперь посещать принцесс! Ворота замка заперты! Стучать нельзя; весь город разбудишь. Лучше пойдем на постоялый двор; туда впускают во всякий час, без всякого шума и беспокойства.

— Нет, нет, веди меня в замок! Не он ли это большое здание, которое прямо перед нами!

— О! Если вы это видите, то можете и мне показать дорогу: черт меня возьми, если я что-нибудь вижу!

Дон Кишот тронул Рыжака, проехал несколько шагов и очутился у самой колокольни.

— Это церковь, — сказал Санко, — мы на кладбище! Все это не обещает ничего доброго; уедем отсюда. Я теперь вспомнил, что замок госпожи принцессы Дульцинеи на той стороне в маленьком переулке.

— Нельзя статься, приятель! Никогда королевских замков не строят в переулках.

— О! Сударь, что земля, то обычай. Может быть, здесь так водится. Заглянем в эту улицу, может быть, в каком-нибудь уголке и найду этот собачий замок.

— Санко! Прошу говоришь с почтеньем обо всем, что принадлежит до моей красавицы; но мне удивительно, как ты не можешь так долго найти ее жилища, которое должно было неизгладимо запечатлеться в твоей памяти?

— Как можно требовать, чтобы я, побывав здесь один только раз от роду, мог в одну минуту в такой ужасной темноте найти этот замок, когда вы, бывавши в нем тысячу тысяч раз, его не находите?

— Но, дурачина! Разве я тебе не сказывал, что никогда не видал Дульцинеи; что люблю ее по слуху, идеальным, платоническим образом?

— Ну, сударь, об чем же спорить? И я был у ней так точно, как вы ее любите: идеальным, платоническим образом.

— Санко, Санко, прошу не забываться! Ты знаешь, что я не люблю шутить, когда идет дело о Дульцинее! Ты ее видел, и я хочу, желаю и требую, чтобы ты мне показал ее.

В ту минуту крестьянин, ехавший на поле работать, поравнялся с путешественниками и запел старинный испанский романс.

*Худо, бедные французы²²,
В Ронцевале было вам!*

— Я не люблю этого романса, — сказал Дон Кишот, — верно, случится с нами нынешнюю ночь что-нибудь неприятное. Друг мой! — закричал он проезжающему. — Бог помочь тебе! Скажи, пожалуйста, где замок принцессы Дульцинеи?

— Прошу меня извинить, сударь, — отвечал крестьянин, — я здесь еще очень недавно, еще никого не знаю и не могу вам ничего сказать. Спросите у священника или у пономаря, которые живут подле самой церкви, они, конечно, знают эту принцессу, если только она из их прихода, а я об ней никогда не слыхивал.

Он удалился.

Санко, видя, что печальный господин его не знал, на что решиться, и был очень задумчив, сказал:

— Господин рыцарь, уже утро! Будьте осторожнее; увидят вас люди на улице, узнают, за чем вы приезжали, и Бог знает, что подумают о принцессе! Не лучше ли будет, если мы проедем Тобозо и остановимся в каком-нибудь ближнем лесу; я ворочусь назад, осмотрю все переулки и закоулки, может быть, и принцесса, и замок ее где-нибудь найдутся. Положитесь на меня: я отыщу ее, точно отыщу; скажу ей об вас слово и принесу к вам ее ответ в минуту.

— Ты говоришь сущую правду, Санко: поедем, не мешкав.

Санко, которому до смерти хотелось выпроводить рыцаря из деревни, отправился вперед. Дон Кишот стегнул Рыжака, поехали и через полчаса увидели небольшой лесок за две мили от Тобозо, в котором рыцарь решил остановиться и ожидать ответа от Дульцинеи.

ГЛАВА VIII

Дульцинея очарована

При начале сей главы сочинитель предупреждает читателя, что хотел совсем пропустить ее, опасаясь, чтобы не сочли его выдумщиком; так необыкновенно сумасбродство, легковёрность и ослепление героя нашего. Но после долгих размышлений, и вспомнив великие обязанности, наложенные на писателя и историка, он решился не скрывать ничего, и, будучи сердечно уверен в истине своего повествования, продолжает так:

Рыцарь отпустил Санку в Тобозо с сими словами:

— Поди, сын мой, поди и не возвращайся, не выдав царицы израненного моего сердца! Берегись, когда ее увидишь, чтобы не сожгли тебя

лучи, стремящиеся из глаз ее. Не забудь, ради Бога, о счастливейший из всех оруженосцев в мире! Ни одного взгляда, ни одного движения сего прелестного светила; заметь, когда произнесешь мое имя, покроются ли щеки ее румянцем стыдливости, упадет ли она на софу, на диван или, стоя на одном месте, начнет наклоняться то на ту, то на другую сторону. Заметь, повторит ли она ответ свой или не повторит; будет ли сперва милостива и благосклонна и потом сделается неприступна или сперва неприступна и потом благосклонна и милостива; произнося ответ свой, подымет ли руку, будто для того, чтобы поправить свои волосы, которых совсем поправлять не надобно. Все эти вещи, по-видимому ничего не значащие, драгоценны для любовника. Он все узнает из одного телодвижения, из одного вздоха, взгляда; он проникает в тайну сердца, не смотря на стыдливость, которая все от него сокрыть хочет; он приобретает только то, что доставляет ему случай.

— Положитесь на меня, — отвечал Санко; — я вас понимаю, как нельзя лучше, и прошу ни о чем не беспокоиться. Смелость города берет, и сырые дрова загораются; ездь, не ленись, найдешь зайца. Мы не видали замка госпожи Дульцинеи от того, что было темно, теперь день; этот замок не иголка. Одним словом, я скоро возвращусь к вам с хорошим известием.

— Ступай, Санко, будь поспешен; только покорно прошу не скучать в принцессе своими пословицами.

Санко пустился во всю прыть, оставя Дон Кишота на коне, печально опершегося на копые, с поднятыми глазами к небу. Оруженосец искал в голове своей средства, как бы хорошенько совершить посольство. При выезде из леса он остановился, слез с осла и сел на траву под дерево, чтоб собраться с мыслями и все хорошенько обдумать.

— Ну, Санко, — сказал он самому себе, — прошу мне сперва сказать, куда изволит ехать ваша милость! Конечно, искать пропавшего осла? — Нет! Он со мною! — Куда ж, государь мой, скажите? — К принцессе, месяцу, солнцу красоты! — Очень хорошо! Где ж вы надеетесь найти ее? — В славном городе Тобозо. — А! Это другое дело! Но скажите, кто вас послал к этой великой принцессе. — Знаменитый Дон Кишот, который помогает слабым, наказывает злых, кормит тех, которым пить хочется, и поит тех, которые хотят есть. — Прекрасно! Скажите ж мне, знаете ли вы в лицо эту славную красавицу. — Нимало; я от роду ее не видывал, также как и мой господин. — Что если бы господа жители города Тобозо узнали, что вы ездите к ним с маленьким намерением говорить о любви их принцессам, не вздумали ли бы они осердиться и вычесать вам спину каким-нибудь колом или виноградною тычиною? — Государь мой! Я не говорю, чтобы они в таком случае поступили худо!

Хотя я и посланник, но легко станется, что забудут почтение к моему сану и... — Советую вам остеречься. Жители Ламанхи шутить не любят; попадись к ним в руки, они отделают добрым манером. Лучше, господин Санко, выкиньте из головы это посольство. — Я начинаю думать, что вы говорите правду. Послушайте, вот мои мысли: господин Дон Кишот помешан, в этом нельзя сомневаться; может быть, и я немного, потому что за ним еду; но я еще не принимаю мельниц за великанов, стадо за войско. Мой рыцарь верит всему, что услышит: чего же может быть этого лучше! Первая женщина, которую встречу, будет Дульцинеею; покажу ее господину Дон Кишоту. Если он скажет: нет, я скажу: да; буду уверять, божиться, и он наконец поверит. Пускай делают, что хотят на свидании; какая мне до того нужда, я исправил свое дело, и в сторону; а если господин Дон Кишот будет мною недоволен, то вперед не пошлет меня посланником.

После этого маленького монолога наш оруженосец, совсем успокоенный, отдохнул несколько часов под деревом, чтобы дать подумать рыцарю, что он исполняет его комиссию. Вдруг увидел он вдали трех крестьянок, ехавших на ослах от Тобозо; тотчас вскочил на своего осла и поскакал к рыцарю.

— Радуйтесь, — закричал он ему еще издали, — прекрасные новости!

— Ах, сын мой! — воскликнул герой. — Что такое? Говори! Не медли! Я умираю от нетерпения! Каким камнем я должен заметить день сей: белым или черным?

— Заметьте его красным²³; я сказываю вам, что госпожа Дульцинеея с двумя прислужницами изволила выехать к вам навстречу.

— Боже милосердый! Правду ли ты говоришь? Не восхищай меня ложною надеждою; горесть убьет меня, если увижу, что я обманулся.

— Увидите сами; скорей садитесь на Рыжака и скачите к ней навстречу; она близко! Ах, сударь, как она прекрасна! Вся в золоте, в рубинах, в бриллиантах, в жемчужных нитках. Девушки, которые с нею, также очень богато одеты; у меня еще и теперь в глазах рябит: волосы их, как солнце, которым ветер играет; едут на самых лучших иноходцах, белых, как снег, которым подобных я от роду еще не видывал.

— Скорее, сын мой, поспешим насладиться неизъяснимым блаженством! А тебе в награду обещаю всю добычу от первого сражения, в котором останусь победителем.

— Доброе дело! Я скажу спасибо, когда получу подарок.

Герои наши поскакали по дороге. Дон Кишот искал глазами своей принцессы и, не видев никого, кроме трех крестьянок, наконец сказал Санке.

— Где ж они, друг мой! Где ты их оставил?

— Как! Разве у вас глаз нет? Вот они перед нами, сияют, как три месяца.

— Я никого не вижу, кроме трех крестьянок на ослах.

— Что вы говорите! Признаюсь, этого я никак не ожидал! Как, сударь, эти принцессы, в золоте, на белых иноходцах, кажутся вам крестьянками на ослах! Что ж мне после этого говорить осталось! Вы нездоровы.

— Я сам начинаю этого бояться, друг мой; я точно то вижу, что я тебе сказывал.

— Так послушайтесь моего совета: притворитесь, будто принцессы кажутся вам принцессами; подите к ним навстречу; поклонитесь им, а я, конечно, не открою вашей тайны.

При этом слове оруженосец спрыгивает с осла, подбегает к крестьянке, ехавшей в середине; останавливает осла ее за повод, бросается перед нею на колени и говорит:

— Царица, герцогиня прелестей! Рыцарь Печального образа, Дон Кишот Ламанхский, желает вам представиться. Вот он у ног ваших, обращенный в камень вашим великолепным присутствием.

Дон Кишот, по примеру Санки, стоял на коленях и внимательно рассматривал ту особу, которую оруженосец его назвал царицею. Он протирал глаза, удивлялся и не знал, что думать, видя пред собою крестьянку жирную, малорослую, рыжую, курносую; он не смел открыть рта. Крестьянки, не меньше удивленные, посматривали друг на друга, не говоря ни слова; наконец та, которую Санко удерживал, сказала ему с досадою:

— Сойди с дороги, негодяй! Нам некогда слушать твоих вздоров.

— Ах, принцесса! — воскликнул оруженосец. — Как можете вы не тронуться, видя пред собою на коленях высочайшую гору странствующих рыцарей?

— Перестань шутить, — отвечала принцесса, — или хочешь узнать, умею ли я проучивать ослов? Каково тебе покажется, кума? Эти бродяги вздумали насмеяться над нами! Правду сказать, им это и пришло!

— Санко! Друг мой, Санко, — воскликнул Дон Кишот, — встанем! Вижу, сколь непримирима злоба врагов моих! Они желают моей смерти; они будут довольны. О ты, самовластная владычица моего сердца, израненного тоскою, невинная жертва жестоких чародеев, которые в досаду мне осмелились сокрыть твои прелести под личиною уродливой крестьянки, удостой меня одного взгляда! Увы! Может быть, и меня препятствует тебе узнать какое-нибудь очарование; может быть, лицо мое для тебя переменилось, но душа моя неизменна: сила очаровате-

лей ничтожна перед любовью чистейшею, продолжительною, вечною, которою она к тебе пылает.

— Отступись от меня, урод! — закричала Дульцинея. — Говорят тебе, дай мне дорогу!

Она ударила по ослу, который начал прыгать, поскакал; седло, не весьма хорошо укрепленное, свернулось на бок, а принцесса полетела кверху ногами и растянулась на дороге весьма неосторожно. Дон Кишот бежит к ней на помощь и подымает ее зажмурясь. Санко бросается к ослу, поправляет седло; герой наш хочет посадить на него свою любезную, но она прыгнула на него, как кошка; села верхом, ударила осла каблуками и пустилась быстрее птицы.

— О! О! — воскликнул Санко. — Какая проворная! Скачет, как добрый кордуанский ездук. Уже и след простыл!

— Что скажешь, Санко! — возопил несчастный Дон Кишот. — Мало ли мучат меня плуты-чародеи? Жестокие! Не довольствуясь тем, что лишили меня счастья видеть Дульцинею, слышать ее разговоры, превратили ее в безобразную крестьянку. Надобно говорить правду, Санко, она показалась мне очень безобразною!

— Удивительно! Я нашел, что она совершенно прекрасна. Правда, теперь вспомнил, у ней на верхней губе небольшая бородавка, из которой торчит, как будто золотой, ус.

— Сын мой! Следуя правилам очарований, эта бородавка должна по натуре находиться на левой икре.

— Может быть, и я уверен, что это прекрасно; только я туда не заглядывал.

Между тем наши герои сели на коня и осла и поехали к Сарагоссе, где должны были происходить сражения с быками. Важные происшествия, которые мы расскажем читателю, воспрепятствовали Дон Кишоту быть на сих сражениях.

ГЛАВА IX

Приключение с колесницею Смерти

Дон Кишот, печальный и задумчивый, ехал шагом, размышляя о коварстве чародеев и о средствах возратить Дульцинее красоту ее и прежнее достоинство принцессы. Он так был занят сими мыслями, что узда выпала нечувствительно из рук его. Рыжак пользовался свободою, иногда останавливался и кушал траву, кое-где попадавшуюся на дороге.

— Милостивый государь! — сказал наконец Санко. — Что с вами сделалось? Вас совсем узнать нельзя! Куда девалось это мужество, кото-

рое вы оказали в стольких случаях? К чему годится отчаяние? Перестаньте! Лучше пускай черт возьмет всех Дульциней на свете, нежели такому рыцарю сохнуть от горести!

— Ах! Друг мой, — отвечал герой со вздохом, — прошу тебя, не оскорбляй ни словом, ни мыслию этой несчастной принцессы, которая от меня погибла! Увы! Без меня, без сей неумолимой ненависти врагов моих, она бы наслаждалась счастьем, была бы украшением вселенной! Кто в этом больше тебя уверен, о счастливейший из оруженосцев, который, по крайней мере, не лишен злодеями радости видеть небесную красоту ее и ей удивляться!?

— Правда! Я всегда видел ее такую, какова она есть! Я и теперь еще ослеплен сиянием плутовских глаз ее, которые сверкали, как две превеликие жемчужины.

— Как две жемчужины! Ошибаешься, сын мой! Как два сапфира! Ты, конечно, говоришь о зубах ее?

— Станется, сударь, что я одно принял за другое! Мое замешательство было не меньше вашего. Как мне жаль, что вперед нельзя будет посылать к принцессе ни великанов, ни колодников, ни мавров: где им узнать ее в таком прекрасном превращении. Я воображаю, как эти шалуны будут без памяти соваться по всем тобозским улицам, стучать у каждых ворот, спрашивать о принцессе, которая будет стоять у них перед носом, а они об ней и не подумают!

— Должно надеяться, сын мой, что это очарование не будет протираться на великанов, которых могу победить впоследствии времени. Впрочем, могу приказать двум первым донести мне о успехе своего путешествия.

— Хорошо сделаете! Надобно знать, как живут люди на свете.

Дон Кишот хотел отвечать, но увидел на дороге открытую повозку, наполненную странными фигурами. На козлах сидел Черт, подле него Смерть в виде скелета, вместе с Ангелом и Королем, у которого на голове была прекрасная золотая корона. У ног их сидели Амур с луком, воин в латах и несколько других не меньше странных фигур. Наш рыцарь, удивленный, остановился. У Санки застучали зубы, но смелый Дон Кишот поздравил себя с новым и, вероятно, весьма трудным подвигом. Он стал перед повозкою и громко воскликнул:

— Кучер, черт или сам Харон²⁴, говори, отвечай, кто ты, куда и откуда едешь?

— Государь мой! — отвечал Черт. — Мы деревенские комедианты: нынче праздник; давеча поутру в сельце, которого вы не можете видеть за этим пригорком, мы представляли трагедию «Царство смерти»²⁵; ввечеру мы должны эту же пьесу играть в той деревне, которую вы

проехали: мы подумали, что не стоит труда раздеваться, и не скидая театральных платьев своих, отправились в свое место. Эта Смерть, которую честь имею вам представить, есть молодой человек, очень любезный, с отличными дарованиями; он играет любовников, жена сочинителя нашего — принцесс, императриц и тому подобное, этот — император, эта молодая девушка — ангелов, а я — чертей, к вашим услугам.

— По чести, — сказал Дон Кишот, — увидя вас, я подумал сперва, что мне представилось какое-нибудь важное приключение. Правду говорят, что наружность обманчива. Счастливым путем, добрые люди! Желаю вам удачно сыграть вашу трагедию; когда бы от меня зависело быть вам полезным, то бы, конечно, с удовольствием исполнил эту обязанность: я с самых детских лет люблю театр и ремесло актера.

В эту минуту подбежал к повозке один из комедиантов, отстававший назади. На нем было платье, сшитое из разноцветных лоскутков. Он весь был обвешан побрякушками, а к концу палки его были привязаны три пузыря с горохом; он тряс ими и бил по земле, прыгая с своими побрякушками. Рыжак испугался, в первый раз от роду закусил поводя и унес господина своего в поле. Санко, желая удержать его, бросается с осла и бежит за ним вслед. Черт с побрякушками вскакивает на осла, оставленного Санкою, бьет его пузырями и скачет во весь дух к деревне. Между тем бедный Рыжак сделал то же самое, что делал всегда, когда приходило ему на мысль повеселиться; упал очень неловко с седоком своим и подле него растянулся. Санко, видя с одной стороны господина своего на земле, с другой осла, скачущего во весь дух под ударами пузырярей, не знал, к кому из них бежать прежде. Но его доброе сердце одержало верх: он предпочел своего господина, несмотря на то, что каждый удар пузыря по бедному ослу отзывался в его сердце и жестоко его мучил. Оруженосец смущенный, горестный, отчаянный поднял героя и посадил его на коня, говоря:

— Господин рыцарь! Ах, господин рыцарь! Черт унес моего осла.

— Какой черт? — спросил Дон Кишот.

— Который с пузырями. Посмотрите! Ах, Боже мой! Как он его мучит.

— За мной, Санко, я отмщу за твоего осла; я догоню их в самом аде!

К счастью, в эту минуту и осел, и черт перекувыркнулись; осел, свободный после падения, прибежал рысью к своему господину.

— Вот он, вот он! — воскликнул Санко. — Я знал, что добрая скотина без меня жить не может. Не гневайтесь, господин рыцарь, дело кончено.

— Как! Ты хочешь, чтобы я оставил без наказания этого дерзкого черта? Нет, я накажу его, накажу его, накажу, хотя бы то был сам император!

— Не советую вам связываться с комедиантами; с ними немного выиграешь. Кто людей веселит, за того весь свет стоит.

— Стыдись, Санко! Если бы и вся вселенная, все звезды и планеты за них ополчились, то и тогда бы довольно было одной руки моей.

Он скачет во весь опор к комедиантам, которые, слыша угрозы его, спрыгнули с повозки на землю и вооружились камнями. Смерть поставила в боевой порядок Императора, Императрицу, Амура, Ангела, Черта, кучера и готовилась отразить нападение. Дон Кишот изумленный, остановился; долго рассматривал ужасных неприятелей и был в нерешимости, с которой стороны начать атаку.

— Милостивый государь! — сказал Санко. — Скажите, не безумство ли думать, что можно победить одному целую армию, в которой сама Смерть генералом, которая составлена из чертей, императоров и ангелов. К тому же найдете ли между ими хотя одного странствующего рыцаря?

— Твое замечание справедливо, Санко; это дело до одного тебя касается; я могу быть только простым зрителем и помощником на словах. Проворнее, сын мой, обнажи меч и отмщай за осла своего!

— Все это хорошо сказано! Но я и осел мой от чистого сердца прощаем своих неприятелей! Мы не злопамятны; любим мир и согласие и очень скоро забываем обиды.

— Это другое дело, Санко! И если твое милосердие склонно к пощаде, то мы оставим сих бедных чудовищ и поедем искать приключений, достойнейших нашего мужества.

Он поворачивает Рыжака и с совершенным хладнокровием продолжает путь свой, а Смерть и ее воины, сев на повозку, очень спокойно отправляются в дорогу. Таким образом, сия ужасная встреча, благодаря благоразумию Санки, не имела никаких дурных следствий.

ГЛАВА X

Рыцарь Зеркала

Герой и Санко расположились ужинать и ночевать под высокими деревьями.

— Как вы думаете, господин рыцарь! — сказал оруженосец. — Обогастила ли меня добыча от первой победы вашей, которую обещали вы мне нынешним утром?

— Сам виноват, Санко! Для чего ты помешал мне драться с комедиантами! Теперь бы ты имел золотую корону императора и крылья Амура.

— Какая же бы мне от этого была польза? Я надеюсь, что эта прекрасная корона не из чистого золота, а из чистой шумихи, либо из золоченной бумаги. На этих людях и платье такой же обман, как и все их рассказы.

— Санко, пожалуй, не брани комедиантов; я этого не люблю! Они приносят великую пользу обществу. Они в самом верном зеркале представляют нам пороки наши, достоинства и добродетели; то, что мы суть в самом деле, и то, чем бы нам быть должно: веселить и вместе научать зрителя — есть важное преимущество драматической поэзии. Она попеременно представляет глазам твоим императоров, служителей алтарей, принцев, принцесс, рыцарей, простых воинов, словом, всех людей и все состояния. Разнообразные страсти, характеры, обстоятельства: все это заставляет их говорить каким-то необыкновенным языком, делать выразительные движения руками, ногами, всем телом, несколько часов мучиться; опускают занавес, и все исчезает, и все кончено! Ты видишь перед собою мир, любезный друг, хотя комедия, которую мы играем сами, почти всегда скучнее той, которую видим на театре.

— Это сравнение, сударь, прекрасно, только не вы его выдумали!²⁶ Я давно слышал подобное от нашего приходского священника, который сверх того говорил еще, что шашки во время игры прогуливаются по доске, а после игры кладутся все, как ни попало, в одну коробку, и это, мне кажется, также очень похоже на то, что мы делаем на свете²⁷.

— Прекрасно, Санко! Ты час от часу становишься умнее и рассудительнее.

— Хорош бы я был, когда бы, живучи с вами, не умел и не научался! И земля дает хлеб, когда ее пашут. Вы, сударь, презрительный пахарь; а я земля, и правду сказать, земля не бесплодная!

Скоро наш оруженосец попросил позволения закрыть ставни очес своих, т. е. заснуть. Он снял седло с осла, разнуздал Рыжака, оставив на нем седло по приказанию Дон Кишота, пустил их на свежую траву, и сам очень скоро погрузился в глубокий сон.

Дружба между сими редкими и добрыми скотинами, Рыжаком и ослом, была так постоянна и трогательна, что сочинитель сей повести ей одной посвятил многие главы. Переводчик, может быть, из почтения к своим героям, мало говорит о сем предмете. Он боялся оскорбить вкус некоторых разборчивых читателей описанием тихой и невинной жизни коня и осла. Довольно сказать, что иногда сей добрый конь и сей любезный осел чесали друг друга с нежною заботливостию; что Рыжак в минуту усталости клал свою длинную сухую шею поперек шеи услужливого осла, который всегда стоял неподвижен. В сем положении могли бы они пробыть целый век, если бы иногда жажда и голод

их не беспокоили. За то сочинитель и сравнивает их иногда с Дамоном и Пифием²⁸, иногда с Орестом и Пиладом²⁹, сими великими, единственными образцами совершенной дружбы, столь редкой между людьми, которым бы я советовал перенимать у Рыжака и осла Санкина. Увы! Не одни сии животные могут человека учить в добродетели; он должен краснеть перед собакою, слоном и муравьями³⁰.

Но возвратимся к нашим героям, которые оба очень покойно почивали под деревьями. Внезапный шум в лесу пробудил Дон Кишота; он приподнимается, слушает, осматривается и видит двух человек верхом; один слезает с лошади и говорит другому:

— Сними узду с наших коней, пусти их на этот луг; пускай они гуляют и щиплют сочную мураву; безмолвие сего леса согласно с тоскою моего сердца.

Путешественник бросается на траву, и латы, его покрывавшие, зазвучали, ударясь об землю. Дон Кишот подумал, что это какой-нибудь странствующий рыцарь, подбежал к Санке, потряс его за нос, разбудил и сказал вполголоса:

— Санко, Санко, радуйся, новое приключение!

— Какое? — спросил оруженосец. — Где оно?

— Посмотри сюда! Видишь ли этого странствующего рыцаря, который лежит на траве в таком унынии? Из некоторых слов его заключаю, что он очень несчастлив.

— Очень хорошо! Но какая нам нужда до его несчастий? И где вы здесь нашли прекрасное приключение?

— Друг мой! Важные приключения всегда выходят из безделицы! Тише!

Рыцарь сморкает нос; он хочет петь.

— По чести, я дам себя высечь, если он не влюблен!

— Ты отгадал! Нет странствующего рыцаря без любви.

Незнакомец запел следующую песню:

*О ночь, как ты была прекрасна,
Когда под тению твоей
Клялся я пламенно и страстно
В любви красавице моей!
Но краток сон любви счастливой!
Мне день расстаться с ней велел!
Под кровом ночи молчаливой
Я был и говорлив, и смел!
Сколь мрак таинственный, священный
Для сердца был красноречив!*

*Я мнил, душою восхищенный,
Все спит, лишь я один счастлив!
Теперь, о ночь, я содрогаясь
Под сенью тишины твоей!
Мне кажется, один скитаюсь
Я в мире с мертвою душой!*³¹

Незнакомец замолчал, вздохнул, потом продолжал печальным голосом:

— Долго ли, о любезная! Неблагодарнейшая из женщин, жестокая Кассильдея Вандальская³², будешь мучить сего рыцаря, тобою плененного? Слава дел его не смягчает каменного твоего сердца. Ужели не довольна тем, что копье мое принудило признать тебя первую красавицею в мире всех рыцарей Наварры, Лиона, Кастильи, даже Ламанхи!..

— Ламанхи! — сказал Дон Кишот. — Сомневаюсь: в этом счете не достает безделицы — одного меня! Видишь ли, Санко, что бедняк от любви сумасбродствует! Послушаем, что-то он еще скажет!

— Судя по началу, — отвечал Санко, — мы не скоро конца дождемся! Этот рыцарь — охотник говорить, как мне кажется!

В эту минуту незнакомец, услышав голос Санки, вскочил и закричал грозным голосом:

— Кто здесь? Гонимый роком или счастливый!

— Гонимый роком! — отвечал Дон Кишот.

— Приблизься, незнакомец! Сердце мое, растерзанное горестию, открыто для всех несчастливцев!

Дон Кишот пошел вперед, Санко за ним.

— Сядьте подле меня, — сказал им неизвестный, — я почитаю вас странствующими рыцарями. Кому иному быть в это время в таком месте, уединенном и мрачном, кому, кроме странствующих рыцарей, покоиться на траве благовонной, обыкновенном ложе героев?

— Так, государь мой, — сказал Дон Кишот, — я имею честь быть странствующим рыцарем, и хотя душа моя, слишком нежная, с величайшим трудом переносит собственные свои горести, но еще есть в ней чувство сострадания для ваших несчастий, которые так трогательно изобразили вы своею песнию.

— Государь мой! Из сего великодушного сострадания, которого вы меня удостоили, вижу ясно, что и вам известна жестокая, неумолимая любовь!

— Известна ли она мне? О небо! Кому вы об ней говорите?

— Ах! Государь мой, сердца наши разумеют друг друга! Вас и меня презирают!

— О нет, — воскликнул Санко, которому пришло в голову вмешаться в разговор, — господина моего не презирают! Наша любовница очень стоворчивая принцесса; настоящая овечка!..

— Что это за человек? — спросил незнакомый рыцарь.

— Мой оруженосец.

— Признаюсь, очень болтливый оруженосец! Часто ли осмеливается он говорить при своем рыцаре? Посмотрите на моего! Этот человек уже в летах, но молчаливее рыбы в моем присутствии; он не дает воли языку своему.

— А я даю своему волю, — сказал Санко с неудовольствием, — говорю, когда мне вздумается перед моим господином и перед всеми господами, которые иногда не иное что, как самохвалы, как... Но довольно, я знаю, что у меня в голове.

Тут незнакомый оруженосец взял Санку под руку и отвел его на сторону:

— Здравствуй, приятель! — сказал он. — Оставим наших рыцарей вздыхать о своих принцессах и поговорим кое о чем между собою.

— Охотно, — воскликнул Санко, — я не прочь от разговоров; только слушай меня, когда я в веселом духе.

ГЛАВА XI

Разговор между оруженосцами

— Надобно признаться, — сказал незнакомец, — что жизнь, которую мы ведем с этими странствующими рыцарями, есть самая бедная, самая худая жизнь. Всякий кусок хлеба достаешь потом и кровию!

— Правда ваша, сударь, — отвечал Санко. — Часто случается сидеть и без хлеба; иногда, прошу не погневаться, пей и ешь один воздух.

— Как же быть, любезный друг! За то мы и не останемся без награды: нет рыцаря, который бы не подарил своему оруженосцу какого-нибудь порядочного графства или герцогства!

— Если об этом слово, сударь, то признаться вам, я уже сказал своему господину, что буду доволен маленьким островом! Господин мой обещал мне этот остров, и я жду его со дня на день!

— А я просил у своего — небольшого деревенского прихода, который получу нынче или завтра.

— А, а, понимаю! Ваш господин, конечно, духовный странствующий рыцарь! Мой — просто светский. Некоторые люди, которых я не очень люблю, хотели уверить его, что лучше быть архиепископом; этому бы я не очень обрадовался. Надобно вам знать, что я совсем не способен

быть священником: приход был бы для меня хуже горькой редьки; но, к счастью, господин мой об этом и не подумал. О! Он совсем не честолюбив; его желания очень умеренны; он в гору не лезет, а просто хочет сделаться императором.

— Но послушай меня, любезный приятель! Почему ты знаешь, что управляться с островом легче, нежели с приходом? Я имею некоторое понятие об этих вещах: быть губернатором не всегда весело. Уверяю тебя, что мы гораздо лучше сделаем, когда оставим рыцарство и, возвратясь каждый в свое поместье, станем заниматься в праздное время охотою, прогулкою, рыбною ловлею, короче сказать, чего мы ищем? Разве у всякого из нас, оруженосцев, нет своего доброго коня, пары борзых собак и своего невода?

— Ваша правда! Сударь, ваша правда! Все это у меня есть; только вместо коня езжу на осле, и на таком осле, каких мало! Осел прекрасный, удивительный; весь серый, за которого, право, не возьму коня моего рыцаря! Борзых собак также у меня нет; но я об этом не плачу: их много у нас в деревне, а я люблю травить чужими собаками.

— Зачем же долго думать! Послушайся моего совета! Оставим все: и рыцарей, и острова, и приходы; возвратимся в свои владения и посвятим остаток жизни воспитанию детей наших! У меня трое мальчиков, один одного лучше!

— У меня двое, сударь, и таких, которых бы не стыдно было показать самому папе, особливо старшая, то-то девка!

— Который год этой будущей графине?

— Скоро минет пятнадцать: посмотрели бы вы на нее! Сажень росту, свежа, как майское утро, плутовское личико: весела, жива, умна, бойка и, всего лучше, сильна, как турок!

— Какие прекрасные расположения быть графинею!

— О, без сомнения! Что ни болтай ее безумная матушка, но она также верно графиня, как я Санко!

— Поговорим о господах своих! Доволен ли ты своим?

— И так и сяк! Он помешан немного, но самый добрый человек; не сделает зла ни козявке, желает счастья всему свету и так прост, что всякий ребенок может уверить его в том, что ночь бывает днем, а день ночью; за то я и люблю его, как душу, и рад за него пожертвовать жизнью!

— Мой не умнее многих; но сделался дураком для того, чтобы возвратить ум другому. Что ж касается до силы его и мужества, то я не знаю, найдется ли во всем свете человек его сильнее и смелее!

— Он, кажется мне, влюблен немного?

— Да, в какую-то Кассильдею Вандальскую; страшная женщина по своей жестокости! Что прикажешь делать! Все эти госпожи имеют свои пороки.

— Я не скажу ни слова о принцессе моего господина; но будьте уверены, что если ваша спотыкается, то наша на каждом шагу падает.

В продолжение этого разговора Санко кашлял и харкал, как человек, которому пить хочется.

— У тебя на языке сухо, замечаю я, — сказал незнакомый оруженосец, — погоди! Со мною есть прекрасное лекарство от этой болезни.

Он встает и возвращается с огромным мехом вина и пирогом, в аршин длиною.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Санко. — Что это такое, милостивый государь?

— Негодный пирожишка с зайчиною!

— Э! э! Верно, этот покойный заяц был с доброго барана ростом! Скажите мне, сударь, неужели у вас всегда такие пироги в запасе!

— Всегда! Ты видишь остаток нашей провизии.

— Какая пропасть, — повторял Санко, ломая пирог и кладя в рот кусок за куском, — признаюсь, вы удивительный оруженосец, прелюбезный, прекрасный, прещедрый, предостойный любви всех тех, которые имеют честь с вами кушать!

Эти слова были произнесены отрывисто. После долгих остановок, при каждом куске пирога, который Санко отламывал:

— Не могу, — прибавил он, — выразить, как мне приятна ваша учтивость! Этот прекрасный пирог очутился здесь как будто каким-нибудь очарованием. А я, бедный человек, сколько ни роюсь в своей сумке, никогда не нахожу в ней ничего, кроме сыра, такого крепкого, что им по нужде можно разбить голову великану, десятка реп, поддюжины луковиц и больше ничего! Мой господин уверен, что рыцари должны питаться одними сухими плодами; что...

— Стыдись говорить, товарищ! Посмотрю я, как господин мой заставит меня постничать? Пускай эти чудаки проказничают, как им угодно: какая нам до них нужда! Нет, приятель! У меня всегда на седле добрая часть холодного мяса и эта прекрасная бутылка, которую люблю без памяти, как душу, и с которою беспрестанно целуюсь.

— Милостивый государь! — сказал Санко нежным голосом. — Не позволите ли и мне поцеловать ее один раз?

Незнакомый подал ему бутылку.

Санко поднес ее к губам, и повалясь на спину, начал считать звезды. Он пробыл в этом положении, которое отменно ему нравилось, по крайней мере, минут двадцать; потом поднялся и вздохнул:

— Ах, сударь! Ах, милостивый государь! — сказал он. — Это оно; я узнал его! Из Циудад-реала³³, не так ли?

— Так точно! И очень старое!

— Кому вы это сказываете! Боже мой! Нет вина, о котором бы я не узнал безошибочно, по одному запаху, из какого оно места и какой доброты: эта небольшая добродетель досталась мне в наследство от моих предков. Вообразите, что я имел двух родных с отцовской стороны, которых и нынче почитают первыми знатоками в вине и первыми пьяницами во всей Ламанхе. Однажды пришли их звать на пробу вина: один приставил нос к стакану, другой капнул одну каплю на язык; первый сказал: «Вино хорошо, но пахнет железом»; другой сказал: «Вино хорошо, но отзывается кожей». Хозяин уверял, что этому быть не можно; что ни железо, ни кожа не приближались к вину его. Через несколько времени бочку опорожнили. Что ж увидели на дне? Маленький крошечный ключик на тоненьком кожаном ремешке. Что скажете, сударь? Я думаю, согласитесь, что правнук этих славных людей может судить о доброте вина, которым изволите его потчевать.

Санко заключил слова сии новым путешествием в бутылку. Наконец, уставши пить и разговаривать, наши оруженосцы заснули один подле другого. Сочинитель истории оставляет их в покое и возвращается к рыцарям.

ГЛАВА XII

Рыцари ссорятся и дерутся

— Скажу вам, милостивый государь, — продолжал незнакомый, — что эта несравненная Кассильдея Вандальская, которую благосклонная судьба сделала моею владычицею, всегда отвечала на мою любовь, нежную и постоянную, новыми требованиями подвигов, трудных, необычайных, каких, может быть, и самому Роланду делать не удавалось. Возвращаясь к ней с венцом победы, я всегда находил ее недовольною; она желала новых доказательств мой любви, моего мужества, и я опять должен был лететь туда, куда жестокая меня посылала. По ее повелению вызвал я в Севилле на поединок сию славную великаншу Жиральду*, которая всегда неподвижна и всегда в движении³⁴. Я пришел, увидел, победил и принудил остановиться Жиральду, благодаря

* Колоссальная бронзовая фигура, весом двадцати осьми центнеров, служащая вместо флюгера на колокольне Севильской кафедральной церкви (прим. В. А. Жуковского. — *Ред.*).

северному ветру, который дул целую неделю. Кассильдея, всегда недовольная, повелела мне потом свесить огромных быков гейзандских³⁵; подвиг, больше достойный носильщика, нежели рыцаря. Она хотела, чтобы я кинулся в глубокую пропасть Кабру³⁶ и описал ей все чудеса, в ней заключенные. Все, все исполнено мною, милостивый государь! Но что может смягчить неумолимую? Она опять повелела мне странствовать; я должен объехать всю Испанию и с мечом в руке принудить всех рыцарей признаться, что моя принцесса прелестнее всех принцесс на свете. Уже несколько месяцев скитаюсь по большим дорогам, победил многих рыцарей; но всего больше приносит мне чести победа, одержанная над первым и ужаснейшим из наших воинов, Дон Кишотом Ламанхским: я принудил сего героя признаться, что его Дульцинея не достойна спорить в красоте с Кассильдеею Вандальскою.

При этом слове наш рыцарь едва удержал гнев свой и не назвал врагом незнакомца.

— Государь мой! — сказал он, смягчив, сколько мог, свой голос. — Верю, что вы победили множество испанских рыцарей; но имею неоспоримые причины думать, что тот, кого вы приняли за Дон Кишота, был не Дон Кишот, а кто-нибудь другой. Вы обманулись!

— Как! Что вы говорите. Я точно победил самого Дон Кишота! Если хотите, я опишу его. Человек высокого роста, худой, сухощавый, долголицый, орлиный нос, усы длинные и висячие; прозвание: рыцарь Печального образа; оруженосец его есть поселянин Санко Панса; мощный конь, носящий его на хребте своем, называется Рыжакком. Принцесса его есть Дульцинея Гобозская, прежде бывшая Альдонца Лоренцо, которой он дал другое имя, также как и я своей, называвшейся прежде Кассильдою просто, а теперь называемой Кассильдеею. Кажется, довольно подробностей и доказательств! Когда же вы и теперь не уверены, то, государь мой, имею меч, который всех уверяет в истине слов моих.

— Не отказываясь от сего последнего доказательства, почтенный рыцарь, я должен объявить вам, что этот Дон Кишот есть друг мой, нежный, истинный, совершенный. Признаюсь, иначе не могу согласить рыцарского учтивства с должною справедливостию, как положив, что какой-нибудь волшебник, неприятель Дон Кишотов, дал все черты его и вид побежденному вами рыцарю. Не в первый раз коварство чародеев пытается омрачить славу сего воина. Вчера, еще вчера жестокие обратили божественную Дульцинею в гнусную крестьянку. Поверьте, что и над самым другом моим сии бездельники сыграли такую же шутку. Поверьте, повторяю, моему слову. Если бы я мог думать, что вы еще и теперь имеете сомнение, то бы сказал вам, милостивый государь:

Дон Кишот перед вами; он готов разуверить вас, чем вам угодно, мечом, копьем, словом или делом!

Сказав это, герой встает и кладет руку на меч. Незнакомец посмотрел на него спокойно.

— Люблю, когда меня разуверяют, — отвечал он, — и если говорить правду, милостивый государь, то победившему ваш образ приятно будет победить вашу особу. Однако по ночам дерутся одни разбойники: дождемся утра. Уговор, чтобы побежденный без всякого прекословия исполнил волю победителя, если только не будет она противна законам рыцарства.

— Я бы сам того же потребовал! — воскликнул гордый Дон Кишот.

Рыцари разбудили своих оруженосцев и приказали им держать в готовности коней, чтобы на самой заре сразиться.

Санко, испуганный спросонья, стоял, как немой, и хлопал глазами.

— Товарищ! — сказал ему незнакомый оруженосец. — Тебе, надеюсь, известно андалузское обыкновение?

— Нет! — отвечал унылый Санко.

— Вот оно, приятель. Кто смотрит на сражение, тот не должен стоять без дела.

— Как! Что ты под этим разумеешь?

— Я разумею то, что и нам, глядя на рыцарей, надобно черкнуть друг друга раза два ножами.

— А! Это андалузское обыкновение!

— Да, приятель! Старая привычка! Приготовляйся!

— Милостивый государь! Имею честь вам доложить, что эта прекрасная привычка никуда не годится. Господин мой, который, конечно, все рыцарские привычки знает, не сказывал никогда, что наша братья, оруженосцы, должны были драться между собою, когда рыцари схватываются. Но если положить, что это и закон, и что всех, кто не слушается законов, надобно наказывать, то я говорю наперед, что не слушаюсь закона и позволяю себя наказывать; к тому же, нет ни меча, ни ножа со мною!

— Безделица, приятель. У меня есть два больших холстинных мешка; ты возьми один, я возьму другой, и станем драться мешками.

— На это я согласен! По крайней мере, тот, кто будет сильнее бить, скорее выбьет пыль из спины своего неприятеля.

— Конечно! Только в предосторожность, чтобы ветер не унес мешков, мы положим в каждый по двенадцати крупных камешков.

— Не больше? Нечего сказать, ты не скуп! Не на таких ли подушках почивать изволишь? Но я скажу тебе один раз навсегда, что драться с тобою не стану; будь твои мешки хоть с хлопчатою бумагою, хоть с

воздухом. Какое нам дело до того, что господа наши дурачатся? Бог с ними! Станем жить да поживать; разве нам жизнь наскучила? Смерть не опоздает! Перестань об ней беспокоиться! Не рви яблока, пока зелено; созреет и само упадет.

— Однако нам нельзя обойтись без того, чтобы не подраться, хоть час времени, хоть полчаса!

— Ни минуты! К какой стати нам ссориться, пивши вместе из одной бутылки такое вкусное вино! Вздор, любезный друг, не бывать этому! Я дерусь только в сердце: а как мне сердиться на такого любезного человека, который умеет так хорошо потчевать?

— Извини, я знаю верное средство разгорячить тебя: позволь мне перед сражением дать тебе подюжины пощечин; ты, конечно, рассердишься, я за это ручаюсь!

— Доволен твоею милостию! Но лучше оставить в покое гнев мой. Бог велит людям жить мирно; это и в Евангелии написано. Кто шумит, бывает бит. Не трогай кошки, глаза выдерет: почему тебе знать, каков я и что могу сделать? Не бросай огня в порох, чтобы самому не улететь на воздух.

В сию минуту явилась заря на опаловой колеснице. Уже растения, цветы, нежные кусточки при виде прелестной богини поднимали свои головы, осыпанные перлами росы. Уже птички начинали переключаться: леса, луга, благовонные и блестящие, являлись снова оживленными; ручьи, потоки бежали быстрее; земля, небо, вся природа улыбалась, встречая светоносного бога, как бедный Санко взглянул на этого доброхотного оруженосца, с которым так дружно во всю ночь беседовал, и едва не упал навзничь от страха, увидя его страшный нос. Этот огромный нос закрывал половину лица незнакомца и двумя пальцами был ниже рта. Сверх того украшали его несколько больших бородавок, из которых торчали клочки волос. Санко отступил шага на четыре назад, думая, что перед ним привидение, и твердо решился скорее вытерпеть тысячу пощечин, нежели рассердиться на человека с таким носом.

Дон Кишот между тем рассматривал своего соперника. Лицо его было совершенно закрыто забралом. Он был невысокого роста, но казался крепким и плотным. Сверх лат имел он на себе золотое штофное полукафтаны³⁷, усеянное множеством полумесяцев, блестящих, как зеркала. Прекрасный панаш, из белых, зеленых и желтых перьев³⁸, осенял его шлем. В правой руке имел он копье с булатным острием, в левой — огромный щит. Дон Кишот заключил, что неприятель его должен быть ужасен. Он тайно поздравил себя с таким благоприятным случаем отличиться, и подошед с учтивостию к незнакомому рыцарю, просил его поднять забрало своего шлема.

— Я никогда перед сражением не открываю лица своего, — отвечал гордо незнакомец.

— По крайней мере, взгляните в меня хорошенько! Тот ли я Дон Кишот, который был побежден вами, как вы сказывали?

— Ничто не может быть сходнее вас, милостивый государь... Впрочем, не смею говорить утвердительно. Чего не сделают волшебники!

— Довольно, милостивый государь! К делу! Это копье докажет вам, что вы ошибаетесь.

Неприятели садятся на коней и разъезжаются, чтобы хорошенько расскакаться. Рыцарь Зеркала, отъехав на несколько шагов, воскликнул:

— Не забудьте, что победитель имеет право всего требовать от побежденного!

— Без сомнения! — отвечал Дон Кишот, остановившись, — кроме противного законам рыцарским.

В эту минуту он ненарочно взглянул на странный нос оруженосца и чрезвычайно удивился. Санко, который дрожал, как на морозе, и пятился беспрестанно задом от сего ужасного носа, подошел к своему господину и просил его униженно помочь ему взлезть на дерево, чтобы лучше видеть сражение.

— Понимаю, — сказал Дон Кишот, — приятель Санко любит смотреть на быков из галереи.

— Признаюсь вам, сударь, этот проклятый нос немного мне страшен: я боюсь, чтобы он меня не клюнул.

— Твоя правда, мой друг, ты имеешь небольшую привычку бояться некоторых вещей. Когда б и я был не я, то бы так же, как и ты, смешался немного.

Герой наш сворачивает в сторону, чтобы посадить Санку на дуб. Рыцарь Блестящих Зеркал в эту минуту скакал к нему во всю прыть своего коня, т. е. маленькою рысью, потому что и этот конь был не лучше доброго Рыжака. Подъехав ближе, он заметил, что Дон Кишот, занятый своим оруженосцем, еще не был готов, и остановился, желая дать ему время. Наш герой, увидя его подле себя, оборачивается поспешно, колет шпорами коня своего и в первый раз от роду принуждает его скакать галопом. Незнакомец хочет сделать то же; но усталый конь его, несмотря на все толчки каблуками, не трогался с места. Бедный рыцарь болтал ногами, бил коня уздой, копьем, щитом, чем ни попало, все напрасно. Конь стоял, как вкопанный, и герой ламанхский, полетев на врага своего с быстротою орла, выбивает его из седла и бросает без чувств на землю.

Спрыгнув поспешно с Рыжака, он подбегает с обнаженным мечом к побежденному и подымает забрало его шлема, желая узнать, жив ли

или умер. Санко в восторге слетел с своего дерева и подскочил к своему господину, который в это время, взглядевшись в лицо своего неприятеля, узнает.... сказать ли, кого? И поверит ли мне читатель?... Бакалавра Самсона Караско. Санко восклицает вне себя от удивления:

— Посмотри, посмотри! Новая шутка проклятых чародеев.

Санко смотрит, протирает глаза и, узнав бакалавра, начинает дрожать и креститься.

— Ах, сударь! — говорит он. — Послушайте меня, приколите его: на что жалеть колдунов! Чем меньше их, тем лучше.

— Я думаю, что ты говоришь правду. Может быть, этот чародей надеялся избавиться от моего мщения, приняв на себя образ Самсона.

Он подымает меч...

В эту минуту незнакомый оруженосец уже без длинного носа бросается к ногам победителя:

— Остановитесь, милостивый государь, не убивайте своего друга! Это он, это Самсон Караско; поверьте мне, клянусь вам честью, совестью, чем вам угодно!

— Где твой нос? — закричал Санко.

*Спрыгнув поспешно с Рыжака,
он подбегает с обнаженным мечом
к побежденному.*

— Вот он, — отвечал оруженосец, вынув его из кармана.

— Что за черт! — прибавил Санко. — Ты как будто мой сосед и кум Томас Сезиал³⁹?

— Конечно, я твой сосед и кум Томас Сезиал: если хочешь, я растолкую тебе, для чего бедный Самсон Караско и я так нарядились; только ради Бога попроси господина своего не умерщвлять безоружного человека!

Тут бакалавр опомнился, и Дон Кишот, приставя к груди его меч, сказал:

— Рыцарь! Ты умрешь, если не признаешься, что Дульцинея прелестнее твоей принцессы, и если не дашь верного слова пойти в город Тобозо упасть к ее ногам от моего имени и потом возвратиться ко мне с известием о здоровье и состоянии моей любезной!

— Обещаю исполнить все, что вам угодно, — отвечал слабым голосом Самсон Караско.

— Этого не довольно! — прибавил Дон Кишот. — Признайся и объяви, что прежде побежденный тобою рыцарь не мог быть Дон Кишот Ламанхский; так как и я признаюсь и верю, что ты не бакалавр Караско, а кто-то на него похожий!

— Вы совершенно правы, — сказал несчастный побежденный. — Признаюсь во всем и верю всему, чему приказать изволите, но, ради Бога, дайте мне руку и помогите мне подняться!

Довольный Дон Кишот поднял и посадил на коня своего неприятеля с помощью обоих оруженосцев, и оставя его на руках Томаса Сезиала, который отвез его в ближнюю деревню, поехал вместе с Санкою по Сарагосской дороге.

ГЛАВА XIII

Кто таковы рыцарь Блестящих Зеркал и оруженосец его

Герой ламанхский, прыгая в седле от радости, поздравлял себя с славным подвигом и утешался надеждою скоро узнать от рыцаря Блестящих Зеркал о несравненной Дульцинее. Он скорым шагом удалялся от своего неприятеля, который печально, задумчиво и повеся голову ехал с своим оруженосцем и немало досадовал на случай, который так худо помог ему исполнить его прекрасное предприятие. По совету Николаса и священника, он сделался странствующим рыцарем. Сии два друга нашего героя, не надеясь удержать его дома силою, решились дать ему волю и немного спустя времени послать за ним бакалавра в рыцарском платье.

— Ты его вызовешь на поединок, — сказали они Самсону, — победишь и возьмешь с него клятву целые два года не выезжать из дому и не брать в руки оружия. Дон Кишот, верный исполнитель законов рыцарства, конечно, не забудет своего слова; между тем мы найдем средство его вылечить.

Молодой бакалавр, надеясь повеселиться, согласился на просьбу отца Переса и цирюльника. Томас Сезиал, Санкин сосед, умный весельчак, взялся играть ролю оруженосца. Караско переоделся, как видели. Томас, чтобы не быть узнанным от Санки, украсился бумажным носом; они отправились вслед за нашими странниками, надеясь нагнать их на том месте, где им попалась колесница Смерти; под вечер они увидели их в лесу. Читатель знает, как удачно исполнилось предприятие замысловатого Караско.

— Что вы задумались, сударь? — сказал Томас бакалавру. — Дон Кишот — сумасшедший! Мы называем себя умниками: он, однако ж, теперь очень весел и доволен; а мы едем, повеся носы, побитые не на шутку. На чьей стороне ум?

— На нашей, без всякого сомнения, — отвечал Караско, — мы можем перестать безумствовать, когда захотим.

— В таком случае имею честь вам доложить, что я больше не безумец, и что в первой деревне расстанусь с вами.

— Очень хорошо сделаешь, приятель! Что ж касается до меня, то, сделавшись один раз странствующим рыцарем, не перестану быть им по тех пор, пока хорошенько не побью господина Дон Кишота. Я рассержен, признаюсь откровенно. До сих пор искал я этого безумца с тем, чтобы его образумить; теперь буду искать его с тем, чтобы наказать.

В таких разговорах наши битые герои доехали до ближней деревеньки, в которой оруженосец оставил своего рыцаря лечиться, и мы оставим его в надежде, что со временем опять с ним увидимся.

ГЛАВА XIV

Встреча героя с ламанхским дворянином

Мы сказали, что рыцарь Дон Кишот, гордясь своею победою и почитая себя, по крайней мере, первым рыцарем в свете, ехал по Сарагосской дороге в твердом уверении, что уже никакой подвиг не может быть для него труден и опасен; он называл вздором все очарования и глупцами всех очарователей, забыв их прежние гонения. Одна только мысль о бедственной участи Дульцинеи уменьшала его счастье. Он думал об ней с горестию и искал уже в голове способа возвратить несчастной прежний ее образ, как Санко прервал его размышление.

— Милостивый государь! — сказал он. — У меня из головы не выходит странный нос Томасов. Я не могу понять, как можно иметь такой огромный нос, прятать его в карман, когда придет в голову; приставлять его ко лбу, когда захочешь?

— Как, приятель, ты в самом деле думаешь, что видел Томаса Сезиала и бакалавра Самсона?

— Как же не думать! Не будь носа, я рад божиться, что это мой кум Томас Сезиал. Я сам сколько раз бывал с ним вместе и с ним говаривал! Его рост, лицо и голос.

— Хорошо, Санко, рассудим порядочно! Первое, скажи мне, можно ли, не сойдя с ума, подумать, чтобы Караско-бакалавр, человек тихий

и невздорный, вдруг ни за что, ни про что сделался рыцарем и приехал вызывать меня на поединок? Разве я его неприятель? Какое зло я ему сделал? Может ли он хотя в чем-нибудь на меня пожаловаться? Ни в чем! Я прав пред ним и телом, и душою! Ты скажешь: зависть? И этому быть нельзя. Как можно бакалавру завидовать рыцарю! Одинакого ли мы звания?

— Все это, сударь, прекрасно! Я рад во всем согласиться с вами! Но скажите, если это в самом деле проказы господ колдунов, какой черт велел им непременно выбрать фигуры Самсона Караско и моего кума Томаса, когда и без них много разных фигур на свете?

— Очевидная, самая простая причина! Предвидя, что в этом славном подвиге победа по обыкновению покорится копыю моему, они поспешили дать побежденному образ моего друга, чтобы обезоружить справедливый гнев мой и спасти воина, ими на погибель мою вооруженного. Впрочем, Санко, не тебе сказывать о превращениях: ты сам видел одно такое, которому не найдешь примера ни в одной истории; ты помнишь, что в самую ту минуту, когда прелести молодой Дульцинеи ослепляли глаза твои, мне, бедному, мне, несчастному, казалась она гнусною, безобразною крестьянкою! Надеюсь, что это превращение немного потруднее Самсонова. Но мне ли думать о коварстве и хитростях чародеев!

Санко, который очень знал, что не чародеи, а он сам превратил Дульцинею в гнусную, безобразную крестьянку, не очень был доволен доказательствами своего рыцаря. Он не смел отвечать, опасаясь изменить себе, и почесывал голову, не говоря ни слова. Тут поравнялся с ними путешественник, ехавший на прекрасной серой кобыле в яблоках. На этом незнакомце была епанча из зеленого сукна⁴⁰ с фиолетовым бархатным подбоем, такая же бархатная шапка; прибор на кобыле фиолетового же цвету с зеленым, сбоку маврокисская сабля⁴¹ на богатой перевязи; сапожки такие же, как и перевязь, с зелеными лакированными шпорами. Во всем его наряде заметна была опрятность, без всякой излишней разборчивости. Лицо незнакомца, который, по-видимому, имел около пятидесяти лет, седины, ясное спокойствие лица его, все вместе вселяло к нему какую-то сердечную доверенность, какое-то особенное почтение.

Поравнявшись с Дон Кишотом, он поклонился ему учтиво и проехал мимо.

— Государь мой! — сказал рыцарь. — Если мне и вам одна дорога и если вы никуда не спешите, то я сочту за великое удовольствие быть вашим товарищем.

— Я бы, конечно, первый сделал вам это предложение, — отвечал путешественник, — когда бы не боялся вашего жеребца. Подо мною кобыла, как видите.

— О! Не бойтесь ничего, — воскликнул Санко, — наш конь очень учтив и спокоен. Во всю жизнь свою не имел он больше одного покушения. Мой господин и я долго этого не забудем; подъезжайте к нам смело; бедная скотинка и не поглядит на вашу кобылу.

Путешественник приблизился к Дон Кишоту и начал пристально его рассматривать. Рыцарь ехал с открытою головою; он отдал шишак свой Санке, который держал его в руках, перед собою положив на седельную луку. Необыкновенное лицо героя, удивительная длина его лошади, его высокой рост, оружия, лицо, сухое и желтое, привели в такое изумление незнакомца, что сам Дон Кишот это заметил.

— Вы, конечно, мне удивляетесь! — сказал он, улыбнувшись. — Напрасно — я не более как странствующий рыцарь. Я оставил отечество, родных и дом родительский; заложил почти все имение и слепо кинулся в объятия фортуны. Я хочу воскресить странствующее рыцарство и давно, побеждая опасности, презирая несчастья, не покоряясь самой судьбе, езжу по свету, подаю слабым руку помощи, покровительствую притесненным, служу красавицам, защищаю моим копьем сирот и вдов оставленных. Некоторым подвигам, довольно счастливым, обязан я небольшою славою: моя история уже напечатана; тридцать тысяч экземпляров моей жизни раскуплены в Испании. Не буду удивляться, если раскупятся и еще тридцать тысяч. Одним словом, я Дон Кишот Ламанхский, прозванный рыцарем Печального образа. Скромность моя оскорбляется похвалами, которыми сам себя осыпаю. Но что делать, сударь! Иногда, как ни будь скромн, а поневоле скажешь о себе слово, если некому говорить другому.

Дон Кишот замолчал, а незнакомец, еще больше изумленный, не знал, что отвечать ему. Подумав, он начал говорить:

— Господин рыцарь! Извините, но ваши слова удивляют меня больше вашей наружности. Признаться, я не думал, чтобы в нынешнее время были еще странствующие рыцари на свете, и чтобы их истории печатались. Хотя почитаю душевно ремесло защитников невинности, вдов и сирот, но, право, никогда не думал встретиться с людьми, столько добродетельными, чтобы всю жизнь свою посвятить сему благородному званию. Поздравляю вас от всего сердца, и если печатная история ваших подвигов содержит в себе — как я и думаю — одно описание дел благородных и великодушных, то я, конечно, прочту ее с удовольствием, и с таким удовольствием, какого никогда не имел при чте-

нии сумасбродных рыцарских романов, в которых не найдете вы никаких следов тени ума, вкуса и нравственности.

— Государь мой! — сказал Дон Кишот с важностию. — Не всякий согласится почитать вместе с вами сии книги вздорными и баснословными.

— Надеюсь, что все в том уверены!

— Я не уверен! И если бы имел время, то доказал бы вам неоспоримым образом, что нет ничего в свете правдоподобнее, справедливее и полезнее рыцарских романов. По несчастию, теперь вошло в обычай называть их баснями. Как бы то ни было, но мы оставим эту материю; скажите мне лучше, с кем я имею честь разговаривать?

— Я — ламанхский дворянин; моя деревня очень близко отсюда; мы будем в ней обедать, если вы захотите мне сделать честь посетить меня. Называюсь дон Диегом де Миранда; живу посредственным достатком, но доволен. Провожу время с женою, детьми и некоторыми друзьями. На досуге занимаюсь охотою, рыбною ловлею, хотя не имею собак, ни охотников: великолепие нейдет к моему состоянию. Стреляю рябчиков и цапель. Имею также несколько книг латинских и испанских: книги почитаю своими друзьями и для того не хочу иметь их очень много. История веселит меня и наставляет. Чтением духовных книг образуется мое сердце; но больше всего люблю сочинителей светских, соединяющих чистую нравственность с пылким воображением и прекрасным слогом. Иногда посещаю своих соседей; а чаще зову их к себе в гости; за столом, не пышным, но изобильным, стараюсь веселить их, не злословя и не позволяя злословить. Не люблю разведывать о поступках моих знакомых; стараюсь наблюдать за своими: ограничиваю себя небольшою сферою, исполняю должности христианина и даю бедным часть своего избытка. Имея счастье быть благодетельным, не люблю хвастать своими благодеяниями, храню тайну в своем сердце: тщеславие уменьшает цену доброго дела; на что им хвалиться, когда оно само по себе приятно? Мирю моих соседей, соединяю несогласные семейства; доказываю им, что на земле нет счастья без взаимной любви и желания помогать своим ближним. Таким образом проходят дни моей жизни; я ожидаю спокойно той минуты, в которую предстану пред вечного Создателя, больше милосердного, нежели правосудного.

Дон Диего замолчал. Санко, который во все это время не говорил ни слова и слушал очень внимательно, спрыгивает с осла, подбегает к добродушному путешественнику, и заливаясь слезами, начинает целовать его ноги.

— Что ты делаешь, друг мой? — спросил удивленный дон Диего.

— Свою должность, сударь. Я христианин, а вы святой человек. Первый, которого вижу в зеленой епанче, на большой дороге.

— Ошибаешься, я не святой! Я слишком далек от святости. Скромность твоя доказывает, что ты, мой друг, гораздо меня лучше.

— Желал, чтоб это была правда, — отвечал Санко, садясь на осла и обтирая рукавами слезы, которые катились еще по щекам его.

— Позвольте, милостивый государь, — продолжал Дон Кишот, — сделать вам еще несколько вопросов. Вы знаете, что древние философы, по несчастью, не просвещенные верою, ограничивали земными наслаждениями свое счастье и думали, что они обитают в кругу многочисленного семейства. Скажите мне, имете ли детей, и много ли?

— Имею одного сына, государь мой, и должен вам признаться, что не нахожу в нем такого утешения, какое найти надеялся. Ему осьмнадцать лет; он учился в Саламанке: знает по-гречески, по-латыни, но, по несчастью, так привязался к поэзии, что перестал думать о других науках, гораздо полезнейших в обществе. Вместо того, чтобы воспользоваться своими способностями, своим умом для приобретения какого-нибудь выгодного звания по службе, он занимается, чем вы думаете? Вздорными сравнениями стихов Гомеровых с Virгилиевыми; разбором эпиграмм Марциаловых⁴² и сличением их оригинала с толкованием комментаторов. Он думает о фортуне, о деньгах, о чинах гораздо меньше, нежели о Горации, Тибулле, Ювенале⁴³. Отечественных поэтов почитает он маловажными; презирует все новые языки: то, что написано не по-гречески и не по-латыни, кажется ему посредственным и недостойным никакого внимания.

— Я не имею нужды напоминать вам, государь мой, — сказал Дон Кишот, — что недостатки детей не должны уменьшать любви родительской. Отцы, без сомнения, обязаны заранее выбрать для детей своих лучшую и выгоднейшую дорогу, быть их путеводцами, им руководствовать, наполняя сердца их любовью к добродетели; но если дети уже в летах, если, не удаляясь от сей добродетели, они откажутся идти по тому поприщу, на которое ведут их насильно; если чувствуют решительную склонность к тому, а не к другому званию, к той, а не к другой науке, то, кажется мне, отцы и матери не имеют никакого права их неволить. Такое насилие может быть позволено одному ремесленнику, который, доставая хлеб работою, должен выучивать и детей ремеслу своему. Что же касается до вас, государь мой, то вы напрасно не радуетесь привязанностию вашего сына к поэзии. Она есть прелестная, цветущая дева, которой приятностям, блеску и скромной стыдливости удивляются и уступают пальму все прочие науки, завистливые и гордые между собою, покорные одной поэзии, единогласно признанной

от них царицею. Поклоняться ей не почитают они унижением; и стараясь украшать ее, сами украшаются. Счастлив молодой человек, привязанный к поэзии! Счастлив, если умеет любить ее! Он должен и щадить, и беречь стыдливую красавицу, должен скрывать ее от взоров порочного; не желать для нее успехов ничтожных и постыдных; не продавать ее злобе и гордости в едкой сатире; не выставлять ее на сцену перед глазами безумцев и невежд, и я разумею под сим названием не одну толпу зрителей, сидящих назади, но и толпу знатных господ, которые не лучше судить умеют, сидя впереди. Если ваш сын, государь мой, в таком смысле любит поэзию, то поздравляю вас от всего сердца! Она сделает его счастливым, славным и добродетельным.

Что ж касается до его непочтения к нашим поэтам и нашему языку, то это есть такая ошибка в логике, которой подвержены многие мне известные люди. Эти господа не думают, что Гомер и Вергилий в то время, когда они писали свои поэмы, были не древние, а новые писатели; что они сочиняли стихи свои на том самом языке, на котором тогда все говорили, и не имели никакой нужды желать другого для выражения высоких мыслей своих. Удивляйтесь им, я согласен, но также удивляйтесь и доброму немцу, который говорит по-немецки, и кастильянину, который говорит по-испански, и даже бискайцу, если он на грубом языке своем умеет говорить прекрасно. Думайте, что хотите, любезный дон Диего; но я уверен, что если сочинение не нравится, то виноват не язык, а один сочинитель. Если он рожден поэтом, если душа его чувствительна и пламенна, без чего и самый упорный труд ничего не значит, то язык его будет приятен и привлекателен, то он откроет в нем сокровища неизвестные и возведет его на степень языков ученых и классических. Скажите ж своему сыну, чтобы не презирал испанского языка; скажите, что если бы Гомер родился в Испании, то наша «Илиада» не уступила бы греческой. Не противьтесь его страсти к стихам: только советуйте ему писать одни хорошие; подражать сим древним поэтам, которых он по справедливости обожает, быть врагом пороков, а не людей; прославлять и воспламенять в людях одни благородные чувства добродетели, и, наконец, не забывать никогда, что истинный гений в сердце, а не в голове; что перо есть орган души; что самое верное средство пленять верным изображением добродетели есть быть самому добродетельным. Будьте уверены, государь мой, что сын ваш, избравши такую дорогу, приобретет любовь и почтение своих современников и останется в памяти потомков. Сама фортуна рано и поздно сделается к нему благосклонною, и цари, земные боги, будут принуждены увенчать его оным бессмертным лавром, к которому грома коснуться не смеют⁴⁴. Пример почтения, которым люди обязаны гению.

Дон Диего слушал Дон Кишота с удовольствием и начинал думать, что он не совсем безумный. Санко, которому разговор путешественников показался скучным и продолжительным, свернул с дороги и кушал молоко у пастухов, которые в стороне стерегли свою скотину. Дон Диего, восхищенный умом и нравоучениями нашего рыцаря, хотел продолжать свои рассуждения; но Дон Кишот увидел вдали на большой дороге огромную повозку, над которой развевались бандероли с королевскими гербами⁴⁵. «Новое приключение», — подумал он и начал громким голосом кликать Санку, который, оставя пастухов, пустился во всю ослиную рысь к своему господину.

ГЛАВА XV

Неоспоримое доказательство, что не было, нет и не будет рыцаря неустрашимее Дон Кишота

Надобно знать, что Санко в ту самую минуту, когда рыцарь его кликнул, купил у пастухов свежего сыру и в торопливости положил его в шишак Дон Кишотов.

— Подай шишак! — сказал наш паладин, как скоро приблизился к нему оруженосец. — Я позволю назвать себя сумасшедшим, если подвиг, представляющийся в сию минуту, не будет самым славным и удивительным из всех подвигов на свете. Вооружимся!

Путешественник в зеленой епанче начал осматриваться во все стороны. Он увидел на большой дороге закрытую повозку с бандеролями; подумал, что везли казенные деньги, и сказал об этом Дон Кишоту; но Дон Кишот, который слепо верил своему воображению, отвечал, что знает свое дело; что неприятели, видимые и невидимые, готовы всякую минуту напасть на него под разными образами; что он не может не быть осторожным. И горя желанием сразиться, вырывает из рук Санки свой шишак, не давши ему времени вынуть сыр, надевает его на голову, укрепляется на седле и готовится поразить неприятеля.

Между тем сыр, находившийся в шишаке, мало-помалу начал растапливаться и потек молочными ручьями по лбу, щекам и вдоль носа нашего рыцаря.

— Что это значит? Мой друг Санко, — спросил он в изумлении, — голова моя тает; мозг превращается в воду; я еще никогда не бывал облит таким ужасным потом. Потеею, точно потеею, но кажется, не от страху! Конечно, предвещание чего-нибудь ужасного! Дай мне обтереться, Санко! Глаза мои залиты; не могу ничего видеть.

Оруженосец подает ему полотенце, не говоря ни слова, и молит потихоньку Бога, чтобы рыцарь не узнал истины. Герой снимает шишак, и увидя в нем что-то, похожее на творог, приближает его к носу:

— Клянусь престелами Дульциней! Это сыр! — воскликнул он. — Мой плут, мой негодяй оруженосец наклал сыру в шишак!

— В самом деле, сыр? — спросил Санко с притворным простодушием. — Пожалуйте его мне: я очень люблю сыр. Однако... извините; этого сыру не возьму в рот. Черт его стряпал, черт его и ешь! Как могли подумать, чтобы я, ваш верный Санко, принял рыцарский шлем за горшок и наклал в него сыру? Нет, нет, это на меня не похоже! Конечно, есть такие очарователи, которым и я не понравился, которые и меня, как маленькую частицу странствующего рыцарства, согласились преследовать. Плуты выдумали эту прекрасную хитрость, чтоб рассердить моего доброго господина и заставить его пощупать мне бока и спину! Обманулись, милостивые государи! Мой рыцарь — человек рассудительный! Он знает, что со мною не было сыру, и что я в противном случае не в шишак, а в желудок бы его спрятал.

Дон Кишот, не отвечая ни слова, обтер свой нос и щеки, вычистил шишак, надел его на голову, осмотрелся с грозным видом, потряс копьём и воскликнул:

— Да явятся враги мои, ожидаю их без трепета, и в сию минуту готов сразиться с самим сатанюю!

Путешественник, который все видел и слышал, не верил самому себе и смотрел на рыцаря большими глазами. Повозка с бандеролями приблизилась. При ней были два человека: один впереди на мулах, другой назади на самой повозке. Дон Кишот их останавливает.

— Скажите мне, любезные друзья, куда вы едете и что это за повозка?

— Это моя повозка! — отвечал сидевший на мулах. — Я везу двух африканских львов, посылаемых оранским губернатором в подарок его величеству: вы видите королевский герб на бандеролях.

— Сильны ли немного эти львы?

— Так сильны, что в Испании никогда не бывало им подобных. Я уже перевозил их немало, но лучше этих не видывал. В этой клетке лев, а в этой львица; они еще нынешний день не кормлены и начинают чувствовать голод. Прошу покорно вашу милость долее нас не удерживать.

— Понимаю! — сказал Дон Кишот с улыбкою презрения. — На меня выпускают львенков! Ха! Ха! На меня! Львенок! Львенков! На меня! Эти господа с ума сошли. О! Они сей час узнают, что я делаю со львенками⁴⁶. Добрый человек! Слезь поскорее с мула; потрудись отворить клетки и дай мне этих бедных тварей: мне приятно будет доказать

господам волшебникам, которые их ко мне посылают, что рыцарь Дон Кишот Ламанхский не охотник до шуток.

Между тем как извозчик, остолбенев, смотрел на паладина, а дон Диго, изумленный, не говорил ни слова, Санко, сложив руки, подбежал к сему и со слезами на глазах воскликнул:

— Милостивый государь! Будьте уверены, что эти львы нас проглотят, если вы не отсоветуете господину моему с ними драться.

— Твой господин не так глуп, чтобы напасть на этих ужасных животных.

— Вы его не знаете! Он нападет на черта!

— Успокойся! Я поговорю с ним.

Тогда, подошед к Дон Кишоту, который принуждал извозчика отворить клетки, он сказал:

— Господин рыцарь! Извините меня, если напомним вам, что истинное мужество соединено всегда с осторожностью. Кто подвергается неминуемой гибели, тот поступает неблагоразумно. Эти львы не за тем приехали из-за моря, чтобы с вами сразиться. Такая мысль им в голову не приходила. Они просто едут ко двору, будут представлены его величеству, и только! Советую вам их не беспокоить и отпустить с миром.

— Государь мой! — отвечал Дон Кишот. — Вы очень искусно стреляете куликов и цаплей; вы умеете управляться с своим домом и семейством — все это прекрасно. Я умею быть рыцарем. Всякий знает свое дело, говорит пословица. Я уверен, что эти львы нарочно для меня оставили Африку. Сей час докажу вам истину моего мнения. А ты, плутишка, отпирай скорее клетку, или клянусь всем на свете, что этим копьём сделаю сито из твоего тела!

— По крайней мере, позвольте мне отпрячь моих мулов! — воскликнул извозчик, приведенный в ужас голосом и взором Дон Кишота. — Они составляют все мое богатство.

— Недоверчивый! Соглашаюсь исполнить твое безумное желание! Отпрягай мулов и беги! Через минуту узнаешь, как бесполезна твоя предосторожность.

Извозчик поспешил отпрячь мулов; потом сказал дон Диго и Санке:

— Государи мои! Вы свидетели, что не я выпустил львов. Не мне, а этому господину должно будет отвечать за все пакости, за все беды, которые они наделают, за все протори⁴⁷ и убытки. Я не виноват ни в чем! Однако советую вам уехать подальше, прежде, нежели отпрут клетки; мне же бояться нечего: львы меня знают.

Дон Диго начал было опять уговаривать Дон Кишота, но его не послушали. Санко на коленях со слезами просил, заклинал его бросить

опасных животных, в сравнении с которыми все ветряные мельницы, все сукновальни и все палочные удары казались ему розами.

— Милостивый государь, господин рыцарь! — говорил он жалким голосом. — Подумайте, что здесь все очень естественно и нимало не похоже на очарование. Львы эти настоящие львы. Я имел удовольствие видеть сквозь решетку только одну лапу этих господ и уверяю вас, что всякий лев, у которого есть такая прекрасная лапа, должен быть огромнее башни.

— Понимаю! — сказал Дон Кишот. — Кто трус, для того и лев покажется с башню! Поди, поди, мой друг, Санко, дело и без тебя обойдется! Если погибну в сражении, то знаешь, что сказать Дульцинее: эта материя должна быть давно тебе известна. Поди, Бог с тобою! Мне время с ними разделаться.

Дон Диего, видя, наконец, что не было возможности остановить Дон Кишота, решил дать шпоры своей кобыле и уехать подальше; товарищ извозчика последовал за ним с своими мулами, также как и печальный Санко, которому казалось уже, что господин его в зубах у страшных львов, и что он сам до половины съеден; он плакал, охал, а между тем не забывал толкать под бока осла и скакал по полю не останавливаясь.

Извозчик хотел было опять уговаривать Дон Кишота, но ему приказали молчать и повиноваться. Он повесил голову и подошел к клеткам. Рыцарь между тем говорил сам с собою: «Не лучше ли сделаю, когда сражусь пеший? Рыжак может испугаться, увидя львов; может броситься в сторону и унести меня с собою: бешенство его и неукротимость всем известны. Отпущу его!»

Рыцарь слезает с коня, бросает на землю копьё, накрывается щитом, вынимает меч и, призвав на помощь Бога и Дульцинею, становится с видом спокойствия, с мужеством во взорах против повозки.

— О, Дон Кишот! Неустрашимейший из рыцарей! — восклицает в сем месте правдолюбивый повествователь его деяний. — Какими словами достойно изобразу твоё мужество? Поверят ли потомки сим подвигам, превышающим понятие человеческое. Один пеший, без всякой подпоры, кроме своего сердца, сего великого сердца, незнакомого с робостию, с одним палашом, увы, тупым и иззубренным, с одним щитом, до половины покрытым железом и съеденным ржавчиною, ты хочешь победить львов, и таких львов, которым подобных не найдешь в целой Африке! Нет, нет, не буду хвалить тебя, о рыцарь Ламанхский! Опишу просто, без всякого украшения, твоё великое дело.

Извозчик, наконец, решается удовлетворить желанию Дон Кишота. Он отпирает клетку льва, который является со всем своим ужасом:

огромный ростом, покрытый страшною гривой, с горящими, грозными взорами. Дон Кишот смотрит на него без робости. Лев поворачивается, ложится на спину, катается по клетке, вытягивает свои лапы, выставляет когти, опять ложится на бок, открывает широкую пасть и зевает; потом ужасным языком своим, который выходит на два фута наружу, облизывается, обчищает свою морду, щеки, брови; приподнимается на ноги, выставляет свою необъятную голову из клетки и начинает обращать направо и налево глаза свои, воспаленные, как жаровни.

Наш рыцарь, неподвижный и внимательный, следовал взором за всеми движениями грозного зверя, не чувствуя никакого ужаса и горя желанием начать сражение; но великодушный лев, который очень мало думал о рыцарях, о поединках и о славных подвигах, поглядев на все стороны, поворачивается назад, показывает герою широкий зад свой и покойно ложится в угол своей клетки.

— Раздразни его как-нибудь, — сказал Дон Кишот извозчику. — Я хочу, чтобы он на меня бросился!

— Нет, прошу извинить меня, этого ни за что не сделаю! Он первого меня разорвет на части. Но скажите мне, господин рыцарь, чего вам еще хочется? Неужели вы еще не довольны? Разве неустрашимость ваша не доказана в сем случае самым неоспоримым образом? Кому придется в голову требовать от вас нового опыта? Клетка отперта; лев может выйти, если захочет; вы ожидали его и теперь ожидаете: довольно! Я думаю, что всякий рыцарь, который вызывал напрасно врага своего на поединок, исполнил все обязанности рыцарского звания и может остаться спокойным на счет своей славы. Победа ваша! Милостивый государь: лев струсил, следственно побежден.

— Ты говоришь правду, любезный друг, — сказал Дон Кишот. — Запри клетку и дай мне свидетельство по форме во всем том, что я сделал пред глазами твоими; напиши, что ты выпускал на меня льва; что я вызывал его на поединок; что он струсил; что я повторил свой вызов, и что он опять отказался от сражения. Прекрасно! Я прав со всех сторон: да погибнут очарователи и волшебники; да здравствует рыцарство!

Извозчик не заставил рыцаря дожидаться и тотчас запер клетку; между тем Дон Кишот, навязав на копьё платок, начал им махать и кликать дон Диего и Санку, которые, скакавши во всю прыть, беспрестанно оглядывались. Они увидели платок.

— Что это? — сказал Санко. — Рыцарь нам машет! Поздравляю! Бедные львы, конечно, отправлены на тот свет. Поедем к нему!

Они поворотились, и как скоро подъехали к рыцарю, то он сказал товарищу извозчика:

— Мой друг! Ты можешь опять запрячь своих мулов и ехать своею дорогою; а ты, Санко, дай этим господам по ефимку за то, что они были так снисходительны к моей просьбе.

— Охотно дам! Но где же львы? Что с ними сделалось?

Извозчик рассказал подобно, с пышными похвалами Дон Кишотовой неустрашимости, о всем, что произошло в их отсутствии: как лев не осмелился сразиться, и как рыцарь, приказав отпереть клетку, наконец, согласился опять запереть ее.

— Ну! Что скажешь, Санко? — воскликнул восхищенный Дон Кишот. — Еще ли думаешь, что истинное мужество непременно подвластно чародеям и волшебникам? Нет, мой друг, не оскорбляй Провидения! Счастливец бывает их жертвою; добродетельный никогда!

Санко отсчитал ефимки. Извозчик и его товарищ поцеловали руку героя; поблагодарили его и обещали рассказать королю о том, что видели.

— Государи мои! — сказал Дон Кишот. — Если его величеству будет угодно спросить вас о имени сего неустрашимого человека, который отважился на такое дело, то вы меня обяжете, если назовете меня рыцарем *Льва*. Я решился принять сие прозвание и оставить свое прежнее *рыцарь Печального образа*. На это имею неоспоримое право по примеру всех древних рыцарей, которые меняли, когда хотели, свои девизы и прозвания.

Извозчики согласились на все и поехали. Дон Кишот, дон Диего и Санко продолжали вместе свою дорогу.

Сей добрый дон Диего, пораженный изумлением, молчал и был в совершенном замешательстве от всего того, что видел и слышал. Он не знал, как назвать Дон Кишота: мудрецом или сумасшедшим. Ему не случилось еще прочесть первой части его приключений. Он сравнивал его разговор умный, приятный и учтивый со всеми его сумасбродными поступками. Его рассуждение о поэзии с творогом в шлеме, который казался ему обвороженным; его справедливые мнения о любви, о семейственном счастье, о правах родителей — с сим неожиданным намерением сразиться со львами, которых везли в королевский зверинец: столько противоречий казались ему совершенно непонятными; он был погружен в размышления, не говорил ни слова, и Дон Кишот, посмотрев на него с примечанием, сказал:

— Я уверен, что вы, дон Диего, теперь думаете обо мне, и что я кажусь вам несколько странным! Вы правы, любезный друг; но войдем в некоторые рассуждения.

Уважают искусного рыцаря, который на площади перед глазами двора и многочисленного народа пронзает копьём разъяренного быка;

дают награду победителю на турнире, и я согласен, что позволено, даже похвально искать такой славы; но есть другая, гораздо прелестнейшая, потому что она полезна для всех и для каждого, слава странствующего рыцаря, который пробегает степи, пустыни, взбирается на горы, на утесы, не ужасается, ищет опасностей, и все единственно для того, чтобы подать руку помощи какому-нибудь несчастному, забытому в неизвестном углу света, и все в непоколебимом уверении, что добрые дела гораздо лучше блестящих и громких. Пускай могущий своим могуществом, богатый своею пышностью, светский человек своею любезностию привлекают милости государя, удивляют двор и ловят красавиц: я хочу быть другом, защитником сироты и вдовицы. Предпочитаю страдание для других наслаждению для одного себя. Уверен, что для скорейшего достижения к сему совершенству добродетели, столь драгоценному для моего сердца, необходимо должно ополчить свое тело против трудов и слабостей, приучить душу к презрению страха и опасностей; уверен, что должно искать сих опасностей, стремиться к ним, одолевая их или пленяться.

Итак, встречая на дороге львов, нападаю на них без ужаса, не колеблясь нимало. Такой поступок может показаться неосторожно смелым. Соглашаюсь и даже уверен, что истинное мужество столь же удалено от сей безумной смелости, как от самой робости; но, любезный дон Диего, разве не лучше на пути к добродетели перешагнуть через цель, нежели, не дойдя до нее, остановиться?

— Не могу не назвать справедливыми ваших рассуждений; сам рассудок говорит языком вашим, — отвечал дон Диего, — и если бы когда-нибудь законы рыцарства, столь благотворные и чистые, могли потеряться в этом мире, то я уверен, что их опять нашли бы в вашем сердце. Однако поспешим, любезный рыцарь! Пора нам приехать в свое место. Я надеюсь, что вы у меня пробудете несколько дней и отдохнете от трудов своих.

Рыцарь учтиво поблагодарил его; кольнул шпорами ленивого Рыжака, который прибавил шагу. В два часа пополудни они приехали в деревню дон Диего, которого Дон Кишот называл рыцарем Зеленой епанчи.

ГЛАВА XVI

Рыцарь в гостях у дон Диего и некоторые глупости

Дон Диегов дом был велик и просторен. Герб его, высеченный на камне, украшал фронтоны ворот. Погребки были выстроены на дворе,

широком и чистом; близ забора стояли в ряд большие глиняные кувшины, которыми торгуют жители тобозские. Сии глиняные кувшины напомнили Дон Кишоту о любезной и несчастной Дульцинее. Он остановился, вздохнул и, поглядев со слезами на кувшины, сказал:

*Залог нежности моей,
Смотрю на вас и вспоминаю
О счастья протекших дней;
Смотрю и слезы проливаю!*⁴⁸

Он хотел продолжать, но к ним вышли навстречу донна Христина, жена дон Диегова, и молодой сын его, студент; невольное изумление принудило остановиться обоим и посмотреть внимательно на странную фигуру героя, который тот час спрыгнул с Рыжака и подошел к руке донны Христины.

— Рекомендую вам, сударыня, — сказал ей дон Диего, — рыцаря Львов Дон Кишота Ламанхского, неустрашимейшего, любезнейшего и умнейшего из всех странствующих рыцарей на свете.

Донна Христина, хотя удивленная, обошлась отменно ласково с Дон Кишотом, который осыпал ее учтивостями, наскзал множество приветствий молодому сыну дон Диега и удивил его своим умом и обходительностию.

Рыцаря отвели в зал, где Санко скинул с него латы, расчесал ему волосы, переменял его белье, и чрез минуту герой вышел в лосином камзоле⁴⁹, почерневшем в иных местах от трения лат, в простом крагене⁵⁰ без кружева и без складок, в сапожках, на мавританский образец, с палашом чрез плечо, в коротенькой суконной епанче кофейного цвету. В таком прекрасном уборе Дон Кишот явился в гостиной, где молодой Лоренцо, дон Диегов сын, которому очень хотелось узнать покойного своего гостя, тем более что

Рыцарь спрыгнул с Рыжака и подошел к руке донны Христины.

на все его вопросы дон Диего отвечал весьма неудовлетворительно, *да и нет, умен, любезен, странен, сумасброден*, ожидал его с нетерпением. Между тем донна Христина хлопотала об обеде, желая угостить получше знаменитого посетителя.

— Я слышал от вашего батюшки, — сказал Дон Кишот молодому человеку, — что вы занимаетесь науками и предпочтительно любите поэзию, и что вы сами очень хорошо сочиняете стихи.

— Я бы желал, чтобы это последнее было правда, — отвечал Лоренцо, — люблю поэзию; но чем более вникаю в достоинства хороших поэтов, тем более уверяюсь, что писать стихи не мое дело.

— Ваша скромность уверяет меня в противном; истинный талант всегда скромн. Итак, перестану приводить вас в замешательство похвалами, которые приятнее заслуживать, нежели слышать, а попрошу проречь мне которое-нибудь из ваших сочинений, не так, как знатоку, а как человеку, почитающему себя достойным их чувствовать.

— По сию пору не замечаю никакого сумасбродства, — сказал Лоренцо самому себе, — он рассудителен и остроумен. Батюшка слишком строг в своем суждении. Из сего, что вы говорите, милостивый государь, — продолжал он, обратясь к Дон Кишоту, — надобно заключить, что в вашем воспитании ничто не было забыто. Позвольте ли спросить вас, какой науке особенно вы посвятили себя?

— Важнейшей, заключающей в себе все науки!

— Какой же?

— Странствующему рыцарству! Кто его избирает, тот должен непременно знать все на свете: юриспруденцию, права гражданские, права естественные, чтобы не делать ничего противного законам и натуре, чтобы отдавать каждому принадлежащее каждому⁵¹; теологию, чтобы уметь защищать христианскую веру, которой он первый защитник и подпора; медицину и ботанику, чтобы находить в пустынях травы и составлять из них лекарства для излечения ран своих; астрономию, чтобы угадывать по звездам, в какой климат заведен он судьбою; математику, чтобы вести войну и защищать города. Должен заниматься механическими искусствами, для него необходимыми; изящными, которые утешительны в самых несчастьях и, без сомнения, всегда приятны его любезной, одним словом, он должен иметь все телесные и моральные добродетели⁵², которых одно совершенное соединение может образовать истинного рыцаря. Вот что значит, государь мой, странствующее рыцарство, по несчастию, столь мало уважаемое в сем испорченном веке, но, благодаря Бога, не совсем угасшее.

Дон Лоренцо слушал, повеся голову, и говорил про себя: «Видно, батюшка прав».

Сей интересный разговор был прерван приглашением к обеду. Сели за стол. Дон Диего и донна Христина осыпали гостя своего ласками и учтивостями. Дон Кишот, плененный обхождением своих хозяев, был еще более поражен удивительною тишиною, порядком, спокойствием, опрятностию, которые царствовали в сем убежище: начиная с господина до последнего работника, все знали свою должность, всякий исполнял ее без ропота, без зависти, без принуждения; все казались рассудительными, счастливыми, согласными; все казались членами одного мирного семейства.

Вставши из-за стола, герой опять начал приступать к молодому Лоренцо, прося его прочесть которое-нибудь из своих сочинений. Поэт вынул из записной книжки бумагу и прочел следующее:

*Богатство, слава, честь безумцам драгоценны!
Страшусь их прелестей блистающих оков!
Вот все сокровища душе моей священны:
Любовь, сердечный мир и безмятежный кров!*

*Толпы искателей, мечтами ослепленны,
За счастьем бегут, но счастья нет для них!
Блаженнее стократ я в горестях моих:
Богатство, слава, честь безумцам драгоценны!*

*Мне тихий угол мой от бурь и бед покров! —
Мирские радости, как тени пролетают,
Нам счастья не дают, но горе оставляют!
Страшусь их прелестей блистающих оков!*

*Делить с тобою жизнь, Эльвира, друг бесценный!
Любовь, судьбу мою в глазах твоих читать,
Быв счастливым вчера, наутро счастья ждать:
Вот все сокровища душе моей священны!*

*Как чистый ручеек, сокрытый меж цветов,
Так жизнь моя пускай безвестно протекает!
Чего желать тому, кто вами обладает?
Любовь, сердечный мир и безмятежный кров!¹⁵³*

— Bravo! Прекрасно! — воскликнул Дон Кишот, вскочив со стула, с восторгом и крепко сжав Лоренцову руку. — Счастливый, любезный молодой человек! Ты достоин быть увенчан академиями Афинскою, Парижскою и Саламанкскою. Да поразит Аполлон стрелами своими людей без чувства, которые откажут тебе в награде! Благословляю судьбу и умру спокойно! Я видел, я нашел поэта!

Лоренцо поблагодарил нашего рыцаря, который казался ему отменно любезным, хотя несколько чудным в своих выражениях. Он принял похвалы его с удовольствием и внутренне извинял все его небольшие странности.

Ламанхский герой, пробив несколько дней в доме дон Диэга, решился опять отправиться в путешествие за новыми приключениями, которыми сие место, как он сказывал, было богато. Больше всего хотелось ему осмотреть славную Монтесинскую пещеру, из которой вытекает семь источников Рюйдеры⁵⁴. Дон Диэго и Лоренцо похвалили его намерение и просили, чтобы он взял у них все нужное для сего трудного подвига. Дон Кишот поблагодарил их от доброго сердца и велел готовиться в дорогу своему Санке, которому было очень нескучно у дон Диэга и совсем не приходила на мысль прежняя патриархальная простота их рыцарских обедов. Однако делать было нечего; оруженосец, всегда осторожный и благоразумный, набил потуже свою котомку, оседлал Рыжака и со слезами на глазах, поглядывая с нежностью на этот счастливый дом, который надлежало наконец оставить, подвел его к крыльцу. Рыцарь всем откланялся, и отведя Лоренцо в сторону, сказал ему с важностию:

— Молодой человек! Сердце твое пылает любовью ко славе: два пути к ее бессмертному храму для тебя отверзты: первый, трудный и продолжительный, есть путь поэзии, на котором обещаю тебе много успехов, особливо в таком случае, когда беспристрастный и строгий вкус будет судьей твоих произведений; другой гораздо короче, но чрезвычайно труден и опасен: сделайся странствующим рыцарем. Тебя побьют, а может быть, и убьют; но рано ли, поздно ли, ты непременно будешь императором.

Лоренцо представил герою, что он еще слишком молод, чтобы решиться исполнить совет его, не подумав наперед хорошенько и не посоветовавшись с родными и знакомыми; однако обещал не забыть об нем. Дон Кишот опять простился с своими хозяевами, которые расстались с ним не без сожаления, и выехал из ворот вместе с Санкою, верным оруженосцем.

ГЛАВА XVII

История влюбленного пастуха

Немного отъехав от деревни дон Диэга, наш рыцарь встретился с двумя студентами и двумя поселянами, ехавшими вместе на ослах. Он поклонился им, просил позволения им сопутствовать и поспешил сказать, что он есть странствующий рыцарь, путешествующий по всему

свету и имеющий прозвание рыцаря *Львов*. Сие изъяснение было весьма неясно для поселян; но студенты заключили из него, что странствующий рыцарь был сумасшедший. Они, однако ж, обошлись с ним учтиво, и один из них сказал:

— Государь мой! Все странствующие рыцари прошедшего времени, путешествуя без особенной цели, повиновались случаю, который был их единственным путеводителем, не рассудите ли вместе с нами побывать на свадьбе, об которой рассказывают чудеса?

— Очень охотно, государь мой. Скажите, какой принц женится? Какая принцесса выходит замуж?

— Не принц и не принцесса, милостивый государь, но простой земледелец, хотя первый богач во всем нашем округе, и бедная крестьянская девушка, хотя любезнейшая и прелестнейшая из всех красавиц на свете. Невесту называют не иначе как *прекрасною Киттериею*, а жениха не иначе как *богатым Гамахом*⁵⁵; ему двадцать два года, ей осьмнадцать, и можно сказать, что в этом браке с обеих сторон нет ни в чем недостатка, если только правда, что богатство может идти наряду с красотою. Свадьбу, для которой пышный *Гамахо* сделал необычайные приготовления, будут торжествовать на пространной долине, подле самой той деревни, в которой родилась прекрасная Киттерия. Жених велел обсадить почти весь этот луг беседками, такими густыми, что солнечные лучи не могут в них проникнуть. Там, под лиственным сводом, поселяне и пастухи из двадцати или тридцати деревень будут плясать в хороводах с пастушками и поселянами, играть в разные игры, стрелять из лука, бегать взапуски, бороться и увеселять молодых девушек звуком шумных кастаньетов, пением романсов и игрою на гитарах. Но блестящие удовольствия сего праздника ничто в сравнении с тем трогательным участием, которое все принимают в судьбе одного несчастного молодого человека; он, может быть, там будет и одним видом своим, конечно, приведет в слезы всех добрых и чувствительных зрителей.

Этот молодой человек называется *Базилем*⁵⁶; хижина его, бедная и покрытая соломой, находится близ самого дома прекрасной Киттерии. В этой хижине он родился, вырос и с самых нежных лет младенчества любезнейшим своим чувством, единственным счастьем почитал любовь к молодой поселянке, своей соседке. Он был почти неразлучен с нею, и Киттерия всякий раз, когда не приходил Базиль, искала его взорами, стремилась за ним душою. Сии невинные, прекрасные дети, еще не умея говорить, сказали друг другу о взаимной любви своей; вся деревня знала об ней, и все сожалеют о бедном Базиле и бедной Киттерии, которых имена, столько всем любезные, всегда означали нежность и совершенную непорочность.

Прошло время младенчества, и отец Киттерии запретил Базилю говорить с своею дочерью. Бедные любовники повиновались жестокому человеку, но любовь не могла ему повиноваться. Базиль, убегая Киттерии, всегда с нею встречался; Киттерия, убегая Базиля, везде его находила. Отец рассердился, вздумал все кончить одним разом и сосватал свою дочь за богатого Гамаха. Увы! Совершенная бедность была единственным, но величайшим недостатком Базиля; ибо надобно чистосердечно признаться, благодетельная натура с избытком наградила его за все несправедливости слепой фортуны.

Этот молодой человек есть самый любезный из всех пастухов здешнего округа. Никто не умеет так метко бросать копьё, так искусно бороться, так хорошо играть в мяч; олень не может перебежать его, и козленок не прыгает с такою легкостью. Кроме того, Базиль знаток в музыке; прекрасно сочиняет стихи, поет, как жаворонок, играет с совершенством на гитаре и всегда остается победителем на сражениях.

— Одно это искусство, — сказал Дон Кишот, — дает Базилю право жениться не только на прекрасной Киттерии, но даже на самой прекрасной королеве Жениевре, будь сказано не в обиду господам Артусу и Ланцелоту.

— Жаль, что моя жена не здесь! — воскликнул Санко. — Она бы сказала то же, что и вы. Тереза большая неохотница до неровных свадеб; барану пара овца, говорит она. О! Тереза моя умная женщина; она всегда говорит правду, и я бы не заплакал, если бы этот добрый Базиль, которого уже начинаю любить немного, женился завтра на этой прекрасной Киттерии в которой-нибудь из зеленых беседок господина Гамахи. Да! Конечно, так! Разве за то, что у господина Гамахи есть много денег, у Базиля не должно быть невесты! Вздор! Пустое! Хорошенькой девочке надобна любовь, а не деньги!

— Успокойся, мой друг, Санко! Воле родительской противиться не должно. Когда бы одним дочерям оставить исключительное право на выбор женихов, тогда бы увидели мы гораздо более несчастных союзов. Тогда большая часть из молодых девушек стали бы выходить за людей, их недостойных, за бродяг, за обманщиков. Амур, с повязкою на глазах, должен иногда покоряться воле разума, который может указать ему настоящую дорогу. Человек, желающий путешествовать, должен иметь много времени, много осторожности для того, чтобы не ошибиться в выборе своего товарища. Что ж, если идет дело о супружестве, то есть о путешествии, продолжающемся целую жизнь; что, если надобно завязать такой узел, который, подобно Гордианскому⁵⁷, никем и ничем расторгнут быть не может, кроме разве одной косы смертной? Не должно ли тогда еще более медлить и во сто раз быть осторожнее? Но, друг мой, эта материя

так богата, что я никогда не кончу, если дам себе волю. Послушаем лучше господина лиценциата⁵⁸; он скажет нам еще что-нибудь о Базиле.

— Милостивый государь! — сказал студент. — Этот несчастный, узнавши, что прекрасная Киттерия выходит за Гамаха, тотчас оставил свою хижину и скрылся в лес, где живет в унынии, в мрачной печали, питается дикими плодами и проводит ночи под деревьями. Иногда встречаются его близ деревни. Он ходит медленно, потупив глаза в землю, опустив голову, сложив руки, не говоря ни слова, не смотря ни на что, подобно статуе, движимой пружинами. Все любят его, все об нем сожалеют, мы боимся, чтобы завтра отчаянная любовь не привела его на сию свадьбу, и чтобы, услыша Киттерию, произносящую клятву, он не упал мертвый на месте.

— О! Даст Бог, все хорошо кончится! — воскликнул Санко. — Всему помочь можно. Кто знает, что будет вперед? В сутки много воды утекает. Не нынче, так завтра. Иногда и ведро и ненастье бывает в одно время. Иной ляжет здоров, а встанет мертвый... Никому не удалось вбить гвоздя в колесо фортуны! Между женским *да* и *нет* не проденет иголки. Если Киттерия любит Базилу, то нечего бояться: в очках любви медь кажется золотом, бедняк богатым, а стекло алмазом.

— Зажми рот с твоими пословицами, несносная пустомеля! — воскликнул Дон Кишот. — Скажи мне, враль, какую связь имеют твои очки, твое стекло, твой гвоздь в колесе и все твои бредни с Киттериею и Базилем?

— Прошу не погневаться, большую связь! Не я виноват, что меня не понимают; я очень хорошо себя понимаю, и слова мои не так-то глупы, как многие думают. Но что это значит, что вы, господин рыцарь, всегда ко мне придираетесь и так часто *крюкаете* на мои выражения?

— Критикуете мои выражения, говорить надобно! Бестолковый! Ты еще языку своему не выучился.

— Я выучился ему довольно для того, чтобы говорить дело! Мне больше и не надобно. Я не был воспитан при дворе, я не студент саламанкский: на что ж хотеть, чтобы также складно говорил, как какой-нибудь толедский выходец!⁵⁹ Прошу мне, однако ж, сказать, что в этом за беда, если иногда скажешь слово так, а не иначе?

Дон Кишот хотел было отвечать и, конечно бы, произнес предлинную речь о чистоте языка, но уже на дворе была ночь; путешественники увидели множество огней и заключили, что деревня прекрасной Киттерии была близко.

Богатый Гамахо велел посадить на середине луга множество деревьев, обвешанных фонарями: воздух был спокоен, небо ясно и чисто, ветерок веял так тихо, что листья едва колебались; смешанные звуки

флейт, бубнов, свирелей, гитар и колокольчиков слышались под древесными сениями. Музыканты играли на подмостках, а пастухи плясали; в ином месте пели песни, в другом играли в разные игры. Далее расставляли столы для завтрашнего пира; приготавливали пантомимы; плели гирлянды и их развешивали. Все были в движении; приходили, уходили, бегали, работали, казалось, что вся толпа, рассеянная по луку, была составлена из одних счастливых любовников.

Наш герой, несмотря на приглашение своих товарищей, не захотел присоединиться к веселым поселянам: он сказал, что рыцарь должен проводить ночи свои в пустынях, диких и неизвестных. Они растались, и Дон Кишот, свернув с дороги, остановился ночевать посреди открытого поля. Санко последовал за ним с неудовольствием и вздохнул горестно, вспомнив, что он уже не в доме гостеприимного дон Диэга.

ГЛАВА XVIII

Гамахова свадьба

Не успела прелестная заря осыпать перлами, украшающими ее золотые волосы, поля и равнины, как рыцарь ламанхский, враг неги и лени, встает и начинает кликать своего оруженосца. Санко лежал, как мертвый, и храпел.

— О! Счастливейший из смертных, — воскликнул Дон Кишот, смотря на него с завистью, — без забот и печалей, не опасаясь жестоких чародеев, не знаемый завистью, которой сам не знаешь, ты спишь, и может быть, еще сладкие мечты веселят тебя во время сна твоего! Ты спишь, и страдания, беспрестанно возобновляющиеся, страдания безнадежной страсти и тягостные заботы о продолжении жизни твоей — может быть, не многими днями — не возмущают твоего спокойствия: мучительное честолюбие, ничтожная пышность света, ненасытное желание чести и славы неизвестно тебе в низкой доле. Ничто не занимает тебя, кроме осла, твоего товарища. Я один о тебе должен думать, о тебе заботиться, обязанность столь же тягостная, как и самая завистливость! Господин должен бодрствовать, чтобы насытить, чтобы наградить верного слугу своего, который спит покойно. Он должен трудиться для его счастья, он должен быть его провидением!

На все это Санко не отвечал ни слова, и может, еще долго не мог бы отвечать, если бы Дон Кишот не толкнул его своим копьём; открыв глаза и потянувшись, оруженосец вдруг начал оборачиваться во все стороны, сжимать и разжимать свои ноздри и наконец сказал с заметным сердечным волнением:

— Милостивый государь! Если не ошибаюсь, то этот прекрасный запах, который приятнее для меня яминов и роз, должен выходить из-под беседок, которые мы видели вчера на равнине. Я думаю, я уверен, я чувствую, что там пекут и жарят всякую всячину! Ах, сударь, счастлива та свадьба, которая так хорошо пахнет!

— Вставай, прожора, — сказал Дон Кишот, — поедем! Надобно видеть эту свадьбу, которая, может быть, убьет несчастного Базиля.

— Сказать правду, вчера я был на его стороне! Но с тех пор, как чувствую запах жареного, то начинаю признаваться, что господин Гамахо — человек с достоинствами. Надобно быть справедливым! Если нет ни копейки в кармане, то нельзя жениться на прекрасной Киттерии. Бьюсь об заклад, что господин Гамахо может засыпать Базиля своими пистолетами⁶⁰. Прекрасные розы, прекрасные ожерелья и платья, которыми он подарит жену свою, немного получше прыжков, скачков и песен господина Базиля. Что возьмешь на рынке за песню и за прыжок? Всеми этими уловками и увертками не заплатишь ни мяснику, ни булочнику. Они хороши с богатством! Для веселого житья в доме надобно, чтобы он стоял крепко; а что может быть крепче и лучше денег!

— Клянусь Роландом, — воскликнул герой, — в целом мире не найдешь подобного тебе пустомели: не успел проснуться, как уже начинает говорить вздор!

— Милостивый государь! Не угодно ли вам вспомнить о нашем уговоре перед последним выездом? Вы дали мне право говорить, что хочу, лишь бы госпожа Дульцинея была в стороне.

— Не помню и не хочу помнить об этом уговоре! Между нами никогда не бывало уговоров. Приказываю тебе молчать и следовать за мною на луг, где уже началась музыка и игры.

Послушный оруженосец взнуздал Рыжака; они сели каждый на свою скотину и приблизились к месту праздника.

Первый предмет, поразивший глаза Санки, был молодой бык, которого, воткнувши на огромный вязовый вертел, жарили перед большим пылающим костром. Вокруг огня в шести кастрюлях или, лучше сказать, котлах варилось по нескольку целых баранов; ободранные зайцы, кролики, телята, ощипанные гуси, курицы, голуби, утки, всякого рода дичина были развешаны по деревьям в великом множестве; больше шестидесяти кувшинов лучшего ламанхского вина стояло по правую и по левую сторону. В одном месте навалена была целая гора из белых хлебов; в другом сырники, складенные наподобие кирпичей, казались огромною стеною. В двух больших чанах, наполненных лучшим маслом, приготавливались оладьи, которые вынимали широкими лопатами и бросали в чаны, полные меда, самого сладкого и вкусного. Более пяти-

десяти поваров и поварих, чисто одетых, проворных, расторопливых, работали, пели и смеялись. Брюхо жареного быка было набито множеством поросят, которые жарились с ним вместе и должны были удивить посетителей. Пряники и овощи лежали в больших корзинах. Словом, целая армия могла бы насытиться по нужде на этом сельском празднике.

Санко смотрел, рассматривал и удивлялся; улыбка сердечного удовольствия была на устах его; чистая радость наполняла его душу! Иногда прелестный, ароматический запах привлекал его к кастрюлям: он стоял над ними в сладостном забвении; иногда останавливался он и вздыхал перед кувшинами; иногда оставлял их и восхищался оладьями. Наконец, не будучи в состоянии перенести такого множества разнообразных чувств, он приближается с подобострастием к одному повару, и потупя глаза с видом скромности, покорным и нежным голосом просит у него позволения обмочить маленький кусочек хлеба в которую-нибудь из больших кастрюль.

— Что ты говоришь, брат? Стыдись, — отвечает ему повар, — богатый Гамахо не намерен учить людей постничать. Возьми ложку, вынь из кастрюли курицу или две и кушай на здоровье.

— Вы, сударь, очень добрый и учтивый человек, — сказал Санко, — но где мне взять ложку?

— Ох! Приятель, как ты неловок: я помогу твоему горю!

Услужливый повар берет кастрюльку, опускает ее в чан и вытаскивает из него трех вареных куриц и двух гусят, которых подает Санке:

— Возьми, любезный друг, позавтракай немного; за обедом наешься сытнее.

— Покорно вас благодарю, сударь; но мне этого положить не во что!

— Какой ты недогадливый! Возьми кастрюлю; разве боишься разорить Гамаха?

Санко смекнул, что надлежало ему делать; поклонился повару в пояс и побежал в уголок с своею добычею.

Между тем Дон Кишот был занят иным образом. Двенадцать поселян в праздничных одеждах прискакали на луг на прекрасных и богато убранных кобылах, обвешанных колокольчиками, и начали скачку толпами и порознь. То смешивались, то опять разъезжались и кричали во все горло:

— Да здравствуют Гамахо и Киттерия! Он богатейший из пастухов! Она прелестнейшая из женщин!

— Вы бы не то заговорили, — сказал про себя Дон Кишот, — когда бы увидели Дульцинею.

В эту самую минуту из всех беседок выступили танцовщики, между которыми отличались двадцать четыре пастуха, одетые в белое пла-

тье, с белыми шелковыми платками на головах, вооруженные шпагами. Вышед на средину, они остановились; разделились на две толпы и разом напали друг на друга. Их проворство, их гибкость, их удары, в одно время наносимые и отражаемые, их шпаги, блестящие и быстро рассекающие воздух, победы, беспрестанно оспориваемые и некровопролитные, прыжки, смех, крик, веселость побежденных и победителей принесли великое удовольствие зрителям, особливо Дон Кишоту.

Поединщики уступили место многочисленной толпе молодых девушек, из которых самая старшая не имела осьмнадцати лет; их выбрали между первыми красавицами того места. Они были одеты в зеленые платья, имели распущенные волосы, на головах венцы из роз, и были соединены друг с другом гирляндами из амарантов и ясминов. Пред ними шел почтенный седой старик, который вел за руку почтенную старушку: они приближались при звуке свирелей, плясали, прыгали, и удовольствие, которое блистало в их взорах, было соединено с совершенною, милою непорочною, которая во всякое время служила им украшением.

Потом прекрасная пантомима обратила на себя внимание зрителей. Явился пышный замок, сооруженный на утесе, со всех сторон неприступном. На стене стояла девушка, молодая и робкая, которой прелести приводили в восхищение. Амур, окруженный всеми очарованиями, смехами, играми, удовольствиями, приблизился к стене и начал стрелять в нее из лука; но скоро колчан его истощается, и прелестная девушка остается в своем заточении. Фортуна, которую все узнают по ее одежде, блестящей и великолепной, по множеству и пышности ее последователей, осмеливается оспоривать у Амура победу. По многим опытам, равно неудачным для обоих соперников, замок рассыпается пред Фортуною, и молодая красавица в ее власти. Амур позабыл свою досаду, мирится с победительницею, венчает ее собственными руками, и обе толпы начинают танец, живой и веселый, в честь могущественной Фортуны.

Наш герой, внимательно смотревший на пантомиму, спросил об имени ее сочинителя. Ему назвали приходского дьячка, человека весьма остроумного.

— Я об заклад бьюсь, — сказал Дон Кишот, — что этот честный дьячок обедает чаще у Гамаха, нежели у несчастного Базиля.

— Послушайте, — сказал ему Санко, который занимался своим завтраком неподалеку отсюда, — по-моему, кто пан, тот и прав, и я чем больше думаю, тем больше начинаю любить господина Гамаха.

— Верю, ты из числа таких добрых людей, которые всегда на стороне сильного.

— Говорят не о сильном, говорят о том, вынул ли бы я из кастрюли господина Базиля эту прекрасную пуларду⁶¹? Посмотрите на нее, как

она мила, и скажите, что лучше богатства! На белом свете только два семейства — имущих и неимущих, говорила моя бабушка, которая всегда чувствовала небольшую склонность к имущим, и я с нею согласен; что и честь, когда нечего есть; осел в золоте лучше коня под седлом.

— Послушайся меня, Санко, окончи свой завтрак и оставь свои размышления.

— О! Будьте покойны! Сударь, кастрюлька моя не останется с грузом. На кухне Базиля я бы не так разговорился.

— Ты и здесь не молчалив!

— Извините! Я только тогда говорю, когда мне нечего делать. Я знаю, что на том свете придется отвечать за всякое лишнее слово! Итак, прошу покорно позволить мне заняться моею кастрюлькою.

Добрый оруженосец замолчал и принялся кушать с таким аппетитом, что и сам рыцарь, конечно бы, разлакомился, глядя на своего товарища, если бы другие, важнейшие происшествия не отвлекли его внимания.

ГЛАВА XIX

Продолжение

Вдруг услышали впереди большой шум, смешанный с восклицаниями радости. Это были поселяне, которые садились на лошадей, чтобы ехать навстречу к жениху и невесте, которые скоро явились, окруженные музыкантами, провожаемые священником и первыми людьми окружающих деревень. Санко, увидя Киттерию, сплеснул руками и воскликнул:

— Вот красавица! Не думаю, чтобы нашли при дворе такую прелестницу! Посмотрите, сударь, посмотрите: платье на ней из самого дорогого зеленого бархата; белое полотно, которым оно обшито, есть не иное что, как самый лучший атлас. А это королевское ожерелье!⁶² Знаете ли, чем оно обделано? Золотом! Посмотрите ради Бога на ее руки: все в жемчуге, крупном, как мои глаза, все пальцы обнизаны перстнями! Пресвятая Богородица! Что за волосы! Лучшего каштанового цвета, и тащатся по земле. Что за стан! Какой прямой, какой гибкий! Смотря на эти прекрасные серьги, которые болтаются в ушах ее, подумаешь, что она — дуб с желудьми.

Дон Кишот смеялся от доброго сердца, признавался внутренне, что после Дульцинеи не видал ни одной женщины лучше Киттерии.

Киттерия, бледная, задумчивая, безмолвная, приближалась к одному древесному амфитеатру, где священник должен был соединить их навеки. Они были уже близко, как вдруг позади их воскликнул голос:

— Пойдите или бойтесь упустить время!

Киттерия, Гамахо и все, их окружавшие, оборотились. Увидели молодого человека в черном платье, в венце из кипариса, с распущенными волосами, с палкой в руках. Все узнали Базиля. Толпа расступилась. Базиль стремится, прибегает вне себя, останавливается перед супругами, втыкает палку в землю, сбирается с духом и, наконец, взглянув на Киттерию, грозно и отчаянно говорит:

— Выслушай меня, клятвопреступница! Я в минуту все кончу и прощусь с тобою навеки. Не приводя тебя в стыд, могу открыть все наши тайны; могу напомнить тебе, что с самой минуты, в которую полюбил тебя, то есть с самой первой минуты моей жизни, я ничего не требовал, ничего не желал противного невинности, для меня священной. Счастливый, довольный твоею любовью, наслаждаясь одними отдаленными надеждами, я трудился беспрестанно с терпением и постоянством. Я хотел умилостивить или победить жестокую фортуна: надеялся сделаться достойным Киттерии; но Киттерия меня забыла, Киттерия меня оставляет! Жестокая, где же твои клятвы? Скажи мне, кто, кроме Базиля, имеет право на твое сердце, на твою руку? Ах! Я уверен, что одна мысль о недостойном вероломстве может разрушить навсегда блаженство жизни твоей. Но будь спокойна, Киттерия; возвращаю тебе твои клятвы, ты свободна, ты независима, и дай Бог, чтобы могла быть также счастлива. Живи и наслаждайся жизнью с тем человеком, для которого ты меня оставляешь. Я восклицаю со всеми вместе: да здравствует богатый Гамахо и прекрасная Киттерия! Но должен прибавить: умри, умри, несчастный Базиль!

С сими словами он выхватил из своей палки длинный и острокопечный нож; воткнул его рукояткою в землю, бросился грудью на острие и упал, облитый кровию. Раздается восклицание ужаса. Все бегут, все окружают Базиля. Он был простерт без движений, пронзенный насквозь; Дон Кишот держал его в своих объятиях! Многочисленные друзья его проливали слезы; некоторые хотели вынуть нож из его груди; но священник тому воспротивился, говоря, что надлежало скорее исповедать умирающего; что он может умереть всякую минуту. Базиль поднял глаза и сказал ослабевшим голосом:

— Друзья мои, умираю! Ах, если бы Киттерия при конце моей жизни согласилась назвать меня своим супругом и дать мне торжественную клятву в верности; я чувствую, что бы тогда мое сердце сделалось покойнее, и я бы осмелился подумать о испрошении помилования от Всемогущего.

— Забудь теперь о Киттерии, — сказал священник, — час твой приближился, подумай о прешедшем и покайся.

— Нет, я не могу, я не способен ни о чем думать, если Киттерия не согласится быть моею, не назовет меня своим супругом. С сим именем, которым, увы, так мало я должен наслаждаться, я готов исполнить все, чего от меня ни потребуете!

Тут Дон Кишот начал говорить; объявил всем зрителям желание Базиля и со всем жаром и красноречием оратора убеждал Гамаха склониться на желание умирающего.

— Киттерия, вдова Базиля, — говорил он ему, — Киттерия, покрытая крепом печали, будет столь же чиста и непорочна, как и Киттерия, выходящая из дому родителя в венце из белых роз и в одежде брачной. Твое счастье отдалится только на одну минуту; ибо сей алтарь, перед которым она поклянется тебе в вечной верности, будет не иное что, как гроб несчастного Базиля.

Гамахо в удивлении, в нерешимости смотрел на Базиля, на рыцаря и не знал, что отвечать, что думать; он искал ответа своего в глазах предстоящих; все были на стороне Базиля, все хотели, чтобы он сжался над несчастным, который, лишившись всех надежд в сей жизни, лишал себя и спасения в будущем. Гамахо, измученный неотступностию друзей Базилевых, наконец сказал, что он согласится на все, если только Киттерия захочет исполнить их просьбу. Все обратились к Киттерии: друзья Базиля упали перед нею на колена и умоляли сжалиться над несчастным, который из любви к ней лишал себя жизни. Киттерия, почти бездыханная, была не в силах отвечать и только смотрела на отца своего, который не спешил соглашаться, но священник его к тому принудил.

— Ты должен будешь отвечать пред Богом, — сказал он строгим голосом, — разве не видишь, сколь может быть гибельно твое упрямство!

Старик подал знак согласия; Киттерия бросилась к Базилю, упала перед ним на колена, устремила взоры на лицо умирающего, схватила его руку и, облив ее слезами, воскликнула:

— Базиль! Базиль! Клянусь быть твоею! Прими руку мою! Прими мои клятвы: я твоя, твоя навеки!

— Ах, Киттерия! — сказал Базиль. — Могу ли быть уверен, что любовь, а не жалость тебя ко мне приводит? Не обманываешь ли меня, Киттерия! Повтори еще раз, что ты моя, что я твой супруг, что даешь мне руку без принуждения, без притворства, невзирая на бедственное мое положение, из одной искренней, нежной любви!

— Так, несчастный! Я твоя супруга навеки! Что ни будет, что ни случится со мною, похитит ли тебя смерть из моих объятий, определено ли нам вместе наслаждаться блаженнейшею жизнью, я твоя, твоя непременно!

— Довольно, — сказал Базиль, — о, моя Киттерия! О, моя нежная Киттерия! Отдаю тебе снова мое сердце, мою душу, мою руку, мою жизнь и все, и все, что могу назвать своим! Господин священник! Поспешите благословить наше супружество.

Санко, свидетель происшедшего, сказал про себя, обтирая слезы:

— Бедный Базиль! Он потерял столько крови, а говорит еще, как здоровый.

Священник, растроганный до глубины сердца, благословил супругов и заключил бракосочетание молитвою о душе несчастного Базиля. Но Базиль, услышав, что церемония кончилась, вдруг вскочил очень свободно, вынул нож из раны и бросился перед Киттериею на колена, прося у ней прощения в обмане, к которому он прибегнул для получения руки ее. Все зрители были поражены удивлением; некоторые, будучи простоватее других, закричали:

— Чудо! Чудо!

— Нет, — воскликнул Базиль, — не чудо, но искусство, но проворство, но хитрость, позволенная любовнику.

Тут показал он зрителям гибкую жестяную трубку, которая была им поставлена так, что нож, на который он бросился, должен был в нее спрятаться и казаться пронзившим насквозь его тело. Несколько пузырей, наполненных кровью, лопнули в одно время от одного удара. Изобретательный ум Базилев, его проворство, его искусство обманули всех зрителей так, что самому подозрительному нельзя было не подумать, что он проколот насквозь и должен умереть непременно.

Его признание, откровенность, приятный вид и участие, которое вообще принимают в любимом любовнике, склонили почти всех судей на его сторону.

Громкое восклицание зрителей было знаком их одобрения. Киттерия, не совсем еще пришедшая в себя от удивления, от замешательства,

*Базиль! Базиль! Клянусь быть твоєю!
Прими руку мою!*

едва могла скрыть свою радость. Некоторые, более других разборчивые, а может быть, и оскорбленные тем, что вдалились в обман, осмелились было сказать, что брак не может быть законным, потому что совершен обманом; но Киттерия, которая уже не могла долее себя удерживать, остановила их и воскликнула с живостию, что снова его подтверждает.

При сем слове разъяренный Гамахо, его родные, знакомые, служители обнажили шпаги и бросились на Базиля. Тысячи других шпаг защищают его; Дон Кишот с поднятым копьем летит вперед к его защитникам, и Санко, который всегда был неприятелем таких споров, которые оканчиваются сражениями, спешит поскорее спрятаться за большими кастрюлями, надеясь, что это святилище с той и с другой стороны уважено. Уже обе партии были готовы схватиться, как рыцарь ламанхский громогласно воскликнул:

— Чего хотите вы, Гамаховы воины? Как, неужели позволенные славным и мужественным полководцам военные хитрости будут запрещены одним любовникам? Нет! Пускай любовь имеет хотя привилегии брани! Киттерия принадлежала Базилю! Он владел ее сердцем, теперь владеет рукою: она его единственное сокровище; а у Гамаха их так много! Богатый Гамахо, который обладает столь многочисленными стадами, осмелится ли отнять последнюю овцу у бедного? Нет, нет, Всевышний отвращается от сих похитителей; а копье мое поражает их!

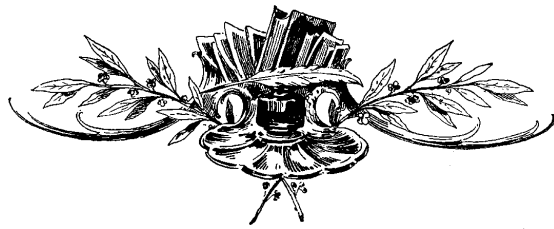
Сии слова, сей голос, сие ужасное копье и грозный вид нашего рыцаря привели в трепет зрителей. Священник воспользовался сею минутою, чтобы утешить ссору; а Гамахо, подумав, что Киттерия сама перед глазами такого множества свидетелей взяла сторону его соперника, решился заплатить ей презрением за презрение и наказать ее, сделав счастливою; он, вложив в ножны шпагу, сказал с притворным равнодушием, что он более не сердит на Базиля; что не завидует его счастью, и даже предложил супругам отпраздновать у него свою свадьбу.

Но Киттерия и Базиль не приняли сего предложения: они вместе удалились в бедную Базилеву хижину, куда множество поселян за ними последовало; пословица говорит: за богачом ходят лстецы, за бедным — друзья; так и сделалось. Любовники-супруги взяли под руки Дон Кишота и осыпали его ласками и уверениями в искренней дружбе и благодарности. Санко, печальсь о том, что должен был оставить праздник без обеда, последовал за господином своим, ведя за повод Рыжака и осла и часто с сердечными вздохами поглядывая на большие кастрюли.

**ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ**

ТОМ ПЯТЫЙ

ГЛАВА XX

Монтесиноская пещера¹

Базиль, при всей своей бедности, нашел средство хорошо угостить любезных посетителей. Киттерия, в угодность своему супругу, ежеминутно выхваляла красноречие и мужество нашего героя и называла его Сидом. Дон Кишот, которому было очень весело, пробыл с ними трое суток; а Базиль, желая совершенно перед ним оправдаться, старался представить в самом лучшем виде хитрость, им употребленную.

— Вы не имеете нужды оправдываться, — сказал Ламанхский рыцарь, — Гамахо думал отнять у вас Киттерию и воспользовался теми преимуществами, которые он над вами имеет: то есть богатством, следовательно, дал вам право употребить в свою пользу против него самого те преимущества, которые вы над ним имеете: то есть искусство и ум; а ваше право основывается на любви Киттерии; старайтесь, Базиль, сохранить ее всегда; любите сами, чтобы быть любимым взаимно.

Теперь вы должны подумать о употреблении в пользу способностей, природою вам данных. Киттерия навеки ваша; вы не можете желать уже никому нравиться, старайтесь о своем состоянии; без любви оно ничего не значит; с любовию оно важно! Добрая, прекрасная жена, конечно, есть первое благо на свете; а тот, кто ею владеет, должен быть творцом, хранителем ее счастья, должен отдалять от нее заботы и беспокойства, которые могли бы смутить приятность их жизни и взаимной любви. Итак, мой друг, надобно иметь состояние верное, достаточное, надобно иметь все необходимое в жизни и, если можно, некоторые удовольствия. Я уверен, что если вы обратите все свое внимание на хозяйство, то фортуна со временем наградит вас за труд и прилежание. Трудитесь, друзья мои, труды никогда не пропадают; трудолюбие в самом себе заключает свою награду, потому что успокаивает душу и разгоняет скуку. Никакое счастье на земле не может равняться с совершенною взаимною любовию мужа и жены: первый заботится о благоденствии, о порядке своего дома; последняя служит лучшим ему украшением, вселяет в сердце радость, удовольствие; покоит по трудам, награждает

своего супруга за его попечения и дает ему сильнее чувствовать цену его блаженства; разделяет с ним настоящее и его одного благодарит за будущее: вот картина семейства и рая. Говорю вам, согласно с собственными своими чувствами, хотя я еще не имел счастья быть связан приятными узами супружества, и по несчастью — так угодно судьбе! — не должен надеяться сего счастья.

Супруг Киттерии, тронутый семи советами, благодарил нашего героя и обещал ими воспользоваться. Санко, слушая своего господина, шептал про себя: «Вот какой человек! Говорит обо всем, как черт! Я, право, думал, что он ни о чем, кроме странствующего рыцарства, понятия не имеет; теперь вижу, что он мог бы быть проповедником, если б захотел, и наставлял бы людей на путь истинный, с которого они, бедные, так часто сбиваются».

— Санко! — сказал Дон Кишот. — Ты что-то про себя говоришь?

— Ничего, сударь! Я жалею о том, что не послушал ваших рассуждений прежде моей женитьбы; может, выбрал бы себе жену получше.

— Напрасно! Тереза, мне кажется, очень хорошая женщина.

— Много сказать, очень хорошая! Правда, что есть и ее хуже; однако ж, много и лучше!

— Санко! Стыдно о своей жене говорить худо; она мать твоим детям, этого довольно, чтоб заслужить твое почтение.

— Хорошо почтение! Посмотрели бы вы, какое она ко мне имеет почтение! Поверьте, что мы друг другу ничем не должны! Вы еще не знаете, каково мне, когда она вздумает ревновать! Настоящий дьявол!

По прошествии трех дней Дон Кишот собрался ехать и просил Базиля дать ему проводника, который бы самую ближайшую дорогою провел его к пещере Монтесиносской, говоря, что он намерен в нее опуститься. Базиль рекомендовал ему молодого студента, своего родственника, который разговорами своими мог забавлять рыцаря во всю дорогу. Санко опять наполнил свою котомку, оседлал Рыжака, и скоро герой, вместе с оруженосцем и проводником, на ослах сидящих, простился с любезными хозяевами, которые очень об нем сожалели, и отправился в путь.

Дорогою спросил Дон Кишот у молодого человека, чем он занимается?

— Я, милостивый государь, — отвечал студент, — сочиняю книги, которые прежде, нежели утешат читателей, утешают меня самого; теперь у меня в отделке две: «*Превращения*», забавное подражание Овидиевым²; в этом сочинении даю волю моему веселому духу; вы найдете в нем самое смешное происхождение всех примечательных вещей нашей Испании. Другая будет иметь пышное заглавие: «*О начале всех вещей*»³;

в ней позабавлюсь над педантами, комментаторами, этимологистами; буду разбирать с важностию всякий вздор, приводя в доказательство мнений своих целые страницы из всех авторов, древних и новых; в обеих книгах будут осмеяны эти господа, мнимо ученые, невежды, которые, гордясь познанием вещей, совершенно бесполезных, пишут целые томы только для того, чтобы читатель мог подивиться их грубому невежеству и обширной учености в пустяках.

Разговаривая таким образом, путешественники наши прибыли в одну деревню, где и ночевали. Проводник сказал Дон Кишоту, что они находились в двух верстах от пещеры, и что если он решился в нее опуститься, то непременно должен иметь длинную веревку. Наш герой велел купить сто сажень⁴; с наступлением утра отправился с своими товарищами в путь и прибыл в два часа пополудни к отверстию пропасти, широкому и со всех сторон обросшему кустарником, дикими фигами и тернами.

Дон Кишот слез с Рыжака и велел обвязать себя поперек тела веревкою.

— Милостивый государь! — сказал Санко. — Смотрите, чтоб с вами того же не случилось, что иногда случается с бутылками, которые опускают прохолодить в колодезь, а вместо которых вытаскивают одно горло; я не нахожу большой необходимости лазить в эту яму!

— Молчи! — воскликнул грозно Дон Кишот. — Я знаю, что мне предоставлено исполнение сего великого подвига!

— Милостивый государь! — сказал проводник. — Сделайте одолжение, постарайтесь не забыть того, что вы увидите в пещере: мне бы хотелось вашим описанием украсить свои «Превращения».

— Будьте покойны, — отвечал Санко, — начин дело красит; все сделаем.

Герой наш, обвязавшись веревкою, долго жалел, что не взял с собою колокольчика, которым бы мог изредка давать о себе известие; наконец, препоручив себя судьбе, он становится на колени, читает про себя молитву и, наконец, восклицает:

— О! Повелительница ума моего, славнейшая и прекраснейшая Дульцинея! Услышь желания твоего любовника! Подкрепи его снисходительным взглядом: он бросается в пропасть, в которой, может быть, погибнет; но да будет всей подсолнечной известно, что нет трудов, нет опасностей, могущих утратить любящее тебя сердце!

Сказав сие, он подходит к отверстию, обнажает меч и рубит кусты, которыми оно было закрыто. Послышался великий шум в пещере, и вдруг множество галок, ворон, летучих мышей и сов из нее вылетело с такою быстротою, что рыцарь не устоял на ногах; неустраши-

мое сердце его не потревожилось сим печальным предвещанием; он встает, разгоняет чудовищей и начинает спускаться по веревке в пропасть.

— Бог с тобою, — воскликнул Санко, перекрестясь, — цвет, сахар, сливки, сметана рыцарей! Пресвятая Богородица да сохранит тебя! Бог с тобою, медное сердце! С тобою святая воля Его, булатная рука! Счастливым тебе путь, смелость необъятная! Дай Бог мне тебя еще раз видеть здрава и невредима на здешнем свете, который ты, не дожив веку, оставляешь.

Дон Кишот не отвечал, а просил, чтоб опускали проворнее веревку. Проводник и оруженосец повиновались; скоро геройского голосу не слышно стало, и веревка дошла до конца: не зная, что делать, они советовались около получаса, наконец, решились тянуть веревку назад, но она поднималась без всякой тяжести; заключили, что рыцаря уже не было на конце ее. Санко в слезах, в отчаянии охал и тащил из всей мочи веревку; вытянув около осьмидесяти сажен, почувствовали, что она опять сделалась тяжела; оруженосец заплясал от радости; вытянули еще сажен десять и ясно увидели героя!

— Слава Богу, — воскликнул Санко, — слава Богу! Милости просим, сударь, пожалуйста, с приездом поздравляю! Мы, право, боялись, чтоб вас там под заклад не оставили.

Дон Кишот ничего не отвечал, потому что спал; его вытащили, положили на землю, расстегнули и начали трясти; герой открыл глаза и, окинув строгими взорами окружавших его, воскликнул:

— О любезные друзья! Для чего лишили вы меня прелестнейшего, восхитительнейшего зрелища? Ах! Как справедливо сказано, что истинное благополучие проходит, как сон, а удовольствия жизни, как утренний цвет, который к вечеру увядает! Сожалею, искренно сожалею о вас, о несчастный Монтесинос! О Дюрандар! О Белерма!⁵ О, унылый Гвадианна! О, вы, печальные дочери Рюйдеры⁶, коих слезы, избыточно текущие, источник составляют!

Санко и проводник с удивлением слушали Дон Кишота, произносящего с сильным чувством сии непонятные слова; просили его рассказать, что он видел в аду.

— Нет, друзья мои! Это не ад, — отвечал он, — но вместилище удивительных чудес. Садитесь... слушайте... и верьте.

ГЛАВА XXI

Дон Кишот рассказывает о чудесах, виденных им в Монтесиноской пещере

Опускаясь, друзья мои, по вашей веревке во глубину сей бездны, и будучи уже в далеком расстоянии от света, приметил я пространную пещеру со сводом, слабо озаренную лучами дня, которые блистали с земной поверхности, и решился войти в нее; кричал вам несколько раз, чтобы вы перестали опускать веревку, но вы не могли меня слышать; итак, видя, что веревка все опускалась, я склал ее в кучу на скале, отпавшей от горы, и сел на ней отдохнуть. Не успел я сесть, как самый сладкий сон овладел моими чувствами; пробуждаюсь и вижу себя на середине прекрасного луга, где природа, казалось, нарочно соединила все свои прелести; смотрю, вглядываюсь, чувствую, что я не сплю; уверяюсь, что все это не мечта, иду через луг: вдруг представляется глазам моим великолепный хрустальный замок, который неописанным блистанием ослепляет мои взоры; изумрудные ворота отворяются; из них выходит тихими шагами старец в зеленой одежде, багряной мантии, с черною бархатною скуфьею на голове⁷; седые волосы его развевались по плечам, а борода, чистейшему льну подобная, лобзаемая зефиром, досягала колен; в руках имел он четки, которых зерна, в орех величиною, были разделены алмазами, каждый с большое страусово яйцо. Не могу вам изъяснить, что я почувствовал при виде сего величественного старца.

Он приближается ко мне, я останавливаюсь:

— Давно, — говорит он, — давно мы ожидаем тебя, неустрашимый Дон Кишот! Следуй за мною, достойный рыцарь; судьба повелевает мне открыть тебе тайны сего хрустального замка, в котором я бессменный алькад. Ты видишь перед собою Монтесиноса!

— Ты — Монтесинос? — воскликнул я с удивлением. — Ах! Скажи скорее, что ты сделал по смерти друга твоего, храброго Дюрандара? Исполнил ли его последнюю волю? Вручил ли геройское сердце любезной Белерме?

— Все сделал! — отвечал Монтесинос. — Иди за мною, я приведу тебя в объятия самого Дюрандара.

Мы идем по длинным переходам, наконец, вступаем в небольшую залу, просто отделанную; тут вижу мраморный гроб искуснейшей работы и в нем человека, совершенно живого, с мясом и костями; незнакомец казался сонным; правая рука его закрывала левый бок.

— Вот, друг мой Дюрандар, — сказал Монтесинос в слезах, — герой, пример любовников и рыцарей, известный вам французский черно-книжник Мерлин⁸, которого все почитали сообщником дьявола, очаровал его здесь вместе со многими несчастными, которых вы узнаете; хотя мой любезный Дюрандар очень давно умер за несколько перед сим веков, хотя я и вынул из груди его сердце, но все это не мешает ему стонать и жаловаться. В ту минуту Дюрандар томным голосом произнес следующие слова:

*Ужель, мой брат, Монтесинос,
Пример героев и друзей,
Не вынул сердца, не отнес
Его к владычице моей?*

— Отнес, отнес! Любезнейший брат, — отвечал старец, ставши на колена, — будь покоен, я открыл твердую грудь твою, вынул из нее бережно твое храброе сердце, бальзамировал его, завернул в кружева, обвил алыми лентами, не забыл тебя похоронить, потом отправился во Францию и отдал сей бесценный подарок неутешной Белерме. С тех пор не знаю, как Белерма очутилась здесь вместе с тобою, со мною, с твоим оруженосцем, Гвадианною, с доброю дуэнною Рюйдерою, с семьей ее дочерью, двумя племянницами и многим множеством несчастных, очарованных могуществом Мерлина. Мы живем здесь более пяти сот лет; все, слава Богу, здоровы, кроме дуэнны Рюйдеры, которая с дочерью и племянницами беспрестанно плакала, плакала и, наконец, превратилась в источник. Маленькое несчастье произошло и твоему верному оруженосцу Гвадианне: он вдруг сделался рекою и, заметив свою жидкость, так опечалился разлукою с тобою, что скрылся в недрах земли; но судьба принудила его опять выйти на ее поверхность, и теперь он орошает струями своими Португалию. В продолжении пяти сот лет я каждый день пересказываю тебе одно и то же; ты мне никогда не отвечаешь, и я должен, наконец, к совершенному моему прискорбию, заключить из сего, что ты несколько недоверчив. Сегодня могу тебя обрадовать приятнейшим известием: к нам приехал славный Дон Кишот, которого прибытие возвестил Мерлин. Надеюсь, что этот герой избавит всех нас, заключенных, от очарования; ты сам знаешь, что такие великие дела предоставлены одним великим людям!

— Увы! Любезный брат, — сказал Дюрандар слабым голосом, — желаю сего, хотя не надеюсь; но чему бы ни надлежало случиться, вооружимся терпением и ко всему приготовимся!

Он замолчал и повернулся на бок.

В сию минуту слух мой был поражен воплем и стенанием; я оборотился и увидел в другой горнице сквозь хрустальную стену множество прекраснейших женщин в трауре, с растрепанными волосами, унылых, плачущих и тихо идущих одна за другою. За ними шла женщина, печальнее других одетая; черный флер висел на главе ее⁹ и тащился по земле; унылость ее лица изображала душевное прискорбие, но красота ее была не очаровательна; брови густые, в два пальца шириною, совершенно сросшиеся, расплющенный нос, большой рот, зубы, довольно редкие и кривые, но превосходящие белизною очищенный миндаль¹⁰; в руках имела она платок, в котором что-то было завернуто; из глаз ее, неподвижно на платок устремленных, лились ручьями слезы.

— Вот Белерма с своими женщинами, вместе с нею очарованными, — сказал старец, — четыре раза в неделю сия неутешная любовница приходит к Дюрандару и плачет с церемониею над его гробом. Вы, может быть, найдете в ней меньше прелестей, нежели сколько найти надеялись; но пять сот лет ежеминутного огорчения почти всегда повреждают черты и свежесть прекрасного лица. Вы видите, как она бледна и как глубоко впали глаза ее; не подумайте, однако ж, чтоб нездоровье было тому причиною. Нет! Белерма, всегда, слава Богу, здорова; одна горсть с недает ее во цвете юности; иначе она бы могла равняться даже с несравненною Дульцинею Тобозскою!

— Пожалуйте, дон Монтесинос, — отвечал я с важностию, — воздержитесь от сравнений, которые не всем нравиться могут! Дульцинея есть то, что она есть, Белерма имеет достоинство; не будем об этом спорить!

Монтесинос извинился, и мы осталась друзьями.

— И не потузили вы хорошенько этого старика, — воскликнул Санко, — и не выдрали ему бороды!

— Нет, — отвечал рыцарь, — он извинился и тем загладил вину свою перед Дульцинею; я никогда не забываю должного почтения к старикам, особливо к очарованным.

— Государь мой! — сказал молодой студент. — Я никак понять не могу, чтобы в такое короткое время пребывания вашего в пещере могло случиться с вам столько приключений; вы часу в ней не пробыли.

— Как часу! — воскликнул герой. — Я счел три восхождения и захождения солнца, и мне очень памятно, что важнейшее приключение случилось в третий день пребывания моего в хрустальном замке!

— Какое? — спросил Санко.

— Я гулял с Монтесиносом, — продолжал путешественник, — по тому цветущему лугу, который я уже вам описывал; вдруг вижу трех деревенских девушек, играющих между собою на зеленом дерне; сход-

ство их с теми красавицами, которых мы с тобою встретили на Тобозской дороге, меня удивило, восхитило! Я спросил у любезного своего спутника:

— Кто таковы эти поселанки?

— Я их не знаю, — отвечал Монтесинос, — они здесь очень недавно: должно думать, что они также какие-нибудь очарованные принцессы; ибо здесь вместилище всех очарованных смертных.

Не сомневаясь более, чтобы одна из них не была Дульцинея, моя владычица, я бросился к ней, узнал ее, хотел с нею говорить; но, увы, не удостоив меня ни одного слова, ни единого взгляда, она убежала, как робкая серна. Я остался с простертыми руками, безмолвный, горестный, пожирал свои слезы и уже готовился последовать бегущую, как вдруг хрустальный замок, луг, Монтесинос, все предметы исчезли; я вас увидел перед собою.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Санко, ударив себя по лбу. — Возможно ль, чтобы колдуны, волшебники имели такую власть, что даже свели с ума моего господина; прошу вас, сударь, ради всех святых, не сказывайте в городе никому об этом прекрасном приключении: подумают, что вы безумный.

— Сын мой! — отвечал Дон Кишот. — Ты из любви ко мне говоришь вздор: охотно тебя прощаю; но прибавлю, что все, мною сказанное, есть сущая правда; ты знаешь, как я не терплю лжи! Придет время, что вы не такие услышите чудеса, и то, чему теперь не верите, покажется вам тогда натуральным и обыкновенным.

ГЛАВА XXII

Подробности смешные, но весьма нужные

Переводчик почтенного Сид Гамед Бененжели говорит, что сочинитель при конце предыдущей главы написал следующее важное примечание:

«Все, что ни случилось до сих пор с Дон Кишотом, хотя чудесное, необычайное, может быть очень просто истолковано, одно только приключение в Монтесиносской пещере кажется невероятным; но простосердечие, откровенность и прямотушие нашего героя не позволяют нам быть недоверчивыми: он не может солгать, это верно. Что ж нам подумать? Разве только то, что он все видел во сне и все принял за существенное. Оставляем сию важную гипотезу на рассмотрение читателей; они, конечно, не обидят оскорбительными мыслями почтенного рыцаря Ламанхи».

Как бы то ни было, молодой проводник поблагодарил рыцаря за его удивительную повесть, которую хотел поместить в число своих превращений, и радовался случаю объяснить настоящее происхождение Гвадианны и источников Рюйдеры, никому до сих пор неизвестное. Дон Кишот предложил автору некоторые свои мнения о том, как ему сделать свою книгу забавнее, занимательнее; сели на траву, отобедали, потом отправились в ближний постоялый двор на ночлег.

На большой дороге догнал их человек на лошаке, навьюченном копьями, которого погонял он из всей мочи:

— Ты уморишь его, — сказал Дон Кишот, — куда ты так спешишь?

— Крайняя нужда, — отвечал погонщик, — завтра будет побоище!

— Какое? — спросил поспешно рыцарь.

— Некогда мне толковать с вами! Если хотите об этом узнать обстоятельно, то заезжайте на ближний постоялый двор: там найдете меня и обо всем от меня услышите.

Погонщик поспешно удалился.

Судите сами, любезные читатели, о нетерпении нашего героя; он заставил Рыжака прибавить шагу; в сумерки доехал к назначенному постоялому двору и, к совершенному удовольствию Санки, на сей раз принял его точно за постоялый двор; не успел он слезть с лошади, как спросил у хозяина, тут ли был человек с копьями.

— Тут, — отвечал хозяин, — он убирает лошака.

Герой побежал в конюшню, где нашел его, насыпающего овес; и желая поскорее узнать о побоище, сам пособлял ему готовить корм; потом посадил его вместе с собою на камень, прося хозяина, молодого студента и Санку прислушать, и погонщик начал говорить следующим образом:

Герой побежал в конюшню, где нашел его, насыпающего овес.

— В пяти милях отсюда есть деревня; в этой деревне у одного из выборных¹¹ пропал осел; искал он его немало, там, здесь, нигде не нашел, как в воду канул; прошло недели две, вдруг прибегает к нему другой выборный, его кум, говоря:

— Слава Богу, товарищ! Об осле твоём есть слухи.

— Что ты говоришь! Спасибо, кум! Но хороши ли слухи? Где он?

— Шатается по горе! Я его видел! Такой слабый и тощий! Все кости наруже! Словом, твой осел! Я кликал его, кликал: сюда! Сюда! Кстатили! Одичал совсем; лишь только я к нему, он начнет лягать; наконец запрыгал, ударился бежать в лес и пропал! Пойдем его искать вместе; может быть, двоим он и дается в руки.

— Пойдем, кум, пойдем! Я буду тебе очень благодарен, сам услужу при случае.

Пошли наши соседи искать осла по горам и по лесу; искали, искали, не тут-то было, нет осла! Тот, который его видел, говорит:

— Постой, кум! Я знаю другое средство: я великий мастер мычать по-ослиному; это природное дарование, которым я старался воспользоваться, и которое, не хвастая, скажу, довел до совершенства; посмотри, как зареву! Осел твой обманется, сам прибежит на мой голос.

— И я, товарищ, горазд мычать по-ослиному; никакой знаток не распознает меня с ослом.

— Что ты говоришь! Я этому очень рад! Поди ж сюда, я пойду туда, заревем оба во все горло; увидишь, что твой осел тотчас к нам выбежит.

— Кум! Ты человек догадливый; я всегда говорил, что ты умный малый.

Соседи разлучились, всякий пошел своею дорогою, и ну реветь. Что же вышло? Они сбежались опять в одно место: каждый подумал, что вблизи его ревет настоящий осел; сбежались и глядят друг на друга с удивлением.

— Это ты, кум! — спросил первый.

— Я! — сказал другой. — Неужели ты ревел?

— Я! Но мне кто отвечал?

— Я! Удивительно! Ты великий мастер! Ты реवेशь совершенно! Много делаешь мне чести!

— Нимало! Ты достоин всякой похвалы! Какой звонкий голос, какая выдержка! Какие трели и чистота!

— А ты? Какое искусство в остановках, в переливах! Какое разнообразие в звуках!

— О! Я уступаю тебе во всем!

— Нет! Я не желаю быть твоим победителем; доволен буду и первым по тебе местом! Начнем снова, если хочешь!

Они разошлись, заревели опять во все горло и еще несколько раз сбегались; один осел не отвечал ни слова: его нашли до половины съеденного волками.

— Вот, от чего он тебе не откликнулся! — сказал один.

— Если бы мы его живого застали, то не миновать бы ему тебя, — отвечал другой.

Утешенные сими взаимными похвалами, они забыли об осле, возвратились в деревню и рассказали о приключившемся с ними своим знакомым, говоря с восхищением каждый об искусстве, приятности и совершенстве своего товарища в мычании. Сии рассказы, переходя от одного к другому, наконец, распространились по деревням. А черт, которому до всего дело, как тут научил соседних поселян, встречаясь с нашими, реветь по-ослиному, говоря, что это язык наших выборных! Маленькие мальчики, негодные проказники, вмешались в шутку, стали на нас указывать пальцами; начались ссоры, драки, наконец, мы решились дать настоящее сражение, которому надобно быть завтра. Вот для чего я накупил и везу такое множество копьев, которыми, как вы изволили сами видеть, навьючен мой лошак.

Дон Кишот хотел отвечать и сообщить погонщику некоторые свои мнения о наступательной и оборонительной войне, как взошел на двор человек, очень странно одетый, с огромным пластырем на правом глазе и на левой щеке.

— Хозяин! — сказал он. — Есть ли место для постояльцев? Для обезьяны-отгадчицы и для прекрасной Мелизандры со всем кукольным причетом!

— Ах! Это ты, Петр? — воскликнул хозяин. — Милости просим! Другому кому, а не тебе откажем в ночлеге! Добро пожаловать! Где же обезьяна-отгадчица и комедия?

— Здесь недалеко; поместимся ли мы у тебя?

— Что ты, Петр! Я лучшему графу откажу, только бы тебе покой очистить! Вели въезжать на двор: у меня сегодня гостей довольно; ты нас позабавишь, и сам в накладе не останешься!

— Доброе дело! Я для тебя и цены сбавлю, а господа заплатят вместо меня за постой!

Петр пошел к своей фуре, а Дон Кишот между тем начал расспрашивать о куклах и обезьяне-отгадчице.

— Приятель наш, Петр, — отвечал хозяин, — давно разъезжает по здешнему околотку, показывая любопытным комедию, в которой представляется освобождение прекрасной Мелизандры из неволи неверных дон Гайфером¹², ее любовником! С ним есть удивительная обезьяна, которая умнее всех обезьян на свете и не глупее многих людей.

Спроси ее, о чем изволишь; она тотчас вспрыгнет к хозяину на плечо, шепнет ему ответ на ухо, а Петр его перескажет: видно, один он понимает язык ее, и почти всегда ответ бывает самый умный! Иногда умо-рит всех со смеху; говорят, что эта обезьяна — оборотень; дело сбы-точное! За каждый вопрос должно платить по два реала. Таких реалов наберется в год довольно; Петр этим разбогател; мы его любим; человек добрый, простой, весельчак, говорун, ест за четверых, а пьет за дюжину! Не хотел бы расстаться с этим человеком!

Между тем явился опять Петр на дворе с повозкою, на которой сидел мальчик и обезьяна, весьма проворная и острая. Дон Кишот, подошедши к повозке, сказал:

— Госпожа отгадчица! Я желаю знать, что завтра со мною случится?

— Государь мой! — отвечал Петр. — Это животное не предсказывает будущего: знает только настоящее и прошедшее.

— Вот тебе на! — воскликнул Санко. — Какая диковинка! Я за прошедшее не дам булавки! О том, что со мною было, я знаю сам лучше всех обезьян на свете; но если эта госпожа колдунья изволит ведать о настоящем, то прошу ее сказать мне, что теперь делает Тереза, жена моя? Так и быть, заплачу два реала!

Петр не принял денег вперед, подал знак обезьяне; она вскочила к нему на плечо, приложила морду к его уху и, пошевелив проворно языком и губами, спрыгнула на землю. Петр, подошед к Дон Кишоту, стал на одно колено и воскликнул:

— Позволь, возобновитель рыцарского достоинства, обнять твои колена! Позволь воздать должное почтение великому рыцарю Ламанхскому, неустрашимому Дон Кишоту, защитнику невинности, покровителю несчастных, любимцу славы, жрецу добродетели!

При сих словах Дон Кишот, его оруженосец, проводник, хозяин и все, на дворе стоявшие, несказанно изумились; Петр, не дав им опомниться, продолжал:

— А ты, о вернейший оруженосец славного рыцаря! Пади на колено и благодари судьбу! Тереза, жена твоя, в самый сей час допрягает намычку льну¹³, имея беспрестанно в сердце образ обожаемого супруга, она скрывается в тишине уединения, подле нее на лавочке стоит черепочек; в черепочке вино, которым она нередко подкрепляет силы свои, горем истощенные!

— Верю, верю, — отвечал Санко, — Тереза добрая жена, и если б не ревность ее меня сокрушала, то вряд ли бы я променял ее на великаншу Андадону¹⁴, которую так расхваливает мой рыцарь! Сбыточное дело, что она с черепком подружилась! Проказница не любит себе ни в чем отказывать, хотя знает, что все наши наследники от ее прихотей разорились.

— Признаюсь, — сказал Дон Кишот, — Санкина пословица справедлива: век живи и век учись; я бы засмеялся, когда бы мне сказали, что простая обезьяна может что-нибудь угадывать с такою верностию. Надобно вам, государи мои, объявить, что я точно этот Ламанхский Дон Кишот, которого слишком много расхвалило ваше удивительное животное; скажу просто — люблю делать добро всегда, во всяком случае: вот все мое достоинство.

— Я столько обрадован присутствием вашего странствующего рыцарства, — сказал Петр, — что сей же час даром представлю свою прекрасную комедию!

— Давай! Давай! — закричал обрадованный хозяин. — Жена, дети, проворнее очистите большую горницу! То-то добрый человек Петр! Как одолжил всех нас!

Между тем Санке вздумалось еще сделать один вопрос обезьяне.

— В самом ли деле, — спросил он, — мой рыцарь видел такие удивительные чудеса в Монтесиноской пещере.

Обезьяна, по своему обыкновению, пошептала хозяину на ухо, а хозяин пересказал ответ ее следующим образом:

— Вопрос, данный вами, затруднителен! Сказать можно только то, что виденные славным Дон Кишотом в Монтесиноской пещере, по крайней мере, вероятны; следовательно, веры и уважения достойны.

Герой, совершенно довольный, удвоил свое почтение к обезьяне; между тем театр был приготовлен. Рыцарь пошел в залу, занял почтенное место, все зрители стали позади его; зажгли множество свеч; Петр спрятался позади сцены, чтобы управлять машинами; его мальчик вышел наперед, держа в руке жезл, которым должен был указывать на актеров и все объяснять зрителям: наконец свисток возвестил начало, поднялся занавес.

ГЛАВА XXIII

Освобождение Мелизандры

Все пребывало в глубоком молчании, все слушало, все было внимательно, все глаза были устремлены на сцену. Вдруг загремели трубы, литавры, поднялась пальба за театром, и мальчик пономарским тоном в нос начал говорить следующее:

— История прекрасной Мелизандры и супруга ее дон Гайфера, извлеченная из французских хроников и гишпанских романсов¹⁵, известных всем от малого до большого. Вы увидите, как Мелизандро из плена мавров сарагосских освобождена была супругом своим дон Гайфером. Вот

и дон Гайфер сам: он в гостях у императора Карла Великого, который Мелизандре немножко сродни, кажется, родной или названный отец, играет в шахмат, а о бедной жене своей и не помнит; в романсе говорится о нем следующее:

*Наш рыцарь ферзю играет,
А ферзь свою позабывает.*

Смотрите, господа, идет Карл Великий со скипетром и в короне; он сердится на зятя и говорит ему:

— Не стыдно ли тебе играть в шашки тогда, как жена твоя в полону?

Дон Гайфер оправдывается. Император в ужасном гневе, едва удерживается, чтобы не вцепиться ему в волосы; иные говорят, что он в самом деле его потаскал: сделав такой выговор, Карл Великий оборачивается спиною к рыцарю.

— Смотрите, как дон Гайфер прогневался, как вскочил со стула, как поронял шашки и стол: он требует своего оружия, просит рыцаря Роланда ссудить его мечом своим Дюрандалом; Роланд меча ему не дает, а сам собирается идти с ним выручать из плена Мелизандру, но дон Гайфер его благодарит, а брать с собою не хочет. Вот! Он вооружился, сел на коня, едет по Сарагосской дороге; теперь, государи мои, прошу смотреть, это башня дворца Сарагосского¹⁶; видите ли балкон? На нем женщина, одетая не по-нашему; это жена Гайфера, прекрасная Мелизандра! С самого утра сидит она на балконе; смотрит на парижскую дорогу; думает о Франции, о своем супруге и плачет, как ручей льется! Теперь увидите такое дело, которое заставит вас ахнуть с досады. Примечайте: вот крадется малорослый мавр на цыпочках, приложив палец к губам, озираясь, как волк; вот подошел, зашумел, красавица оборотилась; а он ее поцеловал. Мелизандра в отчаянии обтирает обе губы рукавом, воеет голосом; кричит, опять обтирается, рвет на голове волосы. Ах! Милостивые государи! Худо жить на свете пленникам!

Вот в этой вызолоченной галерее рассказывает старый мавр! Это Марсил, король Сарагосский; он видел дерзкий поступок маленького мавра, своего родни и любимца, приказал его взять и на площади дать ему двести палок; видите, его колотят. О! У мавров по судам волочить не любят; приказ дан, исполняют мигом, не так, как у нас; хлопочи целый век, а конца нет.

— Продолжай, мальчик, без прибавлений, — сказал Дон Кишот, — все излишнее уменьшает интерес.

— Конечно, так, — прибавил Петр из-за кулис, — ты очень заболтался! Благодарю его милость за совет и вперед не в свое дело не вмешивайся.

— Я, кажется, ничего худого не сказал, — отвечал мальчик. — Вот рыцарь на лошади, — продолжал он, — это сам дон Гайфер. Он подъезжает к башне; Мелизандра смотрит на него, не узнает и поет ему следующие стихи из романа¹⁷!

*Проезжий, где ты был?
Скажи, где дон Гайфер?*

Смотрите, как дон Гайфер проворно сбрасывает с головы шишак, она его узнает; видите ли, как с радости подпрыгивает! Хочет броситься с балкону, но высоко! Смотрите, какая выдумщица: связывает несколько простынь вместе и по ним хочет спускаться вниз; вот она спускается; ах, беда! Зацепилась фалбарою¹⁸ за гвоздь и повисла! Беденькая, как ей быть?

Не беспокоитесь, не беспокойтесь, дон Гайфер за нею лезет; насилиу вскарабкался, отцепил свою жену, изорвал прекрасную фалбару; она от страху без чувства; он ее перекидывает чрез седло, садится — ступай... они уж далеко!

Извольте прислушать, как ржет его конь, почувствовав на себе таких любезных и достойных седоков; смотрите, как он легко скачет и как он сам выбирает в Париж дорогу. Бог с вами! Живите и веселитесь в своем отечестве; желаю вам счастливого пути, чтоб не встретилось дорогою с вами ничего худого; чтоб по приезде вашем, друзья и родственники, давно вас ожидавшие с нетерпением, встретили с распростертыми объятиями и долго наслаждались вашим счастьем, которое только любовь и Гименей, тесно соединенные, дают человеку!

Мальчик закричал в другой раз:

— Петр, тебе не велено много болтать! Слышишь ли?

Мальчик ничего не отвечал.

— По несчастью, — продолжал он, — жители города видели, как Мелизандра опускалася с балкона, как бежала с мужем! Король Марсил приказал ударить тревогу, бить в барабаны, в набат! Слышите ли, какой шум и возня в Сарагоссе? Стук оружия, крик, музыка, колокольный звон?

— Пустое, — возгласил Дон Кишот, — у мавров в это время не было колоколов, а были бубны; это, Петр, ошибка большая!

— Ваша правда, сударь! — отвечал Петр. — Пожалуйте, нас извините, в лучших наших комедиях найдется множество подобного вздору.

— Продолжай, мальчик, почтенный рыцарь снисходителен!

— Смотрите прилежнее, господа! Прекраснейшая конница выезжает из городу вслед за Мелизандрою, видите ли? Все воины в усах; какие у них сабли, какие страшные лица! Слушайте; бьют в литавры, играют на трубах, на гобоях, на рогах! Какое их множество. А! Вот и

еще, и еще! Они же все верхами! Боюсь я за наших любовников! Если, по несчастию, их догонят, беда! Вы увидите их, привязанных к лошадиным хвостам, брошенных на позорище нечестивому народу.

— Нет! Нет! Не удастся вам! — воскликнул наш герой ужасным голосом. — Пока в жилах моих будет капля крови, не позволю ничего сделать храброму дон Гайферу. Стойте! Стойте, негодные бездушники! Не осмеливайтесь преследовать невинных; я защитник дон Гайфера и Мелизандры.

С сим словом обнажив меч, наш рыцарь бросается на кукол и опрокидывает всю неверную конницу; все разлетелось, все разбито; город разорен; дома, дворец и укрепления поставлены вверх дном, и сам Петр едва увернулся от разрушительного меча, который едва не ссек ему головы.

Бедняжка забился под доску, откуда кричал из всей мочи:

— Господин рыцарь! Господин рыцарь! Великий Дон Кишот! Укроти свой гнев, не проливай напрасно крови; это, сударь, не мавры, это глиняные куклы! Ах! Что мне делать? Разорили вы меня, господин Дон Кишот!

Рыцарь наш ничего не слушал, продолжал колоть и резать; чрез пять минут театр обрушился; кавалерия в куски избита; король Марсил, опасно раненный, валялся посреди развалин, а Карл Великий, с которого была сшибена корона, плавал в крови, задавленный грудю мертвых тел; обезьяна, испугавшись стукотни, оборвала цепочку и вспрыгнула на чердак; мальчишка также от страха куда-то забился; проводник, хозяин, все разбежались, а Санко, который никогда еще не видывал Дон Кишота в таком ужасном гневе, чуть-чуть и сам бежать не собрался.

Наш герой, посреди мертвых, раненых и бегущих, оставшись один победителем и не видя врагов, восклицает:

— Желал бы я, чтобы теперь кто-нибудь осмелился со мной поспорить о пользе рыцарства! Что бы в сию минуту было с дон Гайфером и прекрасною Мелизандрою, когда бы я здесь, к их счастью, не случился; когда бы сия рука не избавила их от ярости сих нечестивых войск! Да здравствует рыцарство! Оно благотельно для смертных!

— Только не для меня, — отвечал Петр плачевным голосом из-за доски, — теперь могу сказать, как Родриг, король, разбитый на сражении: вчера я царствовал в Испании, а ныне лишен пристанища; вчера я имел во власти множество королей, императоров; бесчисленное войско повиновалось одному моему слову; мои города, замки и сундуки были наполнены красавицами, рыцарями, резвыми конями, пышными уборами; теперь я разорен вконец, осиротел, обеднял и принужден таскаться по миру, потому что моя обезьяна, мое первое сокровище,

теперь бегают по крышам, откуда ее сам черт не стащит! Кругом в бедах, и от кого? От того, кто до сих пор был покровителем, отцом несчастных, подпорою слабого человечества! На меня одного изволил он прогневаться, на меня, который его любит, как отца, и в самом несчастье благословляет его великое имя.

Санко, услышав это, растрогался и сказал:

— Не плачь, Петр, ты и меня приведешь в слезы; я знаю своего барина; он человек добрый и милостивый, заплатит тебе за все убытки!

— Что такое? — спросил Дон Кишот. — Чего от меня хочет Петр? И за что мне ему платить?

— Как за что? — отвечал Петр. — За все эти мертвые тела, разоренные дома и замки, за изувеченных принцев и принцесс! Не мое ли это богатство? Не мою ли кровь вы пролили? Эти добрые куклы меня кормили и поили; где они теперь? Все разбиты в куски вашею всемогущею рукою!

— Полно, полно, — сказал Дон Кишот, — я примечаю, что господа очарователи опять надо мною подшутили! Вы увидите, что побитые мною неприятели сию минуту превратятся в кукол. Я, признаюсь, принимал вещи так, как они мне казались; я видел мавров и бил мавров, Мелизандру счел за Мелизандру, а дон Гайфера за дон Гайфера; я делал свою должность; если я ошибся, не моя вина, и в доказательство, что я не хотел никому зла, охотно соглашаюсь, плачу за все нанесенные тебе убытки; разочтемся! Деньги готовы!

Петр, ставши на колена, сказал:

— Я никогда не сомневался в великодушии премудрого Дон Кишота! Прикажите великому Санке и хозяину быть свидетелями нашей оценки; они нас рассудят беспристрастно.

Дон Кишот согласился на все.

Петр подымает с полу Марсила, короля сарагосского, у которого голова была надвое разрублена.

— Судите сами, господа, легко ли возвести на трон его величество в этом положении! Надобно счесть его почти мертвым: следственно, за такое важное смертоубийство дешевле четырех реалов¹⁹ взять не можно.

— Даю четыре реала, — отвечал Дон Кишот.

— А этот, у которого грудь, желудок и брюхо распороны, кто бы таков был, государи мои? Император Карл Великий! Что пожалуете ему на лекарство? Нельзя ли пять реалов?

— Много! — воскликнул Санко.

— Не много! — перебил хозяин. — Раны опасны!

— Ваша правда, — сказал Дон Кишот, — плачу пять реалов за императора.

— Ах! Мои батюшки, — воскликнул Петр, — какая это госпожа без носу с выколонным глазом! Увы! Прекрасная Мелизандра, возможно ли тебя узнать в таком положении? Государи мои! Надобно иметь совесть. Вспомните, какова она была прежде, посмотрите, какова теперь, и дайте два реала и двенадцать мараведисов²⁰.

— Петр! — сказал Дон Кишот с суровостию. — Прошу не выдавать кошек за зайцев! Это вздор; я видел, как дон Гайфер пустился скакать во всю конскую прыть с своею Мелизандрою; они должны быть уже во Франции; может быть, теперь изволят наслаждаться супружескими удовольствиями, не думая о побитых маврах; эту статью вон из списка.

— Ваша правда, — отвечал Петр, которому не хотелось с героем спорить. — Эта безноса не Мелизандра, конечно, какая-нибудь из ее фрейлин, второпях забытая; дельно ей, не отставай от госпожи! За нее два или три мараведиса.

Кончив оценку, Санко по расчету заплатил сорок реалов, прибавя малость на поимку обезьяны; Петр остался довольным. Дон Кишот радовался избавлению любовников; на постоялом дворе все успокоилось, каждый пошел спать. Петр на другой день уехал до свету с развалинами своего театра и с своею обезьяною; а герой наш немного позже, распростившись с хозяином и проводником и всех оставив удивленными его проказами и словами.

ГЛАВА XXIV

Конец истории об ослах

Читатели мои, конечно, хотят иметь сведение о Петре, я не буду таиться. Помните ли вы, государи мои, о славном освобождении галерных невольников? О Гинесе Пассамоне, который украл Санкина осла? Этот Гинес и наш Петр — одна особа. Опасаясь не без причин строгого правосудия, он налепил на лице несколько пластырей, купил обезьяну, которую научил пособлять своему проворству и сделался кукольным комедиантом. С тех пор он повсюду разъезжает и обманывает божий народ. Этот сметливый плут, при въезде в какой-нибудь городок или селение, старается узнавать о всех обстоятельствах главных жителей, приходит к ним в дом с своими куклами, для которых сочинил несколько приятных комедий, потом заставляет свою обезьяну отгадывать то, что ему известно: обезьяна-отгадчица всегда говорит правду; ее слушают, удивляются чуду, платят деньги проворному Гинесу, который своим остроумием, своими шутками веселит, занимает зрителей и от них хорошо наживается. Накануне, остановившись на постоялом

дворе, он тотчас узнал рыцаря и оруженосца, и мудрено ли, правду сказать, в них ошибиться тому, кто хотя один раз в жизни имел удовольствие с ними встретиться? Гинес не пропустил удобного случая отличить свою обезьяну и между тем самому позабавиться, хотя его забава могла недешево ему стоить, потому что всеразрушительный меч Дон Кишотов, разбивая Марсилову конницу, был на один волос от головы его.

Герой, оставя постоялый двор, хотел прежде Сарагоссы осмотреть берега Эбры. В продолжение двух дней не встретилось с ним ничего достойного примечания; но в третий день, поднимаясь на пригорок, он вдруг услышал барабанный бой, литавры, трубы; тотчас вообразил, что какое-нибудь многочисленное войско идет маршем; дал шпоры Рыжаку, взлетел на высоту пригорка и увидел в долине двести человек пеших, вооруженных рогатинами, цепями, вилами, дубьем, ружьями и копьями. Впереди перед войском развевалось знамя, на котором был изображен маленький прекрасный осел с разинутою пастью, раздутыми ноздрями, вытянутою шеєю, с поднятыми ушами, а под ним следующая надпись:

*Когда наш выборный рвет,
Не просим мы трубы военной!*

По сей надписи Дон Кишот тотчас узнал причину войны и решился соединиться с армиею, хотя Санко, который никогда не был охотником до сражений, почти со слезами просил его в чужие дела не вмешиваться. Крестьяне, вооруженные за честь осла, весьма хорошо приняли рыцаря, который удивил их своим видом и одеждою; Дон Кишот объявил, что хочет говорить с войском. Его предложение приняли, замолчали, стали в кружок; и он сказал:

— Знаменитые рыцари! Позвольте предложить вам некоторые мнения, которые благоразумными и полезными почитаю; если, по несчастью, они вам покажутся неприятными, скажите одно слово, и я замолчу. Во-первых, должны вы знать, что я — странствующий рыцарь, что ремесло мое — война, что моя должность и вместе удовольствие — защищать сим мечом невинных, служить ревностно всем и каждому. Знаю причины, побудившие вас приняться за оружие: вы хотите отомстить за какие-то обиды, нимало не оскорбительные, по моему мнению. Послушайте, друзья мои! Я знаю законы; никакая земля, никакой город, никакое общество не должны оскорбляться обидами частных людей; также и то, что говорится на счет целого общества, не может быть оскорбительно для частного человека; насмешки глупых повес не

должны быть причиною войны. Нет, друзья мои, она противна уму и закону Божию. Война есть страшный бич. Необходимость проливать кровь так ужасна и так близка к преступлению, что одна только важная, сильная причина может ее оправдывать. Хотим отомстить, говорите вы; ах! Одно это слово показывает, что вы хотите сделаться виновными. Отомстить! Кому ж? Своим братьям, своим соседям, соотечественникам! И вы называетесь христианами! Ужели не внятен вам голос человечества? Друзья мои! Послушайте меня, мир и согласие! Забудьте обиду! Любите друг друга, как нежные братья! Это правило лучше всякой победы; не будем сами себя делать несчастными; нам и без того должно терпеть много горя.

— Черт меня возьми! — говорил про себя Санко. — Мой рыцарь знает богословие лучше всякого прелата! Надобно и мне сказать когда-нибудь проповедь! Я ведь не без языка! Не хуже никого умею говорить! И зачем терять случай? Начну, перекрестясь.

Санко, воспользовавшись тишиною, которую произвели слова Дон Кишота, начинает:

— Господа! Слышали ли вы поучение господина Дон Кишота Ламанхского, рыцаря, который прежде назывался рыцарем Печального образа, теперь пожалован в рыцари Льва; я вам сказываю, что он все знает, даже и латынь, а говорит по-испански лучше нас всех! Баталии, сражения выучил наизусть; словом сказать, он великий человек, не уступит никакому прелату. Послушайте его советов; он говорит дело. Я вам за это отвечаю! Что за дьявольщина, друзья мои! Кто набил вам голову такую дрянью? Перед вами заревут, а вы и драться! Послушали бы вы меня, когда я был робёнком! Никто не умел так хорошо реветь, как я, и вместо того, чтобы надо мною смеяться, все у меня учились. Слушайте и судите сами.

Санко зажал рукою правую ноздрю и заревел из всей мочи. Одному из крестьян вошло в голову, что он над ними смеется; не говоря доброго слова, он стукнул его дубиной, и Санко полетел с осла кверху ногами. Дон Кишот хотел сам ударить обидчика; но копыта, рогатины и ружья на него устремились, камни над ним засвистали: он сначала не ужаснулся; но мы имели случай сказать, что рыцарь имел маленькое отвращение от огнестрельных оружий; увидя их, он поворотил Рыжака, кольнул его шпорами и пустился скакать прочь, творя молитву и ожидая всякую минуту, что пуля пробьет его насквозь. К счастью, никто не выстрелил; крестьяне, довольные тем, что от него даром отделались, подняли Санку, посадили на осла и отпустили с Богом! Бедный оруженосец едва держался на осле, который сам догнал своего приятеля Рыжака и пошел за ним, потряхивая ушами. Войско простояло целый

день в боевом порядке; но неприятель не показывался, и оно с торжеством назад возвратилось: жаль, что между ими на нашлось знатоков в греческих обыкновениях; они бы, конечно, во славу столь знаменитого дня, воздвигнули памятник с пышною надписью.

ГЛАВА XXV

Некоторые подробности

Есть случаи в войне, в которых и самый неустрашимый бежать должен; об этом прежде бывали споры, но с тех пор, как Дон Кишот бежал, сии споры прекратились.

Бедный Санко, догнавши героя, упал к ногам Рыжака; Дон Кишот хотел осмотреть его раны, но не нашел ни одной, поглядел на него с сердцем и воскликнул:

— Кто тебя просил, дурачина, реветь перед целым войском, которое только за это и дерется? Разве ты, господин знаток в пословицах, забыл, что в доме повешенного о веревке не говорят? Поделом тебя побили! Чудо, что еще тебе головы не отсекали!

— О! Теперь полно реветь и говорить перед публикою, — отвечал плачевным голосом Санко, — однако ж вы позвольте мне думать, что странствующие рыцари, также как и мы, грешники, умеют бегать и оставлять в беде своих оруженосцев?

— Что ты под этим разумеешь, урод? Отступить не значит бежать! Истинное мужество не должно быть никогда безрассудным! Оно сохраняет смелого и не допускает его ввергаться без нужды в опасность. В истории найдешь множество сему примеров.

Санко на это не отвечал ни слова, ехал шагом, повеся нос, и вздыхал.

— Что ты вздыхаешь? — спросил Дон Кишот.

— Вздохнешь, сударь, когда всю спину ломит!

— Я на это скажу тебе основательную причину: конечно, дубина, которою тебя били, была длинна и толста, и конечно, ловко попали тебя по спине; когда бы эта дубина была длиннее и толще, то я отвечаю, что и тебе было бы несравненно больнее.

— Так точно, сударь; угадали! Я очень благодарен за наставления! Без вас где бы мне знать, что битому больно! Сверх того это очень и помогает; но ваши размышления так прекрасны, что и я в свою очередь размышлять начинаю. Все может прискучить, и мне становятся скучны проказы господ рыцарей и важная должность оруженосца. Какая прибыль от того, что нынче тебя побьют, завтра пошвыряют на простыне, послезавтра не дадут тебе ни есть, ни пить, и все по-пустому!

Мокни под дождем, жуй одни сухари, пей мутную воду, спи на траве, лежи да дрогни, небом покрыт, а пень в головах! Нет, право, умнее сделаю, когда ворочусь домой к жене и детям! Бог с ним и с рыцарством; выключая вас, все рыцари ни на что не годятся!

— Послушай Санко, — сказал холодно Дон Кишот, — прежде, нежели буду отвечать тебе, признайся, что с тех пор, как ты со мною говоришь, спине твоей гораздо легче! Продолжай, мой сын, продолжай; не беспокойся; говори, что тебе на ум взбредет! Хотя мне и очень скучно слушать твои глупости; но я рад, что болтанье тебе помогает. Говори, мой друг, на здоровье! Что же принадлежит до желания твоего возвратиться домой, то я тебя не неволю; поезжай с Богом: все мои деньги перед тобою; сочти, сколько я тебе должен, сам себе и заплати!

— Когда я, сударь, был в услужении у Томаса Караско, то мне платили по два червонца на месяц; сверх того, кормили. Мне кажется, что в рыцарской службе больше хлопот, нежели в крестьянской. Бывало, хорошо поработаешь, хорошо поешь, хорошо и поспишь; такого благополучия при вашей милости со мною не случалось; разве только во время нашего пребывания у дон Диега, да помнится, еще на свадьбе богатого Гамахи, у которого я опорожнил не одну кастрюльку.

— Хорошо, хорошо; сколько же тебе надобно прибавить сверх двух червонцев?

— Два реала к двум червонцам прикинуть можно; сверх того, реалов шесть за обещанный остров, которому желаю доброго здоровья!

— Согласен: сочти ж, что тебе придется за двадцать пять дней нашего путешествия!

— Господи помилуй, какие двадцать пять дней! Мы двадцать пять лет по белому свету шатаемся, еще и на пядь не подвинулись к этому прекрасному острову, хотя каждый день бьют нас палками и рычагами!²¹

— Я вижу маленькую неверность в твоем счете; ты хочешь прибрать к рукам все мои деньги! Не трудись напрасно; я их тебе уступаю все сполна; возьми их, возвратись в свою деревню, оставь своего господина, будь первым корыстолюбивым оруженосцем, который для денег, для такой низости, бросил своего благодетеля! Поди! Ты будешь, конечно, наказан, безумец неблагодарный! Твое счастье было в твоих руках; слава была готова тебя увенчать; фортуна спешила тебя наградить за все страдания, которые и ты, и я вместе испытали; но ты, ослепленный своим корыстолюбием, все отвергнул; поди же от меня; возвратись в то низкое состояние, которое судьба тебе назначила; пресмыкайся, малодушный!

В продолжение сего разговора Санко изредка посматривал на Дон Кишота и вздыхал очень тяжело, не находя слов к ответу. Потом, по долгом молчании, всхлипывая, прерывающимся голосом воскликнул:

— Государь, ах! Милостивый государь, я давно знаю, что я настоящий осел, не достает мне одного седла; если вам угодно будет и его на меня накинуть, то я, право, жаловаться не стану! Поделом мне, дураку, скотине! Не гневайтесь, господин рыцарь, я и так не знаю, что мне с собою делать; говорю много, а толку во мне мало, но я, право, не злой человек: Бог кающихся прощает.

— Успокойся, мой друг, — сказал Дон Кишот, — мы все имеем нужду в прощении! Забываю прошедшее! Постарайся только исправиться от корыстолюбия, недостойного души великой: возвышай ум и сердце; не забывай, что рано ли, поздно ли верно получишь награду! Между тем будем добрыми друзьями; дружба — во всем утешенье, а в моей ты должен быть уверен.

Добрый Санко утер слезы и поблагодарил своего господина. Под вечер они въехали в лес, где провели ночь очень весело, несмотря на Санкину болезнь, которая от ночной сырости еще усилилась. На рассвете они опять сели на коней и поехали вдоль берегов Эбры.

ГЛАВА XXVI

*Очарованная ладья*²²

Дон Кишот и Санко ехали шагом по берегу реки прекрасной, светлой, спокойной, величественно протекающей. Сие великолепное зрелище погрузило рыцаря в размышления и настроило его к нежным чувствам; вдруг он видит лодку без весел, привязанную к дереву; останавливается, смотрит на все стороны и, не говоря ни слова, слезает с лошади.

— Что вы хотите делать? — спросил Санко.

— То, что мне должно, — отвечал рыцарь с важностию, — эта ладья здесь недаром; если бы ты, также как я, начитался наших книг, то бы сам узнал, на что годится это судно. Всякий раз, когда какой-нибудь рыцарь случается в крайней опасности, благодетельный волшебник, его друг и хранитель, посылает к другому рыцарю (иногда за две тысячи миль) облако, лодку, гиппогрифа, летучую мышь, на которых он вмиг поспекает воздушным, сухим или водяным путем на помощь к притесненному герою. Таков наш обычай есть и был во всякое время. Привяжи скорее Рыжака и осла к дереву: сядем на эту легкую ладью и покоримся слепо судьбе своей.

— Сию минуту, сударь, вас послушаюсь, — отвечал удивленный оруженосец, — пословица говорит: сперва повинуйся господину, потом рассуждай; но если бы мне было позволено начать рассуждением, то бы я вам сказал, что эта лодка принадлежит рыбакам, которые здесь в реке

ловят самых лучших алозей²³; я тут не нахожу никакого колдовства; мне только будет грустно покинуть бедных скотин наших.

— Не беспокойся, мой друг Санко; тот, кто нас призывает, может быть, к самым полюсам, тот, без сомнения, сбережет и наших коней.

— Они привязаны, сударь! Совсем! Когда мы отправляемся в эту прекрасную землю?

— Сей час, мой друг; садись, поднимай якорь, и пустимся в море.

Герой прыгнул с оруженосцем в лодку; обрезали веревку, и судно понеслось тихо по течению реки. Не успели они отплыть двух сажен, как Санко начал дрожать и креститься!

— Ах! Сударь, — воскликнул он. — Рыжак хочет оторваться! Посмотрите на осла, как он умильно на меня поглядывает, как растопорил уши! Прощайте, друзья мои, дети мои: не печальтесь, пожалуйста; мы воротимся, воротимся! Надеюсь, что наше дурачество недолго продолжится и что хозяева лодки скоро нас с нее сгонят.

Санко рыдал; но Дон Кишот, прогневанный такую слабостию, посмотрел на него сурово и сказал:

— О червь малодушный! О трусливый заяц! Что с тобою сделалось? О чем плачешь? Принуждают ли тебя идти босиком чрез вечные снега Рифейские²⁴? Ты спокойно сидишь на корабле, как Клеопатра, плывущая на Кидне²⁵; тихие волны прекраснейшей реки несут тебя на хребтах своих; в каждую минуту мы протекаем более ста миль, и с тех пор, как я с тобою говорю, проехали уже сорок градусов широты. Очень мне жаль, что нет со мной астрольбии; я бы тебе точно назначил пункт, на котором мы теперь находимся; заключаю, однако ж, что мы уже миновали равноденственную линию.

— Верю, сударь, верю; но как вы думаете, сколько будет расстояния от той прекрасной линии до того места, с которого мы поехали?

— Разочти сам. Экватор разделяет нашу планету на две равные части; Птоломей, величайший из космографов, считает триста шестьдесят градусов от полюса Арктического до полюса Антарктического: итак, видишь, что мы объехали целую половину земного шара!

— Господи Боже мой! Я ужасных ваших слов никак не понимаю; извольте мне сказать по-испански, почему мы половину шара объехали.

— Слушай. Когда мореходцы едут из Кадикса в Индию, то узнают они по тому равноденственную линию, что все насекомые на корабле вдруг умирают.

Санко, который слушал своего господина с великим примечанием, вдруг схватил себя за ногу и, поглядывая на рыцаря, сказал:

— Могу вас уверить, что мы еще не переехали этой линии; я сей час поймал блоху, которая меня до крови кусала; сверх того, Рыжак и

осел еще у нас в виду; мы, я думаю, и двадцати сажень не отъехали.

В это время обвороженная ладья подплыла к большому острову, вокруг которого стремление реки было гораздо сильнее, пошла скорей, ударилась в берег и опрокинулась, а путешественники попадали в воду. Дон Кишот, который умел плавать, как гусь, выплыл и вытащил Санку на берег. Тут окружили их рыбаки, которым принадлежала лодка.

— Я готов платить, — отвечал рыцарь, — но с тем, чтобы вы мне показали ту крепость, в которой содержится рыцарь, требующий моей помощи.

— Какая крепость? Какой рыцарь? — спрашивали рыбаки. — Заплати нам за лодку, а рыцаря крепостей ищи, где хочешь!

— Эти добрые люди меня не понимают! Видно, я игралище очарователей! Один хотел, чтобы я освободил рыцаря, прислал за мной ладью; другой ему противился и ее опрокинул! Видно, судьбе угодно другому предоставить исполнение сего великого подвига. Так и быть, Санко, расплатись с ними, они не виноваты!

Санко, не торгуясь, заплатил деньги. Они обсушились и пошли, повеся нос, к своим коням. Так кончилось приключение с очарованною ладьею.

Дон Кишот, который умел плавать, как гусь, выплыл.

ГЛАВА XXVII

Встреча

Санко тосковал о деньгах своих, которые приметно убывали. Надежда на будущее была не очень утешительна; он ехал на осле пригорюнясь и размышлял про себя о том, что надлежало ему делать. Герой мечтал о Дульцинее. В таком расположении оба удалялись тихим шагом от берегов Эбры.

Переезжая через один луг, они увидели соколиную охоту, а в толпе охотников даму, сидящую на белой лошади, в богатом амазонском платье, с соколом на руке, прекрасную собою; по тому почтению, какое все ей оказывали, можно было заключить, что сия дама знатного роду.

— Сын мой! — сказал рыцарь Санке. — Видишь ли эту прекрасную госпожу с птицею на руке, скачи к ней, скажи, что рыцарь Льва, который приносит к ногам ее свое усердное почтение, желает иметь счастье ей представиться! Смотри же; старайся как-нибудь это сказать получше, покладнее и пуще всего не вмешивай в слова свои пословиц!

— Что вы, сударь, Бог с вами! — отвечал Санко. — Разве я безумный! Разве не умею сказать двух слов складных! Вы сами знаете, что я пословиц без нужды никогда не говорю! Всякое дело мастера боится. У нашего брата что есть в печи, то и на стол мечи! Ведь я не вчера родился; вы сами знаете, что всякое мое посольство к прекрасным господам всегда исправлялось самым лучшим образом!

— Кажется, мой друг, что кроме принцессы Дульцинеи ты ни к кому от меня послан не был.

— Разве это шутка! С Дульцинеями не с своим братом разговаривать. Ох! Сударь, пожалуйста, будьте покойны, дайте мне волю; я все сделаю, как надобно; лицом в грязь не ударю.

Санко пускается рысцою к охотникам, въезжает в средину их, приближается к амазонке, спрыгивает проворно с осла, становится на одно колено и говорит:

— Милостивая государыня! Прекрасная госпожа, меня зовут Санко Пансою; служу оруженосцем у его храбрости рыцаря Львов, который изволил остановиться там на горке; его милость, мой господин, который назывался прежде рыцарем Печального образа, приказал вам доложить, что ему очень приятно будет поцеловать вашу ножку и предложишь свои услуги вам и вашей птичке. Но для этого нужно ваше позволение, которое, кажется мне, вы можете без зазрения совести пожаловать, потому что и вам самим, конечно, хочется видеть моего рыцаря.

— Любезный оруженосец! — отвечала амазонка. — Ты прекрасно выполняешь комиссии, на тебя возлагаемые! Прежде всего, встань, потому что друг и товарищ великого рыцаря Львов, который мне известен по слуху, не должен говорить стоя на коленях. Возвратись к сему герою; скажи ему, что герцог, мой супруг, и я поставим за честь угостить его в своем замке, который очень недалеко отсюда.

Санко, узнавши, что с ним говорила герцогиня, удивился до крайности, потому что не воображал найти в знатных господах такой снисходительности и любезности, и все стоял на коленях, вылупя глаза на

герцогиню, которая так милостива к оруженосцам. Герцогиня подала ему руку и спросила, не есть ли господин его тот рыцарь Дон Кишот, обожатель Дульцинеи Тобозской, которого история напечатана?

— Он, точно, — отвечал Санко, — а я тот оруженосец, который в этой истории играет такую прекрасную роль!

— Радуюсь, что это вы, — сказала герцогиня, — тем приятнее для меня будет угощать вас, тебя и твоего славного рыцаря!

Оруженосец, поклонясь униженно, встает, проходит гордо мимо всех охотников, садится на осла и скачет к рыцарю, которому доносит обо всем обстоятельно, вознося до небес красоту, обходительность, учтивость и, больше всего, милостивое с ним обращение прекрасной герцогини. Герой, выслушав Санку, прибодрился, поправился на седле, поднял забрало шлема, натянул повод, чтобы придать больше огня Рыжаку, и поехал к герцогине. Герцогиня между тем рассказала своему супругу о посольстве, и так как они оба читали первую часть приключений рыцаря, то и уговорились обходиться с ним, как с настоящим странствующим рыцарем, приноровиться к его тону, к его идеям и словам и во всем совершенно с ним согласоваться. Между тем Дон Кишот приблизился и спешил сойти с Рыжака; но Санко, торопясь подхватить его стремя, запутался в собственных стременах своих и повис на седле. Герой, не приметив сего несчастья и считая, что оруженосец, конечно, в своей должности исправен, занес правую ногу; но седло, без сомнения, худо подтянутое, повернулось, и он затылком ударился о землю, проклиная себя и медлительного оруженосца. Рыцарь долго барахтался на земле, стараясь выпутать ногу из стремени, охотники по приказанию герцога подбежали к нему на помощь, поставили его на ноги, отцепили оруженосца, и Дон Кишот, прихрамывая, подошел к герцогине, перед которою стал на колена; герцог его поднял и, обнявшись с ним, сказал:

— Почтенный рыцарь Печального образа! Мне очень жаль, что первый шаг ваш на мою землю может вам показаться падением; надеюсь, что это маленькое несчастье не воспрепятствует вам пробить несколько времени у таких людей, которые вам искренно удивляются.

— Вижу, — отвечал герой, — что за всякое удовольствие должно платить в здешнем свете неудовольствием; но я готов заплатить и дороже за счастье быть с вами знакомым. Мой ветреный оруженосец умеет лучше болтать, нежели подтягивать подпруги; он один во всем виноват! Как бы то ни было, но я готов во всякое время: и в дождь, и в ненастье, и в ясную погоду — служить вам и светлейшей супруге вашей, которой прелести так очаровательны!

— Остерегайтесь, благородный Дон Кишот, — сказал герцог, — обожатель несравненной Дульцинеи не должен никакой женщины находить прекрасною!

Санко, которого, между тем, подняли и отряхивали, без дальних околичностей вмешался в разговоры.

— Ваша правда, господин герцог, — сказал он, — наша принцесса Дульцинея прелестна, как полная луна! Но разве один заяц в опушке? Госпожа натура похожа на горшечника: нынче смастерит хорошенький горшечик; завтра другой, такой же хорошенький; госпожа Дульцинея прекрасна, спору нет! Госпожа герцогиня также прекрасна, и также спору нет!

— Милостивая государыня! — прервал Дон Кишот. — Я должен вам признаться, что мой оруженосец иногда несколько болтлив. Покорно прошу на него не гневаться!

— Напротив, я им радуюсь, — отвечала герцогиня, — он весел, умен, забавен и, конечно, мне никогда не наскучит!

— Время нам возвратиться в замок, — сказал герцог, — смею надеяться, что храбрый рыцарь Печального образа удостоит нас своего посещения!

— Конечно, удостоит, — отвечал Санко с важностию, — и я также; не забывайте, однако ж, господин герцог, что мы теперь называемся рыцарем Львов.

Оруженосец оправил седло на Рыжаке. Дон Кишот сел на коня; поехали к замку. Герцогиня, которая находилась в середине, увидев позади себя оруженосца, который был важен, как царь, сказала ему:

— Подъезжай ко мне, Санко, и поговори что-нибудь.

Санко толкнул каблуками осла и поместился между герцогом и герцогинею, которых до самого приезда в замок утешал своими пословицами и шутками.

ГЛАВА XXVIII

Важные дела

Дружба такой знатной госпожи, какова была герцогиня, и маленькая надежда пробыть несколько времени в хорошем доме, верно, не меньше Диегова изобильном, наполняли душу его живою радостью. Он был доволен, весел, говорил и шутил беспрестанно. Приблизившись к замку, герцог поехал вперед, чтобы все приготовить к принятию высокого посетителя. Два конюших, богато убранных, встретили героя у крыльца и помогли ему сойти с коня; четыре прелестные девушки

вынесли на подушке прекрасную пурпуровую епанчу и наложили на плечи его; галереи, террасы были наполнены зрителями; все жители дома выбежали навстречу к рыцарю; прыскали на него духами; бросали ему на голову цветы и восклицали:

— Благословляем счастливый день, показавший нам украшение рыцарства!

Дон Кишот, восхищенный, шел с важностью, ведя за руку герцогиню, кланялся на обе стороны и говорил про себя: «Наконец и меня принимают так, как в романах всех рыцарей принимали! Слава Богу!»

Санко, чтобы не разлучиться с своим другом герцогинею, принужден был оставить осла: он упрекал себя внутренне за такую оплошность, беспокоился; наконец, не вытерпев, подошел к одной старой дуэнне, которую заметил в толпе, и сказал ей:

— Госпожа Гонзалец²⁶! Покорно прошу объявить мне ваше имя. Я хочу иметь удовольствие сказать вам несколько слов на ухо.

— Меня зовут донна Родрига Гриальва²⁷! Что вам угодно?

— Ах! Госпожа донна Родрига Гриальва! Вы одолжите меня, если потрудитесь сойти на двор, на котором найдете серого осла. Этот осел мой; я люблю его без памяти. Бедняжка застенчив; он не видал свету и не привык оставаться один. Боюсь, чтобы ему не соскучилось; отведите его сами в конюшню и дайте ему, что надобно.

— Прекрасно! — отвечала дуэнна охриплым голосом. — Хороши мы, если господин таков же, как и слуга! Знай, дружок, что в здешнем доме дуэнны не ходят по конюшням.

— О! О! Вы очень спесивы, сударыня, как мне кажется! Мой господин, однако ж, рассказывал, что дуэнны чистили коня Ланцелотова, когда он возвратился из Англии. А мой осел не хуже никакого коня на свете.

— Плюю на твоего господина и на твоего Ланцелота. Сказывай сказки тем, кто может за них платить, а я не дам за них и фиги!

— Я, правду сказать, до старых фиг и не охотник.

— Ты грубиян, невежа, — воскликнула разгневанная дуэнна. — Я научу тебя говорить с честными женщинами.

Герцогиня, услыша шум, оглянулась и увидела госпожу Родригу с вылупленными глазами, с лицом воспаленным, в совершенной горячке.

— Что с тобою сделалось? — спросила она.

— Помилуйте, сударыня! Этот деревенщина посылает меня за своим ослом и хочет уверить, что дуэнны ходили за конем какого-то Ланцелота. Он же еще говорит, что я стара.

— Ах! Какая несправедливость! — сказала герцогиня. — Ты ошибаешься, мой друг Санко, если считаешь госпожу Гриальву старою. Она еще девушка-невеста. Никто не даст ей больше осьмнадцати лет.

— Милостивая государыня! Герцогиня, — отвечал Санко, — я рад побожиться, что никогда не думал ни о лице, ни о старости этой доброй старушки. Я беспокоился об одном осле, которого оставил на дворе, и хотел разделить свою печаль с госпожою Родригою для того, что она мне показалась очень жалостливою.

— Санко! — сказал Дон Кишот. — Здесь не место говорить об этом вздоре.

— Извините, сударь, везде место говорить о своих друзьях! И я говорю об них везде, где вздумаю.

— Правда твоя, Санко, — сказал ему герцог, — но будь спокоен, я приказал отвести ослу твоему прекрасное место в конюшне и ходить за ним, как за тобою; он будет доволен, я за это отвечаю.

Между тем ввели героя в великолепную залу. Шесть прекрасных девушек сняли с него оружия, прося позволения раздеть его и переменить на нем рубашку. Скромный Дон Кишот извинился, приказал позвать своего оруженосца и заперся с ним наедине.

— Безмозглый человек, — сказал он ему, — что значит эта сцена с почтенною дуэнною? Пристойно ли было говорить об осле в такую минуту? Разве не видишь, как нас угощают? Можно ли подумать, чтобы забыли о наших конях? Остерегись, Санко: не давай воли своему языку, или, к стыду нашему, заметят, что ты не иное что, как грубая деревенщина. Подумай, что по обращению и ухваткам слуги заключат о господине; что всего на свете выгоднее для принцев иметь в услужении людей, столь же хорошо воспитанных, как они сами. Что подумают обо мне, если найдут в тебе глупого мужика или шута? Быть забавным очень трудно; это звание никогда не возбуждает почтения. Говори меньше, Санко, говори гораздо меньше; приучайся говорить с размышлением; не теряй того счастья, которое можешь получить от людей, нас окружающих, и от господина, которому служишь.

Санко обещал быть вперед осторожнее и дергать себя за ухо, когда вздумает сказать глупости. Он одел своего господина, который накинул на плечи пурпуровую мантию сверх истертого верблюжьего колета²⁸ и тюленьей перевязки, на которой висел грозный меч его, надел на голову зеленую атласную шапку и в таком прекрасном облачении вышел в гостиную. Девушки дожидались его у дверей с золотою лоханью, над которою он умыл руки. Потом явился дворецкий, перед которым шли двенадцать пажей с докладом, что кушать поставили. Дон Кишот, окруженный пажами, был отведен с большим торжеством в столовую, где находился стол, накрытый на четыре прибора и уставленный кушаньем. Герцог и герцогиня ожидали его вместе с одним важным духовным человеком из числа таких, которые втираются в дома

знатных господ, управляют ими, делаются их наставниками, входят во все их дела, прибирают к рукам их имения, одним словом, стараются их унижить, чтобы сравнить с собою.

Такой был этот святой человек, который с неудовольствием смотрел на Дон Кишота и на все учтивости, которые герцог и герцогиня ему оказывали. Дон Кишот долго не хотел садиться в первое место, наконец, герцог посадил его насильно; герцогиня села с ним рядом, священник против него, Санко, удивленный отличием, которое сделали его господину, первый начал разговор:

— Если, ваши превосходительства, позволите мне рассказать вам сказочку, то уверен, что будете мною очень довольны.

Дон Кишот посмотрел на него пристально.

— Прошу не беспокоиться, — продолжал оруженосец, — я не забыл ваших советов. Буду говорить правду: вы можете остановить меня, если заметите, что я солгал; дело происходило в нашей деревне.

— Милостивая государыня! — сказал Дон Кишот герцогине. — Ваши милости свели с ума этого бедного человека! Прикажите ему выйти.

— Напротив, я приказываю ему не отходить от меня ни на минуту. Я нахожу в нем час от часу более приятностей.

— И мне с вами очень приятно, госпожа прекрасная герцогиня, — отвечал Санко. — Но вот моя сказка. Надобно знать, что у нас в деревне есть дворянин, богатый человек и очень знатной фамилии, потому что прозывается Мединою дель Кампо, и что он женат на донне Минцие де Кинолес, дочери дон Алонза де Маранно, кавалера Св. Иакова²⁹, который утонул в самый день своей смерти и за которого сделалась страшная ссора в нашей деревне, известная самому господину Дон Кишоту, который был в ней замешан и, верно, помнит, как этот шалун Томазало, сын Балвастра³⁰, нашего кузнеца, был тогда избит в кровь и тяжело ранен. Не правда ли, что вы это помните, господин рыцарь; скажите вслух, не бойтесь; надобно, чтобы все знали, что я не охотник лгать и сказывать небылицу.

— Все правда, — отвечал Дон Кишот, — я согласен; но кажется мне, что ты говоришь много лишнего.

— Нет, нет; говори все, что знаешь, любезный Санко, — сказала герцогиня. — Я хочу знать все подробности; ты же так прекрасно умеешь рассказывать.

— С вами всему научишься, сударыня, — продолжал оруженосец. — Итак, скажу вам, что этот господин, которого я знал также коротко, как знаю своего рыцаря, потому что между его и моим домом не пройдут рядом две курицы, этот господин вздумал однажды позвать к себе обедать бедного крестьянина. Когда стали садиться за стол, то этот госпо-

дин, помяни Бог его душу в своем царствии, потому что он давно умер, и умер, как святой; я это знаю наверно. Хотя тогда не был в церкви, а ходил жать в Тамблеку; но слышал об этом от добрых людей, не охотников до сказок, которые уверяли меня, что все были растроганы его смертию. Когда-нибудь опишу ее вам получше; теперь надобно говорить как можно короче, потому что мне не позволяют входить в подробности. Итак, когда надобно было садиться за стол, то крестьянин заспорил с господином, который указывал ему первое место; господин упрямылся и приказывал ему садиться; крестьянин отказывался; наконец, господин, наскучив, посадил его насильно и сказал:

— Успокойся, приятель; где бы я ни сидел вместе с тобою, везде мое место будет почетное. Вот вам моя сказка, какова ни есть, не погневайтесь; я не выдаю шумихи за золото.

Дон Кишот, который сидел на иголках во все то время, как говорил Санко, попунцовел, услыша последние слова его. Герцог и герцогиня призаметили его замешательство и, не отвечая коварному оруженосцу, обратили разговор на другую материю.

— Давно ли, — спросила герцогиня, — давно ли рыцарь Львов имел известие о принцессе Дульцинее? Не посылал ли еще к ней каких-нибудь великанов или побежденных рыцарей?

— Ах! Милостивая государыня! Вы растравляете глубокую сердечную рану. Напрасно посылал я к Дульцинее великанов и рыцарей. Они не могли и не могут узнать ее. Несчастливая очарована, обращена в безобразную крестьянку.

— Не для всех! — воскликнул Санко. — Я видел ее своими глазами! Прекрасна, как подсолнечник, проворна и пуще всего великая мастерица ездить на ослах. Посмотрели бы вы, как она прыгает к нему на спину, как прекрасно кувывается.

— Разве ты видел ее очарованною?

— Как же не видать! Она очарована, по-моему, то есть я первый узнал об этом несчастном очаровании.

До сих пор священник, которому великаны, рыцарство и Дульцинея очень не нравились, сидел спокойно и воздерживался; но будучи отменно вспыльчив и не любя, чтобы другие веселились в то время, когда он сам был не весел, он посмотрел с досадою на герцога и сказал ему сердитым голосом:

— Ваша светлость, будете отвечать Богу за все эти шутки, не позволенные никакому христианину. Скажите, как этому безумцу, которого называете Дон Кишотом, не сделаться втрое безумным, когда вы с ним во всем соглашаетесь и с таким хладнокровием отвечаете на все его бредни! А ты, бедный сумасброд, скажи мне, разве не видишь, что над

тобою смеются! Как можешь думать, что ты странствующий рыцарь, что твоя Дульцинея очарована, что ты перебил для нее множество великанов и тому подобное! Знаешь ли в глаза хоть одного рыцаря? Есть ли великаны в Испании? Часто ли попадались тебе очарованные Дульцинеи? Послушайся меня, приятель, поезжай домой в свою деревню, воспитывай детей, хозяйничай; это гораздо лучше, нежели таскаться по всему свету и быть посмешищем праздных людей.

Священник замолчал. Герой наш, который терпеливо его выслушал, посмотрел на него сверкающими от гнева глазами, поднялся со стула и сказал изменившимся голосом:

— Милостивый государь!...

Но этот ответ один достоин целой главы.

ГЛАВА XXIX

Ответ Дон Кишота священнику и некоторые другие происшествия

— Милостивый государь! — сказал наш герой, всеми силами стараясь укротить справедливый гнев свой. — Место, в котором мы находимся, мое почтение к ее светлости и ваше священническое достоинство запрещают мне отвечать так, как бы я хотел и мог. Отвечаю вам словами. Судя по вашему почтенному сану, которому благодарите за сохранение своей жизни, я мог бы ожидать от вас советов, если бы имел в них нужду, а не обид, достойных всякого презрения. Сколько уважаю и люблю человека, взявшего на себя трудную должность показывать своим братьям их недостатки, наблюдать за ними с нежностью друга, быть их вождем на пути истинном; столько, напротив, презираю и ненавижу недостойного, который, сокрывшись под личиною святости, позволяет себе всякую несправедливость и оскорбляет, не опасаясь наказания, людей, ему неизвестных и перед ним невинных. Скажите, чем я перед вами провинился! Что я вам сделал? За что хотите вы запереть меня в мой дом и заставить воспитывать детей, которых не имею? Вы называете меня бродягою! Скажите, какое бы имя вы мне дали, когда бы нашли меня в чужом доме, занятого интригами, пронырливо старающегося овладеть умом хозяина и сделаться господином своего благодетеля? В этом случае, государь мой, я не имею чести быть на вас похожим и также не думаю, чтобы звание друга человечества, помощника несчастных и угнетенных, было так вредно, как вам кажется. Вы, конечно, имеете свои причины называть бедными безумцами тех людей, которые посвятили себя сему трудному званию, и

ваша ревность к истине заставляет вас говорить то при свидетелях! Я не хочу с вами спорить; но скажу вам, что я гораздо вас снисходительнее, что никогда не говорю всего, что я думаю, в глаза этим скрытным честолюбцам, которые всегда выбирают кривые дороги предательства, лести, низкого лицемерства и не стыдятся прикрывать своих пороков личиною добродетели.

— Прекрасно! — воскликнул Санко. — Вот что называется отвечать! Поделом ему, господин рыцарь! Вы подсекли язык этому доброму человеку, который вздумал уверять нас, что нет ни рыцарей, ни великанов, ни привидений. Желал бы я, чтобы он с ними также коротко познакомился, как я; тогда бы узнал, чем крапива пахнет!

— Не ты ли, — спросил священник с принужденною улыбкою, — не ты ли тот Санко Панса, которому этот славный рыцарь обещал остров?

— Я, сударь! Не прогневайтесь, и верно, не хуже других управлюсь с этим островом! Я из тех людей, о которых говорят: он с добрыми водится, потому что сам добрый человек; скажи мне, с кем ты друг? Я скажу тебе, каков ты; выбери хорошее дерево, будешь сидеть под тенью. И я, слава Богу, выбрал прекрасное дерево; служу доброму господину, который меня поит, кормит, одевает и учит всему хорошему! Даст Бог, что ни я, ни он не останемся без острова или какой-нибудь империи.

— Конечно, друг мой Санко, — сказал герцог, — я имею во владении девять островов самых лучших и богатых; если господин Дон Кишот позволит, то нынче же ты будешь на одном из них губернатором.

— Санко! — воскликнул рыцарь, — стань на колена и благодари его светлость за милость.

Оруженосец повиновался. Священник, вне себя от досады, поглядел на герцога гневными глазами и сказал:

— Если в этом доме потекают сумасшедшим и смеются над безумными, то я объявляю вашему превосходительству, что нога моя не будет в нем, по тех пор, пока не выйдут из него сии сумасброды.

С сим словом он встает из-за стола и поспешно выходит из горницы. Герцог и герцогиня не рассудили его удерживать.

— Почтенный рыцарь Львов! — сказал герцог с важностию, — надеюсь, что не нужно мне извиняться перед вами в случившемся. Вы должны быть выше такого ничтожного оскорбления; ваш ответ был самым лучшим наказанием оскорбителю.

— Я с вами согласен, — отвечал Дон Кишот, — все позволено детям, женщинам и попам. Они беззащитны; следственно, оскорбить никого не могут. Оскорбление тогда только может быть обидно, когда сила его поддерживает. Не советовал бы, однако ж, этому господину перед

всеми рыцарями давать волю языку своему. Какой-нибудь Амадис или Галаор обошлись бы с ним не так учтиво, как я обошелся.

— О! О! — воскликнул Санко. — Эти добрые люди отвечали бы ему добрым тычком копья или ударом меча, который бы развалил вам господина священника надвое, как тыкву! Черт побери! Ну если бы Ренод Монтобанский здесь случился, куда бы деваться этому крикуну? Он раздавил бы его, как клопа!

Герцогиня умирала со смеху. Санко забавлял ее больше самого рыцаря. Наконец встали из-за стола, и вдруг явились четыре девушки. Одна несла лохань, другая серебряный рукомойник, третья — полотенце из самого тонкого полотна, а четвертая, с завороченными до локтя рукавами, имела в руках душистое мыло. Первая подошла к рыцарю и приставила к его подбородку лохань; рыцарь посмотрел на нее, не говоря ни слова, и вообразив, что эта церемония принадлежала к обычновениям того места, вытянул свою сухую шею. Другая девушка налила в лохань воды, а четвертая, которая принесла мыло, начала намыливать бороду рыцарю и, вспенив воду, которую беспрестанно в лохань подливали, покрыла этою пеною щеки, нос, уши и глаза покорного паладина. Герцог и герцогиня, которые не ожидали такой сцены, посматривали друг на друга в молчании, не зная, смеяться ли им или сердиться. Вдруг девушка, умывавшая рыцаря, сказала, что воды не достанет. Одна из пришедших с нею тотчас побежала за водою, а бедный рыцарь между тем должен был остаться с вытянутою шеєю над лоханью, с пеною на лице, с зажмуренными глазами. Все помирали внутренне со смеху, но все старались казаться спокойными; а три проказницы, неподвижные, с потупленными глазами, не смели взглянуть на господ своих, чтобы не захохотать с ними вместе. Наконец принесли воду; девушка вымыла бороду рыцарю, вытерла ее тихонько полотенцем, поклонилась ему в пояс вместе с своими подругами и пошла было с важным видом из горницы вон, как герцог, желая истребить всякое подозрение, кликнул ее и просил оказать ему такую же услугу. Девушка поняла его и умыла его так же точно, как рыцаря.

Санко, внимательный ко всему, что вокруг него происходило, говорил про себя: «Желал бы я, чтобы оруженосцев также умывали, как и рыцарей; я даже бы согласился позволить и обрить себя».

— Что ты говоришь, Санко? — спросила герцогиня.

— Я говорю, сударыня, что век живи, век учись. Я прежде думал, что у принцев и у знатных господ, вставши из-за стола, умывали только руки; но теперь вижу, что им намыливают и бороды: обычновение очень опрятное и прекрасное.

— Тебе стоит только захотеть, друг мой; эти девушки не только вымоют тебе бороду, но и самого тебя сводят в баню!

— О сударыня! Я не люблю бани! Покорный слуга!

— Прикажи, — сказала герцогиня дворецкому, — прикажи покормить Санку, как можно лучше. Я хочу, чтобы он доволен был нашим угощением.

Дон Кишот, оставшись один с герцогом и герцогинею, говорил об Дульцинее, как сумасшедший, и обо всех других предметах, как мудрец. Герцог спросил у него, надеется ли он, чтобы Санко мог быть хорошим губернатором?

— Ваша светлость! — отвечал Дон Кишот. — Я буду говорить откровенно. Характер Санки есть чудная смесь противностей; он прост и вместе тонок, откровенен и скрытен, простодушен и коварен; во всем сомневается и всему верит, иногда самым грубым образом скажет умное и острое. Вам кажется, что он говорит глупость; напротив, он дает вам прекрасное наставление. Он имеет доброе сердце и совершенно честен; любит добродетель по натуре своей, не зная, что она такое; дальновиден и в самой простоте своей благоразумен. Я думаю, что сих качеств будет довольно для изрядного губернатора; по крайней мере, я знаю многих, которые, не имея душевных достоинств Санки, так же, как и он, не знают азбуки. Вообще, ваша светлость, наука правления не так трудна, как думают. Посмотрите, сколько простяков ею занимаются, и слава Богу, все у них счастливо с рук сходит. Санко не хуже их будет делать дела свои, особливо если согласится следовать моим советам.

В эту минуту услышали шум и крик, и Санко вбежал испуганный, с поваренным передником на шее; за ним дюжина поваренков, из которых один держал кастрюлю с кипятком.

— Что такое, — спросила герцогиня, — что вы хотите сделать с Санкою?

— Мы хотим, сударыня, — отвечал один из поваренков, — вымыть бороду господину оруженосцу, который нам противится и не изволит нас подпускать к себе.

— Конечно, не изволю! — воскликнул Санко. — Ее светлость разве приказывала мыть мою бороду в кастрюле? На это есть лохань! А кипяток не душистое мыло, распущенное в воде. В домах знатных господ не умеют шутить, и видно, забывают, что языком говори, а рукам воли не давай; что кошке игрушки, а мышке слезки; я не хочу, чтобы вы были моими цирюльниками. Попробуй кто взяться за мою бороду: я дам ему знать, что умею отгрызаться, и пересчитаю у него зубы.

— Санко прав! — отвечала герцогиня с важным видом, который едва сохранить могла; так смешон был Санко с своею гневною миною! —

Как вы смеете сердить такого человека, которого ваш господин сделал губернатором? Никто его не трогай, если не хочет быть в ту же минуту выгнан из дому!

От этого слова все поваренки разбежались. Санко сперва хотел было за ними погнаться, но, подумав, подошел с своим передником на шею к герцогине и стал пред нею на колена.

— Ваша светлость! Прекрасная герцогиня, — сказал он, — дело кончено; вы так ко мне милостивы, что я решился идти в странствующие рыцари и выбираю вас в свои принцессы. Между тем я не иное что, как бедный оруженосец, ремеслом — земледелец, по имени Санко, с женою, с детьми. Если во всем этом найдете что-нибудь угодное вам, то оно ваше; вы моя госпожа и королева.

— Нельзя не видеть, — сказала герцогиня, — что мой друг Санко был воспитан между самыми учтивыми светскими людьми. Ты изъясняешься, как прилично товарищу любезнейшего из любовников. Я тебе очень благодарна и буду просить герцога, чтобы он поскорее сделал тебя губернатором.

Дон Кишот встал и пошел в свою горницу спать. Герцогиня повела Санку с собою в одну из отдаленных комнат замка, в которой думала провести несколько времени с своими женщинами. Санко сказал, что, несмотря на его привычку отдыхать часов по пяти или по шести после обеда, он с охотою последует за своею приятельницею герцогинею и будет стараться не заснуть, разговаривая с нею. Герцог между тем пошел делать приготовления к рыцарским праздникам, которые хотел дать нашему герою.

ГЛАВА XXX

Разговор герцогини с Санкою

Санко сидел на табурете подле герцогини, окруженный дуэннами и прекрасными девушками.

— Объясни мне, любезный губернатор, — сказала она, — некоторые места, показавшиеся мне темными в истории великого Дон Кишота. Например, как мог ты сказать, что видел Дульцинею, пересыпавшую рожь, когда всему свету известно, что ты не видал ее и никогда не носил к ней писем? Прилично ли так обманывать господина своего верному и доброму оруженосцу? Признаться, мне очень грустно делать маленькие выговоры моему любезному, почтенному другу Санке.

При сих словах Санко встал, приложил палец к губам, согнулся почти в дугу и пошел на цыпочках заглядывать потихоньку во все

углы, под столы, под стулья, за шкапы, за обои. Уверившись, что нигде никого не спрятано и что дверь заперта, возвратился с торопливостию назад и сказал вполголоса:

— Я сперва хотел узнать, нет ли здесь какого доброго человека, охотника до чужих тайн? Теперь могу рассказать вам о самых важных вещах. Первая вас удивит. Надобно знать, что я ничего от вас скрывать не намерен. Итак, первая тайна моя есть та, что господин Дон Кишот, рыцарь Львов, кажется мне немного сумасшедшим. Иногда удается ему говорить такие вещи, которые покажутся умными тому, кто поймет его; зато не редко, прошу не погневаться, он изволит сумасбродствовать. В таких мыслях позволяю себе, если случится мне быть в замешательстве, маленькие хитрости; например, заставляю его верить всяким небылицам, всему, что придет мне в голову. Так-то я принес ему ответ от госпожи Дульцинеи; так-то я очень недавно очаровал эту знатную даму.

Герцогиня пожелала знать подробности очарования. Оруженосец описал их со всем своим красноречием и самым смешным образом.

— Хорошо, — сказала герцогиня, — размыслив о том, что я от тебя слышала, заключаю, что рыцарь Дон Кишот безумный и что сам любезный Санко, который, то же думая, за ним следует, должен быть также несколько сумасшедшим. Как же мне просить для него губернаторства у герцога! Может ли он повелевать другими, когда собою повелевать не умеет?

— Что говорить! — отвечал оруженосец. — Вы прекрасно рассуждаете. Я первый признаюсь, что если бы я не был величайшим глупцом, то уже давно простился бы с своим господином. Но вот маленькая причина, для которой не могу его оставить: я его люблю; мы из одной деревни; он меня кормил; он подарил меня ослятами; у него доброе сердце, у меня также: можно ли с ним расстаться! Ни за что в свете, по гроб не расстанусь! Что же касается до вашего губернаторства, то если оно не по мне, Бог с ним! Я и без него проживу на свете. Может быть, для меня же лучше остаться тем, что я есть. Наш священник рассказывает прекрасную сказку о муравье, которому захотелось крыльев и который скоро в этом раскаялся. Санко, простой оруженосец, попадет в рай, может быть, скорее, нежели Санко-губернатор и милостивый государь. Вы знаете пословицу: хлеб везде хорош, и здесь, и во Франции. Ночью все кошки черны. Богатый не два раза обедает. Голенький, ох! А за голеньким — Бог. Под толстым сукном так же согреться, как и под бархатом. Придет время, все лягут в могилку. В земле и царю, и носильщику одна квартира. Папа и деревенский пономарь равны под землею. Итак, милостивая государыня! Не извольте беспо-

коиться! Возьмите себе ваш остров, а мне дайте свою дружбу: я останусь доволен.

— Нет, нет! Мой добрый Санко, ты знаешь, что рыцарское слово закон, а мой герцог — рыцарь, хотя и не странствующий. Он обещал тебе остров, и ты получишь его, несмотря на завистников. Скоро мы тебя отправим в твои владения, оденем в золото и серебро, и ты будешь сам господин. Прошу только не оставить своих подданных, которые все — очень добрые люди.

— Не беспокойтесь об них. Я сам был беден; как же не быть мне добрым с бедными? Тот в несчастьи людей берет участие, кто знает его по опыту: с этой стороны бояться нечего. Что же касается до обманщиков, до этих плутов, которые беспрестанно ластятся к знатным людям и заставляют их делать глупости, то я с ними слажу, поверьте моему слову. Я тертый калач, сударыня; меня трудно заманить в западню. Я знаю, где раки зимуют, и никогда не поверю, чтобы во лбу вместо глаз были желуди. Покорно прошу вас во мне не сомневаться! Всякому доброму человеку буду другом, заступником самым услужливым и ласковым, для злых зажму уши! Вот и все, довольны ли вы?

— Очень довольна и теперь уверена, что ты будешь неоцененным губернатором. Однако то, что ты мне сказывал о госпоже Дульцинее, меня беспокоит. Ты воображаешь, что очарование, тобою выдуманное, и которому так слепо верит твой господин, есть шутка. Остерегись, любезный друг, очень может статься, что крестьянка на осле, представленная тобою рыцарю, была сама Дульцинея! Ты удивляешься; но оно так: вот почему я это думаю. Мы давно знакомы с некоторыми волшебниками, которые к нам очень милостивы и которые нас уведомляют обо всем, что делается в свете. От них я узнала, что все, выданное тобою за ложь, совершенная правда, и что несчастная Дульцинея в самом деле превращена в безобразную крестьянку. Даже очень вероятно, что мы вдруг неожиданно ее здесь увидим.

Наш оруженосец удивился чрезвычайно!

— Я почти верю вам, сударыня, — отвечал он. — Недаром господин мой видел столько чудес в Монтесиноской пещере. Все очень согласно с вашими словами и заставляет меня много думать. Впрочем, я здесь не виноват ни в чем. Я говорил без всякого худого намерения, увидел крестьянку, принял ее за крестьянку, и только. Если она была принцесса Дульцинея, я этому не причина; господам неприятелям моего рыцаря не за что со мною ссориться, и никому нет нужды говорить: Санко то-то сказывал, Санко то-то сделал. Я не люблю пустословия. Госпожа Дульцинея отделявайся, как хочешь; я в стороне и ни во что не вступаюсь. Чудно, однако ж, что я, хотевши немного солгать в удовольствие госпо-

дину Дон Кишоту, сказал вместо того правду. Видно, я умею кстати выдумывать; видно, я отгадал очень верно!

— Не сомневайся в этом, Санко. Я люблю тебя, как своего друга, и конечно, не буду обманывать. Расскажи мне, пожалуй, что видел твой рыцарь в Монтесиноской пещере.

Оруженосец описал все подробности подземного путешествия Дон Кишотова. Повесть его была очень забавна. Герцогиня смеялась до слез, уверила его снова, что он будет губернатором, и отпустила спать.

Санко в чрезвычайном удовольствии поцеловал у нее руку и просил у ней еще одной милости.

— Чего тебе хочется, мой друг? Я все готова для тебя сделать!

— Ах, сударыня! Боюсь, чтобы ваша светлость не прогневались! Мне хочется вам напомнить о моем осле. Его забудут в этом большом доме! Скажите о нем доброе слово!

— Я беру его на свои руки; будь спокоен! Сама пойду к нему в конюшню и велю его накормить, как можно лучше.

— Нет! Уж этого много! Ни он, ни я не стоим вашего посещения! Одно слово мимоходом, и с нас будет довольно!

— Хорошо, хорошо, все будет сделано! Советую тебе, однако ж, взять его с собою, когда поедешь в свои владения.

— Забуду ли я своего друга! Он будет не первый осел при хорошем губернаторе.

Санко отправился спать, а герцогиня пошла в комнату герцога, с которым хотела приготовить для нашего рыцаря самое рыцарское приключение.

ГЛАВА XXXI

Важное происшествие в лесу

Герцогиня радовалась, что Санко поверил очарованию Дульцинеи, им самим выдуманному. Она надеялась позабавиться и приказала всем своим охотникам собраться на другой день на охоту. Рыцарю предложили от ее имени богатое охотничье платье; но он его не принял, говоря, что дал клятву никогда не снимать с себя оружия. Санко, напротив, не отказался от прекрасного зеленого кафтана, который ему прислала герцогиня. Он долго рассматривал, переворачивал, выворачивал, наконец, уверившись, что он совершенно новый, принял, дав себе честное слово продать его при первом случае.

На другой день рано поутру Дон Кишот, вооруженный с ног до головы, и Санко в новом зеленом кафтане явились у дверей герцогини,

которая скоро показалась в амазонском платье, с длинным копьём в руках, прелестная и легкая, как Диана, и вскочила на коня, которого Дон Кишот подвел к крыльцу и держал за узду. Оруженосцу представили сильного андалужского коня, который играл и бил копытом в землю; но он ни за что не согласился на него сесть и велел привести своего друга-осла. Охотники верхами поехали за герцогинею. Скоро приблизились к одному лесу, находившемуся между двух гор; остановились, рассеялись, спустили собак, расставили сети, и ловля началась игрою на трубах и веселыми восклицаниями. Смелая герцогиня спрыгнула с своего коня и стала позади одного узкого прохода, чрез который обыкновенно кабаны выбегали. Дон Кишот и герцог, пешие, стояли подле нее. Санко, который узнал, что дело шло об кабанах, не рассудил за благо сойти с осла, стал позади своего господина и заметил на всякий случай свободное местечко, чрез которое бы можно было уйти подальше. Не успел он взять всех своих предосторожностей, как страшный, огромный кабан, преследуемый целою стаею собак, с сверкающими глазами, с опененными челюстями, является, бежит, кидаясь во все стороны то на собак, то на охотников и подставляя им острые ужасные клыки свои, Дон Кишот летит ему навстречу с мечом, герцог за ним, а герцогиня, будучи проворнее, конечно бы, опередила их обоих, когда бы не была удержана своим супругом. Санко, увидя страшного зверя, бросается с осла, бежит, усматривает вблизи дерево и спешит на него вскарабкаться. О несчастье! На половине пути сук под ним ломается; Санко падает, цепляется платьем за другой сук и остается висящим на воздухе. Бедный оруженосец, чувствуя, что проклятый сук дерет его платье, и боясь, чтобы кабан не достал его клыками, начинает кричать так жалостно и громко, что в целом лесу вопли его раздавались.

Между тем кабан умирал под ударами охотников. Тут Дон Кишот увидел Санку, висящего на суку вверх ногами, и подле него осла, верного друга, который один его не оставил. Он поспешил к нему на помощь. Санко, снятый с дерева, забыл поблагодарить избавителя и начал плакать о своем новом зеленом кафтане, который был прорван и испорчен.

Охотники, положив кабана на мула, покрыли его миртовыми ветвями и повезли в торжестве к палаткам, посреди леса расставленным. Тут были уже готовы столы с кушаньем: сели обедать. Санко подошел к герцогине и, показав ей с печальным видом свой изодранный зеленый кафтан, сказал:

— Вот что делается на ваших прекрасных травлях! Кто запрещает вам гоняться за зайцами или за маленькими птичками? Тогда не пропал бы мой бедный зеленый кафтан. Что за удовольствие беспокоить таких неучтивых зверей, которые не посмотрят на то, что вы герцо-

гиня, и клыками своими отправят вас на тот свет. Разве не знаете старинного романа:

*Фавила в лес ходить любил!
За то медведем съеден был!*³¹

— Этот Фавила, — сказал Дон Кишот, — был готский король. Он, в самом деле, любил скитаться по горам и был разорван дикими зверями.

— Не правду ли я говорю, — продолжал Санко, — что принцам и королям не годится быть так смелыми. Какая слава убить доброго зверя, который об нас не думал и не ведал?

— Послушай, Санко, — сказал герцог, — не злословь охоты; она всегда была забавою королей и героев. Она такое же искусство, как война, которую изображает со всеми ее хитростями и даже опасностями. Она приучает тело к усталости, к трудам, развивает его, делает гибким и предохраняет нас от множества пороков, соединенных с негою. Советую и тебе полюбить охоту, когда будешь губернатором.

— Извините, милостивый государь, всякий порядочный губернатор должен быть сиднем и не сходить со двора ни на минуту. Что скажут бедному человеку, который захочет поговорить со мною о нужде и не найдет меня? Его превосходительство на охоте! Прекрасный ответ! Его превосходительство не должен жить с кабанами, когда он нужен людям; это удовольствие прилично ленивцу, а не губернатору. Не скажу, однако ж, чтобы я совершенно отказался от всякой забавы; для чего, например, всякое воскресенье не поиграть в мячик или в жмурки? Эти забавы самые невинные; всякую минуту можно их оставить и пойти, куда надобно. Итак, прошу не беспокоиться; не скажут, чтобы я терял свое и чужое время на пустые прихоти.

— Ты очень строг, Санко! Посмотрим, таков ли будешь на деле, каков на словах.

— Увидите! Кто называет себя должником, тот хочет заплатить! Слово давать и слово держать для меня одно и то же. Я не боюсь прозакладывать! Дайте мне угря в руку; вы увидите, умею ли сжать его.

После обеда продолжалась травля. При наступлении ночи, перед отъездом в замок, лес вдруг озарился ярким светом; вдали слышались звуки труб, литавров и других военных инструментов. Все останавливаются, все смотрят друг на друга, все спрашивают о причине сих звуков. Они усиливаются: барабаны, флейты, мавританские рога раздаются, и смешанный звук их приближается к тому месту, на котором охотники находились. Дон Кишот в изумлении; герцог в беспокойстве; герцогиня в замешательстве; Санко в совершенной лихорадке. Все молчали; вдруг явился вестник с огромным рогом, в виде дьявола.

— Кто ты, вестник? Откуда? И кого ищешь?! — спросил герцог.

— Я черт! — отвечал вестник ужасным голосом. — Бегу за Дон Кишотом Ламанхским; а шум, который вы слышите, происходит от толпы волшебников, которые везут на колеснице Дульцинею Тобозскую.

— Если бы ты был черт в самом деле, — продолжал герцог, — то давно бы узнал рыцаря, которого ищешь; он здесь перед тобою.

Черт приближается к Дон Кишоту и говорит:

— Великий Мерлин посылает меня к тебе, герой ламанхский; ты должен дожждаться его здесь; он прибудет вместе с Дульцинею и скажет тебе средство уничтожить ее очарование. Повинуйся.

Черт начинает опять трубить и в минуту скрывается в густоте леса.

Все поражены изумлением, особливо Санко, который, наконец, верит, что Дульцинея в самом деле очарована.

— Господин рыцарь! — спросил герцог у Дон Кишота. — Осмелитесь ли дожждаться Мерлина?

— Осмелюсь, конечно, — воскликнул герой. — Хотя бы весь ад ко мне пожаловал в гости.

— Как вам угодно, — сказал Санко, — что ж касается до меня, то иду домой: эти господа очень некрасивы собою! Никому не придет в голову ими любоваться.

Оруженосец хотел было бежать к замку, но страшный шум, который в самой той стороне послышался, удержал его и принудил остаться.

Этот шум был очень похож на визг ненамазанных колес, медленно оборачивавшихся и скрипящих при каждом обороте. В сию минуту со всех концов леса загремели ружейные выстрелы. Казалось, что несколько сражений вдруг происходило. Барабаны, рога, трубы, литавры, крики сражающихся час от часу становились громче и пронзительнее. Сие смешение звуков, сии огни во мраке леса, сия ужасная стрельба и, больше всего, сие беспрестанное скрипение колес едва не ужаснули самого Дон Кишота. Он признался, что сей опыт слишком труден для его оруженосца. Санко, между тем, ни живой, ни мертвый, сидел у ног герцогини. Наконец, страх лишил его чувств; он упал без памяти; побежали за водой, опрыскали ему лицо; он открыла глаза и что же увидел?.. Колесницу с скрипящими колесами, везомую четырьмя быками в длинных черных пополах, с пылающими факелами на рогах. В колеснице, на троне, сидели три старика с длинными седыми бородами; они были окружены дьяволами, такими уродливыми и ужасными, что Санко зажмурил глаза, боясь смотреть на них. Колесница остановилась перед Дон Кишотом. Один из стариков сказал:

— Узнай меня, я мудрый Лирганд³².

— А я могущий Алкуиф³³, — прибавил другой.

— А я очарователь Аркалай³⁴, — воскликнул третий грозным голосом, — горе несчастным рыцарям, которых я почитаю своими врагами!

Колесница опять тронулась и через несколько минут исчезла; услышали приятную гармонию флейт и кларнетов. Сии звуки ободрили Санку, который не отходил от герцогини и держал ее за юбку.

— Теперь, — сказал он ей на ухо, — увидим мы что-нибудь нестрашное.

— Желая, — отвечала герцогиня, — иной скажет, что ты трусишь!

ГЛАВА XXXII

Предлагают средства уничтожить очарование Дульцинеи

Надежда не обманула Санку. Увидели торжественную колесницу, в которой запряжены были шесть мулов серых в яблоках. В колеснице, весьма просторной, находилось двенадцать фигур, совершенно белых, с пылающими факелами, окружающих трон, на котором сидела Нимфа в серебряной мантии, ослепляющей глаза своим блеском. Лицо ее было накрыто покрывалом, таким тонким и прозрачным, что все черты красавицы сквозь него различить было можно. Она, по-видимому, имела не больше восемнадцати или девятнадцати лет. Ничто не могло сравниться с ее красотой и приятностью. Близ нее стояла длинная неподвижная фигура, в черном саване, под креповым покрывалом. Как скоро колесница поравнялась с Дон Кишотом, флейты и рога замолчали, услышали согласные звуки арф, игравших около трона. Длинная неподвижная фигура вдруг сбросила с себя креп, и все увидели старика сухого, бледного, похожего на привидение. Санко едва не ударился затылком об землю. Сам Дон Кишот несколько смешался. Старик, посмотрев на него, сказал следующее:

*Великий Дон Кишот! Мерлин перед тобой!
Весь тартар возмущен судьбою Дульцинеи!
Все силы вышние, волшебники и феи
По ней терзаются тоской!
Совет их наконец изрек определенье!
Внимай и принеси богам благодаренье!
«Пусть Санко длинную ременную плетъ возьмет,
И задницы своей обширной не жалея,
По ней три тысячи пять сот
Ударов оточтет:
Тогда великая принцесса Дульцинея,
Приняв свой прежний вид, и с прежней красотой,
Явится пред тобой!»³⁵*

— Как бы не так! — воскликнул Санко. — Только три тысячи пять сот ударов! Безделица, ваше превосходительство! Господин Мерлин! Выдумываете прекрасные рецепты против очарования. Желал бы я знать, какое дело до моей кожи волшебникам? Если госпожа Дульцинея сделается прекрасною только тогда, когда я себя высеку, то, видно, ей оставаться дурною крестьянкою.

— Замолчи, грубиян, — воскликнул Дон Кишот, — или сей час будешь привязан к дереву и получишь вдвое больше ударов, нежели сколько угодно господину Мерлину.

— Нет, — сказал Мерлин, — Санко должен высесть себя сам добровольно, когда захочет. Судьба, к нему благоприятная, позволяет убавить половину из назначенных ударов, если Санко согласится дать другому себя высесть.

— Ни другому, ни себе не позволю этого сделать, — отвечал Санко. — Какое мне дело до госпожи Дульцинеи! Разве она моя дочь или жена, и разве я сумасшедший? Соглашусь ли я себя изуродовать из почтения к ее прекрасному личику? Пускай мой господин, который так ее любит, который зовет ее всякую минуту своею богинею, своею жизнью, изволит за нее испестрить себе спину, это будет очень справедливо и похвально! Я же человек посторонний и ни во что мешаться не намерен.

Тут прекрасная Нимфа, сидевшая в унынии на троне, встает, сбрасывает с себя покрывало и восклицает:

— О безжалостнейший из оруженосцев, каменное сердце, железная душа! Ты не хочешь из любви к своему благодетелю снести безделицы; не хочешь вытерпеть легкой боли, которую всякий ребенок вытерпит без роптания, без крику, даже не наморщившись. Посмотри вокруг себя, жестокий: все тронуты моими несчастиями; один ты не знаешь жалости, один ты можешь видеть с холодностию мои глаза, прежде столь прелестные и блестящие, теперь от слез помраченные; мое лицо, прежде украшенное живым румянцем, теперь увядшее и бледное; мою молодость, которая обещала мне столько счастья и наслаждения в будущем и которая должна исчезнуть в слезах и унынии: теперь кажусь тебе в другом виде; могущий Мерлин на время возвратил мне прежние прелести: он думал, что красота в унынии не может не тронуть и тигра; но тигры чувствительнее Санки. Ах! Смягчись, смягчись, любезный оруженосец! Ты так жалостлив от природы! Смягчись если не моим, то господина твоего страданием: смотри, как он терзается! Он умрет, если ты будешь долее томить его своею нерешимостию.

— Ах! В самом деле, — воскликнул Дон Кишот, опершись на герцога, — чувствую, что силы мои ослабевают!

— Санко, друг мой, Санко! — сказала герцогиня. — Сердце твое неужели ничего не говорит тебе?

— Извините, сударыня; сердце мое говорит и очень явственно, что удары плетью совсем неприятны и что я не дам себя высечь. Но здесь, правду сказать, не умеют просить ни о чем. Госпоже Дульцинее хочется быть прекрасною, и для того я должен содрать с себя кожу; и меня же называют каменным сердцем, железною душою, тигром жестоким, всем, что есть худшего на свете! Если бы она изволила привезти мне мази и корпии или какой-нибудь небольшой подарок в доказательство своей благодарности, я бы тогда подумал, и может статься, что-нибудь выдумал. Осел, навьюченный золотом, идет бодрее: с терпением и подарками все можно сделать; напротив, меня же бранят без всякой пощады. Господин мой, рыцарь, вместо ободрения, хочет привязать меня к дереву и удвоить мне порцию. Милостивые государи! Жаль очень, что вы все плачете; но вам надобно подумать, что хотят сечь оруженосца, губернатора; надобно быть учтивее и просить его не так, как вы просите, без брани, без грубости! Надобно дать ему время на размышление и даже выбрать другую минуту для того, чтобы его уговаривать, потому что теперь он очень устал и очень сердит на дубовый сук, который изодрал на нем прекрасный зеленый кафтан.

— Видя твое упрямство, друг мой Санко, — сказал герцог, — я начинаю думать, что нельзя тебе дать обещанного острова. Всякий губернатор должен быть жалостлив, великодушен, всегда готов услуживать красавицам, помогать несчастным; в противном случае он не может повелевать другими. Оставляю тебе на выбор или не иметь губернаторства, или покориться своей участи.

— Нельзя ли дать мне двух или трех дней на размышление? — спросил Санко.

— Ни двух часов, — воскликнул Мерлин, — решайся в сию же минуту. Если не согласишься на то, чего от тебя требуем, то Дульцинея, оставшись навек крестьянкою, возвратится в Монтесиносскую пещеру; если же согласишься, то она улетит в Елисейские поля и там будет ожидать своего искупления, которое от тебя одного зависит.

Санко стоял, потупя голову, и не спешил отвечать.

— Говори, приятель, — сказала ему герцогиня, — будь отважнее! Надобно помнить благодеяния добрых людей. Сказать «да» ничего не стоит; этим одним словом сделаешь всех нас счастливыми; подумай, что...

— Боже мой! Сударыня, — воскликнул Санко, — я думаю, что всякому чужая беда кажется сном; что подавать совет не мудреное дело. Но по несчастию, я вас люблю от всего сердца и не могу вам отказать ни в чем, и для того соглашаюсь дать себе три тысячи пять сот ударов пле-

тью в угодность госпожи Дульцинеи, которую не почитаю ни прекрасною, ни очарованною. Однако с условием, чтобы меня не принуждали; чтобы не приказывали мне сечь себя до крови; чтобы считали всякий промах за удар; чтобы господин Мерлин, который все знает, мне сказывал, когда обочтусь в свою невыгоду.

— Не беспокойся об этом! При последнем ударе Дульцинея, в прежнем своем виде, перед тебя предстанет с искреннейшею благодарностию и с небольшим подарком...

— Когда так, я согласен! Буду высечен!

Тут музыка и выстрелы опять послышались. Дульцинея движением головы простилась с герцогом, герцогинею и Дон Кишотом, а Санке поклонилась в пояс с приятною улыбкою. Колесница скрылась. Герой наш в восторге обнял своего оруженосца; все поздравляли его с окончанием такого важного дела; заря занялась, и охотники возвратились в замок.

ГЛАВА XXXIII

Письмо Санки к Терезе и другие приключения

Все было выдуманно и приготовлено управителем герцога, человеком изобретательного и острого ума. Он обещал господам своим новый праздник, к которому также все приготовления были сделаны. Дни через два герцогиня спросила у Санки, занимался ли он исполнением данного слова? Оруженосец отвечал, что исполнял его с великою точностию, что уже прошедшею ночью дал себе шесть ударов в счет трех тысяч пяти сот.

— Это не много; но чем ты себя бил?

— Голою ладонью!

— Ладонью! Сомневаюсь, чтобы Мерлин был тобою доволен. Надобно иметь ремennую плетку с узлами; ты должен вспомнить, что тебе много делают чести, позволяя разрушить очарование такой славной принцессы, какова Дульцинея.

— Как вам угодно, сударыня! Приищите мне сами эту прекрасную плетку; я рад ею себя сечь, лишь бы только не было больно: кожа моя такая тонкая, такая нежная, что надобно быть очень осторожным! Между тем хочу вам показать маленькое письмецо к моей жене Терезе. Я хочу знать, будете ли вы довольны моим слогом, и годится ли он для губернатора?

— Разве ты написал письмо?

— Нет! Велел написать; самому мне было некогда; у меня такая пропасть дел; сверх того, не умею ни писать, ни читать! Мне помог один добрый человек!

— Покажи; я уверена, что оно прекрасно.

Санко вынул из-за пазухи письмо, и герцогиня прочла следующее:

Письмо Санки Пансы к Терезе Пансе, его жене

Кто больно сечет, тот нежно любит: так поступила со мною госпожа Фортуна. Теперь ты этого не понимаешь, но со временем поймаешь. Дело идет об том, что надобно тебе купить карету³⁶. Ездить на ослах оставь кошкам; ты губернаторша; одно это слово все изъясняет!

Посылаю тебе зеленый полевой кафтан; это подарок госпожи герцогини, которая меня без памяти любит и которую сам я люблю не меньше. Сделай из него себе корсет, а Саншетте юбку. Господина моего все называют умным и приятным дураком; уверяют также, что я ничем ему не обязан. Скажу тебе, что мы были в Монтесиносской пещере, что господин Мерлин, волшебник, мой знакомец, дал мне комиссию разрушить очарование госпожи Дульцинеи, которая у нас в деревне называется Альдонцою Лоренцо. Если дам себе три тысячи пять сот ударов плетью, без шести, которые уже даны, эта принцесса будет также не очарована, как моя бабушка и твоя тетушка. Этого не нужно, Тереза, рассказывать соседям и соседкам: один скажет черное, другой белое; сплетням счету не будет.

Я отправляюсь на свой остров чрез несколько дней. Признаться, мне очень туда хочется; все губернаторы, как известно, туго набивают карманы; я также намерен набить свой потуже. Как скоро узнаю, чем пахнет мой остров, то напишу к тебе письмо, и ты приедешь. Наш осел здоров и тебе кланяется. Госпожа герцогиня целует у тебя ручки: отвечай ей учтивее; учтивость, говорит господин Дон Кишот, прекрасное дело и ничего не стоит. Богу не угодно было, чтобы я опять нашел на дороге чемодан с золотыми деньгами; но утешься, Тереза: губернаторство за все нам заплатит; все меня уверяют, что надобно только держать руки наготове. Будь спокойна, разбогатеет. Поручаю тебя воле Божией и остаюсь

твой муж, губернатор

Санко Панса.

Писано в замке прекрасной герцогини 20 июля 1614 года³⁷.

Герцогиня, прочтя письмо, сказала, что оно прекрасно, и что в нем заметен один только недостаток: маленькая привязанность к деньгам, непристойная губернатору. Санко просил позволения переписать письмо; но герцогиня оставила его у себя и пошла показать герцогу, находившемуся в саду, в котором обед был приготовлен. Письмо и Санкины объяснения некоторых слов заняли их во все продолжение обеда. После стола расположились на траве под тенью. Вдруг услышали пронзительный звук свистка и тихий бой барабана. Сия неприятная музыка приближалась медленно. Через несколько минут увидели великана, одетого в черное платье, с черною перевязью, на которой висел ужасный меч. Перед ним шли два барабанщика и один флейщик с свистком. Длинная, как снег, белая борода его доставала до колен. Он приближался медленно, по барабану, преклонился перед герцогом и сказал ему важным голосом следующее:

— Могущий принц! Ты видишь пред собою Трифальдина белобородого, посланника и конюшего графини Трифальди, по прозванию Долориды³⁸, или Печальной. Сия несчастная пришла сюда пешком из отдаленного Кандайского королевства, в той надежде, что ты, услышав ее невероятную историю, скажешь ей что-нибудь о непобедимом рыцаре Дон Кишоте Ламанхском, который один может прекратить ее мучения. Она дожидается у ворот сего замка позволения упасть перед тобою на колена.

Трифальдин замолчал, кашлянул и погладил свою бороду.

— Верный оруженосец! — отвечал герцог. — Мы давно слышали о чудных несчастиях Долориды Печальной. Проси ее покорно сюда; уверь в моей готовности служить ей и скажи, что сам рыцарь Дон Кишот, будущий ее избавитель, находится теперь в моем замке.

Трифальдин кланяется в пояс и возвращается назад так же медленно, с такою же печальною музыкаю.

— Видите ли, — сказал герцог рыцарю, — что добродетель, несмотря на зависть и клевету, обожается вселенною. Нет еще недели, как вы в моем замке, а уже из всех отдаленных стран стекаются несчастные, утесненные требовать от вас защиты.

— Признаюсь, — сказал Дон Кишот, скромно улыбаясь, — я бы желал теперь здесь видеть того священника, который с таким пренебрежением говорил о странствующем рыцарстве. Может быть, он уверился бы наконец, что гонимые несчастием или злыми людьми скорее прибегнут к простому рыцарю, нежели к государю, министру, вельможе и даже священнику; что рыцарские мечи действительнее молитв и увещаний. О Боже! Благодарю Тебя за то, что наградил

меня сим тяжким, но славным жребием! Позовите сюда эту несчастную Долориду! Я готов служить ей всем моим могуществом.

ГЛАВА XXXIV

История Долориды

Графиня Трифальди не замешкалась. Увидели двенадцать женщин в трауре, в белых покрывалах, которых концы по земле тащились. Они шли в два ряда перед графинею, одетою в черное же платье, которого хвост, ужасно длинный и на три конца разделенный³⁹, несли три пажа. Графиня сия имела также на голове покрывало и шла медленно, опираясь на плечо великана Трифальдина. Герцог, герцогиня и герой встали и пошли к ней навстречу. Долорида, не снимая покрывала, бросилась на колени перед герцогом, который поднял ее, посадил подле герцогини и спросил о причине ее к нему прибытия.

— Всемилостивейший государь! — отвечала она довольно мужественным голосом. — И вы, прекраснейшая герцогиня, и вы, почтеннейшие собеседники! Выслушайте мою чудеснейшую историю: она тронет ваши сердца нежнейшие. Но прежде скажите, здесь ли находится храбрейший и сильнейший рыцарь Дон Кишот Ламанхский и оруженосец его Санко Панса, милейший и умнейший.

— Здесь, моя госпожа графиня светлейшая, вот сидит Дон Кишот Ламанханейший, рыцарь странственнейший, а я оруженосец его вернейший, Санко Пансейший. Мы готовы своим мечом острейшим помочь вашей беде беднейшей!

Дон Кишот подал руку несчастной графине и обещал за нее заступиться. Долорида хотела упасть перед ним на колена; герой остановил ее и просил объясниться, как можно простее. Долорида, не скидывая покрывала, начала говорить следующим образом:

— Вам известно, думаю, славное Кандайское королевство⁴⁰, находящееся между Южным морем и великою Трапобаною, в двух милях от мыса Коморина. Там царствовала королева Магонса, вдова короля Архипиелы, которая оставила по себе малолетнюю дочь свою, инфанту Антомазию наследницею сих обширных владений. Я, по знатности своего рода, по своим летам, по сану первой придворной дуэнны, была назначена воспитывать молодую принцессу. Она еще не имела четырнадцати лет, а уже славилась в целом мире своею красотою, своим умом и добронравием. Множество принцев по ней воздыхали. Простой придворный рыцарь осмелился войти в сию толпу коронованных обожателей. Он не имел ничего, кроме прелестей, цветущей молодости и самой

пламенной любви. Зная совершенно искусство нравиться, он писал прекрасно стихи, пел очень приятно, играл на гитаре, одним словом, имел все сии легкие дарования, которые всегда пленяют женщин. Я бы, конечно, своею осторожностью спасла от сетей его Антономазию; но изменник обманул меня самым предательнейшим образом. Он притворился в меня влюбленным, и признаюсь, к стыду моему, что я, несмотря на свою долговременную опытность, несмотря на строгую свою добродетель, ему поверила, сделалась к нему примечательною, и приятности его меня тронули. Увы! Я извиняла свою слабость, говоря себе повсечасно, что жертвую собою для спасения инфанты. Сие пожертвование с моей стороны было благородно и возвышенно. Я стала слушать молодого рыцаря; тронулась его нежными стихами, которые он пел перед моими окнами; не забуду никогда той прекрасной песни, которою он пленил меня в один летний прохладный вечер: я спою эту незабвенную песню, если только не умру от горести.

Долорида довольно томным голосом запела следующее:

*Что делать, сердце, мне с тобою?
Как тайну мне твою сокрыть?
Куда бежать с моей тоскою?
В моей ли власти не любить?
Могу ль надеждой не пленяться
И душу радостей лишать?
Могу ль от милой отказаться?
Любить и ненависть казать?
Напрасно! Свет все тайны знает!
А я притворству не учен!
Таись иль нет, все уверяет,
Что я Эльвирию пленен!*

*Долорида, не снимая покрывала,
бросилась на колени перед герцогом,
который поднял ее.*

*Хочу ли не встречаться с нею,
Всегда навстречу к ней лечу;
Скажу ль ей слово — покраснею,
Глаза потуплю, замолчу!
Скрывать любовь одно страданье;
Но пользы нет в том никакой!
Во всем, во всем её признанье!
Любовь сама предатель свой!⁴¹*

— Могла ли я быть жестокою, — продолжала графиня, — к молодому любовнику, который так мало изображал собственные мои чувства. Ах! Милостивые государи, как часто мне приходило на мысль с того времени, что поэты — самые вредные люди в обществе! Я говорю не о тех, которых стихами набиты все наши новые стихотворные собрания, такие стихи неопасны; я говорю о тех, которые имеют пагубное дарование украшать нежные чувства всеми прелестями остроумия, которые так тонко выражают тайнейшие свои мысли; так ясно говорят, когда хотят скрываться; так трогают душу чарованием слуха! Вот проклятые поэты, от которых надобно бегать, как от язвы, которых бы надлежало — если б только было можно — столкнуть с земного шара. Но что я говорю! Возвратимся к своей печальной повести.

В простоте и невинности души я уверяла себя, что любима дон Клавием (имя прелестного рыцаря); я думала, безумная, что упрямством своим лишу его жизни, и решила пожертвовать собою для ее сохранения. Признаюсь со стыдом, что я назначила ему свидание и впустила его в свою горницу, находившуюся подле самой принцессинной. Предатель, не останавливаясь в ней, побежал прямо к инфанте, растворил насильно и запер за собою дверь ее комнаты, и оставил меня в отчаянии. Ни слезы мои, ни вопли, ни усилия не могли понудить его возвратиться: он долго пробыл с инфантою. По счастью, после узнала я от нее, что он не вышел ни на минуту из границ совершенного почтения; имела слабость его простить и даже ему позволить несколько раз видаться наедине с принцессою, разумеется, так же невинно, как и прежде. Посудите о моем удивлении, когда я заметила через несколько времени, что Антономазия беременна. Делать было нечего; бедная невинная открыла мне свой проступок с любезным простосердечием и сказала, что дон Клавий получил от нее письменное обещание выйти за него замуж. Я побежала к обманщику и велела ему, не мешкая ни часа, показать земскому судье эту бумагу и требовать, чтобы его женили на принцессе. Все сделалось по нашему желанию. Судья, уверившись, что бумага написана по форме, допросил инфанту, выслушал ее признание, отдал ее на руки одного честного алгвазила⁴² и объявил публично,

что рыцарь дон Клавий есть законный супруг наследницы Кандайского королевства.

— Милостивая государыня, госпожа Долорида! — спросил Санко. — И у вас в Кандайском королевстве есть также земские судьи, алгвазилы, поэты и песни? Не правду ли я говорил моей тетушке, что все земли одна на другую похожи. Но извольте продолжать. Что-то будет, посмотрим.

Графиня продолжала.

— Королева Магонса так была опечалена неожиданным замужеством своей дочери, что мы чрез три дни ее положили в землю.

— Стало быть, она умерла? — спросил Санко.

— Так точно, — отвечал Трифальдин, — в нашей земле имеют маленькое обыкновение хоронить одних мертвых.

— Напрасно госпожа Магонса, — продолжал оруженосец, — изволила так огорчиться; жених — молодец прекрасный! Тысячи принцесс делают то же, что сделала ее дочь, а матушки их в добром здоровье. Сверх того, всем известно, что каждый рыцарь, рано ли, поздно ли, делается королем или губернатором!

— Санко прав, — сказал Дон Кишот, — такова наша участь. Но дослушаем конец истории. Он должен быть самый несчастный и ужасный!

— Вы не обманулись, — отвечал графиня, — то, что вы слышали, безделица перед тем, что услышите. Мы понесли хоронить королеву. В самую ту минуту, как начали опускать гроб в могилу, является перед нами славный великан Маламбрун⁴³, сват покойницы, жестокий чародей, на деревянном коне своем. В отмщение за свою любезную сватью этот ужасный сват превращает новобрачных на самом гробе их матери, Антономазию в медную телушку, а рыцаря в крокодила, из какого металла, не знаем. Около их является мраморная ограда, и на ограде надпись на сирском языке⁴⁴: *Сии преступники по тех пор не возвратят своего прежнего вида, пока Дон Кишот Ламанхский не сразится со мною.* Не довольствуясь сим ужасным мщением, гневный Маламбрун берет меня за волосы, извлекает меч и хочет отрубить мне голову; но вдруг, одумавшись, удерживает руку свою, и говорит:

— Оставляю тебя жить для большего мучения; хочу наказать вместе с тобою и всех придворных дуэнн, не усмотревших за невинностию принцессы.

Он исчезает, а мы все, я и мои подруги, вдруг почувствовали странную перемену в своих подбородках. Казалось, что их кололи тысячью острых иголок; прикасаемся к ним, и что же находим?.. Посмотрите!

Долорида и ее двенадцать дуэнн разом сбрасывают с себя покрывала, и зрители видят густые, длинные бороды, черные, русые, рыжие

и седые. Санко начинает пятиться назад; герцог, герцогиня и Дон Кишот поражены удивлением.

— Вот в какое несчастное состояние привел наши подбородки жестокий, безбожный Маламбрун! Ах! Для чего ударом меча не пресек он моей жизни! Чего может ожидать, чего надеяться дуэнна с бороною? Кто об ней подумает? Кому она понравится? Увы! Нередко и без бороды она бывает оставлена в презрении, что же с бороною, с длинною рыжею бороною! О дуэнны, о мои милые подруги! Восплачем и возрыдаем! Небесное мщение нас постигло.

С сим словом Долорида упала в обморок.

ГЛАВА XXXV

Долорида избавлена от бороды

Надобно признаться, что Сид Гамед Бененжели очень добрый человек! Одному ему можно так заботиться о удовольствии читателя, с таким терпением входить во все подробности и мелочи, так внимательно следовать за каждым движением наших героев и описывать их с такою верностию! О почтенный историк! О счастливый Дон Кишот и о любезный Санко! Живите, живите в памяти людей благодарных за то удовольствие, которое вы им доставляете.

Санко, видя Долориду в обмороке, воскликнул:

— Вот что называется чудная история! Ах ты, плут, чертов сын, Маламбрун! Что тебе вздумалось прилепить бороду к этим бедным девушкам, которым, может быть, нечего заплатить и цирюльнику?

— Правда ваша, сударь, — отвечала одна из дуэнн, — великан не оставил нам ни одного мараведиса. Мы должны будем умереть в этом несчастном состоянии, если великий рыцарь, ваш господин, над нами не скалится.

— Успокойтесь и не плачьте, — воскликнул Дон Кишот, — я все кончу, и если надобно, сию же минуту! Скажите только, что мне делать.

При этом слове Долорида пришла в себя.

— Непобедимый герой! — сказала она. — Душа моя готовилась оставить сию брэнную скинию; но ваши слова остановили ее: оживаю снова для того, чтобы вам удивляться и подать способ к приобретению новой славы. Знайте, что отселе считается большою и проселочной дорогами, если ехать сухим путем, пять тысяч триста двадцать две мили и три сажени до Кандайского государства; а если воздушным, то тысяча девятьюстами пятью милями и одна сажень. Жестокий Маламбрун сказывал, что в ту самую минуту, когда мы увидим рыцаря, своего избавителя, явится

перед нами деревянный конь, тот славный конь, на котором Петр Прованский увозил прекрасную Магелонну⁴⁵. Этот конь ни пьет, ни ест, ни спит, управляется деревянной рукояткою, утвержденною между ушей его, и летает быстрее птиц и ветра над облаками. Он сделан знаменитым чародеем Мерлином, крестным отцом Петра Прованского. Маламбрун украл его и разъезжает на нем по всему свету; поутру является в Мадрите, а к вечеру поспевает в Перу. Сидеть на этом коне так покойно, что прекрасная Магелонна предпочитала его всякой подушке, набитой самым лучшим лебединым пухом. Я уверена, что вы через минуту увидите его перед собою.

— А сколько человек помещается на этом прекрасном коне? — спросил оторопевший Санко.

— Два человека! — отвечала Долорида. — Всякий рыцарь должен брать с собою оруженосца, который тогда занимает место прекрасной Магелонны.

— Очень хорошо! Но покорно прошу сказать, как величают того деревянного бегуна?

— Ни Пегасом, ни Буцефалом, ни Баярдом⁴⁶, ни Златоуздом⁴⁷, ни Фронтиниом⁴⁸, ни Эусом⁴⁹, ни Ксантом⁵⁰, ни...

— Эх! Конечно, и не Рыжаком; он должен, однако ж, иметь свое собственное имя: об нем-то я спрашиваю!

— Понимаю! Он называется *Скоролетом неподвижным*⁵¹; Скоролетом потому, что летает очень скоро; неподвижным потому, что сам не двигается с места.

— Все это очень хорошо! Но я имею честь быть покорным слугою господина Скоролета неподвижного, который летает и не двигается, и сказываю, что не сяду к нему на спину. Да, конечно, не сяду; я и на осле, который так спокоен, как бархатный тюфячок, едва могу держаться; кто же велит мне сесть на деревянную лошадь и ехать, Бог знает куда, за тем, чтобы сломить себе голову? Нет! Государыни мои, нет! Сказано один раз навсегда! Очень сожалею о маленьком несчастье, приключившемся вашим подбородкам; но признаюсь, не соглашусь себя изувечить для того только, чтобы вы имели удовольствие обриться! Сверх того, надобно вам знать, что я имею свое дело, что мне должно наперед уничтожить очарование госпожи Дульцинеи.

— Как вам угодно, любезный Санко; но по закону судьбы ничто не должно кончиться без вашего участия.

— И так ничто и не кончится, сиятельная графиня Долорида; по закону моей воли мне не сидеть на господине Скоролете неподвижном. Мы, оруженосцы, всегда бываем лишние во всех этих приключениях. И вы знаете, что все историки, описывая дела наших рыцарей,

забывают об нас, как будто о каких-нибудь турках. Я на них не сержусь; но я думаю, что мне не хочется вплестаться в чужие хлопоты. Другое дело, если бы надобно было помогать какой-нибудь красавице молодой, любезной, я бы здесь то же сделал, что всякий честный человек обязан делать. Но бросаться в огонь для бородатой дуэнны: изрядная выдумка! Я остаюсь дома, подле своей любезной госпожи герцогини, которой мизинчик дороже для меня всех дуэнн на свете, бородатых и небородатых.

— С позволения доложить, — сказала госпожа Родрига с досадою, — есть такие дуэнны, которые были бы самыми лучшими графинями и герцогинями, когда бы фортуна об них вспомнила.

— На это скажу только, — отвечал Санко, — что я согласен с фортуною.

Госпожа Родрига хотела продолжать; но в эту минуту увидели четырех негров полуобнаженных, несущих на руках огромного деревянного коня. Они приближаются, ставят коня на землю, и один из них восклицает громогласно:

— Могущий Маламбрун обещает исполнить все требования того из вас, кто осмелится выйти с ним на поединок, не употребляя никакого оружия, кроме меча. Он должен вместе с своим оруженосцем сесть на сего коня, который принесет его в одну минуту в то место, где пребывает Маламбрун. Однако, в предосторожность, чтобы не оробеть на высоте воздушной, и рыцарь, и оруженосец его должны оба завязать глаза и не снимать повязки до тех пор, пока их конь своим ржанием не возвестит о конце путешествия.

Негры удаляются поспешно. Дон Кишот, пламенея мужеством, хочет садиться на Скоролета и повелевает Санке за собою следовать.

— Извините, — воскликнул оруженосец, — я вас не послушаю: взглянувши на эту клячу, я потерял охоту путешествовать. Разве я колдун? Как мне летать по воздуху верхом на палке? Я же губернатор! Мне и без летанья довольно дела! Сверх того, отсюда до королевства Кандайского считается больше трех тысяч миль! Безделица! Заедешь туда, и назад не выедешь! Господин Скоролет, может быть, заупрямится, или господин Маламбрун не согласится опять его нам пожаловать! Что тогда станем делать? Пешком не дойдешь и в двенадцать лет, а в это время мой остров умрет с голоду! Нет, нет! Я не дурак; я должен сохранить себя для своих подданных, не поеду! Петру Апостолу хорошо в Риме, а мне здесь; я здесь и остаюсь.

Тут герцогиня начала увещевать своего друга Санку; говорила ему о его должности и о благодарности, просила, умоляла, доказывала, что он должен прославить себя из любви к своим подданным, и Санко, мор-

гая глазами, тронутый до слез, наконец сказал, что не может ни в чем отказать своей неоцененной герцогине, что он готов ехать. Дон Кишот обнял его, отвел в боковую аллею и сказал ему на ухо:

— Мой сын! Мы едем в дальнюю сторону, будем заняты долго важными, а может быть, и опасными делами: нельзя ли тебе до отъезда уйти на минуту в свою горницу, будто за каким-нибудь делом и дать себе хотя половину из трех тысяч пяти сот ударов, необходимых для счастья моей владычицы. Хотя пять сот, и тем буду доволен: всякое дело, как ты сам изволишь знать, красится начинном.

— Изрядная выдумка, — воскликнул Санко, — прекрасное предложение! Вы, правду сказать, умели выбрать время! Я должен верхом на доске проехать три тысячи миль, а вы заставляете меня ободрать плетью самое нужное для этого путешествия место! Вы с ума сошли! Кончим сперва приключение с бородами, потом подумаем о Дульцинее. Даю вам слово, что не замешкаюсь возвратить ей прежнее прекрасное личико! Только теперь не говорить об этом ни слова!

— Хорошо! Полагаюсь на твое обещание! Только не забудь об нем!

— Я еще не бывал беспамятен!

Они возвратились; Дон Кишот вынул из кармана платок и просил Долориду завязать ему глаза. Она исполнила его требование. Рыцарь сел на Скоролета. Санко не торопился и требовал подушки; но строгая Долорида не захотела его удовлетворить, и Санко с завязанными глазами сел раскорякою позади своего рыцаря на Скоролета и просил предстоящих об нем помолиться.

— Трус! — говорил ему рыцарь. — Чего ты боишься? Разве прекрасная Магелонна не сидела на твоём месте? Разве я не на месте Петра Прованского? Разве этот герой был смелее меня?..

Он трогает деревянную рукоятку, и в сию минуту все дуэнны воскликнули:

— Бог с тобою, мужественный рыцарь! Бог с тобою, оруженосец неустрашимый! Вы уж под облаками, почти сокрылись от взоров наших. Сиди прямее, великий Санко; если упадешь, расшибешься, как Фаэтон.

Санко слушал и прижимался к своему господину.

— Ты задушишь меня! — говорил Дон Кишот. — Дай мне вздохнуть, ради Бога! Не понимаю, чего ты боишься; не может быть коня спокойнее Скоролета! Мы пролетели больше тысячи миль, а кажется, что не тронулись с места.

— Ваша правда, — отвечал оруженосец, — но с этой стороны дует страшный ветер и прямо мне в лицо.

Санко не ошибся; несколько человек дули в него большими мехами.

— Конечно, мы прилетели в ту страну, где составляется град и снег, — сказал Дон Кишот, почувствовав ветер, — думаю, что мы скоро долетим до обители грома и молнии. Право, не знаю, как удержать Скоролета.

В сию минуту мехи перестали дуть; путешественников окружили пуками зажженной соломы.

— Ах! Сударь, — воскликнул Санко, — вот она! Ваша обитель грома и молний! Чувствую жар; мне опалило бороду: я сниму повязку.

— Ради Бога, не делай этого; твое непослушание может навлечь на обоих нас какое-нибудь несчастье; покоримся очарователю, который лучше нас знает, что нам должно делать. Может статься, мы теперь над самым Кандайским королевством, на которое устремимся, как сокол на голубя.

— Пора нам приехать; мне уж наскучило это воздушное путешествие. Видно, у госпожи Магелонны была кожа грубее моей, когда ей так приятно было сидеть на этой кляче.

Разговор их забавлял несказанно герцога и герцогиню, которые через силу могли удерживаться от смеху. Повеселившись несколько времени на счет воздушных героев, они приказали спрятаться всем дуэннам, а сами вместе с окружавшими их распростерлись на земле, как будто погруженные в глубокий сон. Героя и Санку столкнули с коня, а Скоролета, наполненного пороховым составом, зажгли; он лопнул и полетел на воздух, окруженный фузеями⁵² и ракетами; а рыцарь и Санко, оглушенные падением, встали, развязали платки и изумились, увидя себя на прежнем месте.

Перед ними воткнуто было в землю копьё, к которому была привязана медная дощечка с следующей надписью: «Непобедимый рыцарь Ламанхский торжествует; ему только стоило отважиться на гибельный подвиг, чтобы победить Маламбуна. Дуэнны уже не имеют бород; Антономазия и дон Клавий на троне; остается любезнейшему из оруженосцев не пожалеть своей задницы для возвращения нежнейшей голубицы вернейшему голубю. Таково определение Мерлина!»

Дон Кишот в восхищении приближается к герцогу, который казался без всякого чувства, также как и все, его окружавшие.

— Ваша светлость! — сказал он, взяв осторожно его за руку. — Пробудитесь, все кончено. Сия дощечка уверит вас в истине слов моих.

Герцог, герцогиня и все зрители притворились, будто приходят в чувство, протирают глаза и рассказывают с ужасом, что в самую ту минуту, когда Скоролет, окруженный пламенем, слетел с неба, дуэнны, избавленные от бород, все исчезли, а они упали без памяти. Герцог подошел к копьё и прочел вслух написанное на дощечке. Все начали

поздравлять Дон Кишота. Герцогиня спросила Санку о том, что он видел и чувствовал. Оруженосец, посматривая гордо на слушателей, сказал, что измучился, летая по огненному воздуху; что он без ведома своего господина, приподнял немножко повязку и увидел под собою землю, которая показалась не больше горчичного зерна. Все удивились. Санко, желая доказать, что он не солгал, прибавил, что люди, которых он точно рассмотрел, показались ему маленькими орешками. Он рассказал еще множество чудес. Дон Кишот, удивленный, хотел было с ним спорить, но Санко шепнул ему на ухо:

— Я не сомневался ни в чем, когда вы описывали свое путешествие в Монтесиносскую пещеру: прошу и вас верить тому, что я видел на небе.

ГЛАВА XXXVI

Совет Дон Кишота губернатору Санке

Герцог приказал Санке готовиться к отъезду, говоря, что все подданные ожидают его, как иссохшие цветы росы небесной.

— Милостивый государь герцог! — сказал Санко с низким поклоном, — и ваша светлость, и господа мои подданные очень учтивы. Признаюсь вам чистосердечно, что с тех пор, как я имел удовольствие посмотреть на землю сверху и видеть, что она не больше горчичного зернушка, то почти раздумал быть губернатором. Как можно желать начальства в маленьком уголке горчичного зернушка? Стоит ли это каких-нибудь забот и попечений? Лучше быть спокойным: не трогаться с того места, на котором поставил нас Бог; жить тихо, смиренно и не думать о управлении людей, которые и вблизи ничего не значат, а вдали совсем не приметны.

— Что за чудо, Санко! Ты философствуешь! — сказал герцог. — Скажи же, можно ли отказать в губернаторстве такому умному философу, каков ты? Нет, мой друг, ты должен взять остров; иначе я останусь в лжецах! Божусь, что ты будешь доволен моим подарком.

— Чтобы вы не подумали, что я не умею управляться с губернаторством, принимаю ваш подарок; еду, везите меня!

— Завтра будешь отправлен. Ныне ввечеру принесут тебе новые платья и некоторые вещи, необходимые для тебя в новом звании!

— Каким бы покроем ни были сшиты эти платья, оденьте меня хоть в золото, хоть в жемчуг, я все останусь Санко Панса.

— Знаю; но всякое звание имеет свое особенное отличное платье. Судья одет не так, как солдат; солдат не так, как священник. Ты, Санко, должен быть и военным, и статским человеком; то есть должен зани-

маться и военными, и письменными делами. Платье твое будет означать и то, и другое достоинство.

— Я, мне кажется, вам уже сказал, что не много толку знаю в письменных делах и что от роду не принимался за книгу, потому что не умею читать. Но много ли губернаторов найдете учнее меня? О моих военных качествах ни слова; я прекрасно дерусь с убитыми. Вот все мои дарования!

В эту минуту вошел в горницу Дон Кишот, который узнал о том, что происходило. Он подходит с важностию к Санке, берет его за руку, извиняется перед герцогом и герцогинею и уводит его в свою комнату.

Запершись с ним наедине, он говорит следующее:

— Мой друг, Санко, благодарю небо за то, что оно тебя наградило прежде меня. Без трудов, без искания ты сделался владыкою сильного государства; между тем как господин твой, неутомимый, беспрестанно побеждающий трудности и опасности, все еще простой рыцарь. Не относи этого счастья к своим достоинствам, а единственно к одному милосердию неба, покровителя рыцарей. Видишь ли, что все мои обещания исполнены! Остается тебе выслушать мои отеческие советы: они спасут тебя от мелей и подводных камней, рассеянных по сему обширному морю человеческого величия.

Во-первых, мой сын, бойся Бога: страх Божий есть начало премудрости!

Наблюдай за собою, старайся узнать самого себя: наука трудная, но необходимая для всякого человека, который не хочет быть подобным лягушке, желавшей сравниться с быком. Помни, повторяй себе ежедневно, что ты назначен был судьбою пасти поросят в своей молодости.

— Не в молодости, а в ребячестве, — отвечал губернатор, — когда я подрос, то меня посылали стеречь индеек.

— Не стыдись низкого своего происхождения; не бойся в нем признаваться. Чванство неразлучно с пороком. Кротость украшает добродетель; говори, не краснея, что ты родом земледелец: никто не вздумает тебе об этом напоминать, видя, что ты сам об этом помнишь.

Не завидуй ни принцам, ни дворянам, которых происхождение твоего благороднее. Сии дары случая, для них столь важные, сами по себе ничтожны: дворянство получаем по наследству; а добродетель сами приобретаем. Суди сам, что лучше.

Если случится которому-нибудь из твоих родных посетить тебя в твоём великолепном замке, прими его с таким же удовольствием, с каким бы принял в своей бедной хижине. Бог и наша совесть этого требуют: исполняй сию должность непринужденно.

Если вздумаешь призвать к себе Терезу, что и советую сделать, потому что не годится губернатору не иметь при себе жены, то старайся образовать ее, дать ей хороший тон, научить ее учтивому обхождению: всякое доброе дело мужа может расстроиться глупостию жены, ветреной или грубой. Не позволяй ей ни под каким видом принимать подарков: будешь виноват и тогда, когда об этом не узнаешь!

Не воображай, чтобы тебе позволено было толковать в свою пользу государственные законы: это противно Богу и справедливости.

Старайся, чтобы никакой интерес, никакая злоба или приязнь не могли заставить тебя судить пристрастно. Отвращай слух от обещаний богача; трогайся слезами бедного: будь справедлив к обоим.

Если можно быть милосердным не во вред правосудию, будь милосердным. Это удовольствие может назваться наградою доброго судии. Бойся, чтобы тяжесть золота не наклонила жезла твоего; скорее склони его на сторону милости.

Если враг твой потребует твоего правосудия, забудь о вражде и помни об одном его деле.

Знай, что все ошибки судии заглаживаются на счет его чести или имени, или, что еще ужаснее, ничем не могут загладиться.

Если придет к тебе женщина, молодая и прекрасная, выслушай ее требование, но зажмурься.

Не говори грубых слов никому, ниже осужденному преступнику: наказание изглаживает вину его; тогда он только несчастлив, а несчастные должны быть уважаемы.

Наконец, помни всегда, что бедные человеки склоннее ко злу; будь снисходителен всякий раз, когда снисхождение позволено и не вредно: лучшее имя Бога есть Милосердый.

Поступая по сим правилам, друг мой, ты будешь счастлив, спокоен в совести, сохранишь невинность души, необходимую для счастья; будешь любим, окружен людьми, тобою счастливыми; женишь и выдашь замуж сынов и дочерей, состаришься посреди внуков и правнуков, от всех почитаемый, благословляемый, драгоценный друзьям твоим, и слезы искреннего чувства оросят твою могилу.

Прибавлю еще несколько советов, которые другим показались бы маловажными, но для тебя необходимы в твоем звании: они касаются собственно до тебя.

Будь опрятен без отменной разборчивости, хорошо одет без пышности: беспорядок в одежде показывает человека, ни к чему не внимательного, который очень неприятен в обществе.

Убегай скупости, но будь нерасточителен; умеи считать деньги; всегда издерживай не столько, сколько можешь, и оставляй что-нибудь

для будущего. Есть прекрасное средство употреблять с пользою лишние деньги; если можешь иметь шесть пажей, имей только трех и содержи трех бедных; они отслужат тебе на том свете.

Будь воздержан в пище; довольствуйся малым в обеде; не ужинай, если хочешь сохранить здоровье: первое благо в этом мире.

Не пей много вина: оно делает человека нескромным и неверным в своем слове.

Спи мало: что похищено у сна, то приложено к жизни. Прилежность есть мать успехов, а праздность — мать пороков.

Отучайся от глупой привычки вмешивать в речи свои пословицы, которые по большей части бывают не кстати. Иногда одна пословица, вовремя сказанная, может быть приятна; но говорить их множество вдруг — смешно и непристойно.

— Покорно прошу меня извинить, сударь, — воскликнул Санко, — один Бог это несчастье переменит. У меня в голове куча пословиц: лишь только открою рот, они посыплются сотнями, и часто лучшие выходят не первые; однако я вам обещаюсь быть осторожнее. Хороший совет стоит десяти изрядных. Полон дом, полон рот. От всего вылечишься, кроме смерти. Суженого конем не объедешь. Родился волком, лисицей не бывать. Конь горбат, не мерину брат. Кто кого смога, тот того в рога. Ешь больше, говори меньше. Будь лишь мед, мух много нальнет. Без денег везде худенько. Бабушка моя говорила: без Бога ни до порога...

— Черт тебя поberi! Пустомеля, дурачина! Ты, видно, решился дразнить меня. Я говорю тебе: не души меня пословицами, а ты как будто нарочно выдумываешь новые. Поди, я от тебя ничего доброго не надеюсь; ты будешь только смешон в своем звании, только пристыдишь своего господина. Я не знаю, что удерживает меня пойти к герцогу и сказать ему, что ты ни на что не годишься, что он сделал губернатором болтуна и болвана.

— Не гневайтесь, сударь, — сказал Санко с покорностию, — не вы ли сами вселили мне в голову этот остров, о котором мне никогда и во сне не грезилось. Если вы думаете, что я не в состоянии сделать моих подданных счастливыми, не отпускайте меня, я останусь при вас: ни за какое благополучие в свете не соглашусь делать зло своему ближнему; лучше быть хорошим оруженосцем и есть сухой хлеб с луком, нежели худым губернатором, которого кормят рябчиками и пулардами.

— То, что ты говоришь теперь, примиряет меня с тобою, — сказал Дон Кишот, потрепав его по плечу, — ты имеешь доброе сердце, а это главное. Будь смело губернатором: я напишу свои советы на бумажке и отпущу их с тобою; они могут тебе руководствовать. Развеселись,

мой друг, будь надежнее на самого себя; теперь пойдем, меня ожидают к обеду.

ГЛАВА XXXVII

Санко отправляется на свой остров. Чудное приключение с рыцарем

Дон Кишот написал на бумажке свои наставления и подарил их Санке; но Санко, будучи не большой охотник до морали, особливо до писанной, выронил этот прекрасный подарок из кармана. Один из пажей поднял его и отнес к герцогу и герцогине, которые, прочитав написанное, не могли не подивиться уму нашего героя, чудной смеси безумия, легковёрности с острою и рассудительностию. Управитель, который так удачно сыграл роль графини Трафальдини, получил приказание проводить Санку в маленький городок, названный в угодность его островом. Он пошел к новому губернатору, которого нарядили уже в длинную рясу, в алую епанчу и в алый бархатный картуз. Великий Санко в сем уборе, окруженный многочисленною свитою, идет, откланивается герцогу, целует с нежностью руку у герцогини и обнимает с тяжелыми вздохами колена своего господина, который, стараясь удержаться от слез, дает ему свое родительское благословение. Добрый оруженосец заплакал, потом отправился верхом на прекрасном муле, за которым следовал его любезный друг-осел, накрытый пышною попоною. Санко изредка оборачивал голову, поглядывая на него с нежностью и называл, в глубине души, своими благодетелями тех людей, которые оказывали такие почести его доброй скотине. Так приближался он к своей столице, будучи довольнее и веселее всякого нового императора.

Оставим его в покое! Счастливый путь любезному Санке! Возвратимся к его господину, который, расставшись с верным слугою, почувствовал ужасную пустоту в сердце и впал в меланхолию. Герцогиня, заметив его грусть, советовала ему выбрать кого-нибудь другого на место Санки.

— Милостивая государыня! — отвечал унылый рыцарь. — Я могу только благодарить вас за ваше обо мне попечение; но не в состоянии принять вашего совета, и даже прошу вас запретить служителям замка ходить в мою комнату.

— Как вам угодно, — сказала герцогиня, — по крайней мере, позвольте мне представить вам четырех девушек, свежих и прекрасных, как весенние цветы: они будут вас раздевать и одевать.

— Ах, милостивая государыня! Что вы говорите? Эти цветы весенние будут для меня терниями. Снова прошу вас, не прикажите никому, ни мужчинам, ни женщинам, ходить в мою комнату. Затворенная дверь моя да будет защитой моего целомудрия и верности. Я скорее соглашусь спать не раздетый, нежели позволю таким опасным служителям раздевать себя.

— Довольно! Господин Дон Кишот, беспримерный любовник, я строго запрещаю моим служителям и служительницам приблизиться к святилищу скромности. Вы должны быть уверены, что я не в состоянии подумать о уловлении в сети вашей добродетели; я удивляюсь ей, обожаю ее и душевно радуюсь счастью этой интересной Дульцинеи, которая пленила такое верное сердце.

Рыцарь отблагодарил герцогиню вздохом и нежным взглядом. Сели ужинать; после ужина герой удалялся в свою спальню, которой дверь запер на замок, потом начал раздеваться. Но, увы! Снимая чулки, несчастный рыцарь спустил на одном поддюжины петель, что крайне его огорчило; он имел одну только пару и не имел ни одной зеленой шелковинки (чулки были зеленого цвета), чтобы их заштопать. «О бедность! Бедность! — восклицает Бененжели. — Не понимаю, как мог Сенека называть тебя даром неба; нет ничего ужаснее этого дара, особливо для тех, которых знатность происхождения и воспитание принуждают носить в молчании твои жестокости и улыбаться, когда они страждут».

Мучимый сими печальными мыслями, герой твердо решается надеть завтра сапоги, задувает свечу, ложится; но не может заснуть от жара, встает, отворяет окно в сад, где видит двух женщин, разговаривающих между собою довольно громко, начинает вслушиваться в их разговоры и слышит следующее:

— Для него заставляешь меня петь, о Эмеранса⁵³! Разве не знаешь, что с самой той минуты, как я увидела этого любезного рыцаря, сердце мое отказалось от веселия, и только что вздыхает? Я подвергаюсь теперь двоякой опасности. Герцогиня может услышать мою песнь; она никогда не простит мне моей дерзости; с другой стороны, этот опасный Эней, который так непреклонен, может не услышать ее: жалобы мои потеряются в пустоте воздушной⁵⁴.

— Нет, нет, моя милая Альтизидора, — отвечал другой голос, — герцогиня спит глубоким сном; все покоится, кроме очарователя твоей души, который только что теперь отворил свое окно. Запой нежным голосом Филомелы⁵⁵, согласенным с игрою твоей сладкой арфы, ту песню, в которой так живо изображаешь пламень своего сердца.

— Ты этого требуешь, Эмеранса, исполняю твое желание, столь приятное моему сердцу. Мрак ночи не даст заметить стыда, который покроеет румянцем мои щеки; все, испытавшие любовь, извинят меня, слабую, несчастную.

Альтизидора настроила арфу, а наш герой, в чрезмерном удивлении, начал приводить на память все любовные приключения, известные ему по романам, все ночные и дневные свидания, все, что было говорено и пето перед окнами, перед решетками, на открытом воздухе, в темницах, на башнях, и прочее, и прочее, и твердо решился противиться всем искушениям дьявола. Он вспомнил о несравненной Дульцинее, призвал ее на помощь и, уверенный в своем постоянстве, чихнул в знак того, что слышал сказанное и услышит песнь. Приятный голос запел следующее:

*Лишь только роза расцвела,
Уже поблекла, опадает!
Лишь только жить я начала,
Уж горе дни мои съедает!
О дружба, мир души моей,
Часы отрадные прелестны,
Беспечность, рай протекших дней,
Уж мне вы боле неизвестны!
Он здесь, сей витязь, сей герой;
Но ах! Не рыцарская сила
Могла разрушить мой покой,
Меня души моей лишила!
Прелестный, мужественный взор,
Ума, души образование,
Приятность, нежный разговор,
Вот все его очарованье!
Могу ль, о лучший из людей,
Молчать, таить свое мученье?
Одной отрадою моей
Твое осталось сожаленье!¹⁵⁶*

Дон Кишот, слушая песню, вздыхал и говорил самому себе: «Видно, я родился на несчастье! Не могу показаться, чтобы не пленить женщины. О Дульцинея, Дульцинея! Хотят похитить у тебя мое сердце, хотят поколебать мою верность! Ах, что она вам сделала! О вы, королевы, императрицы, принцессы! За что ее преследуете, жестокие! За что хотите отнять у нее последнюю, единственную ее радость? Сказываю, повторяю и повторять буду: ваши усилия тщетны; любил, люблю

и вечно буду любить одну Дульцинею; одна она мила, умна, добродетельна, остроумна, прелестна, восхитительна в глазах моих; одна она обладает всеми совершенствами; одна она есть божество моего сердца, предмет моих вздохов, моего обожания, моей постоянной, неизгладимой страсти. Пойте, плачьте, умирайте с горя; я решился: я живу, хочу жить для одной Дульцинеи».

Он встает, запирает с сердцем окно и ложится спать. Покойся, о пример постоянства! Мы тебя оставляем и спешим к великому Санке.

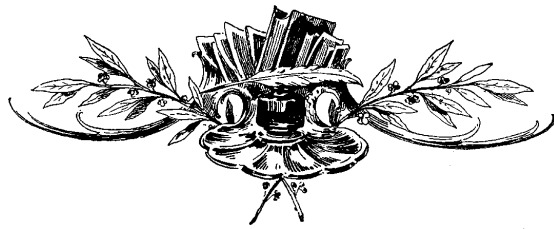
Конец пятого тома

**ДОН КИШОТ
ЛАМАНХСКИЙ**

ТОМ ШЕСТОЙ

ГЛАВА XXXVIII

Санко — губернатор

О ты, обтекающий на пламенной колеснице вселенную, лучезарный Феб, светило мира, вечное украшение небес, отец природы, божество Хризы и Делоса¹, всемогущий благодетель земли! О ты, который научил людей врачеванию и песнопению, призываю тебя! Да оживится лучом твоим гений повествователя; да воспою, вдохновенный звуками лиры твоей, чудесные дела Санки Пансы, губернатора острова Баратарии².

Городок, состоявший из тысячи домов и находившийся во владении герцога, был поручен Санке Пансе. Ему сказали, что этот городок назывался островом Баратариею, и он поверил. У ворот встретили его знатнейшие люди государства с колокольным звоном; народ бежал к нему толпами; все показывало радость. Его отнесли на плечах в приходскую церковь, где пели благодарственный молебен; потом подали ему ключи от крепости, и публичные крикуны провозгласили его губернатором острова Баратарии. Санко принимал сии знаки отличия в молчании, с важным видом, не показывая удивления; многие из новых его подданных, которым тайна была не открыта, находили несколько странными фигуру, лицо, бороду и малый рост нового губернатора!

*У ворот встретили его знатнейшие
люди государства.*

Вышед из церкви, Санко пошел в залу судилища, где посадили его на кресла, обитые бархатом, под великолепный балдахин. Герцогский управитель, который играл ролю обер-церемонимейстера, приблизился к нему с почтением и сказал следующее:

— Есть древний обычай, милостивый государь, по которому всякий новый губернатор острова Баратарии должен решить два или три запутанных дела в присутствии всего народа, который, будучи свидетелем его мудрости, может заранее порадоваться тому счастью, которое ожидает его. Ваше превосходительство, конечно, не откажетесь исполнить эту священную должность.

Между тем Санко, внимательно слушая слова управителя, пристально глядел на стену. Против самого его стула было что-то написано золотыми буквами; сожалея, что не умел читать, и любопытствуя узнать содержание написанного, он сказал на ухо управителю:

— Растолкуйте мне, пожалуйста, что значит эта золотая надпись.

Управитель прочел следующее: «Ныне, такого-то дня, месяца и года прибыл на остров Баратарии, ко счастью всех его обитателей, новый губернатор дон Санко Панса».

— Кого называют дон Санко Пансою? — спросил губернатор.

— Ваше превосходительство, без сомнения! Никакой другой Панса не был здесь губернатором.

— Прошу вас покорно замарать «дон»; в нашей фамилии есть маленькое обыкновение никогда не присвоивать себе чужого. Меня зовут Пансою просто. Отец мой назывался также Пансою, и дед, и прадед; все старые христиане и честные люди ошибаются, если думают угодить мне лестию. Я надеюсь доказать, что больше люблю хорошие дела, нежели пышные титулы. Прошу это заметить! Теперь время решить дела: я постараюсь всех удовлетворить. Чего от меня хотят?

Вошли два человека, один в одежде земледельца, другой с большими ножницами.

— Ваше превосходительство! — сказал последний. — Я портной; вчера этот добрый человек принес ко мне кусок сукна. Выйдет ли капот из этого куска, спросил он у меня? Выйдет, отвечал я, не запинаясь. Он удивился моей поспешности, подумал, что хочу у него украсть, и сказал: «Посмотри хорошенько, не выйдет ли двух капотов!» Я понял его мысли и отвечал: «Выйдет и пять!» — «В самом деле? Сделай же пять!» — Мы ударили по рукам! Условились! Я свое условие выполнил! Капоты готовы, но этот добрый человек не только не хочет заплатить мне за покрой, но еще требует назад сукна! Рассудите нас.

— Все ли так происходило, как он рассказывает? — спросил Санко у земледельца.

— Признаюсь, — отвечал проситель, — он ни прибавил, ни убавил ни слова; но прикажите показать капоты!

— Вот они, — воскликнул портной, вынув руку из-под епанчи. Увидели пять маленьких капотцев, висевших на указательном его пальце. — Вот они, — продолжал портной, — сшиты как нельзя лучше, и я клянусь своею совестью, что не украл ни кусочка материи.

Все засмеялись. Один Санко сохранил свою важность.

— В этом случае здравый смысл должен быть законом, — сказал он. — Портной лишается платы за шитье, а земледелец своего сукна! Зовите других; время дорого; я не люблю терять его на пустяки.

Входят два старика.

— Ваше превосходительство! — говорит один. — Я дал взаймы десять золотых ефимков этому честному человеку. Прошло больше года; я не говорил ему ни слова о долге, и он молчал. Наконец, видя, что мой должник совсем позабыл обо мне, требую назад своего золота. Он отвечает, что его мне отдал. Я не имею ни свидетелей, ни расписки. Прошу, ваше превосходительство, привести его к присяге. Я всегда почитал его честным человеком; надеюсь, что он не согласится замарать своей совестью ложною клятвою.

— Что ты скажешь на это? — спросил Санко у другого старика, который слушал, не говоря ни слова, опершись на толстую палку.

— Я готов клясться на вашем судейском жезле³, что отдал этому человеку его десять ефимков⁴.

Санко наклонил свой жезл, а старик, подавши свою палку заимодавцу, кладет руку на жезл и клянется в том, что возвратил требуемые деньги; потом берет назад свою палку и смело поглядывает на предстоящих. Первый старик долго смотрел на него в молчании; наконец, поднявши глаза к небу больше с сожалением, нежели с досадою, пошел вон; но Санко велел ему воротиться. Санко, который не проронил ни одного движения просителей, сравнивал, потирая лоб, их лица и находил одно совершенно честным, другое лукавым, и наконец сказал:

— Еще не все! Ты, старик, который так охотно присягаешь, отдай мне свою толстую палку; а ты, старик, которому так хочется возвратить свои деньги, возьми ее и поди с Богом! Твой долг тебе отдан!

— Как отдан, ваше превосходительство! Эта палка не стоит пяти реалов, а я требую десяти золотых ефимков.

— О! Я тебе сказываю, что палка стоит десяти твоих ефимков! Переломите ее.

Ему повинуются. Десять ефимков выпадают из палки; все собрание показывает знаки удивления; и жители острова начинают думать, что у них сам царь Соломон губернатором.

Санко, довольный собою, слушал с особенным снисхождением похвалы, которыми его осыпали. Вдруг вбегает в залу расплаканная женщина⁵, таща за ворот молодого человека и крича во все горло:

— Правосудие! Правосудие! Этот бездельник нашел меня одну на поле; употребил насилие и лишил меня моего сокровища, единственного, драгоценнейшего для всякой порядочной девушки, сокровища, которое берегла я, как глаза свои, и совсем не для этого бездушника! Помилуйте, рассудите нас, светлейший губернатор!

— Говори, ты, молодой человек! — сказал Санко.

— Ах, ваше превосходительство! Мне нечего говорить. Я бедный свинопас; нынешним утром продал на рынке четырех свиней, и продал с убытком, если позволите доложить. Возвращаясь в деревню, встретился нечаянно с этою красавицею, которая сказала мне очень умильно: здравствуй. И я сказал ей: здравствуй! Говорит, шутит; черт как тут, вмешался в наши разговоры; но я готов побожиться, что эта добрая женщина совсем не досадовала на черта. Она теперь только, Бог знает, от чего, так сердита; тогда была смирна, как овечка.

— Вздор! Клевета! — воскликнула женщина пронзительным голосом. — Я долго защищалась! Но что будешь делать, когда нет сил? Я требую бесчестья! Пускай он мне заплатит все протари и убытки!

— Просьба твоя справедлива! С тобою есть деньги, господин свинопас?

— Есть, ваша светлость! Двадцать червонцев, которые получил я за своих покойных свиней! Вот они — в кошельке!

— Отдай этот кошелек обиженной и вперед не разговаривай, не шути с целомудренными девушками.

Оскорбленная невинность поспешно приняла кошелек, осыпала благословениями правосудного губернатора, поклонилась ему раз двенадцать в пояс и вышла в совершенном удовольствии. Лишь только она удалилась:

— Мой друг, — сказал Санко плачущему пастуху, — беги за нею; деньги твои, если удастся тебе их отнять.

Молодой человек не поупрямился, пустился, как стрела, а зрители остались в недоумении и посматривали с любопытством на губернатора.

Через минуту увидели в зале просительницу в бешенстве, с огненными глазами, с раздутыми ноздрями, с кошельком на груди, угрожающую выдрать глаза пастуху, если он осмелится к нему прикоснуться.

— Что такое? — спросил губернатор.

— Помилуйте, ваша светлость! Этот вор, этот разбойник хочет отнять у меня среди бела света, перед глазами тысячи человек, эти деньги, но

ему не удастся. Дюжина таких удальцов со мною не сладят! Он еще не знает, с кем связался! Поди, поди, мальчишка! Мой кулак разобьет тебя вдребезги.

— Признаюсь! — сказал пастух. — Я выбился из сил и отказываюсь от своих червонцев!

— Храбрая девица! — воскликнул губернатор. — Изволь-ка отдать свои деньги. Если бы ты умела также хорошо защищать свою честь, как теперь защищаешь свой кошелек, то не на что было бы тебе жаловаться. Поди, бесстыдная, и никогда не показывайся в моем острове, или будешь очень больно высечена! Выведите ее сию минуту за город!

Тотчас исполнили этот приговор. Мудрость нового губернатора вознесли до небес; а тот, кому поручено было описывать все дела его, послал к герцогу подробное обо всем донесение.

ГЛАВА XXXIX

Беды за бедами

Между тем герой ламанхский, смущаемый нежными жалобами страстной Альтизидоры, огорченный отсутствием своего оруженосца и необъятною прорехою на зеленом чулке своем, не находил спокойствия в уединенном ложе. Лишь только занялась заря, он встает, надевает свой лосиный камзол, свои большие сапоги с раструбами, свою алую епанчу и зеленую бархатную шапку и идет во внутренние комнаты дожидаться выхода герцогини. Первые встретились ему Альтизидора и ее подруга. Альтизидора, при виде любезного ей рыцаря, падает без чувств на руки своей приятельницы, которая спешит расшнуровать ее. Герой хочет сам подать ей помощь; но скромная наперсница отталкивает его с досадою!

— Рыцарь, не подходите, — восклицает она, — по тех пор, пока будете жить под одною кровлею с нами, по тех пор эта несчастная не перестанет мучиться и плакать. Удалитесь, повторяю вам! Неблагодарные ни на что не надобны.

— Я оставляю вас, милостивая государыня, — отвечал герой. — Надеюсь, что этот случай не будет иметь никаких дурных следствий, и прошу вас покорно принести в мою комнату какой-нибудь музыкальный инструмент, которым бы я мог себя аккомпанировать.

С сими словами герой, потупив глаза, входит в комнату герцогини, которая уже отправила к Терезе письмо и подарок ее великодушного супруга. Этот день провели в приятных разговорах, гуляли, слушали музыку и прочее. Вечеру герой нашел в своей спальне на столе цитру и,

благодаря случай, доставивший ему тот самый инструмент, на котором он играл не так худо, как на других, сел на балкон; растворил жалюзи и запел немного сиповатым голосом следующий романс, который герцогиня и все её девушки, находившиеся тогда в саду, подслушали.

*Однажды бог любви, с Кипридой разлученный,
У светлого ручья в лесочке отдыхал.
Ребёнок, случаем к потоку приведенный,
Увидя спящего, колчан его украл!*

*Добычею гордясь и богом слыть желая,
С тех пор себя везде Амуром он зовет;
Толпой бессмысленных кокеток управляя,
Он мыслит, что ему покорен целый свет.*

*Но ах, с Амуром он и сходства не имеет!
Он ветрен и жесток, и любит лишь себя!
Амур есть царь сердец; он их судьбой владеет!
Амур — бессмертный бог! А этот — лишь дитя!*

*Тот стрелы меткою рукою направляет
И в сердце вечный огонь прямой любви родит!
А сей не целится и на ветер стреляет!
От легких ран его минута исцелит!*

*Я бога богом чту, ребенка не страшуся!
Где бог хранитель мой, там страшен ли дитя!
Амуру верным быть Климене я клянуся!
Когда ее люблю, то богом ранен я!¹⁶*

Он еще не успел допеть последнего куплета, как вдруг из окна, находившегося над самым балконом, бросили на него целый мешок кошек, которые имели на хвостах гремушки. Звук их падения испугал герцога и герцогиню, которым Альтизидора ничего не сказала о сей новой выдумке. Дон Кишот вздрогнул, оторопел; но, вспомнив, что надобно побеждать колдунов неустрашимостию, обнажил меч и начал преследовать кошек, которые, пороняв и загасив свечи, бегали по комнате, сверкали глазами и страшно мяукали. Герой в потемках, оглушаемый гремушками, махал мечом, рубил, колот и кричал без памяти:

— Вон, колдуны! Вон, адская сволочь! Всех изувечу!

Несчастные кошки бегали, как угорелые, прыдали на столы, на стулья, на карнизы. Одна из них, раненная героем, вспрянула к нему на лицо и уцепилась когтями за его нос. Дон Кишот заревел. Герцог и

герцогиня со множеством слуг вбегают в его спальню и находят его в страшной борьбе с четвероногим колдуном, который держался крепко за нос, мурчал, пыхтел, фырskal и не покорялся. Хотели подать помощь рыцарю.

— Не приближайтесь, — воскликнул он, — я один слажу с этим проклятым чародеем, как бы он ни вертелся!

По счастью, кошка, испуганная светом и людьми, сама спрыгнула с носу и убежала; а герцогиня, недовольная такою шуткою, которая стоила крови Дон Кишоту, велела приложить к ране его пластырь и поручила должность лекаря прекрасной Альтизидоре. Альтизидора, обвиняя полотном лицо раненого рыцаря, сказала ему на ухо:

— Господин рыцарь! Иногда волшебники отмщают за нежное сердце, которого любовь в пренебрежении.

Дон Кишот притворился, будто не слышал ее слов, поблагодарил герцога и герцогиню за милости, ему оказанные; уверил их, что ему известны враги, против него вооружившиеся, и просил, как скоро перевязали его раны, чтобы оставили его в покое.

ГЛАВА XL

Губернаторство Санки Пансы

В этот самой день знаменитый Санко, показав на деле свою необыкновенную мудрость, был отведен с великим торжеством во дворец, для него приготовленный. Там в огромной зале находился стол, уставленный лучшими кушаньями. Лишь только показался губернатор, зазвучали трубы, загремели барабаны и литавры, и четыре пажа поднесли ему лохань, над которою он с важным видом умыл руки, поглядывая искоса на обед. Музыка замолчала. Санко сел за другой маленький стол, на котором стоял один только прибор, а подле его стула поместился длинный человек с угрюмым лицом, в черной мантии, с длинным жезлом в руке. Санко, не говоря ни слова, поглядел на него с торопливостью; между тем молодой капеллян благословил обед, и дворецкий поднес кушанье.

Губернатор, который умирал с голоду, наклал свою тарелку верхом; но лишь только поднес руку ко рту с первым куском, как человек в черной мантии наклонил свой жезл, и в миг унесли блюдо и тарелку. Подают другое кушанье. Губернатор хочет его отвесть. Еще движение жезла, опять блюдо исчезает. В несказанном удивлении Санко обращивается на длинного человека с жезлом и, вытаращив на него глаза, спрашивает:

— Неужели на острове Баратарии едят глазами?

— Нет, ваше превосходительство, — отвечал длинный человек. — Я имею честь быть лейб-медиком здешних высоких губернаторов. Моя должность — наблюдать за их драгоценным здоровьем, как за своим собственным; знать, что им вредно, что им не вредно, за что получаю хорошее жалованье. Я обязан всегда присутствовать при обедах ваших превосходительств и позволять вам кушать одну здоровую пищу. Первое блюдо, снятое с вашего стола, есть блюдо холодное, которого не сварит ваш высокий желудок. Второе, напротив, есть блюдо горячее, от которого возбуждается сильная жажда: оно бы вспалило вашу внутренность и могло иссушить большое количество жизненных соков.

— Прекрасно! — сказал Санко. — Но эти рябчики, которые так хорошо нашпигованы, верно, принесут великую пользу моему желудку. Я могу, например, съесть их одну пару или две!

— Боже вас сохрани от рябчиков!

— Покорно прошу сказать, почему?

— Потому, что мой учитель Гиппократ говорит именно в своих афоризмах: *Omnis saturatio mala, perdix autem pessima*⁷. Это значит: жареный рябчик — самая вредная пища.

— Если так, господин лекарь, то изволь же осмотреть мой стол и назначить мне что-нибудь невредное; разве мне без обеда оставаться? Я не для того губернатор, чтобы иметь удовольствие умереть с голоду.

— Ваше превосходительство изволите говорить правду. Я назначу вам то, что можете кушать, не вредя своему желудку. Например, этот жареный заяц никуда не годится; мясо его тяжело и не способно для варения; этот теленок худо приготовлен и слишком свеж; этот пирог может причинить одышку и звон в ушах; этот гусь вреден для глаз и может произвести на спине сыпь.

— Но в этой прекрасной похлебке, которая составлена из розных мяс и пахнет так хорошо, что насильно меня к себе тянет, неужели не найдется такого куска, которому бы очень хорошо было в моем желудке? Подай-ка мне эту похлебку, дворецкий!

— Не трогай ее! Ваше превосходительство! Что вы хотите делать? Эта похlebка — яд! Ради Бога, оставьте эту грубую пищу монахам, землешкам, носильщикам; их желудки способны варить ее; но желудок губернатора должен гнушаться таким вздором: ему не такая пища прилична! Например, вашему превосходительству можно употреблять легонький цыплячий бульон с луком, какое-нибудь сахарное варенье, два, три бисквита в день, и довольно!

Санко при сих словах растянулся в своих креслах и, осмотрев лекаря с головы до ног, воскликнул:

— Как вас зовут, господин доктор, ученик Гиппократов?

— Я называюсь, — отвечал доктор, — Педро Речио де Огуэро, уроженец Тиртео Фуэрской, произведенный в докторы университетом Оссонским!⁸

— Слушайте ж, — воскликнул Санко с горящими от гнева глазами, — слушайте, господин доктор Педро Речио де Огуэро, уроженец Тиртео Фуэрской, пожалованный в докторы Оссонским университетом, сей час долой с глаз моих! Или прикажу вашу милость повесить на первой виселице со всеми докторами, тиртео фуэрскими уроженцами, которые найдутся в моем владении! Вон! Бездельник, душегубец, или я велю так тебе набить спину, что вперед не захочешь ни рябчика, ни похлебки! Давайте мне обедать; я стою того, чтобы меня накормили!

Доктор струсил, и давай Бог ноги; а Санко собрался было кушать рябчиков, как ему доложили о приезде курьера.

— Верно какие-нибудь важные известия, — сказал дворецкий, — письмо от герцога!

Курьер подал огромный пакет Санке, который отдал его дворецкому и велел читать адрес. На конверте было написано: Дон Санке Пансе, губернатору острова Баратарии, в его собственные или секретаря его руки.

— Кто мой секретарь? — спросил губернатор.

— Я, Ваше превосходительство! — отвечал один молодой человек, бискаец.

— Прочти это письмо, если умеешь, и скажи мне, что в нем содержится.

Бискаец, прочетши письмо, сказал, что должен наедине переговорить с его превосходительством. Все вышли, кроме дворецкого, и секретарь прочел следующее:

«Мне сказали, ваше превосходительство, что нынешнею ночью ваши и мои неприятели намерены напасть на остров Баратарию; будьте готовы принять их. Еще известно мне, что в самом городе вашем находится несколько подкупленных убийц, которые должны умертвить вас. Берегитесь, будьте осторожны с теми, кто вас окружает, и пуще всего опасайтесь, чтобы вас не отравили ядом в пищу. Я готовлюсь послать к вам вспомогательное войско и во всем полагаюсь на вашу мудрость и на ваше мужество.

Герцог».

— Господин дворецкий! — воскликнул Санко, выслушав письмо. — Посадите в яму доктора Педро Регио; он первый злодей мой, он хотел уморить меня с голоду.

— Ваше превосходительство! — отвечал дворецкий. — Советую вам хорошенько подумать об этом, что к вам пишут! Ради Бога не кушайте ничего за столом; я не ручаюсь за тех, которые приготавливали кушанье.

— Велите ж мне дать несколько фиников, хлеба и винограду: в них, верно, не успели положить отравы! Надобно ж что-нибудь есть; губернаторы не живут одним воздухом, особливо накануне сражения; а вы, господин мой секретарь, извольте написать к его светлости, что все будет исполнено по его желанию; прибавьте, что я целую ручки у госпожи герцогини. Это надобно написать поучтивее; не забудьте попросить ее, чтобы отправила мое письмо и посылку к Терезе; надобно что-нибудь сказать и господину Дон Кишоту, чтобы он не счел меня неблагодарным. Смотрите ж, не ударьте лицом в грязь; напишите все, как можно лучше. Между тем прикажите, — прибавил он со вздохом, — собирать со стола и подать мне мой виноград; черт побери этих бездельников, которые вздумали нападать на мой остров.

В эту минуту входит паж и докладывает, что один земледелец имеет крайнюю надобность говорить с губернатором.

— Прекрасно! — воскликнул Санко. — Мне не дадут поесть и хлеба. Время ли теперь говорить со мной о нуждах; разве губернаторы железные. О! Если все дела пойдут таким чередом, то я не вытерплю. Позовите этого надоедалу; смотрите, чтобы он не убил меня!

Паж уверял, что земледелец казался самым честным человеком и имел самое доброе лицо. Его ввели в горницу; простяк огляделся и спросил, кто губернатор; его подвели к Санке, перед которым он стал на колена, прося позволения поцеловать его ручку; но Санко не дал руки, велел ему встать и скорее объяснить свою нужду.

— Тотчас кончу, ваше превосходительство, — сказал земледелец, — извольте слушать. Я земледелец, прошу не погневаться, родом из деревни, которая находится в двух милях от Циудад Реала; вам, может быть, знакома эта сторона.

— Немного, — отвечал Санко, — но говори о своем деле.

— В двух словах кончу, — продолжал земледелец. — В своей молодости я женился, как должно христианину и как предписывает святая римско-католическая церковь, на доброй и почтенной женщине; с нею прижил я двух сыновей; теперь ребята взрослые: один скоро будет бакалавром, другой уже читает по складам лучше всякого церковника. Я с некоторого времени, так сказать, вдов. Моя жена, Бог с нею, покойницею, отправилась на тот свет по милости одного почтенного лекаря, который вздумал напоить ее рвотным тогда, когда она была брюхата на сносях: она умерла, от чего и не могла родить вовремя. Если бы она родила мне сына, то я и его отдал бы в школу, и он бы был у меня бака-

лавром и читал по складам не хуже церковника; но это дело кончено, говорить об нем уже не нужно.

— Зачем же говорить? — сказал с досадою Санко. — По сию пору из слов твоих я узнал только то, что ты овдовел с тех пор, как умерла твоя жена; не будь так словоохотен, любезный друг! Пора спать.

— Мое дело состоит в том, — продолжал земледелец, — что меньшой сын мой, тот, который так прекрасно читает по складам, вздумал полюбить одну девушку из нашей деревни — Клару Перлерину⁹, дочь Андрея Перлерина¹⁰, богатого откупщика. Эта девка — редкость, как восточный жемчуг; если поглядишь на нее с правого боку, то скажешь, что никакая роза, никакое майское утро не могут сравниться с нею в свежести; если же с левого, то она покажется не такую красавицею, потому что от оспы испортился у нее нос и щека, и пропал левый глаз: она, так сказать, крива; сверх того, десятка полтора зубов выпало у нее от флюса; вдобавок маленький зуб вырос на ее подбородке; со всем тем эта красавица с правого боку понравилась моему сыну. Не погневайтесь, ваше превосходительство, за все эти подробности; я люблю Клару, как дочь, а отцы болтливы, когда говорят о детях.

— А губернаторы садятся обедать, когда бывают голодны, — отвечал Санко, — изволь кончить скорее; нынешний день не съел еще ни крохи хлеба.

— Сей час все расскажу вам. Мой сын полюбился Кларе Перлерине, но маленькое препятствие не позволяет ему на ней жениться: она, так сказать, сидень, не встает с места, не может тронуться ни одним членом; и это была бы совершенная безделица, когда бы мой сын, по несчастию, не имел припадка, от которого всякий день не больше трех или четырех раз он падает без чувств. Бог знает как бьется об пол, рвет на себе волосы и всех без милосердия колотит; впрочем, он тих, как овечка, и очень бы желал жениться на прекрасной Кларе; но отец Клары — упрямый человек, не хочет и слышать о соединении такой любезной четы: я пришел просить у вашего превосходительства письмеца к этому упрямому старику; по вашей просьбе он отдаст дочь за моего сына. Вот в чем состоит мое дело!

— Только всего, любезный друг!

— Нет, не только, ваше превосходительство; я бы еще попросил у вас безделицы, но не смею.

— Говори, говори, чего боишься.

— Я бы попросил у вас маленького подарка, с которым бы моему сыну не стыдно было на глаза невесты показаться: шести или семи сот червонцев будет довольно; он заведет свое хозяйство, а за ваше превосходительство станет молить Богу!

— Все ли ты сказал? Нет ли другой какой просьбы? Еще не хочешь ли чего-нибудь?

— Ваше превосходительство очень милостивы, но я и тем останусь доволен!

Тут Санко вскочил с своего места, схватил первый попавшийся ему стул и побежал за крестьянином, которого как не бывало, крича:

— Постой, собака, я тебя научу просить у меня шести сот червонцев! Слыхана ли такая дерзость: шесть сот червонцев! А где бы ты приказал мне их взять, мошенник! Получил ли я хоть один мараведис с тех пор, как сделан губернатором? Шесть сот червонцев! Я и подумал бы послать их кривой девке и глупому болвану, которого всякий день по три раза бьет припадок, на свадьбу! Ах! Боже мой, видно со всего света безумцы сбежались на мой остров, со всяким вздором лезут к губернатору! Смотрите, ни одной души ко мне не пускайте! Я хочу обедать! Шесть сот червонцев! Безбожник!

ГЛАВА ХLI

Посещение

Итак, Санко Панса начал чувствовать маленькие неприятности губернаторского звания. Между тем Дон Кишот, исцарапанный кошками, должен был лежать в постели и не показываться больше пяти дней в публику. В одну ночь бессонница его беспокоила, он не спал; вдруг слышит, что дверь скрипнула, отворилась немного и опять затворилась. «Что бы это значило? Конечно, Альтизидора. Боже сохрани! Тогда прощай и любовь, и верность! Нет, — воскликнул он, отвечая самому себе, — я не поддамся! Никакая красавица из красавиц не тронет моего сердца, подвластного одной тебе, о Дульцинея, мой единственный друг, моя царица, моя звезда-сопутница! Сердце мое принадлежит тебе, было твоим, будет и не быть не может!»

Он становится на ноги на постели, разделяет занавески, между тем дверь отворилась и вместо прекрасной Альтизидоры входит в горницу старая дуэнна, которой мантилья по земле тащилась, а почтенный крючком нос украшен был очками; она имела в одной руке свечу, а другою заслоняла огонь, которым светло озарялось наморщенное лицо ее. Увидя эту красавицу, герой вообразил, что какая-нибудь древняя Питонисса¹¹ вздумала посетить его, или злая колдунья хочет сыграть над ним какую-нибудь шутку, начал творить молитвы, креститься и, наконец, запел тихим голосом: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его». Дуэнна приблизилась медленно, и увидя на постели длинную фигуру,

стоящую на ногах, как на ходулях, в желтом атласном одеяле, с пластырем на носу, с усами в бумажках, струсил, начала креститься, уронила свечу, хотела бежать, запуталась в своем длинном платье и упала посреди горницы.

— Чего ты от меня хочешь, привидение? — воскликнул герой. — Если ты — страждущая душа грешника, то объяви мне свою нужду; я все сделаю для тебя, что повелевает мне долг рыцаря и христианина.

— Господин Дон Кишот, — отвечала дуэнна, — это вы? Я вас не узнала; я не страждущая душа грешника, я дуэнна Родрига, пришла объявить вам свое горе и просить вашей помощи.

— Говорите, госпожа Родрига! Я рад вас слушать, только о любви ни слова, какая бы красавица вас ни послала.

— Что вы, господин Дон Кишот, мне ли быть поверенною красавице; я сама еще не старуха: слава Богу, здорова; все зубы мои целы, исключая немногих, которые выпали, Бог знает от чего, так рано; если бы мне заняться любовным вздором, то бы я сама... Но позвольте мне засветить свою свечу; вы узнаете все тайны моего сердца.

Госпожа Родрига, не дожидаясь ответа, вышла из горницы.

Герой, оставшись один, начал размышлять о последних словах престарелой прелестницы.

— Это предвещает, — сказал он, — какое-нибудь новое приключение! Черта не перехитрить; он насылал на меня принцесс, герцогинь, девушек в пятнадцать и шестнадцать лет; теперь вздумал меня пленять старухою, надеясь, что я попадусь скорее в такую западную, которой бояться не буду. Нет, государь мой, вам не удастся! Госпожа Родрига скоро возвратится, я буду с нею один; эта уединенная горница, час полночи, слова ее, все может поколебать мое постоянство; я могу быть слабым на одну минуту! Слабым перед госпожою Родригою? Стоит взглянуть на ее морщины, на ее убор, на ее очки... Сам черт убежал бы от нее в страхе... Ах! Вот как рассуждает обыкновенно гордый! Но излишняя надежда на самого себя губит человека. Будем осторожны, запрем дверь, не пустим сюда госпожу Родригу.

Герой встает и хочет запереть дверь; но в эту самую минуту входит госпожа Родрига с свечою; они сталкиваются лбами; дуэнна отступает на два шага, вытаращив глаза на Дон Кишота, обернутого в свое одеяло, как в саван, и говорит, потупив стыдливо глаза вместе с очками:

— Зачем вы встали, господин рыцарь? Не должна ли я чего-нибудь опасаться?

— И я у вас о том же спрашиваю; могу ли я быть уверен?

— В чем?

— В невинности вашего намерения?

— Что вы говорите!

— Да, госпожа Родрига, как ни рассуждай, но сердце мое не камень, я не железный; мы одни; глубокой мрак покрывает природу, луна блистает на высоте неба, а моя спальня очень похожа на ту спокойную пещеру, в которой Дидона и Эней укрывались от бури¹²: но я вам верю, госпожа Родрига, верю вашим морщинам, вашим очкам и вашей опытности; дайте мне руку в знак того, что ваши мысли чисты, как майское утро.

Герой целует свою руку и подает дуэнне¹³, которая, также поцеловав свою, вкладывает ее в руку рыцаря; потом оба, успокоившись, идут вместе к постели, на которую Дон Кишот ложится, закутавшись одеялом по самые уши, а дуэнна помещается с скромностию в ногах, не снимая очков и не оставляя свечи, и начинает говорить следующее:

— Несмотря на печальную одежду простой дуэнны, в которой вы меня видите, я происхожу от знатной, очень знатной астурийской фамилии¹⁴; мои родители, угнетаемые бедностию, принуждены были отвезти меня в Мадрит и отдать в дом одной знатной госпожи, которой я была приятельницею и смотрела, по дружбе, за ее бельем. Не хвастаясь, скажу, что во всей Испании не найдете такой мастерицы рубить платки и косынки¹⁵, как я. Это дарование было не весьма прибыточно; я была очень бедна, несчастна в своих обстоятельствах, очень рано лишилась отца и матери, думала вечно остаться в девках, как вдруг полюбилась одному конюшему, человеку в летах, не богатому, но также знатному по своему происхождению.

Он полюбил меня, как я сказывала; мое сердце, слишком нежное, не могло не сжалиться, видя его страдания. Мы долго скрывали нашу взаимную любовь, но что на свете может скрываться вечно? Госпожа, моя приятельница, узнала об ней, и любя меня, как душу, для сбережения моей репутации соединила меня с конюшим законным браком. Я скоро после свадьбы родила дочь, которая и теперь жива; девочка вся в меня, умна, хороша, любезна. Скоро потом скончался мой супруг; он умер, простите меня, рыцарь, я и теперь плачу, как дура, вспоминая об этом, он умер от испугу. Бог — судья тем проказникам, которые вздумали так пошутить над ним.

И так я осталась вдовою с малолетнею дочерью, которая начинала уже расцветать, как роза. Герцогиня, у которой я теперь служу, наслышавшись о моем искусстве обрубать платки и косынки, приняла меня себе в услужение. Я вошла к ней в дом вместе с моею Анжелиною; мы жили тихо и скромно, довольствуясь своим маленьким жалованьем. Не знаю, как это случилось; но вдруг моя дочь, моя добронравная Анжелина, которая никогда ни на пядь от меня не отходила, обрюхатела

без всякой причины. Так как ее не очень любили в доме за ее отличную красоту, за ее дарование, то все на нее поднялось страшным образом; заговорили, зашумели; толкам не было конца; госпожа герцогиня, которая всегда последнему верит, сослала мою дочь с глаз долой. Она должна была оставить дом, милостивый государь; теперь живет в Мадрите, без денег, без места, и едва может кормиться трудами своих рук. Имевши удовольствие слышать от вас о таком множестве герцогинь, королев, принцесс, ваших приятельниц, я вздумала, что рыцарь, такой любезный, услужливый, как вы, легко можете найти моей Анжелине место фрейлины при дворе какой-нибудь доброй императрицы: вот за чем я пришла к вам, милостивый государь.

— Я охотно буду ходатаем вашей дочери, госпожа Родрига, если так, как и думаю, честь ее замарана только одною клеветою; но вы согласитесь...

— Ах! Сударь, будьте уверены, что в этом доме все было против моей дочери, все ее не терпели, все ей завидовали, а об женщинах и девушках герцогини говорить нечего: все, как змеи, на нее шипели. Дочь моя был красавица прямо, без всякого обмана: другим о себе этого сказать не можно.

— Что вы под этим разумеете, госпожа Родрига?

— Ах! Господин Дон Кишот, не все то золото, что светится; например, эта блестящая Альтизидора, которая так чванится своею красою, всякий день чернит брови, белится. Сама герцогиня... но я молчу; в наших домах и стены имеют уши.

— Как! Что вы можете сказать о госпоже герцогине?

— Боже мой! Я не говорю ничего, совсем ничего: госпожа герцогиня бела, как снег, румяна, как роза, имеет прекраснейший стан, глаза, каких мало, все это правда; только не надобно думать, чтобы эти прекрасные волосы, которые рассыпаются кудрями по плечам ее, все ей принадлежали: половина выписана из Мадрита; ее белые сияющие зубы также...

В эту минуту дверь отворяется с стуком; госпожа Родрига вздрагивает и роняет свечу; молчание и мрак царствуют в горнице; но вдруг невидимые руки берут дуэнну за шиньон, кладут ее на постель, заворачивают ей юбки и начинают ее сечь. Дон Кишот, слыша удары и тяжелые вздохи госпожи Родриги, угадывал происходившее; но подумав, что опять привидения проказничают, не рассудил вмешиваться не в свое дело и лежал очень покойно под одеялом. Через четверть часа все успокоилось, привидения удалились; госпожа Родрига встала, оправилась, начала шарить по полу, подняла очки и вышла, не сказав ни слова.

ГЛАВА XLII

Санко осматривает свои владения

Мы оставили своего губернатора не весьма веселым. Губернаторство показалось ему тягостным, а пост, который он принужден был выдерживать, не совсем приятным. Управитель, желая развеселить его, сказал, что сам своими руками приготовил для него ужин, который, без сомнения, покажется ему вкусным. Санко вспрыгнул от радости, поцеловал его два раза в лоб, назвал своим лучшим другом и пожаловал первым министром; а за ужином развеселился снова.

— Я не боюсь работы, — говорил он, опустошая одно блюдо за другим, — лишь бы только меня и осла моего не забывали. Этот остров будет мною доволен, только бы мне самому было не скучно. Позволяю о себе говорить все, что придет в голову; пускай судят о моих делах и смотрят на меня во все глаза; человек, которого видят, лучше других; один черт любит прятаться; пчела одна не много сделает меду.

Управитель, который не оставлял Санки и имел случай удивляться уму его, предложил ему после ужина осмотреть остров и показаться своим подданным, которые уже были к нему искренно привязаны.

— Хорошо, хорошо, — сказал Санко. — Мое намерение выгнать из моих владений всех бродяг и ленивцев, которые не хотят или не умеют вырабатывать своего хлеба и вкрадываются в общество, как шмели в улей. Нет, не хочу терпеть духу праздных людей; от них все беды случаются; праздность есть мать пороков, говорит пословица, а все пословицы говорят правду. Буду покровительствовать земледельцам, заставлю почитать христианскую веру; хочу награждать добрых людей и гнать без милосердия плутов и бездельников. Правду ли я говорю, друзья мои? Отвечайте смело; всякий добрый совет приму с удовольствием.

— Мы все должны вам удивляться, — отвечал управитель, — и я уверен, что самые те, которые вас сюда послали, не зная, может быть, истинной цены вашей, будут разделять наше удивление. Но время начать нам свое путешествие; пробило одиннадцать часов.

Санко вышел из дворца с судейским жезлом своим, в провожании секретаря, управителя, историографа, который записывал все его деяния, и множества стражей. В нескольких шагах от его дома услышали шпажный стук; стражи побежали и привели пред губернатора двух человек, которых нашли со шпагами в руках.

— Как смеете вы драться, — спросил Санко сердитым голосом, — разве нет у вас губернатора, который всегда готов оказать вам правосудие?

— Ваше превосходительство, конечно, меня оправдаете, — отвечал один из пойманных, — я вступился за свою честь. Этот господин выиграл больше тысячи червонцев; как выиграл, это знает один Бог, да я. Будучи свидетелем игры, я всегда держал его сторону; он почти все по моей милости выиграл. Что же? Он выходит на улицу, я следую за ним, требую от него наград за свои услуги; он без всякого стыда подает мне четыре реала. Мы, кажется, с ним знакомы; он должен знать, что я не шучу, когда идет дело о чести, что я всю свою жизнь провел между игроками, помогая счастливым, а иногда выводя из беды и несчастных: он мог бы остеречься; поступок его так рассердил меня, что я решился, со шпагою в руке, научить его учтивости и благородству.

— Что ты скажешь на это? — спросил губернатор у другого.

— Ничего; он говорит правду, только напрасно требует от меня денег; я выиграл не по его милости и не дам ему ни больше, ни меньше четырех реалов.

— Ты дашь ему сто, — воскликнул губернатор, — но он ими не будет пользоваться: я беру их на гошпиталь и богадельню, а вы оба должны сверх того заплатить по двести реалов на тюрьмы; потом и ты, и этот господин, который учит людей благородству, будете выведены из моего острова, в который не советую вам возвращаться, если не хотите болтать ногами на прекрасной виселице. Понимаете? Добрый путь. Чтобы мой приговор был немедленно исполнен!

Пять сот реалов были заплачены в минуту. Управителю поручена их раздача, а обоих игроков тотчас вывели из города. Между тем дозор привел молодого человека, который показался подозрительным, потому что спрятался, увидя стражей, и долго им не давался в руки.

— Для чего ты бежал? — спросил Санко.

— Для того, чтобы меня не поймали, — отвечал молодой человек.

— Верю; но куда ты шел в такое время?

— Вперед.

— А не назад? Хорошо! Но за чем?

— Хотел освежиться на чистом воздухе.

— Да! Освежиться на чистом воздухе! Понимаю, а где ты хотел освежиться?

— Там, где есть воздух!

— Очень хорошо! Я примечаю, что ты весельчак, и не знаешь, куда деться. Мой друг! Я найду для тебя верное место, в котором есть и воздух: отведите его в тюрьму; пускай изволит в ней ночевать: утро вечера мудренее!

После многих других встреч, в которых Санко имел случай доказать проницательность и быстроту ума своего, пришли к одному мосту,

за которым стояла караульня. Солдаты построились во фронт и отдали честь губернатору. Четыре офицера вышли к нему навстречу, ведя за собою человека.

— Ваше превосходительство! Очень кстати сюда пожаловали, — сказал один из них, — вы можете решить наше сомнение. Извольте выслушать: мы имеем древний закон, по которому всякий человек, который придет после зари к этому мосту, обязан сказывать под клятвою, куда он идет и за чем. Если он скажет правду, мы его пропускаем без задержки; если солжет, то мы должны его повесить на этой виселице, которую изволите видеть за мостом, на берегу канала. Этот закон известен всем обитателям вашего острова. Человек, которого представляем вам, пришел сюда за несколько минут перед вами; мы остановили его, как водится; спросили, он поднял руку и сказал, что идет за тем, чтобы мы его повесили на той виселице. Если мы его в самом деле повесим, то он сказал правду и не заслуживает смерти; если пропустим его, то он солгал и должен быть повешен. Мы не знаем, что делать! Вам должно решить наше недоумение.

— Черт поberi! — воскликнул Санко. — Это дело — не шутка. Прошу покорно еще раз пересказать мне вашу историю.

Офицер повиновался. Санко слушал внимательно, долго молчал, зажмурив глаза, потирал руками, наконец, сказал:

— Этот человек — дурак. Для чего бы ему не пойти другою дорогою? Но послушайте, государи мои, как бы ни решили этого дела, все наше решение будет противно закону. Если повесим его, он сказал правду, и мы виноваты; если не повесим, он солгал, и мы опять виноваты; что делать? Выбирать! Из двух зол выберем меньшее: будем виноваты, не вреда другому; отпустите его. Если ему так хочется на виселицу, то и без этой найдет много к своим услугам!

Все окружающие осыпали похвалами милосердного Санку. Его отвели во дворец, где он, потрудившись целый день, заснул крепким сном.

ГЛАВА XLIII

Прибытие пажса герцогини в дом Терезы Пансы

Правдивый повествователь Дон Кишотовых подвигов почитает за нужное объявить, что привидения, наказавшие нескромную Родригу, были не иные кто, как герцогинины девушки. Альтизидора, которой сказали об таинственном посещении дуэнны, разбудила своих подруг и вместе с ними подслушала разговор ее с ламанхским героем. Его трагическое заключение известно читателю.

В этот самый день и герцогиня отправила пажа к Терезе с письмом и подарком от ее супруга, приложив от себя записку и тяжелую золотую цепь. Паж, очень довольный комиссиею, сел на лучшую лошадь, поехал и скоро прибыл в деревню. У самой околицы увидел он на берегу ручья девушек, которые мыли белье; приблизился к ним и спросил: где дом Терезы Пансы, которой муж Санко Панса служит оруженосцем у господина Дон Кишота, Ламанхского рыцаря.

— Я дочь ее, — сказала одна из девушек, прекрасная собою, четырнадцати или пятнадцати лет, — этот Санко Панса — мой отец, а этот Дон Кишот наш господин.

— Покорно прошу вас, сударыня, отвести меня к вашей матушке, которой я должен отдать письмо и посылку!

— Ах! Сударь, конечно, от батюшки! Я очень рада; мы давно об нем ничего не слышали! Пойдемте, пойдемте! Наш дом на конце улицы.

Молодая Саншетта в минуту подобрала свое белье и мыло, схватила в руки башмаки и подбежала босиком, с распущенными волосами, к пажу, поклонилась ему проворно и потащила его за собою в деревню, смеясь и прыгая от удовольствия.

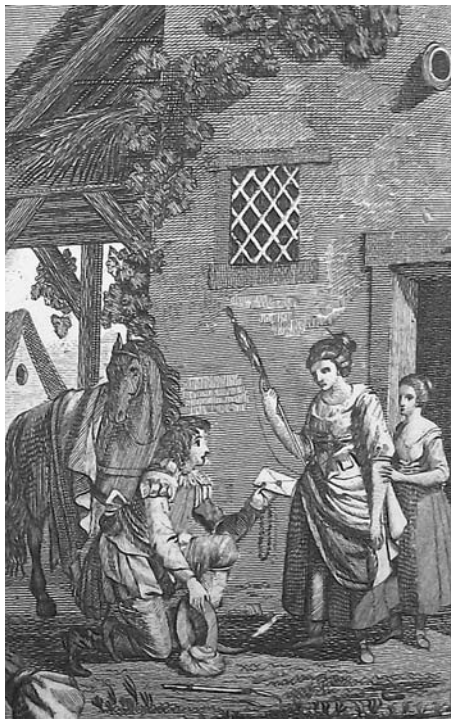
За пятьдесят шагов от дому Саншетта начинает кричать:

— Матушка, матушка! Подите сюда; вот незнакомый господин, который привез вам письмо и подарки от батюшки; подите сюда поскорее.

Тереза выходит к ним навстречу с веретеном в руках, в серой кофте и юбке, очень короткой спереди¹⁶; она была женщина в сорок лет, плотная, смуглая, здоровая и довольно привлекательная лицом.

— Чего тебе надобно, Саншетта, — спросила она, — кто этот господин?

— Я ваш покорный слуга, милостивая государыня, — отвечал паж, скочив с лошади и ставши перед ней на одно колено, — осмелюсь ли поцеловать ручку почтенной супруги его превосходительства Санки Пансы, губернатора на острове Баратарии?

Вы супруга великого губернатора.

— Встаньте, сударь, встаньте; не говорите со мною таким образом; я не госпожа, мой муж не губернатор, мы простые крестьяне!

— Нет, сударыня, я говорю сущую правду! Вы супруга великого губернатора; я послан к вашей особе; вот письма и посылки, адресованные на ваше имя.

Паж подал письма и повесил ей на шею золотую цепь¹⁷.

И дочь, и мать, неподвижные от удивления, посмотрели друг на друга, не говоря ни слова.

— Матушка! — сказала Саншетта. — Видно, господин Дон Кишот сдержал слово и подарил батюшке этот остров, который он обещал ему.

— Так точно, сударыня; остров Баратария дан вашему батюшке по просьбе господина Дон Кишота; в этом письме найдете всему истолкование.

— Ах! Сударь, что нам делать? Я никогда не разбирала писем. Мое дело прясть, а не читать.

— И мое также, — сказала Саншетта, — как жаль, что я грамоте не училась! Побегу к священнику или к господину цирюльнику Николасу; они будут рады известию о батюшке.

— Не трудитесь, сударыня, — сказал паж, — я не умею прясть, но умею читать. Пожалуйте мне письмо.

Он прочел следующее:

«Любезная Тереза! Ваш муж Санко Панса очень мил; за это герцог, супруг мой, сделал его губернатором на одном из наших островов. Он управляет им, как мудрец: все ему удивляются, и я не могла воздержаться, чтобы не сообщить вам такой приятной новости.

Посылаю вам золотую цепь; носите ее из любви ко мне; желала бы вас подарить чем-нибудь получше; со временем мы познакомимся короче, тогда найду случай доказать вам, что люблю вас искренно. Поцелуйте за меня любезную Саншетту; скажите, что я намерена прислать ей жениха, достойного дочери губернатора. Отвечайте мне, пожалуйста; я хочу знать, что с вами делается, что вам нужно; говорите со мною откровенно, не опасаясь ничего; я ваш верный, искренний друг. Между тем прошу вас покорно прислать мне дюжины две желудей, которые, сказывают, у вас отменно вкусны; если получу их от вас, то будут они еще вкуснее. Простите, милая Тереза, желаю вам счастья и доброго здоровья; не забывайте своего друга,

Герцогини».

— Ах, Боже мой! — воскликнула Тереза. — Какая милая, какая добрая герцогиня! Куда годятся перед нею все наши мелкие дворянки, которые, по тому только, что у мужей их есть пара тощих борзых собак, вздергивают носы, стоят в церкви, как какие-нибудь инфанты, и не хотят взглянуть ласково на нашу сестру-крестьянку; а герцогиня, и какая ж герцогиня?.. Самая знатная и богатая? Изволит называть меня другом и обходиться со мною, как с родною. Ах! Дай Бог ей много лет здравствовать! Дай Бог ей прожить сто лет в счастье, в изобилии, дожждаться внуков и правнуков! Скажите мне, сударь, госпожа герцогиня очень любит желуди? О! Я ей пришлю самых лучших целый кузов, сама выберу. Саншетта! Надобно хорошенько накормить этого господина за его добрые вести: отведи лошадь в конюшню; сбегай за яйцами, отрежь хорошенький кусок ветчины, разведи огонь, а я между тем побегу к нашим родным, соседям, к священнику и цирюльнику Николасу, которые все любят твоего отца.

— Хорошо, матушка; но половина этой цепочки моя?

— И! Милая, эта цепочка вся твоя, только дай мне ею несколько дней порадоваться.

— Вы еще не все изволили видеть, — сказал паж, — я привез прекрасный зеленый кафтан для любезной Саншетты: это подарок ее высокого родителя.

— Ах! Какой он добрый, — воскликнула Саншетта, схвативши в руки кафтан и рассматривая его с великим удовольствием.

Между тем госпожа Тереза с письмом и золотой цепью в руках выбежала на улицу; первые попались ей на встречу священник и Караско-бакалавр.

— Здравствуйте, здравствуйте! — сказала она им, улыбаясь. — Я бежала к вам с радостною вестью. Прекрасные дела делаются. Все идет, как нельзя лучше! Слава Богу, вперед эти мелкотравчатые дворянки не станут передо мною топориться, как павы, и у нас есть муж — губернатор!

— Что за вздор ты говоришь, Тереза? — спросил священник. — Какие это бумаги?

— Я говорю не вздор, отец Перес! Эти бумаги не иное что, как письма от одной герцогини и от одного губернатора; а эта золотая цепочка, которая у меня на шее, как видите, есть маленький подарок герцогини, моей приятельницы. Прошу не погневаться!

Священник удивился, увидя прекрасную цепь; начал читать письма вслух; а Караско при каждом слове поглядывал на него с недоумением, не веря ушам и глазам своим. Помолчав, они спросили:

— Кто привез это письмо?

— Подите ко мне, — сказала Тереза, — у меня увидите прекрасного господина, который отправлен ко мне с посольством.

— Пойдем! — отвечал Караско. — Я рад видеть посла этой герцогини, которая дарит тебя золотою цепью, а от тебя просит дубовых желудей.

Пошли в дом Терезы и увидели на дворе пажа, которой насыпал корм своей лошади. Саншетта между тем хлопотала о яичнице. Богатая одежда и вид посланника удивили их; они поклонились ему и спросили с учтивостию, что значило это посольство, эти письма и эти подарки?

— Милостивые государи! Все, заключающееся в письмах, совершенная правда; я боюсь, что господин Санко Панса есть точно губернатор и, как слышно, отправляет свою должность с великою мудростию. Не могу наверно сказать, на острове ли город, ему принадлежащий, или на твердой земле; я его не видал и худо знаю географию.

— Но эта герцогиня, сударь, которая пишет к Терезе?

— Эта герцогиня есть настоящая герцогиня, супруга герцога, моего господина. Если вы удивляетесь ее благосклонности и учтивству, то это заставит меня думать, что наши кастильские дамы учтивее и ласковее ваших арагонских.

— Однако вы позвольте нам почесть этот случай несколько удивительным и спросить у вас, нет ли здесь такого же очарования, какое замешано во всех приключениях Дон Кишота?

— Понимаю вас, сударь; но будьте уверены, что в этих письмах нет ни одного слова, которое бы не было совершенно истинным.

— Конечно, так, без всякого сомнения, — воскликнула Тереза, — говорить нечего! Все ваши вопросы лишние! Не извольте беспокоить этого прекрасного господина! Подумаем о важных вещах! Скажите, господин священник, не едет ли кто из деревни в Толеду или Мадрит: надобно мне купить прекрасное платье, кружевной головной убор, словом, все, что нужно для жены губернатора. О! Я не хочу оштрамить своего мужа; поеду к нему в карете, как знатная дама. Если об этом заговорят, нужды нет, пускай говорят; на язык нет пошлости!

— Ваша правда, матушка, — прибавила Саншетта, — пускай говорят, что им угодно. Плюнем на них! В пословице сказано: собака лает, ветер носит; если станут смеяться, мы сами посмеемся; смех завистников не худое дело; пускай нам завидуют, только бы о нас не жалели; тот и господин, кто все может сделать один; коза на горе выше коровы в поле.

— Удивительное дело, — сказала священник, — все это семейство Пансов родится на свет с пословицами!

— Ваш правда, государь мой, — отвечал паж, — родитель прекрасной Саншетты говорит много пословиц, и наша герцогиня почитает за великое удовольствие с ним разговаривать.

— Желал бы узнать эту герцогиню, — сказал бакалавр Караско.

— Это зависит от вас, — продолжал паж, — поедemте вместе со мною.

— Я поеду с вами, — воскликнула Саншетта, — мне очень хочется видеть батюшку и очень будет весело ехать с таким прекрасным товарищем, как вы! Посадите меня с собою на лошадь, я умею держаться на седле и не упаду никак.

Паж представил ей, что неприлично такой знатной девушке, как она, ездить верхом, и еще одной с мужчиною. Тереза с ним согласилась. Между тем Саншетта не успела приготовить своей яичницы, священник позвал пажа к себе; он несколько времени отговаривался, наконец, согласился. Во время его отсутствия Тереза старалась приготовить ответ на оба письма. Караско хотел быть ее секретарем; но Тереза ему отказала, говоря, что он слишком любит смеяться; пономарь за пяток яиц написал ей обе эпистолы.

ГЛАВА XLIV

Возвращение пажа

Между тем наш губернатор приводил на своем острове в порядок полицию; ходил по рынкам, осматривал весы, меры и строго наказывал купцов-обманщиков. Он запретил собирать в запасные магазейны хлеб и потом продавать его по частям; положил смертную казнь за примес воды в вино; уменьшил цену башмаков; назначил настоящую плату наемным служителям; выгнал из города публичных песельников, которые увеселяли народ непристойными песнями; определил смотрителей над бедными, не для их притеснения, но для их пользы; словом, сделал такие полезные учреждения, которые и поныне еще в действии и называются кодексом великого губернатора Санки Пансы.

Дон Кишот между тем, излечившись от ран своих, начинал скучать праздною жизнью в доме герцога и находил ее не достойною рыцаря. Он вздыхал о счастливом времени своего отъезда, готовил свои прощальные приветствия и мало-помалу снаряжался в поход; между тем посланный к Терезе паж прибыл из деревни с ее ответом и подарками. Все обрадовались его возвращению, все начали его расспрашивать, и благоразумный паж, в присутствии Дон Кишота, сказал только то, что должно было сказывать. Он с важным видом подал свои депеши. На одном конверте было написано: «Госпоже герцогине, кото-

рой имени я не знаю». На другом: «Моему мужу Санке Пансе, губернатору на острове Баратарии, где желаю ему пробить подолее». Герцогиня прочла следующее:

Письмо Терезы к герцогине

Милостивая государыня!

Ваше прекрасное письмо очень меня обрадовало, а подарок еще больше. Вся наша деревня в великом удовольствии от того, что вы изволили пожаловать остров моему мужу. Есть люди, которые не хотят этому верить, например, господин священник, наш цирюльник Николас, бакалавр Самсон Караско и им подобные; пускай они говорят, что им угодно, а у меня есть золотая цепочка и прекрасный зеленый полевой кафтан, на которые они очень зарятся.

Признаюсь вам, сударыня, мне вздумалось сесть в карету и ехать ко двору с моею дочерью; не худо, если прикажете моему губернатору, прислать мне на дорогу денег, которые очень в нашей стороне нужны. Хлеб дорог, а мясо по тридцати мараведисов фунт. Мне очень к вам хочется. Люди говорят, что всякий губернатор женою красен: надобно, чтобы и я поскорее украсила своего губернатора.

Жаль очень, что желуди нынешний год не уродились; несмотря на это, я набрала полкузова самых лучших, которые извольте кушать на здоровье. Все сорваны моею рукою один по одному; желала бы, чтоб они были крупнее гусиных яиц.

Прошу покорно вашу светлость писать ко мне почаще. Я буду отвечать вам на всякое письмо и описывать все, что у нас в деревне делается. Саншетта, моя дочь и моя малютка, целует у вас ножки; а я вас так люблю, так люблю, что этого пером написать не можно.

*Ваша услужница
Тереза Панса.*

Герцогиня, довольная ответом Терезы, очень хотела прочесть письмо ее к Санке, но не смела. Дон Кишот это заметил, тотчас распечатал пакет и подал письмо герцогине. Она прочла следующее:

«Я получила твое письмо, мой добрый Санко, и чуть не сошла с ума от радости. Вообрази, каково это узнать в одно время, что ты губернатор, получить от тебя прекрасный зеленый кафтан, богатую золотую цепочку от госпожи герцогини, и все это из рук такого красавца, какого я еще родясь не видывала! Я едва не помешалась: твоя Саншетта избегалась, как угорелая, от радости.

Ты нынче губернатор, и так больше не будешь пасти коз! Правду говорила моя покойная бабушка: поживи на свете, много чудес увидишь. Поживем на свете, поглядим чудес, из которых не последнее был бы добрый мешочек червонцев, который советую тебе прислать мне пополам с Саншеттою, когда получишь доходы с своего острова.

Я тебе скажу новость. Соседка Беруэка выдала дочь за славного чужестранного живописца, который поселился в нашей деревне. Наши выборные хотели воспользоваться его приездом и переменить королевский герб на вывеске питейного дома. Живописец потребовал двух червонцев за работу, трудился целые восемь дней, наконец, отдал деньги назад, говоря, что работа слишком трудна. Сын Петра Волка¹⁸ постригся; маленькая Мингвилла¹⁹ пожаловалась на него в суду, уверяя, что он дал ей слово на ней жениться. Добрые люди, насмешники, не то говорят; все это не сделало наших оливок лучше, все посохли; а в целом нашем околотке нет ни капли уксусу.

Через нашу деревню прошли солдаты, которые увели с собою трех девок. Я их не называю по имени; они могут воротиться; несколько времени поговорят об этом, потом перестанут говорить. Саншетта начинает изрядно плести кружево и вырабатывает в день по осьми мараведисов; но теперь она губернаторская дочь; можно ей успокоиться, и без труда получит хорошее приданое. Колодезь на площади совсем высох, а виселицу разбило громом: эта беда не велика. Прости, мой добрый Санко, Бог с тобою; живи порядочно, тихо, скромно. Я все люблю тебя по-прежнему.

*Твоя жена
Тереза Панса.*

К сим ответам приложен был маленький кузовок желудей и прекрасный сыр для герцогини. Она приняла подарки с видом чувствительнейшей благодарности и увела с собою пажа, желая расспросить его о всем подробнее.

ГЛАВА XLV

Славный конец губернаторства Санки Пансы

Нет постоянства и прочности на земном шаре! Время летит, не останавливаясь ни на минуту, и все беспрестанно разрушается. Лето заменяет весну, осень — лето, зима — осень; все проходит, все возобнов-

ляется, выключая человека, который, один раз увянув, увядает навеки. Такими печальными размышлениями начинает мудрый Бененжели сию главу. Поблагодарим его, читатели, он хочет приготовить нас к самому горестному зрелищу. Мы увидим, как счастливое правление Санки, сей образец мудрости, проницательности, благоразумия, правдивости, исчезло, как дым, обратилось в ничто.

Семь дней прошло с тех пор, как великий Санко принял жезл губернаторства. Усталый, утомленный делами, тяжбами, учреждениями, законами, он хотел воспользоваться тишиною ночи и начинал уже предаваться сладкому сну, как вдруг ужасный шум в городе, набат, крик и звук оружий разбудили его и принудили поспешно вскочить с постели. Шум увеличивается: трубы, барабаны, военные инструменты смешиваются с воплями, с набатом и шумом. Санко, в страхе, в недоумении, забывает надеть исподницы и бежит босиком к дверям своей спальни. Двадцать человек с обнаженными шпагами, с факелами бегут к нему навстречу, восклицая:

— К ружью! К ружью! Неприятель в городе! Господин губернатор, мы погибли! Вся наша надежда — на ваше мужество!

Санко смотрит на них в молчании.

— Вооружитесь, ваше превосходительство, — продолжают они, — вооружитесь скорее, или мы все пропали!

— На что мне вооружиться! От этого не будет вам ни прибыли, ни убыли: война не мое дело! Позовите господина Дон Кишота, он вам ощиplt этих господ, как цыплят, а я, повторяю еще раз, не умею воевать с неприятелем.

— Что вы говорите, ваше превосходительство! Вы — наш полководец, наш повелитель, наш герой! Мы принесли вам оружия наступательные и оборонительные. Поспешите вооружиться! Пускай всякий здесь исполняет свою должность! Вы ведите нас к победе; мы пойдём умереть за вас или победим вместе с вами!

— Хорошо! Наряжайте меня, если вам этого так хочется.

На губернатора накладывают сверх рубашки два огромных щита, один спереди, другой сзади, и связывают их крепко-накрепко, оставив только место для рук и ног и для головы. Санко не мог пошевелиться и казался настоящею черепахою, стоял прямо, неподвижно, как веретено. Ему подают копьё, на которое он опирается, и восклицают все в один голос:

— Пойдем! Веди нас, герой неустрашимый!

— Куда мне вас вести? Я сам не могу двинуться с места; меня так ждали, что я едва могу переводить дух: я готов вести вас, если вы меня понесете. Поставьте меня там, где вам надобно, я не сойду с места.

— Ах, ваше превосходительство! Эти щиты не могут мешать вам! Храбрые люди не должны знать помешательства; но время проходит, опасность увеличивается! Пойдем, побежим! За нами, господин полководец!

Санко, тронутый сим упреком, хотел идти, но запнулся за копье, упал на спину и остался на месте, как лодка, выброшенная на песок бурею. Некоторые проказники притворились, будто его не видали, загасили факелы, закричали, затопали, начали бегать взад и вперед по горнице, стуча шпагами и щитами. Санко потел, кряхтел, сжимался, прятал голову под щиты и читал про себя отходную. Этого не довольно: один из воинов вздумал стать на губернатора и начал командовать с него другими, крича:

— Бегите сюда, неприятель здесь! Заложите двери! Загородите этот проход! Пороху, смолы, вару! Проворнее, друзья! Все хорошо! Слава Богу!

— Только не для меня, — говорил бедный Санко, которому трудно было держать на себе этого крикуна. — О! Только бы прогнать этих неприятелей, я — покорный слуга острову! Оставайся он, проклятый!

В эту минуту раздались восклицания:

— Победа! Победа! Они бегут! Встаньте, господин губернатор, спешите насладиться торжеством своим! Мы победили, благодаря вашему мужеству!

— Если хотите, чтобы я встал, — отвечал печальный Санко, — то подымите меня.

Его поставили на ноги.

— Ох! Я очень рад, что неприятели побиты! Дельно им! Я их не трогал. Дайте мне ради Бога стакан вина, я уступаю за него свою часть добычи!

Побежали за вином; сняли с него тяжелые щиты и положили его в постель, где он насилу пришел в память. Успокоившись немного, он спросил:

— Который час?

— Заря занимается, — отвечали ему.

Он встал, не говоря ни слова, оделся, пошел молча в конюшню, куда весь двор за ним последовал; там, увидевши своего осла, взял его обеими руками за голову, поцеловал в лоб, посмотрел на него со слезами и сказал:

— Друг мой, товарищ мой! Пока мы были вместе, пока я был доволен своею участью, не думал ни о чем, не помнил о завтрашнем дне, по тех пор я был счастлив; часы, дни и годы проходили для меня, как один веселый миг; но с тех пор, как я познакомился с гордостью, с тще-

славием и знатностию, сердце мое лишилось покоя, тоска и горе меня изнурили.

Он берет свое седло и узду, седлает осла, садится на него и, посмотрев на управителя, на секретаря и на доктора Педро Речио, которые его окружали, говорит:

— Дайте мне, государи мои, дорогу; я возвращаюсь на старое свое место; хочу жить по-старому, свободно и весело; я не рожден управлять островами и защищать их от неприятелей. Мое дело — пахать землю, обрезать виноград, а не писать законы и драться. Петру Апостолу хорошо в Риме; всякому человеку на своем месте. Судейский жезл тяжеле серпа и косы. Лучше есть черный хлеб, нежели быть под прищотом у лекаря-душегубца. Лучше хочу спать на голой земле, под дубом, нежели мучиться бессонницею на атласной постели, под шелковым занавесом. Бедность, покой, свобода: вот настоящее счастье! Простите, господа, ваш покорный слуга! Я голый к вам пришел, голый от вас и ухожу. Сделавшись губернатором, я не имел ни копейки в кармане и теперь ни копейки не имею; желаю, чтобы все ваши губернаторы то же о себе сказать могли. Простите, мне пора ехать и полечиться, потому что у меня все бока переломаны, благодаря господам неприятелям, которые вчера целый вечер прогуливались по моему телу.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, — сказал доктор Педро Речио, — я дам вам капли, которые в минуту вас вылечат; а впредь буду позволять вам кушать все то, что вам не может быть вредно.

— Благодарен, очень благодарен вашему докторству; но теперь поздно; ваши сладкие слова и капли меня не прельстят: я не хочу ни капель, ни губернаторства; я теперь пуганая ворона; я из фамилии Пансов, которые все упрямы и настойчивы; как скоро скажут «нет», сам черт не принудит их сказать «да»! Добрая ночь! Добрая ночь! Муравей захотел полетать и был бы склеван ласточками, когда бы не покинул своих крыльев, и я вам оставляю свои муравьиные крылья; не хочу летать, пойду по земле, это не так опасно. Овце с волками худо жить! По одежке протягивай ножки! Счастливо вам оставаться!

— Мы не будем удерживать вашего превосходительства, — сказал управитель, — хотя все искренно об вас сожалеем; но у нас есть старый обычай, следуя которому всякий губернатор, оставляя остров, дает отчет в своем правлении: вы, конечно, не захотите преступить этого закона.

— Государь мой! — отвечал Санко. — Я не дам отчета никому, кроме его светлости самого герцога; он будет меня судить; к тому ж я сказал, что не пользовался ни копейкою; вы сами были свидетелем моей честности.

— Великий Санко изволит говорить правду, — воскликнул доктор Педро Речио, — пожалеем об нем и дадим ему волю ехать.

Доктора послушались. Губернатору предложили все нужное для дороги; скромный Санко взял пригоршню овса для своего друга осла и кусок черного хлеба с сыром для себя. Простившись со всеми, поплавав немного, он отправился в путь и оставил насмешников, которые так его мучили, удивленных его неожиданным поступком и глубокою мудростию.

ГЛАВА XLVI

Что приключилось Санке дорогою

Санко, веселый и печальный, ехал шагом и воображал, как ему будет приятно увидеться с своим господином, которого он любил больше всякого губернаторства. Проехав около половины дороги, он остановился в лесу, дал корму своему ослу и начал с большим аппетитом обедать; покушал, заснул и в тихом сне забыл о своем острове.

Бедный Санко, утомленный трудами прошедшей ночи, проспал до самой вечерней зари; проснувшись, отправился опять в свой путь, и ночь застигла его в двух верстах от замка. К совершенному несчастью, осел его свернул с дороги, оступился и упал вместе с седоком в глубокий ров, находившийся близ развалин одного старого замка. Оруженосец, летя вниз, думал, что сломит голову и разобьется на мелкие части; но он каким-то чудом очутился на дне рва в прежнем своем положении, то есть верхом на осле, начал себя ущупывать, дуть себе на руку, желая узнать, точно ли он был жив, и наконец уверившись, что он невредим и нигде не ушибен, поблагодарил Бога; потом принялся ошаривать руками ров, желая найти выход; но земля, скрытая перпендикулярно, везде представляла ему голую, прямую стену. Он очень опечалился; но печаль его удвоилась, когда осел его, несколько ушибенный своим прыжком, замычал жалобным тоном.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Санко. — Сколько бед на сем свете! Кто бы подумал, что губернатор, окруженный поутру министрами, стражами, служителями, мог очутиться ввечеру в глубокой яме, один с ослом, без всякой помощи! Если бы, по крайней мере, со мной случилось здесь то же, что с господином Дон Кишотом в Монтесиноской пещере, где он нашел накрытый стол, красавиц и многое множество чудес, но здесь, видно, живут одни змеи и жабы! Ах, бедный друг мой осел! Пришло нам умирать с голоду! Мы погребены живые; фортуна не хочет, чтобы мы умерли спокойно на своей родине, между род-

ными и друзьями, которые бы закрыли нам глаза и об нас поплакали. Прости меня, товарищ! Худая тебе заплата за все твои труды и услуги! Я не виноват! Поверь, что видеть тебя умирающего для меня тяжелее, нежели самому умирать.

Ночь прошла; оруженосец охал и до самого утра не смыкал своих глаз. Заря занялась, и Санко уверился, что не было совершенно никакого выхода из ямы. Он начал кричать, надеясь, что какой-нибудь путешественник его услышит; но ни один путешественник его не слышал: Санко кричал в пустыне. Уверясь, что ему скоро должно умереть, губернатор не захотел продолжить печального остатка дней своих и беречь свой хлеб: он подает его ослу, который лежал на земле, опустя уши; осел поглядел на хлеб печально и начал кушать его с великим аппетитом. Правду говорят люди, что за обедом забываешь самые жестокие огорчения! В сию минуту Санко заметил в стене рва нечто, похожее на впадину, в которой мог поместиться человек; он бежит к ней, влезает в отверстие и видит перед собою длинный подземный ход, а на конце его свет; возвращается к ослу, берет его за повод, раскапывает руками впадину и входит с ним в подземелье. «Это приключение, — говорит он про себя, — годится больше для моего рыцаря, нежели для меня! Он бы нашел в этой норе прекрасные луга, зеленые сады, стеклянные замки, от которых также светится, как от солнца; он бы обрадовался этому вздору, как Бог знает чему; но я боюсь, как бы не попасться в другую яму, которая глубже первой! Чудно будет, если останусь при том, что со мною случилось: несчастье одно не приходит!»

Он шел вперед и прошел более полуверсты, не видя конца подземелью. Сид Гамед Бененжели оставляет его в этом незавидном положении и возвращается к Дон Кишоту.

Герой наш, утомленный продолжительным бездействием, думал, как мы сказывали, об отъезде из замка. В сих мыслях он всякое утро проезжался на бодром Рыжаке по окрестностям замка, желая промять его и приготовить к новому путешествию. В этот гибельный день он доехал до самой ямы, в которую бы, конечно, упал, когда бы не держал поводов своего Буцефала. Рыжак остановился; рыцарь начал рассматривать пещеру, как вдруг услышал голос, который говорил следующее: «Нет ли здесь кого? Помогите, добрые люди, бедному губернатору, который попал в яму!» Дон Кишот вслушался: «Голос моего оруженосца, — подумал он и воскликнул, — кто здесь? Отвечай!»

— Эх! Кому быть, кроме Санки, губернатора, за свои грехи на острове Баратарии, служившего в старину оруженосцем славному рыцарю Дон Кишоту!

Рыцарь изумился чрезвычайно, вообразил, что Санко умер и что душа его пришла опять на землю и требовала молитвы.

— Друг мой! — сказал он. — Если ты теперь в чистилище, то скажи, что я должен делать для утolenия твоих страданий? Я верный католик; мое первое старание — помогать несчастным.

— Если так, господин Дон Кишот, то жальтесь над бедным своим оруженосцем Санкою, который не в чистилище, который не умер, который бросил свое губернаторство для добрых причин и попал в эту яму вместе с своим ослом, который сам здесь своею персоною и может засвидетельствовать вам истину сказанного.

Осел, как нарочно, заревел изо всей мочи.

— Теперь верю, — сказал растроганный рыцарь, — я узнаю вас обоих. погоди, мой друг, позову к тебе на помощь людей из замка.

Он дает шпоры Рыжаку и скачет в замок, где рассказывает герцогу и герцогине о несчастье, приключившемся оруженосцу; они тотчас послали людей с веревками и рычагами к подземелью, которое давно было известно в околоте. Санку и осла вытащили. Один насмешник, видя оруженосца, бледного, дрожащего, полумертвого, сказал:

— Такого конца желаю всем худым губернаторам.

— Дружок! — отвечал Санко. — Мое губернаторство продолжалось не более семи дней, а в это время негодяи-лекари успели меня уморить с голоду, неприятели измять мне бока, и я не воспользовался ни копейкою. Надобно было ожидать не такой награды; но человек думает, Бог располагает, а глупцы болтают; не надобно им мешать, пускай говорят, что им угодно: лейся ручей, я не буду пить воды твоей!

Приехали в замок. Санко, окруженный толпою народа, подошел к герцогу, который дожидался его в галерее с герцогинею, и стал перед ним на колена.

— Ваша светлость без всякой заслуги изволили наградить меня губернаторством: я отправлял свою должность, как мог; пускай об этом говорят очевидцы; верно только то, что я переменил множество старых законов, написал множество новых, решил несколько дел, и все натошак, благодаря господину доктору Педро Речио, Тиртео Фуэрскому уроженцу, бездельнику и душегубцу, которому дают жалованье за то, чтобы он морил губернаторов. Ночью вошли в город неприятели; все говорят, что я их победил; я на это согласен, и дай Бог, чтобы люди мне самому столько сделали зла, сколько я им сделал. Между тем как их бил так немилосердо, пришло мне в голову, что быть губернатором тяжело и что эта ноша не по моим плечам. И так я решился оставить губернаторство прежде, нежели оно меня оставило. Вчера поутру я простился с островом, который в добром здоровье таков же, каков был прежде,

с прежними людьми, улицами и домами. Я выехал из него с пустым карманом и с одним ослом, который вместе со мною попал в яму, где бы нам быть по сию пору, если бы господин Дон Кишот не подоспел к нам на помощь. Итак, ваша светлость, госпожа прекрасная герцогиня! Ваш губернатор сделался опять просто Санкою; он целует ваши ножки и отказывается от губернаторства. Бог с ним, я его покорный слуга; хочу опять служить своему доброму рыцарю, с которым, несмотря на некоторые небольшие несчастья, мне весело, сытно и спокойно.

Санко замолчал. Дон Кишот улыбнулся, а герцог обнял очень мило оруженосца, говоря, что очень жалеет о потере такого достойного губернатора, и обещая дать ему место не столь трудное, но больше выгодное. Герцогиня также обняла старинного своего друга и велела дворецкому накормить его получше для рассеяния его меланхолии.

ГЛАВА XLVII

Дон Кишот оставляет герцогский замок

Герой наш, внутренне радуясь возвращению своего товарища, решился немедленно отправиться в дорогу. Роскошь и бездействие давно ему надоели. Он объявил о своем намерении герцогу и герцогине, назначив следующее утро для своего отъезда. Его не смели унижать, но весьма о нем сожалели. Герцогиня сама прочла Санке письмо от Терезы, которого он не мог без слез слышать.

— Ах! — сказал он. — Кто бы мог подумать, что все прекрасные надежды моей жены кончатся тем, что я опять отправлюсь странствовать с своим господином по белому свету? Я, по крайней мере, тому рад, что Тереза прислала госпоже герцогине желудей; она бы очень худо поступила, когда бы этого не сделала, и я бы никогда не простил ей такой глупости: часто и малый подарок означает большую благодарность.

Герцогиня, тронутая добросердечием Санки, приказала ему со всяким требованием к ней относиться, а ламанхскому рыцарю желала славы и счастья.

На другой день герой, с ног до головы вооруженный, верхом на Рыжаке, явился на дворе замка. Оруженосец ехал за ним и казался очень веселым. Этому веселью была маленькая причина: управитель отдал ему от имени герцогини кошелек с двумястами золотых ефимков, который Санко поцеловал и положил за пазуху. Все жители замка вышли на террасу, на крыльца и балконы; кланялись героям, желали им счастливого пути. Герцогиня, окруженная своими женщинами,

простирала к ним объятия; все было в унынии. Вдруг молодая Альтизидора является у окна с растрепанными волосами, с бледным лицом, устремляет на рыцаря нежные страстные взоры и начинает петь следующее:

*Прости, герой! Прости, любезный!
Беги, оставь сии края!
О страшный час разлуки слезной!
С тобою жизнь теряю я!*

*Прошли минуты наслаждений!
Уж боле счастья не видать!
О время сладких восхищений!
Придешь ли ты когда опять?*

*Ах нет! Не буду веселиться
Ничем уж в бедной жизни сей!
Навек с ним должно разлучиться,
Но он не зрит любви моей!*

*Не зрит сердечного терзанья!
Любовь героя не смягчит!
С холодностью, без состраданья
Меня покинуть он спешит!*

*Покинь меня, покинь, жестокий!
Погибели моей творец!
Мое спокойство не далеко!
Увы, страданьям смерть конец!²⁰*

Альтизидора падает без чувств на руки своей подруги; Дон Кишот во все время пения стоял, как вкопанный, не говоря ни слова, потупив голову; наконец увидя, что несчастная любовница лишилась чувств, пожал плечми, поглядел на небо и приготовился ехать, как вдруг приближается к нему герцог и говорит:

— Почтенный рыцарь! Ваше посещение было для меня весьма приятно; но я не воображал, чтобы оно могло иметь такие дурные следствия, чтобы вы, в воздаяние за мою дружбу, вздумали уморить молодую девушку в моем замке. Признаюсь, что я почитаю за долг, с копьем в руках, потребовать от вас удовлетворения несчастной Альтизидоре.

— Боже избави меня, — отвечал герой, — от поединка с таким рыцарем, которого почитаю и люблю, как своего благодетеля! Я не могу забыть того, чем вам обязан; не забудьте ж и вы, чтобы я забыл влады-

чицу моих мыслей. Жалею об Альтизидоре, но больше ничего не могу для нее сделать. Выпустите меня из сего места с моею прежнею чистою невинностию.

— Бог с тобою, — воскликнула герцогиня, — феникс любовников, пример постоянства и верности! Возвратись к твоей красавице, достойной такого нежного сердца. Желаю, желаю, чтобы очарование ее скоро было разрушено рукою мудрого Санки! Да наградит она тебя с избытком за все, что ты для нее делаешь.

Дон Кишот низко поклонился, вздохнув, ударил Рыжака, выехал из ворот и вместе с оруженосцем пустился по Сарагосской дороге.

ГЛАВА XLVIII

Приключение за приключением

Герой, увидя себя на открытом поле, свободным по-прежнему, почувствовал в душе своей новую силу, новое необыкновенное мужество и сказал оруженосцу:

— Друг мой! На свете одно только благо, достойное исканий, трудов и любви человека: свобода! Все сокровища, в земле и в глубине морской сокрытые, все наслаждения фортуны, все удовольствия роскоши не могут сравниться с сею драгоценною свободою, за которую человек мыслящий всегда готов принести в жертву и кровь, и жизнь свою. Я сказываю тебе это с намерением; хочу, чтобы то, что теперь услышишь от меня, тебя не удивило и было для тебя понятно. Послушай: ты видел, как меня принимали, как угощали, какое мне почтение оказывали в этом замке; видел его пышность и великолепие: что же, мой друг, на сих блестящих праздниках, где множество разнообразных и вкусных яств одно за другим следовали, где самое лучшее вино пенилось в кубках, ничто не пленяло моего вкуса, ничто не возбуждало моих желаний; я был не свободен, я был в подчиненности у обладателей сих несметных сокровищ, которыми я пользовался, и благодарность, нетягостная для моего сердца, казалась цепью моему рассудку. О! Как он счастлив, сей трудолюбивый человек, который спокойно вырабатывает хлеб свой, не зная другого благодетеля, кроме неба!

— Милостивый государь! — отвечал оруженосец. — Может быть, вы говорите правду; но я думаю, мне позволено радоваться немного тому, что управитель госпожи герцогини дал мне от ее имени двести золотых ефимков в прекрасном кошельке, который я ношу на желудке вместо очистительного, крепительного, промывательного и всякого лекарства. Вы можете успокоиться насчет прекрасных замков, в которых нас

так хорошо угощают: они не часто нам попадаются, а много на свете таких постоянных дворов, на которых бьют и рыцарей, и оруженосцев. Но переменим материю, поговорим об этой Альтизидоре, которая теперь, конечно, уже отдала Богу свою душу. Правду сказать, вы были слишком безжалостны; я бы на вашем месте не отказался от такой красавицы. Вы, сударь, непонятный человек, а еще для меня непонятнее, как могла эта девка в вас влюбиться и умереть от такой сумасбродной любви. Если посмотришь на вас, то никак этому не поверишь: вы не красавец, сударь, а я слышал от старых людей, что любовь начинается с глаз.

— Я согласен, Санко, что красота производит любовь; но два рода красоты: телесная и душевная. Последняя состоит в очаровательном соединении добродетелей ума, обходительности, учтивости, которые не всегда бывают вместе с красотой лица; но она, несмотря на это, имеет свою цену; она сохраняет любовь и дает ей новую силу: теперь понятна ли тебе любовь Альтизидоры?

В таких разговорах наши путешественники приближались к густому лесу. Вдруг рыцарь попал в зеленую шелковую сеть, искусно между деревьев расставленную.

— Санко, — воскликнул он, — или я грубо ошибаюсь, или нам надобно ожидать удивительнейшего из всех приключений. Очарователи, конечно, вздумали поймать меня в сеть, как птицу; прекрасная выдумка! Я докажу им, что они дураки.

Он обнажает меч и хочет разрубить сети; но в эту минуту являются две молодые пастушки необыкновенной красоты: светло-русые волосы рассыпались небрежно по их плечам; на головах их лежали венки из лавров и амарантов, и каждая была постарее пятнадцати или шестнадцати лет.

— Остановитесь, рыцарь, — сказала одна из них, — не разрывайте сетей, которые были не для вас расставлены. Наши невинные удовольствия никому не вредны; здесь в лесу, в палатках найдете вы несколько счастливых семейств, которые всякий год в это время года сюда переселяются из ближнего города; здесь супруги, родные, друзья, сами старики, одетые в пастушеское платье, наслаждаются счастьем Золотого века. Мы гуляем в здешних рощах, по лугам, по долинам, читаем на берегу светлых ручьев прекрасные эклоги и Камоэнса²¹; иногда сами представляем сцены, в них описанные, и наслаждаемся в одно время красотами природы, очарованием поэзии и сладостию дружбы. Вчера для разнообразий в удовольствиях мы вздумали ловить птиц и расставили сети. Придите в наше приятное жилище; мы будем угощать вас с искренним удовольствием в своей Аркадии.

Он обнажает меч и хочет разрубить сети, но в эту минуту являются две молодые пастушки.

— Милостивые государыни, — отвечал рыцарь, — я ручаюсь, что молодой Актеон²², увидя богиню лесов, окруженную нимфами, не так удивился, как я, увидя вас. Ваши слова, приветствия, любезность и учтивые предложения производят в душе моей неизъяснимо приятное чувство. Нет, я не разрушу орудия ваших удовольствий; и если бы ваши сети покрывали всю землю, то я и тогда не решился бы их разорять, и стал бы искать другого мира для выхода. Эти выражения, которые могли бы показаться несколько пышными и натянутыми в устах всякого другого человека, не иное что, как самое простое излияние чувств моих. Вы должны знать, что я рыцарь Дон Кишот Ламанхский.

— Ах, моя милая, — воскликнула одна девушка, — какое счастье!

Это самый тот рыцарь, которого все называют примером добродетели, учтивости и верности. Я читала, я знаю наизусть его удивительную историю и готова биться об заклад, что этот человек, который стоит за ним, есть Санко Панса, умнейший и приятнейший из оруженосцев.

— Вы угадали, сударыня, — сказал Санко, — я точно я, а это мой господин.

— Милая, — продолжала пастушка, — уговорим этих любезных путешественников к нам заехать. Наши родные и наши подружки будут обрадованы их прибытием. Кто не пожелает видеть знаменитого любовника этой Дульцинеи, которая в красоте не имеет подобной.

— Теперь имеет, — отвечал рыцарь с улыбкою, — но я, по несчастью, не могу воспользоваться вашею благосклонностию; я должен ехать: праздность противна моему званию.

В эту минуту приходят пастухи, братья и друзья пастушек. Узнавши от них об имени незнакомца, которого великие деяния были им известны, они присоединили к их просьбам свои, и рыцарь, наконец, согласился у них отобедать.

Между тем началась ловля птиц; множество испуганных криком попались в сети; пастухи и пастушки сбежались толпою, окружили Дон Кишота. Он сделался предметом общего внимания, развеселился, начал говорить, шутить и всех удивил своею любезностию.

Повели его в палатки; стол был готов, кушанье поставлено; посадили его в первое место. Санко стал за ним; все было весело, шумело, смеялось. Дон Кишот был любезен, приятен; время летело; доверенность, откровенность присутствовали при разговорах.

Один из пастухов сказал рыцарю:

— Позвольте мне признаться, что я не очень доволен второю частию вашей истории, изданною каким-то аррагонцем²³. Этот человек кажется вашим завистником; он, верно, надеялся своею глупою баснею очернить вашу репутацию. В его книге совсем обезображен ваш характер. Он заставляет вас говорить плоскости и утверждает, будто вы перестали обожать несравненную Дульцинею.

— Клевета! — воскликнул герой, побледнев от гнева. — Тот, кто осмелился сказать такую небылицу, есть безумный лжец и враль! Я готов ему доказать это с мечом, с копьем в руках, пешком, верхом, как ему будет угодно. Я любил, любим и буду любить вечно мою божественную Дульцинею; сколько она превосходит прелестями всех красавиц на свете, столько мое сердце, ей покорное, превосходит всякое другое сердце в постоянстве.

— Мы в этом не сомневаемся, знаменитый рыцарь; но ваш историк не одну ошибку сделал: например, он так глуп, что называет жену Санки Пансы, Терезу, Кларою Гутье²⁴.

— Ах! Вот что забавно, — воскликнул Санко, — знающий историк! Я думаю, что он меня описал прекрасно!

— Вы можете ему сказать спасибо, — сказала одна из пастушек, — он везде вас представил жадным, пьяницею, плоским шутком, который только и делает что ест, пьет и говорит глупости!

— Не попадайся ж он мне навстречу; я научу его, как бесчестить добрых людей, которых он не знает. А вам, государи мои, должно знать, что на свете один Дон Кишот и один Санко; они перед вашими глазами: один храбрый рыцарь, влюбленный, верный, умный и любезный; другой добросердечный простяк, не хитрый, не шут, а охотник до шуток и также не без ума.

— Теперь мы в том не можем и сомневаться! Не понимаю, как мог этот глупый человек так изуродовать вас в своей басне. Подумайте; он утверждает, что славный Дон Кишот был в Сарагоссе посмешищем черни, которая забросала его грязью и навозом.

— Какой вздор! Я никогда не бывал в Сарагоссе! Я туда ехал, но теперь не поеду и клянусь, что нога моя не будет в этом городе, вопреки господину аррагонцу, глупому историку²⁵. Но позабудем его; дурные писатели не должны занимать честных людей; хочу вам предложить маленькое намерение, внушенное мне благодарностию: я решился сию минуту сесть на коня, стать на большой дороге и целые два дня утверждать и требовать, чтобы все идущие и едущие, встречные и поперечные, утверждали со мною, что нет на свете ничего, выключая моей Дульцинеи, прелестнее вас, мои красавицы!

Рыцарь встает из-за стола, бежит к своему Рыжаку, садится на него и вместе с Санкою скачет на большую дорогу. Пастухи и пастушки следуют за ними, желая видеть конец этой комедии.

Паладин несколько раз кричал проходящим, чтобы они готовились согласиться с его мнением и подтвердить клятвою истину его слов; но он не получал ни от кого ответа, потому что никто его не слышал. Через минуту увидели на дороге множество человек верховых, пеших, вооруженных длинными палками, с большим стадом быков, которые подняли страшную пыль. Пастушки, увидя стадо, разбежались со страхом; один Дон Кишот, не зная страха, утвердился на седле и остался на месте. Санко пятился назад; стадо приблизилось, и один из погонщиков закричал:

— Посторонитесь! Эти быки изомнут вас.

— Нашел человека пугать быками, — отвечал рыцарь, — я не дам им проходу по тех пор, пока вы не признаетесь, что пастушки сего леса...

Он не успел договорить, быки сбили с ног и рыцаря, и коня, и осла, и оруженосца; прошли через них очень спокойно и были уже очень далеко, когда наши путешественники встали с земли. Дон Кишот побежал за ними, прихрамывая, называл их трусами, бродягами, негодьями, но ни один не обернулся. Санко молча поднял осла и Рыжака, пошел за рыцарем, который, стыдясь своей неудачи, не захотел уже возвратиться в Аркадию и поехал вперед, не говоря ни слова своему оруженосцу.

ГЛАВА XLIX

Маленькая ссора

Они въехали в лесок, в котором нашли прекрасный ручей, бежавший на траве и привлекательный своею чистотою; они остановились на берегу, умыли руки и лицо, разнуздали коня и осла и легли на мягкий дерн. Санко, который все молчал, открыл свою котомку, очень туго набитую, вынул провизию, разложил ее перед Дон Кишотом, и не смея

притронуться к кушанью первый, поглядывал то на обед, то на рыцаря с глубокими и нежными вздохами.

— Ешь, мой друг, — сказал Дон Кишот, — насыщайся; горесть утоляется вместе с голодом; но моей горести ничто, кроме смерти, утолить не может. Так! Одна смерть есть мое утешение²⁶, когда подумаю, что сей Дон Кишот, которого историю читает вселенная, которого подвиги утомили стоязычную славу, сей рыцарь, почитаемый принцами, любезный женщинам, обожаемый красавицами, в ту самую минуту, когда новый венец для него готовился, был попран ногами нечистых животных. О судьба! О друг мой! Все решилось; я не могу перенести такого посрамления, уморю себя с голоду, если горесть уморить меня не хочет.

— Ах! Сударь, что вы говорите! — воскликнул Санко с набитым ртом. — На свете нет мучительнее той смерти, которую вы выбрали. Сверх того, мне кажется, не о чем много печалиться: такие вещи с нами не впервой случаются; послушайте меня, сударь, покушайте, как надобно, потом засните, утро вечера мудренее; сон лучше всякого лекарства.

— Ох! Друг мой, я знаю, что никакой сон не развеселит меня. Разве ты захочешь это сделать?

— Чего вам от меня надобно?

— Как чего, мой друг! Вспомни свои обещания; стоит тебе отойти в сторону и, воспользовавшись прекрасным временем, тишиною ночи и уединением, дать себе ударов триста или четыреста в счет назначенных для уничтожения очарования Дульцинеи; признаюсь, это бы меня утешило, много утешило.

— Жаль, что надобно вам отказать! Это дело требует размышления; не вдруг решишься содрать с себя кожу! Заснем с Богом, а завтра подумаем: во дне много часов; может очень легко случиться, судя по моей любви к госпоже прекрасной Дульцинее, что вдруг я испестрю себе всю спину и сделаю вам ее по-прежнему принцессою. Потерпите немного.

Оруженосец доужинал, пожелал доброй ночи своему господину и заснул глубоким сном. Дон Кишот между тем размышлял о медлительности своего товарища, печалился, вздыхал, наконец, заключил, что Санко, без маленького принуждения, никогда не исполнит приказания Мерлинова. «Так, — сказал он самому себе, — Александр, не могши развязать Гордиева узла, разрубил его; я должен подражать Александру: я должен сам высечь ленивого Санку, или мне никогда не видать своей любезной Дульцинеи».

Рыцарь встает, снимает узду с Рыжака, подходит потихоньку к спящему оруженосцу и хочет сдернуть с него исподницы, но Санко просыпается и начинает кричать во все горло:

— Кто идет? Кому дело до моего исподнего платья?

— Это я, мой друг! — отвечает герой. — Не бойся ничего, хочу тебе помочь, хочу выплатить твои долги, хочу избавить тебя от неприятной должности сечь самого себя. Дульцинея страждет, сын мой! Дай мне волю! Я в час все кончу!

— Нет, сударь, отойдите от меня, что за шутки! Разве забыли вы, что я сам добровольно должен себя высечь; теперь у меня нет доброй воли, я хочу спать, а не драться с самим собою! Погодите! Дайте мне самому захотеть.

— О, я давно это слышал! Мне наскучило ждать! Я тебя знаю: ты слишком нежен; раздевайся.

Он хочет насильно скинуть исподницы с оруженосца и непременно выполнить повеления оракула. Санко, принужденный защищаться, встает на ноги, схватывается с рыцарем, дает ему толчок под ногу и падает с ним на траву. Дон Кишот попал под низ, а Санко сидел на нем и держал его за руки.

— Как! Бездельник, — кричал герой, — ты смеешь подымать руку на своего господина, на того, кто тебя поит и кормит!

— Я на вас не подымал рук, — отвечал Санко, — я люблю, почитаю своего господина, но не хочу, чтобы он меня сек. Обещайте меня не трогать, и я вас пушу сию же минуту.

Дон Кишот обещал именем Дульцинеи. Санко встал, отошел в сторону без всяких изъяснений и опять расположился на траве спать. Желаем ему доброй ночи.

ГЛАВА I

Странная встреча

Солнце взошло; Дон Кишот поехал далее, и решившись непременно сделать лжецом глупого своего историка, поворотил на Барселлонскую дорогу. Он скоро заехал в лес, в котором заблудился и принужден был ночевать под деревьями вместе с своим товарищем. Проснувшись рано, они очень удивились, увидя вокруг себя человек около сорока, худо одетых и хорошо вооруженных, которые велели им не трогаться с места и ждать их начальника. Дон Кишот был пеший, не имел при себе ни щита, ни копья, словом, был совершенно обезоружен. Что делать? Он потупил голову и сложил свои могучие руки; Санко также повесил нос и вздыхал очень усердно, видя, с каким проворством эти господа опустошали его котомку. Он трепетал о судьбе своего кошелька, который был спрятан под рубашкою, и без сомнения, также бы достался в добычу этим про-

нырливым людям, когда бы, по счастью, не пришел их атаман, учтивее, начальник, и не велел им оставить оруженосца.

Этот человек, посредственного роста, сильный, плотный, смуглый лицом, сурового, но приятного виду, имел не больше тридцати пяти лет; одет был в панцирь, с четырьмя пистолетами за поясом и ехал на прекрасной андалузской лошади. Увидя, что Санку обирали, он только что взглянул, не говоря ни слова, на своих подчиненных, и оруженосец остался в покое. Атаман, посмотрев с удивлением на длинное копье и щит, прислоненные к дереву, на эту рыцарскую вооруженную фигуру, сухую, долгую, печальную, приблизился к Дон Кишоту и сказал:

— Не унывай, любезный приятель, ты попался не в худые руки: я честный Рокк Гвинарь!²⁷

— О почтенный Рокк! — отвечал герой. — Я печалюсь не о том, что попался в твои руки, но единственно о том, что мог на минуту забыть осторожность, первую, главнейшую добродетель всякого странствующего рыцаря: знай, любезный Рокк, что если бы твои воины нашли меня вооруженным, то им не легко бы было овладеть Дон Кишотом.

Рокк Гвинарь, услыша это славное имя, внутренне обрадовался встрече с таким человеком, о котором говорила вся Испания. Он долго на него смотрел пристально, потом сказал:

— Мужественный рыцарь! Не почитайте несчастным того случая, который привел вас в этот лес: иногда находишь друга в том человеке, которому не веришь; прошу вас не судить обо мне решительно по тех пор, пока вы не будете меня знать короче; между тем приказываю возвратить вам и вашему оруженосцу все то, что у вас взято моими подчиненными.

Разбойники тотчас опять наполнили Санкину котомку. Дон Кишот вооружился и готовился уже сказать комплимент атаману, как принесли множество платья, драгоценных вещей, денег, взятых накануне у путешественников. Разбойники стали в кружок; начался дележ. Атаман оделил всех с такою справедливою, что никому не пришло в голову быть недовольным; никто даже не поглядел на часть своего товарища. Санко, удивленный сим зрелищем, не мог удержаться, чтобы не сказать довольно громко:

— Видно, справедливость хорошее дело, когда и воры ее наблюдают.

Не успел он выговорить, как один из разбойников, рассердяся, прицелился в него из ружья, и когда бы Рокк не остановил его своим криком, то Санке вперед не досталось бы говорить нравоучения. Побледнев и дрожа от страха, он внутренне обещался не давать языку своему воли и решился не открывать рта во все время своего пребывания с оруженосцами господина Рокка.

Шайка уже начинала расходиться, как прибежали часовые с известием, что на дороге показалось множество путешественников.

— Кто это? — спросил Рокк. — Наши или не наши?

— Наши, атаман.

— Приведите их сюда; только, смотрите, никому ни щелчка!

Разбойники скрылись, а Рокк, оставшись один с Дон Кишотом, сказал ему следующее:

— Станный образ моей жизни, конечно, вас удивляет, почтенный Дон Кишот; вы видите во мне ужасный пример необузданности страстей и гибельных крайностей, до которых они доводят... Я родился нежным, чувствительным, кротким; душа моя, пылкая и благородная, была привержена к добродетели: я искал ее, обожал ее образ, слепо верил людям, которых всех почитал равно добродетельными! Как дорого заплатил я за эту ошибку! Жестокие оскорбили меня, обманули, вонзили кинжал в самое чувствительное место моего сердца; я поклялся отомстить, в исступлении бешенства. Первый шаг к преступлению был сделан; на этой ужасной дороге останавливаться не можно; непреодолимая сила влекла меня из пропасти в пропасть; наконец я очутился посреди разбойников, их атаманом: вижу весь ужас своего состояния; но поздно! Не могу уже возвратиться к добродетели!

— Вы ошибаетесь, — отвечал Дон Кишот, — кто еще жалеет об ней, тот не совсем с нею расстался; надобно знать болезнь, чтобы ее вылечить: ваша вам известна; стоит только найти нужные лекарства; на небесах есть Лекарь, всегда готовый помогать страждущим, как скоро они чистосердечно будут просить Его помощи: от вас зависит, любезный Рокк, ваше излечение! Хотите ли, я вам скажу средство, самое верное и легкое, не только выйти из этой глубокой пропасти, но даже возвыситься к совершенству. Сделайтесь странствующим рыцарем; усталость и труды, которые вам понести будет надобно, загладят ваши прошедшие заблуждения. Ваша сила, ваше мужество и ваш ум будут тогда посвящены пользе людей.

Атаман улыбнулся, хотел отвечать; но его подчиненные возвратились в эту минуту с большой дороги; с ними были два путешественника верхом, два пешие богомольщика, полная карета женщин и при ней множество служителей. Разбойники составили большой круг, посреди которого несчастные пленники с трепетом ожидали своего жребия.

— Кто вы таковы? — спросил Рокк. — Отвечайте каждый поочередно и скажите прямо, сколько с вами денег.

— Мы военные люди, — отвечал один из верховых, — мы ехали в Барселлону; там намерены были сесть на корабль и плыть в Неа-

поль, где находится наш полк. С нами не больше двух или трех сот ефимков, которые составляют все наше богатство: солдатам больше не надобно.

— А мы — богомольщики, идем в Рим и не имеем больше пятидесяти реалов!

Дамы не могли говорить от страха. Один из их служителей сказал, что госпожа его называлась донною Гюймар де Киньонес, что она супруга неаполитанского регента; что путешествует вместе с своею внучкою, и что с ними около шести сот ефимков.

— Довольно, — отвечал Рокк, — теперь разочтемся! Вы, господа служивые, согласитесь дать мне взаймы шестьдесят ефимков; госпожа де Киньонес пожалует мне сто. Извините, что занимаю у вас деньги без вашего согласия; каждый живет своим ремеслом, а мои солдаты не имеют другого жалованья, кроме сбора податей с проезжих. Я в знак благодарности дам вам пропуск, с которым можете продолжать свое путешествие, не опасаясь никакой дурной встречи. Довольны ли вы? Согласны ли на мое предложение?

Офицеры не знали, как благодарить Рокка. Госпожа де Киньонес хотела выйти из кареты и упасть ему в ноги; одни богомольцы плакали. Рокк, получив требуемые деньги, сказал своим товарищам:

— Вас здесь семьдесят, вот сто шестьдесят ефимков; каждому достанется по два; в остатке будет двадцать; позвольте, друзья мои, отдать из них десять этим бедным пешеходам, а другие десять оруженосцу почтенного Дон Кишота в знак дружбы.

Он раздаст деньги, вынимает из кармана перо и чернилицу и садится писать пропуск. Один из разбойников, недовольный дележом, сказал вслух:

— Нашему атаману приличнее жить с монахами, нежели с нами. Если хочет быть щедрым, то пускай сыплет своими деньгами.

Рокк, вслушавшись, кладет перо, вынимает шпагу, рассекает надвое голову болтуна, потом спокойно дописывает пропуск, который отдает госпоже де Киньонес, желая всем счастливого путешествия.

Ни один из разбойников не осмелился сказать слова. Санко дрожал, как в лихорадке, и дергал за руку своего рыцаря, понуждая его ехать; но Рокк уговорил его остаться еще на несколько времени. Ему хотелось дать знать своим барцеллонским приятелям, что славный Дон Кишот и его знаменитый оруженосец Санко придут в такой-то день и час в Барцеллону. Письмо было послано с одним из разбойников, переодетым в крестьянское платье, и Рокк, заключив, наконец, что оно должно быть уже доставлено, отпустил нашего героя, которого сам проводил объездными дорогами почти до самой Барцеллоны. Прощаясь с ним,

он еще раз уверил его в своей дружбе, обнял с нежностью и рыцаря, и оруженосца, и скрылся от глаз их в густоте леса.

ГЛАВА LI

Принятие нашего героя в Барцеллоне и очарованная голова

Был праздник Святого Иоанна²⁸. Заря занялась, и глазам обоих героев наших открылась Барцеллона, с ее пристанью и цветущими берегами, и море, которое показалось им немного обширнее Рюйдерских прудов, столь славных в Ламанхе. В то же время звук барабанов и гобоев послышался в городе, и восклицания радости, наполнившие воздух, возвестили начало праздника. Небо было ясно, воздух свеж, солнце осыпало своим блеском все предметы: галеры, корабли с развевающимися флагами и бандеролями разъезжали при звуке труб и военных инструментов. Множество молодых людей, в богатых одеждах, на прекрасных лошадях, скакали толпами по берегу; ружейные, пушечные выстрелы соединялись с музыкою, и пушки с кораблей отвечали пушкам, гремевшим на бастионах крепости.

Дон Кишот и Санко были в приятном изумлении; вдруг увидели множество верховых, едущих к ним навстречу. Это были друзья нашего Рокка. Один восклицает:

— Добро пожаловать в наш город, пламя, зеркало, феникс страстных рыцарей! Да всякий поспешит насладиться лицемерием великого Дон Кишота, не того Дон Кишота, который обезображен глупым историком, но истинного, знаменитого героя, воспетого Сид Гамед Бененжелием!

Наш рыцарь долго не мог отвечать; его теснили, обнимали, почти на руках несли в город; он въезжал при звуке труб и литавров. Антонио Морено, молодой человек, приятель Рокка, позвал его к себе в дом; все было готово для его принятия. Антонио отвел ему самую лучшую горницу в своем замке; угощал его с отличием, не забыл и Санку, который воображал себя опять в доме любезного дон Диэга или в замке госпожи герцогини.

Дон Кишот, снявши с себя вооружение и одевшись в свой прекрасный лосиный колет, вышел в гостиную, где множество гостей его ожидали. Сели за стол; молодая жена Антониева занимала во все продолжение обеда высокого посетителя. Герой осыпал всех комплиментами, а Санко, развеселившись, заставил всех хохотать описанием своего несчастного губернаторства.

После обеда Антонио повел рыцаря и некоторых из гостей в большой кабинет, которого главное украшение составлял бронзовый бюст, поставленный на высоком пьедестале²⁹.

— Прощу вас, рыцарь, заметить эту голову, — сказал Антонио. — Вы, может быть, подумаете, что она изображает какого-нибудь римского императора. Нет, она есть совершеннейшее произведение волшебства. Один польский очарователь, ученик славного Скота³⁰, живший несколько времени в моем доме, подарил ее мне в знак благодарности за мое угощение. Эта голова отвечает на все вопросы; увидите сами! Скажи мне, голова, о чем я теперь думаю?

Голова, не шевеля губами, отвечала очень явственно:

— Я не проницаю мыслей.

Дон Кишот остолбенел от удивления; Санко перекрестился.

— Голова, — продолжал Антонио, — скажи мне, сколько нас теперь в горнице?

Голова отвечала:

— Ты, жена твоя, две дамы, двое из твоих приятелей, славный рыцарь Дон Кишот и оруженосец его Санко Панса.

Удивление присутствовавших было неописанно. Одна из дам подходит к голове и спрашивает:

— Голова! Скажи мне средство быть всегда прекрасною!

— Будь добронравна, — отвечала голова.

— Любит ли меня мой муж? — спросила другая.

— Сердце твое должно тебе отвечать, — сказала голова.

Дон Кишот приблизился, в свою очередь.

— Голова! — спросил он. — Справедливо ли то, что я видел в пещере Монтесиноской? Исполнит ли мой оруженосец свое обещание? Увижу ли Дульцинею не очарованною?

— То, что ты хочешь знать о Монтесиноской пещере, — отвечала голова, — требует продолжительных объяснений: теперь не время! Твой оруженосец, с помощью Божиею, исполнит свое обещание, а Дульцинея будет тем, чем она всегда была.

— Довольно, я не стану жаловаться на судьбу, если получу это неизреченное счастье!

Тут Санко подошел на цыпочках.

— Любезная голова! — спросил он. — Быть ли мне еще когда-нибудь губернатором? Увижу ли детей и жену?

— Ты будешь губернатором в своем доме, — отвечала голова, — тогда увидишь жену и детей.

— Хорош ответ! Это и я бы умел сказать!

Антонио просил, чтобы никто из присутствовавших не разглашал о волшебной голове; но тайна сия скоро сделалась не тайною. В городе говорили об очарованной голове, и Антонио, опасаясь святой инквизиции, побежал к главному инквизитору, которому объяснил, как посредством трубы, проведенной из головы в пьедестал, а из пьедестала в пол, голос проходил в нижнюю горницу, в которой находился человек, отвечавший на все вопросы. Несмотря на это изъяснение, святая инквизиция приказала разбить голову, что еще более уверило Дон Кишота в справедливости ее оракулов и в том, что она была очарована.

ГЛАВА LII

Самое неприятное для нашего рыцаря приключение

На другой день Антонио и его приятели предложили Дон Кишоту идти осматривать галеры. Санко за ними последовал. Начальник, которому дано было знать, встретил их с музыкою и принял героя на шлюпке, украшенной коврами, богатою позолотою и бархатными подушками. Началась стрельба из пушек; весь экипаж кричал:

— Да здравствует Ламанхский герой! Да здравствует Санко!

Начальник повел их на свою галеру, обнял и подал знак, чтобы началось плавание.

По первому сигналу галерные невольники сбросили с себя верхнее платье и начали гребть с такой силою и таким проворством, что Санко струсил; он вообразил, что попался в руки дьяволам, дрожал и пытался к своему господину, который сидел подле начальника на бархатной подушке. Вдруг крайний из невольников, будто вообразив, что Санке хочется перейти на другую сторону, берет его на руки, передает своему товарищу, тот своему, другой третьему, третий четвертому и так далее. Санко, перелетая из рук в руки, в миг очутился на носу галеры. Он был почти без памяти от страху. В эту минуту галера с неописанною быстротою повернула назад; он закричал, зажмурил глаза, закрыл лицо руками и вообразил, что непременно нырнет в море.

— Что с вами сделалось? — спросили у него.

— Я хочу сказать одно слово моему господину, — отвечал оруженосец.

Невольники опять поднимают его на воздух, начинают швырять, и он опять очутился на старом месте. Не успел он опомниться, как увидел надсмотрщика с бичом, который принялся безжалостно сечь несчастных гребцов. Санко, пуще испуганный, не знал, куда деваться. Дон Кишот подозвал его с важным видом к себе и сказал:

— Вот случай, любезный друг, доказать, что ты желаешь мне добра.

— Как это, сударь?

— Разденься, сядь на скамью подле этих господ и неприметно, без всякого труда получишь несколько сот ударов, необходимых для моего счастья.

Санко отвечал на это предложение одним гневным взглядом. Начальник просил, чтобы ему растолковать, почему так было нужно высечь Санку. Дон Кишот рассказал ему историю царицы сердец. В продолжение сего разговора пристали к берегу, чему Санко был очень рад. Герой наш поблагодарил начальника, и вышед на берег, пошел пешком осматривать Барселлону, посетил публичные здания и к вечеру возвратился домой. Блестящий праздник ожидал его. Первые красавицы города съехались смотреть героя; отужинали, начался бал; Дон Кишота просили его открыть. Между тем две танцовщицы согласились не давать ему ни на минуту отдыха; не успевал он оттанцевать с одной, другая была готова. Учтивый паладин не смел отказываться, танцевал, задышался. Нельзя было без смеху видеть, как эта высокая, сухощавая, желтая, нескладная фигура, одетая в лосиный колет, кряхтела, прыгала не в каданс³¹, вертелась в толпе молодых красавиц, которые все ею занимались, об ней спорили, одна у другой перебивали удовольствие с нею танцевать; но силы Дон Кишота наконец истощились. Изнуренный усталостию, облитый потом, он сел на паркет и воскликнул:

— Прочь от меня, прелестницы, очаровательницы, духи-искусители моего верного сердца! Исчезните! Скройте!

Антонио прибежал к нему на помощь, велел его поднять, отнести в спальню, где Санко, укладывая его на постелью, сказал:

— Не всякий храбрый рыцарь — мастер танцевать: иному легче распороть брюхо великану, нежели прыгать козлом; но вам все знать хочется! Кто мешал вам по-моему отойти в сторону, смотреть из угла и молчать? Вы бы, конечно, не задохнулись.

Дон Кишот заснул, и силы его подкрепились. На другой день новые забавы, новые праздники. Несмотря на это, наш герой, будучи врагом лени и праздности, думал ехать из Барселлоны и снова начать трудиться для блага человеческого. В сих мыслях он проезжал одним утром по берегу моря, вооруженный с ног до головы, вместе с Антонио и его друзьями. Вдруг является перед ним рыцарь, в богатом вооружении, с закрытым забралом шлема, с копьем и щитом, на котором изображена была блестящая луна. Сей незнакомец скачет прямо к Дон Кишоту, останавливается перед ним и говорит грозным голосом:

— Знаменитый витязь! Ты видишь перед собою рыцаря Светлой луны. Имя мое известно миру; я хочу испытать с тобою сил своих; хочу

заставить тебя признаться, что любезная моего сердца превосходит прелестям самую Дульцинею. Если признаешься в этом без всякого принуждения, то спасешь жизнь свою, и мы останемся друзьями; в противном случае готовься к сражению. Вот условия поединка. Побежденный должен возвратиться домой и целый год не брать в руки оружия, ни копья, ни меча, ни шлема. Решись скорее; минуты дороги; я должен поспешить в другое место!

— Рыцарь Светлой луны! — отвечал Дон Кишот, пылая гневом. — Ты никогда не видал Дульцинеи: один взор заставил бы тебя признаться, что она несравненна. Жалею о твоём заблуждении; но принимаю твой вызов и готов исполнить все условия: не будем медлить; сразимся в сию же минуту!

Антонио, свидетель сего разговора, не сомневался, чтобы незнакомый рыцарь не был какой-нибудь из барселлонских проказников; он поглядывал с улыбкою на своих товарищей, желая знать, не были кто-нибудь из них в заговоре, но ни один не знал рыцаря Светлой луны. Между тем соперники разъехались; уже не время было их разнять; они во всю прыть скакали друг против друга; сильный и быстрый конь незнакомца, будучи здоровее Рыжака, налетел, как стрела, на Дон Кишота, который вместе с конем своим перекувырнулся и растянулся на песке. Рыцарь Светлой луны спрыгивает на землю, подходит к Дон Кишоту, приставляет копьё к его груди и говорит:

— Ты погиб, если не признаешься, что моя принцесса совершеннее Дульцинеи.

Дон Кишот, почти бездыханный, сбирается с силами и отвечает плачевным голосом:

— Несчастье и слабость обожателя Дульцинеи не могут уменьшить ее прелестей: она — первая красавица в мире! Умертви меня! Смерть — последнее благо для того, кто лишился чести!

— Я недостоин буду жить, — воскликнул незнакомец, — если умерщвлю великодушнейшего и вернейшего из любовников! Пускай Дульцинея наслаждается своею славою! Одного только требую от Ламанхского рыцаря; пускай он возвратится домой, и целый год не принимается за оружие.

— Клянусь исполнить это условие! — отвечал побежденный. — Клянусь, ибо оно не противно чести моей принцессы!

При сих словах незнакомец поворачивает назад и скрывается. Дон Антонио, изумленный больше прежнего, скачет за ним вслед, а его друзья и Санко поднимают бедного Дон Кишота, кладут его на носилки и увозят в город.

ГЛАВА ЛІІІ

Кто таков рыцарь Светлой луны. Отъезд Дон Кишота и его новые планы

Антонио крайне любопытствовал узнать рыцаря Светлой луны; он не выпускал его из глаз, заметил дом, в который он въехал, и явился у него в горнице в ту самую минуту, когда он начал скидать с себя латы. Незнакомец сказал ему с улыбкою:

— Милостивый государь! Я угадываю причину вашего посещения; конечно, хотите знать, кто я: охотно удовлетворю вашему любопытству. Я называюсь Самсоном Караско и живу в одной деревне с Дон Кишотом, которого сумасшествие давно прискорбно для всех его друзей, искренно уважающих в нем доброго человека и просвещенного мудреца. Мы все уверены, что покой и уединение непременно его вылечат; я решился на время сделаться рыцарем, победить его и принудить возвратиться в свою деревню. Это не в первый раз; я был уже побежден Дон Кишотом под именем рыцаря Блестящих зеркал и счастлив, что он меня помиловал; теперь моя очередь; я отмстил, слава Богу, за свою обиду, и что всего лучше, он должен будет возвратиться домой, где ум его скорее может прийти в прежнее положение: надеюсь, милостивый государь, что вы не откроете моей тайны, и не захотите препятствовать излечению доброго, достойного человека.

— Не смею вам, сударь, признаться, — отвечал Антонио, — что я досажую на успешное исполнение вашего предприятия. Вы лишаете людей большой забавы: никогда умный Дон Кишот не будет стоить сумасшедшего Дон Кишота; сверх того, не думаю, чтобы ваше искусство могло поправить эту расстроенную голову. Как бы то ни было, я даю слово не открывать никому вашей тайны, и если что-нибудь нужно к вашим услугам в здешнем городе, в котором, конечно, вы не имеете знакомства, то прошу вас покорно мною располагать; я почту за удовольствие служить вам.

Бакалавр поблагодарил услужливого Антонио, велел склать на мула свои оружия, сел на своего рыцарского коня и выехал из Барцеллоны.

Между тем наш герой, унылый и поизмятый, сидел, повеся голову, на постели и слушал красноречивые утешения Санки.

— Перестаньте сударь, печалиться, — говорил оруженосец, — благодарите Бога, что вам еще не сломили шеи. Надобно беречь монету про черный день; оханьем ничему не поможешь, терпи горе, а слезы — вода; вы, сударь, оправитесь; Бог даст, воротимся в свою деревню; ста-

нем жить да поживать спокойно, честно, и вы увидите, что своя родина и свой угол лучше всякого рыцарского вздору. Между тем рассудите, сударь, кто из нас двоих больше теряет в этом случае? Конечно, я! Все мои надежды к черту! Если я разлюбил ремесло губернатора, то не отказался бы отведать графства или герцогства; но сами подумайте, как мне быть графом и герцогом, когда вам не можно быть ни королем, ни императором.

— Ошибаешься, любезный друг, — отвечал Дон Кишот, — я обязан не больше одного года пробыть в своей деревне; по истечении этого времени могу, если Богу будет угодно, опять вступить в свое великое звание, тогда можешь выбрать любое графство или герцогство.

— О чем же вы задумались? И, сударь! Не поймал карася, поймаешь и щуку! Нынче я, завтра ты, всякому своя очередь! На войне верного нет. Все поправится, терять надежды никогда не должно; авось дело великое, говорила моя покойная бабушка.

Дон Кишот целую неделю пролежал в постели. Собравшись с силами, он простился с любезным Антонио, сел на хромого Рыжака без лат, без меча и копья, в виде побежденного, и поехал домой. Санко отправился за ним пеший, таща за собою осла, на котором лежали рыцарские доспехи.

При выезде из Барцеллоны герой хотел видеть то место, на котором его победил рыцарь Луны.

— Здесь была Троя! — воскликнул он³². — Здесь судьба лишила меня всей моей славы, здесь ветренная фортуна в одну минуту ниспровергла великолепное здание моих подвигов!

— Опять вы начинаете выть голосом, — сказал Санко, — разве не знаете, что такому человеку, как вы, не пристало жаловаться. Посмотрите на меня; я смеялся, когда ехал на остров Баратарии, когда я был губернатором; что ж я теперь? Тощий и пеший оруженосец битого рыцаря; несмотря на это, смеюсь также, как и тогда смеялся; мое правило — не поддаваться фортуне и быть веселым, несмотря на все прихоти! Она — женщина, а все женщины сумасбродны, выключая одной госпожи Дульцинеи.

— Ты удивляешь меня, любезный друг Санко! Твоя философия гораздо лучше моей, и ты очень часто говоришь, как истинный мудрец. Хорошо, мой сын, я готов послушаться твоего совета; возвратимся в свою деревню: должно исполнить данное обещание. Когда я был рыцарем, когда победа венчала меня лаврами, тогда я имел право на всякую славу; но теперь, когда слабая рука моя не может владеть ничем, кроме одного веретена, теперь я не должен думать ни о чем, кроме верного исполнения моих обещаний; поедem домой, друг мой, скорее поедem!

— Скорее? Да, хорошо вам говорить скорее, когда вы на лошади, а я иду пешком. Поедем тише, а не скорее! Вы бы очень умно поступили, когда бы сняли с моего осла ваши оружия, повесили бы их на какой-нибудь прекрасный дуб, подписали бы под ними свое имя, год, месяц и число, а меня бы пустили на осла. Тогда бы можно было сказать: поедем скорее.

Так разговаривая, наши рыцари, без всяких новых приключений, провели четыре дня в дороге и скоро прибыли к той роще, в которой жили аркадские пастушки.

— Знаете ли это место? — спросил Санко.

— Очень знаю, — отвечал рыцарь, — воспоминание о нем дает мне счастливую идею. Сделаемся пастухами, Санко, на все то время, которое должны будем провести в деревне. Я куплю несколько барашков, свирель, корзину; наденем пастушеское платье, назовемся: я — пастухом Кишотисом, ты — пастухом Пансиною; будем бродить по холмам, по долинам, петь нежные песни и спорить в искусстве с соловьями; станем обедать на берегу светлых ручьев, под тению благовонных рощей, питаться дикими плодами дуба, утолять жажду свою частою водою быстрых потоков, спать под каштанами. В невинности и мире будут протекать все наши дни, как тихие струи кристального источника; ясность спокойного неба будет их подобием. Счастливые, беззаботные, довольные своим жребием, мы станем плакать по целым дням, воспевать своих любезных, сплетая для них венки из роз и амарантов, и сочинять стихи, такие прекрасные, что нимфы лесов будут сбегаться толпами нас слушать. Что ты скажешь на это, любезный друг?

— Прекрасная выдумка, сударь! Эта похвальная праздность мне очень нравится; я предпочитаю вашу пастушескую жизнь рыцарской и бьюсь об заклад, что наш приходской священник, бакалавр Караско и цирюльник Николас с нами будут согласны; того и гляди, что они сами в пастухи запишутся.

— Тем лучше! Мы их перекрестим: Самсону Караске дадим имя Самсонины, Николасу, цирюльнику, имя Николозы³³, а нашего священника назовем пастухом Священко³⁴. И в пастушках не будет нам недостатка, — продолжал Дон Кишот, — я имею свою Дульцинею; она может быть также прекрасною в пастушеском звании, какова прекрасна в звании принцессы; об этом я не беспокоюсь; ты, мой друг, найдешь...

— О! Мне недолго искать, у меня жена хоть куда пастушка; назову ее Терезоною, вместо Терезы, и дело с концом; имя Терезоны не изгадит моих прекрасных стихов; Николозо и Самсоново приищут себе красавиц, а отцу священнику не советовал бы и искать ради соблазна.

— Ты говоришь правду! Ах, мой милый Санко! Какая веселая, райская жизнь нас ожидает! Сколько песен, сколько романсов, сколько сонетов услышим! Какие приятные флейты и свирели будут играть в тенистых рощах и на холмах зеленых! Бакалавр Караско мастерски сочиняет стихи; цирюльник играет хорошо на гитаре, а отец священник, верно, скоро научится сочинять, если захочет. Мои таланты тебе известны, а твои ожидают одного образования; это дело беру на себя, и так ни в чем недостатка не будет, любезный друг; остается каждому выбрать свое дело: я буду жаловаться на разлуку, ты будешь воспевать постоянную любовь. Караско возьмет на свою часть жестокость, цирюльник — благосклонность, а священник — что ему угодно.

— Так, сударь, вы правы! Я хочу и Саншетте, мой дочери, назначить дело; она будет носить нам обед.

— Умная выдумка! Но уже ночь раскинула покров свой; сокроемся под тихую сень этой рощи и предадимся нежным мечтам страстных сердец наших.

ГЛАВА LIV

Как Санко уничтожил очарование Дульцинеи

Ночь была темная. Дон Кишот и его оруженосец, находившиеся под высокими деревьями, поужинали кое-как, и Санко начал готовиться ко сну.

— Мой друг, — сказал Дон Кишот, — мой милый сын! Позволь тебе напомнить об одной вещи, необходимой для нашей будущей, блаженной пастушеской жизни, которая обещает нам столько наслаждений.

— А что это за вещь? — спросил оруженосец, зевая.

— Сердце твое тебе об ней скажет! Разве ты забыл о своем обещании? Разве можем возвратиться домой и думать об удовольствиях пастушеской жизни прежде, нежели разрушим очарование Дульцинеи? Ты знаешь, от кого это зависит; ты видишь, мой друг, что я говорю без всякой досады, с спокойным духом; видишь, что я ничего тебе не приказываю, а только прошу тебя именем нашей дружбы успокоить, утешить мое страдающее сердце.

— Ах, Боже мой! Вы всегда умеете меня разжалобить; но скажите мне, ради Бога, какую связь могут иметь удары ременной плети с очарованием прекрасных принцесс? Что общего между моею кожею и Дульцинеею? Это похоже на то, когда бы мне сказали: у тебя голова болит, утри нос. И за что меня сделали лекарем? Хотя бы я был такой же лекарь, как другие; им платят за каждый приезд, а я должен буду ободрать себе спину, и мне только что скажут спасибо! Слуга покорный!

— Ах, мой сын! Кто ж не велел тебе этого говорить? Если бы я вообразил, что награда может тебя побудить к скорейшему исполнению данного слова, то бы я давно тебе ее предложил. Чего тебе надобно, требуй и принимайся за дело.

Санко распустил уши. Ему очень хотелось приехать с полным карманом к своей Терезе.

— Извольте, — сказал он, — я вас утешу. Не подумайте, однако ж, чтобы я был жаден к деньгам; совсем нет! Но у меня есть жена и дети. Что вы дадите мне за три тысячи пять сот ударов? Я не говорю о пяти, которые пойдут в счет и которые уступаю вам даром.

— О Санко! Сокровищей испанского короля мало для воздаяния за то, что ты намерен для меня сделать. Говори сам, требуй, назначай, я на все согласен!

— Итак, четверть реала за удар! Это не много; с другого бы я, конечно, взял больше. По счету выйдет семь сот пятьдесят за три тысячи; еще сто двадцать пять за пять сот, всего на все восемь сот семьдесят пять реалов. Право, это недорого! Я себя не пожалею; завистники не скажут мне; ты не выслужил своих денег; вы будете довольны, я вам за это ручаюсь!

— Я уже и теперь доволен, мой Санко, мой добрый, великодушный Санко! Чем в жизни могу доказать тебе свою благодарность? Ах! Если опять увижу Дульцинею, возвратившую прежние свои прелести, то перестану жаловаться на судьбу; мое блаженство будет неизъяснимо, и всем буду обязан твоему великодушию! Когда же ты начнешь? Если бы можно было теперь, то бы я прибавил еще сто реалов!

— Теперь, теперь начну! Считайте!

Он снимает повод с осла и Рыжака, связывает их вместе и отходит шагов на двадцать в сторону, решившись одним разом все кончить. Дон Кишот, пораженный его решимостию, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Мой друг, побереги себя! Тише! Ради Бога, тише! Боюсь, чтобы ты себя не засек до смерти; я стану считать и остановлю тебя, когда будет довольно!

— Считайте, считайте, — отвечал оруженосец, раздеваясь, — я себе не враг, не убью себя!

Он дает себе два удара, вскрикивает, дает еще два, кричит громче, еще один и руки его опускаются.

— Нет, сударь! — восклицает он. — Я ошибся; каждый удар стоит половины реала!

— Плачу половину реала, — отвечает великодушный рыцарь, — только продолжай, мой друг, мой добрый Санко!

Санко опять принимается за узду, но вместо спины начинает бить по ближним деревьям, и видя, что это не так больно, продолжает усердно работать; махает направо-налево, хлопает по деревьям, не жалея сил своих и вздыхая так тяжело, как будто бы душа его с телом разлучалась. Дон Кишот вне себя кричал:

— Сын мой, остановись! Перестань, мой сын! На этот раз довольно, я счел больше тысячи; ты себя измучишь, мое дитя! Перестань же, прошу тебя!

— Нет, нет! — говорил Санко. — Я теперь в духе; куй железо, пока горячо! Не сули журавля в небе, а подай синицу в руки! Не подходите ко мне; я еще дам себе тысячу ударов, остальное будет безделица.

Он опять начинает хлопать по деревьям так сильно и проворно, что кора летела с них кусками; наконец с последним и самым сильным ударом вскрикивает громко и говорит, повалившись на землю:

— Здесь погиб Самсон!³⁵

Дон Кишот, испуганный до смерти, бросается к нему на помощь, вырывает из рук его поводя и говорит со слезами на глазах:

— Я тебе запрещаю продолжать! Подумай, любезный друг, что жизнь твоя нужна жене и детям; сохрани себя для них! Дульцинея может немного подождать!

— Когда так, — сказал Санко, — то и я подожду до завтрашнего дня; дайте мне вашу епанчу; я вспотел, надобно хорошенько укутаться, чтобы не простудиться.

Герой накрыл епанчою оруженосца, который через минуту заснул глубоким сном.

На другое утро на заре отправились опять в поход. Рыцарь не смел спросить оруженосца о здоровье; а Санко, не входя в объяснения, просил только того, чтобы не останавливаться ночевать в деревне, а в лесу, потому что он твердо решил высечь себя на чистом воздухе, а не на постоялом дворе, и что один вид деревьев уже доставлял ему великое облегчение. Дон Кишот на все согласился, и в тот же вечер они остановились в густом лесу, где Санко довершил искупление Дульцинеи, за которую досталось от него бедным липам и вязам.

ГЛАВА LV

Прибытие Дон Кишота в деревню. Его болезнь и смерть

Дон Кишот, восхищаясь мыслию, что милый предмет его нежной любви опять возвратил свои прелести, ожидал нетерпеливо утра, в надежде, что с первыми его лучами предстанет пред ним Дульцинея.

Заря занялась, — нет красавицы; Дон Кишот, удивленный, продолжал свой путь, поглядывал туда, сюда, беспокоился, двигался на седле. Всякая путешествующая женщина приводила его в трепет; он спешил к ней навстречу, всматривался в ее лицо; она проходила мимо, не говоря ни слова, и он оставался, опустив голову, с тяжким унынием в сердце. Так прошли два дня. Герои наши, наконец, увидели с высоты одного пригорка свою деревню. Санко упал на колени и воскликнул:

— О моя милая родина! Твой Санко здесь опять! Не богатый, не знатный, а высеченный Санко, с ним и господин его, Дон Кишот, славный рыцарь, правда, побежденный, но это — безделица: не все коту масленица, бывает и великий пост!

Дон Кишот велел своему оруженосцу встать, и они въехали в деревню. Первые встретились с ними священник и Караско — бакалавр, которые шли прогуливаться; увидя своего друга, они побежали к нему с откровенными объятиями. Дон Кишот соскочил с Рыжака, прижал их к сердцу и, взяв их обоих за руки, пошел с ними к себе в дом, окруженный множеством ребятишек, которые все кричали в один голос:

— Господин Дон Кишот приехал! Добрый Санко Панса приехал!

Тереза услышала крик и выбежала полуодетая вместе с дочерью навстречу к своему супругу; но видя, что он пеший, остановилась и воскликнула:

— Что это? Где твоя карета? Где твои лошади и лакеи? Ты пришел пешком?

— Пришел пешком, жена, и принес денег! Поцелуй меня!

— Ах, мой милый друг, Санко, как я тебе рада! Ты потолстел, мой сын! Поцелуй же Саншетту; она ждала тебя, как ясного утра! Пойдем с нами домой! Теперь нам есть о чем поговорить!

Мать и дочь взяли Санку под руки, осла за узду и повели их домой, целуя то того, то другого попеременно.

Управительница и племянница вышли встречать Дон Кишота с такою искреннею, живою радостью, что наш герой был сильно тронут; он рассказал им, как его победили на поединке, какое он условие обязался исполнить и как должен пробыть целый год дома, не принимаясь за оружие. Бакалавр и священник старались его утешить, но тщетно; ничто не могло разогнать его печали. Друзья его простились с ним, прося его подумать о своем здоровье, чем-нибудь рассеяться и быть веселее; он отвечал с угрюмостью, что последует их совету. Управительница дала ему несколько благоразумных наставлений, которых он не слышал, и его меланхолия усилилась к вечеру и на другое утро.

Прошло несколько дней; молчаливый Дон Кишот ни в чем не принимал участия; потерял аппетит; не жаловался, не показывал ника-

кого неудовольствия, искал уединения, задумывался, плакал и старался скрыть свои слезы. Один Санко заставлял его иногда улыбаться своими смешными рассуждениями; но улыбки его всегда были смешаны с горестью, а лицо всегда было мрачно и уныло.

Увы! Несчастные смертные, как бы ни отличались своею славою, своею фортуною, своими достоинствами, всегда поспешно приближаются ко гробу. Дон Кишот был готов сойти в него: час его наступил; жестокая горячка принудила его слечь в постель. Во все время его болезни Караско, Николас и священник были при нем неотлучно. Добрый Санко, в тоске и беспокойстве, не выходил из его горницы; послали за лекарем, который сказал, что меланхолия есть единственная причина болезни. Санко, несмотря на свою горесть, старался развеселить своего господина, говорил ему о том, как весело им будет жить пастухами, играть на свирели, ходить по лугам, по рощам, сказывал, как он купил для сбережения стада огромных собак, которые называются: одна — Барзаною, другая — Бутроном. Больной слушал, посматривал на него с нежностью, и благодарный взгляд его показывал, что он угадывает его намерение.

Болезнь усилилась; лекарь, по прошествии шести дней, сказал, что не осталось никакой надежды. Дон Кишот чувствовал свое состояние; он просил, чтобы его оставили одного, заснул, спал около семи часов, и, проснувшись, сказал управительнице и племяннице:

— Радуйтесь, мои милые, Богу угодно было, при конце моей жизни, оказать мне милость, важнейшую из всех и для меня самую вождеденную.

— Что вы говорите, дядюшка! Какую милость!

— Ах, друг мой, Он возвратил мне то благо, которое всего драгоценнее для человека, которое одно доставляет ему спокойствие в этой бедственной жизни и делает его способным для счастья в будущей: рассудок! Я потерял его, посвятив свои досуги чтению безумнейших книг. Теперь небо награждает меня им снова; но я не долго буду наслаждаться сим счастьем. Хочу воспользоваться немногими оставшимися мне минутами, хочу загладить, если можно, мои несчастные заблуждения, хочу сделать добро, которого еще не сделал. Созовите, прошу вас, отца священника, бакалавра Самсона, Николаса и доброго Санку, перед которым я виноват в том, что заставил его вместе с собою безумствовать.

Через минуту все сошлись у его постели; он сказал им слабым голосом:

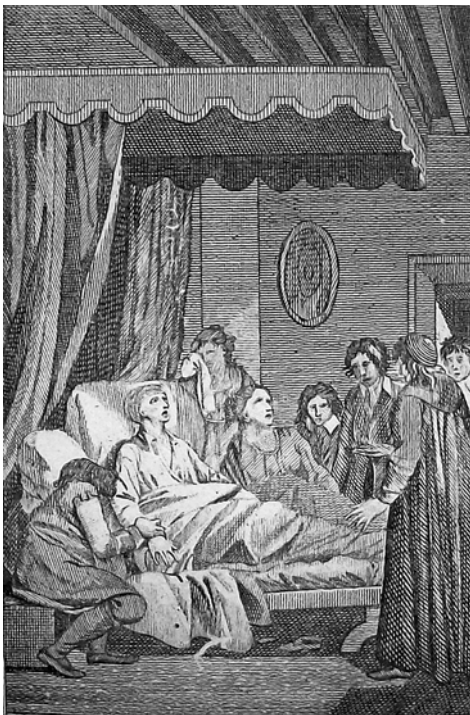
— Друзья мои, поздравьте меня, я уже не Дон Кишот Ламанхский, а просто Алонзо Киксана, которого некогда называли *добрым*; я уже

не подражатель Амадиса и Галора, мечтательных героев, которых мое воображение принимало за существенных; я ваш сосед, ваш верный друг, ваш брат, который оплакивает свое несчастное заблуждение и надеется в последнюю минуту своей жизни найти в себе довольно ума для искреннего, сердечного раскаяния. Исповедуйте меня, господин священник, а вы, друзья мои, позовите нотариуса, я хочу написать завещание.

Все молчали в горестном изумлении; Санко, который до сих пор не думал, чтобы господин его был в опасности, упал на колена подле постели и залился слезами. Больной протянул к нему руку и просил, чтобы он оставил его одного с священником. Исповедь продолжалась недолго; увы! Сердце его было так чисто! Он сам велел позвать своих друзей, которые все плакали. Дон Кишот просил их утешиться. Между тем пришел нотариус; он приказал ему начать духовную обыкновенным образом; потом, собравшись с последними силами, начал сказывать слабым голосом следующее:

— Оставляю моему другу Санке Пансе, которого я называл оруженосцем во время своего безумства, двести ефимков, которые должны быть заплачены ему тотчас после моей смерти; сверх того, все деньги, порученные ему мною при нашем отъезде, запрещая моим наследникам требовать от него отчета и сожалея, что все надежды, которые подавал я ему в своем сумасшествии, не были и не могли быть исполнены.

— Ах нет, сударь, Бога ради! — кричал Санко, не давая писать нотариусу и заливаясь горькими слезами. — Вы не умрете! Нельзя, чтобы вы умерли: живите, послушайте меня, мой добрый господин, прогоните эту печаль, которая вас убивает. Я все буду делать, что вы мне ни прикажете: буду пастухом, рыцарем, оруженосцем, чем вам угодно, лишь бы только жить вместе с вами. Если хотите, еще раз себя высеку;

Друзья мои, поздравьте меня, я уже не Дон Кишот Ламанхский.

скажу, что вас победили по моей глупости оттого, что я не подтянул подпруг Рыжаку, что я один во всем виноват, что никогда...

— Благодарю тебя, мой бедный Санко, — отвечал слабым голосом умирающий, — я так долго был в глазах твоих безумцем, что ты меня умным и вообразить не можешь. Позабудем свои прошедшие заблуждения, не переставая быть друзьями! Я все тот же друг твой, искренний и верный; но уже не Дон Кишот, не рыцарь, и чтобы заключить по-твоему пословицею, прибавлю: гнездо осталось, а птичка улетела; дай мне кончить, мой сын, я сожалею только о том, что не могу сделать для тебя столько добра, сколько бы хотел.

Он назначает по себе наследницею Антонину Киксану³⁶, свою племянницу, с тем, чтобы она платила пенсию бывшей его управительнице и вручила от его имени в знак дружбы и памяти некоторые подарки бакалавру Караско, цирюльнику Николасу и отцу священнику, которому поручает исполнение завещания; в заключение просит прощения у всех честных христиан в том, что подавал им худой пример своею несчастною жизнью и еще в том, что дал случай глупому сочинителю новой истории Дон Кишота написать вздорную, бессмысленную книгу, скучную и несносную для читателей.

Дон Кишот, подписавши духовную, просил священника причастить его Святых Тайн; причастился со всем усердием христианина и с удивительным спокойствием духа; потом заснул; к вечеру впал в совершенное расслабление и скоро потом скончался.

Таков был конец ламанхского героя, которого отчизны Бененжели не называет, вероятно, для того, чтобы все города и деревни этой славной страны могли спорить о имени его родины, он также не говорит ничего ни о горести доброго Санки, ни о слезах управительницы и племянницы, ни о печали друзей сего добродетельного и любезного человека. Ему написали множество эпитафий; только одна из них осталась в памяти людей: ее сочинил Самсон Караско.

*Здесь тот покоится, кто целый век скитался,
Был добрый человек и свято чтит закон!
Когда б забавнейшим безумцем не был он,
Тогда б из мудрецов мудрейшим почитался!³⁷*

Здесь Сид Гамед Бененжели обращается к своему перу и говорит: «Прости, мое любезное перо; худо ли, хорошо ли ты было мною очинено, я тобою писал без скуки; теперь тебя оставляю, и дай Бог, чтобы никакой глупый бумагомаратель не вздумал тебя очинить по-своему или не притупил тебя, не зная, как с тобою обращаться. Скажи ему, что

на свете один Дон Кишот, что одному тебе назначено и возможно было описывать его подвиги; скажи ему, что этого героя нет уже на свете, что стыдно и бессовестно беспокоить мертвых; если ж бесстыдники тебя не слушают, перо мое, если, несмотря на твои увещания, они захотят непременно вытащить этого бедного человека из гроба и заставить опять бродить по всему свету, иступись, изломайся в их грубых руках или заставь их писать нелепости и бредни! Что ж касается до меня, то мое дело кончено: я хотел посмеяться над глупыми рыцарскими романами; Дон Кишот мой дал им смертельную рану; я доволен; прости, мое перо, Бог с тобою!»

КОНЕЦ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЖУКОВСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК «ДОН КИХОТА»¹

Когда в 1860 г. И. С. Тургенев утверждал, что в распоряжении русского читателя нет хорошего перевода «Дон Кихота»², он был одновременно прав и неправ. Приходится сожалеть, что эту миссию не взяли на себя сам Тургенев, неоднократно намеревавшийся приняться за перевод «Дон Кихота»³, Островский, прекрасно воссоздавший на русской почве интермедии Сервантеса⁴ и мечтавший перевести некоторые главы из «Дон Кихота»⁵, или Достоевский, перу которого принадлежит «Сцена из “Дон Кихота”», блестяще воспроизводящая писательскую манеру Сервантеса⁶. Это мнение могло быть оспорено только версией Жуковского, однако Тургенев, по-видимому, попросту не принимал ее во внимание, как не отвечающую понятию «перевод» и не сохраняющую как раз те особенности романа Сервантеса, которые были необходимы русской прозе середины XIX в. Между тем перевод Жуковского несомненно имел громадное значение для русской прозы первой четверти века, и именно с этой точки зрения важна тема «В. А. Жуковский — переводчик “Дон Кихота”».

К моменту обращения Жуковского к роману Сервантеса о «Дон Кихоте» в России уже имели вполне определенное представление. К рубежу XVIII—XIX вв. «Дон Кихот», по утверждению М. А. Дмитриева, был в России одной из тех книг, которые «в каждой деревенской

¹ Редакционная коллегия издания ПССиП В. А. Жуковского выражает глубокую признательность директору ИРЛИ РАН, члену-корреспонденту РАН, члену Международного объединения исследователей Сервантеса В. Е. Багно за подготовленную для данного тома вступительную статью, за помощь и поддержку в подготовке тома.

² См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1980. Т. 5. С. 330.

³ Об этом он писал в 1853 г. П. В. Анненкову, а также в 1877 г. Я. П. Полонскому (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 172; Т. 12. С. 101).

⁴ См. об этом: *Плавский З. И.* А. Н. Островский — переводчик Сервантеса // Сервантес и всемирная литература. М., 1969. С. 197—213.

⁵ Об этом он говорил Н. Н. Луженовскому; см.: Библиотека А. Н. Островского. (Описание). Л., 1963. С. 15.

⁶ См.: *Багно В. Е.* Достоевский о «Дон Кихоте» Сервантеса // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Вып. 3. С. 126—135.

библиотеке уже находились», причем как на французском языке, так и в русских переводах⁷. В XVIII столетии роман Сервантеса, хотя в очень несовершенных и «куцых» по количеству глав переводах, выходил в России дважды. Первое издание, «История о славном Ламанском рыцаре Дон-Кишоте», относится к 1769 г. Его автором был Игнатий Антонович Тейлс⁸. Перевод этот сделан с переработки, впервые изданной еще в XVII в. и принадлежащей перу Фийо де Сен-Мартена. Последний стремился, как он сам пишет, приспособить свой текст ко вкусам французов, но все же не слишком удаляясь от оригинала, так что «некоторые места могут быть восприняты еще как испанские»⁹. Кроме того, русский перевод доведен только до XXVII главы.

Следующий перевод выполнен в 1791 г. Николаем Осиповым¹⁰. Поскольку он непосредственно предшествовал переводу Жуковского и, будучи переиздан в 1812 г., сосуществовал с ним в сознании читателей, на нем стоит остановиться подробнее. Он выполнен на основе французской переделки 1746 г. Принципиальное отличие ее от перевода Флориана, к которому обратился чуть позже Жуковский, состояло в том, что если в последнем довольно много сокращений и пропусков, то в первом еще более существенную роль играют произвольные вставки. Перевод Осипова не только «обогащен» введением грубо-фарсовых сцен с Санчо Пансой, но, что особенно важно, Дон Кихота в нем вылечивают от сумасшествия к вящей славе здравого смысла и человеческого разума с помощью некоего «потребного для излечения от сумасбродства лекарства». Роман у Осипова кончается так, как он должен был бы кончиться, если бы замысел его действительно состоял лишь в осмеянии рыцарских романов (с присовокуплением стремления покончить с современными авантюрными романами). Оскудение замысла приводит к тому, что выздоровевший Дон Кихот, объясняя свое стремление вернуться домой, обещает, что будет «пещись» об умножении и сохранении своего имения, которое за время его отсутствия «довольно поистощилось». Однако в целом перевод Осипова вполне отвечал просветительской традиции интерпретации романа Сервантеса и свою роль в какой-то мере, видимо, выполнил.

⁷ См.: *Дмитриев М.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. С. 26.

⁸ См.: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 65—66.

⁹ См.: *Cervantes M., de.* Histoire de l'admirable don Quichotte de la Manche. Avignon, 1786. Т. 1. P. IV.

¹⁰ Неслыханный чудодей, или Необычайные и удивительнейшие подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующего рыцаря Дон Кишота. Сочинение славного Михаила Серванта Сааведры. Перевел Н. О. СПб., 1791. Ч. 1—2.

Жуковский принимается за перевод в 1803 г. Уже в 1804 г. выходит первый том, а в 1806 г. были изданы все шесть томов этого перевода. Что же заставило писателя взяться за эту работу? Вряд ли полностью соответствует действительности объяснение, предлагаемое П. Загариным. По его мнению, Жуковский взялся за перевод по заказу Платона Петровича Бекетова, имевшего свою превосходную типографию¹¹. А в примечании к статье, напечатанной в 1821 г. в «Сыне Отечества», автор которой упрекал Жуковского за то, что тот не переводил с испанского, переводчик статьи в оправдание русского писателя пишет: «Жуковский переводил Дон-Кихота в молодости своей единственно для приятного препровождения времени»¹². Этих объяснений, по-видимому, недостаточно. Наверное, решающее значение имело новое представление о романе Сервантеса и особенно о его главном герое, которое в это время только начинало складываться и которое было созвучно идеалам молодого Жуковского. Оно сменило просветительский взгляд на роман Сервантеса как на смешную книгу о некоем сумасброде, взгляд, согласно которому Дон Кихот — антигерой. Вот что писал о Дон Кихоте Флориан в предисловии к роману, переведенном Жуковским: «Все читают “Дон Кихота”, как роман забавный и приятный; не все находят в нем сию натуральную философию, которая смеется над пред-рассудками, свято храня чистоту морали. Все, что герой говорит не о рыцарстве, как будто внушено мудростью и дышит любовью к добродетели; самое безумство его есть, в испорченном смысле, сия же любовь к добродетели. Дон Кихот — сумасшедший делами, мудрец мыслями. Он добр; его любят; смеются ему и всюду охотно за ним следуют»¹³. Эпиграфом к переводу Жуковского могла бы послужить фраза: «Если любить добродетель есть безумство, то, признаюсь, я безумец» (Д. К., IV, 21), переведенная им из Флориана и отсутствующая у Сервантеса. Начиналась эпоха философско-психологического истолкования «Дон Кихота». И Жуковский в своем переводе несомненно стоит у ее истоков. В этом он не был одинок. Несколько ранее, в 1793 г., Карамзин, например, писал И. И. Дмитриеву: «Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею так страстно, как я люблю —

¹¹ Загарин П. В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 51.

¹² См.: Кокфель К. Русская антология. (Из Revue Encyclopedique) // Сын Отечества. 1821. Ч. 73. С. 62—63.

¹³ Дон Кихот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. 2-е изд. М., 1815. Т. 1. С. 2. Цитаты приводятся по второму изданию, поскольку оно в какой-то мере было исправлено самим писателем. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Д. К., том (римская цифра) и страница (арабская цифра).

человечество!»¹⁴ В «Рыцаре нашего времени» мы находим наиболее развернутое и глубокое у Карамзина истолкование сервантесовского образа. Герой Карамзина соотносится с Дон Кихотом на том основании, что любовь к чтению при впечатлительности натуры породила в нем «донкихотство воображения»: «Леон на десятом году от рождения мог уже часа по два играть воображением и строить замки на воздухе. *Опасности и героическая дружба* были любимой его мечтою. Достоинно примечания то, что он в опасности всегда воображал себя *избавителем*, а не *избавленным*: знак гордого, славолюбивого сердца! Герой наш *мысленно* летел во мраке ночи на крик путешественника, умерщвляемого разбойниками; или брал штурмом высокую башню, где страдал в цепях друг его. Такое донкихотство воображения заранее определяло нравственный характер Леоновой жизни»¹⁵.

Сходным образом, как это было изложено в ходе пятых «Сервантесовских чтений» И. Ю. Фоменко, воспринимал роман Сервантеса М. Н. Муравьев¹⁶. Очевидно, что в понимании Жуковского Дон Кихот — это личность добродетельная и героическая. Понятие же «истинного героя» для него в начале века было одной из самых волнующих проблем. Он дает ему определение в статье «Истинный герой», а также в стихотворении «Герой»:

Героем тот лишь назовется,
Кто добродетель красну чтит,
.....
Кто сирым нежный покровитель;
Кто слез поток спешит отерть
Благодеяния струями;
Кто ближних любит, как себя;
Кто благ в деяньях, непорочен,
Кого и враг во злобе чтит —
Единым словом: кто душою
Так чист и светл, как божество (ПССиП. Т. 1. С. 43—44).

Поэтому роман Сервантеса мог и должен был заинтересовать Жуковского и в оригинале, особенно же в версии Флориана, в которой роман и образ главного героя были несколько переосмыслены именно в этом ключе. Жуковский обнаружил в «Дон Кихоте» многое из того, что отвечало его литературным пристрастиям и устремлениям и что

¹⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 42.

¹⁵ *Карамзин Н. М. Соч.:* В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 599.

¹⁶ См.: *Багно В. Е. Сервантесовские чтения* // РЛ. 1983. № 4. С. 226—227.

привлекало внимание его современников. Все те элементы, которые были либо недавно введены в русскую литературу, либо только в нее входили, однако в разрозненном виде, в романе Сервантеса присутствовали в сочетании, синтезе и единстве: 1) яркие сатирические зарисовки; 2) нередко идиллическая атмосфера, мастерски обрисованная Флорианом и им значительно усиленная; 3) гениальный образ человека из народа, «поселянина», отличный от нередко блеклых, одномерных изображений его в русской оригинальной и переводной литературе второй половины XVIII в.; 4) герой, воодушевленный высокими идеалами и вместе с тем живой и реальный; человеческий тип, в обрисовке которого в русской литературе еще не было достаточного опыта, но была насущная потребность. «Дон Кихот» демонстрировал возможность разработать различные языковые и стилистические пласты в одном произведении одновременно, без разделения на жанры, наряду с возможностью пропаганды высоких идеалов добродетельной жизни.

Не удивительно поэтому, что у Жуковского вполне могло возникнуть желание перевести роман Сервантеса. Не зная испанского языка, Жуковский естественным образом должен был обратиться именно к версии Флориана. Знаменательно, что одновременно с версией Флориана в том же 1799 г. был издан знаменитый перевод Л. Тика, открывающий новую, по сравнению с флориановским, романтическую эпоху в переозвучивании шедевра Сервантеса на инациональной почве. Вполне естественно, что в библиотеке Жуковского сохранился «Дон Кихот» в переводе Тика¹⁷; однако не случайно это оказалось издание 1810—1816 гг. В 1803 г., когда Жуковский принимался за перевод, авторитет такой знаменитости, как Жан Пьер Кларе де Флориан, значил для него несравненно больше, чем не вполне пока ясные новые идеи немецкого романтизма.

В конце XVIII — начале XIX столетия Флориан был очень популярен, и не только в России. В России Флориана много переводили, в том числе и сам Жуковский («Вильгельм Телль», 1802; «Розальба», 1802; басни, 1806)¹⁸, к его авторитету прибегали в литературной полемике. Его литературные и переводческие взгляды были близки в это время Жуковскому, а своему отношению к переводческой деятельности французского писателя он остался верен в известной мере и в дальнейшем. Особое значение во всей Европе в самом конце XVIII — первой

¹⁷ *Leben und Thaten des scharfsinnigen edler Don Quixote von la Mancha von Miquel de Cervantes Saavedra. Übersetzt vom Ludvig Tieck.* Berlin, 1810—1816. Bd. 1—4. См.: Описание. С. 119 (№ 790).

¹⁸ См.: *Разумова Н. Е.* Переводы из Флориана в творчестве Жуковского // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 160—162.

четверти XIX в. имел флориановский перевод «Дон Кихота»; поэтому необоснованны упреки Жуковскому в том, что он, имея возможность обратиться к более точным немецким переводам¹⁹, выбрал перевод Флориана. В самой Германии, при всей добротности уже существовавших переводов, в 1800 г. был издан в оригинале перевод Флориана. Эта яркая версия открыла новую эпоху в попытках воссоздать роман Сервантеса на инациональной почве. Именно к переводу Флориана, его тональности, его купюрам, восходят все детские версии «Дон Кихота». Свое понимание романа и свои переводческие принципы Флориан со всей определенностью изложил в предисловии, переведенном Жуковским. Согласно Флориану, «есть недостатки в Серванте: некоторые шутки часто повторяются, иные слишком растянуты; есть неприятные картины. Сервант не везде имел очищенный вкус, он платил дань своему веку! Сверх того всякая нация имеет свой особенный вкус. (...) Я... ослабил некоторые слишком сильные выражения; переделал многие стихи; выбросил повторения; наконец быстротою слога заменил красоты, которых не мог найти в своем языке. (...) Люди, не слишком строгие, которые не лишают переводчиков смысла и вкуса, могут поверить моей любви к Серванту, что я выбросил из него только то, что не могло быть его достойно в переводе. Знатоки в испанском языке не будут винить меня за то, что я осмелился сократить сию книгу, превосходную, несравненно приятную, в своем роде единственную. Они столько же знают, как и я, что мне иначе поступить было не можно. Красота одного языка нередко исчезает в другом. Что ж делать в таком случае переводчику? Пропускать или писать свое» (Д. К., I, 5—9).

Таким образом, Жуковский имел достаточно четкое представление об отличиях французской версии от испанского оригинала. Между тем некоторые тезисы этого предисловия, некоторые важные сведения о стиле Сервантеса и его поэтике, которые он оттуда почерпнул, давали ему возможность (которой он воспользовался) передать отдельные особенности «Дон Кихота» точнее, ярче и глубже, чем Флориан. Не без пользы для себя, например, он прочел следующее рассуждение: «Одну из главных красот сего оригинала составляет приятность, разнообразие слога. Сервант, заставляя говорить Дон Кихота, нередко возвышает свой тон, становится ритором. В разговорах Санхи всегда комическая простота и колкость. Совсем другой язык для пастухов, натуральный,

¹⁹ В оценке любого перевода значение всегда имела точка отсчета. Например, тот же перевод Тика, столь отчетливо противопоставлявшийся «переработке» Флориана, впоследствии нередко воспринимался не только как вольный и неточный, но и как «гротескная пародия» на роман Сервантеса. См.: *Rius L. Bibliografía crítica de las obras de Miguel de Cervantes Saavedra*. Madrid, 1895. T. 1. P. 291.

веселый и всегда приятный. Слог историка чист, легок, в иных местах несколько пышен, но везде гладок и непринужден. Остается желать мне, чтобы все это нашли в моем переводе» (Д. К., I, 9—10). Уже от себя Жуковский добавил: «И мне тоже». Некоторые из этих языковых и стилистических пластов, суть которых была усвоена им именно из предисловия Флориана, Жуковский усилил (или ослабил), иногда наперекор французскому тексту, более или менее нейтральному. В целом же Жуковский достаточно точно следовал тому ключу, который был предложен Флорианом, и тем особенностям, которыми отличается перевод Флориана. Прежде всего, в нем пропущены целиком некоторые главы. При этом выброшены в основном рассуждения и диалоги, но знаменательно, что среди этих «снятых» глав — глава, вызывавшая тягостные чувства у почитателей Рыцаря Печального Образа, а именно та, в которой его топчут свиньи. Переводческие принципы Флориана вызывали позднее резкую критику. «К несчастью, — писал, например, его современник М. Ж. Шенье, — он желает сокращать и все другие (кроме стихотворных пьес) части произведения; но он часто сокращает красоты, уничтожает гениальное, а не в этом состоит верность перевода. Он охлаждает пламень Сервантеса; комик обильный и искренний везде является скудным и сдержанным»²⁰.

На протяжении долгой истории переводов «Дон Кихота» сокращению или полному изъятию подвергались разные пласты романа, разные элементы его структуры. Сокращались то диалоги и пространственные рассуждения самого Дон Кихота на темы ратного дела, нравственности, литературы, политики, человеческой природы, как наносящие урон занимательности, то вставные новеллы, как рассредотачивающие внимание, то «натуралистические» эпизоды, как не отвечающие требованиям, предъявляемым к изящной литературе, то сцены, в которых Дон Кихот выступал в невыгодном для него свете.

В переводе Флориана, а следовательно и Жуковского, полностью отсутствует 51-я глава и большая часть предыдущей в первой части «Дон Кихота», а также главы 6, 9, 51, 54, 56, 68 и 70 второй части. Кроме того, особенно часто во второй части в одну главу соединены две или даже три главы оригинала. При этом непереуведенными оказались, с одной стороны, разговор Дон Кихота с племянницей и ключницей, в ходе которого он развивает свои идеи о различии между странствующими и придворными рыцарями и о различных «видах» родословных

²⁰ *Chénier M. J. Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789. Paris, 1835. P. 212. Цит. по кн.: Тихонравов Н. С. Соч.: В 3 т. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 442.*

(ч. 2, гл. 6), а с другой — глава, в которой Дон Кихота топчут свиньи (ч. 2, гл. 68). Однако если первая из них могла восприниматься Флорианом как «излишек», а вторая — как «черта худого вкуса»²¹, то глава, где приводятся чрезвычайно важные письма, которыми обменялись Санчо и Дон Кихот и которая кончается «Законоположениями великого губернатора Санчо Пансы» (ч. 2, гл. 51), могла оттолкнуть Флориана своим откровенным демократическим звучанием.

Перевод Жуковского выдержан в целом в близком к версии Флориана стилистическом регистре карамзинского сентиментализма. Слог Жуковского-переводчика в «Дон Кихоте» во многом условен, насыщен привычными словосочетаниями, «обыкновенностями», по его собственным словам²². Прежде всего это сказывается во вставных новеллах. В конце XVIII — начале XIX в. они настолько были в духе времени, что их не только не сокращали и не опускали, но даже издавали в качестве отдельных произведений²³. Вставные новеллы легче поддавались подобной трансформации, особенно новеллы «пасторального» типа, такие как эпизод о пастушке Марселе из первой книги и чрезвычайно популярный эпизод со свадьбой Камачо. Достаточно сказать, что если во второй из них герой, бедный влюбленный пастух, охарактеризован как «ловкий» («*ágil*»), то у Флориана он становится «*aimable*», а у Жуковского, соответственно, «любезным». Поскольку в этой же фразе далее раскрывается и доказывается «ловкость» героя: «Никто не умеет так ловко бросать копьё, так искусно бороться, так хорошо играть в мяч» (Д. К., II, 205), то Флориан вынужден был после «*aimable*» поставить точку с запятой, а Жуковский счел еще более естественным о проявлениях «ловкости» говорить в новом предложении. В целом же вставные новеллы и многие из монологов «Дон Кихота» в стилистическом отношении переведены достаточно адекватно. В передаче Жуковского следующим образом звучит, например, знаменитая речь о Золотом веке: «Блаженный век! Отцы наши называли тебя златым не для того, чтобы

²¹ «В Дон Кихоте встречаются излишки, черты худого вкуса — для чего их не выбросить?» (Флориан. Жизнь и сочинения Серванта // Д. К., I, 38).

²² См., например, письмо Жуковского к П. А. Вяземскому от 23 июля (5 августа) 1848 г. (ПСС. X. 121), в котором он признается, что «обыкновенности», т. е. общие места карамзинского сентиментализма, он ставит выше всего.

²³ См., например: Повесть о едином невольнике, выбранная из походов Дон Кихота и сказуемая им самим. Пер. с франц. Е. <встигнея> Х. <арламова> // Новая сельская библиотека, или Отборные повести, важные и любопытные, выбранные из наилучших древних и нынешних писателей, переведенные с французского в оставшееся от трудов по должности время в Нове-Городе Е. Х. [СПб.], 1781. Т. 2. С. 70—99; Безрассудное любопытство. Повесть. Пер. с франц. Федора Кабрита // *Сервантес*. Повести. М., 1805. Ч. 1. С. 1—95.

злато, божество нашего железного века, изобильнее для них рождалось; но для того, что бедственные слова: *твой* и *мой* не были никому известны. В сие время невинности и мира люди рождались с одинаким правом на блага земные. Сочный плод сенистого дуба доставлял им пищу приятную, простую, чистые потоки, шумящие ручьи катили к ногам их светлые волны, утоляли жажду их благотворными струями; прилежные пчелы в пустоте скал и древ дуплистых копили для них золотой мед, из соку цветов составленный. Кора могущих деревьев покрывала их мирные кущи, для бурь и непогод сооруженные. Тишина и согласие царствовали в мире. Жадный, неблагодарный земледелец не смел острым железом раздирать земли, приносившей обильно ему плоды свои. Тогда нежные, милые пастушки, в одежде невинности, гуляли по полям и рощам, пленяли сердца красотою, не знали других украшений, кроме природы...» (Д. К., I, 173—174).

Что же касается основного текста романа, то здесь Жуковский, как справедливо отмечает Юлиан Малишевский, нередко проникается буколически-идиллическим настроением, не замечая, вслед за Флорианом, сарказма Сервантеса²⁴.

Уже Флориан подвергал роман известной перестройке с точки зрения «благопристойности». Позиция Жуковского в этом смысле была близка флориановской. «Благопристойность» в литературе, с его точки зрения, высказанной примерно в те же годы, когда он работал над переводом «Дон Кихота», «не есть изменение натуры, но ее очищенность. Натура может сохранить всю силу свою и не быть отвратительной. Простота не есть грубость»²⁵. Подобная трансформация помимо устранения «черт худого вкуса» наносила ущерб комизму. Так, во 2-й главе первой части сначала сервантесовские бабенки «из числа тех, которые, как говорится, ходят по рукам» («*destas, que llaman del partido*»), превращаются у Флориана в «девиц не слишком строгого поведения» («*de celles qui ne sont pas sévères*»), а у Жуковского в «молодых девушек»; затем эти «молодые девушки» у Жуковского (следующего на этот раз за Флорианом) смеются не оттого, что Дон Кихот называет их «девицами» (как в оригинале), а оттого, что он называет их «почтенными». И мотивировка, и комизм, таким образом, оказываются в значительной мере утраченными. Подчас Жуковский на свой страх и риск «снял» двусмысленность комизма Сервантеса, сохраненную Флорианом. Например, в 9-й главе первой части у Флориана мы

²⁴ См.: *Maliszewski J. Wasilija Žukowskiego przekład «Don Kichota» Cervantesa // Filologia gósyjska. Opole, 1983. V. XXIII. S. 21—32.*

²⁵ См.: *Жуковский В. А.* Конспекты, выписки из различных книг и статей с примеч. Жуковского // *Оп. 2. № 46. Л. 53.* См. также: *ПССиП. Т. 12. С. 149.*

читаем: « un héros dont la vie fut consacrée au sublime emploi de défendre l'honneur des belles, de ces belles qui, toujours sages, couraient les champs sur leurs palefrois, et mouraient à quatre-vingts ans tout aussi vierges que leurs mères»²⁶. Жуковский заменяет «матерей» на «бабушек»: «...герой, который во всю жизнь был защитником чести красавиц — красавиц, которые больше глаза берегли свою невинность, разъезжали по полям на убранных конях и в девяносто лет были так же чисты и непорочны, как их бабушки» (Д. К., I, 155).

Рекомендации Флориана: «пуще всего писать плавным и чистым языком» (Д. К., I, 38) — Жуковский следовал неукоснительно. Как отмечал А. Н. Веселовский²⁷, именно благодаря Флориану Жуковский усвоил в юности следующий взгляд (повторив его в статье «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов», 1810): в переводах можно иногда «жертвовать и точностью и силою ради гармонии, как в музыке верность звуков должна уступать их приятности» (ВЕ. 1810. № 3. С. 196). В то же время Жуковский писал, что «переводчик остается творцом *выражения*, ибо для выражения имеет он уже собственные материалы, которыми пользоваться должен сам, без всякого руководства и без всякого пособия постороннего. — “А выражения автора оригинального?” — Их не найдет он в собственном своем языке: их должен он сотворить. А сотворить их может только тогда, когда, наполнившись идеалом (...) преобразит его, так сказать, в создание собственного воображения» (ПССиП. Т. 12. С. 286). Не удовлетворяясь «арабесками» Флориана, вызванными попытками передать словесную игру Сервантеса и некоторые барочные особенности его стиля, в чем Флориан подчас терпел неудачу, Жуковский прояснил стиль, облегчил его. Язык русского «Дон Кихота» чище, яснее, фразы нередко короче.

В соответствии со своей идеей о принципиальном отличии переводческого метода при переходе от одного стилистического пласта к другому²⁸ Жуковский позволил себе наибольшую свободу в обращении с французским текстом при передаче языка Санчо Пансы. Особую сложность для переводчиков «Дон Кихота» всегда представляли пословицы Санчо Пансы. В переводе Осипова, наиболее близкой по времени

²⁶ Цит. по кн.: Don Quichotte de la Manche, traduit de l'espagnol par Florian. Paris, 1820. V. 1. P. 76. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: F., том (римская цифра), страница (арабская цифра).

²⁷ См.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 492.

²⁸ «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном» (ПССиП. Т. 12. С. 209).

к «Дон Кишоту» Жуковского русской версии романа Сервантеса, делается попытка давать русские эквиваленты пословицам и поговоркам Санчо, однако за редким исключением предложенные Осиповым варианты либо маловыразительны, либо не подходят по смыслу, либо имеют слишком отчетливую национальную окраску. Жуковскому пришлось иметь дело с испанскими пословицами во французском переложении Флориана, именно в этом отношении на удивление буквалистичного. Жуковский сознавал, что при передаче монологов Санчо главное — сохранить «свободное дыхание». Поэтому он легко шел на отступления от буквы перевода Флориана, понимая, по-видимому, что за некоторыми образными рассуждениями Санчо могут стоять устойчивые испанские фразеологизмы. В этих случаях Жуковский смело перестраивал весь монолог, не особенно усердствуя даже в подборе этих эквивалентов, и создавал некий органично звучащий в устах Санчо монолог, функционально в целом соответствующий переводу Флориана и обладающий благодаря своей «подлинности» подчас большей художественной убедительностью, чем последний.

Жуковский в целом весьма удачно взамен испанских пословиц, дословно переведенных Флорианом, или пословиц французских приводит русские пословицы и поговорки, при этом достаточно нейтральные по звучанию, такие как «береги монету про черный день», «у кого свербит, тот и чешется», «слухом земля полна», «еду, не свищу, а наеду, не спущу», «иной в чужом глазу видит соломинку, а в своем бревна не замечает», «будет и на нашей улице праздник», «писанного пером не вырубешь топором», «дай синицу в руки, а не сули ястреба в небе», «смелость города берет», «век живи и век учись», «я знаю, где раки зимуют» и т. д.

Заметная особенность перевода Жуковского по сравнению с флориановской версией — усиленная фольклорность. Это позволяет Жуковскому, вопреки нейтрализующей манере французского писателя, приблизиться к «Дон Кихоту» Сервантеса «через голову» Флориана. Причем осуществляется этот принцип по ходу перевода в целом, в то время как отдельные решения зачастую оказываются малоубедительными. Любопытный пример усиления фольклорности с опорой на русское народное творчество приводит Александр Веселовский. Речь в данном случае идет не о переводе пословиц, а о воссоздании многочисленных в «Дон Кихоте», вкрапленных в прозаический текст стихов.

Так, при переводе стихотворения, которое Дон Кихот адресует вышеупомянутым бабенкам на постоялом дворе, Жуковский воспользовался русским «складом» (четырёхстопным хореем с дактилическим окончанием), к которому в попытках овладения народным тактовиком

до него прибежали Державин, Херасков, Карамзин, Воейков и который имел отчетливые былинные ассоциации²⁹:

Кто счастливее в подсолнечной
Дон Кишота и коня его! —
Позавидуйте мне рыцари!
Здесь прелестным я красавицам
Отдаю свои оружия!
Здесь прелестные красавицы
О коне моем заботятся! (Д. К., I, 80)

Ср. у Флориана:

Onc il ne fut de chevalier
Plus en faveur auprès des belles:
Don Quichotte est servi par elles;
Princesses pansent son coursier (F., I, 28)

У Сервантеса:

Nunca fuera caballero
De armas tan bien servido,
Como fuera don Quijote
Cuando de su aldea vino:
Doncellas curaban dél,
Princesas de su rocino³⁰.

Существенной трансформации уже в переводе Флориана подвергнут образ Дон Кихота. Усилена лирическая стихия, «сняты» или сглажены снижающие героя эпизоды и ситуации. В переводе Жуковского образ Дон Кихота претерпел еще бóльшую трансформацию. «Серьезные» монологи Дон Кихота, отношение к которым у Сервантеса далеко не однозначно, переданы абсолютно серьезно, без малейшего оттенка иронии (ощутимой у Флориана). Качественно новый этап в отношении к роману Сервантеса, характерный для эпохи, в которую Жуковский взялся за перевод, его собственные творческие интересы и тенденции национального литературного развития — все это привело

²⁹ Это, однако, не значит, как полагает Ю. Малишевский (см.: Указ. соч. С. 24—25), что в результате «конгениальной транспозиции», осуществленной Жуковским, сервантесовский герой превращается в некое подобие Ильи Муромца или Садко.

³⁰ *Cervantes Saavedra M., de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. Barcelona, 1978. P. 52.*

к тому, что «Дон Кихот» не был им воспринят как пародия. Во всяком случае, полемичность замысла Сервантеса, по-видимому, не ощущалась как автором перевода, так и его читателями в области языка, стиля, речевых (а следовательно, и мировоззренческих) характеристик. Пафос монологов Дон Кихота, одновременно мудрых и смешных, в утрированном виде и комическом освещении передающих типичные рассуждения героев рыцарских романов и тем самым развеивающих их, воспринимается Жуковским не только серьезно, но и с восторгом и воодушевлением. Исчезают многомерность романа, многоплановость оценок, у Сервантеса заключающаяся в том числе и в разрыве между добрыми началами, проповедуемыми рыцарскими романами, и нелепостью самих «проповедей».

Знаменательно, что даже некоторые ошибки Жуковского в понимании французского текста проникнуты той же тенденцией. Например, французское «*magnanime*» — буквально «великодушный» (у Сервантеса «*magnánimo*») было истолковано им как «великое сердце». И эта ошибка, имеющая прямое отношение к идеализирующей образ Дон Кихота тенденции, наполнила новым смыслом фразу: «Один, пеший, без всякой подпоры, кроме своего сердца, сего великого сердца, незнакомого с робостью...» (Д. К., III, 177). Подчас эта тенденция дает о себе знать в тех случаях, когда Жуковский затрудняется в выборе русского эквивалента отдельных слов или словосочетаний флориановской версии. Так, Жуковский явно затруднялся в переводе средневековых юридических терминов «*la justice distributive et commutative*» (у Сервантеса — «*la justicia distributiva y commutativa*»), имеющих вполне определенное значение. Дистрибутивное (распределительное) право — это распределение благ и наказаний, причитающихся данному лицу сообразно его поступкам; коммутативное (замещающее) право — замена одного наказания другим, обычно в сторону его смягчения. В русском переводе Дон Кихот рассуждает о правах гражданских и правах естественных. Трансформация при этом коснулась всей фразы в целом, самой сути одного из монологов героя Сервантеса, где он утверждает, что странствующий рыцарь обязан знать очень многое, в том числе и основы права дистрибутивного и коммутативного, дабы каждый получил, что ему следует и полагается. В интерпретации Жуковского («права гражданские и права естественные, чтобы не делать ничего противного законам и натуре» — Д. К., IV, 192) слова Дон Кихота звучат как теоретическое обоснование своего права освободить каторжников, которых «господь и природа создали свободными». Знаменательно при этом, что трудности чисто переводческого характера позволяли Жуковскому подчас вплотную приблизиться к недоступному для него оригиналу,

вопреки уводящему в сторону переводу-посреднику. Например, речь Дон Кихота о Золотом веке перед козопасами предваряет его обращение к Санчо с приглашением сесть рядом с ним как равный к равным, поскольку «о странствующем рыцарстве можно сказать то же, что говорят о любви, что оно все на свете уравнивает» («de la caballería andante se puede decir lo mesmo que del amor se dice, que todas las cosas iguala»). Флориан передает эту фразу несколько более абстрактно и витиевато: «La chevalerie est comme l'amour elle est la mère de l'égalité» («Рыцарство подобно любви, ибо оно — мать равенства» — *F.*, I, 87). Не имея возможности перевести слово в слово («la chevalerie» — по-французски женского рода), Жуковский был вынужден отступить от французского текста, выказав при этом чрезвычайно глубокое понимание образа, созданного фантазией испанского писателя: «Рыцарство, как и любовь, равняет состояния, сближает людей между собой» (*Д. К.*, I, 171).

Там, где Осипов называет Дон Кихота «набитым дураком», Жуковский назовет его «помешанным». И стоит за этим, конечно же, не случайный и произвольный выбор того или иного слова в синонимическом ряду, а новый взгляд на роман Сервантеса и на образ главного его героя. Само сумасшествие Дон Кихота у Жуковского если не снимается, то во всяком случае отходит на второй план. Дон Кихот для него несомненно не совсем сумасшедший. Любопытное рассуждение на тему «О характере сумасшедших в трагедии» мы находим среди его записей, сделанных примерно в те же годы. Жуковский пишет о допустимости характера сумасшедшего в трагедии, однако делает существенную поправку (надо полагать, не без оглядки на «Дон Кихота») относительно романов: «Трагический характер есть смесь силы и слабости, характер сумасшедшего есть одна слабость, ибо он есть одно страдание; слабость жалкая, но возбуждающая некоторое отвращение (...). Сумасшествие может быть трогательно в романе, а не в трагедии; я думаю, больше потому, что роман оставляет больше действовать воображению»³¹. Однако, поскольку сумасшествие он все же определяет как болезнь, которая «отнимает у человека свободу действовать», как «бесчувствие», а характер сумасшедшего как «нечто неопределенное, неясственное, непостоянное», очевидно, что Дон Кихот с точки зрения Жуковского в полном смысле сумасшедшим не был.

В переводе Жуковского заметна тенденция, которая в современной теории перевода называется «принципом сдвинутого эквивалента». Именно об этом идет речь в статье, переведенной Жуковским с фран-

³¹ Жуковский В. А. Конспекты, выписки... // РНБ. Оп. 2. № 46. Л. 49. См.: ПССиП. Т. 12. С. 137.

цузского: «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов». Жуковский переводил «Дон Кихота» в полном соответствии с этой программой. В качестве иллюстрации можно привести фрагмент из 21-й главы первой части.

Сервантес:

— Paréceme, Sancho, que no hay refrán que no sea verdadero, porque todos son sentencias sacadas de la misma experiencia, madre de las ciencias todas, especialmente aquel que dice: *Donde una puerta se cierra otra se abre*. Dígole, porque si anoche nos cerró la ventura la puerta de la que buscábamos engañándonos con los batanes, ahora nos abre de par en par para otra mejor y más cierta aventura...

Флориан:

Sancho, s'écria-t-il plein de joie, tous les proverbes sont vrais, principalement celui qui dit que *lorsqu'une porte se ferme une autre s'ouvre bientôt*. Cette nuit, la volage fortune a semblé se jouer de mes espérances; mais ce matin elle vient m'offrir un beau dédommagement... (F., I, 177).

Жуковский:

Санко! — воскликнул он в восхищении, — все пословицы справедливы, но эта всех справедливее: одна дверь на замок, а другая настезь! Прошедшим вечером плутовка фортуна изрядно подшутила над нами, но *утро вечера мудренее* (Д. К., II, 52—53).

Ощувив фольклорную основу скалькированной Флорианом испанской пословицы («*donde una puerta se cierra otra se abre*») и не подобрав ей прямого русского эквивалента, Жуковский решил компенсировать утрату чуть ниже в этой же фразе подлинной русской пословицей, между тем как французский текст оснований для этого не давал. С другой стороны, благодаря обыгрыванию слова «вечер» оказался восстановленным столь важный для Сервантеса принцип словесной игры (в оригинале обыгрывается слово «*la puerta*» — «дверь»), утраченный у Флориана. Жуковский несомненно ощущал значение данного элемента поэтики в структуре романа, вполне ощутимого в целом в версии Флориана, сознавал, что не везде ему удастся сохранить словесную игру без ущерба для смысла и, следуя «системе строгого вознаграждения», мог пытаться компенсировать утраты в других местах текста. Наконец, в той же фразе Жуковский интуитивно почувствовал некоторую нелогичность появления единственного числа («*mes espérances*») в разговоре о ситуации, в которой участвовали двое, и заменил его на множественное, удивительным образом восстановив логику и грамматику оригинала.

Разумеется, далеко не всегда Жуковский был столь удачлив. В переводе заметны следы недостаточной опытности, не всегда безукоризненного знания французского языка. Например, в 13-й главе первой части Жуковский не заметил отрицательную частицу и соответственно неверно истолковал фразу «*Je vous avoue qu'à mes yeux un but aussi peu chrétien diminue beaucoup leur mérite*» (F., I, 103). В итоге добропорядочный католик произносит у него более чем странную фразу прямо противоположного смысла: «Признаюсь, в моих глазах такая христианская цель убавляет их цену!» (Д. К., I, 195). Фраза «*Tel se couche en bonne santé qui le lendemain se relève mort*» (F., III, 133) переводится им буквально: «Иной ляжет здоров, а встанет мертвый» (Д. К., IV, 209). Однако подобные казусы крайне редки.

Современниками Жуковского его инициатива была встречена в высшей степени благожелательно. С точки зрения рецензента «Вестника Европы», автор перевода «оказал приятнейшее одолжение любителям отечественной словесности», предоставив в их распоряжение роман «приятный и занимательный» (ВЕ. 1806. № 24. С. 286—292).

«Дон Кишот» Жуковского не потерял своей актуальности и через четверть века, о чем свидетельствует рецензия на перевод С. С. де Шаплета, осуществленный с той же флориановской версии (речь о нем пойдет ниже). «В слабом и отчасти переиначенном “Дон Кихоте” Флорианова перевода, — по верному в целом замечанию рецензента “Литературной газеты”, — В. А. Жуковский весьма счастливо угадал дух подлинного произведения Сервантеса и передал его живым, прекрасным слогом»³².

И даже рецензент «Московского телеграфа», ополчившийся на перевод Флориана и Шаплета и противопоставивший им романтическую версию Тика, сделав скидку на «юный возраст» Жуковского, обратившегося к «Дон Кихоту», отметил его значение в борьбе с засилием французской словесности³³.

В 1815 г. «Дон Кихот» в переводе Жуковского вышел вторым изданием³⁴. В письме от 15 сентября 1809 г. к А. И. Тургеневу Жуковский характеризовал второе издание как «кое-как поправленное» (ПЖТ, 52). Насколько можно судить, эти исправления оказались минимальными и свелись почти исключительно к устранению опечаток, а также к некоторому обновлению орфографии («идти» вместо «итти»; слитное, вместо

³² Литературная газета. 1830. № 71. «Смесь». С. 286.

³³ МГ. 1831. Ч. 41. № 19. С. 391.

³⁴ Дж. Фицморис-Келли ошибочно указывает на третье издание 1820 г. (*Fitzmaurice-Kelly J. The life of Miquel de Cervantes Saavedra. London, 1892. P. 351*).

раздельного, написание некоторых слов, прежде всего с отрицанием; частичная замена заглавных букв в середине предложения на строчные и т. д.). Уточнения коснулись также системы знаков препинания, что оказалось весьма действенным в художественном отношении (например, в издании 1804—1806 гг. было: «Заря занялась, нет красавицы»; в издании 1815 г. читаем: «Заря занялась, — нет красавицы»).

Стилистическое решение, предложенное Жуковским в переводе флориановской версии «Дон Кихота», казалось настолько убедительным, а с другой стороны, настолько высок был авторитет его автора, что когда С. С. де Шаплет, весьма плодовитый и известный в свое время переводчик, решил осуществить новый русский перевод, основываясь на версии Флориана, он вынужден был иногда почти дословно следовать прочтению своего предшественника. Шаплет откровенно воспользовался находками Жуковского, не стесняясь черпал из его перевода, причем делал это, по всей вероятности, умышленно, не опасаясь быть уличенным, исходя, возможно, из соображения, что достойное воссоздание на русской почве шедевра Сервантеса — дело общее, и бессмысленно искать новых решений там, где предшественник их уже нашел. Так, Шаплет охотно заимствовал все русские варианты и эквиваленты пословиц Санчо Пансы, у Жуковского нередко значительно более фольклорно окрашенные, чем у Флориана. Например, один из знаменитых каскадов пословиц и поговорок Санчо у Жуковского передан следующим образом: «У кого свербит, тот и чешется! Купил дорого, говорил дешево, а в кошельке пусто! Голым родился, гол и живу: ни прибыли, ни убыли! Какая мне нужда: видел не видал, слышал не слышал! На всех не угодишь! Слухом земля полна» (Д. К., II, 123).

Шаплет, не опасаясь быть уличенным в плагиате, пишет: «У кого свербит, тот и чешется. Купил дорого, сказал, что дешево, а в кошельке пусто. Гол родился, голым и живу. Нет мне тут ни прибыли, ни убытка. Что мне за нужда! Часто врут пустое: кого не бесславили? Слухом земля полна»³⁵.

Обаяние образцового, по словам Пушкина, переводного слога Жуковского³⁶ было настолько велико, что опытный и в целом буквалистичный Шаплет заимствовал у Жуковского некоторые из откровенных добавлений, внесенных последним в текст перевода (например, пословицу «Береги монету про черный день» из 23-й главы первой части, заменив, впрочем, предлог «про» на предлог «на»), или, наоборот,

³⁵ Дон Кихот Ла Манхский. Сочинение Сервантеса. Перевел с французского С. С. Шаплет. СПб., 1831. Ч. II. С. 134.

³⁶ См. письмо Пушкина к К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. XIII. С. 135.

следовал за Жуковским, сокращающим либо упрощающим те или иные высказывания и характеристики (например, характеристику духовника герцогской четы из второй части романа).

К чести Шаплета надо сказать, что он не только несколько более доверчиво, чем это принято, относился к работе предшественника, но и достаточно внимательно следовал за французской версией. Большинство из вышеупомянутых ошибок Жуковского им было исправлено.

Перевод Шаплета был подвергнут единодушной критике. И если возмущение Н. М. Языкова вызвал выбор французского, а не более точного немецкого перевода-посредника³⁷, а рецензент «Московского телеграфа», резко осудив попытку передавать «в другой раз русским читателям водяную переделку Флориана», отметил, что в своем переводе «Дон Кихота» Шаплет «беспрестанно грешит против чистоты русского языка»³⁸, то рецензент «Литературной газеты» справедливо сетовал на то, что «при нынешнем распространении у нас языков чужеземных» русский читатель вынужден довольствоваться переложением с перевода-посредника, а не с испанского подлинника³⁹. Именно версию Шаплета мог иметь в виду в 1836 г. Пушкин, когда он писал в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”», что уже его современники от переводчиков стали требовать «более верности и менее щекотливости и усердия к публике — пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде»⁴⁰. Перевод Жуковского к этому времени свою миссию и в ознакомлении нескольких поколений русских читателей с романом Сервантеса, и в развитии русской прозы выполнил. Поэтому вряд ли обоснованна резко критическая оценка работы Жуковского, содержащаяся в монографии американской исследовательницы Л. Туркевич: «В неудавшейся попытке придать, в соответствии с рекомендациями Флориана, своему русскому языку легкость и изящество Жуковский совершил ошибку, заменив отчетливо-разговорным стилем классическую величавость стиля Сервантеса. Очень мало от духа сервантесовского произведения сохранилось в переводе Флориана, — совсем ничего не осталось в версии Жуковского»⁴¹. В подтверждение этого мнения она приводит фрагмент письма Жуковского к А. И. Тургеневу, свидетельствующий, с ее точки зрения, о том, что Жуковский сам стыдился своего перевода:

³⁷ См. письмо Н. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 5 января 1832 г. в кн.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21. С. 62.

³⁸ См.: МТ. 1831. Ч. 41. № 19. С. 390—393.

³⁹ См.: Литературная газета. 1830. № 71. С. 286.

⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XII. С. 137.

⁴¹ См.: Buketoff-Turkevich L. Cervantes in Russia. Princeton, 1950. P. 13—14.

«Ты хочешь, чтобы я прислал тебе *полную* роспись моих произведений (!) в стихах и прозе и переводов для помещения обо мне известия в вашем обозрении. *Helas! Pauvre Jacques! Je sens trop fort ma misère.* Пусть скажут: он перевел *Дон-Кихота*, но *как* перевел — ни слова, ибо..., и что сего творения будет скоро напечатано второе издание, *ков-как* поправленное» (ПЖТ. С. 52). На наш взгляд, данное высказывание не поддается столь однозначному толкованию. Во всяком случае ясно, что, если бы Жуковский, уже достаточно известный в ту пору, действительно считал, что «Дон Кишот» наносит ущерб его писательской репутации, он вряд ли согласился бы на его переиздание или по крайней мере существенно его переделал.

«Дон Кишот» Жуковского сыграл немаловажную роль и в творческой биографии писателя, и в русском литературном процессе. Зnamenательно при этом, что не только личность Жуковского и его эстетические взгляды наложили отпечаток на перевод, но и сам писатель в дальнейшем в какой-то мере ассоциировался с Рыцарем Печального Образа. Так, Александр Веселовский привел слова Вяземского из письма к А. И. Тургеневу от 12 декабря 1820 г. и следующим образом откомментировал их: «Жуковский тоже Дон-Кихот в своем роде. Он помешался на душевное и говорит с душами в Аничковом дворце, где души никогда не водились». — Он «набил руку на душу, чертей и луну», но «ему нужно непременно бы иметь при себе Санхо, например, меня, который ворочал бы его иногда на землю и носом притыкал его к житейскому» (...). Санчо-Вяземского не случилось при Жуковском, и опасения относительно Дон Кихота были в известной мере справедливы»⁴².

В становлении творческого метода Жуковского опыт перевода романа Сервантеса не пропал бесследно. Как справедливо пишет Н. Е. Разумова, «школа “Дон Кишота” способствовала выработке у Жуковского опыта объективного и психологизированного повествования»⁴³. Отголоски увлечения романом Сервантеса можно обнаружить много позже, в 1840-е годы. Образ Дон Кихота, например, вне всякого сомнения, сыграл не последнюю роль в выработке концепции энтузиазма, которая содержится в статье «Энтузиазм и энтузиасты»: «В такое время энтузиасту, то есть человеку сильного, страстного характера, самоотверженно предающемуся своим любимым идеям, легко отделить себя от общего;

⁴² Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 309—310.

⁴³ См.: Разумова Н. Е. Указ. соч. С. 160—162. Вопрос о значении перевода «Дон Кихота» в творческой биографии и в какой-то мере в развитии русской прозы Н. Е. Разумова ставит также в статье «“Дон Кихот” в переводе Жуковского» // ПМиЖ. Томск, 1983. Вып. 10. С. 14—28.

он творит для себя свою особенную совесть и, не видя добра существенного, создает для себя добро химерическое и действует по произволу, а не по долгу, руководствуясь одним собственным убеждением, и все остальное ему подчиняет» (ПСС. X. 138).

Живым явлением русской прозы «Дон Кишоту» Жуковского позволила стать та «переакцентуация» (М. М. Бахтин), которой роман Сервантеса был подвергнут в версии Флориана и которая, применительно ко вкусам русских писателей, потребностям русской литературы и особенностям русского языка, была еще усилена Жуковским. Каждая эпоха имела свою концепцию «Дон Кихота», иногда это находило подтверждение в переводах или переводе, который способствовал ее углублению. Мировая литература знает версии «Дон Кихота», соответствующие точке зрения на роман Сервантеса просветителей, сентименталистов, романтиков, реалистов. В России не было перевода, отвечавшего интерпретации романтиков (подобного версии Л. Тика), и это, по-видимому, отразилось на развитии русской романтической прозы. В эпоху реализма переводы К. П. Масальского и В. А. Карелина свою миссию в целом выполнили, хотя они и не идут ни в какое сравнение с возникшими в то же время интерпретациями Белинского, Тургенева и Достоевского и с творческим освоением русскими писателями, особенно Гоголем, Тургеневым, Достоевским и Лесковым, сервантесовского романа⁴⁴. И в этом смысле талантливый перевод Жуковского, полностью отвечавший насущным потребностям эпохи, заложивший основы и нового понимания романа в России, и способов воссоздания его на русской почве, выгодно отличается и от предшествующих ему, и последующих русских версий.

⁴⁴ Подробнее о бытовании романа Сервантеса в России в эпоху реализма см.: Багно В. Е. «Дон Кихот» Сервантеса и русская реалистическая проза // Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1983. С. 5—67.

И. А. Айзикова

**СТИХ И ПРОЗА В ПЕРЕВОДЕ
В. А. ЖУКОВСКОГО «ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ»**

Перевод «Дон Кишот Ламанхский» (1803—1806)¹ — самый крупный в творческом наследии Жуковского, выполненный, как известно, с перевода-посредника, сделанного Ж. П. К. Флорианом в 1799 г.² П. А. Плетнев писал по этому поводу: «Он (Жуковский. — И. А.) воспользовался трудом Флориана, автора, столь уважавшегося в его время. Как ни странно теперь думать, что первоклассный поэт руководствуется второстепенным кудреватым писателем, при всем том истинное дарование вывело переводчика на прямую дорогу, и в книге его до сих пор много достоинств неотъемлемых»³.

Прежде всего, здесь показательна та настойчивость, с которой начинающий писатель, озабоченный проблемами развития отечественной прозы, обращается к жанру романа, пытаясь приспособить специфику его ренессансной модификации, стоявшей, как известно, у истоков романа Нового времени, к задачам русской прозы XIX в. Позднее, в «Письме из уезда к издателю» (1808) Жуковский обозначит самую главную мысль в отношении этого жанра, который станет во второй половине XIX в. ведущим в русской литературе. Рассуждая о несовершенстве современного романа, Жуковский, вслед за Н. М. Карамзиным, утверждает, что именно роман может дать «пищу для ума», может способствовать возвышению духа. Именно роман может изменить отношение

¹ Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским: В 6 ч. М., 1804—1806. Далее цитирую это произведение по второму изданию (М., 1815), отмечая в тексте том (римской цифрой) и страницу (арабской).

² Don Quichotte de la Manche traduit de l'espagnol de Michel de Cervantès par Florian, ouvrage posthume: V. 1—6. Paris: de l'Imprimerie de P. Didot l'Aîné, 1799. V. 1—6. 1798—1802. Далее при цитировании этого издания указываю в тексте в скобках том (римской цифрой) и страницу (арабской).

³ Цит. по кн.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 384. Очень высоко оценил перевод Жуковского М. А. Дмитриев: «Перевод отличается необыкновенно хорошим слогом (...) Жаль, что он не напечатан в полном собрании переводов в прозе Жуковского» (Там же. С. 121).

к чтению и приготовить человека к «обращению с людьми», а значит, к потребности самосовершенствоваться, «час от часу более привязываясь ко всему доброму и прекрасному» (ПССиП. Т. 12. С. 177)⁴. Но реально такого романа в русской литературе еще не было, о чем Жуковский с сожалением писал в «Письме из уезда...». И сам он не был готов к созданию такого романа, модель которого представил в своей статье. «Романное начало» нового типа, освоение которого оригинальной русской прозой запаздывало, вызревало в его переводах. В этом плане роль работы Жуковского над переводом «Дон Кихота» трудно переоценить.

По справедливому утверждению исследователей, этот перевод, отражая нравственно-философские искания Жуковского 1800-х гг., становление его предромантической и романтической концепции личности, положил начало философско-психологическому истолкованию «Дон Кихота» в России, философско-психологической русской прозе и философско-психологическому русскому роману⁵. Факт обращения Жуковского к «Дон Кихоту» закономерен и в другом отношении. Пытаясь преобразовать русскую прозу путем сближения лирического и эпического начал, Жуковский начинает работу над переводом романа, запечатлевшего эволюцию эпической формы в европейской литературе при переходе ее от средневековой эпической поэмы к роману Нового времени. По образному и очень глубокому выражению В. Набокова, «Дон Кихот» демонстрирует, как с эпической формы средневековья «сползает ее метрическая кожа, стопы привыкают к пешей ходьбе, и от крылатого эпического чудовища и занимательного эпического рассказа рождается плодovitый гибрид «...» европейский роман»⁶.

Главным для Жуковского стало создание образа, в чьей жизни стержнем является внутренняя подвижность. Дон Кихот в переводе Жуковского, будущего открывателя «Америки романтизма» в русской литературе, это — личность, творящая себя и окружающий мир. При этом читателю перевода Жуковского ясно, что внутренняя работа Дон Кихота посвящена служению человечеству. В этом плане Жуковский обнаружил в герое Сервантеса многое из того, что отвечало его этико-философской системе, прежде всего, ее главной идее самосовершенствования личности. Именно в период белевского уединения Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Мне хочется непременно сделать из себя (...)

⁴ Ср. со статьей Н. М. Карамзина «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802).

⁵ См. статью В. Е. Багно в наст. изд.

⁶ *Набоков В. Мигель де Сервантес Сааведра // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 484.*

все лучшее, полезное» (письмо от 8 января 1806 г. — ПЖТ. С. 20). Под углом зрения проблемы самосовершенствования, движения к идеалу Жуковский ведет свои ранние дневники, читает в 1800-е гг. труды Цицерона и Гарве, Дюкло и Руссо и мн. др. В этом чтении, в дневниках и письмах Жуковского вырабатывались основы его «моральной практической философии», которая нашла свое отражение и в «Дон Кишоте». Интересно, что в хрестоматии «Примеры слога», работа над которой велась параллельно переводу романа Сервантеса, Жуковским был задуман специальный раздел «Моральная практическая философия». В него должны были войти фрагменты «О угрызении совести», «Любовь к человечеству», «Победа над самим собою славнейшая из побед», «Наружность счастья и истинное счастье» и т. д., переведенные из сочинений Руссо, Шатобриана, Массильона, Бартеlemi, Фенелона, Тома и др.

Вместе с тем, в романе Сервантеса, завершавшем период Возрождения, очень остро была поставлена проблема человеческих возможностей, т. е. типично романский вопрос о человеке и обстоятельствах. Это вполне закономерно могло и даже, пожалуй, должно было интересовать Жуковского, проявлявшего с самого начала творческого пути внимание к тесной связи «внутреннего человека» и окружающей его жизни, к общественной природе человеческой личности. Интересно в этом плане отмеченное многими исследователями отсутствие в переводе Жуковского пародийного начала в отношении к Дон Кихоту, образ которого выдержан, скорее, в элегическом, «буколически-идиллическом» (Ю. Малишевский) настроении, органично взаимодействующем с одическим. Показательно, что синтез элегии, идиллии, оды и описательной поэмы оказался характерен и для поэзии Жуковского этих лет («Сельское кладбище», «Опустевшая деревня», «Идиллия», «Вечер»).

Рыцарское поведение героя при любых обстоятельствах передается в переводе Жуковского как доминанта характера Дон Кихота, основа его индивидуальности. Это также было вполне созвучно принципиальному интересу Жуковского к нравственным проблемам личности, к добродетели как фундаменту человеческого характера. Примечательно, что Жуковского привлекают «странные», противоречивые характеры, отличающиеся, в силу постоянного развития, неповторимостью, непредсказуемостью. Он формирует в это время собственную систему психологического анализа. Перевод «Дон Кихота» в полной мере демонстрирует нам эти интересы Жуковского. Прежде всего он открывает читателю субъективность переживания героем действительности, воображаемый им мир. В повествовании складывается особое

соотношение позиции автора и героя: герой выстраивает игровые отношения с миром, решает превратить свою жизнь в роман об идеальном рыцаре и при этом отказывается от объективного знания о мире. Автор, в свою очередь, играет разными планами изображения: субъективным и объективным, лирическим и эпическим, стиховым и прозаическим. В «Дон Кишоте» Жуковского подчеркивается двухплановость сюжета, создающего объемное изображение мира и одновременно трансформирующего его в поэтическую, метафорическую картину, что было столь близко художественному сознанию переводчика.

Роман Сервантеса сам направлял Жуковского к проблеме сложности внутреннего мира человека и его отношений с окружающей действительностью. И здесь чрезвычайно показательно глубокое понимание Жуковским вопроса о безумии Дон Кихота, вокруг которого концентрируется в романе вся его философская, нравственно-психологическая проблематика. Опираясь на труды европейских сенсуалистов, прежде всего французских просветителей, которые он штудирует в 1800-е гг., в период работы над переводом романа Сервантеса, Жуковский с особой силой выделяет проблемы соотношения ума и чувства, человека и общества, индивидуальности и индивидуализма. Решая вопрос о безумии Дон Кихота, Жуковский в своем переводе подчеркивает прежде всего веру героя в безграничность своих возможностей, его одержимость благородной целью усовершенствовать мир и самого себя, что и принимается окружающими, увязшими в эгоизме и погоне за материальным благополучием, как сумасшествие. Отсюда элегические мотивы одиночества, странничества, органично перешедшие в перевод прозаического сочинения из поэзии Жуковского.

Заметным явлением и в масштабах творчества Жуковского, и в истории русской прозы «Дон Кишот» стал в связи с заострением в нем проблемы нравственного выбора. Все герои романа Сервантеса живут в свободном (ренессансном) мире, но только два из них выбирают для себя служение высоким идеям. Дон Кихот и Санчо Панса, совсем не похожие друг на друга, все же объединяются в своем сознательном стремлении к идеалу. Жуковскому предельно дорога эта важнейшая мысль романа в связи с его размышлениями о духовности как особом начале человеческой личности, пробуждающем ее «нравственный инстинкт». Своего рода «двоемирие» двух главных героев романа Сервантеса осмысливается переводчиком, родоначальником русского романтизма, не как бегство от действительности, а, наоборот, как устремленность к ней с благородной целью соединения мечты и реальности. Этико-философская проблематика романа Сервантеса, выделенная Жуковским в переводе, определяла, в свою очередь, психологиче-

ское истолкование образов, конфликтов произведения, своеобразие его жанрово-родовой природы.

В связи с этим поставим ряд вопросов, относящихся к процессу взаимодействия поэзии и прозы в «Дон Кишоте». В частности, обратимся к такому моменту: для Жуковского оказалась чрезвычайно значимой (особенно это заметно на фоне отступлений переводчика от подлинника) прозиметрическая тенденция, характерная для ренессансного романа Сервантеса. Вероятно, чередование стиховых и прозаических частей текста имеет для Жуковского принципиальный характер, и здесь он опять у истоков большой традиции, продолженной Пушкиным, а в дальнейшем и другими русскими писателями.

Прежде всего, анализ текста позволяет говорить о том, что прозаические и стихотворные фрагменты несут в романе каждый свою родовую нагрузку. Однако граница лирического и эпического в «Дон Кишоте» Жуковского оказывается сама по себе довольно размытой и не напрямую спроецированной на стихо-прозаическую границу, поскольку прозаический текст романа психологизирован, подчинен, как уже было отмечено выше, изображению личностного, крайне субъективного образа мира. Что касается количественного соотношения, то прозаического текста в романе оказывается, конечно, значительно больше стихотворного. Хотя и здесь все не столь однозначно. Стихотворные фрагменты за счет их особой жанрово-родовой природы явно выходят за рамки своего видимого объема и пронизывают прозаические фрагменты, определяя во многом характер их восприятия читателем. Весьма показательна в этом плане равномерность распределения стихового материала в прозаическом (10 — в т. 1—3 и 9 в т. 4—6⁷).

Любопытен и сам принцип организации границы между стихами и прозой внутри целого текста. Даже при беглом обзоре бросается в глаза тот факт, что стиховые фрагменты в переводе Жуковского отличаются разнообразие формы (имеются в виду жанры, размеры, рифмовка, строфика), поэтому переход от стиха к прозе и, наоборот, не оказывается резким, неожиданным. Иногда граница является просто сменой формы записи единого по смыслу текста (таков, напр., романс «Красавица, я умираю!..», который Дон Кихот читает, пытаясь передать свое отчаяние; романс продолжает авторское прозаическое описание внутреннего состояния героя).

Пристального внимания заслуживает сам механизм перехода в «Дон Кишоте» от прозаической речи к стихотворной и наоборот. Он показан

⁷ Для второй части перевода было сделано тоже 10 стихотворных переводов, но один из них не вошел в публикацию, о чем см. далее.

телен прежде всего в связи с типом повествования и образом автора-повествователя. Жуковский использует разные формы такого перехода, начиная от случаев, когда субъект стихотворной речи (а также часто и ее автор) так или иначе указывается (например, стихи из записной книжки неизвестного, прочитанные Дон Кишотом, — «Надежда, говорят, любовь животворит...»), до случаев немотивированного перехода от прозаического текста к стихотворному. Такой переход осуществляется непосредственно в речи героя (например, «Кто счастливее в подсолнечной...», «Что делать, сердце, мне с тобою?..») или автора-повествователя («Долины, мирные луга...») и, главным образом, в одном направлении — от стихов к прозе. В прозе плавно продолжается стихотворный сюжет, что, безусловно, провоцирует воспоминание о стихотворной «паре» прозаического фрагмента. Есть случаи, когда стихотворный текст является необходимым звеном в развитии прозаического сюжета — «Лишь только роза расцвела...», «Однажды бог любви...», «Великий Дон Кишот!..». Случаи немотивированного (а точнее сказать, опосредованно, скрыто мотивированного) перехода от прозы к стиху в романе единичны (это, например, стихотворение «Залоги нежности моей...», которое Дон Кишот вдруг начинает читать, глядя на глиняные кувшины, напомнившие ему о Дульсине, или стихотворение «Великий Дон Кишот!..», представляющее собой заклинание Мерлина).

Таким образом, в переводе Жуковского можно говорить о нескольких границах, более или менее отчетливых, между стихом и прозой, что однако не разрушает целостного текста, а напротив, делает его многомерным, универсальным. Стихотворный сюжет как бы дополняет основной, прозаический. В первую очередь обратимся к стихотворному сюжету, который до сих пор не привлекал внимания исследователей.

В роман вошло 19 стихотворений, черновые и беловые автографы большинства из которых⁸, в отличие от автографа прозаической части романа, сохранились, будучи записаны на отдельных листах толстой синей бумаги с водяными знаками 1804 и 1806 гг., переплетенных теперь в тетрадь, которая находится в фонде рукописей Жуковского в РНБ (Оп. 1. № 12. 50 л.). Стихи из «Дон Кишота» занимают 9—14-й листы тетради, им предшествуют автографы таких стихотворений, как «Герой», «Сельское кладбище», «Мой милый друг», а за ними располо-

⁸ Не сохранились автографы стихотворений «Кто счастливее в подсолнечной», «Красавица, я умираю» — из т. 1, «Залоги нежности моей» из т. 4, «Прости, герой, прости любезный» из т. 6.

жены автографы «Послание к Нине», «Опустевшая деревня», «Послание Элоизы к Абеляру» и др. Стихи собраны в подборки, предназначавшиеся для того или иного тома романа и идут в такой последовательности:

- Л. 9, озаглавленный «Том I»: «Что пользы, Ниса, притворяться»
«Как счастлив тот, кто в бурном свете»
Л. 9 об. «Сия холодная могила».

Слева или справа напротив первого или последнего стиха каждого стихотворения, карандашом или черными чернилами проставлены цифры, иногда заключенные в скобки, иногда отмеченные длинной горизонтальной линией, соответственно 1, 2, 3, обозначающие порядок следования стихотворного произведения в романе. Эти цифры зачеркивались (например, цифра «1» на правом поле над стихотворением «Что пользы, Ниса, притворяться», зачеркнута, и она же написана после горизонтального отчеркивания справа под текстом стихотворения), записывались словом (например, слева сверху над стихотворением «Как счастлив тот, кто в бурном свете» находим цифру «2», в скобках, а ниже, справа, напротив 3-й строфы написано: «Номер второй»), отражая работу Жуковского над построением стихотворного сюжета первого тома и его введением в сюжет прозаический. Кроме того, над текстом стихотворений проставлены номера страниц, которые не совпадают ни с французским источником перевода, ни с печатным русским переводом (возможно, это страницы корректуры). Далее Жуковским использована та же система рубрикации и нумерации текстов.

Так, на л. 9 об. находятся автографы стихотворений, предназначавшихся для второго тома перевода. Под заглавием «Том II» здесь записаны стихотворения «Надежда, говорят, любовь животворит» и «Голубок уединенный» (отмечены соответственно цифрами сверху слева «(5)» и справа напротив последнего стиха «2»). Продолжение последнего расположено на л. 10, за которым следует автограф стихотворения «Вотще бежит злодей», предназначавшегося, судя по записи сверху по центру листа «Т. 3 — 42», для третьего тома перевода. Порядковый номер этого стихотворения обозначен Жуковским цифрой «6», записанной в скобках сверху текста, слева, карандашом. Далее на л. 10 снова по центру сделан заголовок «Том IV — 113», под которым записано стихотворение «О ночь, как ты была прекрасна». В левом верхнем углу оно отмечено цифрой «8», а на правом поле напротив 3-го стиха 1-й строфы после горизонтального отчеркивания записана цифра «3».

На л. 10 об. имеется еще один заголовок — «Т. V 167», под которым — черновой вариант стихотворения «Великий Дон Кишот!».

без названия, перечеркнутый, отмеченный сверху слева цифрой «11». Ниже следует «Скупой сокровища скрывает», отмеченный сверху по центру цифрами «191» (вероятно, указана страница корректуры того же V-го тома). Напротив 3-го стиха последней строфы этого стихотворения, записанной уже на л. 11, имеется горизонтальная линия и цифра «5». Далее располагается черновой вариант стихотворения «Лишь только роза расцвела», все три строфы которого перечеркнуты. Судя по цифровым отметкам, этот текст должен был следовать в романе, по первому замыслу, 13-м, затем 6-м, 7-м и снова 13-м.

На л. 11 об. находим автограф «Ладьею легкой управляя», который, судя по заголовку («Т. III — 178»), предназначался для третьего тома «Дон Кишота», его порядковый номер Жуковский изменил с 7-го на 8-й. Ниже, под надписью «Том IV — 204» записано стихотворение «Богатство, слава, честь», оно отмечено слева сверху и справа снизу цифрой «10». На следующем, 12-м листе в рубрике «VI. 21» расположен черновой автограф стихотворения «Однажды бог любви», которому, если судить по цифровым отметкам, Жуковский хотел дать 14-й, 10-й, 11-й, 12-й порядковый номер. На оборотной стороне листа — еще два варианта (черновой и белой) стихотворения «Сия холодная могила», черновой автограф «Долины, мирные луга», отмеченный сверху слева цифрой «4», а справа напротив стиха «Упреки бедственной любви» — цифрой «13».

Л. 13 открывается беловым вариантом «Лишь только роза расцвела», отмеченным слева сверху как 13-й, а ниже — семь зачеркнутых стихов из этого стихотворения («Он здесь, сей витязь, сей герой...»). Еще один вариант «Великого Дон Кишота!», пронумерованный цифрой «11», находится на обороте этого листа. Последний, 14-й лист содержит варианты эпитафии «Здесь тот покоится», первый из них отмечен слева сверху цифрой «16», черновую редакцию «Великого Дон Кишота!», отмеченную цифрой «11» (перечеркнутую). Наконец, на обороте л. 14 записаны автографы «Что делать, сердце, мне с тобою» — под цифрой «12» и «Здесь тот покоится» — под цифрой «16».

Как видим, некоторым стихотворениям сразу было найдено место в структуре прозаического повествования перевода (Жуковский шел строго за французской версией романа), в отношении некоторых Жуковский сомневался (наибольшую трудность в этом плане вызвали стихотворения «Лишь только роза расцвела», «Однажды бог любви» и «Ладьею легкой управляя», которые Жуковский пробовал перемещать из одного тома в другой). Кроме того, стихотворение «Скупой сокровища скрывает», переведенное для 5-го тома, не вошло в него и вообще в роман, а вместо него было помещено «Что делать, сердце,

мне с тобою», черновой вариант которого записан на обороте последнего из дошедших до нас листов с автографами стихотворений из «Дон Кишота». В опубликованном тексте перевода в целом сохранена последовательность стихотворений и их отнесенность к тому или иному тому, намеченная в рукописях, с отступлениями, вызванными включением в окончательный вариант переводного романа стихотворений, автографы которых до нас не дошли.

В основном Жуковский при переводе стихотворений, так же как и при передаче прозаического повествования, близок к тексту Флориана. Отступления сводятся к небольшой трансформации объема, чаще всего в сторону увеличения (например, в «Как счастлив тот, кто в бурном свете» — у Флориана 5 строф по 4 стиха, у Жуковского — 4 строфы по 4 стиха, в «Долины, мирные луга» обе строфы увеличены у Жуковского на 1 стих, в «Лишь только роза расцвела» 5 строф по 4 стиха вместо 4-х строф (тоже по 4 стиха) у Флориана, но при этом в русском переводе опущен рефрен во всех строфах, имеющийся во французском тексте; почти вдвое — с 4-х стихов у Флориана до 7-ми у Жуковского — увеличено только одно стихотворение «Кто счастливее в подсолнечной»). Вместе с тем, в ряде случаев переводы стихотворений у Жуковского меньше по объему, чем в версии Флориана (так, «О ночь, как ты была прекрасна» сокращено на строфу в 4 стиха, «Прости, герой, прости, любезный» — на 4 стиха)⁹.

Следуя за Флорианом в расположении стихотворений внутри прозаического повествования¹⁰, стремясь передать содержание стихотворений близко к флориановским (по возможности, которую может предоставить переводчику в этом плане стихотворный текст¹¹), Жуковский гораздо свободнее в подборе ритмического рисунка, размера, способов рифмовки для своих стихотворных переводов.

При этом, в 20 стихотворениях, переведенных для «Дон Кишота», Жуковским использовано всего 2 размера — 4-стопный хорей (в стихотворении, которое декламирует сам Дон Кишот девам, снимающим с него доспехи на постоялом дворе, — «Кто счастливее в подсолнечной...» — и в романсе «Голубок уединенный!..», исполняемом «бедным безумцем» Карденио) и во всех остальных случаях 4-х и 6-стопный

⁹ Более подробно см. об этом, а также о характере правки в автографах, о редакциях переводов в комментариях в наст. издании.

¹⁰ О соотношении в этом плане романа Сервантеса и его флориановской версии см. в статье В. Е. Багно в наст. изд.

¹¹ Как отмечалось нами выше, Жуковский только однажды ввел в свой перевод стихотворение, которого нет у Флориана — «Что делать, сердце, мне с тобою», заменив им уже переведенное из французской версии «Скупой сокровища скрывает».

ямб, наиболее распространенный в ранней лирике Жуковского¹². Кроме того, два стихотворения («Надежда, говорят, любовь животворит...» и «Вотще бежит злодей...») переведены разноstopными размерами, довольно редкими для молодого Жуковского, а «Великий Дон Кишот!..» — вольным ямбом.

При этом в первом томе наблюдается полное совпадение размера всех стихотворений, за исключением уже упоминавшегося «Кто счастливее в подсолнечной...». Во втором и третьем томах, словно по контрасту с первым, не допущено ни разу следования друг за другом стихотворений одного и того же размера. В четвертом томе переводы стихотворений, кроме последнего, выполнены одним размером, а в пятом, напротив, кроме первого («Великий Дон Кишот!..»), все остальные сделаны одним размером. Наконец шестой том — это чередование стихотворений, где использован 4- и 6-стопный ямб. Рисунок стихотворного текста романа при явленном на первый взгляд однообразии метрики, как видим, оказывается весьма причудливым. Его соотнесение с длиной стихотворений и типом рифмовки в них тоже показательно. Стихотворения первого тома совпадают в основном по способу рифмовки (перекрестная, с чередованием женского и мужского окончания), кроме опять-таки первого вообще нерифмованного, а по длине в центре оказались два стихотворения в 20 и 24 стиха, которые окружены фрагментами из 4—6 стихов. В стихотворениях второго тома самые разные типы рифмовки, разные типы окончаний, разная длина — от 8 стихов до 24. В третьем томе рядом оказались стихотворения с одинаковым способом рифмовки, с одинаковым чередованием окончаний, но по длине они зеркально противоположны: 4 стиха и 16.

Выполненные одним размером переводы стихотворений четвертого тома объединяются и общим типом рифмовки, но чередование окончаний — различное, различие в длине — 12 стихов (16 и 4). В последнем стихотворении этого тома, состоящем из 20 стихов, то же чередование окончаний, что и в первом, но разные типы рифмовки (перекрестная и редко встречающаяся опоясывающая). В пятом томе переведенные одним размером стихотворения совпадают и по способу рифмовки, и по длине, а «Великий Дон Кишот!» отличается очень сложным чередованием окончаний и типов рифмовки (мжжм, далее 2 стиха с женскими рифмуемыми окончаниями, потом 5 стихов мжммж /абааб/ и, наконец, 2 стиха — мм /сс/). В шестом томе идет чередование стихотворений разной длины — от 4 до 30 стихов, разных типов рифмовки

¹² См.: Матяш С. А. Метрика и строфика В. А. Жуковского // Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 14—95.

и окончаний. Центральным в плане разнообразия стиховой формы можно считать стихотворение «Скупой сокровища скрывает...» — здесь 30 стихов с опоясывающей рифмовкой, с рефреном, который 5 раз повторен в тексте стихотворения, но этот перевод не вошел в текст «Дон Кишота».

Строфическая композиция отдельных стихотворений и всего стихотворного сюжета в целом тоже показательна. Большая часть стихотворений первого тома разбита на катрены, традиционные для русской лирики начала века и для ранней лирики Жуковского. И только первые два стихотворения в 6 и 7 стихов не разбиваются на строфы, представляя собой фрагменты. Первое стихотворение, как и у Флорина, продолжено прозой:

Кто счастливее в подсолнечной
Дон Кишота и коня его! —
Позавидуйте мне, рыцари!
Здесь прелестным я красавицам
Отдаю свои оружия!
Здесь прелестные красавицы
О коне моем заботятся! —

Зовут его Рыжаком, принцессы! — сказать ли вам правду.

Я сперва не хотел Вам открыть своего имени; ожидал, что вы по слуху узнаете во мне Дон Кишота ла Манхского <...> и т. д. (I, 80).

Второе стихотворение «Красавица, я умираю!..» обрывается на полуслове и даже графически закончено многоточием. Во втором томе стихотворения переведены октавами, в третьем стихотворения вообще не разбиты на строфы.

В четвертом томе только последнее стихотворение, отличающееся от других размером и использованием разных типов рифмовки, к тому же не разбито на строфы. Первое стихотворение пятого тома (уже неоднократно упоминавшееся в связи со своей уникальностью и размера, и рифмовки — «Великий Дон Кишот!») тоже не разбито на строфы, оно — самое неупорядоченное, с нерегулярной строфикой (по рифмовке можно выделить катрен, двустишие, катрен с внутренней рифмой, двустишие). Если вспомнить, что в первых четырех стихах этого произведения — опоясывающая рифмовка, сменяющаяся смежной, потом перекрестной с внутренней рифмой, потом снова смежной — в сочетании с разноstopным размером, со строфической неупорядоченностью, все это дает ощущение появления метра на глазах читателей. Стихотворение как будто вытекает из прозы, чтобы вновь влиться в нее. Остальные стихотворения пятого тома состоят из 5 катренов. В шестом томе

чередуются стихотворения из 5 и 3 катренов, из 5 и 5 с двухстишным рефреном. Заканчивается стихотворный сюжет стихотворением из 4 стихов.

Все это оказывается тесно связанным с содержанием стихотворного сюжета. В стихотворениях первого тома варьируется по сути одна тема — несчастная любовь, которая приравнивается к смерти. Только первое стихотворение тома развивает контрастную ко всем остальным тему счастья рыцаря, служащего красоте, любви, гармонии, несущего все это в своей душе. Далее идут стихотворения о смерти рыцаря и о любви, побеждающей смерть, о любви-притворстве, приносящей страдания, о роковой предопределенности судьбы влюбленного здесь, на земле. Жуковский даже усиливает эти мотивы в своих переводах. Ср., например:

Enfin ton ame s'est trahie,
L'amour éclate en tes rigueurs;
Tes dédains, aimable Eulalie,
Deviennent pour moi des faveurs.
.....
Ah! Crois-moi, charmante Eulalie,
Ne perdons point ainsi nos jours:
Songe bien que toute la vie
Est trop court pour les amours (I, 129—130).

Что пользы, Ниса, притворяться!
Твое презрение — любовь!
Кто любит, как тому скрывать?
Он скажет все, не тратя слов!
.....
Какая ж польза притворяться
И сердце без любви морить,
Заране с жизнью расставаться? —
Нам дважды, милый друг, не жить!
(«Что пользы, Ниса, притворяться» — I, 177—178).

Или:

De l'amout j'ai senti la flamme:
Et les tourments et les douleurs
Ont aussitôt rempli mon ame:
J'étois heureux; j'aimai; je meurs (I, 157)
Но ах! — я с счастьем простился!
Узнал любовь с ее тоской, —

И с миром сердца разлучился!
Люблю — и гроб передо мной (I, 205).

Стихотворения второго и третьего томов — тоже о любви, которая осмысливается как сложнейшее, амбивалентное понятие. С одной стороны, сливаются в единую мелодию мотивы несчастья в любви, рока, одиночества, смерти. С другой, — утверждается, что любовь — это смысл жизни, всех великих героических поступков человека. Перед нами типичная для Жуковского и для русской лирики начала века концепция: признание трагически противоречивого характера этого чувства и неизбежность совершенствования человека на основе любви.

Стихотворения четвертого тома развивают тему любви как идеала, обогащая ее и вместе с тем усложняя темой времени. Они строятся на временной оппозиции «день» — «ночь», «настоящее» — «прошлое». При этом подчеркивается мотив скоротечности любви, возможность ее вечного существования в воспоминаниях, в прошлом. Например, в стихотворении «О ночь, как ты была прекрасна» Жуковский переводит стих Флориана «Combien je redoutois le jour» (IV, 98) так: «Но краток сон любви счастливой» (I, 106), вводя характерный для своей лирики мотив сна и переплетая его с темой любви. Последнее стихотворение «Богатство, слава, честь безумцам драгоценны!..» несет еще один важнейший для Жуковского нюанс в трактовке «любви, сердечного мира и безмятежного крова» (у Флориана — «la vertu, l'amour et la paix») как основы внутренней гармонии и целостности человека, которую у Флориана разрушают «grandeurs, trésors», переведенные Жуковским как «богатство, слава, честь». В этом же стихотворении впервые вводится тема ума и безумия, специально подчеркнутая Жуковским. Ср.:

Grandeurs, trésots que l'on envie,
Pour moi vous n'avez point d'attraits:
Hélas! Que fait-il à ma vie?
La vertu, l'amour et la paix (IV, 180).

Богатство, слава, честь безумцам драгоценны!
Страшусь их прелестей блистающих оков!
Вот все сокровища душе моей свящанны:
Любовь, сердечный мир и безмятежный кров! (IV, 194—195).

Безумием лирический герой называет благоразумное поведение, стремление человека к богатству, славе. Этим преходящим ценностям противопоставлены вечные: любовь, способность чувствовать красоту и гармонию природы. Позднее, в долбинскую осень 1814 г., уже подводя

некоторые итоги творчества, Жуковский напишет ряд стихотворений, в которых раскроет свою философию жизни. В одном из них, в «Теоне и Эскине», будет окончательно сформулирована мысль о вечном стремлении человека к любви и бесконечному как подтверждению его духовности — «Все в жизни к великому средство».

Стихотворный сюжет пятого тома открывается резкой сменой интонации. В стихотворении «Великий Дон Кишот!» тема любви, подвига во имя любви подвергается иронической обработке, что не означает, конечно, отрицания любви как идеала. Функции иронии в стихотворном сюжете иные, это один из способов мифологизации любви. Ирония вводит любовь в поток непрерывного, вечного творения. Она как бы достраивает бесконечное конечным, идеальное реальным. Остальные стихотворения пятого тома зеркально отражают развитие тем и мотивов стихотворений предыдущего тома (кроме последнего из них).

В шестом томе чередуются стихотворения на обозначенные выше темы. Трактовка любви как божественного чувства, идея обожествления возлюбленной сменяется темой разлуки с любимым, который героически отправляется выполнять свой долг. Далее звучит тема героя, которого легко побеждает любовь. В стихотворениях мерцает, то проявляясь, то исчезая, мотив игры, любви-притворства. Соответственно здесь то появляется, то пропадает образ Амура, миф об Амуре. Последнее стихотворение, представляющее собой надгробную эпитафию, соединяет в себе все темы стихотворного сюжета: любовь, идеал и действительность, смерть, вечное стремление к идеалу «здесь» и обретение вечного покоя «там». В центре оказывается образ «забавного безумца» и тема безумия и мудрости.

Таким образом, в стихотворном сюжете романа сформулирована целостная концепция мироустройства и личности, в нем были выражены основные идеи Жуковского периода его нравственного развития, самообразования и самоусовершенствования, когда в 1803—1806 гг. он, подобно Дон Кихоту, поставил перед собой грандиозные задачи. В Белеве он читает многочисленные труды западноевропейских мыслителей, пытаясь решить проблему внутреннего человека, достижения идеала. Одним из основных становится вопрос о «деятельности для общества».

Итак, очевидно, что стихотворный сюжет романа завершается утверждением окончательно выстроенного к финалу, лирического по своей природе образа «мудрейшего безумца» или «забавнейшего мудреца». Интересно проследить и композицию стихотворного сюжета. Она отличается вполне очевидной ритмичностью. Чередуются с определенной последовательностью темы и мотивы, размеры и типы

рифмовки, строфики и т. д. Чередуются сильные и слабые позиции той или иной темы, ее различных аспектов, интерпретаций, так что в целом можно говорить об общей упорядоченности композиционного строения стихотворного сюжета романа, кроме того, здесь вполне очевидна кольцевая композиция. Стихотворный сюжет открывается стихотворением о счастье рыцаря, об ощущении им гармонии с миром и самим собой, завершается сюжет эпитафией на могиле Дон Кишота, выстроенной на оппозиции двух миров: «здесь» — «там».

По типу композиции стихотворный и прозаический сюжеты соответствуют друг другу, хотя ритмичность в последнем не столь очевидна¹³. Построение прозаического сюжета романа весьма сложно и причудливо. В нем есть явные несообразности, алогизмы, нелепости, которые Жуковский даже не думает исправлять. Все это, соединяясь со стихотворным сюжетом с его поэтической (ассоциативной) композицией, служит углублению основного вопроса романного текста: кто безумен — главные герои или окружающий их мир. В романе очень сложно, непредсказуемо сплетены истории подвигов Дон Кихота, мнимых и истинных, один сюжет здесь вторгается в другой (прозаический в прозаический, или стихотворный в прозаический и наоборот), одна ситуация (опять же прозаическая или стихотворная) буквально нагромождается на другую. Это придает роману некую причудливость, подвижность, за которой видится сложное отношение автора к человеку и его взаимодействию с миром. Доминирующей особенностью композиции романа в целом становится смещение планов (в том числе стихотворного и прозаического), игра различными уровнями и реальностями, и художественного текста, ее изображающего. На стыке этих уровней и возникает образ человека и картина жизни.

Любопытно при этом, что логика следования стихотворений в стихотворном сюжете тесно связана с развитием прозаического сюжета. Проследим это на примере первого тома переведенного Жуковским романа.

Первое стихотворение о счастливом рыцаре («Кто счастливее в подсолнечной...») находим в главе о первом выезде Дон Кишота,

¹³ Ритмике, ритмическому делению подчиняется, конечно, и прозаический сюжет «Дон Кишота». В связи с этим, кроме достаточно равномерного распределения стихотворного текста в прозаическом, укажем на определенную соразмерность его тем и мотивов, его образной системы. Отметим также соразмерность томов и глав романа, а также общий композиционный принцип прозаического сюжета — концентрических кругов: в стихотворном сюжете этому соответствуют выделяемые в его составе своего рода подциклы, консонирующие друг с другом. Примечательно, что Жуковский все это тщательнейшим образом сохраняет при переводе.

начитавшегося рыцарских романов и вздумавшего, «что ничто не будет так прекрасно, не принесет ему такой чести, отечеству его такой пользы, как возобновление странствующего рыцарства» (I, 66). Следующее стихотворение («Красавица, я умираю!..») с поэтической, возвышенной трактовкой темы смерти рыцаря во имя Прекрасной Дамы словно уравнивает трагикомический поворот прозаического сюжета: первая же попытка Дон Кишота защитить Дульсинею обернулась тем, что у него отняли копье и «искрошили все обломки копья» о Дон Кишота. Именно в этот момент он вспоминает романс о рыцаре Мантуанском и, «катаясь по земле, жалостным голосом» декламирует строки из него.

Третье стихотворение, представляющее собой психологическую зарисовку любви-притворства, звучит в исполнении пастуха, одного из тех, перед кем только что Дон Кихот произносил свою знаменитую речь о золотом веке. И вновь идеальное достраивается до целого реальным, умозрительное конкретным, таким образом, в рамках романного (стихотворно-прозаического) текста возникает целостная картина мира и человека. Стихотворение «Как счастлив тот, кто в бурном свете...», написанное покойным пастухом Хризостомом и прочитанное в присутствии Дон Кишота Вивальдо, — о несчастной любви. Оно удваивает смысл прозаического сюжета, следуя за описанием отчаянных попыток Дон Кишота доказать всем свою любовь к Дульсинее, в то время как никто не верит даже в ее существование. Наконец, последнее в этом томе стихотворение «Сия холодная могила...» представляет собой эпитафию, вырезанную на гробовом камне Хризостома. Развивая стихотворный сюжет подцикла первого тома, оно теснейшим образом оказывается связано с прозаическим сюжетом. Будучи передано голосом автора-повествователя, ведущего прозаический сюжет, это стихотворение являет собой образец свободной поэтической игры с серьезнейшей, эпической по своей природе, темой смерти. Здесь синтезируются все интонации романа: шутливые, комические, серьезные, трагические и завершается начатый в прозаическом сюжете мотив явления призрака Марселлы на погребение своего возлюбленного, из-за несчастной любви к которой он и уходит в могилу. Чудесное, страшное, появившись именно в сфере прозаического повествования, снимается, снижается иронией в сфере стихотворного текста. Все границы — между умом и безумием, реальным и ирреальным, эпосом и лирикой, прозой и стихом — оказываются, как видим, мерцающими, зыбкими, позволяющими одному проникнуть в другое.

Подводя итоги вышесказанному, можно прийти к выводу не только о взаимодействии и взаимовлиянии стихотворного и прозаического

сюжетов романа, но и о содержательности этого явления. Оно помогает выстроить убедительную взаимосвязь двух миров, принципиальную для Жуковского-прозаика: мира внутреннего и внешнего, конечного, реального и бесконечного, идеального. Неслучайно целый ряд прозаических фрагментов оказываются смысловыми двойниками стихотворных или их необходимым продолжением — не обязательно логическим, но ассоциативным.

Чаще всего стихотворные и прозаические фрагменты образуют очевидные параллели, иногда при этом они могут быть контрастными по отношению друг к другу. Таково стихотворение «Красавица, я умираю...». Сонет «Надежда, говорят, любовь животворит...», найденный Дон Кишотом и не объяснивший ему тайны его находки, будет продолжен прозаическим письмом неизвестного Дон Кишоту автора сонета. Стихотворение «Долины, мирные луга...» снабжено прозаическим комментарием автора-повествователя. Песня Рыцаря Зеркала «О ночь, как ты была прекрасна...» продолжена прозой. Говоря о параллелях прозаических и стихотворных фрагментов, можно отметить, что именно в этих случаях в прозе как бы спонтанно возникают так называемые случайные метры. С другой стороны, разностопность, строфическая неупорядоченность и сложность характерны для повествовательных стихотворений. Центральное среди них — «Великий Дон Кишот!» — обуславливает поворот и в стихотворном, и в прозаическом сюжете. Его декламирует господин Мерлин, адресуя Санчо Пансе, от которого в стихотворной форме требуется принять 3500 ударов, что, якобы, расколдует Дульсинею. Неслучайно Санчо отвечает на это стихотворение прозаической репликой: «Как бы не так... Только 3500 ударов!». Достаточно очевидные переключки стихотворных и прозаических фрагментов в настроениях, мотивах, образах, лексике усиливают эпическую природу текста романа. Другими словами, преодолеть давление лирического Жуковскому-прозаику помогает именно вживание стиха в прозу.

В связи с этим интересно наметить хотя бы общие контуры проблемы смены разнородных по структуре текстов. Выше уже отмечалась плавность перехода в «Дон Кишоте» стиховой речи в прозаическую и наоборот. Обратимся к художественным приемам, с помощью которых это достигается. В ряде случаев стихотворение помещается в контекст прозаического фрагмента, в котором речь идет об авторе данного стихотворения, об истории его создания и об эмоциональной реакции слушателей на него («Как счастлив тот, кто в бурном свете...», «Сия холодная могила...», «Долины, мирные луга...», «Что делать, сердце, мне с тобою?..», «Здесь тот покоится...»). Иногда введе-

ние стихотворной речи подготавливается объяснением того, как стихотворение оказалось в руках героя, который в дальнейшем его и исполняет («Надежда, говорят, любовь животворит...», «О ночь, как ты была прекрасна...», «Богатство, слава, честь безумцам драгоценны!..»). Кроме того, активно используется психологическая мотивировка введения стихотворной речи в прозаическую. Так, свое первое стихотворение Дон Кишот читает, «тронутый услугами» дев, снимающих с него доспехи на постоялом дворе. Свое отчаяние Дон Кишот, побитый обломками собственного копья, выражает строками из романса. Пастух Антонио, желая отблагодарить Дон Кишота за произнесенную им речь о золотом веке, поет ему песню «Что пользы, Ниса, притворяться!..» и т. д.

Переходы от стиха к прозе довольно часто не мотивированы. На этом фоне особенно заметны случаи четкой границы между стиховой и прозаической речью. Таковы, например, стихотворения «Сия холодная могила...», «Ладьею легкой управляя...». Интересно, что здесь мы встречаемся либо с фактом перехода на стихотворную речь в связи с невозможностью выразить желаемое прозой, либо в связи с прямо противоположной причиной — стихи нужны как бы для подтверждения того, что уже было сказано прозой. В обоих случаях речь идет либо о выражении сложных личных переживаний героя, либо о стремлении автора-повествователя к предельному обобщению, к высшей идеализации героя. Другими словами, чем более в тексте есть оснований к проведению четкой границы между прозой и стихом, тем более она оказывается открытой для взаимодействия¹⁴.

Таким образом, явление прозиметрии захватывает весь перевод «Дон Кишота», в котором приводятся целиком, цитируются, упоминаются те или иные стихотворные тексты. Это становится одним из основных принципов поэтики прозаического романа, переведенного поэтом.

¹⁴ Мы не ставили перед собой задачу выявить и исследовать случаи потенциальной прозиметрии в «Дон Кишоте». Это может стать предметом специальной работы. Здесь же лишь укажем на многочисленные стихотворные цитаты (иногда прочитываемые читателем или героем как цитаты, иногда нет), упоминания имен поэтов и их произведений. См. также комментарий в наст. изд.

ПРИМЕЧАНИЯ

Дон Кишот Ламанхский. Сочинение Серванта.
Переведено с Флорианова французского перевода В. Жуковским
(Я строго судил французский перевод «Дон Кишота»...)

Автограф прозаического текста неизвестен.

Автограф стихотворений: РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 9—14 с об. — черновые.

Впервые: Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским: В 6-ти ч. М., 1804—1806.

В прижизненных изданиях: Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. 2-е изд. М., 1815. Тексты идентичны.

Печатается по тексту последней прижизненной публикации: Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. 2-е изд. М., 1815.

Датируется: 1803—1806 г.

Датировать работу Жуковского над «Дон Кишотом» позволяют черновые автографы стихотворений, вошедших в перевод. Они выполнены на бумаге с водяными знаками 1804 и 1806 гг. Следует учитывать и их положение в тетради, где им предшествуют автографы стихотворений «Герой», «Сельское кладбище», «Мой милый друг», а за ними расположены автографы «Послание к Нине», «Опустевшая деревня», «Послание Элоизы к Абеляру» и др. (см. об этом подробнее в нашей вступительной статье к данному тому).

«Дон Кишот Ламанхский» — один из ранних переводов Жуковского в области крупной эпической формы — романа, к которому поэт приступил спустя несколько лет после выхода в свет его первого опыта работы над переводным романом. Это был «Мальчик у ручья» (А. Коцебу, М., 1801 г., см. об этом в т. 8 ПССиП). В России начала XIX в. «Дон Кихот» Сервантеса в основном знали по французским переложкам, отличавшимся большим количеством купюр и отступлений от подлинника. Нередко это вело к искажению смысла оригинального текста. Жуковский продолжил традицию использования французского перевода-посредника, создав, между тем, новую трактовку романа, развивающую лишь намеченные у Флориана тенденции, соответствовавшие его собственным художественным поискам. Перевод Жуковского можно назвать программным, поскольку здесь продолжились поиски писателем новой формы и содержания прозы, в частности романного жанра (см. об этом подробнее во вступительных статьях В. Е. Багно и И. А. Айзиковой в данном томе). Здесь на практике реализовывалось новое понимание образа героической

личности, новая эстетика смеха, что параллельно (или чуть позже, на страницах «Вестника Европы» 1808—1810 гг.) утверждалось в различных жанрах историко-литературных и эстетических высказываний писателя. По мнению исследователя, непосредственным продолжением опыта «Дон Кишота» стали басенные переводы Жуковского из Флориана, характеризовавшиеся «взаимодействием юмористического и эпического начал» (Н. Е. Разумова. В. А. Жуковский и французские писатели-моралисты (Мармонтель, Флориан): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. С. 12).

О названии перевода В. А. Жуковского

Название перевода Жуковского, повторяемое на титульном листе каждого из 6-ти томов, точно передает название перевода Ж.-П. Флориана, в котором были утрачены первые два слова — «Хитроумный идальго» (*El Ingenioso Hidalgo*). Прилагательное «ingenioso», традиционно переводимое на русский язык как «хитроумный», производное от существительного «ingenio», многозначно. В современном Сервантесу толковом словаре испанского языка Себастьяна де Коваррубиаса (1611) оно определяется как «природная сила ума, направленная на постижение всех областей науки, всех видов свободных искусств и ремесел, всех тонкостей, хитростей и изобретений», как «всякая вещь, изобретенная человеческим разумом и предназначенная для выполнения задачи, которую нельзя решить с помощью одного лишь физического усилия». В эпоху Возрождения и барокко «ingenio» отождествлялось то с «поэтическим вдохновением», то с героическим усилием человеческой воли, то с изобретательностью, остроумием. Принятое в литературе о Сервантесе широкое истолкование прилагательного *ingenioso* не совсем исключает возможности его узкого медицинского прочтения: *ingenio*, согласно античной доктрине о темпераментах (*humores*), переработанной испанским медиком и ученым-гуманистом Хуаном Уарте (ум. в 1591 г.), означает холерический темперамент, который отличается склонностью к игре воображения. Идальго — человек благородного происхождения, принадлежащий к нетитулованному дворянству и обладавший рядом привилегий, главная из которых — освобождение от уплаты налогов, у Флориана передано существительным «un gentilhomme», что точно переведено Жуковским как «дворянин».

Такой же стратегии придерживается Жуковский и при передаче названия глав романа: он строго следует за французским переводчиком.

Кроме того, весьма примечательно, что в общем названии своего перевода Жуковский указывает его источник (название и автора испанского оригинала) и имена переводчиков — и автора перевода-посредника, и собственное как переводчика на русский язык. Это нарушало отечественную традицию XVIII — начала XIX в. в оформлении титульного листа переводных изданий: чаще всего, на нем (и нигде далее) не значилось не только имя переводчика, а тем более автора перевода-посредника, но и имя автора оригинала; как правило, читателю сообщалось, лишь с какого языка сделан перевод. Только в названиях частей комментируемого издания — 1-й и 2-й — опущены имена Сервантеса, Флориана, Жуковского, также как и указание на его переводной характер, обе части имеют заглавие «Дон Кишот Ла Манхский».

О расхождении 1-го и 2-го изданий «Дон Кишота»

Издания несколько отличаются друг от друга. Так, во 2-м, например, имеется дополнительный титульный лист «Дон Кишот Ла Манхский. Часть первая». Разнится последовательность текстов, предшествующих тексту романа. Первое издание открывается, как и французское, «Предисловием», написанным Флорианом и подписанным в русском переводе дважды — «Флориан» и «Переводчик Флориянов». Второе издание «Дон Кишота» ошибочно открывается обращением «От сочинителя» («Читатель! Я не буду ссориться...»), которое в предыдущем издании, как и во французском (в соответствии с испанским оригиналом — у Сервантеса это «Пролог» ко второй части романа), помещено в начале второй части (т. е. перед четвертым томом). Второй и третий тома издания 1815 г. имеют ошибочный титульный лист «Дон Кишот Ла Манхский. Часть вторая» (в первом издании на титульном листе значит: «Дон Кишот Ла Манхский. Продолжение первой части»). Далее композиция изданий совпадает с той лишь разницей, что во втором издании статья «От сочинителя» («Праздник читатель! Желаю, чтобы моя книга...») отделена от текста романа еще одним (повторяющимся) титульным листом «Дон Кишот Ла Манхский. Часть первая». Укажем также, что номера глав в первом издании записаны словом, а не римскими цифрами, как во втором издании. Кроме того, есть расхождения в количестве и размещении иллюстраций. В издании 1804—1806 гг. в 1-м томе размещены только две гравюры, в главах седьмой и шестнадцатой (такие же видим во 2-м издании, но вторая из названных гравюр в нем расположена между гл. XV и XVI), в то время как в издании 1815 г. находим 4 иллюстрации — еще 2 расположены в гл. I и II (в соответствии с французским изданием). Во втором томе второго издания иллюстрация к гл. XXI по ошибке размещена в гл. XXVII. Имеющаяся в гл. XIV четвертого тома второго издания иллюстрация отсутствует в издании 1804—1806 гг. В пятом томе иллюстрация, размещенная в гл. XXXII в первом издании (что соответствует французскому изданию), во втором ошибочно перенесена в гл. XXX.

Об иллюстрациях

В иллюстрировании «Дон Кишота» Жуковский идет за переводом-посредником, что позволяет уточнить, с какого именно издания Флориана сделан его перевод. Титульный лист русского издания (1-го и 2-го) украшен копиями двух овальных портретов — М. де Сервантеса Сааведры (подписан сверху: Сервант) и Ж.-П. Флориана (подписан сверху: Флориан). Портрет Сервантеса (размещенный в 1-м и 2-м французских изданиях — в 3 и 6 т., Париж, 1799) является гравюрой, выполненной Ш.-Э. С. Гоше (Charles-Etienne Stephan Gaucher) с портрета Сервантеса кисти Ф. М. И. Кевердо (François Marie Isidore Queverdo). В изданиях Флорианова перевода овальная рама портрета украшена гирляндами, свитыми из лавровых ветвей, внизу небольшие портреты Дон Кихота и Дульсинеи, изображения меча, цирюльничьего таза, копья, лиры, трубы, флейты, комической маски, а также небольшой портрет в овальной раме молодой пастушки у источника с двумя овечками и собакой. В изданиях Жуковского все эти украшения портрета Сервантеса не воспроизводятся (срезаны при копировании). Портрет Флориана, размещенный в обоих изданиях «Дон Кишота», принадлежит Якобу Манжо (J. Mangot),

он был выполнен для первого издания басен писателя (*Fables de M. de Florian*. Paris, 1792). Украшения этого портрета также не воспроизводятся в изданиях перевода Жуковского (срезаны при копировании).

Кроме того, все тома «Дон Кишота» в обоих изданиях проиллюстрированы копиями гравюр Куани, Дамбрюна, Гоше, Гodefруа, Маскелье, Хальбу (J. J. Coigny, J. Dambrun, C. E. S. Gaucher, A. P. F. Godefroy, L. J. Masquelier, L. M. Halbou), сделанных с иллюстраций Лефевра и Лебарбье (R. (?) Lefèvre, J. J. F. Le Barbier). Всего в издании 24 иллюстрации, по четыре в т. 1—3, 6, в т. 4 — их 5, а в т. 5 — три иллюстрации. Точно так же было иллюстрировано 2-е издание перевода Флориана, вышедшее в 1799 г. в Париже, в типографии П. Дидо-старшего (1761—1853), в 6 томах (*Don Quichotte de la Manche traduit de l'espagnol de Michel de Cervantès par Florian, ouvrage posthume*. Paris, de l'Imprimerie de P. Didot l'Aîné; 1-е издание вышло у Дидо в этом же году, но в 3-х томах). Все гравюры в изданиях Жуковского, как и в указанном французском издании, подписаны строками, взятыми из текста. Правда, следует отметить, что во французском тираже есть часть изданий с иллюстрациями, подписанными именами граверов и художников. Однако это не мешает с уверенностью утверждать, что Жуковский переводил со 2-го издания Флорианова перевода романа Сервантеса.

Рецензия на перевод Жуковского

Единственная рецензия на перевод Жуковского «Дон Кишот» (1-е изд.) появилась в «Вестнике Европы» (1806. Ч. XXX. № 24. Декабрь. С. 286—292) под заглавием «Новая книга». Она открывается высокой оценкой труда Жуковского, который называется «приятнейшим одолжением любителям отечественной словесности». Приведя краткие сведения о биографии Сервантеса и творческой истории его романа, рецензент рассуждает об образе его главного героя и ставит в связи с этим важнейшую проблему произведения — ум и безумие Дон Кихота. Большую часть рецензии представляет собой довольно большая выдержка из гл. XIV четвертого тома перевода Жуковского, представляющая многие программные идеи его эстетики 1800-х гг. Заканчивается рецензия указанием на источник перевода Жуковского, которому дается лаконичная характеристика. Ниже приводим эту рецензию:

Новая книга

Дон Кишот Ла Манхский. Сочинение Серванта. Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским. В 6-ти томах. В 12-ю долю листа. Москва. В типографии Платона Бекетова.

Г. Жуковский оказал приятнейшее одолжение любителям отечественной словесности, предложив им такую книгу, которая переведена и беспрестанно переводится на все языки и которую уже более двухсот лет люди всякого звания читают с великим удовольствием.

Михайла Сервант Сааведра родился в 1547 году, при Карле V, а умер в 1616. Он был современник знаменитого Лопеса де Веги, следственно, золотого века

испанской словесности. Он прославил отечество своими сочинениями, — и подобно Гомеру, Камоенсу и другим великим людям — нашел отечество уже после смерти, проведши всю жизнь свою в крайней бедности. Серванту было пятьдесят лет, когда понадобилось ему съездить в Ламанху. Жители деревеньки Аргимазиллы с ним поссорились, посадили его в тюрьму и долго в ней продержали. Там-то начал он писать «Дон Кишота» и в отместку своим оскорбителям назвал Ламанху отечеством героя. Может быть, никто другой не умел так хорошо смеяться над предрассудками, свято храня чистоту нравственности; он один нашел средство, в продолжении нескольких томов, занимать читателя бреднями помешанного на рыцарстве Дон Кишота, смешного и любезного, жалкого по безумию и удивительного по уму, ибо все, что герой говорит не о рыцарстве, кажется, внушено самою мудростью и дышит любовью к добродетели. Читатели увидят это из следующего разговора между Дон Кишотом и ламанхским дворянином; увидят также, к какому классу переводчиков надлежит причислять г-на Жуковского. Тем охотнее помещаем следующее извлечение, что оно, как отрывок приятный и занимательный, соответствует плану журнала.

Том IV. С. 182. «Имею одного сына, государь мой, и должен вам признаться, что не нахожу в нем такого утешения, какое найти надеялся. Ему осьмнадцать лет; он учился в Саламанке: знает по-гречески, по-латыни, но, по несчастию, так привязался к поэзии, что перестал думать о других науках, гораздо полезнейших в обществе. Вместо того, чтобы воспользоваться своими способностями, своим умом для приобретения какого-нибудь выгодного звания по службе, он занимается, чем вы думаете? Вздорными сравнениями стихов Гомеровых с Вергилиевыми; разбором эпиграмм Марциаловых и сличением их оригинала с толкованием комментаторов. Он думает о фортунах, о деньгах, о чинах гораздо меньше, нежели о Горации, Тибулле, Ювенале. Отечественных поэтов почитает он маловажными; презирает все новые языки: то, что написано не по-гречески и не по-латыни, кажется ему посредственным и недостойным никакого внимания.

— Я не имею нужды напоминать вам, государь мой, — сказал Дон Кишот, — что недостатки детей не должны уменьшать любви родительской. Отцы, без сомнения, обязаны заранее выбрать для детей своих лучшую и выгоднейшую дорогу, быть их путеводцами, им руководствовать, наполняя сердца их любовью к добродетели; но если дети уже в летах, если, не удаляясь от сей добродетели, они откажутся идти по тому поприщу, на которое ведут их насильно; если чувствуют решительную склонность к тому, а не к другому званию, к той, а не к другой науке, то, кажется мне, отцы и матери не имеют никакого права их неволить. Такое насилие может быть позволено одному ремесленнику, который, доставая хлеб работою, должен выучивать и детей ремеслу своему. Что ж касается до вас, государь мой, то вы напрасно не радуетесь привязанности вашего сына к поэзии. Она есть прелестная, цветущая дева, которой приятностям, блеску и скромной стыдливости удивляются и уступают пальму все прочие науки, завистливые и гордые между собою, покорные одной поэзии, единогласно признанной от них царицею. Поклоняться ей не почитают они унижением; и стараясь украшать ее, сами украшаются. Счастлив молодой человек, привязанный к поэзии! Счастлив, если умеет любить ее! Он должен и щадить, и беречь стыдливую

красавицу, должен скрывать ее от взоров порочного; не желать для нее успехов ничтожных и постыдных; не продавать ее злобе и гордости в едкой сатире; не выставлять ее на сцену перед глазами безумцев и невежд, и я разумею под сим названием не одну толпу зрителей, сидящих назади, но и толпу знатных господ, которые не лучше судить умеют, сидя впереди. Если ваш сын, государь мой, в таком смысле любит поэзию, то поздравляю вас от всего сердца! Она сделает его счастливым, славным и добродетельным.

Что ж касается до его непочтения к нашим поэтам и нашему языку, то это есть такая ошибка в логике, которой подвержены многие мне известные люди. Эти господа не думают, что Гомер и Вергилий в то время, когда они писали свои поэмы, были не древние, а новые писатели; что они сочиняли стихи свои на том самом языке, на котором тогда все говорили, и не имели никакой нужды желать другого для выражения высоких мыслей своих. Удивляйтесь им, я согласен, но также удивляйтесь и доброму немцу, который говорит по-немецки, и кастилянину, который говорит по-испански, и даже и бискайцу, если он на грубом языке своем умеет говорить прекрасно. Думайте, что хотите, любезный дон Диего; но я уверен, что если сочинение не нравится, то виноват не язык, а один сочинитель. Если он рожден поэтом, если душа его чувствительна и пламенна, без чего и самый упорный труд ничего не значит, то язык его будет приятен и привлекателен, то он откроет в нем сокровища неизвестные и возведет его на степень языков ученых и классических. Скажите ж своему сыну, чтобы не презирал испанского языка; скажите, что если бы Гомер родился в Испании, то наша «Илиада» не уступила бы греческой. Не противьтесь его страсти к стихам: только советуйте ему писать одни хорошие; подражать сим древним поэтам, которых он по справедливости обожает, быть врагом пороков, а не людей; прославлять и воспламенять в людях одни благородные чувства добродетели, и, наконец, не забывать никогда, что истинный гений в сердце, а не в голове; что перо есть орган души; что самое верное средство пленять верным изображением добродетели есть быть самому добродетельным. Будьте уверены, государь мой, что сын ваш, избравши такую дорогу, приобретет любовь и почтение своих современников и останется в памяти потомков. Сама фортуна рано и поздно сделается к нему благосклонною, и цари, земные боги, будут принуждены увенчать его оным бессмертным лавром, к которому грома коснуться не смеют».

«Дон Кишот» переведен с Флорианова перевода еще в первый раз. Флориан некоторые места переменял, другие выпустил: сего требовало самое почтение к автору и вкус нынешнего времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ¹

Том первый

Предисловие

¹ *Предисловие* — Написано Ж.-П. Флорианом к его переводу романа Сервантеса.

² *Я строго судил французский перевод «Дон Кихота» в «Сервантовской жизни», напечатанный при начале «Галатеи»...* — См. далее: «Сочинения Серванта».

³ Упомянутые в примечании Флориана С. *Евремон и Маршалль де Креки* — Сент-Эвремон (Saint-Évremond) Шарль де (1610 или около 1616—1703), французский писатель, принадлежал к представителям французского свободомыслия; Франсуа де Креки (маркиз де Марин, 1620—1687) — маршал Франции. А. И. Цомакион, в биографическом очерке «Сервантес. Его жизнь и литературная деятельность» (1894), опираясь на статью «Философия Дон Кихота» Н. Стороженко (ВЕ, сентябрь, 1885), указывает: «Писатели XVII и XVIII веков (С. Эвремон, Бодмер и другие) судили о произведении Сервантеса по непосредственному впечатлению и видели в

¹ Составитель данного раздела опирался на комментарий к «Дон Кихоту» С. И. Пискуновой (прежде всего в плане пояснения особенностей сервантесовского произведения как подлинника Флорианова перевода-посредника, с которого делал свой русский перевод В. А. Жуковский) в кн.: Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский: В 2 т. М.: Наука, 2003. Данное научное издание вышло в серии «Литературные памятники» к четырехсотлетию романа Сервантеса. С. И. Пискунова, в свою очередь, указывает, что она опиралась в своей работе на традиции комментирования «Дон Кихота», восходящие «к XVIII в. — к шеститомному изданию романа Сервантеса на языке оригинала, осуществленному англичанином Дж. Боулем (Лондон, 1781)» (Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский: В 2 т. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 655). Кроме того, С. И. Пискунова называет целый ряд других авторитетных комментариев к «Дон Кихоту», в опоре на которые сделаны ее примечания в юбилейном издании романа. Среди них комментарий, «созданный в XIX в. и не утративший своей ценности и по сей день, особенно в плане выявления контекстуальных связей “Хитроумного идалго...” с рыцарскими романами (пародийных аллюзий, цитат, имен персонажей и названий “книг о рыцарстве” и т. д.)», принадлежащий Д. Клеменсину (Мадрид, 1833—1839), комментированное издание романа, подготовленное Ф. Родригесом Марином в начале XX в. (Мадрид, 1911—1913), и его переиздания с изменениями и дополнениями раздела «Примечания» (Мадрид, 1916—1917; Мадрид, 1947—1949); а также издания второй половины XX в.: *El Ingenioso Hidalgo Don Quijote de la Mancha* / Ed. de J. J. Allen. Madrid: Cátedra, 1977. 2 t.; *El Ingenioso Hidalgo Don Quijote de la Mancha* / Ed., introducción y notas de L. A. Murillo. Madrid: Castalia, 1978. 2 t.; *Don Quijote de la Mancha* / Ed., studio preliminar y notas de J. B. Avalué-Arce. Madrid: Alhambra, 1979. 2 t. Наконец, С. И. Пискунова называет «многослойный и многоаспектный комментарий к роману Сервантеса, предлагаемый авторами издания» «Дон Кихота», подготовленного на базе Института Сервантеса (Мадрид) международным коллективом под руководством академика Ф. Рико (Barcelona: Crítica, 1998. 2 t.) и использованный ею «лишь частично» (Там же. О том, как создавался первый вариант комментариев С. И. Пискуновой, см.: Пискунова С. И. «Дон Кихот» Сервантеса. Опыт комментирования // *Res Philologica*—2. СПб., 2000).

его герой тип хотя и симпатичный, но все-таки отрицательный. Они высоко ценили искусство автора, умевшего соединить в одном лице столько мудрости и безумия, восхищались мастерски очерченными характерами Дон Кихота и его знаменитого оруженосца, из которых один прекрасно оттеняет другого, от души смеялись над забавными похождениями и трагикомическими неудачами Рыцаря Печального Образа, но им и в голову не приходило отыскивать затаенный смысл в произведении Сервантеса и негодовать на автора за то, что он постоянно ставит своего героя в смешные положения» (эл. ресурс: http://az.lib.ru/c/comakion_a_i/text_0010.shtml).

⁴ ...*французы еще не имели своей «Астреи»*. — Имеется в виду пасторальный роман «Астрея» (*L'Astrée*) французского писателя XVII в. Оноре д'Юрфе (*Honoré d'Urfé*, 1568—1625), который был начат в середине 1580-х гг. Первая часть вышла в 1607 г., вторая в 1610 г., третья в 1618 г. Две последние части издал в 1627—1628 гг. его секретарь Бальтазар Баро (*Balthazar Baro*). В центре сюжета этого огромного романа — любовь пастушки, которая носит имя греческой богини Астреи, и пастуха Селадона. Роман изобилует множеством вставных новелл (около 40) и персонажей (включая пастухов, монархов, военачальников, рыцарей, друида Адамаса и прекрасных нимф), а также поэтических включений и писем героев.

⁵ ...*Карденио, с которого Ричардсон списал свою Клементину*. — Здесь имеется в виду роман английского писателя, родоначальника «чувствительной» литературы XVIII и начала XIX вв. С. Ричардсона (*Samuel Richardson*, 1689—1761) «Кларисса, или История молодой леди, заключающая в себе важнейшие вопросы частной жизни и показывающая, в особенности, бедствия, которые могут явиться следствием неправильного поведения как родителей, так и детей в отношении к браку» (1747—1748), который ошибочно назван «Клементиной», будучи, вероятно, спутан с драмой Х. М. Виланда «Клементина», в которой заметно решающее влияние Ричардсона.

⁶ ...*черных листов*... — Т. е. черновики.

⁷ *«Грандиссон»* — Роман С. Ричардсона «История сэра Чарльза Грандисона» (*The History of Sir Charles Grandison*, 1754).

Жизнь и сочинения Серванта

Жизнь Серванта

⁸ *Михайла Сервант Сааведра* — Мигель де Сервантес, происхождение фамилии Сервантеса — «Сааведра», стоящей на титулах его книг, не установлено.

⁹ *Испанская академия, под руководством своего монарха, воздвигла Серванту памятник..., напечатала превосходно «Дон Кихота». (...) В этом новом издании «Дон Кихота» помещена «Жизнь Сервантова», сочиненная одним из первых академиков и почерпнутая в верных источниках. Буду следовать сему сочинителю в том, что принадлежит до происшествий; но позволю себе говорить о сочинениях Серванта согласно с своими чувствами.* — В статье С. Пискуновой «“Дон Кихот”—I: динамическая поэтика» читаем: «В Испании “века Просвещения” роль публикатора “научно” подготовленного текста романа, превращающегося на глазах в национальную классику, взяла на себя Испанская Академия, задавшаяся целью “осуществить выверенное и великодушное издание «Дон Кихота»” с учетом того, что среди многочисленных имею-

щихся “ни одно не может быть названо порядочным и даже сносным”» (цит. по: *Rico F. Historia del texto // Cervantes Miguel de. Don Quijote de la Mancha / Ediciyn del Instituto Cervantes dirigida por Francisco Rico con la colaboraciyn de Joaquin Forradellas. Vol. 1. Barcelona: Crítica, 1998. P. CCXIV*). Академики взяли за основу издание 1615 года с учетом вариантов, имеющихсЯ во втором издании — Педро Патрисио Мея, осуществленном в Валенсии в 1616 году. Стремясь подготовить текст, максимально отражающий волю автора в отсутствие — подчеркнем еще раз — рукописи романа, испанские академики (Мануэль де Лардисабаль, Висенте де лос Риос, Игнасио де Эрмосилья) приняли решение публиковать «Хитроумного идадьго...», ориентируясь на «первое издание, осуществленное в Мадриде Хуаном де ла Куэста в 1605 году, и на второе, осуществленное также в Мадриде и тем же издателем в 1608-м» (цит. по: *Rico F. Historia del texto. P. CCXIV*). Так появился знаменитый «академический» “Дон Кихот” 1780 года» (эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/vorplit/2005/1/pi5.html>). Об истории публикации «Дон Кихота» см. подробнее в данной статье (указ. эл. ресурс или: Вопросы литературы. 2005. № 1). Кроме того, Флориан открыто заявляет, что будет следовать «сочинителю» «Жизни и сочинений Сервантеса» «в том, что принадлежит до происшествий», но позволит себе говорить о сочинениях испанского писателя «согласно с своими чувствами» (подчеркнуто нами. — *Ред.*).

¹⁰ *Сервант — природный дворянин; отец его назывался Родригом Сервантом, а мать Леонороу де Кортинас. Он родился в Алкале де Генарес, что в новой Кастилии, октября 9-го 1547 года...* — Мигель де Сервантес Сааведра (исп. Miguel de Cervantes Saavedra, 29 сентября 1547 — 23 апреля 1616) родился в Алкала-де-Энарес (Кастилия). Его отец, идадьго Родриго де Сервантес, был скромным хирургом, мать — донья Леонор де Кортина. День рождения писателя в точности неизвестен; достоверно, однако, что крещение он принял 9 октября 1547 года, а так как у католиков был обычай совершать этот обряд вскоре после рождения, то предполагают, что родился Сервантес в тот же день или накануне. Другие биографы относят день рождения его на 29 сентября, то есть день св. Михаила, на основании существовавшего у испанцев обыкновения давать ребенку имя того святого, в день которого он родился.

¹¹ *Он любил книги с ребячества...* — По собственному свидетельству писателя, у него рано проявилась любовь к чтению, и он читал все попадавшееся ему под руку, подбирая даже клочки исписанной бумаги, валявшиеся где-нибудь в грязи на улице. В книгах нравилось ему все, что рождало плодотворную мысль, что вызывало живое впечатление. «С первых лет нежного детства моего любил я столь сладостное искусство изящной поэзии, — говорит он впоследствии в своем “Путешествии на Парнас”, обращаясь к Аполлону, — и посредством ее всегда старался нравиться тебе».

¹² *...учился в Мадриде у одного славного профессора...* — Семья Сервантеса часто переезжала из города в город, поэтому будущий писатель не смог получить систематического образования. Возможно, в 1566—1569 гг. Мигель обучался в мадридской городской школе у известного гуманиста грамматика Хуана Лопеса де Ойос, последователя Эразма Роттердамского.

¹³ *«Элегия на смерть королевы Изабеллы Валуа»* — Хуан Лопес де Ойос преподавал риторику и содействовал развитию молодых талантов, заставляя их заниматься сочинением небольших поэтических произведений и с любовью руководя этими работами молодежи. В 1569 г., по случаю смерти Изабеллы Валуа, супруги

Филиппа II, судьба которой изображена Шиллером в его «Дон Карлосе», Ойос предложил своим ученикам написать на конкурс хвалебное стихотворение в честь покойной королевы. Между стихотворениями, напечатанными им по этому случаю, особенной похвалы удостоились шесть вариантов, написанных Сервантесом, его, как он выражался, «дорогим и возлюбленным учеником», которому он поспешил публично выразить свое уважение. Таким образом, этот первый дебют на литературном поприще молодого Сервантеса, которому было тогда 22 года, увенчался блестящим успехом. Достоверно установленный факт, что одна из элегий Сервантеса была издана от имени всей школы, доказывает, каким уважением пользовался он со стороны товарищей своих (см. указ. биографический очерк А. И. Цомакион).

¹⁴ *Молодой автор обиделся, оставил Испанию и переехал в Рим, где крайность принудила его служить камердинером кардиналу Аквавиве.* — В 1569 г., после уличной стычки, закончившейся ранением одного из ее участников, Сервантес бежал в Италию, где служил в Риме в свите кардинала Аквавивы, а затем завербовался в солдаты. А. И. Цомакион указывает следующее: «По случаю смерти Изабеллы Валуа папа послал в 1570 году к Филиппу II кардинала Аквавиву, которому поручено было вручить королю письмо с выражением соболезнования. Дурно принятый Филиппом II, менее всего нуждавшимся в соболезнованиях, Аквавива как любитель поэзии обратил особое внимание на стихотворения, обнародованные в честь покойной королевы, и на поэтов, писавших эти стихотворения. В особенности заинтересовал его Мигель Сервантес, заслуживший такие горячие похвалы со стороны своего учителя. Желая содействовать развитию молодого таланта, Аквавива увез его с собой в Рим в качестве своего дворецкого. Таким образом, вместо давно желанного меча юноша очутился с пером в руках».

¹⁵ *...арнауту Мами...* — Арнауты (тур. *Arnavut*), название албанцев у турок. В России так называли выходцев из Албании. В 1575 г., имея при себе рекомендательное письмо от Хуана Австрийского, главнокомандующего испанской армией в Италии, Сервантес отплыл из Италии в Испанию. Галера, на которой находились он и его младший брат Родриго, была атакована алжирскими пиратами. Когда грабители, прибыв в алжирский порт, приступили к дележу добычи, Сервантес достался свирепому ренегату-греку, носившему арабское имя Дали-Мами.

¹⁶ *...берега Варварии.* — Варвария — старинное название Северной Африки западнее Египта.

¹⁷ *...к вице-королю...* — Т. е. к вице-королю.

¹⁸ *...алжирскому дею...* — Деи — турецкие наместники в Алжире, управлявшие страной в 1671—1830 гг., титул пожизненного правителя Алжира в 1711—1830 гг.

¹⁹ *...троицким монахам...* — Речь идет о монахах ордена Св. Троицы.

²⁰ *...дей Азан...* — Имеется в виду венецианский ренегат Гассан Паша, турецкий правитель Алжира.

²¹ *...требовал пяти сот золотых ефимков.* — В прошении матери Мигеля от 1580 г. сообщалось, что она просила «дать разрешение на вывоз 2000 дукатов в виде товаров из королевства Валенсия» для выкупа ее сына.

²² *...получил свободу 19-го сентября 1580 года...* — 10 октября 1580 г. в Алжире был составлен нотариальный акт в присутствии Мигеля Сервантеса и 11 свидетелей с целью выкупить его из плена (см. эл. ресурс <http://ru.wikipedia.org/>).

²³ *Возвратясь в Испанию...* — По возвращении на родину Сервантес вынужден был вновь поступить солдатом в тот же полк, где служил прежде. Полк был послан

в новоприобретенное Португальское королевство для поддержания власти короля Испании. В течение своей службы в полку Сервантес участвовал под командою маркиза Санта Крус в экспедициях 1581 и 1582 годов и выдержал сражение у Азорских островов. Пребывание в Лиссабоне и вообще в Португалии имело большое значение в развитии писательского таланта Сервантеса. Здесь он впервые познакомился с португальской литературой, и она, несомненно, имела влияние на направление его первых серьезных литературных трудов. Прозаические пасторальные романы, где пастушки являлись принцессами, а пастухи — поэтами, были любимой формой литературы в Португалии, и, вероятно, чтение этих романов побудило Сервантеса испробовать свои силы в этом новом для него роде поэтических произведений и заодно познакомить с ним Испанию. Тогда же, в Португалии (1584 год), он написал свой первый роман «Галатея».

²⁴...*явился на сцену с первыми шестью книгами «Галатеи», которой, однако, не кончил.* — Первая часть пасторального романа «Галатея» вышла в свет в 1585 г. Сервантес неоднократно обещал выпустить вторую часть, однако продолжение так и не появилось.

²⁵...*женился на Катерине Паласиос...* — Сервантес был женат на Каталине Паласиос де Саласар.

²⁶...*начал писать комедии...* — Сервантес написал, как сам свидетельствует, от двадцати до тридцати пьес. В 1615 г. был опубликован сборник «Восемь комедий и восемь интермедий».

²⁷...*те из своих новостей...* — Имеются в виду «Назидательные новеллы» Сервантеса.

²⁸...*понадобилось ему съездить в Ламанху.* — Сервантес прибыл туда в качестве сборщика недоимок.

²⁹...*Аргимазиллы...* — Т. е. Аргамасиллы де Альбы, где сейчас находится музей — тюремная камера Сервантеса.

³⁰...*однако во всем романе своем ни разу не упомянул об имени деревни, в которой так худо с ним поступили.* — Сервантес демонстративно уклоняется от наименования селения, в котором жил Дон Кихот, попытки определить, где именно он жил, явно расходятся с авторским замыслом. Исследователи видят проявление в этом пародийного начала повествования: авторы рыцарских романов стремились как можно точнее определить место рождения героя (при том, что география рыцарских повествований чаще всего была фантастической).

³¹ *Сперва он выдал одну первую часть «Дон Кишота»...* — Первая часть романа была опубликована в 1605 г. Успех ее был необыкновенный: в один год она выдержала три издания.

³²...*сочинил книжку, под названием «Змейка».* — Имеется в виду новелла «El Buscaría»

³³...*граф Лемос...* — Вице-король Неаполя (в 1610—1616 гг.), известный меценат дон Педро Фернандес Руис де Кастро (1576—1622), седьмой граф де Лемос, или граф Лемосский.

³⁴...*кардинал Толедский...* — Имеется в виду Хосеф де Вальдивельсо (ум. в 1636 г.) — толедский каноник, известный в свое время поэт и комедиограф, одобрявший поэму Сервантеса «Путешествие на Парнас» и вторую часть «Дон Кихота».

³⁵ «Путешествие на Парнас» — Поэма была опубликована в 1614 г.

³⁶...*которых актеры принять не хотели.* — Пьесы из сборника «Восемь комедий и восемь интермедий» не были поставлены на сцене до их публикации.

³⁷...*последним сочинением Серванта, напечатанным при его жизни.* — Вторая часть «Дон Кихота» была опубликована в 1615 г.

³⁸...*над романом «Персил и Сихизмунда»...* — Роман «Персил и Сихизмунда» был опубликован уже после смерти Сервантеса, в 1617 г.

³⁹...*водяною болезнию...* — Т. е. водянкой.

⁴⁰...*излишним напряжением сил.* — Известно, что Сервантес работал чуть ли не до последнего дня своей жизни.

Сочинения Серванта

⁴¹...*один весьма посредственный перевод на языке нашем...* — Ко времени публикации перевода Флориана существовал целый ряд переводов романа Сервантеса на французском языке: среди них вольные переводы, относящиеся к первой трети XVII в. — С. Одена (César Oudin) и Ф. де Россе (F. de Rosset), неоднократно переиздававшиеся во Франции на протяжении XVII-го столетия; *Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche, traduite d'espagnol de Michel de Cervantès [par Filleau de Saint Martin]*. Paris: C. Barbin, 1695. Vol. 4 — почти одновременно этот перевод был опубликован в Амстердаме в 5-ти томах (Amsterdam: P. Mortier, 1695—1696. Т. 1—5); *Histoire d'admirable don Quixotte de la Manche...* Т. VI. Paris, 1722 (Challes, Robert — traducteur); *Les Principales aventures de l'admirable Don Quichotte, représentées en figures par Coypel, Picart. Le Roman et autres habiles maîtres avec les explications des 31 planches de cette magnifique collection tirées de l'original espagnol de Miguel de Cervantès.* La Haye: P. de Hondt, 1746; *Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche, traduite de l'espagnol de Michel de Cervantès (par Filleau de Saint-Martin).* — Continuation de l'histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche... (traduite par G. de Chasles). Paris: Despilly, 1754. Т. 1—5; *Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche...* Nouvelle édition... — Francfort, en foire, J. F. Bassem pierre père et fils, 1757. 6 vol. Вероятнее всего, Флориан имеет здесь в виду перевод Фийо де Сен-Мартена (Filleau de Saint Martin, François, 1632—1695?), очередное переиздание которого вышло в Париже одновременно с переводом Флориана (*Histoire de l'admirable Don Quichotte de la Manche, traduite d'espagnol de Michel de Cervantès [par Filleau de Saint Martin]*). Paris: F. Dufard, 1798. 4 vol. 540 p.).

⁴²«*Безумное лобопытство, повесть, помещенная в «Дон Кихоте»...* — Имеется в виду «Повесть о Безрассудно-любопытном». См. т. 3, гл. XXXIII—XXXV.

⁴³«*Ринконет и Кортодилла*» — Имеется в виду новелла «Ринконете и Картодилло».

⁴⁴«*Есть французский перевод двенадцати новостей...* — К началу XIX в. существовали следующие переводы новелл Сервантеса на французском языке: *Nouvelles de Michel de Cervantès, (...)* Traduction nouvelle (par l'abbé Saint-Martin de Chassonville). Amsterdam: M. Antoine, 1607. 3 vol.; *Six nouvelles de M. de Cervantes par le Sr d'Audi-guier.* Paris: J. Richer, 1621; *Les nouvelles de Miguel Cervantès; traduit [de l'espagnol].* Paris: C. Barbin, 1678. Т. 1—2; *Nouvelles traduites de l'espagnol de Miguel de Cervantès (par P. Hessein).* Rinconet et Cartodille; *Le Jaloux d'Estremadure; La belle Egyptienne.* Paris: M. Clousier, 1707; *Nouvelles exemplaires de Miguel Cervantès.* Lousanne, 1759. 2 vol. (Martin de Chassonville, S. (Abbé) traducteur); *Nouvelles espagnoles de Michel de Cervantès. Traduction nouvelle avec des notes...* (Par C. Coste d'Arnobat pour les deux

premières nouvelles et par M. Lefebvre de Villebrune, pour les dix autres). Paris: Defere-Demaisonneuve, 1788.

⁴⁵ ...не слышал, чтобы оно и комедии Сервантовъ переведены были на французский язык. — Эти сочинения к началу XIX в., действительно, не были переведены на французский язык.

⁴⁶ «Счастливыи Рюфьен» — Речь идет о комедии «El rufián dichoso».

⁴⁷ ...entremeses... — Т. е. интермедии (здесь опечатка — нужно entremises, откуда — l'intermède).

⁴⁸ «Саламанский погреб» — Имеется в виду «Саламанская пещера» («La cueva de Salamanca»).

⁴⁹ ...комическая опера «Солдат-волшебник»... — Опера французского композитора, одного из создателей французской комической оперы Филидора (настоящая фамилия — Даникан-Филидор; Danican Philidor, Франсуа Андре (1726—1795)).

⁵⁰ «Чудная картина» — Имеется в виду интермедия «El retablo de las maravillas».

⁵¹ ...оперу в водевилях «Ложное чудо»... — Имеется в виду «Платье раздора, или Ложное чудо» (La robe de dissention, ou Le faux prodigue, комическая опера, 1726, либретто французского поэта А. Пирона (1689—1773), музыка французского композитора Ж. Ф. Рамо (1683—1764).

⁵² ...два раза неудачно переведенный на французский язык... — Роман Сервантеса «Персилис и Сихизмунда» к началу XIX в. был дважды переведен на французский язык: в начале XVII в. В. д'Одижье (Audiguier, Vital d', 1569?—1624?) и М-ме. Le Givre de Richebourg (Париж, 1738 г.).

⁵³ Монтемайор, славный поэт, выдал роман «Диану»... — Монтемайор Хорхе (Jorge de Montemayor, около 1520—1562) — псевдоним испанского писателя, настоящая фамилия которого осталась неизвестной. Главное произведение, сыгравшее значительную роль в истории европейского романа, — пасторальный роман «Диана» (1558—1559).

⁵⁴ ...переведен и на французский язык. — К началу XIX в. существовало несколько переводов романа Х. Монтемайора «Диана» на французском языке: La Diane de Georges de Montemayor divisée en trois parties, traduites d'espagnol en françois, reveuë et corrigée. Tours: Sébastien Moulin: Matthieu Guillemot, 1592 (La 1ère partie de l'ouvrage de Montemayor est traduite par Nicolas Collin, la 2ème, de Alonso Perez, et la 3ème, de Gaspar Gil Polo, sont traduites par Gabriel Chappuys); Los Siete libros de la Diane de Georges de Montemayor... traduit d'espagnol en françois et conferé ès deux langues [par Pavillon, Simon Georges]. Paris: imprimerie de A. Du Brueil, 1613; La Diane de Georges de Montemayor, divisée en trois parties. Nouvelle traduction [par Antoine Vitray]. Paris: R. Foüet, 1631; La Diane de Montemayor, mise en nouveau langage, avec une idile sur le mariage de Mme la duchesse de Lorraine, et des lettres en vers burlesques [par Mme Gillot de Saintonge]. Paris: Vve D. Hortemels, 1699; Le Roman espagnol, ou Nouvelle traduction [par le Vayer de Marsilly] de la Diane écrite en espagnol par Montemayor. Paris: Briasson, 1735.

⁵⁵ ...из его разбора Дон Кихотовых книг... — Имеется в виду эпизод романа с разбором библиотеки Дон Кихота.

⁵⁶ ...Иксиона... — Иксион — в древнегреческой мифологии герой, царь фессалийского племени лапифов (по другим источникам — флегиев). Упомянут в «Илиаде» (XIV, 317).

⁵⁷...*Марк-Антония*... — Антоний Марк (Marcus Antonius, ок. 83—30 до н. э.), знаменитый римский политический деятель и полководец, друг и доверенное лицо Цезаря.

⁵⁸...*Родрига*... — Имеется в виду Родриго Руй Диас де Бивар (1040 (1041? 1043?)—1099), более известный как *Эль Сид Кампеадор* — кастильский дворянин, рыцарь, военный и политический деятель, сыгравший большую роль в Реконкисте и вошедший в историю под прозвищем Сид (арабск. «господин»), национальный герой Испании, герой испанских народных преданий, поэм, романсов и драм, а также знаменитой трагедии французского классициста П. Корнеля «Сид».

От сочинителя

⁵⁹ *От сочинителя* — У Сервантеса является «Прологом» к первой части романа.

⁶⁰ *Притом же я пишу в тюрьме; а это место не воспламеняет воображения.* — Рождение замысла «Дон Кихота» соотносят с одним из пребываний Сервантеса в тюрьме во время службы сборщиком налогов в Андалусии в 1590-е гг.: это был кратковременный арест в 1592 г. и многомесячное пребывание в севильской тюрьме осенью–зимой 1597 г., по несправедливому обвинению в растрате, о последнем скорее всего и идет в данном случае речь.

⁶¹...*молчаливи так долго*... — «Дон Кихот», прославивший автора, был опубликован спустя 20 лет после выхода в свет его пасторального романа «Галатея».

⁶²...*все наполнены преважными выписками!* — Здесь начинается полемика Сервантеса с литературными противниками, в частности с Л. де Вегой, который в своих сочинениях обильно цитирует философов и поэтов древности.

⁶³...*сделать им азбучную роспись*... — Списанием 277 авторов, сделанным в алфавитном порядке, снабжена, напр., поэма Л. де Веги «Исидро» (1599). В нем перечисляются имена писателей, упоминавшихся в поэме.

⁶⁴...*от Аристотеля до Ксенофонта и Зенона.* — В романе Сервантеса здесь называются имена греческих философов Аристотеля (384 до н. э. — 322 до н. э.), Ксенофонта (ок. 430—354 гг. до н. э.), греческого ритора и грамматика Зоила (IV — середина III в. до н. э.) и греческого живописца Зевксиса (конец V в. — начало IV в. до н. э.).

⁶⁵...*я, невежа*... — Это иронически самоуничижительная характеристика Сервантеса.

⁶⁶...*напиши их сам*... — Намек на Л. де Вегу, книги которого открываются хвалебными сонетами в адрес автора, написанными самим Л. де Вегой, но подписанными чужими именами.

⁶⁷...*имя императора Тривизондского*... — Трапезунд — одна из четырех частей, на которые в XIII в. распалась Византийская империя. Трапезундское царство нередко является местом действия в рыцарских романах.

⁶⁸...*имя короля Артуса!* — У Сервантеса здесь названо имя пресвитера Иоанна Индийского, правителя мифического христианского царства, расположенного где-то на Востоке.

⁶⁹...*Платон или Святой Василий*... — У Сервантеса названо имя не Платона, а Аристотеля. Св. Василий Великий (IV в.) — один из греческих отцов церкви.

⁷⁰ *Может быть, для тебя было бы довольно подражать в точности тому, что ты осмеять хочешь*... — У Сервантеса понятие «подражания» употреблено в менее

конкретном смысле (ср: «Единственное, чем вы должны воспользоваться в вашем произведении, — это подражанием»; пер. под ред. Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова).

Глава I

⁷¹ *В какой-то ламанхской деревне...* — Как известно, Сервантес уклонился от наименования деревни, в которой жил Дон Кихот, кроме того, здесь сказывается пародийность повествования: в рыцарских романах авторы стремились указать место рождения как можно точнее. К тому же основным местом действия в таких романах был лес или море, Ламанча же — одна из равнинных местностей Кастилии. В переводе встречаем разные варианты написания названия «Ламанча» (и производных от него): Ла Манха, ла Манха, Ла-Манха, Ламанха.

⁷² *Дворянин* — У Сервантеса: «идальго».

⁷³ *...чаще с коровьим мясом, нежели с бараниною...* — Говядина во времена Сервантеса ценилась меньше баранины, таким образом здесь подчеркивалось финансовое положение героя.

⁷⁴ *...жареные голубята по воскресеньям...* — Содержание голубятни было привилегией дворян.

⁷⁵ *Казакин* — короткое верхнее мужское платье со складками, прямым воротником, без пуговиц, на крючках.

⁷⁶ *Исподницы* — холщовое нижнее мужское платье, штаны.

⁷⁷ *...около пятидесяти лет от роду...* — Указание на весьма преклонный для XVI в. возраст идальго подчеркивает его отличие от героев рыцарских романов, которые изображались молодыми.

⁷⁸ *Кикада или Кезада, Киксана* — Так переведены существительные «кихада» и «кесада», в переводе с испанского языка означающие соответственно «челюсть» и «пирог с сыром».

⁷⁹ *...творения славного Фелициана де Сильвы.* — Имеется в виду Фелисиано де Сильва (1492—1558?) — плодовитый и чуткий к веяниям литературной моды беллетрист, автор многих рыцарских романов, в том числе, 7-й, 9—11-й книг из «амадисовского цикла»: «Лисуарте Греческий», «Амадис Греческий», «Флорисель Никейский».

⁸⁰ *Дон Белианис* — Имеется в виду Дон Бельянис Греческий — герой рыцарского романа Херонимо Фернандеса «История отважного и непобедимого принца дона Бельяниса Греческого, сына императора дона Белиано и императрицы Кларинды» (1530—40-е гг.).

⁸¹ *...для сего неоконченного происшествия...* — В конце «Бельяниса Греческого» автор пишет о своем желании завершить повествование, но волшебник, выступающий в роли «подставного автора», потерял свою историю.

⁸² *...произведенным в Сигуэнсе...* — Имеется в виду образование, полученное священником в университете в Сигуэнсе, который во времена Сервантеса был одним из самых захудалых.

⁸³ *...за Пальмереня...* — Речь идет о Пальмерине Английском, герое одноименного португальского рыцарского романа (создан до 1544 г.), входящего в «пальмериновский» цикл.

⁸⁴ *...и Амадиса...* — Амадис Галльский (или Уэльский) — герой анонимного испанского рыцарского романа «Смелый и доблестный рыцарь Амадис, сын Перииона

Гальского и королевы Элилены» (в 4-х ч.), первое известное издание которого появилось в Сарагосе в 1508 г., последнее — в Бургосе в 1587 г.

⁸⁵...за Рыцаря Солнца... — Имеется в виду Рыцарь Феба, герой романа Диего Ортуенса де Калаорры «Зерцало рыцарей и принцев. Рыцарь Феба» (1555).

⁸⁶...довольно сговорчив и не так слезлив, как плакса его братец. — Здесь делается намек на пристальное внимание автора «Амадиса Гальского» к любовным переживаниям главного героя.

⁸⁷...ничего не значил перед Рыцарем Пламенного меча, который одним махом перерубал по два исполина вдруг. — Рыцарь Пламенного Меча — главный герой романа Ф. де Сильвы «Девятая книга Амадиса Гальского. Хроника деяний... Амадиса Греческого...». В романе нет эпизода о рассечении пополам двух великанов, такой подвиг совершил Рыцарь Феба.

⁸⁸Он еще выше ставил Бернара де Карпио, который одолел очарованного Роланда, как Геркулес Антея. — Речь идет о Бернардо дель Карпио, легендарном испанском герое, который прославился тем, что в знаменитом сражении в Ронсельванском ущелье привел с собою мавров из Сарагосы и тем самым содействовал поражению армии Карла Великого. Во второй половине XVI в. он выдвигается на первый план в качестве национального эпического героя, противопоставленного французскому Роланду, главному герою «Песни о Роланде» и других средневековых сказаний, главному действующему лицу поэм Ариосто, Боярдо и др.

⁸⁹...великий Моргант... — Герой поэмы Л. Пульчи «Моргант-великан» (1483), свирепый великан-язычник, которого Роланд обращает в христианство, после чего Моргант совершенно преобразается, становится великодушным, учтивым, благородным.

⁹⁰Ренод Монтобанский... — Имеется в виду Ринальд Монтальванский (Рейнальдо Монтальбанский), один из 12-ти пэров Франции, персонаж поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», поэмы М. Боярдо «Влюбленный Роланд» и поэмы Ариосто «Неистовый Роланд». В испанской традиции — соперник Роланда, изображается одним из главных, наряду с Бернардо дель Карпио, участников Ронсельванского сражения.

⁹¹...изменнику Ганелону. — Ганелон — один из персонажей «Песни о Роланде», враг Роланда, ради мщения которому он изменяет своему королю.

⁹²...в шишаке... — Шишак — шлем.

⁹³...Александрова Буцефала и Сидова Бабьеса. — Буцефал, по преданию, любимый конь Александра Македонского; Бабьеса — любимый конь Сиды.

⁹⁴...сделался Дон Кишотом... — Имя вызывает комическую ассоциацию с «кихоте», означающим по-испански «набедренный», часть рыцарского вооружения.

⁹⁵Исполин Каракулиамбро... — Сходным по звучанию прозвищем в Андалусии награждают полнолицых людей.

⁹⁶...по имени — Альдонца Лоренцо... — Альдонса — простонародное имя, фигурирующее в пословицах типа: «Коли нет девицы, и Альдонса стодится».

⁹⁷...окрестил ее Дульцинею Тобозскою. — Произведено от «dulce» (сладкая, нежная) и названия города — Тобосо (у Жуковского — Тобозо), расположенного в ста километрах юго-восточнее провинции Толедо.

В главе размещена копия гравюры Куани и Маскелье с иллюстрации Лефевра.

Глава II

⁹⁸ ...по обычаю, белого панциря и щита... — Речь идет о «белом щите», т. е. щите, принадлежащем готовящемуся к посвящению в рыцари новичку.

⁹⁹ ...предестной Авроры, которая, покинув ложе дряхлого Титона... — Согласно мифологии Аврора выпросила для Титона бессмертие, но забыла попросить для него вечной юности.

¹⁰⁰ ...Монтиелской равнине... — Имеется в виду Монтьельская равнина. В переводе Жуковского далее встречаем написание: Монтильская.

¹⁰¹ ...мудрый очарователь, который удостоишься быть певцом моих деяний... — Многие рыцарские романы построены как «хроники», созданные каким-нибудь волшебником, нередко участвующим и в сюжетном действии.

¹⁰² Карло — Имеется в виду карлик.

¹⁰³ Сан-Люкар — Сан-Лукар Баррамедский, морской порт Севильи. Особенно оживленным побережье Сан-Лукара бывало в периоды отправки или прибытия флотилий, привлекавших авантюристов и уголовные элементы со всех концов Испании.

¹⁰⁴ Алькад — Т. е. алькайд — комендант.

¹⁰⁵ Кто счастливее в подсолнечной... О коне моем заботятся! — Дон Кихот в романе Сервантеса перефразирует строки популярного романса, в котором рассказывается о любви Ланселота к супруге короля Артура Джиневре, о прибытии Ланселота из Бретани в замок Джиневры и об оказанном ему там приеме. Флориан развивает в своем переводе тот же мотив, сокращая, однако, объем романса до 4-х стихов. Жуковский же увеличивает объем стихотворения Флориана почти вдвое (7 стихов), вводя и развивая мотив счастья Дон Кишота, переживаемого им благодаря окружающей его атмосфере любви и красоты. Автограф этого романса Жуковского до нас не дошел.

¹⁰⁶ ...старинного романса о Ланцелоте. — Ланселот — прославленный рыцарь «Круглого Стола», влюбленный в Джиневру, жену короля Артура, в честь которой им было совершено множество подвигов. См. прим. 105 к гл. II, т. I.

В главе размещена копия гравюры Куани и Маскелье с иллюстрации Лефевра.

Глава III

¹⁰⁷ Желая повеселиться... — В пародийном действе посвящения героя романа в рыцари изначально заложено комическое противоречие: Дон Кихот формально не мог быть рыцарем, т. к. в староиспанском своде законов «Семь частей» говорилось, что посвященный в рыцари в насмешку или в сумасшествии никогда не может быть зачислен в рыцарское сословие.

¹⁰⁸ ...на рынках Севиллы, Валенции, Сеговии, в предместьях Малаги... — Пригородные районы, пользовавшиеся дурной славой как места скопления воров, шулеров и прочих любителей легкой наживы.

¹⁰⁹ ...Толозою... — У Сервантеса: Ла Толоса.

¹¹⁰ ...Мельничихи... — У Сервантеса: Ла Молинера (La molinera — мельничиха, в фольклоре и литературе нередко женщина легкого поведения).

¹¹¹ ...называться доннами... — Дон, донья — звание лица дворянского сословия. Получение его было сопряжено с очень сложной процедурой, которая значительно упрощалась при покупке его за деньги. Сам Дон Кихот, мелкопоместный дворянин (идальго), не имел права на подобное звание.

Глава IV

¹¹² ...шестьдесят три реала... — Реал — старинная испанская серебряная или медная монета. Один серебряный реал равнялся двум медным.

¹¹³ *Андрей* — У Сервантеса: Андрес.

¹¹⁴ *Жуан Альдудо* — У Сервантеса: Хуан Альдудо.

¹¹⁵ ...в *Мурцию*. — Т. е. в Мурсию.

¹¹⁶ ...императриц *Эстрамадуры и Алькаррии!* — Эстрамадура — одна из испанских провинций, Алькаррия — округ в провинции Новая Кастилия.

¹¹⁷ ...стан прямее веретена *Гвадаррамского!* — Популярное народное сравнение стройной женщины с веретеном в Мадриде и его окрестностях дополнено эпитетом «гвадаррамское», т. к. из сосен, росших в горах Гвадаррамы, изготавливались продававшиеся в Мадриде веретена.

Глава V

¹¹⁸ ...какого-нибудь рыцарского анекдота... — Далее речь идет о сборнике романсов из каролингского цикла о маркизе Мантуанском, который находит в безлюдном лесу своего племянника Балдуина, смертельно раненного Карлото, сыном короля Карла Великого.

¹¹⁹ *Красавица, я умираю!... Родня и благодетель мой...* — Герой Сервантеса исполняет первое четверостишие и ниже еще 2 стиха из романса о маркизе Мантуанском, включенного в сборник «Всеобщий романсеро» (1600). Перевод Флориана обогащен мотивами смерти и любви, которые перешли и в перевод Жуковского, близкий к флориановскому тексту. Автограф перевода Жуковского до нас не дошел.

¹²⁰ ...любовь императорова сына к жене своей. — Карлото ранил Балдуина, будучи влюбленным в его жену.

¹²¹ ...забыл своего дядю маркиза Мантуанского, вспомнил мавра Абиндарреса (которого антекерский губернатор, взявши в плен, засадил в свою крепость)... — Здесь герой перескакивает от романса о маркизе Мантуанском к «мавритуанскому» романсу на сюжет повести, приписываемой Антонио де Вильегасу, «История Абенсерраха и прекрасной Харифы». Этот рассказ получил большую популярность благодаря тому, что был включен в 4-ю часть пасторального романа Хорхе де Монтемайора «Диана». Герой Сервантеса воображает себя знатным гранадским мавром Абиндарраэсом из рода Абенсеррахов, который по пути на тайное бракосочетание с Харифой попал в засаду, устроенную правителем христианской Антекеры Родриго де Нарваэсом.

¹²² ...Абенцерраг отвечает Родригу в Монтемайоровой «Диане». — Имеются в виду Абенсеррах, Родриго де Нарваэс и Хорхе де Монтемайор.

¹²³ *Дон Родриг* — У Сервантеса: дон Родриго де Нарваэс.

¹²⁴ *Ксарифа* — Имеется в виду Харифа.

¹²⁵ *Петро Алонзо* — У Сервантеса: Педро Алонсо.

¹²⁶ ...двенадцатью французскими пэрами и девятью храбрецами, славными в мире... — Двенадцать пэров Франции упоминаются в средневековых рыцарских поэмах паладинов Карла Великого, в числе которых значились и часто встречающиеся в «Дон Кихоте» Роланд, Ринальд Монтальванский и др. «Девятью храбрецами, славными в мире» — девятью Мужами Славы — считались три иудея — Иосиф, Давид, Иуда Маккавей, три язычника — Александр Македонский, Гектор, Юлий Цезарь, три христианина — король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский.

¹²⁷ ...волшебником Эскифом... — Имеется в виду Алькифе, персонаж романа «Амадис Греческий» и некоторых др. романов «амадисовского» цикла.

¹²⁸ ...мудрую Урганду... — Урганда Неуловимая — героиня рыцарского романа «Амадис Галльский», добрая фея-волшебница, покровительствующая Амадису, прозванная Неуловимой за ее чудесную способность принимать разные обличья и оставаться неузнанной.

Глава VI

¹²⁹ ...плодовитый «Амадис Галльский». — Первая, не дошедшая до нас версия была создана в XIV в., в конце XVI в. кастильский градоправитель Гарсии Родригес де Монтальво переработал средневековый текст, сократил его, изменил трагический финал. Первым из романов — продолжений «Амадиса Галльского» стал сочиненный также Монтальво роман о деяниях сына Амадиса — Эспландиана.

¹³⁰ ...он зачинщик рыцарских романов в Испании! — Непосредственно к «Амадису Галльскому» восходят романы так называемого «амадисовского» цикла, однако он действительно стал образцом, на который в той или иной степени ориентировались авторы испанских рыцарских романов XVI в.

¹³¹ «Эспландиан сын Амадисов» — Имеется в виду 5-я книга «амадисовского» цикла, написанная Монтальво, — «Подвиги весьма добродетельного рыцаря Эспландиана, сына Амадиса Галльского» (1510).

¹³² ...ни «Королевы Пеньтикинхьстры», ни «Пастуха Даранеля» с его несносными эклогами! — Имеются в виду герои романа «Амадис Греческий» — королева Пинтикинестра и пастушок Даринель. Роман к концу повествования превращается в своего рода «эклогу».

¹³³ «Оливантес де Лаура», «Сад Флоры» — Речь идет о рыцарском романе Антонио де Торкемады «Повествование о непобедимом рыцаре Оливанте Лаврском, принце Македонском, ставшем, благодаря чудесным своим подвигам, императором константинопольским» и его же развлекательно-дидактическом сборнике «Сад занимательных цветов» (1570).

¹³⁴ «Флоризмарт Иркианский» — Т. е. «Первая часть великой истории о преславном и могучем рыцаре Флоризмарте Гирканском» — рыцарский роман М. Ортеги (1556).

¹³⁵ «Рыцарь Креста» — Под этим названием могут фигурировать либо «Хроника о Леполоме, по прозванию Рыцарь Креста, сыне Императора Германии, составленная на арабском языке Хартоном и переведенная на кастильский Алонсо де Саласаром» (1521), либо анонимный роман «Вторая книга о могучем Рыцаре Креста Леполоме, германском принце, повествующая о великих воинских деяниях его Высочества скромнейшего рыцаря Леандра Прекрасного, его сына» (1563).

¹³⁶ «Рыцарь Платиф» — «Хроника деяний отважного и могучего рыцаря Платира, сына императора Прималеона» — анонимный рыцарский роман (1533).

¹³⁷ *«Зеркало рыцарства»* — Имеется в виду «Зерцало рыцарства» — огромная компилятивная прозификация, принадлежащая разным авторам, полностью опубликована в 1586 г. Начальные 86 глав первой части являются прозаическим переложением поэмы М. Боярдо «Влюбленный Роланд», остальные пересказывают в сокращенном виде итальянскую поэму «Влюбленность Роланда» Никколо Дельи Агостини как продолжение поэмы Боярдо.

¹³⁸ *«Записки архиепископа Турпина»* — Речь идет о латинской «Хронике архиепископа Турпина», которую приписывают реймскому архиепископу Турпину (VIII в.). В ней рассказывается о событиях времен правления Карла Великого, в том числе о сражении в Ронсельванском ущелье, одним из участников которого якобы был архиепископ. «Хроника...» изобилует вымыслами.

¹³⁹ *Ариост и Боярдо* — Маттео Боярдо (1434—1494) — итальянский писатель, автор поэмы «Влюбленный Роланд». Сюжет поэмы был в дальнейшем разработан Лодовико Ариосто (1474—1533) в поэме «Неистовый Роланд».

¹⁴⁰ *«Пальмерин Оливский»* — Имеется в виду «Книга о знаменитом рыцаре Пальмерине из Оливы» (1511).

¹⁴¹ *«Пальмерин Английский»* — См. прим. 83 к гл. 1, т. 1.

¹⁴² *«...сочинителем его почитают одного ученого португальского короля!»* — Т. е. дон Жуана II или его сына Жуана III. В действительности автором «Пальмерина Английского» был португалец Франсишку Мораиш Кабрал.

¹⁴³ *«Повесть о славном Тиранте белом»* — Речь идет об «Истории знаменитого рыцаря Тиранта Белого», каталонском рыцарском романе (1490). Роман в основном написан Жоаном Мартурелем, а завершен (IV часть) Марти Жоаном де Гальба.

¹⁴⁴ *«Рыцарь Кырье элейсо... девицы Утехи жизни»* — Имеются в виду герои романа Мартуреля Кириэлейсон (в переводе на рус. яз. «Господи, помилуй») Монтальбанский и Пласердемивида (в переводе на рус. яз. «Утеха моей жизни»).

¹⁴⁵ *«...маленьких форматом...»* — Т. е. книг малого формата.

¹⁴⁶ *«...все волшебства и большие стихи...»* — Речь идет о романе Монтемайора, в котором персонажи держат путь во дворец волшебницы, где, испив из волшебного источника, меняют свои чувства на противоположные. Под «большими стихами» имеются в виду стихотворения, написанные шести- (5-ти-, 7-ми-)сложными полустушиями.

¹⁴⁷ *«...продолжения «Дианы»...»* — Роман Алонсо Переса «Восемь книг Второй части «Дианы» Хорхе де Монтемайора» (1564), написанный как ее продолжение.

¹⁴⁸ *«Гиль-Поло»* — Имеется в виду Хиль Поло, автор пасторального романа «Влюбленная Диана», еще одного продолжения «Дианы».

¹⁴⁹ *«Десять книг счастья и любви» Антона де Лоффраса, поэта сардского.* — Т. е. «Любовная Фортуна в десяти книгах» (1573), пасторальный роман сардинского поэта Антонио де Лоффраса.

¹⁵⁰ *«Полукафтанье»* — короткое верхнее мужское платье разного покроя.

¹⁵¹ *«Пастух Иберийский», «Нимфы Генареса», «Лекарство от ревности»* — Речь идет о пасторальных романах Бернардо де ла Веги «Иберийский пастух» (1591), Бернардо де Бобадильи «Энаресские нимфы» (1587) и Бартоломе Лопеса де Энсисо «Средство от ревности» (1586).

¹⁵² *«Песенник» Мальдонадов* — Т. е. «Сборник стихов» Лопеса Мальдонадо (1586).

¹⁵³ *«Сокровище различных стихотворений»* — Т. е. сборник стихотворений мадридского приятеля Сервантеса Педро де Падила «Сокровищница разных стихотворений» (1580).

¹⁵⁴ ...*подождем второй части, обещанной Сервантом...* — Обещание завершить «Галатею» Сервантес повторял не раз, в том числе и в «Предисловии» ко второй части «Дон Кихота» (1615).

¹⁵⁵ «*Араукана*» Алонза д'Эрсиллы, «*Австриада*» Жуана де Руфо, «*Монсеррат*» Кристофа де Вируеса — Речь идет о трех героико-эпических поэмах — «Араукане» Алонсо де Эрсильи (1569—1589), посвященной войне испанцев с арауканцами (южно-американскими индейцами), «Австриаде» Хуана Руфо (1584), в которой воспеты «подвиги» побочного брата Филиппа II дон Хуана Австрийского, жестоко подавившего в Гранаде восстание насильственно обращенных в христианство мавров, и «Монсеррате» Кристобала де Вируэс (1587).

¹⁵⁶ ...*написанных героическими стихами...* — Имеются в виду одиннадцати-сложные октавы.

Глава VII

¹⁵⁷ ...*негодяй Роланд...* — У Сервантеса: «незаконнорожденный дон Рольдан». Рольдан — испанская народная форма имени Роланд.

¹⁵⁸ ...*имени Ренода Монтобанского...* — Речь идет о Рейнальдо Монтальбанском. См. прим. 90 к гл. I, т. I.

¹⁵⁹ ...*Мугнатоном.* — У Сервантеса: Муньятон.

¹⁶⁰ *Фрестон* — Подставной автор «Бельяниса Греческого», мудрец-волшебник.

В главе размещена копия гравюры Дамбрюна с иллюстрации Лефевра.

Глава VIII

¹⁶¹ ...*руки Бриареевы!* — Бриарей (греч., миф.) — сторукий великан, сын бога неба Урана и богини земли Геи.

¹⁶² ...*к порту Лапису...* — У Сервантеса — Пуэрте Лаписе — проход между двумя горами на королевской Кастилии в Андалусию. В XVI в. там существовал постоянный двор.

¹⁶³ ...*Перес де Варгас, потеряв на сражении меч, вырвал дуб из корня...* — Имеется в виду Диего Перес де Варгас — легендарный герой Реконксты времен короля Фернандо III Святого (1199—1252). В романсе об осаде города Херес о нем говорится: «А за ними следом — Диего Перес, / Отмеченный своей силой, / И меч у него погнулся, / И нечем ему сражаться. / Когда подошел он к оливе, / То отломил толстую ветку, / Похожую на дубину, / И снова бросился в битву».

¹⁶⁴ ...*очки на носу...* — Имеются в виду полумаски со стеклами для защиты лица от солнечных лучей и пыли.

¹⁶⁵ ...*в Севиллу...* — Т. е. в Севилью.

Глава IX

¹⁶⁶ ...*сочиненная с достоверных записок арабом Сид Гамем-Бененжели.* — По поводу образа вымышленного автора-араба Сид Амета Бененхели исследователи выдвигают следующие гипотезы: 1) его прообразом является арабский хронист Хартон; 2) Сервантес следовал за Пересом де Итой, автором «Повести о Сегри и Абенсер-

рахах» (1595), который в качестве «подлинного автора» повести выставляет некоего арабского историка Абенамина. Происхождение и функции этого образа у Сервантеса связаны с расшифровкой его имени — Сид (господин), Амет (восхваляющий, прославляющий) В «Бенехели» комментаторы видят то анаграмму имени Сервантеса, то аллюзию на имя Л. де Веги, то сочетание слов Ven + Angeli (т. е. дословно «сын ангела») или же Ven + Engel (т. е. «сын Евангелия»). Этимология имени этого образа дается во 2-й гл. II ч. романа, где это слово Санчо переделывает в «Беренхена» (т. е., по-исп., «баклажан»).

¹⁶⁷ ...словом, Санко! — Санкас, по-испански, — тонкие ноги. Изредка в переводе встречаем: Санка и Санха.

Глава X

¹⁶⁸ *Разговор Дон Кихота с оруженосцем* — У Сервантеса глава называется «О том, что еще произошло у Дон Кихота с бискайцем и об опасности, которой он подвергся из-за табуна янгүэсцев», что не совпадает с ее содержанием. См. об этом в статье Н. И. Балашова «Двунезуязвимость Дон Кихота» в кн.: Сервантес. Дон Кихот. Т. 1. М., 2003. С. 527—591 и в кн.: Пискунова С. И. «Дон Кихот» Сервантеса и жанры испанской прозы XVI—XVII веков. М., 1998. Жуковский дает название этой главе вслед за Флорианом.

¹⁶⁹ ...сфрячемся в церковь. — В эпоху средневековья церковь пользовалась исключительными привилегиями, в частности, служители церкви и прибегавшие к ее покровительству лица не были подсудны светскому суду.

¹⁷⁰ *святая Германдад* — Имеется в виду «Санта Эрмандад» («Святое Братство») — боевой союз городов, выступавший в защиту городских вольностей от королевской власти. Впоследствии так называлась и полиция и инквизиция. В переводе встречаем также: Ермандад.

¹⁷¹ *Составить бы скляночку бальзама храбрых...* — Во французской эпической поэме XII в. «Фьер-а-Бра» рассказывается о том, как великан-сарацин Фьер-а-Бра похитил из Рима две склянки с остатками бальзама, которым якобы было умащено тело распятого Иисуса Христа. Бальзам обладал чудодейственной силой: испивший его исцелялся от ран. Оливьер, один из 12-ти пэров, взял Фьер-а-Бра в плен и обратил его в христианство, после чего Карл Великий дал ему феодал в Испании. Фьер-а-Бра передал Оливьеру склянки с бальзамом. Оливьер, испробовавший на себе силу бальзама, бросил обе склянки в реку, чтобы никто из рыцарей не надеялся на чудесное исцеление. В Испании существовал перевод старофранцузского прозаического переложения поэмы, опубликованный под названием «История императора Карла Великого и двенадцати пэров Франции, а также жестокой битвы, кою имел Оливерос с Фьеробрасом» (1525).

¹⁷² ...что маркиз Мантуанский соблюдал в подобном случае, до тех пор, покуда не отишу дерзновенному, оскорбившему честь мою. — В романсе о маркизе Мантуанском есть следующие строки: «Клянусь Господом Всемогущим / И Марией — матерью Божьей / И святым причастием, / Которое здесь совершают, / Никогда не чесать головы / И не брить бороды, / Не носить никакой другой одежды / И не менять сапогов, / И не приближаться к жилью людскому, / И не снимать вооруженья / Разве что ненадолго, / Чтобы обмыть тело, / И не есть на скатертях / И не садиться за стол, / Пока не убью Карлото, / Воззвав к правосудию или вызвав на бой». Однако

в романсе не говорится о том, что маркиз поклялся «не тешиться со своей женой». Об этом говорится в другом романсе — из «сидовского» цикла. В сознании Дон Кихота эти романсы контаминируются.

¹⁷³ ...шлема, столь же крепкого, несокрушимого, как Мамбринов, дорого стоивший Сакрипанту... — Мамбрин — один из персонажей поэм Боярдо и Ариосто, мавританский царь, обладатель чудодейственного золотого шлема, предохранявшего от ранений. Однако к этому шлему Сакрипант — черкесский царь, один из персонажей поэм Боярдо и Ариосто, влюбленный в Анджелику и принимающий участие в защите Альбраки, отношения не имеет. Владельцем шлема Мамбрина был Рейнальдо Монтальбанский, убивший Мамбрина.

¹⁷⁴ ...такое множество рыцарей, какого и на осаде Альбраки не видано! — В поэме Боярдо рассказывается о том, как татарский царь Агрикан, желая получить в жены принцессу Анджелику, во главе двухмиллионной армии осадил неприступную крепость Альбраки, в которую король Катая Галафрон заключил свою дочь. В сражениях вокруг осажденной крепости принимают участие рыцари многих стран.

¹⁷⁵ ...есть у нас в запасе на твердой земле королевства: Дания, Собрадиза! — Дания часто упоминается на страницах «Амадиса Галльского». Сольядиса (у Жуковского — Собрадиза) — очевидная опечатка первого издания романа Сервантеса. Нужно читать: Собрадиза — вымышленное королевство, правителем которого становится брат Амадиса Галльского Галаор.

Глава XI

¹⁷⁶ ...Отцы наши называли тебя златым — Образ Золотого века — одна из важнейших мифологем ренессансной культуры. С Золотым веком, который для поэтов античности находился в прошлом, гуманисты высокого Возрождения в той или иной мере отождествляли настоящее. Напротив, гуманисты позднего Возрождения строили свои риторические обличения настоящего на его противопоставлении вновь отнесенному в прошлое Золотому веку.

¹⁷⁷ ...тирский пурпур... — Цвет природного красновато-фиолетового красителя. В античное время его извлекали из желез морских брюхоногих моллюсков — иглянок или так называемых пурпурных улиток. Краска содержала несколько красящих веществ и имела разные оттенки — в зависимости от технологии. Краситель использовали для крашения тканей. В Древнем Риме одежда, окрашенная пурпуром, который был буквально на вес золота, служила отличительным знаком высших должностей.

¹⁷⁸ Антон — У Сервантеса: Антонио.

¹⁷⁹ Что пользы, Ниса, притворяться!... Нам дважды, милый друг, не жить! — Флориан не только значительно сократил по объему романс, исполняемый Антонио, но и принципиально поменял его тональность, лишив его иронического начала и введя мотив безответной любви, пренебрежения, выказываемого Олалией (Eulalie) по отношению к влюбленному в нее лирическому герою. Перевод Жуковского полный и близкий к романсу Флориана, однако в нем появляется мотив притворства возлюбленной, последовательно развиваемый поэтом в переводе «Писем к Саре» Ж.-Ж. Руссо, над которым он работает примерно в одно время с переводом «Дон Кихота», и усиливается романтическая идея скоротечности жизни и отсутствия любви как смерти. В архиве Жуковского, среди автографов стихотворений

«Герой», «Сельское кладбище!», «Мой милый друг», «Опустевшая деревня» и др. сохранились беловые и черновые автографы некоторых стихотворений из «Дон Кишота» (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 9—14 с оборотами). Среди них беловой автограф, с небольшим количеством поправок и разночтений с опубликованной редакцией, романа «Что пользы, Ниса, притворяться!..» (л. 9). Стихотворение пронумеровано дважды, и оба раза цифрой «1», кроме того, оно помещено в раздел под общим заголовком «Том I». Ст. 7—8 читаются так: «*Пойду ли прочь — ты вслед за мною / Украдкой, искосясь, глядишь!*» Ст. 9 имеет первоначальный вариант, зачеркнутый в дальнейшем: «*Стихи ль мои тебе читаю*», ст. 11 читается так: «*Но тем себе лишь изменяешь*», ст. 19 — «*Заране с жизнью разлучаться*», однако «разлучаться» зачеркнуто и сверху надписано «расставаться» (выделено нами. — *Ред.*).

Глава XII

¹⁸⁰ *История Марселлы* — У Сервантеса глава называется «О том, что рассказал один козопас компании, бывшей с Дон Кихотом», что соответствует ее функции в повествовании: она является своего рода экспозицией пасторального действия-обряда, которое развернется в следующих главах вокруг похорон Хризостома. Мотив похорон в ренессансной пасторали — один из жанрообразующих.

¹⁸¹ *Хризостом и Амброзий* — Герои носят имена отцов церкви Иоанна Златоуста — греч. Хризостома (347—407) и Амвросия Медиоланского (340—397).

¹⁸² *...схоронили в поле, как мавра...* — Предсмертная воля героя связана с тем, что он решил покончить жизнь самоубийством.

¹⁸³ *Амброзий* — У Сервантеса: Амбросио.

¹⁸⁴ *Петр* — У Сервантеса: Педро.

¹⁸⁵ *...в Саляманке...* — Т. е. в Саламанке.

¹⁸⁶ *...разговоры мальчишка для Светлого Воскресения...* — Имеется в виду пьеса на сюжеты Священного Писания. У Сервантеса говорится о «священных действиях», т. е. об ауто сакраменталес, одноактной аллегорической пьесе, в образной форме трактующей философско-теологические проблемы.

¹⁸⁷ *Гильом* — у Сервантеса: Гильермо.

Глава XIII

¹⁸⁸ *...епанчами...* — Епанча — широкий безрукавый плащ.

¹⁸⁹ *...с пальмами из дикого терновника...* — Т. е. с палками из терновника (см.: Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Т. 3. СПб., 1882. С. 13).

¹⁹⁰ *...не знаете истории великобританской! Но, может быть, хотя по слуху известно вам, что славный король Артур...* — О подвигах полумифического короля бриттов Артура впервые рассказал в своей латинской хронике (до 1138 г.) Гальфрид Монмутский, а вслед за ним Гиральд Камбрейский. Однако Дон Кихот, скорее, знаком с артуровскими легендами по рыцарским романам «бретонского» цикла о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Создатели этих романов использовали как хронику Гальфрида, так и сюжеты и образы кельтского фольклора.

¹⁹¹ *...жила и Жениефра, супруга Артурова, и рыцарь Ланцелот, тайный друг ее сердца...* — См. прим. 105, 106 к гл. II, т. 1.

¹⁹²...*дама Кинтаньона, почтенная посредница нежных любовников.* — У Сервантеса «дуэнья Кинтаньона», в том значении слова «дуэнья», которое сложилось к XVI в.: пожилая дама, нередко вдова, находящаяся в услужении у более знатной сеньоры и являющаяся ее доверенным лицом. В испанских рыцарских романах дуэньядоньи не выступали в роли посредниц между рыцарем и его возлюбленной. Следовательно, дуэнья Кинтаньона как посредница между Ланселотом и Джиневрой — плод воображения безымянных испанских творцов романа о Ланселоте.

¹⁹³...*почти своими глазами видели непобедимого Дон Белианиса...* — Последняя часть «Бельяниса Греческого» вышла в свет в 1579 г. Кроме того, как и многие другие рыцарские романы, он изобилует анахронизмами, в частности, в нем упоминаются события 1492 г. (завоевание испанцами Наварры и Гранады).

¹⁹⁴ *Строгая жизнь картезианцев...* — Имеется в виду обет молчания.

¹⁹⁵ ...*подобно полям Елисейским...* — Согласно мифологическому представлению, страна блаженства, расположенная на самом краю земли.

¹⁹⁶ ...*ни от Курциев, Сципионов древнего Рима...* — Знатные роды в древнем Риме.

¹⁹⁷ ...*ни от Калоннов, Урзинов нового, ни от Монкадов, ла Серда, Манфриков, Мендоцев, Гусманов нашей Испании; ниже от Менезсов, де Кастров Португалии...* — Знатные роды современной Сервантесу Италии, Каталонии, Арагона, Кастилии и Португалии.

¹⁹⁸ ...*условия, начертанные Зербином на доспехах славного Роланда...* — Имеется в виду Дзербино (Зербин), один из персонажей «Неистового Роланда» Ариосто, сын шотландского короля, получивший свободу благодаря Роланду. Найдя однажды доспехи своего спасителя, он сделал надпись на коре (песня XXIV), которая далее приведена в тексте романа, представляя собой перевод стихов из поэмы Ариосто.

Глава XIV

¹⁹⁹ *Как счастлив тот, кто в бурном свете, ... Люблю — и гроб передо мной.* — В «Песни Хризостома» у Сервантеса используются многие мотивы предыдущих глав, прежде всего мотив ада, откуда теперь как бы раздается голос покончившего с собой пастуха-студента. «Песнь...» пронизана многообразными литературными реминисценциями, перекликаясь с «Песнью отчаяния» Г. де Сетины (1520—1560), с описаниями ада в романе Х. Р. дель Падрона «Свободный раб любви» (1492). Во второй строфе «Песни...» Сервантес цитирует вторую эклогу Г. де ла Веги. Отдаленный прообраз «Песни...» — обращенное к богам подземелья заклинание фессалийской ведьмы Эрихто из VI книги поэмы Лукана (39—65) «Фарсалия» и трагедия Сенеки (ок. 4 до н. э. — 65) «Федра». Стихотворение в переводном романе Флориана не имеет ничего общего с подлинником, начиная с его жанрового определения — у французского переводчика «Песнь Хризостома» названа стансами. Кроме того, стихотворение сокращено до 5 строф (20 стихов), в нем отсутствует мотив ада и, соответственно, образная система подлинника. Флориан утверждает руссоистский культ природы, приносящей человеку счастье, и намечает мотив несчастной любви. В «Дон Кишоте» Жуковского это произведение названо «стихами», его объем увеличен до 6-ти строф (24 стиха). В нем четко выделяется идейное обрамление, организуемое мотивами роковых страстей, несчастной любви, губящих человека, разрывающих целостность его внутреннего мира. Основная часть стихотворения излагает типичную просветительскую концепцию личности и систему ценностей: уединенный образ жизни, природа, науки, внутренняя свобода, дружба. Инте-

ресно, что свое место в этой системе занимает Бог, понимаемый как некая гармония, разлитая в природе. Сохранился беловой автограф этого стихотворения (л. 9), он помещен в раздел под заголовком «Том I» и несколько раз пронумерован: цифрой «2» — в левом верхнем углу, карандашом, на правом поле напротив 3-й строфы словами — «Номер второй» и «Номер вт.(орой)». 10-й стих в автографе имеет такую редакцию: «Он мудростью питает дух», 14-й — «Его чертог — безмолвный лес!», 16-й — «Его беседа — свод небес!», напротив этого стиха на полях записано: «поправить», однако поправку находим только в следующей строфе в 20-м ст.: стрелками и цифрами «1» и «2» показано, что стих должен читаться так: «И к сердцу друга прижимал». Кроме того, в автографе чуть ли не каждый стих оканчивается восклицательным знаком (в опубликованном варианте их количество уменьшено на 9 знаков).

²⁰⁰ *...не потечет ли кровь моего друга в твоём присутствии?* — Существовало поверье, что при приближении убийцы раскрываются раны на теле его жертвы.

²⁰¹ *Сия холодная могила... Марселла близко! — Берегись.* — Эпитафия в переводе Флориана сокращена вдвое, переведена в сентименталистскую тональность с полной утратой иронической окраски. В переводе Жуковского органично соединились трагическое начало (появились образы холодной могилы, праха) и юмористическое предупреждение «Марселла близко! — Берегись», которого нет у Сервантеса, но которое, тем не менее, соответствует ироническому звучанию надгробной надписи в испанском подлиннике. До нас дошли черновой и беловой автографы эпитафии (соответственно, л. 9 об. и л. 12 об.). Первый помещен в подборку «Том I», обозначен в левом нижнем углу карандашом цифрой 3. Он представляет три редакции стихотворения. Приведем их ниже:

Редакция № 1

⟨В могиле сей любовник верный
 Лежит любовию сраженный⟩
 Сия холодная могила
 Остатки юноши сокрыла⟨.⟩
 Прохожий, здесь остановись,
 Вздохни о нем и — удались!

Редакция № 2 (все перечеркнуто)

Холодная могила
 Здесь юношу сокрыла!
 Прохожий, удались;
 Марселла здесь — смирись.

Редакция № 3 (все перечеркнуто)

Сия холодная могила,
 Остатки ⟨Праха юноши сок⟨рыла⟩ ⟨Здесь пепел⟩ юноши
 ⟨Прохожий, здесь остановись,
 Вздохни⟩Отсель, прохожий, удались,
 Марселла близко, берегись!

Беловой автограф представляет 2 редакции, приведенные ниже:

Редакция № 1

Сия холодная могила
Здесь пепел юноши сокрыла!
Несчастный, он любил — страдал!
И в юном цвете (И в цвете нежных) лет увял.
Прохожий с нежною душою,
Почти сей мирный прах слезою!

Редакция № 2

Сия холодная могила
Здесь пепел юноши сокрыла.
Прохожий, плачь — но удались:
Марселла близко — берегись.

²⁰² ...в Севиллу, говоря, что нигде столько приключений не встречается, как в этом городе. — Севилья, крупнейший город на юге страны, «ворота» в Новый Свет. Богатый город притягивал сброд со всей страны, и приключения, ожидавшие там любого, скорее могли стать встречей с плутами.

²⁰³ ...заглянуть в горы, которые нужно было очистить от разбойников... — И у Сервантеса это место не ясно. Дон Кихот и Санчо все еще едут по Монтельской равнине близ предгорий Сьерра-Морены, но нужно помнить, что повествование Сервантеса не является достоверным географическим описанием.

Глава XV

²⁰⁴ ...не попался ли славный Амадис в руки волшебника Аркалая... — В гл. XVIII первой книги «Амадиса Галльского» рассказывается, как враг Амадиса Аркалаус при помощи волшебства смог победить рыцаря и взять его в плен.

²⁰⁵ Меня уверял один тайный автор, что и сам рыцарь Солнца... — Ни один из авторов романа «Рыцарь Феба» не сообщает этих неподобающих, столь унижительных для «зеркала рыцарей» подробностей.

²⁰⁶ ...Силен, добрый воспитатель Бахуса, въезжал в стовратный город на прекраснейшем осле в свете! — Силен — воспитатель и постоянный спутник Вакха, вечно пьяный тучный старик. Стовратными назывались Фивы, столица Верхнего Египта; Фивы, куда въехал Силен верхом на осле, столица Беотии, назывались Семивратными.

Глава XVI

²⁰⁷ Мариторна — У Сервантеса: Мариторнес.

²⁰⁸ Арвалло — Селение в Кастилии.

²⁰⁹ ...смотрел во все глаза, как заяц. — Существовало поверье, что зайцы спят с открытыми глазами.

В главе размещена копия гравюры Дамбрюна с иллюстрации Лефевра.

Том второй

Глава XVIII

¹...императора Алифанфарона... — Алифанфарон — комическое имя, созданное Сервантесом по традиционной схеме: сложением двух слов — Али + фанфарон.

²...острова Трапобаны... — Древнее название острова Цейлон.

³...царя гарамантов Пентаполина Голофрукого, прозванного так потому, что всегда сражается, обнажив руку. — Гараманты — сказочный народ, живущий, по представлениям древних, в глубине Африки. Пентаполин — от «Пентаполис» («пять городов»).

⁴...надобно тебе показать главных рыцарей в обеих армиях... — Приводимый далее «перечень войск» пародийно сорентирован на Вергилиево описание войска Турна в VII кн. «Энеиды», а также на «Илиаду», в начале второй песни которой описываются два войска.

⁵Раулькак неустрашимый, князь и обладатель серебряного моста. — У Сервантеса Лауркалько, имя, образованное от сложения слов *Laurel* (лавр) и *calco* (ср. рус. «калька»). Серебряный мост (у Сервантеса — Пуэнте де Плата), прозвание, встречающееся в романах Монтальво.

⁶Брадабарбаран — Гротескное имя, образованное соединением слов *brando* (итал. «меч»), *barba* (исп. «борода») и *barbaro* (исп. «варвар»).

⁷...дверь славного храма филистимлян, разрушенного Самсоном. — Самсон — герой ветхозаветных преданий, наделенный огромной физической силой. Когда его, взятого в плен и ослепленного, приводят в храм Дагона, он сдвигает с места два средних столба и с возгласом «Да умрет душа моя с филистимлянами!» обрушивает все здание на собравшихся, сам погибая под его обломками.

⁸Тимонел Каркасонский — У Сервантеса: Тимонель Каркашонский.

⁹...князя Альгаревского. — У Сервантеса — герцог Альфенькиен (имя, произведенное от слова «мармелад») Альгарбский.

¹⁰...называемый Пиетром Пепином. — Имеется в виду Пьер Папен — в Севилье 70-х гг. XVI в. жил торговавший картами лавочник-француз, носивший такое имя.

¹¹...Спаржифилардо, могучий герцог Нервиш... — У Сервантеса — Эспартафилардо дель Боске с пучком спаржи на щите (эмблема Эспартафилардо согласуется со значением его имени: стебель спаржи).

¹²...равнины Массилийских... — Массилийские равнины расположены в восточной Нумидии.

¹³...водами славного Ксанта... — Имеется в виду Ксанф, река в Малой Азии, на которой стояла Троя.

¹⁴...осеняемых рощами быстрого Термодона... — Имеется в виду Фермодонт, река в Понте, впадающая в Черное море. На ее берегах, по преданию, жили амазонки.

¹⁵...сокровищами Пактоля. — Пактол — золотоносная река в Лидии, близ Сард, приток Герма (ныне Сарабат).

¹⁶...на берегах Бетиса... — Старинное название Гвадалквивира, реки, на которой стоят Кордова и Севилья.

¹⁷...Тагом, по золотому песку протекающим. — В XI—VI веках до н. э. в долине реки Тахо (в Испании) добывали золото.

¹⁸...целебного Ксениля... — Имеется в виду река Хениль на юге Испании, левый приток реки Гвадалквивир. Вода марки «Хениль» и сегодня известна своими целебными свойствами.

¹⁹ ...цветущих лугов обильного Ксереса... — Имеется в виду Херес-де-ла Фронтера в Андалусии, расположенный на реке Гудалете.

²⁰ ...потомки древних готфов... — Т. е. кантабрийцев, жителей области Кантабрия, расположенной на севере Испании, не завоеванном арабами.

²¹ ...мирного Писурегги... — Имеется в виду Писурэрга, река на севере Испании, известная своим плавным течением.

²² ...излучистой Гвадианы... — Река Гвадиана в своем течении несколько раз уходит под землю.

²³ ...мирмидонов... — Мирмидоняне, мирмидоны — в греческой мифологии ахейское племя в Фессалии, возглавлявшееся в походе под Трою Ахиллом. После ссоры Ахилла с Агамемноном они не принимали участия в сражениях и вступили в бой только вместе с Патроклом. Мифологическая традиция, по которой Ахилл был внуком Эака, возводила название «мирмидоны» к тем муравьям (греч. Μυρμιδόνες — «муравьи»), из которых Зевс по просьбе Эака создал население острова Эгина. В некоторых вариантах мифа название «мирмедоны» — от прадеда-эпонима, фессалийского героя Мирмидона, сына Зевса и прадеда Патрокла.

Глава XIX

²⁴ ...лишяком Маландрановым или Мамбрановым... — В результате искажения в устах Санчо имени «Мамбрин» возникают эти каламбуры.

²⁵ ...романы подоспели к нему на помощь. — М. де Рикер видит в эпизоде с мертвым телом пародию на эпизод «Пальмерина Английского», в котором герои встречают накрытые черным сукном носилки. Их несут трое оруженосцев, оплакивающих мертвое тело рыцаря Фортибрана Могучего.

²⁶ ...тело старого дворянина, умершего в Баеце, который желал быть погребен в Сеговии, своей родине. — В этих словах комментаторы видят намек на реальное историческое событие — перенесение в 1593 г. останков поэта Хуана де ла Круус из Убеды, где он умер от горячки и первоначально был похоронен, в Сеговию.

²⁷ ...рыцарь Печального образа. — Это прозвание встречалось в анонимном рыцарском романе «Клариян Ланданисский» (1518), оно адресовано рыцарю Деоклиану, на щите которого имелось изображение девушки, «чей облик был весьма печален, и одну руку она прижимала к сердцу, а другую утирала чистейшие слезы, безавшие из ее прекрасных глаз».

²⁸ ...иной прозывался... — Далее перечисляются имена героев рыцарских романов: Бельяниса Греческого (Рыцарь Единорога), Флорарлана Фракийского (Рыцарь Феникса), Филесбиана Кандарийского (Рыцарь Грифа), Амадиса Греческого (Рыцарь Смерти).

Глава XX

²⁹ ...нагибаемых аквилонами... — Аквилон (лат. *aquilo (aquilonis)* — «северный ветер») — древнеримское название северо-восточного, иногда северного ветра. Как и другие ветры, Аквилон представляли божеством, олицетворявшим эту силу природы, соответствовал древнегреческому Борею.

³⁰ ...с гор луны... — Поток здесь уподоблен Нилу, который, согласно географическим представлениям древних, начинается в Верхней Эфиопии, в Лунных горах.

³¹ ...*вижу голову Малой Медведицы подле шеи; на черте левой лапы должна быть теперь полночь.* — Санчо говорит о расположении звезд созвездия Малой Медведицы по отношению к Полярной звезде.

³² *Допес Рюи* — У Сервантеса: Лопе Руис.

³³ ...*Торальву...* — У Сервантеса: Торральба.

³⁴ ...*Гандалин, служивший Амадису...* — Гандалин — оруженосец и молочный брат Амадиса Галльского.

³⁵ *Газабал, оруженосец Галаоров, был так скромн и молчалив, что сам историк не больше двух раз упоминает об нем в огромной книге своей.* — В «Амадисе Галльском» имя оруженосца дона Галаора — Гасабал — действительно упоминается однажды, но не для того, чтобы отметить его молчаливость.

Глава XXI

³⁶ ...*рыцарь Солнца, Змеи...* — Рыцарь Солнца — главный герой «Рыцаря Феба», рыцарь Змеи — прозвище одного из героев «Пальмерина из Оливы».

В главе размещена копия гравюры Куани с иллюстрации Лефевра.

Глава XXII

³⁷ ...*сидел бы на галере...* — Здесь имеется в виду наказание, к которому приговаривались преступники: их приковывали цепями к бортам галеры и заставляли грести до полного изнеможения.

³⁸ ...*на шею два железных ошейника; к одному из них была прикреплена цепь, а к другому две железные полосы, достававшие до пояса, с кольцами, в которые продеты были его руки так, что он не мог сделать ими никакого движения.* — Описано приспособление, применявшееся обычно на аутодафе; при его помощи заключенного, провозимого напоказ по улицам, заставляли сидеть, поднимая голову.

³⁹ ...*по прозванию Гинезилла де Паратилла.* — Паратилла — у Сервантеса «Парапилья» — слово, образованное соединением предлога *para* (для, с целью) и глагола *pillar* (грабить, воровать).

Глава XXIII

⁴⁰ ...*мараведиса* — Мараведис — старинная мелкая испанская монета.

⁴¹ ...*ни всех Ермандад двенадцати колен израильских, ни семи Маккавеев, ни Кастора и Поллука...* — В высказывании Дон Кихота по признаку сходства комически соединены братья из 12-ти израилевых родов, семеро братьев Маккавеев, участников восстания иудеев (165 г. до н. э.) против царя Антиоха IV, а также братья-близнецы Кастор и Полидевк-Поллукс — персонажи греческой мифологии.

⁴² ...*прочел следующие стихи оруженосцу: Надежда, говорят, любовь животворит... Жестокая, и то блаженством он считает!* — Стихотворение из записной книжки в переводном романе Флориана не имеет ничего общего с сонетом из романа Сервантеса. Оно состоит из двух четверостиший с опоясывающей рифмовкой, разделенных двустижием. Его главная тема — надежда как единственная прочная и необходимая основа любви. Сохраняя эту тему, Жуковский сокращает стихотворение на 1 стих. Кроме того, образ Фили (Phylis) из стихотворения Флориана, входивший

и в сонет Сервантеса, у Жуковского заменен на образ Хлои. Сохранился беловой автограф этого стихотворения (л. 9 об.), размещенного в подборке, озаглавленной «Том II», пронумерованного цифрой «5». 4-й стих в автографе читается так: «(И ах!) Увы! Надежды никакой не знает!», 9-й — «Жестокая, и то (он счастьем) блаженством почитает!».

Глава XXIV

⁴³ ...в одном из первых городов Андалузии... — Как явствует из дальнейшего, речь идет о Кордове.

⁴⁴ ...герцог Рихард... — У Сервантеса: герцог Риккардо.

⁴⁵ ...Рожера Греческого... — Речь идет об одном из романов Ф. де Сильвы — «Рохель Греческий».

⁴⁶ ...прекрасное приключение Дараиды и Гараиды, также и нежные стихи милого пастуха Даринеля. — Дараида и Гараида (у Сервантеса — Гарайя) — имена, которые взяли персонажи романа Ф. де Сильвы «Флорисель Никейский», принцы Архесилай и Арлаихес, переодевшись женщинами. Пастух Даринель — персонаж романа «Амадис Греческий», но он не сочиняет стихов, их исполняет другой пастух — Архесилай из «Рохель Греческого».

⁴⁷ ...королева Мадазина имела любовником Лизбета... — Имеются в виду Мадасима и Элисабат, героини романа «Амадис Галльский», в котором фигурируют три Мадасимы, но ни одна из них не была королевой и не вступала в любовную связь с ученым и хирургом Элисабатом, исцелившим Амадаса.

Глава XXV

⁴⁸ ...Ангелика променяла его на мавра Медора... — Персонажи поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

⁴⁹ Дриады, Напеи — Дриады — нимфы лесов, напеи — долин.

⁵⁰ ...Фронтина, и Гиппогрифа Астольфова! — Фронтин — быстроногий конь рыцаря Руджера, персонажа поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»; Гиппогриф — сказочное животное, наполовину конь, наполовину птица, принадлежавшее рыцарю Астольфо, персонажу «Неистового Роланда».

⁵¹ Лоран Корчуело — У Сервантеса: Лоренсо Корчуэло.

⁵² ...Амарилл, Сильвий, Галатей... — Имена героинь популярных пасторальных романов и эклог, включая и героиню пасторального романа самого Сервантеса.

В главе размещена гравюра Хальбу с иллюстрации Лефевра.

Глава XXVI

⁵³ ...Ангелика, забыв честь и невинность, кинулась в объятия красавца Медора... — Медор и его возлюбленная Анжелика — героини поэмы Боярдо.

⁵⁴ ...Долины, мирные луга ... Тиранка Дульцинея! — Стихи, сочиненные Дон Кихотом, Флориан значительно сокращает, трансформируя их в стансы, состоящие из 2-х строф, повторяющих 2 последние стиха (в испанском подлиннике это произведение названо куплетами). Лирический герой стансов вполне соответствует

сентименталистскому чувствительному герою, переживающему свои любовные чувства на лоне природы. Жуковский довольно точно переводит текст Флориана, увеличив, впрочем, каждую из 2-х строф на один стих. Примечателен повтор в переводе Жуковского — он вводит образ «тиранки Дульцинеи», отсутствующий как во французском переводе-посреднике, так и в испанском оригинальном тексте. Сохранились черновые наброски стихотворения (л. 12 об.), пронумерованные цифрой «4». Ниже приведем этот автограф:

⟨Леса унылые, густые,
Безмолвны грозные скалы,
Пещеры дикие, пустые⟩

Скалы угрюмые, седые,
⟨Дубравы, черные леса⟩
⟨Рощи⟩ ⟨Цветущие⟩ ⟨мрачные⟩ Долины мирные, луга,
Пещеры дикие, пустые,
Потоков быстрых берега,
Моим стенаниям внимайте!
О ⟨верные⟩ нежные друзья мои!
⟨Унылым⟩ Печальным эхом повторяйте
Упреки ⟨страстные⟩ бедственной любви — 13
⟨Тобозской⟩ Принцессе Дульцинее.

⟨Мои страдания бесконечны?⟩
⟨Ужель Вселенну победив⟩
Вселенну в цепи заключил,
Но ах — о, рок бесчеловечной
⟨Души холодной⟩ Ничем принцессы не смягчил.
⟨Она любви⟩ Жестокая! Любви не знает!
⟨Смиренны⟩ ⟨Героев слезы ей ничто⟩
Себя их мукой утешает,
Зима и лед в душе у ней!
Смягчись, ⟨принцесса⟩ Дульцинея!

Здесь же, на л. 12 об. отдельно записан вариант первых трех стихов 2-й строфы:

Вселенну отягчил ⟨цветущу⟩ цепями,
Гремел бессмертными делами,
⟨Но⟩ И ах, принцессы не смягчил.

Кроме того, приведем окончательные варианты тех стихов автографа, которые расходятся с печатными. Все они находятся во второй строфе: 2-й стих — «Гремел бессмертными делами», 6-й стих — «Лежит у ног ее герой», 9-й стих — «Смягчись, о Дульцинея!», 8-й стих имеет зачеркнутую редакцию: «⟨Ругается⟩ Гнушается его тоской!»

Глава XXVII

⁵⁵ ...современный королю Вамбе. — Соответствует русскому выражению «во времена царя Гороха». Вамба — готский король (672—680).

⁵⁶ ...*Голубок уединенный!* ... *Я увяну — навсегда!* — У Сервантеса стихотворение написано в жанре-размере «овильехо» (от *ovillo* — клубок); он представляет собой комбинацию из трех восьмисложных строк, перемежаемых усеченными строками. Стихотворение Флориана — совершенно самостоятельно и по форме, и по содержанию. Оно состоит из 3-х октав, обращенных от имени лирического героя к дикому голубю, живущему в горах (*ramier de la montagne*), тоскующему, как и он, по своей возлюбленной. Жуковский перевел стихотворение близко к французскому оригиналу, сохранив деление текста на октавы, композицию произведения, его настроение и даже усилив мотивы одиночества, смерти от утраченной любви. До нас дошел белой автограф с небольшими поправками (л. 10). Он помещен в подборке «Том II», на правом поле напротив последнего стиха пронумерован цифрой «2», на этом же правом поле напротив последнего стиха есть помета Жуковского: «поправить последнюю строфу». Исправлений, действительно, больше всего в 3-й строфе, хотя они есть и в 1-й: 4-стих — «Жизнь печальну (полюбил) разлюбил!», 8-й стих — «Ах, удел такой жесток!» Ты грустишь и одиноч!»; в 3-й строфе 2–4-й стихи: «(Знать,) Иль тебе наскучил я? / Ты (сюда) в сей лес уединился, / (Я вздохнул — уж нет тебя!) Я тоской прогнал тебя!».

Глава XXVIII

⁵⁷ *Есть в Андалузии местечко, по которому дано титло герцога одному испанскому гранду.* — Ф. Родригес Марин считает, что Сервантес имел в виду расположенный в 85 км от Севильи и примерно на таком же расстоянии от Кордовы город Осуна, название которого фигурирует в титуле герцога де Осуна. В семье герцога в 1581—1582 гг. произошли события, сходные с теми, о которых рассказывает Доротея.

В главе размещена копия гравюры Куани с иллюстрации Лефевра.

Глава XXIX

⁵⁸ ...*Микомиконской империи...* — Название образовано удвоением слова *mico* (обезьяна) и увеличительным суффиксом *-on*.

⁵⁹ ...*принужден будет управлять неграми...* — Торговля африканскими неграми, которых отправляли затем в Новый свет, была широко распространена в Испании в XVI—XVII вв.

В главе размещена копия гравюры Хальбу с иллюстрации Лефевра.

Том третий

Глава XXX

¹ *Тинакрио премудрый* — Волшебник, действующее лицо продолжения «Рыцаря Феба», романа Педро де Сьерры.

² *Карамилла* — У Сервантеса: Харамилья.

³ *Дурандардо Косоглазый* — У Сервантеса Пандафирандо Свирепоглазый, гротескное имя великана, составленное Доротеей из двух основ: *panda* (жарг. — карточное шулерство) и причастия от глагола *filar* (жарг. — мошенничать).

⁴...на берег в *Оссоне* ... — Осуна расположена далеко от побережья.

⁵...не только во всей Испании, но и во всей Ламанхе. — Доротея комически превращает Испанию в часть Ламанчи.

⁶Ах, плут *Зинезилла!* — У Сервантеса: вор Хинесильо (от имени де Пассамонте — Хинес, который в переводе Жуковского назван «Гинес Пассамон»).

В главе размещена копия гравюры Маскелье с иллюстрации Лефевра.

Глава XXXI

⁷...лёрловое ожерелье... — Имеется в виду жемчужное ожерелье (от «перл» — жемчуг, жемчужина, жемчужное зерно).

⁸*Перевязь* — Широкий ремень либо полоса ткани через плечо.

⁹...спите на острых камнях, кушаете одну траву, не чешете бороды... — Перечисляются зарки маркиза Мантуанского.

¹⁰...до последнего обода. — Обол — название монеты, был в Средние века в ходу в Голландии, Италии, Испании и Португалии.

Глава XXXII

¹¹... в оранжевых аллеях... — Т. е. в аллеях апельсиновых деревьев.

¹²*Дуэнны* — Т. е. дуэньи.

¹³«*Сиронджилио Фракийский*» — Имеется в виду рыцарский роман Бернардо де Варгаса «Отважный рыцарь дон Сиронхил Фракийский, в четырех частях» (1545).

¹⁴«*Феликс*», «*Марс Ирканский*» — Имеется в виду «Фелисмартэ Гирканский», рыцарский роман Мельчора Ортеги (1556), который в переводе называется то «Феликс», то «Феликс Ирканский», то «Марс Ирканский».

¹⁵«*История Гонзалва Кодуанского, полководца великого*», «*Жизнь Дон Диего Горсиаса де Паредиса*» — Имеется в виду «История великого капитана Гонсало Фернадеса Кордовского, вместе с жизнеописанием Диего Гарсиа де Паредеса» (1559, 1580). Гонсало Фернадес Кордовский — испанский полководец, внесший большой вклад в Реконквисту, дон Диего Гарсиа де Паредес — один из подчиненных «Великого капитана».

¹⁶...с шестьюстами тысяча... — У Сервантеса: «больше миллиона шестисот тысяч».

¹⁷«*Безумное любопытство. Новость*» — У Сервантеса «Повесть о Безрассудно-любопытном», в отношении которой исследователями называется целый ряд литературных источников, среди них — «Неистовый Роланд», «Декамерон». «Новость» у Жуковского — дословный перевод фр. *Nouvelle* (повесть).

Глава XXXIII

¹⁸*Анзельм и Лотер* — У Сервантеса: Ансельмо и Лотарио.

¹⁹...одного из наших поэтов. Вотще бежит, злодей вотще он жизнь скрывает!... Доколе с сердцем я, мой судия со мной! — У Сервантеса здесь имеется в виду Луиджи Тансилло (1510—1568) — итальянский поэт, автор поэмы «Слезы Святого Петра» (опубл. в

1585 г.). Сервантес называет и имя поэта, и его поэму, приводя стихи Тансилло в собственном переводе. Их содержание определяется религиозными идеями греха и раскаяния. Флориан создает стихотворение не только вдвое короче, чем в испанском подлиннике, но и расставляет в нем свои акценты — нравственно-этические, в связи с чем центральными оказываются такие понятия, как «виноватый» (*le coupable*), «мое преступление» (*mon crime*) и «мое сердце» (*mon coeur*). Жуковский еще более заостряет эту проблематику, переводя *le coupable* как «злодей», вводя мотив «лютой тоски», которая «терзает» его, делает «несчастливым», наконец, в последнем стихе появляется образ «моего судии» вместо флориановского образа внутренних «свидетелей» (*temoins*) преступления. Уже в конце 1800-х гг. Жуковский будет активно развивать все эти темы в своих балладах. Сохранился беловой автограф этого стихотворения (л. 10), он размещен в подборке «Т.<ом> 3», пронумерован слева сверху, карандашом, цифрой «6». Автограф полностью совпадает с опубликованным текстом стихотворения.

²⁰...*золотых ефимков!* — Ефимок — 1) русское название западноевропейского серебряного иоахимсталера, из которого в XVII — начале XVIII в. в России чеканились серебряные монеты; в 1704 г. принят за весовую единицу серебряного рубля; 2) русский серебряный рубль, чеканенный в 1654 г.

Глава XXXV

В главе размещена копия гравюры Маскелье с иллюстрации Лефевра.

Глава XXXVI

²¹...*в черных масках...* — Эти маски защищали от пыли.

Глава XXXVII

²²...*царь Негроман...* — У Сервантеса: король-чернокнижник.

²³...*в штофном головном уборе...* — Штоф — шелковая плотная ткань, обычно с разводами.

²⁴*Лелазаранда* — У Сервантеса: Лела Зораида.

Глава XXXVIII

²⁵*Дон Кишот говорит речь* — Далее Дон Кихот произносит одну из своих знаменитых речей, тема которой, как установлено исследователями, восходит к средневековым «диспутам» о монахах и рыцарях.

Глава XXXIX

²⁶*История пленника* — Как и «Повесть о Безрассудно-любопытном», «История пленника» написана Сервантесом до начала работы над романом. Датой ее создания считается 1589 г. Биография пленника за вычетом ее фольклорно-сказочного начала во многом совпадает с биографией самого Сервантеса, который также фигурирует в рассказе пленника.

²⁷ ...мог назваться *Крезом*... — Крез (др.-греч. Κροίσος, 595—546 до н. э.) — последний царь Лидии в 560—546 до н. э. Богатство Креза вошло в поговорку.

²⁸ *Аликанто* — Имеется в виду Аликанте — порт на восточном побережье Испании.

²⁹ ...отправился я в Милан, где снабдил себя всем нужным для солдата. — Оружейные заводы в Милане пользовались в то время большой славой.

³⁰ ...герцог Альба идет во Фландрию... — Герцог Альба — Фернандо Анварес до Толедо (1508—1582), главнокомандующий испанской армией во Фландрии.

³¹ ...последовал я за ним... — Вопрос о том, принимал ли Сервантес участие в войне во Фландрии, остается открытым.

³² ...слух, что Папа, испанский король и Венеция посылают Жуана Австрийского против турок... — По почину папы Пия V была создана лига, объединявшая Венецию, Испанию и Папский престол. После того, как турки в 1569 г. захватили Кипр, принадлежавший Венеции, усилилась угроза средиземноморским владениям Венеции и Испании, и лига организовала для борьбы с турками объединенный флот, во главе которого стоял дон Хуан Австрийский (1545—1578), побочный сын Карла V. 7 окт. 1571 г. произошла встреча турецкого и объединенного испано-венецианского флота в Лепантском заливе, где турецкому флоту был нанесен сокрушительный удар.

³³ ...Азгану, алжирскому делу... — Имеется в виду Гасан Ага — правитель Алжира, которого Сервантес упоминает вместо Гасан-паши, правившего в Алжире до 1580 г., т. е. до освобождения Сервантеса из рабства.

³⁴ *Банья* — Имеется в виду «баньо» — острог (арабск.), он представлял собой большой, наглухо закрытый со всех сторон двор, куда выходили двери казематов, в которых жили пленники.

Глава XL

³⁵ ...алжирцу *Ажиморато*... — Имеется в виду Хаджи Мюрад (у Сервантеса — Аджи Морато), богатый алжирский ренегат, славянин по происхождению.

³⁶ ...лапатскому алкаду... — У Сервантеса — губернатор Ла Паты, т. е. Аль-Баты, крепости возле Орана.

³⁷ ...одному ренегату из Мурции... — Имеется в виду вероотступник родом из Мурсии.

³⁸ *Вот что я вздумала*... — Излагаемый далее план совпадает с планом побега, который пытался осуществить Сервантес в 1577 г.: его брат Родриго, попавший вместе с ним в турецкий плен, должен был, выкупив себя, вернуться за своими товарищами. Однако эта попытка бегства, как и две других, окончились для Сервантеса неудачей.

³⁹ ...у *Бабазонских ворот*. — Имеются в виду Бабазонские ворота — одни из главных ворот крепости Алжир.

Глава XLI

⁴⁰ ...на смешанном арабском и кастильском языке, употребляемом в Варварии... — У Сервантеса — «на языке, на котором во всей Берберии... объясняются между собой мавры и пленные», т. е. на так называемом «лигва франка».

⁴¹ ...*солтамисов*... — Имеется в виду турецкая золотая монета «солтани».

⁴² ...*назереяне*? — То есть назареи, христиане (по названию города Назарет, где согласно христианским преданиям родился Иисус Христос).

⁴³ ...*множество конных*... — Здесь речь идет о конной береговой охране, которая была специально организована для охраны испанского побережья от нападения корсаров.

⁴⁴ ...*въехали в Малагу*... — У Сервантеса — Велес-Малага — городок неподалеку от Малаги.

Глава XLII

⁴⁵ *Аудитор* — Крупный судейский чиновник.

⁴⁶ ...*Жуаном Пересом де Вьедма*... — У Сервантеса: Хуан Перес де Вьедма.

⁴⁷ ...*в Ненанской пехоте*... — Опечатка: у Сервантеса: в испанской пехоте.

⁴⁸ ...*Лораном Пересом де Вьедма*... — У Сервантеса: Руй Перес де Вьедма.

⁴⁹ ...*Клефу* — У Сервантеса: Клара.

Глава XLIII

⁵⁰ *Ладью легкой управляя... Во век, во век не покидай!* — Флориан сократил песню погонщика мулов на одно четверостишие, сохранив при этом морские мотивы стихотворения Сервантеса. Сохранены основные образы подлинника: море как символ любви (*la mer d'amour*), светило (*un astre*) — очень важный образ, перекликающийся с именем героини «Клара», что значит «светлая», туча (*le nuage*). Вместе с тем, Флориан вводит в стихотворение образ легкой лодки (*une barque légère*), подчеркивающий мотив опасности блуждания лирического героя по морю в надежде увидеть землю; появляется мотив поиска героем своего «поприща» (*sa carrière*). Образ лирического героя несколько конкретизируется: указывается, что он молод («*Prends pitié de mon jeune âge*», — заклинает он свою возлюбленную), что утрата любви лишила его сердце смелости (*Mon coeur n'a plus de courage*). Перевод Жуковского довольно близок к флориановскому тексту, хотя в нем тоже сделаны свои, предромантические и романтические, акценты; важнейшим из них является образ пути, который проходит через все стихотворение в русском переводе. Именно этот образ используется Жуковским для замены флориановского образа «поприща». Кроме того, *une barque légère* переведено как «легкая ладья», а образ «светила» в последней строфе конкретизирован — «звезда золотая». Ведущим у Жуковского становится мотив надежды, которой лишается сердце лирического героя с утратой «золотой звезды» (в отличие от *le courage* у Флориана). До нас дошел беловой автограф стихотворения Жуковского (л. 11 об.), размещенный в подборке «Т. III» и пронумерованный слева сверху, карандашом, цифрой «7». Текст стихотворения разбит на строфы, отделенные друг от друга горизонтальной чертой. Напротив 4-го стиха на правом поле написана цифра «8», напротив последней строфы — цифра «9». Укажем исправления и различия автографа и публикации: 8-й стих — «Я видел путь — (летел) и плыл по нём»; 13—14-й стихи: «Ах! Возвратись, звезда золотая, / И снова путь мой озаряй».

⁵¹ ...*в Михайлов день*... — По всей видимости, этот день — 29 сентября — и был днем рождения Сервантеса.

⁵² ...*богиня трехликая*... — Т. е. луна, появляющаяся в трех своих фазах. Вергилий, Гораций и Овидий называли ее «трехликим божеством», соединяющим в себе Луну (на небе), Диану (на земле) и Гекату (в преисподней).

⁵³ ...*солнце, которое спешит воссесть на быстрых коней своих*... — Имеется в виду мифологический Феб, запрягающий свою колесницу, на которой в течение дня он объезжает небосвод.

⁵⁴ ...*гоняясь за жестокою на равнинах Фессалийских или на берегах Пеня*... — Речь идет о нимфе Дафне, дочери речного бога Пеня, за которой тщетно гнался увлеченный ею Феб (Аполлон) и которая была превращена сжалившимся над нею отцом в лавр, пока Пеней находится в Фессалии.

⁵⁵ ...*локон волос Медузиных*... — Вместо волос на голове одной из трех горгон (мифологических чудовищ в образе женщины), Медузы, — змеи.

⁵⁶ ...*пожелал меча Амадисова*... — Т. е. меча Амадиса Гальского.

⁵⁷ ...*от гласисов*... — Гласис — все пространство перед крепостным рвом, в поле, на пушечный выстрел.

В главе размещена копия гравюры Годефруа с иллюстрации Лефевра.

Глава XLV

⁵⁸ *Трактирщик, который был из их партии*... — Т. е. состоял членом этого братства.

⁵⁹ ...*зловный раздор машет над нами своим факелом, подобно как в стане сильного Аграманта*... *Разве нет у нас мудрого Собрина и могущего Аграманта?* — В XXVII песне «Неистового Роланда» рассказывается, как архангел Михаил, по просьбе Карла Великого, наслал распрю на стан царя Аграманта, осаждавшего Париж. Возникла междоусобица, которую Аграманту удалось прекратить благодаря мудрым советам царя Собрина.

Глава XLVI

⁶⁰ ...*бессмертный любовник жестокой Дафны успеет дважды двенадцать раз совершить свое течение по светозарному зодиаку*. — Имеется в виду Феб, преследующий нимфу Дафну (см. прим. 54 к гл. XLIII, т. 3).

⁶¹ ...*слову Мантириана*... — У Сервантеса — Ментирониана, от *tentira* (исп.) — ложь.

В главе размещена копия гравюры Годефруа с иллюстрации Лефевра.

Глава XLVII

⁶² ...*на простой телеге; животные, на которых хотят взять меня, простые быки*. — Мотив перевозки Дон Кихота на телеге, по утверждению исследователей, может восходить к роману К. де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги», разнообразные переложения которого были широко распространены в Испании.

⁶³ ...*кабалистам персидским* — Имеются в виду маги, волшебники из Персии.

⁶⁴ ...браминам индейским... — Точнее, брахманы, жрецы, принадлежавшие к высшей из 4-х каст, на которые делилось население древней Индии.

⁶⁵ ...гимнософистам эфиопским — Гимнософисты — древнейшая индусская религиозная секта, которая получила широкое распространение в Египте и Эфиопии. Она призвала к полному отказу от жизненных благ, умерщвлению плоти, пренебрежению к богатству и почестям.

⁶⁶ ...сказал монах. — Речь монаха (у Сервантеса — каноник) о рыцарском романе, по утверждению исследователей, воплощает глубоко противоречивое, двойственное отношение Сервантеса к эстетике неаристотелизма, который предъявлял искусству ряд требований, отвечавших рационально-дискурсивному, «научному» стилю мышления Нового времени. В их числе — требование правдоподобия и поучительности, связанные важнейшей для эстетики Аристотеля идеей подражания — «мимесиса». Вместе с тем заметна попытка найти компромисс между рыцарским романом и аристотелевской эстетикой в виде «усовершенствованного» рыцарского романа, в котором бы соединялись «мимесис» и «фантасис», история и вымысел, развлекательность и серьезное содержание.

⁶⁷ ...история шестнадцатилетнего ребенка, который одним махом меча разрушает пополам великана... — Подобная ситуация, как указывают исследователи, встречается, напр., в романе «Бельяниис Греческий».

⁶⁸ ...плавает по морям в чужунных башнях... — История с плавающей башней, как заметил еще Д. Клеменсин, — аллюзия на один из эпизодов романа, в «Дон Кихоте» прямо не упомянутого, — «Флорамбель Лусейский» (1532).

⁶⁹ ...ко владениям Иоанна Индейского... — Имеется в виду Иоанн Индийский или пресвитер Иоанн, правитель мифического христианского царства, расположенного где-то на Востоке.

⁷⁰ Птоломей — Клавдий Птолемей, математик, астроном и географ, создатель геоцентрической модели мира, живший в первой половине II в. н. э. в Александрии.

⁷¹ Марк Павел — Имеется в виду Марко Поло (ок. 1254—1324), знаменитый венецианский путешественник XIII в., посетивший восточные страны, где он прожил 26 лет.

Глава XLVIII

⁷² Вы напомнили мне о комедии... — Имеется в виду испанская драматургия XVII в., которая еще не знала деления на жанры.

⁷³ ...«Изабеллу», «Филлису» и «Алессандру»... — Трагедии Л. Л. де Архенсолы (1559—1613) «Изабелла», «Филида» и «Александра», написанные в ренессансно-классицистическом стиле. Трагедия «Филида» до нас не дошла, две остальные, вопреки мнению героя, не представляют никакой художественной ценности.

⁷⁴ ...свести Карла Великого с императором Гераклием и заставить последнего взять Иерусалим. — Карл Великий — король франков (800—814), крупный полководец и завоеватель, значительно расширивший границы своего государства. Император Ираклий — византийский император (годы правления: 610—641), пытался остановить продвижение мусульманских завоеваний в Восточном Средиземноморье.

⁷⁵ ...за Бульюна... — Имеется в виду Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии (1058—1100), возглавлявший первый крестовый поход (1096—1099).

Глава XLIX

⁷⁶ *Кесари, Аннибалы, Александры, Сиды, Гонзальвы* — Имеются в виду Цезарь, Ганнибал, Александр Македонский, Сид Руй Диас, а также Фернан Гонсалес, кастильский граф, добившийся независимости Кастилии от Леона, герой «Поэмы о Фернанде Гонсалесе» (XIII в.), многочисленных романсов, исторических хроник об освобождении Кастилии от арабского завоевания, и Гонсало Фернандес (см. прим. 15 к гл. XXXII, т. 3), которых Жуковский объединил, назвав их «Гонзальвы».

⁷⁷ *...Изюльты, Жениевры...* — Имеются в виду королева Изольда и Джиневра.

⁷⁸ *...Амадисах, Фиерабрасах, Белиансах, Феликсах и прочих героях, которых подвиги до малейшей подробности всем известны. Любовные похождения Тристана и королевы Изюльты, Жениевры и Ланцелота, которым помогала добрая Кинтальяна...* — Все это — герои рыцарских романов.

⁷⁹ *Кинтальяна* — Имеется в виду Кинтаньона (см. прим. 192 к гл. XIII, т. I).

⁸⁰ *...Артура, Англического короля...* — Имеется в виду король Артур Английский.

⁸¹ *...Петра Прованского и Магелонны прекрасной...* — Герои французского рыцарского романа «История прекрасной Магелонны, дочери короля неаполитанского, и Пьера, сына короля провансальского» (XIII в.), автор — Бернар де Тревье. Деревянный конь, носивший героя по воздуху — образ, пришедший в Европу из сказок «Тысячи и одной ночи».

Глава L

⁸² *...в каком-то развалившемся эрмитаже...* — У Сервантеса речь идет о древней часовне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Том четвертый

От сочинителя

¹ *...с сочинителем «Нового Дон Кихота»...* — Имеется в виду роман Алонса Фернандеса де Авельянеды «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский», написанный в подражание Сервантесу как его продолжение, именуемое «Вторым томом». См. об этом: *Балашов Н. И.* Антагонизм Сервантеса и Авельянеды, бесчестного («авильянадо») изготовителя «Ажекихота» (1614) // *М. de Сервантес Сааведра. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. С прибавлением «Ажекихота» Авельянеды: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 687—724.*

² *...я потерял руку на Лепантском сражении...* — В битве при Лепанто (ныне город Нафпонт — на северном берегу Коринфского залива), которая произошла 7 октября 1571 г. и в ходе которой флот лиги наголову разбил турецкую эскадру, Сервантес был ранен в предплечье, в результате чего его левая рука была парализована. В «Жизни Серванта» об этом говорится следующее: «...он записался в военную службу и отличился на славной Лепантской баталии, выигранной в 1571 году Жуаном Австрий-

ским; рана, им полученная, лишила его левой руки; Мессинский госпиталь был награждением неустранимому Серванту».

³...*скрыл свое имя и отечество...* — См. указ. статью Н. И. Балашова (прим. 2).

Глава I

⁴*Турецкий султан вооружается.* — Побережье Испании в то время находилось под угрозой нападения со стороны турецких корсаров. Ожидание скорого нападения турок, по утверждению исследователей, было животрепещущей темой для христиан Средиземноморья.

⁵...*обожая Амадиса, Пальмереня, Тирана Белого, Лизвафа Греческого, Белианиса, короля Собрина, Ренода, Рожера...* — Имеются в виду Амадис Галльский, Пальмерин Английский, Тирант Белый, Лисуарте Греческий, Бельянис, король Собрино, Рейнальдо, Ружеро.

⁶*Мы знаем из Библии, что Голиаф был семи локтей с половиною...* — Рост Голиафа — по Библии (1 кн. Царств, 17) — «шесть локтей и пядь», т. е. более трех метров.

В главе размещена копия гравюры Хальбу с иллюстрации Лебарбье.

Глава II

⁷...*зависть преследовала Кесаря, Александра и даже дон Галаофа.* — Имеются в виду Юлий Цезарь, Александр Македонский и брат Амадиса Галльского — дон Галаор.

⁸...*Варфоломея Караско...* — У Сервантеса: Бартоломе Карраско.

Глава III

⁹*Спросите об этом Португалию, Валенцию, Барселону, в которых раскуплено вмиг двенадцать тысяч экземпляров. Уже готовят новое издание в Анвере...* — Речь идет о двух пиратских изданиях «Дон Кихота», вышедших сразу же вслед за первым мадридским изданием: в Лиссабоне (1605), и в том же году в Валенсии. В Барселоне роман был опубликован в 1617 г. «Дон Кихот» 1605 г. также был издан в Брюсселе: по-видимому, это издание, о котором до Сервантеса дошли слухи, спутано с несохранившимся антверпенским.

¹⁰...*я рад божиться, что эту книгу переведут на все языки Европы.* — В 1612 г. появился перевод первой части «Дон Кихота» на английский язык, выполненный Томасом Шелтоном, в 1614 г. — в Париже, перевод на французский язык Сезара Одэна.

¹¹*Дети, молодые и взрослые люди, старики и старухи, словом, все с одинакою жадностью читают историю Дон Кихота...* — Существует немало свидетельств огромной популярности «Дон Кихота» у читателей-современников.

Глава IV

¹²...*в Сарагосу, где приготавлились сражения с быками ко дню Св. Георгия.* — Ежегодно в Сарагосе, в память освобождения города от мавров в 1096 г., происходили традиционные торжества.

¹³...*маленький акростих на имя Дульцинеи Тобозской*... — Дон Кихот просит бакалавра сочинить стихотворение, первые буквы каждой строки которого, прочитанные вертикально, составляют имя адресата; его просьба об объеме стихотворения явно не соответствует длинному имени возлюбленной.

Глава V

¹⁴...*сыну Санке*... — У Сервантеса: Санчико.

¹⁵...*Саншетту*... — У Сервантеса: Марисанча.

¹⁶*Лопес Тохо, сын соседа Ивана Тохо* — У Сервантеса: Лопе Точо, сын Хуана Точо.

¹⁷*Каскайо* — У Сервантеса: Каскахо.

Глава VI

¹⁸...*отслужите молебен святой Аполлине*. — Имеется в виду святая Аполлония; молитва, обращенная к ней — заговор против зубной боли.

В главе размещена копия гравюры Хальбу с иллюстрации Лебарбье.

Глава VII

¹⁹ *Так точно какая-то известная дама крайне рассердилась на одного славного поэта*... — Вероятно, Дон Кихот имеет в виду эпизод, произошедший с Висенте Эспинелем (1551—1634), сочинившим в 1578 г. «Сатиру против дам».

²⁰...*перевела Кесафя за Рубикон* — Рубикон — небольшая река на Апеннинском полуострове, впадает в Адриатическое море. До 42 г. до н. э. служила границей между Италией и римской провинцией Цизальпийская Галлия. Эта река известна главным образом благодаря выражению «перейти Рубикон», означающему некоторое бесповоротное решение. История этого выражения связана с тем временем, когда Юлий Цезарь не был императором, а был военачальником (проконсулом), Рим был республикой. По закону проконсул имел право возглавлять войско только за пределами Италии. Однако 10 января 49 г. до н. э. он со своим войском подошел к Рубикону, но не был уверен в силе своего войска и поэтому колебался, ведь в случае неудачи он мог быть подвергнут публичному позору и пыткам. Он перешел через Рубикон и после гражданской войны стал императором. С тех пор выражение «перейти Рубикон» означает рискнуть чем-то важным ради великой цели.

²¹...*подала Эрострату факел на сожжение Эфесского храма*. — Речь идет о знаменитом храме Дианы, считавшемся одним из семи чудес света, который был подожжен Геростратом для того, чтобы оставить свое имя в веках.

²²*Худо, бедные французы*... — Начальные стихи одного из популярнейших испанских романсов на тему о битве в Ронсельванском ущелье. На русский язык этот романс был переведен Н. М. Карамзиным в 1789 г.

Глава VIII

²³ *Заметьте его красным*... — У Сервантеса здесь имеется в виду существовавший в испанских университетах обычай писать красными крупными буквами фамилии

тех, кто выдержал испытание на соискание ученой степени профессора. Поскольку в переводе опущено разъяснение, данное в подлиннике: «красным, каким пишут о профессорах», русскому читателю остается недоступным этот смысл.

Глава IX

²⁴ *Харон* — Мифологический герой, перевозящий в своей ладье тени умерших через реку Стикс в ад.

²⁵ *...трагедию «Царство смерти»...* — У Сервантеса — «действие о Палатах смерти», в котором исследователи предполагают упоминание ауто Лопе де Веги, в котором действующими лицами являются Дьявол, Смерть, Ангел, Император, Купидон, Королева.

Глава X

²⁶ *Это сравнение, сударь, прекрасно, только не вы его выдумали!* — Сравнение жизни с театром, особенно популярное в XVI—XVII вв., восходит к позднеримским философам-стоикам Сенеке и Эпиктету.

²⁷ *...это, мне кажется, также очень похоже на то, что мы делаем на свете.* — У Сервантеса речь идет об уподоблении жизни игре в шахматы, которое встречается, напр., в речах проповедника Алонсо де Кабреры (1549—1598).

²⁸ *Дамон и Пифий* — В подлиннике: Нис и Эвриал — герои «Энеиды» Вергилия, спутники Энея, связанные между собой теснейшей дружбой. Приведенные Жуковским имена двух друзей из Сиракуз — Дамона и Финтия (Пифия) — также являются примером идеальной дружбы.

²⁹ *Орест и Пилад* — Орест, сын греческого царя Агамемнона и Клитемнестры. После того, как отец Ореста был убит и ему самому угрожала такая же участь, он бежал с помощью своей сестры Электры в Колхиду, где у него завязалась такая тесная и крепкая дружба с сыном колхидского царя Пиладом, что каждый из них готов был пожертвовать жизнью ради другого. Дружба Пилада и Ореста вошла в поговорку.

³⁰ *Не одни сии животные могут человека учить в добродетели; он должен краснеть перед собакою, слоном и муравьями.* — В подлиннике приводятся заимствованные Сервантесом из «Естественной истории» Плиния Старшего (23—79) примеры уроков, полученных людьми от животных: аиста, собаки (научила человека благодарности), журавля, муравья (научил людей предусмотрительности), слона (урок стыдливости), коня.

³¹ *О ночь, как ты была прекрасна... Я в мире с мертвою душой!* — У Сервантеса Рыцарь Леса исполняет сонет, главной темой которого является служение рыцаря Прекрасной Даме, исполнение им любого ее желания. Стихотворение в переводе Флориана названо романсом, оно состоит из 5-ти строф по 4 стиха и развивает тему воспоминания о ночном свидании лирического героя со своей возлюбленной. Жуковский сократил французский текст стихотворения, непереверденным осталась 3-я строфа, в которой речь идет о том, что возлюбленная ночью осмеливалась говорить, не краснея, чувствовать полнее, чем при свете дня («Moins timide alors, moins sévère, / Elle osait dire sans rougir / Ce qu'à reine elle osait sentir / Des qu'elle voyait la lumière»). Перевод Жуковского выстроен в виде двух октав. К мотивам воспо-

минания, утраченной любви, одиночества Жуковский добавляет мотив сна, скоротечности любви и счастья, воображаемой любви. Кроме того в русском переводе усилена оппозиция образов дня и ночи, а также трагическое звучание финала: у Флориана — «Maintenant, ô nuit, nuit obscure, / Tes ténébres me font frémir; / Je me crois le seul à souffrir / Dans le calme de la nature»; ср. у Жуковского — «Теперь, о ночь, я содрогаюсь / Под сенью тишины твоей! / Мне кажется, один скитаюсь / Я в мире с мертвою душой!». До нас дошел беловой автограф стихотворения (л. 10), он размещен в подборке «Том IV» и пронумерован слева сверху, карандашом, цифрой «8», на правом поле напротив 3-го стиха — длинная горизонтальная линия и цифра «3». Приведем исправления и разночтения автографа и опубликованного текста: ст. 1 — «О ночь, как ты была прекрасна», ст. 4 — «В любви красавице своей», ст. 5—6 — «Но день, завидуя счастливым, / Расстаться с милою велел!»; ст. 14 — «Под черной мантией твоей». Кроме того, отдельно записан перевод 3-й строфы романса Флориана, не вошедший в основную редакцию: «Она сама не так не стыдилась, / Свободней всё могла открыть; / Но с светом робость возвратилась: / Любовь (боится) не смеет днем любить!».

³² *Кассильдея Вандальская* — Имеется в виду Андалусская, по имени германского племени вандалов, владевших южной частью Испании. Это имя придумано Сервантесом по аналогии с Дульсинеей Тобосской.

Глава XI

³³ *Из Циудад-реала...* — Имеется в виду Сьюдад Реаль — главный город Ламанчи, в котором производят знаменитое белое вино «сьюдад-реаль».

Глава XII

³⁴ *...великаншу Жиральду, которая всегда неподвижна и всегда в движении...* — *Жиральда* — Имеется в виду Хиральда (см. прим. В. А. Жуковского в тексте перевода).

³⁵ *...свесить огромных быков гейзандских...* — Речь идет о задании великанши Хиральды взвесить быков Гисандо, четырех огромных бесформенных изваяний, находящихся на холме Гисандо (около города Авилы).

³⁶ *Пропасть Кабра* — Глубокая пропасть в окрестностях селения Кабра (в Кордовской провинции), которую суеверные люди принимали за один из входов в ад.

³⁷ *Штофное полукафтаные* — Короткая верхняя мужская одежда из плотного шелка.

³⁸ *...панаш, из белых, зеленых и желтых перьев...* — Панаш (устар.) — пучок страусовых перьев (султан), служивший для украшения шляпы, шлема. Слово «панаш» имеет французские корни (*Panache*): оно означает «султанская роскошь», «великолепный вкус».

³⁹ *Томас Сезиал* — У Сервантеса — Томе Сесьяль, что означает «вяленая рыба».

В главе размещена копия гравюры Гоше с иллюстрации Лебарбье.

Глава XIV

⁴⁰ *...епанча из зеленого сукна...* — У Сервантеса — «плащ из тонкого зеленого сукна». Зеленый цвет одеяния дона Диго де Миранда может иметь символическое

значение: цвет листьев и травы, он гармонирует с обликом сельского помещика. Зеленый цвет, вошедший в прозвание героя, подчеркивает связь с гуманистическим идеалом блаженного «ничегонеделанья», которое является условием совершенствования личности.

⁴¹ *Маврокисская сабля* — У Сервантеса: мавританская сабля.

⁴² *...эпиграмм Марциаловых...* — Марциал Валерий (40—102) — римский поэт-эпиграмматист.

⁴³ *...о Горации, Тибулле, Ювенале...* — Гораций (полное имя Квинт Гораций Флакк, 65—8 до н. э.) — римский поэт «золотого века» римской литературы; Тибулл Альбий (ок. 50—19 до н. э.) — римский поэт, автор элегий, воспевающих достоинства патриархальной жизни; Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик.

⁴⁴ *...бессмертным лавром, к которому громы коснуться не смеют.* — Мифическое свойство лавра отводить от себя молнию описывается в «Естественной истории» Плиния.

⁴⁵ *...бандероли с королевскими гербами...* — Бандероль (устар.) — ярлык, клейменная бумажная полоса, тесьма для оклейки вещей, по уплате за них пошлины, акциза.

В главе размещена копия гравюры Хальбу с иллюстрации Лебарбье.

Глава XV

⁴⁶ *Они сей час узнают, что я делаю со львенками.* — Вступая в сражение со львами, Дон Кихот подражает деяниям героев ряда рыцарских романов («Пальмерина Оливского», «Бельяниса Греческого» и др.).

⁴⁷ *Протофи* — Издержки, расходы, убытки, изъян (устар.).

Глава XVI

⁴⁸ *Залого нежности мой... Смотрю и слезы проливаю!* — У Сервантеса здесь приводятся первые 2 стиха XI сонета Гарсиласо де ла Веги. У Флориана герой произносит «эти стихи» (*ces vers*) — четверостишие, содержание которого сводится к обращению героя к «дорогим и сладким» залогам своей «прекрасной и чистой» любви с вопрошанием: «Pourquoi rallumez-vous mes feux, / Et déchirez-vous ma blessure?». У Жуковского основным оказывается романтический мотив воспоминания о любви и счастье, оппозиция прошлого и настоящего, сопровождаемые мотивом слез. Автограф стихотворения до нас не дошел.

⁴⁹ *...в лосинном камзоле...* — Длинный жилет, куртка, надеваемая под верхнюю одежду, из лосиной кожи (в виде замши).

⁵⁰ *...в простом крагене...* — Краган — накидной на голову воротник.

⁵¹ *...чтобы отдавать каждому принадлежащее каждому...* — У Сервантеса речь идет о «законах распределяющего и возмещающего правосудия», т. е. о двух видах правосудия: первое регламентировало распределение благ и наказаний согласно поступкам каждого лица, второе устанавливало систему замен одних наказаний другими или одних благ другими, эквивалентными.

⁵² *...все телесные и моральные добродетели...* — У Сервантеса речь идет о «богословских и кардинальных добродетелях». К первым относились вера, надежда, любовь-

милосердие, ко вторым — благоразумие, справедливость мужество, т. е. основные, из которых вытекают остальные.

⁵³ *Богатство, слава, честь безумцам драгоценны!... Любовь, сердечный мир и безмятежный кров!* — У Сервантеса дон Лоренсо декламирует «заданные стихи» и свою «гlossу» на них, последовательно раскрывающую содержание стихов заданного четверостишия («Если б “было” стало “есть”, / Не менясь никогда, / Иль свершилось навсегда / То, что смерть должна принести»). Приведя «заданные стихи» (1-я строфа), Флориан тоже создает стихотворение в форме гlossы, последовательно заканчивая каждую последующую строфу стихом из заданного четверостишия и выделяя его графически. Однако содержание гlossы у Флориана практически никак не перекликается с сервантесовской. Она выстроена на оппозиции преходящих ценностей, к каковым отнесены величие и богатство (*Grandeurs, trésors que l'on envie*), и вечных (*La vertu, l'amour, et la paix* — добродетель, любовь, мир). Жуковский повторяет в своем переводе форму флориановского стихотворения. В содержании же сделаны дополнительные акценты. Так, в систему преходящего включены «богатства, слава, честь (в смысле почести. — *Ред.*)», этому противопоставлены «любовь, сердечный мир и безмятежный кров», центральные понятия философии и творчества Жуковского. В стихотворение вводится и еще одно понятие — очень важное для раскрытия концепции образа Дон Кишота, как его понимал русский переводчик, — понятие безумца, ценящего сиюминутные удовольствия и видящего в них счастье. До нас дошел автограф — набело переписанные первые три строфы и с исправлениями — последние две. Автограф размещен в подборке «Том IV», пронумерован слева сверху, карандашом, цифрой «10». Приведем строфы 4, 5 с поправками: «Делить с тобой жизнь, (Темира) Эльвира, друг бесценный; / Судьбу и радости в глазах твоих читать, — / Быв счастливым вчера, на утро счастья ждать, — / “Вот все сокровища душе моей священной!” / Как (светлый) чистый ручеек (бежит среди) сокрытый меж цветов, / Так жизнь моя (в кругу природы) пускай безвестно протекает! / (Тот знает счастье) Чего желать тому, кто вами обладает». 5-я строфа, как видно, здесь не закончена, но существует еще один, законченный вариант строфы 5 — он зачеркнут: «Со мною всё моё: (Темира) Эльвира и любовь! / Могу ль желать еще, могу ли чем (пеняться) пленяться? / Тот счастлив, для кого навек соединятся / Любовь, сердечный мир и безмятежный кров!».

⁵⁴ ...осмотреть славную *Монтесинскую пещеру*, из которой вытекает семь источников *Рюйдеры*. — Речь идет о пещере Монтесиноса, названной так по имени одного из популярных персонажей романсов, расположенной в районе горного массива в окрестностях г. Алькасар в Ламанче, неподалеку от развалин мусульманской крепости, которые местные жители отождествляли с замком Рокафрида красавицы Росафлориды, жены Монтесиноса. Там же находится и цепь горных озер — «лагуны Руйдеры», в одном из которых берет начало река Верхняя Гвадиана.

В главе размещена копия гравюры Гоше с иллюстрации Лебарбье.

Глава XVII

⁵⁵ ...*Гамахом*... — У Сервантеса: Камачо.

⁵⁶ ...*Базилем*... — У Сервантеса: Базилио.

⁵⁷ ...*такой узел, который, подобно Гордианскому*... — Имеется в виду гордиев узел.

⁵⁸...*лиценциата*... — Т. е. лиценциата.

⁵⁹...*также складно говорил, как какой-нибудь толедский выходец!* — Язык жителей Толедо считался образцом правильной речи.

⁶⁰...*пистолями*... — Пистоль (фр. *pistole*) — старинная испанская золотая монета, официально называвшаяся двойным эскудо, чеканилась с 1537 по 1847 г.

⁶¹...*пулярду*... — Т. е. пулярду, или пулярдку, или пулярку (от фр. *poularde*) — жирную, откормленную кастрированную курицу. Термин употреблялся в Западной Европе и в русской дореволюционной кулинарии. Пулярки быстрее варятся, чем обычные куры, более мясисты, они всегда стоили и стоят дороже обычных кур.

Глава XIX

⁶² *Корольковое ожерелье* — Имеется в виду коралловое ожерелье, от слова «королек/коралек» — коралловый шарик.

В главе размещена копия гравюры Хальбу с иллюстрации Лебарбье.

Том пятый

Глава XX

¹ *Монтесиносская пещера* — Монтесинос — герой каролингских романсов, не имеющий прообраза во французской эпике. Согласно преданию, отец Монтесиноса, граф Гримальтос, был оклеветан предателем Томильясом и отправился вместе с женой в изгнание, где у него в пустынной местности, в горах (Монтесинос — производное от *monte* — гора) рождается сын. Когда Монтесинос становится взрослым, он приезжает в Париж и убивает Томильяса. См. также прим. 54 к гл. XVI, т. IV.

² *«Превращения», забавное подражание Овидиевым...* — В подлиннике: «Метаморфозы, или Испанский Овидий», название, придуманное Сервантесом в подражание «Метаморфозам» римского поэта Овидия.

³ *«О начале всех вещей»* — В подлиннике: «Дополнение к Вергилию Полидору», т. е. «Дополнение» к трактату итальянского историка Вергилия Полидора (ок. 1470 — ок. 1550) «Об изобретателях».

⁴...*сто сажень*... — В подлиннике: сто брасов. Испанскую меру длины — брас (1,57 м) Жуковский заменил на «сажень».

⁵...*о несчастный Монтесинос! О Дюрандар! О Белерма!* — Герои старинных испанских романсов. Дюрандарт сражался в Ронсельванском ущелье и умер на руках у Монтесиноса. Белерма — его возлюбленная.

⁶ *О, унылый Гвадианна! О, вы, печальные дочери Рюйдеры, коих слезы, изобильно текущие, источник составляют!* — С рекой Гвадианой и ее притоками, так называемыми лагунами Руидеры, связана народная легенда, которую Сервантес положил в основу рассказа Дон Кихота о пещере Монтесиноса.

Глава XXI

⁷...*скуфьею на голове*... — Скуфья — комнатная шапочка.

⁸...*французский чернокнижник Мерлин...* — Волшебник Мерлин — персонаж кельтской мифологии, а затем рыцарских романов о короле Артуре.

⁹...*флер висел на главе ее...* — Флер — прозрачная редкая ткань.

¹⁰...*брови густые, в два пальца шириною, совершенно сросшиеся, расплющенный нос, большой рот, зубы, довольно редкие и кривые, но превосходящие близкою очищенный миндаль...* — Портрет Белермы создан Дон Кихотом под влиянием развлекательного трактата Херонимо Кортеса «Книга о природной физиогномистике и разные секреты природы» (1598). В частности, в трактате говорилось, что «сросшиеся брови» — признак коварства и т. д.

Глава XXII

¹¹... *у одного из выборовных...* — У Сервантеса речь идет о рехидоре, члене городской или сельской управы.

¹²...*освобождение прекрасной Мелисандры из неволи неверных дон Гайфером...* — Имеются в виду Мелисендра и Гайферос, герои ромansa из псевдокаролинского цикла, вошедшего в «Песенник из романсов» («Cancionero de romances»), собранный и изданный в 1584 г. Лоренсо де Сепульведой. Гайферос, якобы племянник и один из пэров Карла Великого, женится на его дочери Мелисендре, но в свадебную ночь ее похищают мавры, и она семь лет проводит в плену у короля Марсилия, пока Гайферос бесечно живет в Париже. Тогда Карл призывает его отправиться в Испанию и освободить супругу, а Роланд предоставляет свое вооружение и коня. Гайферос приезжает в Сарагосу, где видит Мелисендру в дворцовом окне. Супругам удается бежать. Преследуемый маврами, Гайферос вступает с ними в бой, одерживает победу и благополучно возвращается вместе с Мелисендрой на родину.

¹³...*намычку льну...* — Намычка — от «намыкать» (начесать, наделать куделей — несколько пучков вычесанного и перевязанного льна).

¹⁴...*на великаншу Андадону...* — Имеется в виду великанша Андандона — персонаж из «Амадиса Галльского».

В главе размещена копия гравюры Дамбрюна с иллюстрации Лебарбье.

Глава XXIII

¹⁵...*извлеченная из французских хроников и гишпанских романсов...* — См. прим. 12 к гл. XXII, т. V.

¹⁶...*дворца Сарагосского...* — Находящийся в старой части Сарагосы дворец в мавританском стиле служил резиденцией как мусульманских, так и христианских властителей Арагона.

¹⁷...*стихи из романа...* — Т. е. из ромansa.

¹⁸*Зацетилаь фалбарю* — Фалбара — оборка по подолу платья.

¹⁹*Реал* — название испанской серебряной, а впоследствии медной монеты, а также денежно-счетной единицы.

²⁰*Мараведис* — См. прим. 40 к гл. XXIII, т. 2.

Глава XXV

²¹...*бьют нас палками и рычагами!* — Рычаг — здесь: жердь.

Глава XXVI

²² *Очарованная ладья* — Содержание главы не только воспроизводит сюжетное клише рыцарской эпикки, но и непосредственно пародирует эпизод из романа «Пальмерин Английский» (кн. I, гл. LIV).

²³ *...лучших алозей...* — Алоза — крупная каспийско-черноморская сельдь.

²⁴ *...чрез вечные снега Рифейские...* — Имеются в виду Рифейские горы, которые помещались античными космографами в северной Скифии. «...Эта часть мира, — писал Плиний Старший, — обездолена самой природой, погружена в густую мглу, и там нет ничего, кроме стужи и простора для ледяного Аквилона».

²⁵ *...Клеопатра, плывущая на Кидне...* — Клеопатра плыла по реке Кидна на корабле с золоченой кормой, с раздуваемыми ветром пурпурными парусами, а гребцы мерно опускали и поднимали серебряные весла под нежную музыку флейт, свирелей и лютней.

В главе размещена копия гравюры Хальбу с иллюстрации Лебарбье.

Глава XXVIII

²⁶ *Гонзалец* — У Сервантеса: Гонсалес.

²⁷ *...донна Родрига Гримальва!* — У Сервантеса — донья Родригес де Грихальба, «донья» в значении «дуэнья-служанка».

²⁸ *...верблюжьего колета...* — Колет — плотно скроенная куртка с короткими полами, одежда некоторых конных полков.

²⁹ *...на донне Минцие де Кинолес, дочери дон Алонза де Маранно, кавалера Св. Иакова...* — У Сервантеса: на донье Менсии де Киньонес, которая была дочерью дон Алоиса де Мараньон, рыцаря ордена Сант-Яго.

³⁰ *Томазалло, сын Балвастра* — У Сервантеса: Томасильо, сын Бальбастро.

Глава XXXI

³¹ *...Фавила в лес ходить любил! За то медведем съеден был!* — Фавила (исп. *Favila*) (ок. 715—739) — король Астурии, правивший в 737—739 гг. Правил Фавила всего два года и погиб, согласно хроникам, охотясь на медведей.

³² *...мудрый Лиргаид.* — Персонаж романа «Рыцарь Феба».

³³ *...могущий Алкуиф...* — У Сервантеса — мудрец Алькифе, исцеливший от незаживающего ожога в форме меча Амадиса Греческого.

³⁴ *...очарователь Аркалай...* — У Сервантеса — волшебник Аркалаус, персонаж романа «Амадис Галльский», главный враг Амадиса.

Глава XXXII

³⁵ *Великий Дон Кишот! Мерлин перед тобой!... Явится пред тобой!* — «Монолог Мерлина» у Флориана значительно сокращен (до 13 стихов). Сохранив объем французского текста, Жуковский изменил его композиционные пропорции, переиная акцент с первой части стихотворения, описывающего могущество Мерлина, на вторую, передающую способ расколдовать Дульсинею. Изменено и количество

ударов плетью, которыми Санко, нанеся их сам себе, может спасти возлюбленную Дон Кишота. У Сервантеса и Флориана их 3300, у Жуковского 3500. Кроме того, в русском переводе Мерлин непосредственно обращается к Дон Кишоту, называя его «великим». До нас дошли автографы этого стихотворения. На л. 10 об. — черновой перечеркнутый автограф, без названия. Помещен в подборке «Т. V» под цифрой «11», написанной сверху слева карандашом. Приведем этот вариант:

⟨Герой, ⟨ты зришь во мне почившего⟩ Мерлин перед тобою.
 ⟨Из царства⟩ ⟨В мир судьбою⟩
 ⟨Волшебников, духов безропотных⟩
 Он послан вечною судьбою.
 ⟨У черных берегов забвенья⟩
 Тебя, героя, увенчать,
 ⟨Узнал я, что герой, которого рука⟩
 Твой дух упавший поддержать.
 ⟨Трепещет мир — воздвиг везде свои трофеи⟩
 Повсюду зрю твои трофеи,
 ⟨Что горестна судьба великой Дульциней⟩
 Но ты под лаврами уныл.
 ⟨Узнал и в мир пришел воздать герою честь
 И утешение в тоске)
 Ужасный жребий Дульциней
 Тебя герой обременил.
 ⟨Минута радости, о рыцарь, наступает⟩
 Но близко наслажденье
 ⟨Внимай, что вечная судьба NB⟩
 Внимай судьбы определенье
 Тебя узреть, тебя постичь,
 Тебя ⟨паденьем⟩ надежде возвратить.⟩

На этом же л. 10 об., ниже, есть еще один черновой вариант:

Герой, ⟨ты зришь во мне почившего⟩ Мерлин перед тобой.
 Да, сильной Санкиной рукой
 Его широкая задница
 Ременной плетью — не простой —
 Без сожаленья испестрится! _____ 4
 Когда три тысячи пять сот
 Ударов Санко оточтет,
 Тогда принцесса Дульцинея
 Свой ⟨прежний⟩ милый образ возвратит,
 И новы прелести имяя,
 Герою сердце подарит!

На правом поле напротив последнего стиха приведенной выше редакции перевода написано: «Поправить первую строфу». На л. 13 об. находим еще один черновой автограф этого стихотворения, с заглавием «Великий Дон Кишот», пронумерованный цифрой «11»:

Герой, ты зришь во мне Мерлина
Герой, Мерлин перед тобой
 ⟨О славный⟩ Великий Дон Кишот, ⟨очарованьем⟩
 ⟨узнай во мне Мерлина⟩
⟨Любезная твоя⟩ ⟨стоит перед тобой⟩
⟨Из области духов ниспосланный судьбою⟩
⟨Судьба⟩ Судьбою ⟨несчастливым⟩ роком Дульциней
Весь Тартар возмущен; ⟨волшебники и феи⟩
⟨Волшебники в слезах. Надели траур феи.⟩
Все силы высшие, волшебники и феи
⟨Об ней терзаются⟩ По ней терзаются тоской,
Совет их наконец изрек определенье!
⟨Так должно⟩
⟨Коль хочешь прекратить, возможно (то можно) ⟨Есть средство,
Которым прекратить несчастной превращенье⟩
⟨Пусть Санхо смелою рукой⟩
⟨Коль смело друг ⟨ревностный⟩ ⟨оруженосец⟩
⟨Ременной крепкою уздой⟩
По заднице своей обширной, обнаженной
 Три тысячи пять сот
 Ударов сильных оточтет,
И в прежней юности, в красе возобновленной
⟨Твоя владычица явится пред тобой⟩
Внимай и принеси богам благодаренье.
Пусть Санхо длинную ременную плеть возьмет,
 И задницы своей обширной не жалея,
 По ней три тысячи пять сот
 Ударов оточтет;
Тогда великая принцесса Дульцинея,
 Приняв свой прежний вид,
 ⟨Свой образ возвратит⟩
 И с прежней красотой
 Явится.

Наконец на л. 14 записан еще один черновой вариант стихотворения и отдельных стихов — все перечеркнуто:

⟨Да Санхо сильною рукою
Ременной плетью непростою
По толстой заднице своей
Напишет⟩
⟨Герой! Мерлин перед тобою!
Из области теней он послан в мир судьбою
⟨Чтобы унылый дух⟩ ⟨За тем, чтобы твой дух унылый оживить⟩
Тебя в печали подкрепить
И прежний вид твоей принцессы возвратить!
Минута счастья, о рыцарь, наступает!
Внимай, что вечная судьба повелевает:
 Да Санхо сильною рукой

Ременной плетью (не простой) иль уздой
 (На толстой) Широкой заднице своей (беспрекословно) без
 принужденья
 Три тысячи пять сот
 Ударов нанесет
 (Вот что) (Или вовек не быть принцессе)
 (Коль Санхо задницей пожертвует своей
 И плетью испестрить ее не пожалест)
 (Когда по заднице своей три тысячи пять сот
 Ударов, плетью нанесенных,
 Великой Санхо оточтет,
 Тогда смягчится гнев духов ожесточенных).

Глава XXXIII

³⁶ ...*надобно тебе купить карету*. — Со второй половины XVI в. езда в карете, бывшая привилегией знатных дам, превратилась в средство самоутверждения всех состоятельных горожан. Отсюда многочисленные сатирические произведения, где высмеиваются развезжающие в каретах «выскочки».

³⁷ *20 июля 1614 года* — Не исключено, что эта дата соответствует времени создания Сервантесом главы.

³⁸ ...*Трифальдина белобородого, посланника и конюшего графини Трифальди, по прозванию Долориды...* — Имя «Трифальди» (исп. *Trifaldi* букв. «три шлейфа») содержит намек на популярного персонажа итальянской ренессансной эпики (а затем и театра) Труфальдина (*Truffaldin* — от *truffar* «обманывать, проказничать»), появляющегося в поэме М. Боярдо «Влюбленный Роланд». Трифальди с Труфальдино связывает и имя конюшего (у Сервантеса — оруженосца) Трифальдина, в имени которого имена герцогини (у Сервантеса — графини) и итальянского проказника перекликаются. Долорида — исп. *Dolorida* — Скорбящая.

В главе размещена копия гравюры Дамбрюна с иллюстрации Лебарбье.

Глава XXXIV

³⁹ ...*на три конца разделенный...* — Обыгрывается имя героини: Трифальди — исп. *Trifaldi* — «три шлейфа».

⁴⁰ ...*Кандайское королевство...* — Вымышленное, возможно, по аналогии с островом Гандай в «Амадисе Греческом», географическое название. С ним, как и во всех рыцарских романах, соседствуют реальные названия: Трапобана — Цейлон, мыс Каморин — южная оконечность Индостана. Гротескные имена персонажей повествования либо скалькированы с географических наименований (Магонса — у Сервантеса: Мангусия — испанское название Майнца, Архипиела — у Сервантеса: Арчипьела — Архипелаг), либо воспроизводят названия риторических фигур (Антономазия) и частей музыкальных инструментов (дон Клавио — у Сервантеса: Клавио, от исп. *la clavija* «колок»).

⁴¹ *Что делать, сердце, мне с тобою?... Любовь сама предатель свой!* — У Сервантеса здесь приводится сначала четверостишие итальянского поэта Серафино Аквелано (1466—1500), чуть ниже искаженное четверостишие валенсианского поэта

XV в. Эскрива. Далее сообщается, что героине «сладким голосом» были пропеты «еще другие стишки и куплеты в том же роде», но они в текст романа не введены. У Флориана приведено стихотворение «L'avare cache sa richesse...», беловой автограф довольно точного перевода которого, с небольшим количеством исправлений, имеется в архиве Жуковского («Скупой сокровища скрывает...», тетрадь № 12, л. 10 об. — 11), но в русский перевод «Дон Кишот» оно не вошло, а введено стихотворение «Что делать, сердце, мне с тобою?..», автограф которого находим в той же тетради (л. 14 об.). Автограф стихотворения «Скупой сокровища скрывает...» находится в подборке «Г.(ом) V», но оно не пронумеровано, как все остальные. Напротив последнего стиха на правом поле записано: «поправить иное». Приведем данный автограф:

Скупой сокровища скрывает,
Надменный — гордя мечты,
Мудрец, питомец простоты,
Безвестно век свой провождает.
(Амур) Любовь лишь тайны их хранит!)
Амур — ребенок, он шумит!

=

Не смея ввериться надежде,
Хочу Темиры убежать.
Бегу, но — как растолковать! —
Еще я ближе к ней, чем прежде!
Амур всегда мне изменит!
Амур — ребенок, он шумит!

=

Случайно ль, скажут, предо мною
Любезной имя — я вскричу,
И вдруг смешаюсь, замолчу,
И всё молчанием открою!
Амур всегда мне изменит!
Амур — ребенок, он шумит!

Решусь ли — ободрившись — с нею
При людях я поговорить —
Язык откажется служить,
Глаза потуплю, (Запнусь, смешаюсь) покраснею!
Амур всегда мне изменит!
Амур — ребенок, он шумит!

Что ж делать мне? — Увы! Не знаю! —
Свободен иль смущен мой вид,
Молчу иль нет — всё говорит,
Что я Темиру обожаю!
Амур всегда мне изменит!
Амур — ребенок, он шумит!

Черновой автограф стихотворения «Что делать, сердце, мне с тобою?..» пронумерован слева сверху цифрой «12» (в романе оно идет по счету 14-м, но нужно

помнить, что автографов первых двух стихотворений, как указывалось нами выше, в тетради со стихами для «Дон Кишота» нет). Приведем этот автограф:

Что делать, сердце, мне с тобою?
 (Как скрыть волнение свое?)
 Как тайну мне твою сокрыть?
 Куда бежать с моей тоскою?
 В моей ли власти не любить?
 (Хочу, чтоб милая не знала)
 Могу ль надеждой не пленяться
 И душу радостей лишать?
 (У сердца радость всю отнять)
 (Хочу ль) Могу ль от милой (удалиться) отказаться?)
 (Хочу ли милой не видеть)
 (Любя, стараться не любить)
 Любя, любовь свою скрывать?
 (Увы! Когда в разлуке с нею)
 (В разлуке)
 (Она мне все)
 (Но ах, я должен) (судьба повелевает,
 Чтоб) (Как мне сокрыть её от света)
 Напрасно! Свет все тайны знает!
 А я притворству не учен!
 (Молчу) Таюсь иль нет, все уверяет,
 Что я Темирою пленен!
 (Хочу ли) (Решившись) Желая не встречаться с нею,
 Всегда навстречу к ней (иду) лечу,
 Скажу ей слово, покраснею,
 (Смешаюсь, мысли не найду)
 (Смешаюсь, не найду речей)
 Глаза потуплю, замолчу.
 (Таить) Скрывать любовь — одно (мученье) страданье,
 А пользы нет в том никакой!
 Во всем, во всем ее признание!
 Любовь сама предатель свой.

⁴² ...алгвазила... — Имеется в виду алгвасил — стражник, служитель порядка.

⁴³ Маламбрун — У Сервантеса: Маламбруно.

⁴⁴ ...на сифском языке... — Т. е. на сирийском языке.

Глава XXXV

⁴⁵ ...деревянный конь, тот славный конь, на котором Петр Прованский увозил прекрасную Магелонну. — См. прим. 81 к гл. XLIX т. 3.

⁴⁶ ...ни Баярдом... — Баярд — конь Рейнальда Монтальбанского.

⁴⁷ ...ни Златоуздом... — Имеется в виду Брильядор (*Brigliadore* — золотая узда, златоузд) — конь Роланда в итальянской и испанской традициях.

⁴⁸ ...ни Фронтинном... — Имеется в виду Фронтинно — конь Руджеро.

⁴⁹ ...ни Эусом... — Имеется в виду конь Солнца Эо.

⁵⁰ ...*ни Ксантом...* — Имеется в виду Ксанф (греч. ξανθός, «гнедой, рыжий, светло-золотистый») — один из коней в упряжке колесницы Ахилла.

⁵¹ ...*Скоролетом неподвижным...* — У Сервантеса — Клавиленьо Быстрокрылый. Имя Клавиленьо состоит из двух слов: *clavija* (колок) и *leño* (полено, бревно).

⁵² ...*окруженный фузеями...* — Фузея — мушкет, ружье; здесь, вероятно, — буквальный перевод фр. *la fusée* — ракета.

Глава XXXVII

⁵³ ...*Эмеранса...* — У Сервантеса: Эмеренсия.

⁵⁴ ...*этот опасный Эней, который так непреклонен, может не услышать ее: жалобы мои потеряются в пустоте воздушной.* — Намек на первые книги «Энеиды».

⁵⁵ *Запой нежным голосом Филомелы...* — Филомела, персонаж древнегреческой мифологии, дочь афинского царя Пандиана. Терей, муж сестры ее Прокны, обесчестил Филомелу и лишил ее языка. Обе сестры убили сына Терее — Итиса и были обращены богами — Филомела в ласточку, а Прокна в соловья. Мифологическое изображение сравнивает пение соловья с плачем матери по убитому сыну, а писк ласточки со звуками, издаваемыми немой Филомелой.

⁵⁶ *Лишь только роза расцвела... Твое осталось сожаленье!* — У Сервантеса Альтисидора исполняет «романс», являющийся пародией на этот жанр. В переводе Флориана стихотворение также названо романсом, и оно полностью соответствует этому определению: любовная тематика, возвышенный стиль, поэтическая образная система, использование рефрена, завершающего каждую строфу. Жуковский переводит флориановское жанровое определение — *cette romance* — как «песнь», из которой исчезает рефрен и которая, будучи короче французского подлинника на 4 стиха, увеличивается между тем на одну строфу (их в русском переводе 5 (по 4 стиха в каждой), у Флориана — 4 по 6 стихов, из которых 2 являются рефреном). Довольно значительно изменено русским переводчиком содержание и настроение стихотворения Флориана: устранен мотив устремленности лирической героини к смерти, настойчиво передаваемый с помощью рефрена («Ah! Gardez-vous de ma guérig; / J'aime mon mal, j'en veux mourir»), и в целом мотив смерти у Жуковского снят. Главными оказываются образ страдающей из-за любви лирической героини, оппозиция прошлого как идеального и настоящего как жестокой реальности. В центре стихотворения находится образ возлюбленного, рыцаря, передающий сентименталистско-предромантическое представление об идеальной личности (он — «лучший из людей»), в котором на первом плане — не «рыцарская сила», а «Прелестный, мужественный взор, / Ума, души образование, / Приятность». До нас дошло несколько автографов этого стихотворения. На л. 11 в подборке «Т.(ом) V» находим следующую черновую редакцию, пронумерованную сверху слева, карандашом, цифрой «13» и перечеркнутую:

2	1	
		(Заря взойдет — цветет (алеет) лилея,
		(Взойдет заря — цветет)
		(В весне моих цветущих лет) NB
		Наступит вечер — нет ее
		(Подобно розе распущенной, 6

Которой цвет, с зарей рожденный,
С зарей увянет, опадет)
Я жертвой страсти умираю;
Мой цвет увял — я исчезаю! —
2 Меня оставьте умирать,
1 Болезнь мила, хочу страдать!)

Сбоку записан еще один вариант первых 4-х стихов:

В моей тоске уединенной,
Среди весны цветущих лет,
Как (роза) утром лилия рождена
Теряет с утром жизнь и цвет.

На л. 11—11 об. — третья редакция стихотворения, также перечеркнутая:

(О дружба нежная, святая,
Твой пламень греет и не жжет;
Души и чувств не изнуряя,
Им силы новые дает!
(Но ах) Увы, я (тихой) дружбы не желаю,
Тоску всему предпочитаю!
2 Меня оставьте умирать,
1 Болезнь мила, хочу страдать!

—
А ты, герой непобедимый,
Гроза (порочных) пороков, мститель бед,
Твой страшный меч, несокрушимый,
Нигде преграды не найдет!
Но, ах, не рыцарская сила
Меня души моей лишила! 7
2 Меня оставьте умирать,
1 Болезнь мила, хочу страдать!

Могу ль умолкнуть и сокрыться
И втайне горьких слез не лить!
Могу ль с собою разлучиться
И пламень страсти погасить!
Надежда — сердцу подкрепление,
(А стоны) А вздохи — сердцу облегченье!
(Стенанья — сердцу облегченье,
Надежда — сердцу подкрепление)
Меня оставьте умирать,
Болезнь мила, хочу страдать!

Напротив последнего стиха этой редакции на правом поле написано: «Поправить всё». На л. 13 находится еще одна черновая редакция стихотворения:

⟨Лишь только жизнь я⟩
⟨Едва Лилея⟩ Лишь только роза расцвела,
Уже поблекла, опадает!
Лишь только жить я начала,
Уж горе дни мои сдает!
⟨Болезнь мила, хочу страдать,
Меня оставьте умирать.⟩
⟨Но я хочу, люблю страдать!
В тоске всесиле искать!⟩
⟨Но мне тоска моя мила⟩
⟨Меня оставьте унывать
Люблю тоску, хочу страдать⟩
Часы ⟨спокойствия⟩ отрадны прелестны
⟨Скажи, мой друг⟩
⟨О счастье прежнее, золотое⟩
Беспечность, ⟨мир души моей⟩ рай протекших дней
О дружба, ⟨сладкий⟩ мир души моей
Увы, ⟨мне уж⟩ уже мне боле неизвестны!

Далее последние 4 стиха переписаны набело, последний стих читается здесь так: «Уж мне вы больше ней известны». Ниже записаны варианты последних трех строф перевода, первый из них перечеркнут:

⟨Герой⟩ О ты, единственный герой!
Ужели рыцарская сила,
Ужели мощь руки твоей
Меня души моей лишила!
Ах нет, прелестный образ твой,
Орлиный ⟨быстрый⟩ взор непобедимый.⟩

Он здесь, сей витязь, сей герой!
Но, ах, не рыцарская сила
Могла разрушить мой покой.
Меня души моей лишила!
⟨Но вид⟩ Прелестный мужественный взор
⟨Увы, сей вид⟩ ⟨сей быстрый взор⟩
⟨Сие души очарованье⟩
Ума, души ⟨очарованье⟩ образование,
Приятность, ⟨тонкий⟩ нежный разговор;
Вот все его очарование!
Могу ль, олучший из людей,
⟨Могу ль ⟨молчать⟩ ⟨таиться⟩ скрываться пред тобою!⟩
Молчать, таить свои мученья?
⟨Ах, я живу в тоске моей⟩
⟨Увы, одной надеждой⟩ Увы, отрадою моей
Твое осталось сожаленье.

Том шестой

Глава XXXVIII

¹...Хризы и Делоса... — Хриз и Делос — острова в Эгейском море.

²...острова Баратафии... — Исп. *Barataria* образовано от «*barato*» — дешевый, дармовой. Не исключена и связь наименования острова Анчо с другими, более архаическими и редкими значениями этого слова: «обман», «мошенничество».

³...клясться на вашем судейском жезле... — Верхняя часть губернаторского жезла имела форму креста и служила во время суда как крест для принятия присяги.

⁴...что отдал этому человеку его десять ефимков. — Сюжет с должником, пытающимся дать ложную клятву, весьма популярен, встречается в житийном сборнике «Золотая легенда» Я. Де Ворагине (XIII в.), в «Книге примеров» К. С. Де Версиаль (начало XV в.).

⁵Вдруг вбегает в залу расплаканная женщина... — Эпизод восходит к одному из анекдотов, включенных в «Книгу о сословиях» Ф. де Осуна (1550).

В главе размещена копия гравюры Годефруа с иллюстрации Лебарбье.

Глава XXXIX

⁶Однажды Бог любви, с Кипридой разлученный... Когда её люблю, то Богом ранен я! — Романс Дон Кихота, построенный в романе Сервантеса на противопоставлении страсти и возвышенной любви, Флориан заменяет в своем переводе совершенно другим произведением, хотя и того же жанра. Его романс, во-первых, почти вдвое короче, во-вторых, он строится на оригинальной образной системе и сюжетной ситуации. Французский романс роднит с испанским только общая тема: оппозиция любви и страсти. Жуковский переводит стихотворение Флориана весьма точно, внося от себя лишь некоторые детали, напр.: во французском романсе ребенок крадет у заснувшего Амура лишь несколько стрел, у Жуковского «ребенок... колчан его украл», у Флориана лже-Амур окружает себя кокетками, которые и составляют его «двор», в русском переводе возмнивший себя Амуром «мыслит, что ему покорен целый свет». Изменены характеристики образа Амура, у Флориана он скромн, нежен и постоянен, он — бог («*discret, délicat et constant*», «*un dieu*»), у Жуковского — «Амур есть царь сердец; он их судьбой владеет! / Амур — бессмертный бог» и т. п. До нас дошел черновой вариант перевода Жуковского (л. 12), в составе подборки под заголовком «VI», пронумерованный слева сверху цифрой «14»:

Амур — крылатый бог, (с Кипридою в разлуке) с Кипридой разлученный,
Однажды в рощице под тенью отдыхал.

⟨Другой, дитя, ⟨шалун⟩ ⟨зашел туда ж⟩ ⟨от скуки⟩

Другой — дитя, туда ж ⟨в лесок⟩ случайно приведенный,

Увидел спящего и лук его украл! _____ 10

- 2 Добычею гордясь и богом слыть желая,
1 С тех пор везде себя Амуром он зовет;
Толпою ветреных кокеток управляя,
Он мыслит, что ему покорен целый свет!

⟨Но ах! ⟨С Амуром он ни в чем, ни в чем не сходен⟩
Он не Амур — Амуров подражатель!
Он ветрен, шаловлив и любит лишь себя;
Тот всемогущий бог, а этот — лишь дитя.⟩ _____ 11
⟨Амур есть царь сердец; он их судьбой владеет!
Тот — всемогущий бог, а этот — лишь дитя!⟩

Тот стрелы ⟨верною⟩ меткою рукою направляет
⟨И, сердце простреля, в нем вечный огонь родит⟩
⟨И сердце, пораза, навеки воспалит⟩
И сердце страсть не мучит, а живит;
А сей не целится и на ветер стреляет:
От легких ран его минута исцелит!

Я бога — богом чту, ребенка не страшуся:
Где бог меня хранит ⟨защитником⟩, там страшен ли дитя?
Амуру верным быть ⟨Темире⟩ Филлиде я клянуся!
⟨Когда любовь ее⟩ Когда ее люблю, то — богом ранен я! _____ 12

Глава XL

⁷*Omnis saturatio mala, perdix autem pessima.* — У Сервантеса: *Omnis saturatio mala, perdices autem pessima* — комически измененный афоризм *Omnis saturatio mala, panis autem pessima*. — «Всякое объядение вредно, но хлебом — в особенности», в котором слово *panis* (хлеб) заменено на *perdices* (куропатки). Гиппократ не имеет к этим советам никакого отношения.

⁸...*Педро Речио де Огуэро, уроженец Тиртео Фуэрской, произведенный в докторы университетом Оссонским!* — У Сервантеса «Педро Ресио де Агуэро, родившийся в Тиртеафуэре ... и удостоенный степени в Осуне». Фамилия врача составлена из двух слов: *recio* — «суровый», *agüero* — «примета». Тиртеафуэре — от исп. *Tirte afuers* — «убирайся!»

⁹...*Перлерину*... — От исп. *Perla* — «жемчужина».

¹⁰...*Андрея Перлерина*... — У Сервантеса: Андреа Перлерино.

Глава XLI

¹¹*Питонисса* — Буквальный перевод фр. *la Pythonisse* — «ворожея, предсказательница, прорицательница, гадалка».

¹²...*моя спальная очень похожа на ту спокойную пещеру, в которой Дидона и Эней укрывалась от бури.* — Пребывание Дон Кихота в герцогском замке пародирует пребывание Вергилиева Энея в Карфагене («Энеида», кн. 1—4).

¹³...*целует свою руку и подает дуэдне*... — Обычай, распространенный во времена Сервантеса.

¹⁴...*астурийской фамилии*... — Имеется в виду семья родом из Астурии (у Сервантеса уточнено: «родилась я в Астурии Овьедской», т. е. в Западной Астурии с центром в г. Овьедо).

¹⁵...*рубить платки и косынки*... — Т. е. загибать край ткани вдвое и пришивать.

Глава XLIII

¹⁶...*лобке, очень короткой спереди...* — У Сервантеса: «юбка... такая короткая..., будто ей ее обрезали по непоказанное место» — такого рода наказание применялось по отношению к женщинам легкого поведения.

¹⁷...*повесил ей на шею золотую цепь.* — У Сервантеса речь идет о нитке кораллов с золотыми шариками, которая оказалась не просто ожерельем, а четками, по крупным зернам, сделанным из золота, читали самые важные молитвы.

Глава XLIV

¹⁸...*Петра Волка...* — У Сервантеса: Педро де Лобо.

¹⁹*Мингвила* — У Сервантеса: Мингиля.

В главе размещена копия гравюры Годефруа с иллюстрации Лебарбье.

Глава XLVII

²⁰ *Прости, герой! Прости, любезный!... Увы, страданьям смерть конец!* — Как доказано исследователями, романс Альтисидоры является пародией на романс Л. де Веги «Опершись на стены башни...», сочиненный в 1588 г. и не раз публиковавшийся в различных сборниках романсов. Романсы Сервантеса и Л. де Веги объединены темой — отъезда неверного возлюбленного, уподобляемого «беглецу Энею», и построены как монолог героини, обращающейся к покидающему ее любовнику. Правда, в романсе Л. де Веги не упоминался Бирен — один из персонажей «Неистового Роланда» Ариосто. У Сервантеса Вергилий и Ариосто фигурируют друг подле друга. Сервантесовская пародия не содержит никаких выпадов в адрес Лопе. Просто автор «Дон Кихота» берет пользовавшийся всенародным успехом лирический романс и создает на его основе — по принципу комического контраста — гротескное произведение, переводящее высокую тему Вергилия — Ариосто — Лопе в подчеркнuto бытовой план. Флориан возвращает романсу его высокое звучание, интерпретируя тему разлуки с возлюбленным в поэтическом плане. Его стихотворение значительно короче романса Сервантеса, в нем 3 октавы. Жуковский сократил текст Флориана на 4 стиха, его перевод состоит из 5-ти строф по 4 стиха, кроме того, в нем усилены оппозиция прошлого и настоящего и трагизм интерпретации мотива утраты любви. Автографы этого стихотворения Жуковского до нас не дошли.

Глава XLVIII

²¹ *Камоэнс* — Великий португальский поэт Л. де Камоэнс (1525—1580), автор эпической поэмы «Лузиада», является автором многих стихотворений, в том числе — эклог.

²² *Актеон* — В греческой мифологии — прославленный охотник, сын Аристея и Автонои.

²³...*вторую часть вашей истории, изданную каким-то афрагонцем...* — См. прим. 1 к гл. «От сочинителя», т. 4.

²⁴...*Кларою Гутье*... — Мари Гутьеррес.

²⁵...*глупому историку*. — Роман Авельянеды выдан за сочинение, якобы принадлежащее историку Алисолану.

В главе размещена копия гравюры Куани с иллюстрации Лебарбье.

Глава XLIX

²⁶*Одна смерть есть мое утешение*... — У Сервантеса: «Я... рожден для того, чтобы жить умирая». Мотив жизни-смерти занимает важное место в испанской литературе второй половины XVI—XVII вв., в сочинениях теологов-мистиков, а позже в искусстве барокко в целом. Этот мотив, выражающий идею иллюзорности и быстротечности бытия, тесно связан в романе с мотивом разочарования и очень близок Жуковскому.

Глава L

²⁷*Рокк Гвинарь* — У Сервантеса Роке Гинарт, под этим принятым в Кастилии именем в романе изображен каталонский разбойник Пере Рока Гинарда (1582—?). Сын зажиточного крестьянина, он уже в 1602 г. возглавлял разбойников. Гинарда состоял в дружеских отношениях со многими из знатных барселонских горожан и даже с доверенными лицами инквизиции.

Глава LI

²⁸...*праздник Святого Иоанна*. — Имеется в виду праздник святого Иоанна Крестителя (24 июня). В этот день в Барселоне происходили пышные рыцарские турниры и потешные морские сражения.

²⁹...*бронзовый бюст, поставленный на высоком пьедестале*. — Далее следует эпизод, имеющий множество источников. К ним относятся античные легенды о статуях-оракулах, средневековые предания о папе Сильвестре II (999—1003), которого изображали чернокнижником, создавшим металлическую голову, где обитал дух, вещавший ложные пророчества; средневековое предание об Альберте Великом (XIV в.), заключившем якобы сделку с дьяволом и в течение тридцати лет, сообразуясь с расположением звезд, соорудившем металлическую голову-прорицательницу, каковую уничтожил его ученик Фома Аквинский. Возникшее на основе этих легенд предание о маркизе де Вильена (конец XV в.) — чернокнижнике и обладателе волшебной головы — лежит в основе пьесы Р. Де Аларкона «Саламанкская пещера» (1601—1614?) и интермедии самого Сервантеса того же названия. Не исключено, что Сервантес знал и рассказанную Д. Кардано (1501/6—1576) историю о том, как некий ученый из Болоньи, желая излечить одного своего друга от несчастной любви, соорудил голову, устройство которой почти совпадает с устройством в доме дона Антонио Морено; голова эта рассказала историю любви юноши и ее плачевный финал.

³⁰*Один польский очарователь, ученик славного Скота*... — Речь идет о Мигеле Эското (у Сервантеса — Эскотильо), предположительно он астролог и ученый (ум.

до 1232 г.), прошел курс наук в Париже, Оксфорде, Толедо, где изучил арабский язык и перевел с арабского на латынь некоторые из трудов Аристотеля.

Глава LI

³¹...прыгала не в каданс... — Т. е. не в такт.

Глава LII

³² *Здесь была Троя!* — воскликнул он. — Дон Кихот отождествляет себя с побежденным троянцем Энеем.

³³...*Николозы...* — У Сервантеса: Микулосо.

³⁴...*назовем пастухом Священко.* — У Сервантеса: пастухом Куриамбро, гротескное имя, образованное прибавлением к слову исп. *siga* (священник) слова *corambre* (винный бурдюк).

Глава LIV

³⁵ *Здесь погиб Самсон!* — См. прим. 7 к гл. XVIII, т. 2.

Глава LV

³⁶...*Антониу Киксану...* — У Сервантеса: Антония Кихано.

³⁷ *Здесь тот покоится, кто целый век скитался... Тогда б из мудрецов мудрейшим почитался!* — Эпитафия на смерть Дон Кихота, состоящая в подлиннике из 2-х строф по 5 стихов, подчеркивает устремленность героя к миру идеала, которую не сломала даже смерть, и еще раз заостряет проблему безумия Дон Кихота, обретшего славу мудреца только после смерти. Флориан сводит содержание эпитафии в 4 стиха, акцентируя идею гармонии личности Дон Кихота, сочетавшего в себе добродетель и смелость, и сожалея, что «прелестное» безумие Дон Кихота мешало окружающим увидеть в нем мудрого человека («Hélas! s'il n'eût été le plus charmant des fous, / On eût trouvé dans lui des humains le plus sage»). В переводе Жуковского одним из центральных оказывается мотив скитания Дон Кихота, его вечного поиска идеала при жизни, которому противопоставлен мотив вечного покоя после смерти. Два последние стиха эпитафии заостряют амбивалентность интерпретации мотива мудрости-безумия Дон Кихота и окружающего его мира. Сохранилось несколько автографов этого перевода Жуковского. На л. 14 в подборке «VI», пронумерованный цифрой «16» (слева сверху, карандашом), находится черновой автограф:

Прохожий, здесь лежит <безумец> и любезнейший герой!

<Душою, мужеством почтенный>

<Мужеством и нежною душой>

Когда б <любезнейшим почетным почтенным> безумцем <не был он> не считался,

<Когда б любезность он>

Тогда бы назван был великим мудрецом!

Ниже на этом же листе записан беловой вариант:

Здесь тот покоится, кто целый век скитался!
Герой, надежный друг и страждущий отец,
Когда б забавнейшим глупцом он не (считался) казался,
Тогда б сказали все: он истинный мудрец!

На л. 14 об. записана еще одна редакция ст. 1—2 и начала 3-го:

Здесь тот покоится, кто целый век скитался,
Был добрый человек и свято чтит закон,
Когда б любезнейшим

В главе размещена копия гравюры Куани с иллюстрации Лебарбье.

И. Айзикова

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), ф. 286 (В. А. Жуковский).

Печатные источники

АБТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911—1921. Вып. I—VI.

Айзикова — *Айзикова И. А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004.

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.

Бумаги Жуковского — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

Вацуро — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.

ВЕ — Вестник Европы.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.

Дневники — Дневники В. А. Жуковского / Примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

Ж. и русская культура — Жуковский и русская культура: Сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1987.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг — *Зонтаг А. П.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского // Русская мысль. 1883. № 2. С. 266—285.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.

МТ — Московский Телеграф.

ОЗ — Отечественные записки.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПМиЖ — Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979—1997. Вып. 6—19.

- ПСС** — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.
- ПССиП** — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянских культур, 1999—2012. Т. 1—8, 12—14.
- РА** — Русский архив.
- Резанов** — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб./ Пг., 1906—1916. Вып. 1—2.
- РЛ** — Русская литература.
- С 2** — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1818. Ч. 4: Опыты в прозе. М., 1818.
- С 3** — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.
- С 4** — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.
- С 5** — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I—XI. СПб., 1849. Т. X—XIII. СПб., 1857.
- С 6** — Сочинения В. А. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1—6.
- С 7** — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.
- С 8** — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.
- С 10** — Сочинения в стихах и прозе В. А. Жуковского: В 1 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 10-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.
- Семенко** — *Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975.
- СС 1** — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступит. ст. И. М. Семенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.
- СС 2** — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вступит. ст. и коммент. И. М. Семенко. М., 1980.
- УЗ** — Утренняя заря.
- Ц.р.** — Цензурное разрешение.
- Эстетика и критика** — *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вступит. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985.
- Янушкевич** — *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.
- Eichstädt** — *Eichstädt H.* Žukovskij als Uebersetzer. München, 1970. (Forum slavicum. Bd. 29.)

СОДЕРЖАНИЕ

ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ. СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА

Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским

Предисловие	11	473
Жизнь и сочинения Серванта	13	474
Жизнь Серванта	15	474
Сочинения Серванта	21	478

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Том первый

От сочинителя	27	480
Глава I. Характер и упражнения славного Дон Кишота	30	481
Глава II. Первый выезд Дон Кишота	33	483
Глава III. Герой наш посвящен в рыцари	36	483
Глава IV. Приключения нашего рыцаря по выезде его из трактира	40	484
Глава V. Что последовало с героем после его несчастья	44	484
Глава VI. Священник и цирюльник в библиотеке нашего дворянина	47	485
Глава VII. Второй выезд Дон Кишота	50	487
Глава VIII. Страшное приключение с ветряными мельницами	53	487
Глава IX. Конец страшного поединка между бискайцем и Дон Кишотом	58	487
Глава X. Разговор Дон Кишота с оруженосцем	60	488
Глава XI. Дон Кишот у пастухов	62	489
Глава XII. История Марселлы	65	490
Глава XIII. Дон Кишот едет на погребение Хризостомово	68	490
Глава XIV. Конец истории Марселлы	71	491
Глава XV. Печальное знакомство	75	493
Глава XVI. Приключение на постоялом дворе	78	493
Глава XVII. Продолжение подвигов рыцаря и оруженосца на постоялом дворе	82	

Том второй

Глава XVIII. Разговор наших героев и другие важные происшествия	89	494
Глава XIX. Странная встреча	93	495
Глава XX. Удивительное приключение	97	495
Глава XXI. Мамбринов шлем	103	496

Глава XXII. Рыцарь возвращает свободу некоторым людям, которых вели насильно в такое место, куда им идти не хотелось	109 496
Глава XXIII. Удивительные приключения в Сиерре Морене	114 496
Глава XXIV. Продолжение удивительных приключений в Сиерре Морене	119 497
Глава XXV. Подражание горному красавцу	123 497
Глава XXVI. Дон Кишот-пустынный	129 497
Глава XXVII. Важное происшествие	134 498
Глава XXVIII. Нечаянность	140 499
Глава XXIX. Конец Дон Кишотова искусства	145 499

Том третий

Глава XXX. История принцессы Микомиконы	153 499
Глава XXXI. Интересный разговор между рыцарем и оруженосцем	156 500
Глава XXXII. Приезжает в трактир	160 500
Глава XXXIII. Безумное любопытство. Новость	162 500
Глава XXXIV. Продолжение новости	166
Глава XXXV. Ужасное сражение. Победа	170 501
Глава XXXVI. Важные приключения в трактире	174 501
Глава XXXVII. Продолжение приключений знаменитой принцессы Микомиконы	178 501
Глава XXXVIII. Дон Кишот говорит речь	181 501
Глава XXXIX. История пленника	183 501
Глава XL. Продолжение истории пленника	185 502
Глава XLI. Конец истории пленника	188 502
Глава XLII. Еще встреча	195 503
Глава XLIII. Молодой погонщик мулов	198 503
Глава XLIV. Приключение за приключением	204
Глава XLV. Узнают, что такое Мамбринов шлем и конское седло, превратившееся в ослиное	208 504
Глава XLVI. Герой наш очарован	210 504
Глава XLVII. Та же материя	213 504
Глава XLVIII. Продолжение разговора между священником и монахом	217 505
Глава XLIX. Ученый разговор между Дон Кишотом и монахом	219 506
Глава L. Ужасное происшествие	221 506

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Том четвертый

От сочинителя	227 506
Глава I. Как священник и цирюльник обходились с Дон Кишотом	229 507
Глава II. Посещение Санки Пансы	232 507
Глава III. Разговор между бакалавром, Дон Кишотом и Санкою	234 507

Глава IV. Продолжение разговора	236 507
Глава V. Спор Санки с его женою	238 508
Глава VI. Тайный разговор между рыцарем и оруженосцем	241 508
Глава VII. Дон Кишот едет к принцессе Дульцинее	244 508
Глава VIII. Дульцинея очарована	247 508
Глава IX. Приключение с колесницею смерти	251 509
Глава X. Рыцарь Зеркала	254 509
Глава XI. Разговор между оруженосцами	258 510
Глава XII. Рыцари ссорятся и дерутся	261 510
Глава XIII. Кто таковы рыцарь Блестящих Зеркал и оруженосец его	267
Глава XIV. Встреча героя с ламанхским дворянином	268 510
Глава XV. Неоспоримое доказательство, что не было, нет и не будет рыцаря неустрашимее Дон Кишота	274 511
Глава XVI. Рыцарь в гостях у дон Диего и некоторые глупости	280 511
Глава XVII. История влюбленного пастуха	284 512
Глава XVIII. Гамахова свадьба	288
Глава XIX. Продолжение	292 513

Том пятый

Глава XX. Монтесиносская пещера	299 513
Глава XXI. Дон Кишот рассказывает о чудесах, виденных им в Монтесиносской пещере	303 513
Глава XXII. Подробности смешные, но весьма нужные	306 514
Глава XXIII. Освобождение Мелизандры	311 514
Глава XXIV. Конец истории об ослах	316
Глава XXV. Некоторые подробности	319 514
Глава XXVI. Очарованная ладья	321 515
Глава XXVII. Встреча	323
Глава XXVIII. Важные дела	326 515
Глава XXIX. Ответ Дон Кишота священнику и некоторые другие происшествия	331
Глава XXX. Разговор герцогини с Санкою	335
Глава XXXI. Важное происшествие в лесу	338 515
Глава XXXII. Предлагают средства уничтожить очарование Дульцинеи	342 515
Глава XXXIII. Письмо Санки к Терезе и другие приключения	345 518
Глава XXXIV. История Долориды	348 518
Глава XXXV. Долориды избавлена от бороды	352 520
Глава XXXVI. Совет Дон Кишота губернатору Санке	357
Глава XXXVII. Санко отправляется на свой остров. Чудное приключение с рыцарем	361 521

Том шестой

Глава XXXVIII. Санко — губернатор	367 524
Глава XXXIX. Беды за бедами	371 524
Глава XL. Губернаторство Санки Пансы	373 525
Глава XLI. Посещение	378 525
Глава XLII. Санко осматривает свои владения	382
Глава XLIII. Прибытие паж герцогини в дом Терезы Пансы	384 526
Глава XLIV. Возвращение паж	389 526
Глава XLV. Славный конец губернаторства Санки Пансы	391
Глава XLVI. Что приключилось Санке дорогою	395
Глава XLVII. Дон Кишот оставляет герцогский замок	398 526
Глава XLVIII. Приключение за приключением	400 526
Глава XLIX. Маленькая ссора	404 527
Глава L. Странная встреча	406 527
Глава LI. Принятие нашего героя в Барселлоне и очарованная голова	410 527
Глава LII. Самое неприятное для нашего рыцаря приключение	412 528
Глава LIII. Кто таков рыцарь Светлой луны. Отъезд Дон Кишота и его новые планы	415 528
Глава LIV. Как Санко уничтожил очарование Дульцинеи	418 528
Глава LV. Прибытие Дон Кишота в деревню. Его болезнь и смерть . .	420 528

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Багно В. Е.</i> Жуковский — переводчик «Дон Кихота»	429
<i>Айзикова И. А.</i> Стих и проза в переводе В. А. Жуковского «Дон Кишот Ламанхский»	449
Примечания	467
Условные сокращения	530

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В двадцати томах

Том 9
Дон Кишот Ламанхский

Корректор Г. Эрли
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 03.12.2012. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. п. л. 43, 21. Тираж 700. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ государственной регистрации 1037739118449.
Phone: **959-52-60** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

